

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXVII
(2)**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY XXVII (2)**

Proceedings of the 27th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

26–28 июня 2023 г. — June 26–28, 2023

 Институт
Лингвистических
Исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург
2023

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2023 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. — 637 с.

(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 27 (2), 2023).

Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (2) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. — 637 p.

(= Indo-European Linguistics and Classical Philology, vol. 27 (2), 2023).

Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60970, Выдано Роскомнадзором 05 марта 2015 г.

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologîâ

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp230690152702

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);

д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ),

Prof. Dr. V. Blažek (Вгмо), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),

д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),

д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),

к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)

д. филол. н. Н. П. Гринцер (РАНХиГС), Prof. Dr. H. Eichner (Wien),

к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),

к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),

Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),

д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),

д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН), к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp230690152702

© Коллектив авторов, 2023

© ИЛИ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕБЕДЕВ А. В. I. Greek philosophy as a reform and therapy of the ordinary language. II. Heraclitus' experiments with language, grammar and style.....	705
Ли Л. Китайский словарь рифм и русский орфоэпический словарь: возможности сопоставления.....	757
Любжин А. И., Беликов А. Е., Зайцев Д. В. Об одном месте у Энея Тактика (4.1–3).....	769
Лютикова Е. А., Сидельцев А. В. Экспоненты и синкретизм в системе хеттских аргументных клитик.....	777
МЕЖЕРИЦКАЯ С. И. К вопросу о вероятной датировке <i>Or. XLVIII</i> Диона Хрисостома.....	800
МИРОЛЮБОВ И. А. Константин Великий в трактате « <i>Historia Augusta</i> ».....	813
МИХАЙЛОВА Т. А. Древнеирландское <i>báeth</i> «безумец»: проблема семантической деривации.....	825
НАПОЛЬСКИХ В. В. Рус. <i>sórok</i> в индоевропейской перспективе.....	835
НАУМОВА Е. С. Мифопоэтика Гелиоса в трактате Филона Александрийского «О сотворении мира».....	847
НИКОЛАЕВ А. С. New Phrygian <ε>δικες, Greek θιγγάνω (with remarks on Miller's Law and the treatment of *d ^h s in PIE).....	858
ПАНТЕЛЕЕВ А. Д. Трасилл, философ и личный астролог Тиберия..	880
ПОДОСИНОВ А. В. Круглые карты мира в античной и средневековой геокартографии.....	894
ПОНАРЯДОВ В. В. Что такое κτήριος, или носили ли древнегреческие лошади намордники?.....	907
ПОПОВ М. Б. Ляпунов, Глускина и другие – кто же первым выдвинул гипотезу об отсутствии второй палатализации в древненовгородском диалекте?.....	913
ПРЕСНОВА Н. В. Названия глав государств в трагедиях Софокла (на материале латинских переводов « <i>Антигоны</i> » и « <i>Эдипа-Царя</i> », XVI в).....	936
ПРИХОДЬКО Е. В. «Суровые боги» становятся «Справедливыми богами», или об одном местном культе высокогорий Кибиратиды, Мириады и северной Ликии.....	946
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В. Надписи на иконах XIII–XIV вв. из собрания Государственного Русского музея (из материалов к каталогу).....	995
САФРОНОВ А. В. Еще раз о значении лексемы <i>KRN.T</i>	1006
СЕЛИВАНОВ И. С. Отношение к ношению оружия в храмах в эпоху Поздней Республики по материалам речей Цицерона.....	1025
СЕРГЕЕВ М. Л. «Алфавит 12 языков» (1538) Гийома Постеля: замысел, форма, идеи (предварительные наблюдения).....	1035

СКВОРЦОВ А. М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: институциональный аспект.....	1049
СОБОЛЕВ А. Н. Serbian North Metochian idiom of the village of Tuchep in the Atlas of the Balkan Linguistic Area.....	1067
СОЛОВЬЁВ Р. С. Толкование на пролог «Евангелия от Иоанна» Амелия Гентилиана: к вопросу об источниках докетических выражений.....	1092
СОЛОПОВ А. И., АНТОНЕЦ Е. В. Praeparatur ex eo charta diviso acu in praetenues ... philyras (Plin. n.h. XIII 74): к проблеме интерпретации.....	1115
СОЛОПОВА А. А. Художественные функции цвета в «Любовных элегиях» Овидия.....	1119
ТАУЛЛИ К. М. Un episodio del poema epico <i>Digenis Akritas</i> a Mariupol': tra oralità e scrittura.....	1133
ТОПОРОВА Т. В. Др.-исл. <i>ginnunga gap</i> 'зияний бездна' в «Старшей» и «Младшей Эдде».....	1147
ТРОИЦКИЙ П. А. Античная атлетическая терминология в трактате Галена <i>Thrasymbulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine</i> : на примере глаголов ὑμνάζω и ἄσκέω.....	1158
ТРОФИМОВ А. А. Некоторые проблемы соотношения ударения и аблаута в праиндоевропейском.....	1164
ФАЛИЛЕЕВ А. И. Вновь о кельтских географических названиях современной Словакии.....	1179
ФИЛИМОНОВ Е. Г., ФЕДОТОВ М. Л. Способы выражения детерми- нации в древнегреческом и латинском в сравнении с английским (на материале текста Евангелия от Марка).....	1194
ФИОНИН М. В. Еще раз о <i>ἄρδος πιστική</i> (Ин 12.3, Мк 14.3).....	1222
ФРАНГУЛЯН Л. Р. <i>Καταλέτασμα / катапетасма</i> : трансформация библейского образа «завесы» в коптской традиции.....	1231
ХОРЬКОВА И. В. Источники Арнобия в заключительных главах третьей книги (AN III. 38–42).....	1243
ЧЕРНЯК А. Б. Румынские этимологии. 4. Рум. <i>pîndă</i> 'до', 5. рум. <i>azi</i> 'сегодня'.....	1258
ШАРШУКОВА О. В. <i>Angustae res</i> в «Георгиках» Вергилия.....	1266
ШУМИЛИН М. В. Двойные оглавления в рукописной традиции Плиния Старшего: предварительная гипотеза.....	1279
ЯНЗИНА Э. В., КОРНЕЕВ О. В. Ἐν δὲ ὑβνὺ γυάμψεν — чье колено согнул Одиссей в Ном. II., XXIII, 731.....	1231
Список авторов.....	1332

CONTENTS

LEBEDEV A. V. I. Greek philosophy as a reform and therapy of the ordinary language. II. Heraclitus' experiments with language, grammar and style.....	705
LI L. Chinese rhyming dictionary and Russian orthoepic dictionary: possibilities of comparison.....	757
LYUBZHIN A. I., BELIKOV A. E., Zaytsev D. V. About a passage in Aeneas Tacticus (4.1–3).....	769
LYUTIKOVA E. A., SIDELTSEV A. V. Exponence and syncretism in Hittite argumental clitics.....	777
MEZHERITSKAYA S. I. Discussing the date of Dio Chrysostom's <i>Or. XLVIII</i>	800
MIROLYUBOV I. A. Constantine the Great in the <i>Historia Augusta</i>	813
MIKHAILOVA T. A. Old Irish báeth 'wild, stupid': problem of semantic derivation.....	825
NAPOLSKIKH V. V. Russian <i>сорок</i> 'forty' in Indo-European perspective.....	835
NAUMOVA E. S. The mythopoetics of Helios in Philo of Alexandria's treatise <i>On the Creation of the World</i> ...../.....	847
NIKOLAEV A. C. New Phrygian <ε>δικες, Greek θηγγάνω (with remarks on Miller's Law and the treatment of *d ^h s in PIE).....	858
PANTELEEV A. D. Thrasyllus, philosopher and personal astrologer of Tiberius.....	880
PODOSSINOV A. V. Round world maps in ancient and medieval geocartography.....	894
PONARYADOV V. V. What is κημός, or Did ancient Greek horses wear muzzles?.....	907
POPOV M. B. Lyapunov, Gluskina and others – who was the first to put forward the hypothesis about the absence of the second palatalization in Old Novgorod dialect?.....	913
PRESNOVA N. V. Ancient Greek terms of authority in Sophocles' tragedies (based on the 16th century Latin translations of <i>Antigone</i> and <i>Oedipus Tyrannus</i>).....	936
PRIKHODKO E. V. The «Severe gods» become the «Fair gods», or about one local cult of the highlands of Kibyrtis, Milyas and northern Lycia.....	946
ROZHDESTVENSKAIA T. VS. Inscriptions on icons of the 13 th -14 th centuries. from the collection of the State Russian Museum (from materials to the catalog).....	995
SAFRONOV A. V. The meaning of word <i>ῤῚΝ.Τ</i> again	1006
SELIVANOV I. S. Bearing arms in sacred spaces in the Late Republic according to Cicero's speeches.....	1025

SERGEEV M. L. <i>Alphabetum duodecim linguarum</i> (1538): some notes on the plan, form and linguistic ideas of Guillaume Postel's polyglot book.....	1035
SKVORTSOV A. M. Classical philology at the Institute of Comparative History of Literature and Languages of the West and East: an institutional perspective.....	1049
SOBOLEV A. N. Serbian North Metochian idiom of the village of Tuchepe in the Atlas of the Balkan Linguistic Area.....	1067
SOLOVIEV R. S. Amelius Gentilianus' interpretation of the Prologue of the Gospel of John: on the sources of the docetic terminology.....	1092
SOLOPOV A. I., ANTONETS E. V. <i>Praeparatur ex eo charta diviso acu in praetenues ... philyras</i> (Plin. <i>N.H.</i> XIII 74): a problem of interpretation.....	1115
SOLOPOVA A. A. Functions of colour terms in Ovid's <i>Amores</i>	1119
TAULLI C. M. An episode from Mariupol' of the Byzantine epic poem <i>Digenis Akritas</i> : between orality and writing.....	1133
TOPOROVA T. V. O.-Icel. <i>ginnunga gap</i> 'abyss of yawnings' in the Elder and Younger Edda.....	1147
TROITSKII P. A. Ancient athletic terms in Galen's treatise <i>Thrasymbulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine</i> : the verbs γυμνάζω and ἄσκέω as a case study.....	1158
TROFIMOV A. A. On the interrelation between stress and ablaut in Proto-Indo-European.....	1164
FALILEYEV A. Celtic geographical names of Modern Slovakia, revisited.....	1179
FILIMONOV E. G., FEDOTOV M. L. Means of expressing determination in Ancient Greek and Latin in comparison with English (in the text of the Gospel of Mark).....	1194
FIONIN M. V. Pistachio nard. To the interpretation of <i>νάρδος πιστική</i> (Jn 12.3, Mk 14.3).....	1222
FRANGULIAN L. R. <i>Καταπέτασμα/καταπετασμα</i> : the transformation of the biblical image of the "veil" in Coptic tradition.....	1231
KHOR'KOVA I. V. Arnobius' sources in the final chapters of the third book (<i>AN</i> III. 38–42).....	1243
CHERNYAK A. B. Rumanian etymologies. 4. Rum. <i>pînă</i> 'until', 5. Rum. <i>azi</i> 'today'.....	1258
SHARSHUKOVA O. V. <i>Angustae res</i> in Virgil's <i>Georgics</i>	1266
SHUMILIN M. V. Double indices in the manuscript tradition of Pliny the Elder: A preliminary hypothesis...../.....	1279
YANZINA E. V., KORNEEV O. V. <i>Ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν</i> — Whose knee has Odysseus bent (in Hom. <i>Il.</i> , XXIII, 731).....	1321
List of authors.....	1332

**I. GREEK PHILOSOPHY AS A REFORM AND THERAPY
OF THE ORDINARY LANGUAGE;
II. HERACLITUS' EXPERIMENTS WITH LANGUAGE,
GRAMMAR AND STYLE**

The first part of this investigation draws attention to one understudied, and yet philosophically important approach to language in Greek philosophy from archaic times to Aristotle: the reform of ordinary language, word-making and attempts to discover or to create an ideal language or a language “conforming to nature”. The following cases at point are discussed: the critique of the ordinary language as a product of doxastic imagination in Heraclitus and Parmenides associated with linguistic idealism and the theory of “linguistic error” of mortals in ancient times that resulted in the origin of polytheism and belief in the reality of the phenomenal world of many things misnamed by empty words. The elimination of the words for “birth and death”, “generation and destruction” as “deceptive” and their systematic replacement by new “correct” mechanistic terminology of “excretion from mixture, recombination and dissolution” of material particles in Ionian physics (Anaximander, Anaxagoras) and Empedocles. The theory of the “disease of language” as the root of mythology and anthropomorphic polytheism of poets in Sophists (Prodicus, the Derveni papyrus), Aristotle’s attempts to give names to “anonymous” moral qualities in *Nicomachean Ethics*. The idea of a “divine language” is to some extent anticipated in the Homeric *topos* of the “language of gods” which has Indo-European roots. A suggestion is made *en passant* that if the author of the “dream theory” in Plato’s *Theaetetus*, quoted by Wittgenstein in *Philosophical investigations*, I.46 as an ancient antecedent of his simple “objects” in the *Tractatus*, is Heraclitus rather than Antisthenes (as we argue on the ground of the new reconstruction of grammatical analogy in Heraclitus’ logos-fragments), then a historical link can be established between Wittgenstein’s linguistic idealism and Heraclitus’ analogies of “cosmic grammar” and “alphabet of nature”, although in Wittgenstein’s perception it was, of course, a theory of “Socrates” and Plato, not of Heraclitus. Part II is a case at point study of language and style in Heraclitus including following topics: oracular features, syntactic polysemy (hyperbaton), omission of the conjunction καί between opposites, omission of the verb ‘to be’ in the descriptions of phenomenal change, omission of article with words referring to ‘appearances’ (τὰ φανερά, τὰ δοκέοντα), replacing a standard singularis (ποταμός) with pluralis (ποταμοί), because what we see is a series of rivers

changing every moment, Fränkel's "proportion" as a means of approaching the unknown, forms of chiasmus, chiasitic (amoebean) structure of fragments as a *mimesis* of the natural cyclical processes (the 'road up and down').

Keywords: ancient philosophy, theories of language, origin of religion and mythology, Heraclitus, Parmenides, Anaximander, Anaxagoras, Empedocles, Democritus, Greek sophists, Prodicus, Plato, Aristotle, the Derveni papyrus.

А. В. Лебедев

Институт философии РАН, Москва, Россия. anlebedev@gmail.com

I. Греческая философия как реформа и терапия обыденного языка; II. Эксперименты Гераклита с языком, грамматикой и стилем

Первая часть этого исследования рассматривает малоизученный, но философски важный подход к языку в греческой философии от архаической эпохи до Аристотеля: реформа обыденного языка, словотворчество и попытки открыть или создать идеальный язык, "соответствующий природе". Обсуждаются следующие темы: критика обыденного языка как продукта 'доксического' воображения у Гераклита и Парменида, связанная с лингвистическим идеализмом и теорией "языковой ошибки" смертных в древности, приведшей к возникновению политеизма и веры в реальность феноменального мира, сконструированного из "пустых слов", обозначающих не сущности, а процессы. Исключение из языка слов "рождение и гибель" как "обманчивых", их систематическая замена новой "правильной" механистической терминологией "выделения, разделения, соединения, распада" материальных частиц в ионийской физике (Анаксимандр, Анаксагор) и Эмпедокла. Теория "болезни языка" как корня мифологии и антропоморфного политеизма поэтов у софистов (Продик из Кеоса, Дервенийский папирус) и у Демокрита. Попытки Аристотеля дать имена "безымянным" (ἄνόμοια) качествам характера в "Никомаховой этике". Идея "божественного языка" в какой-то степени предвосхищается в гомеровском топосе "языка богов", имеющего индоевропейские корни. Автора теории структурного изоморфизма языка и космоса, "услышанной во сне" Сократом в «Теэтете» Платона, предлагается отождествить не с Антисфеном, а с Гераклитом на основании нашей реконструкции грамматической (алфавитной) аналогии в гераклитовских фрагментах об "этом логосе". Витгенштейн в "Философских исследованиях", I.46 цитирует "приснившуюся теорию" Платона как предвосхищение его простых "объектов" в "Трактате". Таким образом можно установить историческую связь между лингвистическим идеализмом Витгенштейна и гераклитовскими аналогиями "космической грамматики" и "алфавита природы", хотя сам Витгенштейн считал эту аналогию теорией Сократа и Платона, а не Гераклита, имя которого у

Платона не упоминается. Часть II в качестве показательного примера реформы языка на практике в текстах Гераклита рассматривает следующие темы: оракульные черты, синтаксическая полисемия (гипербатон), пропуск союза καί между противоположностями, пропуск глагола “быть” (εἶναι) в описаниях феноменальных процессов, опущение артикля со словами, относящимися к “видимостям” (τὰ φανερά, τὰ δοκέοντα), так как артикль субстанциализирует события, замена стандартного единственного числа (ἑναίος) на множественное число (ἑναίοι), так как мы видим не одну, а ряд мелькающих рек, сменяющих друг друга каждое мгновение вследствие “притока” новой воды. “Пропорция Френкеля” как когнитивный прием аналогического познания неведомого. Хиазм, его типы и функция в синтаксисе Гераклита, хиастическая (амебейная) структура логоса (текста), как воспроизведение (мимесис) природных циклических процессов (“дорога туда-обратно”).

Ключевые слова: античная философия, теории языка, происхождение религии и мифологии, гипотеза лингвистической относительности, лингвистический идеализм, Гераклит, Парменид, Анаксимандр, Анаксагор, Эмпедокл, Демокрит, греческие софисты, Продик, Платон, Аристотель, Папирус из Дервени, Витгенштейн.

***

The interest of Greek philosophers to the phenomenon of language was multi-aspect¹. We can distinguish at least five main aspects. First, they were interested — and at a very early stage — in fundamental theoretical questions relating to the origin of the language and the related problem of the natural / conventional character of “names”, as well as to the field of “etymology.” Secondly, starting with the sophists, the grammatical and semantical aspects of the language. Thirdly, especially since the time of the Athenian schools of the 4th cent. BC., logical studies. Fourthly — also starting with the Sophists — aesthetic and poetic aspects, the study of the artistic and expressive means of language; Aristotle classed rhetoric and poetics as “technological” or productive knowledge, similar to medicine and shoemaking. And finally, fifth, we can single out another aspect, or rather, an approach to language, namely, a critical and reformative approach, something like

---

¹ Part (I) of this study is a revised and expanded version of an earlier version in Russian: Lebedev 2009. Part II relies on the chapter 3 of my introduction to the monograph ‘The logos of Heraclitus’ (Lebedev 2014: 43–58). The present study excludes a detailed discussion of Heraclitus’ metaphorical language, a special subject which I have treated with more detail in Lebedev 2014, 59–96; Lebedev 2017¹ and 2020².

linguistic therapy, the work of “correcting” the language and bringing it into conformity with reason and reality, as well as projects to create an ideal and perfect language.

Whereas the first four aspects are well known and are covered in the extensive scholarly and philosophical literature², the last aspect, to the best of our knowledge, has not attracted much attention and sometimes is simply ignored. This can be explained by the fact that the first four aspects were treated in ancient classical treatises on the philosophy of language (like Plato’s *Cratylus*), on grammar, logic, rhetoric, etc., whereas in the “reform of language” philosophers were often engaged *en passant* whenever it was necessary, therefore the relevant “reformative” passages and remarks come from a variety of contexts: metaphysical, logical, physical, ethical, etc. The purpose of this paper is to draw attention to this underestimated aspect and try to show that it is by no means marginal by its philosophical meaning and importance.

Generally speaking, any introduction of new scientific and philosophical terminology is, in a certain sense, a reform of ordinary language. Therefore, we can say that the Greek philosophy itself was such a reform-of-language activity. This is a subject without boundaries, but we are currently interested in the “language reform” in a narrower sense, namely as a declared task and a corresponding praxis of “correcting” the ordinary language.

We are talking about texts in which Greek philosophers deliberately act as reformers of ordinary language and do not just introduce lexical or semantical neologisms, but at the same time suggest to eliminate some common words and expressions from the language as “incorrect” or meaningless. In such contexts the philosopher feels himself like a new name-giver (*onomatopetes*) who brings order into a neglected and disorderly “language household”, who “cleans” it; or as a language therapist who cures the disease of the language and restores its natural norm.

It is the knowledge of the true nature (*φύσις*) of things (ignored by *hoi polloi*) that serves as the theoretical basis for the reform and at the same time justifies it. At the initial stage, in the late archaic

---

² For theories of the origin of language in connection with the history of civilization, see, e. g., Levine Gera 2003; Verlinsky 2006; Lebedev 2019. On the philosophy of language in general and epistemological problems: Schofield, Nussbaum 1982; Robb 1983; Joly 1986; Kraus 1987; Denyer 1991; Everson 1994; Havelock; Modrak 2006; de Jonge C. and van Ophuijsen J.M. 2010; Long 2011; Kotzia and Chriti 2014;

period (i. e., before 480 BC), the critique of the ordinary language is inextricably linked with the epistemological critique of the “doxastic” world (and polytheism) in which the unenlightened many (οἱ πολλοί) live. The teachers of the crowd, according to philosophers, were, of course, the poets who “tell a lot of lies” (πολλὰ ψεύδονται ἄοιδοί) and who, in particular, invented the non-existent anthropomorphic gods. Metaphysical monists like Heraclitus and Parmenides, who considered the phenomenal world of the plurality an illusion produced by the deceptive sense-perception, directly linked its “deceptiveness” to the deceptiveness of the multitude of “names” that fragment the ontological One and split it into a plurality of imaginary non-entities. In the poem of Parmenides we find the most radical version of this theory anticipating not so much the relatively mild hypothesis of “linguistic relativity” of Sapir and Whorf type, as an extreme and radical form of linguistic idealism.

Linguistic idealism is attributed to Wittgenstein particularly on the ground of his dictum “The limits of my language mean the limits of my world” (TLP 5.6) by G. E. M. Anscombe (1981) and Bloor (1997: 354–382) whom we follow; on the controversy around this thesis see Dilman (2002) 110 ff. Bernard Williams attributed to Wittgenstein a kind of Kantian transcendental idealism (Williams 1973), this thesis was accepted by many and contested by some (e.g., by Hutto 2003: 174 ff.). We find no contradiction between the approaches of Anscombe and Williams since the linguistic idealism is a form of transcendental idealism. In his *Philosophical investigations*, 46 Wittgenstein first quotes the passage from Plato’s *Theaetetus* 201d about the “dream theory” allegedly “heard” by Socrates in his dream which contains an analogy between the structure of language and the structure of reality: both are built from simple “letters” or elements (στοιχεῖα). After the quote Wittgenstein comments that both Russel’s “individuals” and his “objects” in the *Tractatus* “were such primary elements”. In our study of the alphabet analogy in Heraclitus’ logos-fragments³ we argue contra Myles Burnyeat and others that the author of the “dream theory” in *Theaetetus* is Heraclitus rather than Antisthenes. If this attribution is correct (as we believe it is, because such analogy is directly attested only in Heraclitus’ authentic fragments, but is only hypothesized for Antisthenes without supporting evidence), then Wittgenstein admits the similarity of the philosophy of *Tractatus* with Heraclitus’ theory of the cosmic logos which contains elements of linguistic idealism,

³ Lebedev 2017¹: 235 ff., on *Theaetetus* passage p. 242 ff.

although for Wittgenstein it was a theory of “Socrates” and Plato, and not of Heraclitus whose name is not mentioned in this Platonic passage.

The Sapir/Whorf hypothesis of linguistic relativity is akin with cultural relativism, it holds that the language we speak *affects* our perception of the world, the strong form of linguistic idealism amounts to the claim that language *determines and creates* our picture of the world. For the precise understanding of this theory in archaic monists one peculiar feature of the archaic Greek metaphysics must be taken into account: after Anaximander both Parmenides and Heraclitus recognize the polar structure of the sensible world, that is, multiplicity is reduced to duality, since all sensual qualities form pairs of opposites: the hot and the cold, the wet and the dry, light and darkness, etc. About the same time, the principle of reduction of plurality to duality is explicitly formulated by Alcmaeon of Croton: δύο τὰ πολλὰ τῶν ἀνθρωπίνων “most things of human experience are dual”⁴.

But unlike Anaximander and Alcmaeon, who considered the cosmic opposites to be real physical “forces” (*dynameis*), Parmenides and Heraclitus considered them a product of human perception, that is, a subjective “doxa”, and not an objective “truth” (*aletheia*). The apparent multiplicity (which can be reduced to polarity) of the world, according to the second part of the poem of Parmenides, is the result of a linguistic error committed in the past when names were attached to things. Mortals “distinguished” and called by separate names μορφάς... δύο “two forms” (Light and Night), “of which one should not have been named”.

Parmenid. B 8.53 Μορφὰς γὰρ κατέθεντο δύο γνώμας ὀνομάζειν· τῶν μίαν οὐ χρεῶν ἔστιν — ἐν ᾧ πεπλανημένοι εἰσὶν — τὰντία δ' ἐκρίναντο δέμας καὶ σήματ' ἔθεντο χωρὶς ἀπ' ἀλλήλων ...

“Erroneously” was named, and therefore taken for something real the “form” of Night, which is not a separate entity, but just a negative concept, i. e., the absence of Light. This error is the root not only of the false belief (*doxa*) in the multiplicity of the phenomenal world (and hence of the multiplicity of popular gods), but also of the erroneous notion that something can arise from nothing or be destroyed into nothing. Therefore, the words “birth” and “death” themselves are considered meaningless and subject to

---

⁴ 24 A 3 DK. For a new reading of 24 B 1 and neglected evidence on Alcmaeon's epistemological proem and his theory of opposites see Lebedev 2017³.

elimination as incorrect. The basis for the reform of ordinary language in Parmenides is the strictly conventionalist theory of the origin of “names”.

Parmenides B 8.36 DK ... οὐδὲν γὰρ <ἦ> ἔστιν ἢ ἔσται ἄλλο πάρεξ τοῦ ἔόντος, ἐπεὶ τό γε Μοῖρ’ ἐπέδησεν οὐλον ἀκίνητόν τ’ ἔμεναι· τῷ πάντ’ ὄνομα ἔσται, ὅσσα βροτοὶ κατέθεντο πεποιθότες εἶναι ἀληθῆ, γίγνεσθαί τε καὶ ὄλλυσθαι, εἶναι τε καὶ οὐχί, καὶ τόπον ἀλλάσσειν διὰ τε χροῖα φανὸν ἀμείβειν. “...for there is nothing and nothing will ever be except that which is, since Moira has bound it to be whole and immobile. Therefore, just an empty name will be all that mortals have set (in their language) being persuaded that it is real: “to be born and to perish”, “to be and not to be”, “to change place and the bright color”.

In our study of the imagery and metaphysical doctrine of Parmenides’ poem (Lebedev 2017²) we argued in detail that the opposition “light and night” in the second part of the poem (*Doxa*) is exactly parallel to the fundamental opposition being/non-being in the first part (*Aletheia*); from this it follows that “night” corresponds to “non-being”. Given the abundant evidence on the Pythagorean background of Parmenides and peculiarly Pythagorean tenets detectable in his poem we suggest that the opposition of “light and night” in Parmenides is based on the same symbolism as the opposition “light and darkness” in the Pythagorean Table of opposites where “night” is a symbol of corporeal substance, and “light” of the immortal psyche or mind⁵. Therefore, by saying that of the two opposites night “should not have been named” the goddess means that body does not exist, it only “becomes” (γίγνεται), but not “is” (ἔστι). Speaking in modern terms, this is a doctrine of monistic idealism or immaterialism which is also explicitly stated by Parmenides in fr. B3.

The Neoplatonic commentators of Aristotle’s *Organon* Ammonius, Simplicius and Philoponus explained the origin of phonetic

---

⁵ For this interpretation of the Table of opposites in Aristotle’s *Metaphysics* Alpha we argue in detail in Lebedev 2019 and Lebedev 2022¹ (the neglected evidence of the fifth century B.C. cleromantic and pythagorizing graffiti from Olbia Pontica). For the superiority of the longer version of Aristotle’s reference to Alcmaeon see Lebedev 2017³: Once we accept the authenticity of the longer version with the name of Pythagoras, it follows that Aristotle attributes the Table of opposites to the ‘earlier’ group of Pythagoreans (οἱ πρὸ τούτων), i. e., to sixth century Pythagoreans including Pythagoras himself.

human language with its diversity and conventional character as a result of the original ‘fall’ of the soul from the intelligible celestial paradise and from the divine ‘One’ into the sensible world of phenomenal plurality and diversity; after the incarnation in mortal body and the loss of ability to communicate by mental means through νοήματα (in Mentalese, so to speak) humans were forced by “need” (χρεία) to invent phonetic languages, which are all diverse and conventional. Maria Chriti 2019 aptly compares this doctrine with the biblical myth of the Tower of Babel. The roots of this Neoplatonic doctrine should be sought in Plato’s *Cratylus* and much earlier in the linguistic idealism of Parmenides and Heraclitus, whose even more ancient common source may be Pythagoras of Samos. A Pythagorean *akousma* of the archaic τί μάλιστα type says:

Τί σοφώτατον; ἀριθμός, δεύτερον δὲ ὁ τοῖς πράγμασι τὰ ὀνόματα θέμενος. “What is wisest? Number, and secondarily the one who attached names to the things”⁶. The juxtaposition of the highest and second degrees of wisdom is based on the typical for the archaic Greek philosophy opposition of the divine and human knowledge. Number is divine, language us human. The ‘secondary’ character of names refers not only to the secondary degree of language-based wisdom (as opposed to mathematics), but also has a temporal connotation. The knowledge of number and number-based divine *harmonia* is innate to the human psyche: as the ancient Pythagorean oath puts it, οὐ μὰ τὸν ἀμετέραι κεφαλῶι παραδόντα Τετρακτὺν, παγὰν ἀνάου φύσεως ῥίζωμά τ’ ἔχοισαν “nay, by him who gave to our head the Tetraktys, which contains the source and the root of the eternal nature”⁷. Human soul possessed this knowledge before the “fall into generation” in the celestial paradise called in Pythagorean mystical language Ἀλήθεια (Parmenides, Empedocles and Plato) when it was integral part of the divine One. The name-givers of the ancient times were forced by their corporeal state to invent an external medium of communication, ‘attaching’ or

⁶ Iambl. *V.P.* 82 = DK 58 C 4.

⁷ *Placit.* I,3,8 = DK 58 B 15. “He who gave” is the Pythagorean supreme god-demiourgos conceived as pure mind (νοῦς). Contrary to widespread mistaken opinion that demiourgos is Plato’s invention, the Pythagorean creator god is attested in Epicharmus (Lebedev 2017), Philolaus (DK A 17; B6). He is identical with cosmic Harmonia in Philolaus: it is the power that combines the opposites and constructs the cosmos. In Empedocles Harmonia is one of the names of Philotes (*aka* Aphrodite) who acts as a creator. In Parmenides B13 the physical cosmos is also created by Aphrodite.

‘setting’ names (ὀνόματα) to things. When the revealing goddess in Parmenides tells Kouros that ‘mortals’ in times immemorial committed a mistake by positing or ‘setting’ two different names for ‘light’ and ‘night’ instead of only one for ‘light’ (since ‘night’ is not a separate substance, but just absence of ‘light’), she most probably refers to mythical ‘name-givers’. We have argued elsewhere that the Apollonian image of divinized Kouros in Parmenides’ proem resembles *Apollo Hyperboreios*, the flying god, and according to the most probable reading of line 3, he actually is flown by goddess (ποτῆι φέρει) in a winged chariot from sublunary darkness of human world to the celestial gates (αιθέριαι πύλαι) of the temple of gods, the realm of Ἀλήθεια (this is the name of the revealing goddess and of the abode of the disembodied souls). The first-person language of the proem is explained by the fact that originally Parmenides’ poem, following the Pythagorean convention, was conceived, as a ‘sacred word of Pythagoras.’ The old legislator and medical doctor from Elea could hardly claim that he flew to heaven, was divinized and spoke with the gods. No one would believe him, but stories about Pythagoras’ wonders, including anabasis and katabasis were widespread, since he was venerated by his disciples as a superhuman being, namely as Apollo Hyperborean, flying on the miraculous arrow of Abaris. The story of Kouros’ travel is a reversed story of the ‘fall’ of human soul from “the meadow of Truth” (λειμὸν Ἀληθείης) to the “meadow of Doom” (λειμὸν Ἄτης), speaking in Empedocles’ terms. The epic word ποτή in line 3 means not just ‘flight’, but ‘taking off’, ‘flying up’, i. e., ‘ascension’ or anabasis.⁸ In the ‘fall’ from heaven to earth human soul forgets the divine ‘one’ and the ability of noetic communication with it, on earth she is in ‘need’ of imperfect conventional language of phonetic signs. Parmenides’ Kouros, on the contrary in his ascension from earth to heavens forgets the human language of conventional diversity and acquires the mantic capacity of perceiving directly by mind the ineffable divine reality, conceived as ‘invisible Sun of Justice’, the

⁸ In *Odyssey* 5.337 Leucothea transformed herself into a diving bird and ‘ascended from sea by flight’ (ποτῆι ἀνεδύσσατο λιμνης). Combination of ποτή and φέρεσθαι seems to be a set phrase in epic language, cf. Arat. 278. Unlike other proposed emendations, it is a very rare epic word, therefore its corruption is not surprising at all. On the relation between this line of Parmenides and the image of winged chariot on Plato’s *Phaedrus* 246a see Lebedev 2017²: 502; on the imagery of *theoria* as a trip to celestial temple-oracle see *ibid.*, 505 ff.

immutable sphere of eternal divine light. This Pythagorean conceptual metaphor is alluded to by Parmenides in B 8.14, it was known to Heraclitus as ‘the light that never sets’ (fr.152Leb/B16) and imitated by Plato in the Sun analogy of the *Republic* (507b–509c).

The situation is more complicated with the reconstruction of the theory of “names” in Heraclitus. In Plato’s *Cratylus* the Heraclitean Cratylus defends the thesis of “natural” character of names, and on this ground such theory has been often attributed to Heraclitus himself. But if we turn to the authentic fragments of Heraclitus himself, which deal with “name” and “names,” we find in them a different theory: practically all these fragments affirm that the “name” of a thing does not match its *ergon* that is, it’s real function: “The name of the bow is life, and its work (ἔργον δέ) is death” (28Leb/B48); the genital organ (αἰδοῖον) gives rise to a new life, but its name is derived from the name of the god of death (Aides) (148Leb/B15); people usually speak about “justice” (dike) in the court, so this word is actually connected with “injustice” (119Leb/B 23). The name of Zeus only partly corresponds to the essence of the supreme god and partly contradicts it (οὐκ ἐθέλει) (141Leb/B32), apparently because his “work” is not only to generate “life” (ζῆν ~ Ζηνός), but also to destroy since life and death form an inseparable unity, the genesis of one thing is always a death of another.

On the ground of these fragments, it can be concluded that according to Heraclitus, separate words (“names”) of the ordinary language are incorrect names, although they are established according to the same nomination principle, namely *a contrario*.

Finally, fragment 43Leb/B67 explicitly affirms the doxastic illusory nature of all individual cosmic phenomena that make up pairs of opposites: the “names” here correspond to deceptive “fragrances” (that is, subjective sensations) of incense, the real nature of which is one and the same, fire. Consequently, historical Heraclitus could never recognize the “naturalness” of the ordinary language and the correspondence of “names” to their real denotates, simply because, in his opinion, such denotates do not exist as separate entities.

Based on our reconstruction of the metaphorical model of the cosmic Logos conceived as a visible “Book of nature” composed in “alphabet of nature” (Lebedev 2014: 61 ff.; 2017¹), one can assume that Heraclitus did have a theory of “natural language” and of “natural names”, but he considered the names of ordinary language as only meaningless (lacking logos) ‘letters’ of the cosmic alphabet

which should be always ‘grasped together’ as ‘syllables’ “syllables” (συλλάψεις)⁹, which, in turn, should be all without exception integrated into one and the same (ὁ αὐτὸς ἀπάντων) ‘common logos’ (ξυνὸς λόγος) of the Universe, the *vox Naturae*, if you ‘listen to it’ with your ears (ἀκούω, ἐπαῖω), or ‘the book of Nature’ if you ‘read it’¹⁰ with your eyes which are ‘more trustworthy witnesses than ears’ (fr. 5Leb/B17).

This explains one enigmatic feature of Heraclitus’ style: in the authentic fragments the conjunction καί between opposites is regularly omitted, although in later paraphrases and imprecise quotations it was often “restored”. In these texts Heraclitus reforms the Greek language, eliminating the conjunction καί as a wrong *diairesis* and a kind of language disease of which the poets are guilty. Hesiod did not know that Day and Night are one and the same (14Leb/B57) because he committed the same mistake as the “mortals” of Parmenides in naming “light and night” separately: he mistook two syllables of a single natural name (or rather two letters of a natural syllable of common logos) for two different names of non-existing ‘things’. Thus, Heraclitus adhered to conventionalism with respect to ordinary names (in a complete agreement with Parmenides), and to the theory of “naturalness” with respect to integral, restored and reunited in one and the same word opposites. Parmenides (B6) protested against this in his attack on “two-headed” philosophers, i. e., Heraclitus, because for him it was a violation of the law of non-contradiction. It can also be assumed that Heraclitus collected examples of the nomination *a contrario* as archaic “survivals” confirming the initial unity of opposites in the primordial “natural language” subsequently distorted and spoiled by the poets. The Derveni author, i. e., Prodicus of Ceos, made a

⁹ In fr.106+108Leb/B10)

¹⁰ Ionian ἐγκυρέω semantically and by its usage corresponds to the Attic and koine ἐντυγχάνω in the phrase ἐντυγχάνω βιβλίωι ‘to read a book’, literally ‘to encounter’, or ‘to converse with’. Cf. LSJ, s.v. ἐντυγχάνω III. Οἱ ἐντυγχάνοντες ‘readers’. The standard later Greek verb for reading ἀναγιγνώσκω is never used in this sense in Heraclitus, Herodotus or early Ionian prose. A synonymous word for reading the book of nature in Heraclitus is γίνεσθαι κατὰ ‘to encounter’ in fr.2Leb/B1 DK. Unlike most modern interpreters of Heraclitus, Marcus Aurelius perfectly understood the meaning of γινομένων κατὰ τὸν λόγον τόνδε in his paraphrase ὧι μάλιστα διηλεκτῶς ὁμιλοῦσι λόγοι... (Her. fr.3Leb/B72).

modified version of this theory of Heraclitus the basis of his theory of the origin of religion and divine names (see Lebedev 2019).

The archaic monists are engaged in this case with the problems that in our days are studied by *mereology*, a branch of metaphysics and mathematical logic that concerns itself with the relation of parts and wholes. We have argued elsewhere in detail (Lebedev 2017¹) that Heraclitus had no “theory of logos” in the strict sense, although logos was a fundamental concept of his logic, philosophy of language, metaphysics, epistemology, theology, as well as ethics and politics, contrary to the “trivial” or verbal interpretation of the phrase τοῦ λόγου τοῦδε as “this discourse of mine” by Burnet, West and their followers. Strictly speaking, Heraclitus developed an elaborate “logos analogy” of the Universe similar to the one described by Plato in the “dream theory” of *Theaetetus*. Logos in this analogy stands for the Whole or the cosmos, “letters” for the separate opposites (like those enumerated in 106Leb/B10 and 43Leb/B67), and “syllables” (συλλάβιαι) for the pairs of opposites which have been wrongly “divided” by the poets and the crowd. Once we accept the authentic text of fr.2Leb/B1 quoted by Hippolytus (always the superior source of Heraclitus’ quotations), without explicative ἕκαστον added by Sextus and uncritically adopted by all editions after DK, the object of the verb διαίρειν becomes the pair “words and deeds” (ἔπη καὶ ἔργα) which exactly corresponds to the pair “to act and to speak” (ποεῖν καὶ λέγειν) in the same context. The elimination of this faulty addition of Sextus transforms the subject of Heraclitus’ book from physicalist “explanation of everything” into logical and epistemological “division” (διαίρεσις) of the “words” of the cosmic “this logos”. Διαίρεσις was also a common grammatical term for the correct “division” of separate words in reading the *scriptio continua* of all ancient text. Reality for Heraclitus is a kind of speech or text (logos) which can be “read” and understood only by correct “division”. The correct *diairesis* becomes a fundamental method of Heraclitus’ reform of language.

In addition to the experiments with the conjunction καὶ Heraclitus also sought to reform the use of the verbs “to be” (εἶναι) and “to become” (or “to arise”, γίνεσθαι). Contrary to the widely held mistaken view of the priority of Parmenides, Heraclitus already before Parmenides knew the fundamental ontological distinction between being and becoming. Although the precise degree of the verbal authenticity of some Heraclitus’ fragments remains problematic, we have the impression (especially based on the virtually

impeccable quotations from such sources as Hippolytus) that he consistently sought to eliminate the verb εἶναι 'to be' from the description of the phenomenal world of opposites and cyclical change. Instead, he uses in such cases the verb γίνεσθαι and verbal predicates (ψυχρὰ θέρεται, θερμὰ ψύχεται 46Leb/B126) or *asyndeton* omitting the copula (e.g., ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι 153Leb/B62, πῦρὸς τροπαὶ πρῶτον θάλασσα 44Leb/B 31). On the contrary he confines the use of the verb "to be" to eternal beings like Cosmos, Fire, Logos, Aion. Already in Fragment 2Leb/B1 we have the contrast between γίνονται ἄνθρωποι and λόγου τοῦδε ἐόντος. In fragment B 37L3b/30 we have an emphatic triple ἦν ἀεὶ καὶ ἔστι καὶ ἔσται in the description of the eternal divine fire.

Another example of Heraclitus' reform of the ordinary language is the regular omission of article when he refers to the separate phenomena of the sensible world (Lebedev 2014: 53). These phenomena, according to Heraclitus, are not self-subsistent entities, but rather aspects of the same common substrate or different phases of the same process, like increase and decrease, light up and go out etc. The addition of article makes a phenomenon into autonomous substance. Plato perfectly understood the metaphysical implications of this peculiar feature of Heraclitus' style: that is why in the exposition of the «dream theory» in *Theaetetus* 201d, i. e., of Heraclitus theory of cosmic logos, it is prohibited to apply expressions like "itself", "this", "that" etc. (αὐτό, τοῦτο, ἐκεῖνο) to "first elements", i. e., to opposites that constantly undergo a cyclical change (περιτρέχουσι) and therefore lack self-identity.

In our opinion the doctrine of the linguistic idealism held by both Heraclitus and Parmenides is a form of transcendental idealism (rather than subjective idealism) which does not deny the existence of objective reality, but only questions the ability of the "human knowledge" (i. e., of sense-perception) to grasp this reality. Both are realists in metaphysics and epistemology and both ascribe a kind of embodied (rather than theoretical) subjective idealism and solipsism to the unphilosophical *hoi polloi* who are blinded by the false language invented by poets. Both claim to be exceptions from this tragic condition of humanity: it is the inner vision of *noos* that allows them to see what is going on behind the veil of *apate* imposed by the false language. But they differ dramatically in their conception of that divine reality: in Heraclitus it is full of life energy and cyclical motion, in Parmenides it is immobile and immutable. They also disagree in their evaluation of the senses: for Parmenides

they are worthless and always deceptive, for Heraclitus they can be trusted once we understand the symbolic language in which they speak to us. This disagreement is rooted in the fundamental typological difference of the Ionian and Italian metaphysical paradigms. Heraclitus is an Ionian and remains a naturalistic monist, although his concept of *physis* is reinterpreted teleologically, theologically (within the limits of his pantheism), as well as ethically (as a standard of human life) and politically (as a paradigm of the ideal *politeia*). Parmenides is a Pythagorean and remains a dualist: for him the transcendental reality is not a corporeal *physis*, but incorporeal mind (B 3). In the philosophy of language Parmenides is also more radical than Heraclitus in his rejection of the names of ordinary language as empty and deceptive. According to Heraclitus, the conventional names of opposites are just ‘letters’ of the cosmic alphabet and therefore each one of them, taken separately, is meaningless. However, once we “grasp them together”, i. e., combine in “syllables” (συλλάψεις in B 10/106 L is an Ionian word equivalent to the Attic συλλαβαί, cf. Lebedev 2017–1; 2014: 108–110) and reintegrate them into the “common logos” (ξυνὸς λόγος) of the Universe, they acquire meaning as parts of the whole.

The mechanistic corpuscular physics of the 5th century BC (Empedocles, Anaxagoras, Democritus) by no means denies the reality of the physical world and multiplicity, and yet it continues to insist on the illusory character of generation and destruction. In reality, as they claim, there is only separation, mixing and recombination of particles of the indestructible matter, but mortals mistakenly call these processes “birth and death”. Empedocles announces the birth (φύσις) an empty name:

Φύσις δ' ἐπὶ τοῖς ὀνομάζεται ἀνθρώποισι (Emped. B 8 DK).

In the fragments of Anaxagoras, the words for generation and destruction, or birth and death, are eliminated and are not used. Instead, Anaxagoras consistently uses special terminology to describe the formation and decomposition of complex bodies, which is based on the root κριν- with different prefixes. The emergence of something is described as “excretion” from a mixture (ἀποκρίνεσθαι), the formation of something as coalescence from parts (συγκρίνεσθαι), disappearance as “separation”, i. e., dissolution into its component parts (διακρίνεσθαι). The usage of words is brought in conformity with “nature,” i. e. objective reality. Anaxagoras, obviously, developed and improved the terminological

system for the description of physical processes, already created by Anaximander¹¹.

Democritus, who believed after Heraclitus, that “the word is a shadow of the deed” (λόγος ἔργου σκιά)¹², was a tireless word-maker who invented new physical terms: obviously, such words as ἀμειψιρρυσμῆ (‘change of form, ῥυσμός’, i. e. “transformation”) or ἐπιρρυσμῆ (δόξις) for subjective opinion were his creations.¹³ Democritus, too, avoided the use of incorrect words like “birth and death”, and he invented the word δέν to designate atoms in contrast to “none” (οὐδέν), the word for the empty space¹⁴.

Until recently we knew very little about the content of the Sophistic works on the “correctness of names” *orthoepia* (Περὶ ὀρθοεπείης), but now the situation has changed. The title Περὶ ὀρθοεπείης ‘On orthoepia’ is attested for three roughly contemporary fifth-century thinkers, Protagoras, Prodicus and Democritus, all three of them knew each other, shared the same history of human civilization and wrote in Ionian prose. Plato, while citing or criticizing their views, employs a somewhat different phrase Περὶ ὀρθότητος τῶν ὀνομάτων ‘On the correctness of names’, the main subject of Plato’s *Cratylus*. Since abstract name in -ότης are generally typical for Plato and Aristotle, and since the noun ὀρθότης is alien to early Ionian prose, it seems likely that ὀρθότης τῶν ὀνομάτων is Plato’s fourth century rendering in Attic prose of the fifth century Sophistic Ionian ὀρθοέπεια (*pace* A. Novohatko in Montanari 2020: 102). It was a science of practical linguistics, concerned with norms of the correct use of language, in Prodicus primarily with semantics and stylistics. In Plato’s version the focus was shifted towards cognitive linguistics and epistemological problems, the relation between the sign and referent etc., and the reliability (if any) of the phonetic language for the search of truth. The term ὀρθοέπεια itself indicates their “correctional” purpose: the correct use of words. If our attribution of the Derveni papyrus to Prodicus of Ceos is correct (as we believe it

¹¹ For a detailed reconstruction of Anaximander’s theory of matter and material change, as well as for neglected examples of Anaxagoras’ borrowings from Anaximander (e. g., the gold-washing analogy in the theory of cosmogonical vortex) see Lebedev 2022².

¹² B145 DK.

¹³ ἀμειψιρρυσμῆ A 33, B 139, cf. ἀμειψίχροος. B7: ἐπιρρυσμῆ ἐκάστοισι ἡ δόξις.

¹⁴ B156; A37; A 49 DK.

is, see Lebedev 2019), and even regardless of its authorship, since the sophistic origin of this text is virtually certain, this gap can be filled. The Derveni author, whose main interest is focused not so much on the problem of language as such, as on the origin of religion and mythological names, following the basic principle of the theory of nomination of Heraclitus (the natural meaning of a word is determined by the “function” or “work” — ἔργον — of the object it denotes), reconstructs the original meaning of divine names conforming to “nature”. In many respects he anticipates the theory of Max Müller about mythology as a disease of language. For those who “correctly understand” (ὀρθῶς γινώσκουσι) the enigmatic poetry of Orpheus his theogony does not contain anything that contradicts the physics of Anaxagoras, since Orpheus was a prehistoric naturalist philosopher, whose text was misread and misunderstood by the ignorant *polloi*. Thus, the anthropomorphic polytheism, exactly as in the theory of the archaic monists, also turns out to be a result of “linguistic error”: correct the language, and there will be no Homeric gods, but only air and the cosmic Mind of Anaxagoras. The fact that for this purpose the Derveni author chose the theogony of “Orpheus,” which by this time (circa 430 BC) had become a kind of “Holy scripture” for the religious conservatives like the seer Diopieithes, testifies to his sense of humor and to the intensity of ideological battles at the time of the Sophistic Enlightenment and processes against philosophers-naturalists in Athens during the Peloponnesian war.

According to Aristotle’s testimony in the first book of *Physics*, at the time of the Sophists the mereological paradoxes associated with the use of the verb “to be” continued to be discussed. Some sophists believed that in sentences like “Man is white”, the verb “is” leads to the contradictory combination of unity and plurality in the indivisible single subject — white man. To avoid this contradiction and to bring language in conformity with reality, “some, like Lycophron, omitted the verb “to be”, while others reshaped the expression (τὴν λέξιν μετερρῦθμιζον) and instead of “man is white” they used to say “man has-been-whitened”¹⁵. It is interesting that

---

¹⁵ Arist. *Phys.* I 2.185b25 ἐθορυβοῦντο δὲ καὶ οἱ ὕστεροι τῶν ἀρχαίων ὅπως μὴ ἅμα γένηται αὐτοῖς τὸ αὐτὸ ἔν καὶ πολλὰ. διὸ οἱ μὲν τὸ ἐστὶν ἀφείλον, ὡσπερ Λυκόφρων, οἱ δὲ τὴν λέξιν μετερρῦθμιζον, ὅτι ὁ ἄνθρωπος οὐ λευκός ἐστιν ἀλλὰ λελευκῶται, οὐδὲ βαδίζων ἐστὶν ἀλλὰ βαδίζει, ἵνα μὴ ποτε τὸ ἐστὶν προσάπτοντες πολλὰ εἶναι ποιῶσι τὸ ἔν, ὡς μοναχῶς λεγομένου τοῦ ἑνός ἢ τοῦ ὄντος. πολλὰ δὲ τὰ ὄντα ἢ λόγῳ (οἶον ἄλλο τὸ

Aristotle uses here the verb μεταρρυθμίζω which means “to reshape, to re-form, to remodel”, sometimes with the connotation “to amend, to correct”¹⁶.

The Olympic gods suffered no harm from the attempt of Prodicus and of Aristophanes’ ‘Socrates’ in the *Clouds* to dissolve them in the air. Both Heraclitus and Parmenides failed to convince the Greeks that the separate words for “day” and “night” should be removed from the Greek language as incorrect. The new philosophical terminology, like that of Anaxagoras, that eliminated from the vocabulary words for “generation and destruction” (or “birth and death”), on the ground that such words contradict the fundamental law of physics *ex nihilo nihil fit*, never spread beyond the walls of those school. All attempts of the philosophers to reform the ordinary language had no more impact on the speech of the “*hoi polloi*” than Prodicus’ proposal to rename the hen into “she-cock” (ἀλεκτρύαινα Aristoph. *Nub.* 646) which was no doubt met by laughter of the Athenian public in the theater of Dionysus. The *episteme* of the intellectual elite failed to overcome the *doxa* of the ordinary people. And yet it would be incorrect to say that Greek philosophy has not influenced the Greek language at all. Greek philosophy did influence the literary language and the speech of the educated part of society through school grammar, logic and rhetoric that came from it.

λευκῶ εἶναι καὶ μουσικῶ, τὸ δ’ αὐτὸ ἄμφω· πολλὰ ἄρα τὸ ἓν ἢ διαίρεσει, ὥσπερ τὸ ὅλον καὶ τὰ μέρη. ἐνταῦθα [186a] δὲ ἤδη ἠπόρουν, καὶ ὠμολόγουν τὸ ἓν πολλὰ εἶναι ὥσπερ οὐκ ἐνδεχόμενον ταῦτὸν ἓν τε καὶ πολλὰ εἶναι, μὴ τάντικείμενα δέ· ἔστι γὰρ τὸ ἓν καὶ δυνάμει καὶ ἐντελεχείᾳ.

“Even the more recent of the ancient thinkers were in a bother lest the same thing should turn out in their hands both one and many. So, some, like Lycophron, were led to omit ‘is’, others to change the mode of expression and say ‘the man has been whitened’ instead of ‘is white’, and ‘walks’ instead of ‘is walking’, for fear that if they added the word ‘is’ they should be making the one to *be* many — as if ‘one’ and ‘is’ were always used in one and the same way. What is may be many either in definition (for example to be white is one thing, to be musical another, yet the same thing may be both, so the one is many) or by division, as the whole and its parts. On this point, indeed, they were already getting into difficulties and admitted that the one was many — as if there was any difficulty about the same thing being both one and many, provided that these are not opposites; for what is one may be either potentially one or actually one”. (tr. Hardie and Gaye).

¹⁶ In Modern Greek μεταρρύθμιση is a standard word for “reform”.

Some important philosophical terms and neologisms (often semantical, not lexical innovations), such as κόσμος in the meaning of “world, Universe”¹⁷, ὕλη in the abstract sense of “material, matter” (due to Aristotle), στοιχεῖα in the sense of “elements” (beginning with Plato *Tim.* 48b, Eudem. *ap. Simpl. Phys.* 7.13), and other words made their way into the common vocabulary of educated strata of society and literary language. The word φιλοσοφία as such (with its cognates φιλόσοφος, φιλοσοφεῖν) in its new properly ‘philosophical’ sense is a notable case at point. Riedweg (2012) rightly defends the reliability of the ancient tradition on its Pythagorean origin, contrary to Burkert’s hypercritical approach. However, Pythagoras’ innovation was semantical rather than lexical: for details see Lebedev 2022², 690–691 with objections to Moore’s (2020) unfortunate hypothesis which can be refuted by Heraclitus’ fragment 133Leb/B35 alone.

Aristotle’s attempt in his ethical treatises to “give names” to “nameless” (ἀνόνημα) moral qualities that do not have established names in ordinary language stands apart. The theoretical basis of this name-giving procedure for Aristotle was his attempt to reform the traditional binary taxonomy of moral qualities (brave — coward) and to replace it with a new triadic scheme, consisting of one virtue and two opposite vices: from a simple opposite of the coward «brave» becomes a middleman between the coward and the reckless. Aristotle “discovers” these unnamed qualities when he replaces the traditional (that is, doxastic) binary system “virtue — vice” with the ternary one, which, in his opinion, corresponds to nature. Aristotle feels himself like a “name-giver” (*onomatotheretes*) who ameliorates and makes more perfect the existing language¹⁸:

Eth. Nic. II 7. 1108 a 16 εἰσὶ μὲν οὖν καὶ τούτων τὰ πλείω ἀνόνημα, πειρατέον δ’, ὥσπερ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων, αὐτοὺς ὀνοματοποιεῖν σαφηνείας ἕνεκα καὶ τοῦ εὐπαρακολουθήτου. “Most

¹⁷ Xenophon in *Memorabilia* already uses the word κόσμος in the new sense, but elucidates that this is a technical philosophical term: *Xen. Mem.* 1.1.11 οὐδεὶς δὲ πώποτε Σωκράτους οὐδὲν ἀσεβὲς οὐδὲ ἀνόσιον οὔτε πράττοντος εἶδεν οὔτε λέγοντος ἤκουσεν. οὐδὲ γὰρ περὶ τῆς τῶν πάντων φύσεως, ἥπερ τῶν ἄλλων οἱ πλείστοι, διελέγετο σκοπῶν ὅπως ὁ καλούμενος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν κόσμος ἔχει καὶ τισὶν ἀνάγκαις ἕκαστα γίγνεται τῶν οὐρανίων, ἀλλὰ καὶ τοὺς φροντίζοντας τὰ τοιαῦτα μωραίνοντας ἀπεδείκνυε.

¹⁸ Important observations on this topic are made by Maria Chriti in the paper “Aristotle as a Name-giver: The Cognitive Aspect of his Theory and Practice”.

of these (moral qualities) are also nameless, but, as in other cases, one must try to create names for them (ὀνοματοποιεῖν) for the sake of clarity and ease of understanding”.

Thus, contrary to Wittgenstein’s dictum “philosophy leaves everything as it is”¹⁹, the Greek philosophers in the field of linguistics and philosophy of language set themselves not only descriptive, but also critical and reformatory tasks. In the same way, in political philosophy, they did not confine themselves to the description of existing constitutions, but always proposed their own project of an ideal or “correct” state, and in ethics they similarly were engaged not so much in describing empirically human characters, as in constructing a perfect moral personality capable to realize the “nature” of man by living according to nature, i. e. the objective order of things.

Ancient theories of “natural language” are analogous to the theories of “natural law” and to the projects of the ideal state in political philosophy. In both cases, the fundamental concept of the sought-for norm or standard, on the basis of which it is proposed to reform the existing imperfect language forms, is usually “nature” (φύσις). Only in Eleatics, due to their anti-naturalistic idealist metaphysics, such a standard is not “nature”, but “being” (εἶναι) or “what is” (τὸ ὄν) identified with “mind” or “consciousness” (νοεῖν, νόος). In the poem of Parmenides φύσις is demonstratively not even mentioned in the “Way of Truth”, but appears only in *Doxa*, in the “deceptive” words about “what-is-not”, i. e., the world of generation and destruction: this is undoubtedly a polemical message addressed to the Ionians and Heraclitus who is directly attacked in the passage about “two-headed” philosophers (B 6, 4–9 DK).

Considering that the world of “doxa” in archaic philosophers usually corresponds to the “human knowledge”, and the world of “truth” (*aletheia*) or “nature” (*physis* in Heraclitus) to the “divine knowledge”, and also taking into account the constant claims of archaic philosophers to divine or (for those who are a bit more modest) to semi-divine status, we can conclude that the ideal language that the Greek philosophers were looking for was the “language of the gods”. Not without reason, in Parmenides the “Way of Truth” reveals how the true reality is perceived by the

---

¹⁹ “Philosophy may in no way interfere with the actual use of language; it can in the end only describe it. It cannot give it any foundation either; it leaves everything as it is, and no mathematical discovery can advance it”. Ludwig Wittgenstein, *Philosophical Investigations*. I. 124.

divine mind, and not by the human mind that cannot transcend subjective *doxa* and false polarity. Heraclitus' cosmic Logos is a kind of ideal language spoken by the cosmic god; it is the standard for moral, political, religious and linguistic reform, is ἐὼν αἰεὶ “being forever and ever”, and the truth it conveys to the deaf humanity is very simple: all is one. The idea that, besides the imperfect human language, there exists a secret and superior “language of the gods” unknown to men, is already attested in Homer.²⁰ Greek poets claimed that this language of the gods was known only to them. But the Greek philosophers — quite in the spirit of the “ancient quarrel” between philosophy and poetry — have proposed their own new versions of this ancient idea.

In order to avoid confusion, it should be emphasized that in Greek philosophers the meaning of “natural” or “conforming to nature” language is different from the modern linguistic term “natural language”, i.e., traditional spoken language as opposed to artificial language. Moreover, sometimes it has exactly the opposite meaning when it is contrasted with the ordinary spoken language, as in Heraclitus. In the Derveni papyrus (Prodicus) “natural names” (κατὰ φύσιν) refer to the original simple and clear language of the primitive people, in which names corresponded to real natural objects like the sun, before it was spoiled by the poets and distorted by ignorant crowd. The name of Zeus originally meant “air” and cosmogonic vortex (Δία from δίνη), but “those who cannot understand correctly” (e. g. priests and diviners) substituted for this natural meaning a fantastic image of anthropomorphic god (for details see Lebedev 2019).

II. HERACLITUS' EXPERIMENTS WITH LANGUAGE, GRAMMAR AND STYLE

1. Ancient critics on the “obscurity” and “ambiguity” of Heraclitus' style. Oracular features.

Heraclitus already in antiquity earned the nickname “The Obscure” (ὁ Σκωτεινός, Obscurus) for the “want of clarity, uncertainty” (ἀσάφεια) of his style. Since there were several writers named Heraclitus, the philosopher Heraclitus of Ephesus was often quoted as “Heraclitus the Obscure”, that is, the nickname “The Obscure” ὁ Σκωτεινός was used as a distinctive *signum*. The ancient

---

²⁰ On this topic see, e. g., Watkins (1970), Bader (2007), Indian parallels that point to the Indo-European roots of the idea: Grinzer (1998).

critics attributed the “obscurity” and the ambiguity of Heraclitus to two main factors: 1) the metaphorical use of names, allegorizing, imitation of Apollo’s oracles; 2) grammatical irregularities, especially *asyndeton* (lack of conjunctions and connective words) and to *hyperbaton*, the irregular word-order and syntactic ambiguity. Both explanations are correct: the obscurity of Heraclitus’s style is explained by the combination of the elaborate system of metaphorical codes with the syntactic polysemy and *asyndeton*. Heraclitus’s intentional obscurity was aptly described by both ancient and modern critics as “oracular”, he was compared to Apollo *Loxias* or to a *mantis*²¹. Heraclitus himself points to the oracular roots and features of his style in Fr. 27Leb/B93 about the “Delphic Lord”, who “neither speaks out, nor conceals, but gives signs” (οὔτε λέγει οὔτε κρύπτει, ἀλλὰ σημαίνει), as well as in the parable of Sibyl (fr.160Leb/B92). If our reconstruction of the *incipit* of Heraclitus’ book is correct, that is, if fragment 2Leb/B1 DK was preceded by the fragment 1Leb/B 50 containing the prophetic formula οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος ‘it is not my word...’ (with the implied ‘but the word of God’), Heraclitus from the very start makes it clear that his *logos* is the voice of God, and he speaks as a prophet of Apollo. Therefore, there is nothing surprising in the fact that he formulates his main metaphysical thesis, the law of the identity of opposites, in the language of Apollonian symbolism of the bow and the lyre (29Leb/B51). It is very likely that the parable about Apollo and Sibyl alludes to the “prophetic mouth” of Heraclitus himself and is autobiographical (160Leb/B 92). In Lucian’s *Auction of Lives* (Luc. *Vit. Auct.* 14), an annoyed buyer, upon listening to the “obscure” speech of Heraclitus on the identity and permanent cyclical change of opposites, exclaims: “Hey you, do you speak in puzzles or compose riddles? Just like *Loxias*, you say nothing clearly!” (Ὡσπερ Λοξίας οὐδὲν ἀποσαφεῖς). Quite independently of Lucian, Plutarch in *De garrulitate* 511AB compares Heraclitus’ silent symbolic advice to the Ephesians (the story about *kykeon* as a symbol of frugal diet) with the brachylogy of the oracles of Apollo *Loxias*. The epiclesis of Apollo *Loxias* was intricately bound with his oracular function, pointing to the “crooked”, i. e. “indirect, elusive” character of his responses; Λοξίου μαντεύματα is a stock phrase in Aeschylus and Euripides. But for Heraclitus himself, as for

---

²¹ Guthrie, HGPh, I, 414: “it is no metaphor to call his style oracular”. Hölscher (1968).

Aeschylus (*Ch.* 559), *Loxias* was a μάντις ἀψευδής, an infallible soothsayer.

2. Syntactic polysemy. Asyndeton.

In Heraclitus's times the *scriptio continua*, i. e. writing without separation of words, was a common practice; punctuation marks (e.g. a dot) were used only occasionally. *Scriptio continua* was used in inscriptions, in private letters, and in papyri containing literary and philosophical texts. Therefore, while reading a text, readers had to «divide» it into separate words or to apply “interpunction” (διάστιξις): διαιρέω, διαίρεσις was, *inter alia*, a grammatical term for distinguishing words in reading, for punctuation (LSJ, s. v. διαιρέω VI). This process was partly facilitated by numerous connective particles and conjunctions (σύνδεσμοι). Note that the ancients did not distinguish conjunctions and “particles” like modern grammarians, both are covered by a general term *syndesmoi* “connectors”. The lack or irregular use of such connective words (the so-called *asyndeton*, lack of connective words) could result in difficulties of reading and understanding. Aristotle in *Rhetoric* specifies two main causes of the lack of clarity: *asyndeton* and irregular word order that results in syntactic ambiguity. The latter was also termed *hyperbaton* by 5th century sophists; later it became a standard rhetorical and grammatical term for irregular word order in Hellenistic and Roman times (Devine, Stephens 2000). Aristotle only once speaks of σύνθεσις ὀνομάτων ὑπερβατή in *Rhet.* 1435a37. As an example, illustrating this rule, he quotes from the beginning of Heraclitus' book a part of fr. 2Leb/B1DK (Arist. *Rhet.* 1407b11–18):

ὅλως δὲ δεῖ εὐανάγνωστον εἶναι τὸ γεγραμμένον καὶ εὐφραστον · ἔστιν δὲ τὸ αὐτό · ὅπερ οἱ πολλοὶ σύνδεσμοι <ἔχουσιν, οἱ δ' ὀλίγοι> οὐκ ἔχουσιν οὐδ' ἄ μὴ ράιδιον διαστίξαι ὥσπερ τὰ Ἡρακλείτου. τὰ γὰρ Ἡρακλείτου διαστίξαι ἔργον διὰ τὸ ἄδηλον εἶναι, ποτέρωι πρόσκειται, τῶι ὕστερον ἢ τῶι πρότερον, οἷον ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ τοῦ συγγράμματος · φησὶ γάρ " τοῦ λόγου τοῦδ' ἐόντος ἀεὶ ἀξύνετοι ἄνθρωποι γίνονται », ἄδηλον γὰρ τὸ ἀεὶ πρὸς ποτέρωι <δεῖ> διαστίξαι. “It is a general rule that a written composition should be easy to read and therefore easy to deliver. Such qualities possess the texts with many connecting words, but not the texts with few connecting words, nor the texts which is hard to punctuate, like the writings of Heraclitus. To punctuate Heraclitus is no easy task, because we often cannot tell whether a particular word belongs to what precedes or what follows it. Thus, at the outset of his treatise he says, ‘Though this logos is always men fail to understand it’,

where it is not clear to which of the two clauses the word ‘always’ belongs” (tr. Roberts with alterations).

The author of the Derveni papyrus, whom we identify with Prodicus of Ceos, writing *circa* 430–420 B.C., uses for the irregular word order the term ὑπερβατόν that Plato ascribes to Prodicus’ teacher Protagoras in *Prot.* 339a sq. Ὑπερβατόν occurs in *PDerv* twice: in col. IV,10 in the authorial comments on Heraclitus’ quotation, and in col.VIII, 6 applied to the verses of Orpheus (ἔπη ὑπερβατὰ ἐόντα λανθάνει). In column IV the Derveni author compares the “enigmatic” style of Orpheus with that of Heraclitus and explains it by the common features, the use of “peculiar words” (τὰ ἴδια ὀνόματα, opp. κοινὰ ὀνόματα), i. e. metaphors and allegorical divine names, and the use of *hyperbaton* intended to conceal the true meaning of the text from ignorant *hoi polloi*. An example of ὑπερβατόν indicated in col. VIII, is the syntactically ambiguous position of the word αἰδοῖον. To use Aristotle’s phraseology “it is not clear whether this word belongs to what precedes or to what follows it” (ἄδηλον...ποτέρῳ πρόσκειται): if it belongs to the preceding clause, following the words δαίμονα κυδρόν, it is a second epithet of Protogonos meaning “revered”. If it goes with what follows, αἰδοῖον becomes a substantive meaning “penis”, and the resulting text reads αἰδοῖον ...κατέπινεν “(Zeus) swallowed penis”. In fact, it is clear that only the first reading is natural and correct, and Prodicus most probably knew this. But he pretended to prefer the second, far-fetched reading in order to create an obscene joke intended as insult of religious conservatives: the name of the mantis, who prosecuted his teacher Anaxagoras for his “impious” cosmogony, was Diopieithes “One who obeys Zeus”. For details see Lebedev 2019: 530–531, especially pp. 548–549. The Hellenistic rhetorician Demetrius, the author of the treatise *On style*, explained the obscurity of Heraclitus by the scarcity of connective words, *asyndeton* (Demetrius, *De elocutione*, 191 sq.): μάλιστα δὲ σαφῆ χρῆ τὴν λέξιν εἶναι. τὸ δὲ σαφές ἐν πλείοσιν. πρῶτα μὲν ἐν τοῖς κυρίοις, ἔπειτα ἐν τοῖς συνδεδεμένοις· τὸ δὲ ἀσύνδετον καὶ διαλελυμένον ὅλον ἀσαφές πᾶν· ἄδηλος γὰρ ἢ ἐκάστου κώλου ἀρχὴ διὰ τὴν λύσιν, ὥσπερ τὰ Ἡρακλείτου· καὶ γὰρ ταῦτα σκοτεινὰ ποιεῖ τὸ πλείστον ἢ λύσις. ‘The style should be first of all clear. And clarity depends on several factors. First, on the use of words in their proper meaning. Second, on the use of connective words, whereas the lack of connective words and the looseness make any text completely unclear, since, due to the looseness, it is unclear where is the beginning of each sentence, as in the writings of Heraclitus: it is

looseness (*lysis*) that for the most part makes them obscure'. Demetrius, who mainly follows the Peripatetic rhetorical tradition, probably depends on Aristotle's passage quoted above, but not completely. Aristotle puts an emphasis on syntactic polysemy, Demetrius on ἀσύνδετον, by which is meant the scarcity of conjunctions and particles. Aristotle quotes Heraclitus as an example of how one *should not* write. Demetrius, in the following context, notes the positive qualities of asyndeton in certain cases. According to Demetrius, the style, not overloaded with conjunctions and particles, is closer to the vivid oral speech, and the style overloaded with connective words, is closer to written text (γραφικὴ λέξις). Therefore the "loose" speech, characterized by asyndeton, is more suitable for actor's dialogue (ὑποκριτικὴ) and for debate in forensic oratory (ἐναγώνιος), whereas the *syndedemenon* is more suitable for writing. The syntactically strict style of literary composition is dispassionate and detached, whereas the "loose" style (διαλελυμένη) is full of passion²². These subtle observations of Demetrius are applicable to the style of Heraclitus that displays many "oral" features. The style of Heraclitus is polemical (ἐναγώνιος) and passionate, often it comes closer to the vivid oral speech (with emphatic personal ἐγώ Ἴ) and may be contrasted with the factual, emotionless and somewhat repetitious style of the Ionian scientific prose, best examples of which are provided by Anaxagoras' fragments: in these texts ἐγώ Ἴ is strictly avoided. Hence the folkloric elements in Heraclitus' texts (on these see below for more detail, paragraph 8), which is hard to imagine in a traditional Ionian treatise Περί φύσεως.

Theon of Alexandria (1/2 century AD) in his Προγυμνάσματα also cites Heraclitus' writings as a classic example of "lack of clarity" (ἀσάφεια), but unlike Demetrius, he focuses not on *asyndeton*, but on syntactic ambiguity (ἀμφιβολία) and difficulties in "dividing" Heraclitus' text (διαίρεσις). It is also worth noticing that, unlike Theon, he does not associate Heraclitus' obscurity with *hyperbaton*, but only with *amphibolia*. He warns against the excessive use of *hyperbaton* (as in Thucydides), but adds that he does not reject *hyperbaton* altogether since it can give to the style diversity (*poikilia*) and originality (82.21–24). The meaning of the

---

²² Demetrius, *De elocutione*, 193–194. Examples cited by Demetrius: Menander is performed on stage, whereas Philemon is read, since Menander's style abounds in asyndeton typical for oral speech, whereas Philemon's style is more literary.

term “division” in Theon is to some extent similar to the meaning of Aristotle’s term “interpunction” διάστιξις, properly “dividing by marks or dots, στιγμαί”. But the examples he cites relate not only to the syntactic interpunction, as in the Aristotle’s quotation from Heraclitus’ fr. 2Leb/B1 (here only the syntactic position of the word αἰεί is ambiguous, but not the word as such), but also to the *isolation* from the *scriptio continua* of separate words, which may be termed *lexical diastixis* as distinguished from *syntactic diastixis*.

Theon. Alex. *Progymnasmata*, p. 81.30–82.19 (p. 43–44 Patillon): Ἀσαφή δὲ τὴν ἐρμηνείαν ποιεῖ καὶ ἡ λεγομένη ἀμφιβολία πρὸς τῶν διαλεκτικῶν, παρὰ τὴν κοινὴν τοῦ ἀδιαίρετου τε καὶ διηρημένου, ὡς ἐν τῷ ΑΥΛΗΤΡΙΣ πεσοῦσα δημοσία ἔστω· ἐν μὲν γὰρ τί ἐστι τὸ ὑφ’ ἐν καὶ ἀδιαίρετον, αὐλητρὶς ἔστω πεσοῦσα δημοσία, ἕτερον δὲ τὸ διηρημένον, ΑΥΛΗ ΤΡΙΣ πεσοῦσα ἔστω δημοσία. ἔτι δὲ καὶ ὅταν τι μόριον ἄδηλον ᾖ, μετὰ τίνος συντέτακται, οἷον ΟΥΚΕΝΤΑΥΡΟΙΣ ὁ Ἡρακλῆς μάχεται· σημαίνει γὰρ δύο, ΟΥ ΚΕΝΤΑΥΡΟΙΣ ὁ Ἡρακλῆς μάχεται, καὶ ΟΥΚ ΕΝ ΤΑΥΡΟΙΣ ὁ Ἡρακλῆς μάχεται. ὁμοίως δὲ ἀσαφὴς γίνεται φράσις καὶ ὅταν τι σημαῖνον μόριον ἄδηλον ᾖ, μετὰ τίνος συντέτακται, οἷον “οἱ δὲ καὶ ἀγνύμενοι περ ἐπ’ αὐτῷ ἠδὲ γέλασαν” [Hom. II.2.270]. ἀμφίβολον γὰρ πότερον ἐπὶ τῷ Θερσίτῃ ἀγνύμενοι, ὅπερ ἐστὶ ψεῦδος, ἢ ἐπὶ τῇ καθολικῇ τῶν νεῶν· καὶ πάλιν, “δῆμον Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος, ὄν ποτ’ Ἀθήνη θρέψε Διὸς θυγάτηρ, τέκε δὲ ζεῖδωρος ἄρουρα” [Hom. II.2.547–548]. πότερον τὸν δῆμον ἢ τὸν Ἐρεχθέα φησὶν ὑπὸ τῆς Ἀθηναῖς τραφῆναι καὶ τεκεῖν τὴν γῆν. παρὰ ταύτην δὲ τὴν ἀμφιβολίαν τὰ Ἡρακλείτου τοῦ φιλοσόφου βιβλία σκοτεινὰ γέγονε κατακόρως αὐτῇ χρησαμένου ἤτοι ἐξεπίτηδες, ἢ καὶ δι’ ἄγνοιαν. ‘The lack of clarity is also produced by the ambiguity (*amphibolia*), as it is called by dialecticians, due to the fact that the text can be read both separately and inseparably. For example, in the text ΑΥΛΗΤΡΙΣ πεσοῦσα δημοσία ἔστω one way of reading the text is to take ΑΥΛΗΤΡΙΣ as one and inseparable word: “a flute-girl (αὐλητρὶς) fallen should become public”. Another way of reading is to take ΑΥΛΗ ΤΡΙΣ as two separate words: “a court thrice fallen should become public”. Uncertainty also arises when it is not clear to which word a part of a word belongs, such as in “ΟΥΚΕΝΤΑΥΡΟΙΣ ὁ Ἡρακλῆς μάχεται”. The text has two meanings: “Heracles does not fight with centaurs (οὐ κενταύροις)” and “Heracles does not fight among the Tauri (οὐκ ἐν Ταύροις)”. Similarly, the expression becomes uncertain when it is not clear with what some significant part is construed, as in the verse “And they, though distressed by this, laughed sweetly”. It is ambiguous and uncertain whether they

were distressed by Thersites (which is not true), or by the launching of ships into the sea. One more example: “The great-hearted people (demos) of Erechtheus, who was once nourished by Athena and born by life-giving Earth”. Who was born by Earth and nourished by Athena, the people (demos) or Erechtheus? It is due to this ambiguity that the writings of the philosopher Heraclitus are obscure, since he used it immoderately, either deliberately or by ignorance’.

Theon’s testimony is remarkable in that it contains a textual reminiscence of Heraclitus’ fragment 2Leb/B 1, namely, διαίρέων (*scil.* ἔπη καὶ ἔργα) “dividing words and deeds”. This indicates that Theon’s source correctly understood the grammatical logos analogy at the beginning of Heraclitus’ treatise. Theon’s testimony is important not only from the point of view of style, but also philosophically: it refers to the isolating of meaningful lexemes from an undivided text, that is, exactly as in Plato’s anonymous quotation from Heraclitus in *Cratylus* (fr. *Probabilia* 3 Leb.), it refers to the true and false readings of the same *logos*, depending on its correct (“by nature”) or incorrect “division” (διαίρεσις)²³. The examples of ambiguous lexical *diastixis* cited by Theon recall the story of Euthycles who accused Heraclitus of impiety for setting up an altar to himself on the agora and deifying himself in the inscription ΗΡΑΚΛΕΙΤΩΙ ΕΦΕΣΙΩΙ²⁴. Heraclitus in his apology points out to the “ignorant” *hoi polloi* that they are illiterate and cannot read correctly, for the inscription should be read as ΗΡΑΚΛΕΙ ΤΩΙ ΕΦΕΣΙΩΙ “To Heracles the Ephesian”, and not ΗΡΑΚΛΕΙΤΩΙ ΕΦΕΣΙΩΙ “To Heraclitus the Ephesian”. Although the *Epistles* of Pseudo-Heraclitus have been commonly treated with contempt and dismissed as a worthless source for the reconstruction or interpretation of Heraclitus’ *syngramma* in modern Heraclitean studies, the author of Epistle IV (letter to Hermodorus) understood better than most modern critics the meaning of the words διαίρέων κατὰ φύσιν (*scil.* ἔπη καὶ ἔργα) “dividing according to nature (*scil.* words and deeds)” in the self-description of Heraclitus’ philosophical method in fr.2Leb/B1, in other words he or his source had a clear understanding of the grammatical (alphabet) analogy in Heraclitus’ theory of the universal logos. Note that the correct lexical *diastixis* in this anecdote transforms a mortal (Heraclitus) into immortal (Heracles). This is again based on a genuine idea of Heraclitus

²³ Athen. vol. 2,2, p. 63.30 οὐδὲ κατὰ διαίρεσιν ἀναγνωστέον [i. e., ὑπὸ πυθμένεσ], ὡς ὁ Θράξ Διονύσιος, ἀλλὰ κατὰ σύνθετον ὑποπυθμένεσ.

²⁴ Ps. Heraclit. *Epist.* IV, 2,18. For details see our commentary to fr. 2L/B1.

found in the commonly neglected *verbatim* quotation from Heraclitus in Ionian dialect: Ἄνθρωποι θεοί, θεοὶ ἄνθρωποι· λόγος γὰρ αὐτός “Men are gods, gods are men, **for the logos is the same**”, i. e. the conventional names “men” and “gods” are just letters of syllables MENGODS or IMMORTALSMORTALS which, in turn, are fragments of the “shared” universal logos: Clem. Alex. *Paedag.* III,1,5 (I, p.325, 24 St.) = Heraclit. fr. 154 Leb., incorrect text in Marcovich fr. 47 (c).

Instances of syntactic ambiguity in the fragments of Heraclitus

fr. 1Leb/B50 ὁμολογεῖν σοφόν ἐστίν or ὁμολογεῖν· σοφόν ἐστίν ἔν ‘It is wise to agree’ or ‘one should agree: there is only one wise being’?

fr. 2Leb/B1 ἐόντος ἀεί or ἀεί γίνονται. ‘being always’ or ‘always fail to understand’?

fr. 29Leb/B51 διαφερόμενον ἐωυτῶι or ἐωυτῶι ὁμολογέει. “[The One] is at variance with itself” or ‘is in agreement with itself’?

fr. 67(a) Leb/cf. B12 ἀναθυμιάμεναι νοτεραί or νοτεραί ἀεί γίνονται. ‘the souls being evaporated wet’ or ‘always become wet’?

fr. 67(b) Leb/B12 ποταμοῖσι τοῖσι αὐτοῖσι or τοῖσι αὐτοῖσι ἐμβαίνουσι. ‘On those who enter into the same rivers’ or ‘on the same /bathers/ who enter rivers’?

fr. 78Leb/B20 γενόμενοι, ζῶειν ἐθέλουσι μόρους τ’ ἔχειν or γενόμενοι ζῶειν, ἐθέλουσι μόρους τ’ ἔχειν. ‘Once born, they want to live and to die’ or ‘once born to live, they are prone to die’?

fr. 100Leb/B112 ποιεῖν κατὰ φύσιν or κατὰ φύσιν ἐπαῖοντας. ‘To act according to nature, understanding’ or ‘to act, understanding according to nature’?

fr. 144Leb/B5 καθαίρονται αἵματι or αἵματι μαινόμενοι. ‘those who are polluted, clean themselves by blood’ or ‘those who are polluted by blood, clean themselves...’?

fr. 157Leb/B18 ἐὰν μὴ ἔλπηται ἀνέλπιστον or ἀνέλπιστον οὐκ ἐξευρήσει. ‘if you do not hope for the hopeless’ or ‘if you do not hope, you will not find what is hopeless’?

Ambiguity of oblique cases πάντων and πᾶσι: “all men” or “all things”?

fr. 2Leb/B1 γινομένων γὰρ πάντων κτλ. ‘Although all things happen according to this logos’ or ‘although all men encounter this logos’?

fr. 6Leb/B113 ξυνόν ἐστι πᾶσι τὸ φρονεῖν. ‘intelligence is common to all men’ or ‘to all things’ (panpsychism)?

fr. 32Leb/B53 πόλεμος πάντων μὲν πατήρ κτλ. ‘War is the father of all men’ or ‘of all things?’

fr. 37L/B30 κόσμον τόνδε τὸν αὐτὸν ἀπάντων ‘This cosmos, the same for all things’ or ‘one and the same for all living beings’ (i.e., gods and men)?’

fr. 131Leb/B114 ἰσχυρίζεσθαι χρῆ τῶι ξυνῶι πάντων ‘should rely on what is common to all things’ or ‘on what is shared by all living beings?’

fr. 139Leb/B108 σοφὸν ἐστὶ πάντων κεχωρισμένον ‘the wise being (i.e., god) is set apart from all men’ (non-anthropomorphic) or is ‘distinct from all things’(transcendental)?’

3. The omission of the conjunction καί ‘and’ between the opposites.

Asyndeton in Heraclitus is primarily exemplified by the absence or omission of the conjunction καί “and”. A striking and unique feature of Heraclitus’ style is that in the authentic fragments in the Ionian dialect relating to the unity or harmony of opposites Heraclitus regularly omits the conjunction καί “and” between the opposites²⁵:

fr. 43 Leb/ 67 DK ὁ θεὸς ἡμέρη εὐφρόνη, χειμῶν θέρος, πόλεμος εἰρήνη, κόρος χρησιμοσύνη “God is day night, winter summer, war peace, abundance scarcity”.

fr. 153 Leb/ 62 DK ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι “immortals mortals, mortals immortals”.

106Leb/B10 συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾶιδον διᾶιδον “agreeing with itself, being at variance with itself”.

In later paraphrases and inaccurate quotations καί has been in many cases “restored” and inserted in the original text by later authors who followed the common usage. A clear example of such

²⁵ There are two seeming exceptions to this rule: (1) ἡμέρη καὶ εὐφρόνη οὐκ ἐγίνωσκεν in fr.14Leb/B57 and (2) ἡοῦς καὶ ἐσπέρας τέρματα in fr. 55Leb/B120. But in (1) Heraclitus refers to Hesiod’s ignorance and alludes to *Theogony*, 758 where Nyx and Hemera are represented as two separate goddesses meeting and greeting each other on the threshold. In the fr.43Leb/B67 that contains Heraclitus’ own conception of day and night, they are conceived not as self-subsistent beings or entities, but as processes, i.e., phases of the diurnal cycle of “kindling up” and “going out” of the single common substrate, the “ever-living fire”. In this doctrinal rather than polemical text the name of Day and Night are quoted without καί. In (2) ἡοῦς καὶ ἐσπέρας τέρματα refers to the equinoxes, i.e., temporal points of the same cycle. For details see Lebedev, *The cosmos as a stadium* (1985) and *Logos Gerakliti*, 71–75; 368–373.

“restoration” of καί is provided by fr. 106Leb/B10 on *syllapsies* where it has been inserted by the author of *De mundo* in the first and fourth pair of opposites (correctly deleted in the text of Heraclitus already by Zeller), whereas the second and the third pairs (quoted above) have been preserved intact without καί. The anthropological fragment 76Leb/B88 quoted in Plutarch’s *Consolatio ad Apollonium*, with five καί joining the pairs of opposites of life and death, sleep and awakening, youth and old age, is not a *verbatim* fragment, but a colorless paraphrase in late language of the authentic fr.75Leb/B26 and its context²⁶. In other non-metaphysical and non-physical contexts, unrelated with cosmic opposites and the theory of *palintropos harmonia*, especially in ethical fragments, as well as joining two clauses etc., Heraclitus seems to use καί following common usage²⁷. These instances of authentic καί joining or introducing clauses or points should be distinguished from καί-s inserted by later authors quoting a series of two or more fragments or phrases of Heraclitus²⁸. The conjunction καί never joins phenomenal entities, but it can join properties of the same entity (καθαρώτατον καί μαρώτατον fr. 95Leb/B61) and characteristics or actions (processes) of cosmic powers and supreme god: ἦν αἰεὶ καὶ ἔστι καὶ ἔσται 37Leb/B30; ἀπτόμενον μέτρα καὶ ἀποσβεννύμενον μέτρα *ibidem*; διαχέεται καὶ μετρέεται 45Leb/B31; πυρός τε ἀνταμείβεται πάντα καὶ πῦρ ἀπάντων κτλ. 42Leb/B90. Note that in all these cases καί joins cyclical processes and is inserted *between verbs*, not *between nouns*²⁹. The verbs denoting opposite processes do not

²⁶ It is not worthless since it correctly paraphrases Heraclitus’ thought and supplements the two pairs of opposites in 75Leb/B26 with a third one (youth and old age); therefore, it should be treated as a separate fragment, but not as a *verbatim* quotation.

²⁷ e. g., fr.103Leb/B24 θεοὶ τιμῶσι καὶ ἄνθρωποι. A genuine καί introducing additional point (example etc.) or a new clause: 78Leb/B20 ἐθέλουσι ... καὶ παῖδας καταλείπουσι κτλ.

²⁸ fr.67c Leb (B12) καὶ “ψυχὰς δὲ ἀπὸ τῶν ὑγρῶν ἀναθυμῶνται”. fr. 68e Leb (B91) καὶ “πρόσεισι καὶ ἄπεισι”. In fr.100 Leb (B112) καί belongs to Stobaeus who adds Heraclitus’ apothegm on self-control (b) to that on wisdom (a). In fr.151Leb καὶ μέντοι καὶ is wrongly printed in bold in DK (B28b) and attributed to Heraclitus by other modern editors.

²⁹ The conjecture of Diels ἀνταμοιβή in the DK text of B90 should be ruled out for many reasons. All MSS. of Plutarch have the verb ἀνταμείβεται (once misspelled with ου). It is methodologically incorrect to “emend” a *verbatim* quotation in Ionian dialect on the basis of a late doxography. Heraclitus never uses πάντα with article (see above section 6), and it is

make opposites two separate things, since they have one the same subject, *hypokeimenon* in Aristotle's later terminology. Just as in the case of loan/security imagery (fr. 42Leb/B90) Heraclitus anticipates Aristotle's distinction of possibility and actuality (*dynamis/energeia*), so in the present case Heraclitus anticipates Aristotle's triadic conceptual scheme *hypokeimenon/hexis/steresis* ("substrate/possession/privation") in the explanation of process (*kinesis*) and alteration (*alloiosis*).

A subtle imitation and a parody of Heraclitus' *asyndeton* we find in Lucian and Plutarch. In his *Auction of lives*, 14 Lucian puts in Heraclitus' mouth a theory of permanent cyclical change of opposites that is more authentic and accurate both in language and thought (no καί!) than the one in Plato: καὶ ἔστι τῶντὸ τέρψις ἀτερψίη, γνῶσις ἀγνωσίη, μέγα μικρόν, ἄνω κάτω περιχωρόντα καὶ ἀμειβόμενα ἐν τῇ τοῦ αἰῶνος παιδιῇ "and it is one and the same thing: pleasure non-pleasure, knowledge ignorance, big small, circling up and down in the game of Time".

Plutarch in *De exilio* 601A elaborates on the Heraclitean idea of Cosmopolis imitating his *asyndeton*: οὗτοι τῆς πατρίδος ἡμῶν ὅροι [εἰσί], καὶ οὐδεις οὔτε φυγὰς ἐν τούτοις οὔτε ξένος οὔτ' ἀλλοδαπός, ὅπου τὸ αὐτὸ πῦρ ὕδωρ ἀήρ, ἄρχοντες οἱ αὐτοὶ καὶ διοικηταὶ καὶ πρυτάνεις ἥλιος σελήνη φωσφόρος · οἱ αὐτοὶ νόμοι πᾶσι, ὕφ' ἐνὸς προστάγματος καὶ μιᾶς ἡγεμονίας τροπαὶ βόρειοι, τροπαὶ νότιοι, ἰσημερία, Πλειάδες, Ἀρκτοῦρος, ὥραι σπόρων, ὥραι φυτειῶν · εἷς δὲ βασιλεὺς καὶ ἄρχων ...". "These are the borders of our fatherland (i. e. of the Universe), and no one in them is an exile, not a stranger, not a foreigner, where the same fire, water, air; the same rulers, governors and lords are the Sun, the Moon, Venus. The same laws for all, according to a single command and under a single authority, the northern solstices, the southern solstices, the Pleiades, Arcturus, time to sow, time to plant, one is the king and ruler ...".

In the case of the omission of the conjunction καί 'and' between the opposites, we are dealing not with a negligence of style or with an influence of oral speech, but with a conscious, philosophically grounded work on the reform of ordinary language. According to

---

inconceivable that Heraclitus would use πάντα/ἅπαντα in the same sentence with article and without it. In fr. 42A Leb. τά should be deleted as it spoils the hexameter meter, and in fr. 40Leb/B64 the correct reading is τάδε πάντα, not τὰ δὲ πάντα. The meaning ἀμοιβή "transformation" cited in LSJ, s.v. III, 2 is ill-attested and probably does not exist. For details see our commentary to fr. 42Leb/B90 DK.

Heraclitus, separate opposites are not autonomous entities, but aspects of a whole that are falsely disjoint and made into separate entities in ordinary language. According to grammatical analogy, the names of the ordinary language are not real «names» that stand for things, but letters (opposites) and syllables (pairs of opposites) of the universal natural indivisible logos. The conjunction ‘and’ is misleading: it seems to join the opposites like day and night etc., but this joining is based on a presupposition that they are different, otherwise there would be no reason to join them. The joining by conjunction καί corresponds to the “apparent conjunction” (ἄρμονία φανερή, fr.30Leb/B54), the elimination of καί corresponds to the ascent from the level of phenomenal duality to noumenal unity, the level of “invisible harmony” or “joining together” (ἄρμονία ἀφανής, ibidem). Exactly as in Parmenides, this is the level of divine knowledge, and not of human knowledge based on sense perception. The culprits to blame for this distorted and unnatural language are the poets, like Homer and Hesiod, who drank too much wine and due to the “wetness” of their souls lacked “sound mind” (νόος, φρόνησις, γνώμη). Hesiod, admired by the ignorant crowd as the teacher of Greeks who ostensibly knew more than anyone else, in fact was an unintelligent *axynetos* who knew nothing: he even “did not know day and night”, because he thought that they are two separate beings, whereas they are one and the same thing (ἔστι γὰρ ἕν, fr.14Leb/B57). The fragment 43Leb/B 67 on the cosmic cycles is written not in the language of Homer, Hesiod and unintelligent *hoi polloi* (*axynetoí*), but in the language of nature, which is also the language of gods known only to the wise (according to fr.2Leb/B1 to Heraclitus only) in which all opposites are integrated, like letters and syllables, into one and the same “common” logos (ξυνός λόγος, λόγος ὅδε) of the divine Universe.

4. The use of connective particles.

In the authentic fragments, quoted verbatim in Ionian dialect in our best sources (such as Hippolytus, Stobaeus, Clement) not only the conjunction καί, but also connective particles introducing new sentences or joining two clauses, such a progressive δέ, γάρ, etc. are also often omitted in positions where they are required by the standard Greek syntax.

In the most authentic collection of fragments that we possess, quoted in the book IX of Hippolytus’ *Refutation of all heresies*, 14 out of the 18 verbatim quotations from Heraclitus have no

introductory particle³⁰. In some cases Hippolytus has introduced Heraclitus' quotations by his own particles δέ, γάρ, γοῦν³¹. Only in two Hippolytus quotations the initial δέ seems to be authentic³². The anthology of John Stobaeus is another excellent source of authentic fragments of Heraclitus in Ionian dialect, since the compiler pedantically rewrites his source without "weaving" a quote into his own text and without changing a single letter. Out of the 14 verbatim quotations in Stobaeus 11 have no connective particle, 2 have genuine γάρ, one is uncertain³³. Clement of Alexandria is also one of the main and best sources of authentic fragments of Heraclitus in the Ionian dialect, although somewhat less accurate than Hippolytus and Stobaeus. 19 out of 25 quotations from Heraclitus in Clement have no particle, 4 have γάρ, one possible ὄν (= οὖν) and one certainly unauthentic late combination καὶ μέντοι καί³⁴. Some of the four γάρ may also have been added to original sayings without particle. Other ancient authors, citing most probably from the original *syngramma* of Heraclitus (Diogenes Laertius, Marcus Aurelius, Plotinus) in most cases confirm the general trend. And finally, Plutarch.

³⁰ Fr.50Leb/B56, 18Leb/B55, 20Leb/B56, 29Leb/B51, 30Leb/B54, 33Leb/B52, 40Leb/B64, 43Leb/B67, 50Leb/B60, 95Leb/B61, 111Leb/B58, 113Leb/B59, 15Leb/B53. We regard fr. 41Leb/B65 as a part of 43(a)Leb/B67 and therefore do not count it. In fr.156Leb/B63 δέ is a false conjecture of Diels (read ἐν θεοῦ δέοντι, cj.West), therefore we add it to the group without particle.

³¹ In fr.150Leb/B66 πάντα γάρ, φησί, τὸ πῦρ ἐπελθόν κτλ. the particle γάρ belongs to Hippolytus, not to Heraclitus since it introduces explication of the preceding paraphrasis λέγει...γίνεσθαι. This applies to fr. 111L/56 as well, where Hippolytus introduces by particle γοῦν a quotation that instantiates the general thesis of identity of good and evil (*contra* DK, *recte* Marcovich). For a complete list of Heraclitus quotations in Hippolytus, Clement, Stobaeus and other authors see the *index fontium* in our edition, pp.489–495.

³² Fr. 2Leb/B50 τοῦ δέ λόγου τοῦδε... and fr. 14L/B57 διδάσκαλος δέ ἐπείστων Ἡσίοδος...

³³ No connective particle: fr.6Leb/B113, 73Leb/B118, 74Leb/B117, 87Leb/B110, 88Leb/B111, 96Leb/B116, 100Leb/B112, 127Leb/B109, 131Leb/B114, 139Leb/B108. Fragment 42(A)Leb and 53Leb/B137 have authentic γάρ, fr.85Leb/B70 is uncertain (from Jamblichus).

³⁴ γάρ is found in two fragments: fr.56Leb(c) quoted in Derveni papyrus, and 56(d) Leb/B94. The Derveni quotation shows that εἰ δέ μή belongs to Plutarch' paraphrase, not to Heraclitus. Fr.71Leb/B9 and fr.56Leb/B3 are uncertain. For the general list of Plutarch's quotations see our *index fontium* in *Logos Geraklita*, 493–494.

Together with Hippolytus and Clement Plutarch belongs to the top three in the quantity of quotations from Heraclitus (about 20). Plutarch undoubtedly had in his library a copy of Heraclitus' book since many of his quotations are unique. He was fond of Heraclitus and he was a highly sophisticated interpreter of his thought, absolutely independent from the Stoics, his philosophical opponents. But since he gave much more attention to the elegance of his own style than Hippolytus or Clement, who quoted Heraclitus with precision as documentary evidence for apologetic purposes in their polemics against pagan philosophers, Plutarch more often rephrased the archaic Ionian wording with a style of more modern parlance; and besides, he more often used Heraclitus quotations for rhetorical embellishment and used to weave Heraclitus's words into his own text, but to do so without connective particles is not always possible. That is why in 8 out of 20 or so quotations from Heraclitus we find γάρ or τε that have been apparently added by Plutarch: it is indicative that fr. B95 on ἀμαθία is quoted by Stobaeus in its intact form in Ionian dialect without γάρ. We may conclude that the regular use of connective particles, typical for the classical philosophical prose, is either alien to or avoided by Heraclitus.

5. Ellipsis of copula: the omission of the verb ἐστίν in certain contexts.

In the authentic quotations from Heraclitus the grammatical copula "is" is regularly omitted. Often this is accompanied by the omission of the conjunction καί ('and') between opposites, as well as by dropping introductory or connective particles and articles.

- (a) ὁ θεὸς ἡμέρη εὐφρόνη ... God: day-night, winter-summer ...' (fr. 43Leb/B67);
- (b) ἄνθρωπος εὐφρόνη φάος 'Man: light-night' (fr.75Leb/B26);
- (c) συλλάψεις οὐλα καὶ οὐχ' οὐλα ... 'Syllables: voiced and unvoiced letters' (fr.106, fr.108 Leb/ B10 DK);
- (d) ἠοῦς καὶ ἐσπέρας τέρματα ... ἡ Ἄρκτος 'Turning posts of Dawn and Sunset: the Bear...' (fr. 55Leb/B120); (e) πυρὸς τροπαὶ πρῶτον θάλασσα ... 'Reversals of Fire: first the Sea ...' (fr.44Leb/B31);
- (f) ψυχῆσι θάνατος ὕδωρ γενέσθαι ... Deaths for souls to become water' (fr.69Leb./B36);
- (g) ὁδὸς ἄνω κάτω μία 'The road up and down /is/ one ...' (fr.50Leb/B60);
- (h) ἀρμονίη ἀφανὴς φανερῆς κρείττων 'Invisible harmony stronger than the visible' (fr.29Leb/B51);

(i) τὸ ἀντίξουν συμφέρον ‘The adversary /is/ beneficial’ (fr.34Leb/B8);

(k) γναφέων <ἴπου> ὁδὸς εὐθεία καὶ σκολιή ‘The way of fullers’ press /is/ straight and curved’ (fr.113Leb/B59);

(l) ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι ‘Immortals mortals, mortals immortals’ (fr.153Leb/B62);

(m) κακοὶ μάρτυρες ... ὀφθαλμοὶ ... ‘Bad witnesses ... eyes’ (fr.19Leb/B107);

(n) τῷ οὖν τόξω ὄνομα βίος ‘Bow’s name /is/ life’ (fr.28Leb/B48);

(o) εἷς ἐμοὶ μύριοι ... ‘One for me /is/ myriad’ (fr.128Leb/B49);

(p) νόμος ... πείθεσθαι ἐνός ‘The law /is/ to obey one’ (fr.132Leb/B33);

(r) σωφρονεῖν ἀρετὴ μεγίστη ‘Self-restrain /is/ greatest virtue ...’ (fr.100a Leb/B112);

(s) αἶψα ψυχὴ σοφωτάτη ‘The dry soul /is/ the wisest’ (fr.73Leb/B118).

The ellipsis of copula (verb ‘is’) is typical for proverbs and gnomic sayings (Kühner, Gerth I: 40 ff.). But the omission of the verb ‘is’ can be explained by the influence of the gnomic and proverbial style only in ethical sayings (i), (m), (o), (p), (r), (s). In the physical fragments describing cosmic processes, such a style is quite unusual, it is full of expressive energy and renders the speed of cosmic changes: see especially examples (a) — (g). This style is characteristically Heraclitean, and it was imitated by the Hippocratic authors of *De diaeta* I, 11–24 and *De nutrimento*, IX, 98 ff. (τροφή οὐ τροφή etc.), as well as by Plutarch in *De exilio*.

Philosophical implications of the use of the verb “to be” in Heraclitus

It is philosophically significant and hardly accidental that Heraclitus regularly omits the verb ‘to be’ (ἔστιν) in the contexts relating to interchanging opposites, i. e., to the phenomenal world of plurality and change. In describing the processes of the phenomenal world, Heraclitus uses either elliptical sentences that omit the copula ‘is’ or verbs that designate processes like ψυχρὰ θέρεται, ὑγρὰ αὐαίνεται, διαχέεται καὶ μετρέεται, σκίδνησι καὶ συνάγει, ἀμειβόμενα, πάντα χωρεῖ etc.³⁵ The word πάντα in Heraclitus is a technical metaphysical term for plurality (synonym of πολλά, contrasted with ‘one’, ἓν) and a physical term for all pairs of cosmic

³⁵ Fr. 48 and 51Leb. A verbatim quotation attested by the consensus of three independent sources: Plato, Hippocratic *De diaeta* and Lucian.

opposites. But separate opposites in Heraclitus' view are not self-subsistent entities. Speaking in the 4th century philosophical language, they lack *ousia* 'substance', i.e. autonomous being. That is why Heraclitus avoids to apply to them the verb 'to be': let us not forget that the distinction of the two meanings of the verb εἰμί, the distinction between the grammatical copula ἐστί and the "existential" ἔστω (let alone the "veridical" use), is a modern convention unknown to Greeks. On the contrary, when Heraclitus speaks of the Absolute (logos, cosmos as a whole, fire) or the supreme deity, he uses the verb "is": λόγου ἐόντος αἰεὶ (2L/B1), ἦν αἰεὶ καὶ ἔστω καὶ ἔσται πῦρ (37L/B30). According to fr.2Leb/B1, "this logos" is (ἐόντος), whereas "humans become", ἄνθρωποι γίνονται. From this we can infer that Heraclitus was well aware of the distinction between being and becoming, contrary to the widespread opinion that it was invented by Parmenides. Moreover, both in Heraclitus and Parmenides, being corresponds to the "one", and becoming to the "many", understood as the totality of all pairs of opposites. And again, in both cases, the one is conceived as intelligible truth, perceived by the mind (νόος), whereas plurality is understood as an illusion produced by the "deception" of the senses (ἀπάτη τῶν φανερῶν in Heraclitus fr.20L/B56). The only difference (but a very important one) is that in Parmenides the ontological absolute is motionless and immutable, while in Heraclitus it is full of energy, movement and undergoes continuous cyclic change. One cannot exclude the possibility that Heraclitus' radical monism had an impact on Parmenides' metaphysics, and that Parmenides developed as a reply to Heraclitus (whom he attacks in fr. B6DK) a system of Western idealist (mentalist) monism, polemically opposed to the Eastern naturalistic monism, and *eo ipso* reformed the orthodox Pythagorean metaphysical dualism reflected in the Pythagorean table of opposites and in the fragments of Philolaus. According to an alternative scenario, which seems to us more attractive in view of the better supporting evidence, the metaphysical systems of Heraclitus and Parmenides have a common source in the 6th century Pythagorean tradition, i.e. in the philosophy of Pythagoras of Samos³⁶. In this case it was not Parme-

³⁶ In our article on Alcmaeon (Lebedev 2017–3) 244–247 we argue in detail that Aristotle ascribes the Table of opposites in *Metaphysics* A to Pythagoras personally. In our article on Epicharmus (Lebedev 2017–4) 21–25 we point to an early reflex of the Pythagorean table of opposites in Epicharmus, discuss Aristotle's report on Pythagoras' conception of matter

nides who produced a new monistic (unorthodox) version of the original dualist Pythagorean metaphysics, but it was Heraclitus who produced a new naturalized version of Pythagorean first principles based on the fundamental opposition of (intelligible) One and (sensible) Two which is reflected in: 1) Heraclitus' "triadic structure" 2+1 (see chapter 5 of our monograph "The Logos of Heraclitus", section on metaphysics); 2) the poem of the orthodox Pythagorean Parmenides, contrasting intelligible One and sensible Duality; 3) the Platonic reception of this Pythagorean doctrine, the theory of One and *Aoristos Dyas*, the first principles of the *Agrapha dogmata* of Plato cited by Aristotle in the *Alpha* of *Metaphysics*, chapter 6.

6. The use of the article.

From the above examples it becomes clear that Heraclitus rarely and irregularly uses the article. As in the case of the conjunction *καί*, as well as of the introductory particles and the use of copula, the question arises whether the article(s) in a quote from Heraclitus belongs to the original or has been added by the author who quotes it or by a scribe. It seems likely that, just as in the case of the conjunction *καί*, Heraclitus intentionally avoids the use of article with words that refer to the phenomenal opposites subject to constant cyclic change and interconversion, since the article (that originated from a deictic pronoun) "substantivates" — both in grammatical and ontological sense — a transient phenomenon, a phase of a process inherent in a "shared" substrate rather than an autonomous and self-subsistent thing, what Aristotle later termed "this something" (*τόδε τι*). And exactly as in the case of the originally omitted *καί* and copula, the later authors who quoted Heraclitus, as well as Byzantine scribes, used to "supply" the "missing" articles following standard usage. An instructive example is provided by the Plutarchean *Consolation to Apollonius*: fr.76L/B88 ταῦτῳ τ' ἐνὶ ζῶν καὶ τεθνηκὸς καὶ [τὸ] ἐγρηγορὸς καὶ

---

as ἄλλο "other" and interpret it as one of the two terms of the original binary opposition ταῦτόν — ἄλλο or ἐν — ἄλλο which corresponds to the opposition of the soul and the body, as well as to that of god and matter. It is the source both of Parmenides' opposition of One (*Aletheia*) and Duality of *Doxa*, as well as of Plato's opposition of *One* and *Aoristos Dyas* in *Agrapha dogmata*. We side with John Dillon who recognizes the Pythagorean roots of Plato's theory of first principles in the *Agrapha dogmata*: Dillon (1996) 3.

[τὸ] καθεῦδον καὶ νέον καὶ γηραιόν· τάδε γὰρ μεταπεσόντα ἐκεῖνά ἐστι κακεῖνα πάλιν μεταπεσόντα τάδε. “In one and the same [*scil.* substrate or human being] is inherent the living and the dead, the awoken and the sleeping, the young and the old, for these, having dramatically changed, are those, and those, having again dramatically changed, are these”. Most editors and commentators with good reason delete the two articles erroneously “supplied” by scribes. This comes from a brilliant Plutarchean passage full of compressed reminiscences of authentic ideas and metaphors of Heraclitus which contains much more than is recognized by Diels-Kranz and those editors who follow them. However, the language of fr. B88 DK and its context is the same Atticist Greek of the Imperial times as the language of its context. Contrast this language with the archaic Ionian prose of 75Leb/B26 which it actually paraphrases. The authentic fragment does not speak of abstract *neutra* like τὸ ἐγγηγορός καὶ τὸ καθεῦδον, instead it speaks about ἄνθρωπος who is now εὔδων, now ἐγγηγορός, now ζῶν, now τεθνεώς. In the authentic fragments Heraclitus uses archaic and poetic words εὔδων, τεθνεώς (or νέκυες), but never standard late forms καθεῦδων, τεθνηκός. Another indication of a paraphrase is the verb ἐστί applied to the changing opposites, which is impossible in authentic text of Heraclitus. These two facts are sufficient to demonstrate that B88 DK is a paraphrase (generally a correct one), not a verbatim quotation. Another example of a similar “restoration” of articles is provided by the comparison of Heraclitus original συμφερόμενον διαφερόμενον (106Leb/B10, no articles!) with Aristotle’s imprecise quotation (or rather summary of several “fragments”) in *Eudemian Ethics* 1155b4 (fr. 34Leb/B8) τὸ ἀντίξουν συμφέρον καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν. In the fragments, quoted in the Ionian dialect and relating to the opposites, articles are regularly omitted: ψυχρὰ θέρεται θερμὰ ψύχεται κτλ. (46Leb/B126); ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι, ζῶντες... τεθνεώτες (153Leb/B63); οὔλα καὶ οὐχ οὔλα κτλ. (106Leb/B10).

While Heraclitus regularly omits article when he speaks of phenomenal opposites and “parts” of the world, he does use article (or the demonstrative pronoun τόνδε) when it comes to the Whole, to what is common to all (τῷ ξυνῶι πάντων, divine law), to eternal and divine beings, such as *logos* (1L/B50, 2L/B1, 7L/B2), *cosmos* (37L/B30, 38L/B14) and divine fire: in fr.150L/B66 we have τὸ πῦρ, but πάντα without an article; Heraclitus’ word for the new philosophical god, who governs the whole Universe, is “τὸ Σοφόν

“The Wise Being” (fr.140L/B41, 141L/B32)³⁷. In Plato’s *Theaetetus* 201d Socrates expounds the so-called “dream theory” which he allegedly “heard from someone” in a dream. At the core of this theory is the analogy between the relation of the simplest elements of everything to the Universe, on the one hand, and the relation of the letters of the alphabet (στοιχεῖα), that have no meaning, to a meaningful *logos*. Since the analogy between *logos* and the Universe (which we call the grammatical or the alphabet analogy), especially combined with the image of «dreamers», is attested only in the authentic fragments of Heraclitus (1L/B50; 2L/B1; 106L/B10 where συλλάψεις is Ionian equivalent of the Attic συλλαβαί “syllables” and οὔλα καὶ οὐχ οὔλα means “voiced and unvoiced letters”, i. e. vowels and consonants) and since the paradoxical thesis “*logos* means Universe” is attested in Plato’s *Cratylus* in a Heraclitizing context (408c2 = Heraclit. fr. prob. 3 Leb.), we identify the author of the “dream theory” with Heraclitus rather with Antisthenes (a conjecture unsupported by clear evidence), and include the passage from *Cratylus* in our edition of Heraclitus’ fragment in a special section *Probabilia* (fr.4), i. e., fragments quoted without Heraclitus’ name, although the attribution seems virtually certain. The author of the dream theory insists that the simplest “letters”, which are perceived by the senses, but cannot be “known”, have only “name”, but lack *logos*. It is only the “combination of names” (συνπλοκὴ ὀνομάτων) that produces *logos*.

³⁷ The use of σοφόν without article in fr. 1L/B50 and 139/B108 can be explained by the intentional syntactic polysemy. In these fragments Heraclitus actually introduces a new philosophical god within his project of monotheistic reform of Greek religion. To protect himself from possible charges of impiety (*asebeia*) or “introducing new divinities” (καὶνὰ διαμόνια εἰσάγειν), he makes the syntax of these fragments ambiguous, so that both of them allow alternative “innocent” readings, in which σοφόν means simply “wise” or “wisdom” rather than “The Wise Being”: cf. Heraclitus’ retort to Euthycles’ charge in Ps. Heraclit. *Epist.* IV, pointing to the wrong *diastixis*. The name of the supreme god on Heraclitus’ theology has been compared with Persian Ahura Mazda “The Wise Lord” by Martin West (1971) 180–181 and others. If there is indeed such connection, we would not consider it as a mere “influence” of the Iranian religion, but rather as a *peritrope*, a polemical Hellenic reply to the Persians, since in Heraclitus (as West himself correctly points out) the “Wise being” is intricately bound with Zeus. Zeus was traditionally regarded by Greeks as the “wise god” (Homeric stock epithet μητιετα Ζεύς) long before the formation of Persian empire.

For this reason, the author of the dream theory prohibits to apply to these simples any demonstrative pronoun and any other deictic expression like «this», «that», «each», «single» (αὐτό, ἐκεῖνο, ἕκαστον, μόνον) etc. This prohibition to use deictic expressions with a reference to elements is in perfect agreement with Heraclitus' regular omission of articles and demonstrative pronouns (like τόνδε) when he refers to phenomenal opposites. Both in Heraclitus and in the «dream theory» the simple letters stand for the cosmic opposites or elements that in Heraclitus agonistic model of the cosmos constantly «run in a circle» on the road «up and down» (ὁδὸς ἄνω κάτω), while in the “dream theory” they also “run hither and thither” (περιτρέχοντα). An article, a demonstrative pronoun or any other deictic expression «fixes» an object and identifies it as it were something permanent and ‘staying still’. But the phenomenal opposites are not stable, since they are immersed in the Universal flux and interchange. As Aristotle puts it in his summary of Plato's metaphysics inspired by Heraclitus, «since all sensibles are permanently in flux and knowledge about them is impossible»: ὡς τῶν αἰσθητῶν ἀεὶ ρεόντων καὶ τῆς ἐπιστήμης περὶ αὐτῶν οὐκ οὔσης, Arist. *Metaph.* 987a33–34.

7. Pluralis poeticus (or philosophicus?).

Another idiosyncratic feature of Heraclitus style is that he often uses plurals where most writers of prose would have used singular. Here are examples of this seeming *pluralis poeticus*: ψυχρά, θερμά, ὑγρά, καρφαλέα (46L/B126), ποταμοῖσι, αὐτοῖσι, ἐμβαίνουσι, ὕδατα (φρ. 67b Leb/B12), ψυχαί, ὑγρῶν (67c Leb/B12), ψυχῆισι (69Leb/B36, 70Leb/B77), μόρους (78Leb/B20), γνώμας (82Leb/B78), συλλάψεις (106Leb/B10), μόροι, μοίρας (136Leb/B86), αἰδοίοισι, ἀναιδέστατα (148Leb/B15).

The easiest way to explain the use of *pluralis poeticus* in prose is to attribute it to the influence of the poetic language: Heraclitus is one of the earliest philosophical prose writers, he writes in the Ionian dialect cognate with the Homeric dialect etc. In some cases, this might be true, but not in most. E.g., the rare use of γνώμας in the sense of “wisdom” or “wise insights” may be poetic (cf. Ion of Chios B 4 DK). But in the case of “rivers” and “souls,” the *pluralis* seems to be philosophically significant and theoretically loaded, and not just a poetic feature. Virtually all numerous ancient quotations, paraphrases and reminiscences of this famous fragment with the image of “rivers” (67b Leb/B12), substitute for the original *pluralis* ποταμοί “rivers” a *singularis* ποταμός “river”. And indeed, why a

single river is not sufficient for a symbol of change? And why an image of the soul as a river flowing inside our psyche is not sufficient to convey the idea of the flux of consciousness and constantly changing sensations and impressions? Since fr. 67b Leb/B12, unlike Plato's too narrow ontological interpretation of it in *Cratylus* 402a, is concerned with personal identity (or lack of it), i. e., is primarily psychological and anthropological, and not (only) metaphysical and epistemological, we cannot exclude the possibility that this text provides yet another example of Heraclitus' reform of ordinary language, i. e., of bringing it in line with the objective reality or "nature". If a river is new every single moment, then what we call in ordinary language by a singular name "river", is in fact not one thing, but many things, a series of innumerable "rivers" that succeed each other in the flow of time, then the "correct" and "conforming to nature" way to name this temporal series is to use the plural instead of the singular. The same applies to our "souls" which, like the sun, are new every day, as we "kindle up in the morning after going out in the evening" (75Leb/B26). Hence Heraclitus' general predilection for *pluralis poeticus*, or rather *philosophicus*, when he speaks of the phenomenal world and the world of mortals. However, when he touches on the absolute and the divine, he switches from the plural mode to the strict singular. The "logoi" of humans, poets and philosophers, are many and empty (139Leb/B108). The divine "this logos", like "this cosmos", is one and the same for all and forever (ἀεί).

8. Folklore elements. Proverb, parable, riddle.

Despite his contempt for *hoi polloi*, the Ephesian *basileus* was fond of the idiomatic and figurative demotic speech. He often makes use of folkloric proverbs, riddles and parables. However, he uses them not in the trivial sense of everyday practical wisdom, but he gives them an unusual philosophical meaning, expressing through them his paradoxical theory of knowledge or turning them into polemical invectives against his theoretical opponents. He quotes a popular proverb (φάτις) about those who are "absent while present" (παρεόντας ἀπεῖναι fr.9L/B34), which was commonly applied to an absent-minded. Heraclitus transforms this trivial absent-mindedness into a cognitive drama of humans, their disconnect from reality, the inability of the ordinary consciousness to see behind the veil of the plurality of disconnected phenomena a hidden harmony and unity. Another proverbial expression "babes of their parents" (παῖδες τοκεῶνων fr.11L/B74) describes the commitment of the majority to

traditional beliefs, the inability to think independently and to rely on personal experience and sound judgment rather than to listen to the childish poetic myths about gods and the origin of the cosmos. Another popular adage “eyes are more accurate witnesses than ears” (ὄφθαλμοὶ τῶν ὄτων ἀκριβέστεροι μάρτυρες fr.13Leb/B101a) puts personal experience, i. e., knowledge of a witness obtained by what he has seen “by his own eyes”, above the “things heard”, i. e., above the traditional myths told by the poets. There was a traditional Greek proverb about puppies who “bark at their master”, i. e., about ingratitude towards masters, parents, teachers or benefactors quoted in Heraclit. fr. 126Leb/B97 κύνες καὶ βαῦζουσι ὄν ἄν μὴ γινώσκωσι “the dogs bark at someone they do not recognize”. Various conjectures have been proposed about who are the dogs and who is the one at whom they bark in Heraclitus’ use of the proverb. We connect the conflict alluded to in this quotation with the “ancient quarrel” between poetry and philosophy by attributing to Heraclitus two anonymous quotations in Plato’s *Republic* 607b A. (= Heraclit. *Fr. probabilia* 1–2 Leb.). This passage illustrates the “ancient quarrel” by a series of four quotations with mutual invectives: the first two (in Ionian prose) are invectives of philosophers against the poets, and the following two (in iambic verse) are invectives of poets against philosophers, including Socrates or Plato’ Academy, from the ancient or middle comedy; this makes the expulsion of poets a just retaliation³⁸. The poet who is “great in the empty talk of fools” (*aphrones* recalls *axynetoι* in Heraclitus) is Homer; he behaves like a “dog barking at his master” (λακέρυζα πρὸς δεσπότεα κύων) when in his condemnation of war and strife (Il. 18.107) he attacks *Polemos*, the real “father and king of all” gods and men, and therefore his “master” as well³⁹.

The bizarre folk legend of the death of blind Homer on the island of Ios, containing the riddle of lice (fr.20Leb/B56), Heraclitus transforms into a highly sophisticated epistemological parable about ignorance of men who are deceived by the appearances (φανερὰ)

³⁸ Ionian prose: κενεαγορίασιν (κενεηγορήσιν in the original text) and δεσπότεα, a rare accusative in Herodotus misread by a scribe as a Dotic form δεσπόταν.

³⁹ Cf. Heraclit 31Leb/B80, 32L/B53, fr. 35Leb/A22, fr.36L = Plut. *De Iside* 370D. We recognize in the words Ὅμηρον εὐχόμενον... λανθάνειν φησι τῆι πάντων γενέσει καταρῶμενον a neglected *verbatim* quotation from Heraclitus based on a typical Heraclitian paradox εὐχόμενον καταρῶμενον which Plutarch *quotes* as words of Heraclitus.

and at the same time into invective against *polymathia* of natural scientists who do not understand that in reading the universal logos (ἀκούειν τοῦ λόγου τοῦδε) one should “divide” only in order to reintegrate all phenomenal opposites into *xynos logos*, “killing” all the phenomenal “lice” by “grasping” them as unities (syllables) in the process of *reduction* of “many” (πάντα) to “one” (ἓν), rather than collecting empirical data in the way the Ionian *Peri physeos historia* does, and thus multiplying our ignorance. For «wisdom consists in knowing all things as one» (σοφόν ἐστὶ ἐν πάντα εἶδέναι, fr.1Leb/B50), as the first programmatic sentence of Heraclitus’ book states in its authentic, undistorted by the 19th century pseudo-emendation form (εἶναι for MSS. εἶδέναι, still accepted by most editors and commentators).

“To forget the way back to home” was probably a proverbial expression applied to someone who got drunk at a *symposion* and therefore needed a slave with a torch that would bring him home. A drunkard who has forgotten the way home and “does not understand where he is going” (οὐκ ἐπαῖων ὅκη βαίνει) is a moral parable of a hedonist who has forgotten the meaning of human life, and at the same time an illustration of the ethical-psychological doctrine of sensual wet and spiritual dry souls (fr.74Leb/B117). The procession of bacchantes who perform *phallophoria* is a parable of insane humanity, lacking understanding that the generation of new life generates new death as well (fr.148Leb/B15).

The list of proverbial phrases, idiomatic expressions and stock formulas can be expanded: ὥραι αἰ πάντα φέρουσι “the seasons that bring forth everything” (57Leb/B100, hexameter); μαινομένῳ στόματι “by raving mouth” i. e. inspired by god (160Leb/B92, of Sibyl); ἐκβάλλεσθαι καὶ ραπίζεσθαι “should be thrown out (from competitions) and whipped” (17Leb/B42, of poets Homer and Archilochus); ἱερὰ νοῦσος “sacred disease” (epilepsy) in the sense of madness, loss of mind (8Leb/B46, of poetic imagination or sense-perception); πάντων πατήρ...πάντων βασιλεύς “father of all, king of all” (32Leb/B53, Homeric formula of Zeus, turned against Homer in a kind of polemical *peritrope* and applied to *Polemos* cursed by Homer); πόλεμον ἐόντα ξυνόν “one should know that the war indeed (i. e. as the proverb says) is common” (fr. 31Leb/B80, allusion to the epic formula ξυνὸς Ἐνυάλιος, of the vicissitudes of war); κλέος ἀέναον θνητῶν “eternal glory among mortals” (102Leb/B129); ἰατροὶ τέμνοντες, καίοντες “doctors are cutting, burning...” (111Leb/B58); οἱ πολλοὶ κακοί, ὀλίγοι δὲ ἀγαθοί “most

men are bad, few are good” (130Leb/B104, apophthegm of the wise Bias of Priene that became proverbial).

Aristide Dovatur (1958) distinguished the “scientific and narrative” styles in the historical prose of Herodotus. One of them he traced back to the Ionian *historia* of early logographs, systematically comparing it with epigraphical documentary formulas, and the other to the oral story-telling and folklore *novella*. *Mutatis mutandis* this distinction can be, with some reservations, applied to Heraclitus’ *philosophical* prose.

The oracular, folklore elements and “oral” features in Heraclitus’ style have been illustrated in the preceding pages. What about the influence, if any, of the Ionian scientific *historia*? We said “mutatis mutandis” implying that in the case of Heraclitus relevant is primarily the Ionian *historia peri physeos* rather than early logographs, and we said “with some reservations» implying that our remarks about the striking contrast between Heraclitus’ style and that of the standard Ionian *Peri physeos historia* (best exemplified by the fragments of Anaxagoras) remain valid. However, when we try to understand precisely the relation between Heraclitus and the Milesians in cosmology and physics, Heraclitus’ paradoxical rule “the adverse is helpful” applies. When Heraclitus says “Of all those whose *logoi* I have heard...” (139Leb/B108), he primarily means by *logoi* many books that he has read⁴⁰, the works of Anaximander and Anaximenes among them, as well as Xenophanes’ popular exposition in verse of the new Milesian meteorology; influence of all these works on Heraclitus’ “cosmic” fragments has been correctly localized and variously discussed in modern literature. But one thing has escaped the notice of those scholars who performed such comparison following the general physicalist interpretation of Heraclitus in the hermeneutic tradition of Burnet-Kirk-Marcovich: that Heraclitus’ use of the new cosmological, astronomical and meteorological theories of the Milesians was not a mere borrowing, but a *peritrope*, i. e., fighting the opponent with his own weapons. Heraclitus borrows from the Milesians the fundamental naturalistic concept of *physis* and reinterprets it teleologically. He borrows from the Ionian science the fundamental method of empirical inference from *tekmeria* and even proclaims himself on empiricist and

---

⁴⁰ On the ambiguity of ἀκούειν and the meaning “to read a book” see the section on *logos* in our “Outline of Heraclitus’ philosophy”, *Logos Geraklita*, 103–114 and note 10 above; on grammatical (alphabet) analogy in Heraclitus *ibid.* 61–69.

sensualist: ὅσων ὄντις ἀκοή μάθησις, ταῦτα ἐγὼ προτιμέω “Whatever can be seen, heard and learned [from experience], that’s what I prefer” (fr.18Leb/B55). But all his alleged “tekmeria” of the identity of opposites, like his analogies between *physis* and *tekhnai*, are intended as “proofs” of the existence of the single divine mind “steering the whole Universe” and the “works” of man, and thus to refute the Milesian evolutionary (non-creationist) cosmogonies. He avails himself of the Milesian astronomical theory *περὶ τροπῆς καὶ ἰσημερίας* “on solstice and equinox” and “turns it around” against them: the fact that the Sun performs “reversal” (τροπή) always on the same “set month” (μηνὶ τακτῶι, PDerv, col. IV, 13) is for Heraclitus a proof that the cosmos is governed by divine mind, and that the Sun is an intelligent god (identified with Apollo) who obeys the “divine law” of cosmic justice, and not a “hole” in the celestial wheel of Anaximander or a flying fiery “leaf” of Anaximenes. The cosmic cycle of Heraclitus, in fragments 44–45Leb/B 31 DK has nothing to do with “chemical” cosmogony or “transformations” of fire: it is a calendar of the “Great year” (*Megas Eniautos*) based on the Milesian astronomical *parapegma* and describing its “turning points” (*tropai*) as “reversals” of the great cosmic battle of the four world masses. In this case the Milesian science again is put in the service of theology and religion since the terminal stage of the great cycle, the domination of Fire (*Koros*), is conceived as a Last Judgement in which the sinners (κακῶς βεβιοκότες in Clement’s paraphrase) will be punished, and only the “purified” souls of the heroes and the wise will survive the scrutiny (*dokimasia*) by fire, and will become good *daimones* and “guardians” (*phylakes*) of men (fr.156Leb/B63).

The most remarkable possible example of Heraclitus’ direct use of the Milesian scientific astronomy is provided by the fragment on the phases of the Moon quoted in the Oxyrrhynchus fragment of a commentary to “Odyssey” published in 1986: The Oxyrrhynchus Papyri, vol. LIII, ed. W.W. Haslam, London, 1986; # 3710 Commentary on Odyssey XX, col. ii, 43–47.

(a) Ἡράκλειτος· **συνιόντων τῶν μηνῶν ἡμέρας — ἐξ [ὄ]του φαίνεται προτέριον νομειν[ί]ην δευτέριον — ἄλλοτ’ ἐλάσσονας μεταβάλλεται ἄλλοτε πλεῦνας** (ibidem, col. iii, 7–11).

(b) **μεῖς τρ[ιταῖος] φαινόμενος ἐκκαιδ[ε]κάτη πασσέληνος φαίνεται ἐν ἡμέραις τεσσαρεσκαίδεκα, ἀπολιμπάνει τὸν ὑπόμετρον ἐν ἡμέρησι γ’.**

(a) Heraclitus: “At the convergence of the months — from the moment it becomes visible on the day before, the new moon day or

the second day — the moon accomplishes her transformations now in fewer days, now in more”.

(b) “When the moon first appears on the third day, it becomes visible as full moon on the sixteenth. It wanes the remaining time (of the month) during 13 days.”

I must confess that I have included this text in my edition into the main corpus of authentic corpus of Heraclitus’ fragments (and not into the section “*Dubia et spuria*”) with hesitations (fr. 60Leb.). The style of this fragment is strikingly different from the style of all other extant fragments. No metaphors, no allusions, no figurative language, no peculiar features of Heraclitus’ style and syntax discussed above, just a piece of plain, detached, descriptive, objective astronomical prose. A confusion with Milesians or Democritus? On the other hand, the Ionian dialect, Thales’ theory of eclipses quoted in the context (which rules out another Heraclitus), as well as the evidence of Hippocratic *De diaeta* 1.5 (= Heraclit. fr. 54 L) that Heraclitus indeed cited the regularity of the phases of the moon together with the regularity of solstices. The authenticity of this fragment can be saved only if we assume that it is not a piece of descriptive astronomy, but is rather connected with Apollonian hebdomadism attested in fr.64L/B126a and possibly in the doxographic complex about “generation” (γενεά): $30 = 14 \cdot 2 + 2$ ⁴¹. In this case the connection of the cycles of the moon with the Apollonian number seven, according to Heraclitus, also is an empirical “proof” (*tekmerion*) that the cosmos is governed by the divine mind. It is conceivable that Heraclitus quoted or copied this passage on the phases of the moon from a Milesian *Περὶ φύσεως* or an early Ionian astronomical treatise without changes because it perfectly suited his purposes. However, the contrast with the style of the fragment on the Sun that “does not exceed the set limits” because of the fear of Erinyes, remains striking.

9. Fränkel’s “proportion”.

In a classic article “A thought pattern in Heraclitus” Herman Fränkel described an important form of thought in the texts of Heraclitus, which he conventionally called “geometric proportion” (Fränkel 1938: ff. 314). By this term Fränkel means analogy or parallelism of two relations between three members: A, B, C, of which two (B, C) are well known from experience, whereas the third

⁴¹ Heraclit. fr.71L/A19DK, fr. 108 Marcovich.

(A) transcends human experience, but can be elucidated *per analogiam*:

$$A : B = B : C$$

A classic example is the fragment of Heraclitus 83Leb/B79: “A man is considered a child by a god like a child by a man”. This saying is based on the following “proportion” or analogy:

$$\text{god (A) : man (B) = man (B) : child (C).}$$

The relation between the intelligence of a child and that of an adult man is known to everyone. The intelligence of god is not directly known to us, but we can form an idea about it concluding by analogy: the intelligence of god is superior to the intelligence of an adult man in the same way as the intelligence of an adult is superior to the intelligence of a child. According to Fränkel, the sought-for A (Absolute or highest perfection) in Heraclitus belongs to the transcendental sphere, B is the human norm, and C is the lowest level. The adult man in our example is a “geometric mean”: he is intelligent in relation to a child, but silly in relation to a god, and therefore combines in himself two opposites. The thought pattern of “proportion” simultaneously elevates the hierarchical status of a god and lowers the status of a man. However, Heraclitus does not set a goal to humiliate or to mock humanity; his goal is to enlighten humans, to make people “wake up”, to realize their deficiency and to rise to a higher level (Fränkel 1938: 318). Theological implications can also be found in the hierarchical triad of god, man and a monkey (84Leb/B83), as well as in the important fragment on the Cosmopolis or the polis of Zeus, fr.131Leb/B 114:

Citizens of the polis: the law of the polis = all human laws: the one Divine law (cf. Fränkel 1938: 320).

According to Fränkel, Heraclitus borrowed this thought pattern from the Pythagoreans, since he mentions Pythagoras and could be familiar with his discovery of the musical intervals and the geometric progression (Fränkel 1938: 321–22). Fränkel’s article may well be one the most brilliant and important contributions to the Heraclitean studies in modern times, but in this particular derivation he was mistaken. Heraclitus was undoubtedly familiar with the Pythagorean metaphysics and borrowed from it, with modifications, the idea of cosmic harmony. But the three-term analogy has nothing to do with mathematics and Pythagoreans. As we hope to show in a special study, it derives from oracular practice and is connected with the oracles of Apollo; therefore, it is older than both Heraclitus and Pythagoras. The three-term analogy should not be confused with the metaphorical analogy also used by Heraclitus, based on parallelism

(and not on the gradation) of four or more terms. In the three-term analogy, all levels are “referential”, but arranged in a hierarchical scale⁴². In the metaphorical analogy (which can be “compressed” into a metaphor), one level is iconic, and another is referential. For example, in fr. 69B Leb/67a DK:

Soul: Body = Spider: Web.

The image of the spider and the web pertains to the iconic or modelling level and explicates the relation of the soul to the body which pertains to the referential or modelled level. In the three-term analogy there is no iconic level in the strict sense, but its function (modelling) is performed by the relation of the two lower “known” terms B: C; it is this relation of two lower terms that models the relation A:B between one known (B) and one sought-for unknown term (A) by “projecting” B:C on A:B. In some sense, the iconic equivalent of the referential (A) is the “magnified” middle term (B), but the proportion of magnification cannot be known without the lowest term (C).

10. Chiasmus (χιασμός).

The word order in some fragments of Heraclitus can be determined only by the chiasmic structure. Therefore, the knowledge of this peculiarity of Heraclitus’ style is a practical necessity, since due to the rare use of the article, in some cases it is only relying on the chiasmic structure of the text that we can distinguish a subject and a predicate. We distinguish below the four main types of chiasmus in Heraclitus’ fragments.

Type 1: A fit B | B fit A

fr. 46Leb/B126: ψυχρὰ (A) θέρεται (B), θερμὰ (B) ψύχεται (A)
“the cold (A) becomes hot (B), the hot (B) becomes cold (A)”

fr. 76Leb/B88: τάδε (A) μεταπεσόντα ἐκεῖνα ἐστὶ (B), κἀκεῖνα (B) μετεπεσόντα τάδε (A).

“these things (A) become those (B) and those things (B) become these (A) again”

fr.45Leb/B31+45A Leb: θάλασσα (A) διαχέεται ... ἢ γενέσθαι γῆ (B), <γῆ (B) διαχέεται ... ἢ γενέσθαι θάλασσα (A) >

the sea (A) is scattered and replenished to the same amount as before it became earth (B), <earth (B) is scattered and replenished to the same amount as before it became sea (A)

⁴² The three-term analogy displays a certain similarity with the rhetorical figure of *climax* (Demetrius, *De elocut.* 270, Quint. 9. 3. 54 etc).

fr.106Leb/B10: ἐκ πάντων (A) ἐν (B) καὶ ἐξ ἑνός (B) πάντα (A)
from all (A) one (B) and from one (B) all

fr.153Leb/B62: ἀθάνατοι (A) θνητοί (B), θνητοί (B) ἀθάνατοι
(A) immortals (A) mortals (B), mortals (B) immortals (A)

fr.42Leb/B90: πῦρ (A) χρυσοῦ (A) χρήματα (B) καὶ χρημάτων (B) χρυσός (A)
<god>

exchanges fire (A) for all things (B) and all things (B) for
fire (A) as if gold (A) for property (B) and property (B) for
gold (A).

Type 2: S P | P S (S = subject, P = predicate)

fr.31Leb/B80: τὸν πόλεμον (S) ἐόντα ξυνὸν (P) καὶ δίκην (P)
ἔριον (S) War (A) is common (B) and rightful (B) is strife (A)

Type 2bis: non-A is B | non-B is A

fr.77Leb/B21: θάνατός (non-A) ἐστὶ ὁκόσα ἐγερθέντες (B)
ὄρομεν, ὁκόσα δὲ εὐδοντες (non-B) βίος (A)

Death (non-A) is what we see awaken (B), what we see sleeping
(non-B) is life (A)

Type 3: A fit B | B fit C || C fit B | B fit A

fr.69Leb/B36: ψυχῆισι θάνατος ὕδωρ γενέσθαι κτλ.
For the souls it is death to become water etc.

Type 4; A fit B | B fit C | C fit D || D fit C | C fit B | B fit A

fr.47 (b) Leb /B76: γῆς (A) θάνατος ὕδωρ (B) γενέσθαι, καὶ
ὕδατος (B) θάνατος ἀέρα (C) γενέσθαι, καὶ ἀέρος (C) πῦρ (D), καὶ
ἔμπαλιν.

Of the earth (A) death is becoming water (B), of the water (B)
death is becoming air (C), of the air (C) becoming fire (D), and in
reverse order, i. e. (D), (C), (B), (A).

The types of chiasmus in Heraclitus can be classified in two
ways: as binary versus multi-term on the one hand, and as dynamic
versus static (FIT/EST), on the other. The types 1 and 2 are binary,
the types 3 and 4 are multi-term. The types 1, 3, 4 are dynamic and
describe processes of becoming (FIT), the type 2 is static and
establishes an identity between terms (EST). This distinction is
formal and grammatical rather than metaphysical, since speaking of
the cyclic interchange and interconversion of opposites, Heraclitus
asserts their identity. Note that the main and prevalent in Heraclitus
type of chiasmus (A) corresponds to the formula “the way up and
down” (ὁδὸς ἄνω κάτω μία) which, judging by its very high
frequency of occurrence in the Heraclitean tradition, was a standard

universal formula of cyclical change used repeatedly in the cosmological section of Heraclitus' book, not only in a single fragment 50Leb/B60. The words χωρεῖ πάντα ... ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα *De diaeta* I,5 "All things are moving...alternating up and down" constitute a verbatim quotation and a separate fragment of Heraclitus 51 Lebedev, independently quoted by Lucian, Philo Alexandrinus and Plato in *Cratylus* (see *testimonia* in our edition pp.165–166).

The chiasmic structure of the text is based on the principle of a mirror symmetry: there is a "left" and a "right side" in it, and in the "right side" the word order is inverted with respect to the left. When it comes to opposites and cosmic elements, the amoebian structure of the text reproduces, consciously or not (it is hard to say), the "*palintropic*" ("reversed") harmony of the cosmos. The type (1) chiasmus is attested in early inscriptions and is therefore a pattern of thinking rather than a rhetorical figure. As Dover acutely pointed out, "the fact that boundary stones may be chiasmic shows that chiasmus is not necessarily a literary embellishment" (Dover 1960: 54). Heraclitus's chiasmus resembles the ring-composition in Homer and in archaic poetry, which is regarded as a feature of the "oral" style. Moreover, the Homeric type A - B - C - X - C - B - A formally coincides with the Heraclitus' chiasmus type (4)⁴³. To the central element in the Homeric scheme (X) in Heraclitus's dynamic types (3 and 4) corresponds the implied "turning post" (τέρμα) in the imagery of the cosmic stadium, a terminal point of a momentary stop and "reversing" the course (παλίντροπος κέλευθος) in the eternal "race" (cf. ἐναντιοδρομία, fr.51A Leb.) on the "road back and forth" (ὁδὸς ἄνω κάτω, fr. 50–51L). What is primary in this case, the thought or the word, is hard to say, but the archaic feature of literary style (chiasmus) and the cyclic symmetry of Heraclitus cosmology are in perfect harmony. The type (1) of chiasmus in Heraclitus can be also compared with the archaic feature of Greek inscriptions, the principle of *boustrophedon*, following which the hand of a stone-cutter moves "back and forth".

---

⁴³ On the ring-composition in Homer see, e.g., St. Nimis, Ring-composition and linearity in Homer, in: Mackay (1998) 65–78. Nimis emphasises that this is a speech movement rather than a static literary form. This makes the parallelism with Heraclitus even more striking. On the ring-composition in Greek vase-painting see the work of Mackay-Harrison-Masters, *ibidem* 115–142.

Bibliography

- Anscombe, G. E. M. 1981: Anscombe. The question of linguistic idealism, in: *Collected philosophical papers*. Oxford, 112–133.
- Bader, F. 2007: The language of gods in Homer. In: A.-Ph. Christides, A.-F. Christidis et al., *A history of ancient Greek: from the beginning to Late antiquity*. Cambridge, 1381–1399.
- Bakker, E. G. 2010: *A companion to Ancient Greek language*. Blackwell.
- Bloor, D. 1997: Linguistic idealism revisited. In: Hans D. Sluga and David G. Stern (Eds.). *The Cambridge Companion to Wittgenstein*. Cambridge, 354–382.
- Cameron, M. and Stainton R. (edd.). (2015): *Linguistic content. New essays on the history of philosophy of language*, Oxford.
- Chriti, M. Aristotle as a name-giver: the cognitive aspect of his theory and practice.
- Chriti, M. 2019: The Neoplatonic commentators of Aristotle on the origins of language: a new ‘Tower of Babel’? In: Golitsis, P. Ierodiakonou, E. (edd.). *Aristotle and his commentators. Studies in memory of Paraskevi Kotzia*. Berlin.
- Denyer, N. 1991: *Language, Thought and Falsehood in Ancient Greek Philosophy*. London; New York.
- Desbordes, Fr. 2007: *Idées grecques et romain sur le langage. Travaux d’histoire et d’ épistémologie*. 2007.
- Devine, L., Stephens, D. 2000: *Discontinuous syntax. Hyperbaton in Greek*. Oxford.
- Dilman, I. 2002: *Wittgenstein’s Copernican Revolution: The Question of Linguistic Idealism*. Palgrave.
- Dover, K. 1960: *Greek word order*. Cambridge UP.
- Everson, St. (Ed.). 1994: *Language* (Companions to Ancient Thought 3), Cambridge.
- Frede, D., Inwood, B. (edd.), 2005: *Language and learning. Philosophy and language in Hellenistic age*. Cambridge.
- Giannakis, G., Bubenik, V., Crespo, E. et al. 2014: *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. Vols. I–II. Leiden: Brill.
- Gera, D. L. 2003: *Ancient Greek Ideas on Speech, Language and Civilization*. Oxford: Oxford University Press.
- Grinzer, P. A. 1998: *Tainyi yazyk Rigvedy [Secret Language of Rigveda]*. Moscow.
- Гринцер П. А. 1998: *Тайный язык «Ригведы»*, М.
- Havelock, E. 1983: The Linguistic Task of the Presocratics. In: *Language and Thought in Early Greek Philosophy*. Ed. by K. Robb. La Salle (Illionois), 7–82.
- Hutto D. 2003: *Wittgenstein and the end of philosophy: neither theory nor therapy*. New York.
- Joly, H. 1986: *Philosophie du langage er grammaire dans l’ antiquité*. Bruxelles.

- de Jonge, C., van Ophuijsen, J. M. 2010: Greek philosophers on language, In: Bakker (ed.) 2010, 485–498.
- Kotzia, P., Chriti, M. 2014: Greek philosophers on language. In: *The Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*, eds. G. Giannakis, V. Bubenik et al. Vol. 1 Leiden & Boston: Brill, 124–133.
- Kraus, M. 1987: *Name und Sache. Ein Problem im frühgriechischen Denken*. Amsterdam.
- Lebedev, A. V. 2009: Greek Philosophy as a Language Reform. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 13, 359–368.
- Лебедев А. В. 2009: Греческая философия как реформа языка. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 13, 359–368.
- Lebedev, A. V. 2014: *Логос Гераклита: реконструкция мысли и слова. С новым критическим изданием фрагментов*, СПб.: «Наука», 2014, 533 = *The Logos of Heraclitus: A Reconstruction of his Word and Thought (With a New Critical Edition of the Fragments)*, St.Petersburg, «Nauka» Publishers.
- Lebedev A. V. 2017¹: The Metaphor of Liber Naturae and the Alphabet Analogy in Heraclitus' Logos Fragments (With some remarks on Plato's 'dream theory' and the origin of the concept of elements), in: E. Fantino, U. Muss, Ch.Schubert, K. Sier (Hrsg.), "Heraklit im Kontext" (*Studia Praesocratica*, v.8), Walter de Gruyter: Berlin/ New York, 233–269.
- Lebedev, A. V. 2017²: Parmenides, ANHP ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΟΣ: Monistic Idealism (Mentalism) in Archaic Greek Metaphysics. In: *Indo-European linguistics and classical philology* 20 (2), 493–536.
- Lebedev A. V. 2017³: Alcmaeon of Croton on Human Knowledge, the Seasons of Life and *ISONOMIA*: A New Reading of B 1 DK and Two Additional Fragments from *Turba Philosophorum* and Aristotle. In: Ch.Vassallo (ed.). *Physiologia. Topics in Presocratic Philosophy and its Reception in Antiquity* (= *AKAN-Einzelschriften*, 12), Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2017, pp. 227–257.
- Lebedev, A. V. 2017⁴: Epicharmus on God as Mind (ΝΟΟΣ). A Neglected Fragment in Stobaeus. (With some remarks on early Pythagorean metaphysics and theology). *Artisteas*. XVI, 13–27.
- Lebedev, A. V. 2019¹: Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the «Gigantomachia over being» in Plato's Sophist). In: *Indo-European linguistics and classical philology* 23, 651–704
- Lebedev, A. V. 2019²: The Authorship of the Derveni Papyrus, A Sophistic Treatise on the Origin of Religion and Language: A Case for Prodicus of Ceos. In: *Presocratics and Papyrological Tradition*. A

- Philosophical Reappraisal of the Sources. Proceedings of the International Workshop held at the University of Trier (22–24 September 2016)*, ed. by Christian Vassallo, Berlin; Boston: De Gruyter, 491–60.
- Lebedev, A. V. 2020¹. “Democritus on Iranian magi and ancient religion. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 24, 129–149.
- Lebedev, A. V. 2020². A study of conceptual metaphor in Heraclitus. In: *Indoevropskoye jazykoznanije i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 24 (1) 843–884.
- Lebedev A.V. 2022¹. The Aegean origin and early history of the Greek doctrines of reincarnation and immortality of the soul. In: J. Ivanova and N. Bogdanovich (edd.). *Myth, ritual, literature*, Moscow, 240–301.
- Lebedev, A. V. 2022². Anaximander and the scientific revolution in Miletus in the sixth century B.C. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 25, 129–149.
- Long, A. 2011: Théories du langage. In: J. Brunschwic, G. Lloyd, P. Pellegrin (edd.). *Le savoir grec. Dictionnaire critique*, Flammarion, 581–600.
- Modrak, D. 2006: Philosophy of Language. In: M. L.Gill, P. Pellegrin (eds.). *A Companion to Ancient Philosophy*. Oxford: Blackwell.
- Montanari, Fr. 2020: *History of Ancient Greek Scholarship*. Leiden.
- Perisinotti, L., Begoña, R. C. (eds.), 2013: *Wittgenstein and Plato. Connections, Comparisons and Contrasts*.
- Riedweg, Chr. 2012. Pythagoras von Samos als Wortschöpfer. In: Bierl A. et al. (edd.), *Antike Literatur in neuer Deutung*, Berlin, 147–182.
- Robb, K. (Ed.). (1983): *Language and Thought in Early Greek Philosophy*. Illinois: La Salle.
- Schofield, M., Nussbaum (Eds.). (1982): *Language and Logos. Studies in Ancient Greek Philosophy presented to G. E. L. Owen*. Cambridge: UP.
- Verlinsky, A. L. 2006: *Ancient Theories of the Origin of the Language*. St. Petersburg.
- Верлинский, А. Л. 2006: *Античные учения о происхождении языка*. СПб.
- Watkins, C. 1970: Language of gods and language of men: remarks on some Indo-European metalinguistic traditions. In: Jaan Puhvel (ed.), *Myth and law among the Indo-Europeans*. Berkeley, 1–17.
- Williams, B. 1973: Wittgenstein and idealism. In: *Royal Institute philosophy lectures*, vol. 7, 76–95.

КИТАЙСКИЙ СЛОВАРЬ РИФМ И РУССКИЙ ОРФОЭПИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ

«Самое важное в искусстве речи: во-первых, произнесение, во-вторых, произнесение, и, в-третьих, произнесение.»

Демосфен

Статья посвящена сопоставлению задач и принципов кодификации произношения слов в традиционной китайской и русской лексикографии. Традиционное идеографическое китайское письмо не отражает звучание слова как алфавитные системы, передающие буквами звуки языка. Долгое время иероглифы были «немыми», то есть их произношение не фиксировались на письме, поэтому проблема отражения звучания слов стояла перед китайскими учеными, которые находили пути решения в составлении специфических словарей рифм. В русской лингвистической традиции не могло быть такого словаря, поскольку словарь омонимов, орфоэпический и словарь рифм русского языка имели иную цель и структуру. Задачей статьи является анализ китайского словаря рифм и русского орфоэпического словаря и выявление сходств и различий в приемах кодификации произношения слов в китайской и русской лексикографической традиции.

Ключевые слова: написание произношения слов, орфоэпический словарь, Гуаньюнь, рифма, словарь рифм.

Li Ling
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. lily-lit@mail.ru

Chinese rhyming dictionary and Russian orthoepic dictionary: possibilities of comparison

The article is devoted to comparing the tasks and principles of codification of word pronunciation in traditional Chinese and Russian lexicography. In contrast to alphabetic systems, which convey the sounds of the language by letters, Chinese traditional ideographic writing does not reflect the sound of the word. For a long time, hieroglyphs were “silent”, that is, their pronunciation was not fixed in writing, so Chinese scientists faced the problem of reflecting the sound of words. They found the solution in compiling specific rhyming dictionaries. In the Russian

linguistic tradition such a dictionary is impossible, since the dictionary of homonyms, orthoepic and rhyming dictionary of the Russian language had different purposes and and different structure. The aim of the article is to analyze the Chinese rhyming dictionary and the Russian orthoepic dictionary and identify similarities and differences in the methods of codifying the pronunciation of words in the Chinese and Russian lexicographic traditions.

Keywords: writing the pronunciation of words, orthoepic dictionary, Guangyun, rhyme, rhyming dictionary.

В качестве материала для сопоставления нами выбраны китайский словарь рифм «广韵 [Гуаньюнь]» Чен Пэнньань (составлен в 1008 г. н. э.), который типологически является орфоэпическим, первый «Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы» под ред. Аванесова Р. И. (5-е изд., испр. и доп. М., 1989)¹ и «Словарь рифм русского языка» Е. Ситниковой (1998). Китайские и русские словари разделены тысячелетием (в русской науке проблема кодификации литературного произношения формулируется в конце XIX в. и находит воплощение в классическом словаре Р. И. Аванесова), поэтому очевидна некоторая условность нашего сопоставления. Однако, оно обнаруживает, что типы словарей, разрабатываемых в рамках национальных лингвистических традиций, зависят от структуры языка, от задач филологической науки и от особенностей лексикографической школы.

Проблема передачи произношения китайских иероглифов существовала изначально. Китайские учёные предлагали различные способы фиксации прочтения иероглифов: фоноидеограмма, паронимичный способ и омофонический способ.

Фоноидеограмма — это запись звучания иероглифа, которая основана на составном принципе записи слова: иероглиф обычно состоит из 2 частей, одна часть передает значение, а другая часть — звучание. Например, иероглиф «背 [bèi] — спина», нижняя часть 月 показывает значение «части тела», а верхняя часть — произношение 北 [běi].

Паронимичный способ предлагает фиксировать произношение иероглифа при помощи написания иероглифа с похожим

---

¹ 1-е изд. М., 1983. Изд. 2–4 (1984) были стереотипными.

произношением. Например, 𪛗 [hān], читается как 汗[hàn] — произношение иероглифов очень похоже, отличается часто лишь тон.

При омофоническом способе произношение иероглифа передается через омофон, например, 拾 [shí] читается как 十 [shí].

Перечисленные способы либо передавали произношение приблизительно, либо оказывались неприменимыми из-за отсутствия омофона или паронима. Поиск вариантов записи звучания слова привел к образованию способа Фанце (букв. разрезание).

Фаньце — это запись произношения иероглифа при помощи двух других: от первого иероглифа берут инициаль, а от второго — финаль с тоном (Yakhontov 1980: 99). Например, произношение иероглифа 气 [qì] можно записать при помощи двух иероглифов: 去 [qù] и 既 [jì], причем от первого иероглифа берут инициаль, а от второго финаль: 气 [qì] = 去 [q] + 既 [ì].

Считается, что появлению Фаньце могло бы способствовать знакомство с написанием санскритских слов письмом деванагари. Сочетания согласных в санскрите обозначаются на деванагари лигатурами — составными знаками, совмещающими графические элементы разных силлабем. Использование Фаньце и знакомство с алфавитом деванагари датируются временем Восточной Хани (25–220 гг.) (方 1988: 15). На протяжении 1700–1800 лет способ Фаньце использовался для передачи произношения иероглифов в разных словарях, в том числе и в «广韵 [Гуаньюнь]».

1. Словарь рифм «广韵 [Гуаньюнь]» Чен Пэннянь (1008)

В названии словаря иероглиф 广 [Гуан] обозначает «широкое употребление», а 韵 [юнь] (рифма) в данном словаре имеет два значения: (1) финаль без медиали (составная часть слога) и (2) поэтический метр. Чтобы понять структуру словаря, необходимо уточнить некоторые используемые в нем термины.

1. 1. 韵 [юнь] (рифма) в значении «финаль без медиали». Слог в китайском языке имеет четкую структуру, которая может быть представлена в виде схемы (рис. 1):

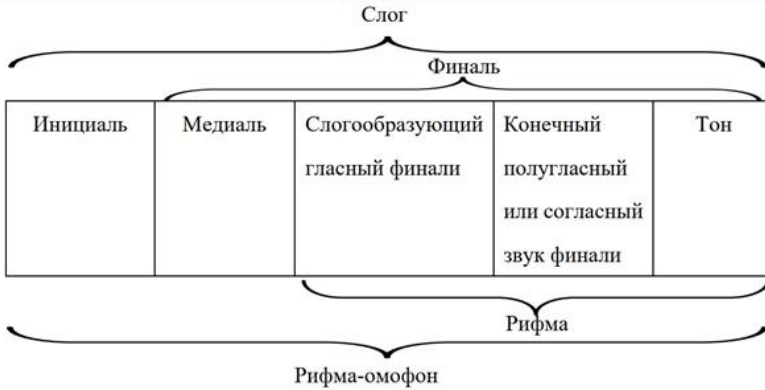

Рис. 1. Структура слога в китайском языке.

(1) *Слог* — фонетическая единица, соответствующая произношению одного иероглифа, которую можно представить в виде: слог = инициаль + финаль + тон; слогообразующими гласными в китайских слогах могут быть монофтонги, дифтонги и трифтонги.

(2) *Инициаль* — начальная часть слога, представленная одним согласным звуком.

(3) *Финаль* — окончание слога, сочетание звуков, начинающееся с гласного.

(4) *Медиаль* начальный переходный полугласный финали: *i*, *u*, *ü* (например, *i* в *jiā*, *u* в *duò*, *ü* в *lǜe*).

(5) *Рифма* — конечная часть слога (финаль без медиали): слогообразующий гласный (на него всегда падает тон) и полугласный (или согласный) конечной части финали.

(6) *Рифма-омофон*, соответствуя иероглифам, чье звучание совпадает, равна понятию слога.

(7) *Тон* — мелодический рисунок, характеризующийся изменением высоты голоса и выполняющий смыслоразличительную функцию (например, [wén] 文 «письменность», [wěn] 吻 «целовать», [wèn] 问 «спросить»).

Рифма — главная различительная и классифицирующая единица в словаре «广韵 [Гуаньюнь]». Иероглифы в нем группируются по 206 рифмам (напр., 東 [дун], 江 [цзян], 支 [чжи], 微 [вэй] и т. д.). Рифма-омофон — классифицирующая единица второго порядка. В группу данного типа входят иероглифы не только с одинаковыми финалями (рифмами), но и с одинаковыми инициалями (например, 中 [чжун]: 中, 衷, 忠, 苜 — все 4 иероглифа читаются одинаково).

В древнем китайском языке было 4 тона (ровный, нисходяще-восходящий, падающий и входящий), первый тон делился на ровный и восходящий, соответственно, пятитомный словарь «广韵 [Гуаньюнь]» содержит классификацию по тонам: в первых 2 томах перечислены иероглифы первого тона (ровный + восходящий), в остальных томах — по одному тону. С течением времени иероглифы входящего тона были сгруппированы в другие 4 тона, и в современном китайском языке остается 4 тона: ровный, восходящий, нисходяще-восходящий и нисходящий.

Русисты также предлагают описывать структуру слога русского языка с использованием таких же терминов: «Слоговой элемент (обычно выраженный гласным) слога называется ядром, часть слога, предшествующая ядру, составляет инициаль, постъядерная часть — финаль; ядро и финаль объединяются термином Рифма» (Knyazev, Pozharitskaya 2011: 132). Данная позиция отличается от структуры слога в китайском словаре «广韵 [Гуаньюнь]» только финалью. Ядро (вершина слога) соответствует гласному, который согласно словарю «广韵 [Гуаньюнь]» входит в состав финали.

Итак, познакомившись с основными терминами и понятиями, на которых строится словарь «广韵 [Гуаньюнь]», мы можем описать структуру словаря и принципы его составления. В словаре иероглифы сначала классифицируются по тонам, потом по рифмам и по омофонам. Например, в первый том объединены иероглифы, которые произносятся с первым тоном. Первая группа этого разряда начинается с иероглифа 東 [дун], то есть, в первой группе объединяются все иероглифы, которые имеют такую же финаль, как у иероглифа 東 [дун]. В словаре иероглиф 東 [дун] записан способом Фаньце с помощью других двух иероглифов: у первого иероглифа 德 [дэ] берем инициаль [д], у второго 红 [хун] — финаль [ун], получается 東 [дун] = [д] + [ун] с ровным тоном. Итак, в первую группу объединяются иероглифы с прочтением [ун] с первым тоном.

Далее в словаре представлены иероглифы, составляющие рифму-омофон: после иероглифа 東 [дун] автор перечисляет его омофоны, их всего 17. Затем записываются следующие

группы омофонов: иероглифа 同 [тун] (всего 45 омофонов данной группы), иероглифа 中 [чжун] (4 омофона) и т.д.

Важно заметить, что в китайском языке в древности не использовались буквы, все элементы слогов записывались только иероглифами, поэтому заглавное слово группы рифм было записано иероглифом.

Система Фаньце достаточно четко и точно передает чтение иероглифов, но со временем, произношение иероглифов менялось, поэтому в словаре «广韵 [Гуаньюнь]» часто встречаются иероглифы, произношение которых по записанному способу Фаньце отличается от современного произношения — это расхождение указывает не на ошибку, а на результат изменчивости языка.

Как и в других типах иероглифических словарей китайского языка, для быстрого и удобного поиска нужного слова в словаре «广韵 [Гуаньюнь]» используется индекс (словник). Все иероглифы в данном словаре группируются по рифмам, т. е. 26194 иероглифа делятся на 206 групп по рифмам, дальше группы рифм разделяются на 3890 групп омофонов. Порядок рифм в каждом томе записан в общем индексе, который предваряет каждый том.

Чтобы более наглядно представить структуру словаря, приводятся первые две страницы тома 1. Следует обратить внимание на шрифт словаря, так как в древности китайцы писали на бамбуковой дощечке, письмо было фиксировано по столбцам, кроме того, китайцы писали сверху вниз и справа налево. В словаре «广韵 [Гуаньюнь]» также выдержан такой принцип подачи материала.

1. 2. 韵 [юнь] (рифма) в значении «поэтический метр»: (поэтическая рифма). Словарь «广韵 [Гуаньюнь]», отражающий орфоэпию древнего китайского языка, одновременно является перечнем поэтических рифм. В поэтических текстах рифма не только облегчала их запоминание и декламацию, но и придавала произведению ритмическую и тональную гармонию. Рифмовка стихов реализуется созвучием последних иероглифов в соответствующих строчках, охватывая слогаобразующий гласный, конечный полугласный или согласный звук и тон. Таким образом, словарь «广韵 [Гуаньюнь]» представляет собой своеобразное пособие для сочинителей. В Китае до сих пор

широко распространены двустрочные строфы с рифмой (надписи с пожеланиями на Новый год, вывешиваемые на воротах, фразеологизмы, пословицы и другие жанры малого фольклора).

Рифма 東 [Дун]   **Индекс первого тома**

廣韻上平聲卷第一

東 第一 獨用   冬 第二 獨用
 支 第五 獨用   江 第四 獨用
 之 第七 獨用   微 第八 獨用
 魚 第九 獨用   虞 第十 獨用
 模 第十一 獨用   齊 第十二 獨用
 佳 第十三 獨用   皆 第十四 獨用
 灰 第十五 獨用   咍 第十六 獨用
 真 第十七 獨用   諄 第十八 獨用

Рифма-омофон [Дун]   **Чтение (Фаньце) Рифма**

東 第一 獨用   冬 第二 獨用
 支 第五 獨用   江 第四 獨用
 之 第七 獨用   微 第八 獨用
 魚 第九 獨用   虞 第十 獨用
 模 第十一 獨用   齊 第十二 獨用
 佳 第十三 獨用   皆 第十四 獨用
 灰 第十五 獨用   咍 第十六 獨用
 真 第十七 獨用   諄 第十八 獨用

Рифма 東 [Дун]

Рифма-омофон [Чжуи]   **Рифма-омофон [Дун]**   **Фаньце (Чтение)**

東 第一 獨用   冬 第二 獨用   東 第一 獨用   冬 第二 獨用
 支 第五 獨用   江 第四 獨用   支 第五 獨用   江 第四 獨用
 之 第七 獨用   微 第八 獨用   之 第七 獨用   微 第八 獨用
 魚 第九 獨用   虞 第十 獨用   魚 第九 獨用   虞 第十 獨用
 模 第十一 獨用   齊 第十二 獨用   模 第十一 獨用   齊 第十二 獨用
 佳 第十三 獨用   皆 第十四 獨用   佳 第十三 獨用   皆 第十四 獨用
 灰 第十五 獨用   咍 第十六 獨用   灰 第十五 獨用   咍 第十六 獨用
 真 第十七 獨用   諄 第十八 獨用   真 第十七 獨用   諄 第十八 獨用

Рис. 2. Образцы текста словаря «廣韻 [Гуаньюнь]» (с. 1–2).

Помимо сведений орфоэпического характера в словарных статьях составитель лаконично объясняет значение иероглифа, то есть китайский словарь рифм оказывается предтечей комбинированных словарей, включающих различную информацию. Словари типа «*广韵* [Гуаньюнь]», построенные на понимании рифмы в широком и узком смыслах, постепенно теряют актуальность. В современном китайском языке после реформы орфографии в середине XX в. произношение иероглифов стали записывать транскрипцией Пиньинь. Можно сказать, что для передачи произношения современного китайского языка используется буквенная (фонетическая) система, однако способ Фаньце долгое время играл уникальную роль в китайской филологии, лексикографии и иероглифологии.

Итак, с некоторой долей условности можно рассматривать словарь рифм «*广韵* [Гуаньюнь]» в качестве традиционного древнекитайского типа орфоэпического словаря.

2. Орфоэпический словарь и словарь рифм русского языка

Это разнотипные издания. Применительно к языкам, использующим алфавитную систему письма в целом написание ближе к произношению, ср. определение термина «написание»: «Графическая передача звуков, морфем, слов, обусловленная письменными навыками или сложившейся системой орфографии» (Vulakhov 2003: 158). Лишь в начале XX века русские фонетисты стали работать над орфоэпическими словарями. Прежде чем рассмотреть их особенности, целесообразно определить термины «орфоэпия» и «орфоэпический словарь».

К дефинициям, выше отмеченным у М. Г. Булахова, можно добавить следующее толкование *орфоэпии*: «1) совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающая сохранение единообразия его звукового оформления; 2) раздел языкознания, изучающий произносительные нормы» (Verbitskaia 1998: 351). *Орфоэпический словарь* определяется как «лексикографическое издание, отражающее нормы произношения и ударения слов» (Zherebilo 2010: 239).

2.1. «Орфоэпический словарь русского языка...» под ред. Р. И. Аванесова (1983). Появление орфоэпических словарей русского и других европейских языков вызвано прежде всего потребностью формирования нормативного или

литературного произношения, противопоставленного множеству его территориальных и социальных вариантов. Р. И. Аванесов предложил также различать *старшую* и *младшую орфоэпическую норму* (то есть произношение старшего и младшего поколения людей). В орфоэпическом словаре обычно используется фонетическая транскрипция, то есть система специальных значков для записи звучащей речи. Например, в русском языке перед гласными переднего ряда (и, е) согласные произносятся мягко, но в некоторых заимствованных словах вместо мягкого согласного произносится твердый согласный, что и отмечается специально в словаре: например, партёр [тэ́] (Avanesov 1989: 367).

В сочетании согласных иногда происходит опущение одного из согласных, что отражается в транскрипции (лэ́стница [с'н']²), как и другие несоответствия буквенного и звукового облика слов: произношение одного согласного вместо двух на письме (аппара́т [п]); появление аффрикаты на месте сочетания смычного и щелевого (горо́дско́й [ц]²) и т. д. (Avanesov 1989: 12).

Согласно акцентологическим нормам в русском языке ударение подвижное, поэтому правила его постановки фиксируются орфоэпическим словарем (**Вода́**, -ы́, вин. во́ду, мн. во́ды, вод, во́дам и доп. устар. вода́м, в сто́льких-то вода́х (вы́мыть и т. д.); на́ воду (спусти́ть); на́ воду и на во́ду (смотре́ть и т. д.); по́ воду (за водой); по́д воду и под во́ду (уйти́, спусти́ться и т. д.) (Avanesov 1989: 71). Известно, что ударение активно используется в русской системе стихосложения, когда в поэтическом тексте чередуются в определенной последовательности ударные и безударные слоги — на их соотношении основаны стихотворные размеры. Кроме того, в поэтическом тексте активно используется рифма.

2.2. «Словарь рифм русского языка» Е. Ситниковой и др. (Sitnikova 2009). В русской лексикографии (и в европейской в целом) словарю рифм в китайском его понимании скорее соответствует тип морфологических словарей (то есть «обратных», в которых слова расположены в алфавитном порядке, но

---

² Квадратные скобки являются транскрипционными значками, принятыми в орфоэпических словарях для отражения произношения слов русского языка.

начиная от конечной буквы к первой). В отличие от китайского словаря рифм, фиксирующего созвучные окончания и омофонные формы, отмечаемые в его словарном фонде, в русской лексикографии словари рифм, отображают как правило авторское словоупотребление. Рассматриваемое издание является исключением из этого правила, хотя и в нем представлено и множество примеров авторских рифм.

Заглавные формы в этом словаре расположены в алфавитном порядке, как и в орфоэпическом, но вслед за ними составители приводят слова или отдельные словоформы в сочетании с предлогами, в которых совпадают ударные гласные и последующие звуки (например, *Бдѣтельный – мнѣтельный, положительный; Арка – от подарка, из зоопарка*).

* * *

Даже столь элементарное сравнение китайского и русского словарей рифм (и русского орфоэпического словаря) позволяет сформулировать некоторые выводы.

Несмотря на существенные различия иероглифической и алфавитной письменностей, что обусловило и разную лексикографическую традицию, при сопоставлении орфоэпических словарей китайского и русского языков, обнаруживается, что орфоэпические словари фиксируют произношение слов, а словари рифм объединяют рифмующиеся слова. И в китайской, и в русской поэзии используются рифмы, которые характеризуются тождеством гласного (ударного) и последующих звуков. В китайском словаре рифм представлены не только созвучные окончания слов, но также слов с одинаковым или почти сходным произношением. Омофоны чрезвычайно распространены в китайском языке, поэтому их описание и классификация оказываются важным принципом структурирования лексики. Русские рифмующиеся слова объединяются в одну словарную статью, а китайские слоги одной рифмы — в одну группу одинаковых рифм.

Поскольку китайская иероглифика не отражала звучания слов, фиксация произношения слов являлась важной задачей китайской лексикографии. Кроме того, классификация многочисленных омофонов китайского языка оказывалась и удобным способом систематизации лексики китайского языка — группировки иероглифов в зависимости от одинакового (или сходного) произношения. В русской лексикографии состав-

ление орфоэпических словарей, было менее насущной задачей и в большей мере связано с запросами образовательной системы, ставшей практически обязательной к середине XX века, когда была сформулирована задача фиксации нормы литературного произношения.

Очевидны различия орфоэпического словаря и словаря рифм русского языка, которые выполняли разные функции и использовали разные принципы описания и структурирования лексики. В китайском словаре «广韵 [Гуаньюнь]» все иероглифы группируются по рифмам (в частности, по группам омофонов), соответственно, словарь сопровождается индексом для быстрого поиска слов, а в русских словарях слова располагались в алфавитном порядке.

Сопоставление китайского и русского орфоэпического словарей и словарей рифм выявляют структурные особенности этих языков и соответствующих типов письменности. При этом перевод названия словаря «广韵 [Гуаньюнь]» как «Словарь рифм» вызывает ложные ассоциации у русских читателей, так как речь идет о прочтении иероглифов с частично или полностью совпадающим произношением. Это скорее орфоэпический словарь, но многочисленные омофоны выглядят как рифмованные слова. В русском же языке количество омофонов не столь многочисленно, поэтому орфоэпический словарь и словарь рифм существенно отличаются по своим составительским принципам.

Литература

- Avanesov R. I. (ed.) 1989: Borunova, S. N., Vorontsova, V. L., Eskova, N. A., [Orthoepical dictionary of the Russian language: Pronunciation, stress, grammatical forms: Approx. 65,000 words]. *Dictionarium orthoepicum linguae russicae: Pronuntiatio, accentus, formae grammaticae: Proxime*. USSR Academy of Sciences. In-t rus. yaz. 5th ed., ispr. and add. Moscow: Rus. yaz.
- Аванесов Р. И. (ред.) 1989: Борунова, С. Н., Воронцова, В. Л., Еськова, Н. А. *Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы*: АН СССР. Ин-т рус. яз. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз.
- Bulakhov M. G., 2003: [Experience of the historical dictionary of Russian linguistic terminology] *Experientia historica dictionarii linguae russicae terminologiae*. In five volumes. Minsk: Vol. 2. Quotation mark — Plusquamperfect.

- Булахов М. Г., 2003: *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии*. В 5 т. Минск. Т. 2. Кавыка – Плюсквамперфект.
- Chen P., Qiu Y., [*Guangyun*], *Guangyun*, 1008, Vol. 1–5. 陈彭年, 丘雍, 广韵, 1008, 5 卷
- Fang X., Luo W., 1988: [*Broad rhyme study*], *Lata metrum stadium*, Guangzhou: Sol Yat-sen Universitatis Press, 1988. 方孝岳, 罗伟豪, 广韵研究, 广州: 中山大学出版社, 1988. 页。
- Knyazev, S. V., Pozharitskaya, S. K., 2011: [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling]. *Lingua litteraria russica Moderna: Phonetica, orthoepy, graphica et orthographia*. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Gaudeamus.
- Князев, С. В., Пожарицкая, С. К. 2011: *Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академ. Проект; Гаудеамус.
- Sitnikova E., 2009: [*Dictionary of rhymes of the Russian language*] *Dictionarium rithimorum linguae russicae*. Moscow: AST: WORD.
- Ситникова Е., Шалаева Г., Лебедев П. и др. *Словарь рифм русского языка*. М.: АСТ, 2009.
- Verbitskaya L. A., [Orthoepia]. In: Yartseva V. N., 1998: [A large encyclopedic dictionary. Linguistics]. *Dictionarium encyclopedicum magnum. Linguistica*. Moscow: Big Russian encyclopedia.
- Вербицкая, Л. А. Орфоэпия. В кн.: Ярцева, В. Н. 1998: *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия». С. 351–352.
- Yakhontov S. E., 1980: [History of Linguistics in China (I thousand BC – I thousand AD)]. *Historia linguae doctrinam. Antiquis*. Leningrad: «Scientia» Leningrad ramus. 92–109.
- Яхонтов С. Е., 1980: *История языкознания в Китае (I тыс. до н. э.–I тыс. н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Ленинград: «Наука» ленинградское отделение. С. 92–109.*
- Zherebilo T. V., 2010: [Dictionary of linguistic terms] *Glossa ordinaria (io. 5th ed., ispr. and add. Nazran: LLC "Pilgrim"*.
- Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.

DOI: 10.30842/ielcp230690152753

А. И. Любжин

Университет Дм. Пожарского/ НИУ МФТИ, Москва, Россия. vultur@mail.ru

А. Е. Беликов

МГУ им. М. В. Ломоносова/ НИУ МФТИ, Москва, Россия.

belikov.smu@gmail.com

Д. В. Зайцев

ШАГИ РАНХиГС/ НИУ МФТИ/ РГГУ. Москва, Россия. dmitriyzaits@yandex.ru

ОБ ОДНОМ МЕСТЕ У ЭНЕЯ ТАКТИКА (4.1–3)*

Традиционное понимание одного отрывка у Энея Тактика, касающегося взятия Халкиды на Эвбее с помощью предательства, заключается в том, что осуществивший его носил по городу горшок с огнем (πυράστρη), с помощью которого пережег засов. В статье аргументируется, почему этот эпизод нельзя надежно отождествить ни с одним из известных нам случаев взятия Халкиды, а также предлагается другая интерпретация ключевого слова πυράστρη: «сторожевая служба в крепости».

Ключевые слова: Эней Тактик, полиоркетика, военные хитрости, Халкида, πυράστρη.

Alexey I. Lyubzhin

Dmitry Pozharsky University/ Moscow Institute of Physics and Technology. vultur@mail.ru

Aleksei E. Belikov

Lomonosov Moscow State University/ Moscow Institute of Physics and

Technology belikov.smu@gmail.com

Dmitry V. Zaytsev

RANEPa/ Moscow Institute of Physics and Technology /

Russian State University for the Humanities. dmitriyzaits@yandex.ru

About a passage in Aeneas Tacticus (4ю 1–3)

The traditional understanding of the passage 4.1–3 in Aeneas Tacticus, concerning the capture of Chalcis in Euboea by treachery, is that the person who committed it carried a pot of fire (πυράστρη) around the city, with which he burned down the barrier bar. The article argues why this episode cannot be reliably identified with any of the known events of the capture of Chalcis. A new interpretation of the key word πυράστρη is also suggested: ‘guard service in the fortress’.

Keywords: Aeneas Tacticus, poliorcetics, military stratagems, Chalcis, πυράστρη.

---

* Работа Д. В. Зайцева выполнена в рамках гранта РНФ 19-18-00549-П «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках», реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете.

В труде Энея Тактика «О перенесении осады» чрезвычайно любопытен следующий фрагмент: «Χαλκίς ἢ ἐν Εὐρίῳ κατελήθη ὑπὸ φυγάδος ὀρωμένου ἐξ Ἐρετρίας, τῶν ἐν τῇ πόλει τινὸς τεχνασαμένου τοιόνδε. Κατὰ τὸ ἐρημότατον τῆς πόλεως καὶ πύλας οὐκ ἀνοιγομένας ἔχων ἔφερεν πυργάστρην, ἣν φυλάσσων τὰς ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας ἔλαθεν νυκτὸς τὸν μοχλὸν διαπρήσας καὶ δεξάμενος ταύτῃ στρατιώτας» (4.1–3). Он входит в главу, посвященную системе условных сигналов или паролей, благодаря которым жители полиса могли бы быстро опознавать своих, идет ли речь о боях внутри города или об операциях за городскими стенами. Для демонстрации острой необходимости таких мер приводится пример взятия Халкиды, когда враги смогли проникнуть в город, занять открытое место (о тактическом смысле этого маневра говорится во второй главе) и убивать обороняющихся, которые принимали их за своих и бежали к ним. Для осуществления такой внезапной атаки необходимо было незаметно проникнуть в город, в связи с чем называется «хитрость» (4.1.5 τεχνασαμένου τοιόνδε) некоего предателя в городе. Рассмотрим сначала исторический контекст фрагмента, а затем обратимся к его интерпретации.

Английский издатель текста У. Э. Олдфазер предлагает отнести это сообщение к VII в. до н. э., к которому он относит Лелантскую войну (Aeneas 1923: 38.). Другой предлагавшийся вариант — IV в. до н. э., на который приходится время жизни Энея. Однако в этом случае мы встаём перед одной трудностью — история Греции IV в. до н. э. достаточно неплохо освещена в источниках, и событий, соответствующих описанию Энея, в ней не находится. Д. Кнёпфлер достаточно подробно раскрывает события кампании афинян 349–348 гг. до н. э. на Эвбее (Knöpfler 1981), и захват эретрийцами Халкиды в нее не укладывается. Отнести необходимо и кампании 350-х гг. до н. э. (Tod 1968: 160)¹. К. Уокер включает штурм Халкиды в свою достаточно спорную реконструкцию межполисных отношений конца VI в. до н. э., связывая сообщение Энея с захватом Халкиды афинянами (Walker 2004: 211). Однако Геродот ясно сообщает, что Халкида была захвачена в 506 г. до н. э. афинянами,

---

¹ Интересно, что во вступительной статье к переводу Элиана В. Ф. Беляев сначала пишет, что интересующий нас фрагмент относится к 358–357 гг. до н. э., а затем заключает, что из-за отсутствия других данных источников датировать эти события точно нельзя. См.: Aeneas 1965: 251–252.

и не указывает на какую-то роль Эретрии в этой операции (Herod. V. 77). Да и в тексте Энея нет указаний на роль афинян в событиях.

Таким образом, надежных оснований для отнесения фрагмента Энея Тактика к какой-либо из вышеприведенных дат нет. В самом тексте также нет указаний на хронологию событий. Слабым аргументом в пользу ранней датировки служит то, что после описания взятия Халкиды Эней пишет об одном из эпизодов афино-мегарского конфликта, в котором успешно действовал Писистрат. Однако в целом в произведении не выдерживается хронологическая последовательность.

Само описание взятия города также вызывает вопросы. Приведем перевод В. Ф. Беляева: «Лежащая у (пролива) Еврип Халкида была захвачена выходцами из Эретрии потому, что один горожанин пустился на следующую хитрость. По наиболее уединенной части города, когда были закрыты ворота, носил он сосуд с огнем. Сохраняя его дни и ночи, он однажды ночью незаметно прожег засов у ворот и впустил таким образом солдат» (Aeneas 1965: 260). Получается абсурдная ситуация, когда некий горожанин, собирающийся передать город неприятелю, ежедневно носил сосуд с огнем. Непонятно, зачем ему это делать, если для пережигания засовов это нужно было только однажды. И вряд ли можно было ожидать, что стража просто привыкнет к странному гражданину, который ежедневно носит сосуд с огнем, и не обратит внимания на его действия в момент взятия города.

Как кажется, прояснить ситуацию и сделать картину более понятной может обращение к переводу термина «*λυγίστηρην*». Практически все издатели и переводчики предлагают понимать это слово как «сосуд с огнем». Видимо, устойчивость этого перевода находит свои истоки в истории текста Энея Тактика. Трактат «О перенесении осады» известен в четырех рукописях. Рукопись «Codex Laurentianus LV-4 (M)» является протографом для трех остальных: «Codex Parisinus Graecus 2435 (A)», «Codex Parisinus Graecus 2522 (B)» и «Codex Parisinus Graecus 2443 (C)». В настоящее время рукопись C не используется в связи с тем, что является неточным списком с рукописи B, а рукописи A и B используются только в тех случаях, когда текст протографа был испорчен. При этом исследователи отмечают, что рукописи A и B достаточно тщательно копируют текст оригинала (Aeneas 1923: 18–19).

Тем не менее, первый издатель Энея Тактика И. Казобон был ограничен только рукописью С. В связи с этим интересующий нас фрагмент представлен в первых изданиях в другом виде: «ἔφερεν πῦρ ἐν γαστήρῃ». И. Казобон переводил этот пассаж на латынь следующим образом: «ignem in testa deferebat» (Scriptores 1818: 21). Та же традиция сохраняется в переводе и на современные языки вплоть до сегодняшнего дня, при том, что после открытия рукописей М, А и В, чтение древнегреческого оригинала изменилось и во всех известных нам изданиях приняло тот вид, который мы цитировали в начале. Расхождений в переводах Энея Тактика на современные языки выявить нам не удалось. Переводчики демонстрируют полное единодушие: «he kept bringing a firepot» (Aeneas 1923. P. 39.)², «носил он сосуд с огнем» (Aeneas 1965: 260), «un pot à feu» (Énée 1967: LXXXII), «una olla con fuego» (Eneas 1991: 38), «Trug er Feuer in einem Feuertopf» (Aineias 2017: 43).

Традиционное понимание места в целом и слова «πυργαστήρ», подсказываемое, по-видимому, соседством двух его предполагаемых элементов в гомеровском стихе (*Il.* 18, 348 = *Od.* 8, 437: γαστήρην μὲν τρίλοδος πῦρ ἄμφελε, θέρμετο δ' ὕδωρ, «огонь охватил полость треножника, и вода стала нагреваться»)³, основывается на видимой логической связи между «жаровней» и «выжиганием засова», но на этом его достоинства заканчиваются. Это гомеровское выражение, не общеупотребительное (кроме двух раз у Гомера еще единичные случаи у Никандра, *Theriaca* 106, Квинта Смирнского, *Posthomerica* 5.382, — все время в рамках эпической традиции), не совсем понятное и требовавшее комментария филологов (Евстафий, *Comm. ad Hom. Il.* 2.400.14; 4.103.29; *Comm. ad Hom. Od.* 2.12.36, Поллукс, *Onom.* 2.175.10; Филоксен, *Fr.* 78.4) и авторов схолиев (*Sch. et gloss. in Nicandr.theriaca* 106b.1; 465c.5) К. Бэрндт, автор одной из самых обстоятельных монографий по Энею Тактику, пытается сблизить с мимиямбом Герода (4.62), в котором употреблено слово πύραυρον (в более совр. изд. πύραυτρον)⁴. Нам представляется спорным обоснование

² В. А. Олдфазер отмечает в комментариях, что это место достаточно темное, однако склоняется к устоявшемуся переводу.

³ Этот же стих, по-видимому, объясняет и ионийскую форму в исходе интересующего нас слова.

⁴ Подробный разбор: Behrendt 1910: 78–82. Это объяснение и аргументация без изменений сохраняются в издании Loeb 1923 г. (Aeneas

конъектуры к Героду через Энея Тактика и одновременное обоснование слова у Энея Тактика через место Герода. При этом в качестве значения предлагается приравнять это к λέβης, использование которого при осаде хорошо известно по Фукидиду (4.100), но остается непонятным, зачем Эней Тактик стал бы использовать непонятное гомеровское выражение там, где есть более ясное слово.

Кроме того, к предполагаемой «жаровне» относится оборот ἦν φυλάσσω, для объяснения которого Берендт вновь вынужден прибегать к Гомеру (пастух Эвмел сторожит свиней), но и это уподобление нельзя не признать натяжкой.

По мысли сторонников такого понимания, ежедневное и еженощное перемещение предателя с жаровней должно было усыпить бдительность стражи, чтобы потом можно было тайно (ἔλαθεν) пережечь засов. Даже если считать, что жаровня мыслилась как традиционная часть жертвоприношения, не ясно, как объяснить, почему жертвоприношения совершаются каждый день и тем более по ночам. Разве появление ночью с жаровней не должно было даже и больше привлечь внимание? В конце десятой главы Эней Тактик вообще запрещает жителям города использовать какие-либо огни по ночам! Также не ясно, почему стража не отреагировала, когда «примелькавшийся» горожанин начал у них на виду пережигать засов⁵. Нельзя не заметить, что есть издатели, которые и вовсе исключают это место из текста⁶. В таком случае нужно будет объяснить, в чем же заключалась обозначенная словом τεχνασαμένου хитрость.

Мы бы хотели предложить другую версию понимания слова «πυράστρη», связанную с иным его членением. Мы полагаем, что это — образование (возможно, не прямое, с промежуточным, не дошедшим до нас глаголом πυράζω или πυράω) от πύργος, и означает оно «сторожевую службу в крепости»

1923: 39), а вслед за ним в изданиях Дэна-Бон (Énée 1967: 8) и Бродерсена (Aineias 2017: 42–43).

⁵ Идею о том, что опасно и слишком заметно было бы приносить жаровню к воротам, высказывает в своем комментарии Д. Вайтхед (Aineias 2002: 106), но для интерпретации места он возвращается к идее Хадсона-Хэнфорда (Aeneas 1927: 114) о том, что речь идет о напильнике (с аргументацией).

⁶ Его удалял Р. Херхер (ставя ἔχων в зависимость от φυλάσσω), полагая его инкорпорированной глоссой к διαπρήσας, позиция которого сначала показалась Берендту близкой (Behrendt 1910: 78–79).

(соответственно, глагол — «нести сторожевую службу в крепости»).

В этом случае это слово стало бы одним из весьма немногочисленных примеров использования непроизводительной модели на *-άστρα*. Приведем список таких слов, для которых сохранились контексты. Это *σκεπάστρα* ‘хирургическая повязка’ (Gal. 18(1), 777), от *σκεπάζω* ‘служить защитой’, *δελεάστρα* ‘приманка’ от *δελεάζω* ‘насаживать в качестве приманки’, *креμάστρα* ‘то, откуда что-либо висит’⁷ от *креμάννυμι* ‘подвешивать’, *θερμάστρα* ‘печь’ от *θερμαίνω* ‘нагревать’, *κηλάστρα* ‘подойник’ и *χαλάστρα* ‘растворитель’⁸ от *χαλάω* ‘распускать, развязывать’. Для всех этих слов, кроме *κηλάστρα*, можно привести исходные глаголы с *-α-* в основе в каком-либо виде, но в каждом случае конкретный смысл отглагольного существительного предсказать трудно.

Если принять, что *ἔφερον πύργαστρον* — это ‘несение башенной службы’, то тогда *ἦν φυλάσσω* хорошо с этим согласуется, так как в третьей — предшествующей — главе Эней Тактик специально оговаривает важность распределения между жителями обязанностей по охране того или иного объекта в дневное и ночное время. Для грамотного распределения жителей дается еще и совет, чтобы место несения караула было недалеко от их домов и семей (и для быстрой коммуникации и поддержки, и, как можно предположить из других мест, в качестве психологического стимула защищать своих близких). В этой связи выражение *κατὰ τὸ ἐρημότατον τῆς πόλεως καὶ πύλας οὐκ ἀνοίγομένας ἔχων*, тоже представляющее проблему из-за глагола *ἔχω*, можно было бы понять, что предатель жил в удаленной части города.

Взаимосвязь башни и ворот и их критическое значение для доступа в город можно видеть в главе 29 (29.10): *Ὀπλισθέντες δ' ἕκαστοι τοῖς προσήκουσιν ὅπλοις, οἱ μὲν τινες αὐτῶν ἐπὶ πύργους ὄρμησαν καταλαβεῖν καὶ πύλας, καθ' ἃς καὶ <τοὺς> ἄλλους προσεδέχοντο, οἱ δὲ ἐπὶ τὰ ἀρχεῖα καὶ τὰς ἐναντίας οἰκίας, οἱ δὲ*

⁷ Id unde aliquid pendet (Stephanus 1841: Col. 1941).

⁸ Встречается только у Фемистия, при изложении истории Эзопа о хозяине раба-индуса, пытавшегося осветлить его темную кожу: «*ῥύμμασι χρώμενος καὶ χαλάστραις*» (Themistius, *Μετριοπαθῆς ἢ φιλότεκνος* Harduin 359, section c, line 4). Перевод Дени Пето — «*smegma & nitrum adhibebat*» (т. е. «использовал мыло и соду») (Petavius 1684: 359).

ἄλλοι ἄλλων τόπων εἶχοντο. Можно сравнить προσεδέχοντο здесь и δεξάμενος в рассматриваемом пассаже.

Именно удаленность места и то, что ворота постоянно были закрыты, привело к небольшому количеству стражи, выделенной для этого участка. Весьма вероятно, что предатель сам вызвался нести башенную службу, что не вызвало подозрений, так как для открытия заблокированных ворот сил одного человека не хватит. И тогда хитрость заключалась именно в том, что он смог это сделать, пережегши засов. Кстати, мысль о том, что непроверенным людям нельзя доверять ответственные позиции, звучит у Энея Тактика достаточно часто, а в конце десятой главы формулируется таким образом (10.24.5): ὡς ἤκιστα ἐπὶ σφῶν αὐτῶν διατηροῦντας καὶ νύκτα καὶ ἡμέραν, что напоминает ἦν φυλάσσων τὰς ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας. Ошибкой халкидян стало то, что ненадежному гражданину позволили без надзора сторожить запертые ворота — место, которому не придали большого значения. И сразу же после описания трагического результата в пятой главе даются советы по назначению смотрителя ворот.

Таким образом перевод соответствующей части фрагмента мог бы быть исправлен: «По наиболее уединенной части города, при запертых воротах, нес он сторожевую службу при крепости, соблюдая ее днем и ночью, etc.».

Литература

- Aeneae Tactici 1818: *Commentarius de toleranda Obsidione*, Leipzig.
- Aeneas 1923: *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander* / transl. by The Illinois Greek Club. London.
- Aeneas 1927: *Aeneas on Siegecraft* / Cr. ed. by L. W. Hunter, rev. by S. A. Handford. Oxford.
- Aeneas 1965: Aeneas Tacticus. [How to Hold Out under Siege. Translation and introductory essay by V. F. Belyaev.]. *Journal of Ancient History* 1, 237–268.
- Aineias 2002: *Aineias The Tactician. How to survive under siege* / Hist. comm., transl., introd. D. Whitehead. London.
Эней Тактик. О перенесении осады / Пер. и вступ. статья В. Ф. Беляева. *ВДИ* №1, 237–268.
Эней Тактик. О перенесении осады / Пер. и вступ. статья В. Ф. Беляева. *ВДИ* №1, 237–268.
- Aineias 2017: *Aineias /Aeneas Tacticus. Stadtferteidigung. Poliorketika* / Herausgegeben und übersetzt von Kai Brodersen. Berlin; Boston.
- Behrendt, C. 1910: *De Aeneae Tactici commentario poliiorcetico Quaestiones selectae*. Diss., Koenigsberg.

- Eneas 1991: *Eneas el Tàctico Poliorcética*. Trad. J. Vela Tejada y Fr. Martin Garcia. Madrid.
- Énée 1967: *Énée le Tacticien. Poliorcétique*. Texte établi par Alphonse Dain, traduit et annoté par Anne-Marie Bon. Paris; Les Belles Lettres.
- Fl. Vegetus Renuatus et alii Scriptores Antiqui de Re Militari. Vesaliae, 1670.
- Knoepfler, D. 1981: Argoura: un toponym dans la «Midiennne» de Démosthène. *Bulletin de correspondance hellénique*. Vol. 105, 289–329.
- Themistii Orationes XXXIII. *E quibus tredecim nunc primum in lucem editae. Dionysius Petavius e Societate Jesu Latine plerasque reddidit, ac ferè vicenas Notis illustravit...* Parisiis, In Typographia Regia. Excudebat Sebastianus Mabre-Cramoisy. 1684.
- Thesaurus Graecae Linguae, ab Henrico Stephano constructus*. Post editionem Anglicam novis additamentis auctum, ordineque alphabetico digestum tertio ediderunt Carolus Benedictus Hase... Guilielmus Dindorfius et Ludovicus Dindorfius... V. IV. Parisiis: Firmin Didot. 1841.
- Tod, M. N. 1968: *A Selection of Greek Historical Inscriptions (Vol II): from 403 to 323 BC*. Oxford.
- Walker, K. 2004: *Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C.* London; New York.

Е. А. Лютикова
МГУ им. М. В. Ломоносова/ ГосИРЯ им. А.С.Пушкина, Москва, Россия.
lyutikova2008@gmail.com

А. В. Сидельцев
Институт языкознания РАН, Москва, Россия. acidelev@gmail.com

ЭКСПОНЕНТЫ И СИНКРЕТИЗМ В СИСТЕМЕ ХЕТТСКИХ АРГУМЕНТНЫХ КЛИТИК

В статье рассматривается система аргументных клитик хеттского языка в свете распределенной морфологии. Демонстрируется, что как в синхронном, так и в диахроническом аспекте могут быть выделены три источника синкретизма форм. Синкретизм, основанный на обеднении признаковой матрицы, всегда связан с удалением признака или группы признаков в контексте другого признака или группы признаков. В хеттском языке к этому классу относятся синкретизм рефлексивной клитики, синкретизм датива и аккузатива для 1–2-го лица, синкретизм аккузатива и номинатива для 3-го лица среднего рода и др. Синкретизм, основанный на недоспецификации словарной единицы, возникает тогда, когда для двух узлов с разными признаковыми матрицами на основе Принципа подмножества выбирается один и тот же экспонент. В хеттском языке к такого рода случаям относится использование новохеттского экспонента =aš для клитик общего рода, различающихся спецификацией в отношении числа и падежа. Наконец, случайный синкретизм, основанный на фонетическом совпадении двух различных словарных единиц, возникает при совпадении фонетических форм двух экспонентов с разными признаковыми спецификациями. В хеттском языке таким является синкретизм клитики =šmaš, соответствующей двум омонимичным экспонентам с различной признаковой спецификацией.

Ключевые слова: аргументные клитики, синкретизм, обеднение, экспоненты, распределенная морфология, признаки, хеттский язык.

Е. А. Lyutikova
Lomonosov MSU/ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.
lyutikova2008@gmail.com

A. V. Sideltsev
Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. acidelev@gmail.com

Exponence and syncretism in Hittite argumental clitics

The paper deals with the system of Hittite argumental clitics in the light of the Distributed Morphology. It is shown that the syncretism in this system comes from three different sources, both synchronically and diachronically. The syncretism based on Feature Impoverishment always correlates with deletion of a feature or a set of features in the context of another feature or a set of features. In Hittite, the reflexive clitic syncretism, the dative/accusative syncretism for 1st–2nd person, the

accusative/nominative syncretism for 3rd person neuter etc belong to this type. The syncretism based on Underspecification of a vocabulary item appears when one exponent is selected for two nodes with different feature matrices on the basis of the Subset Principle. In Hittite, here belongs the use of New Hittite exponent =*aš* [+clitical, +common] for common gender clitics which are differently specified for number and case. Finally, there is incidental syncretism which is based on phonetic coincidence of two different vocabulary items with different feature specifications. Such a type is seen in Hittite in the syncretism of the clitic =*maš*, which corresponds to two homonymous exponents with different feature specification — [+clitical, +participant] and [+clitical, +peripheral].

Keywords: argumental clitics, syncretism, impoverishment, exponence, Distributed Morphology, features, Hittite.

1. Введение

В этой статье мы предложим анализ синкретизма в парадигме хеттских аргументных клитик, выполненный в рамках теории распределенной морфологии (Distributed Morphology, DM, см. Halle, Marantz 1993, 1994; Harley, Noyer 1999; Matushansky, Marantz (eds.) 2013). Хеттские аргументные клитики представляют интерес для анализа по двум причинам. Во-первых, в клитической парадигме мы наблюдаем большую долю синкретизма, когда одна и та же форма выражает различные наборы морфологических признаков. При этом местоименные клитики обладают значительным количеством грамматических категорий, таких как лицо, число, род, падеж, рефлексивность (Hoffner, Melchert 2008: 135–6, 357–364), что позволяет выявить разные типы синкретичных рядов. Во-вторых, при переходе к новохеттскому периоду происходят изменения в парадигме местоименных клитик, связанные с утратой ряда показателей и включением соответствующих комбинаций грамматических категорий в другие синкретичные ряды (Hoffner, Melchert 2008: 135). Отмечается также, что диахронические изменения в системе местоименных клитик происходили во многом независимо от перестройки парадигм полноударных местоимений и имен (Hoffner, Melchert 2008: 135, 143), так что моделирование данного процесса в системе клитик может быть выполнено независимо от соответствующего именного контекста.

Основной целью этой работы является идентификация различных типов синкретизма в системе хеттских аргументных клитик. Мы предполагаем показать, что анализ парадигм позво-

ляет установить три источника синкретизма: синкретизм, основанный на обеднении признаковой матрицы, синкретизм, основанный на недоспецификации словарной единицы и случайный синкретизм, основанный на фонетическом совпадении двух различных словарных единиц.

Изложение организовано следующим образом. В разделе 2 мы описываем парадигмы местоименных клитик древнехеттского и новохеттского языка и выделяем ряды форм, имеющих синкретичное выражение. В следующих разделах мы развиваем распределенно-морфологический анализ системы аргументных клитик. В разделе 3 мы представляем традиционные грамматические категории, определенные на клитиках, в виде системы иерархически организованных бинарных признаков (геометрии признаков, см. Harley, Ritter 2002). Раздел 4 посвящен обсуждению правил обеднения (*Impoverishment*, Bonet 1991, Noyer 1992), которые приводят к неразличению значений некоторой категории в контексте определенного значения другой категории. В разделе 5 приводятся правила вставления словарных единиц (*Vocabulary Insertion*) для древнехеттского и новохеттского языка. В заключении подводятся итоги исследования и суммируются сведения об источниках синкретизма.

2. Парадигма аргументных клитик

Система аргументных клитик в хеттском языке разделяется на две части (см. Hoffner, Melchert 2008: 134–5, 143): клитики 1–2-го лица и клитики 3-го лица. У клитик 1–2-го лица нет форм номинатива, а датив и аккузатив всегда синкретичны. Синкретизм аккузатива и датива обнаруживается не только у местоименных клитик, но и у полноударных личных местоимений (Hoffner, Melchert 2008: 134–5). В отличие от клитик 3-го лица, клитики 1–2-го лица не различаются по роду.

Клитики 3-го лица имеют три падежных формы (номинатив, аккузатив и датив), которые различаются по числу и по роду. Их парадигма отчетливо различается в древне- и новохеттском. В древнехеттском номинатив и аккузатив последовательно различались как в единственном, так и во множественном числе, за исключением клитик среднего рода (см. Таблицу 1). В новохеттском только одна из форм — клитика *=an* — находится в одно-однозначном соответствии с одним набором грамматичес-

ких признаков (3-е лицо, ед. число, общий род, accusativ); прочие клитики демонстрируют различные типы синкретизма (см. Таблицу 2).

В отличие от местоименных клитик, полноударные формы местоимений имеют больше падежных форм. Личные местоимения 1–2-го лица различают номинатив, accusativ-датель, генитив и аблатив. Полноударные формы местоимений 3-го лица являются демонстративами и различают полный набор падежей хеттского языка.

Таблица 1. Парадигма аргументных клитик, древнехеттский

		First	Second	Third	
				Common	Neuter
Singular	Nom	—	—	=aš	=at
	Acc	=mu	=ta	=an	
	Dat			=še	
Plural	Nom	—	—	=e	
	Acc	=naš		=uš	
	Dat			=šmaš	

Таблица 2. Парадигма аргументных клитик, новохеттский

		First	Second	Third	
				Common	Neuter
Singular	Nom	—	—	=aš	=at
	Acc	=mu	=ta	=an	
	Dat			=ši	
Plural	Nom	—	—	=at	
	Acc	=naš		=aš	
	Dat			=šmaš	

К системе аргументных клитик примыкает неизменяемая рефлексивная клитика =za, которая имеет аргументные употребления, соответствуя датель или accusativу (1a-b). Аргументная клитика =za может относиться к любому лицу, числу и роду (2a-c), будучи похожа в этом отношении на русский рефлексив себя.

(1) а. =za как дативная рефлексивная клитика 3-го лица ед. числа общего рода

ОН/OS (СТН 291.I.a.A) КВо 6.2 obv. i 53

n=an=za *apāš=pat* *dāi*

CONN=ОН.ACC.SG.C=REFL TOT.NOM.SG.C=FOC брать.3SG.PRS

‘Тот (другой) возьмет это себе’;

б. =za как аккузативная рефлексивная клитика 3-го лица ед. числа общего рода

ОН/OS (СТН 733.II.a.1) КВо 25.112+ obv. ii 14–15

LUGAL-*uš=za* *šuppiāḥḥati*

царь.NOM.SG.C=REFL очищать.3SG.PRS.MED

‘Царь очищается’.

(2) а. =za как рефлексивная клитика 2-го лица ед. числа

НН/NS (СТН 42.A) КВо 5.3+ rev. iii 65’

DAM-*an=ma=an=za* *lē* *iyašī*

жена.ACC.SG.C=НО=ОН.ACC.SG.C=REFL PRON делать.2SG.PRS

‘Ты не должен делать ее себе женой’;

б. =za как рефлексивная клитика 1-го лица ед. числа

НН/NS (СТН 123) КВо 4.14 rev. iii 1–2

EGIR-*pa=wa=du=za* [DIB-*m*]i

назад=QUOT=ты.ACC.SG.C=REFL брать-1SG.PRS

‘Я возьму тебя назад’;

с. =za как рефлексивная клитика 3-го лица мн. числа

НН/NS (СТН 69.A) КУВ 19.49+ obv. i 9

n=at=za *apūš* *dāi[r]*

CONN=ИХ.ACC.PL.N=REFL они.NOM.PL.C брать.3PL.PST

‘Они взяли это себе’.

Таким образом, в системе аргументных клитик хеттского языка мы обнаруживаем синкретизм, затрагивающий различные грамматические категории. В древнехеттском языке представлены следующие виды синкретизма: падежный синкретизм (неразличение датива и аккузатива у 1–2-го лица и рефлексива; неразличение форм номинатива и аккузатива в среднем роде), родовой синкретизм (неразличение общего и среднего рода у 1–2-го лица и рефлексива; неразличение форм общего и среднего рода в дативе; неразличение общего и среднего рода в номинативе мн. числа), личный синкретизм (неразличение форм 1–3-го лица у рефлексива; неразличение 2-го и 3-го лица

мн. числа в дативе) и числовой синкретизм (неразличение ед. и мн. числа у рефлексива).

В новохеттский период все виды синкретизма сохраняются, и при этом добавляются новые синкретичные ряды. Во-первых, выходит из употребления клитика =*uš*, и в соответствующем контексте используется клитика =*aš*. Вследствие этого одинаковое выражение получают клитики 3-го лица ед. числа общего рода в номинативе и 3-го лица мн. числа общего рода в аккумулятиве. Во-вторых, утрачивается клитика =*e*, а ее функции начинает выполнять клитика =*at*, уже в древнехеттском языке обслуживавшая синкретичный падежный ряд для ед. числа среднего рода. Таким образом, к случаям числового синкретизма добавляется неразличение форм ед. и мн. числа у клитик среднего рода.

3. Признаковая база

Для признаковой спецификации именных узлов в хеттском языке мы предлагаем следующий набор бинарных формальных признаков (3). Клитический статус именной составляющей кодируется при помощи бинарного признака [$\pm$ clitical]. В кодировании лица задействованы два признака, [$\pm$ participant] и [$\pm$ author], причем второй признак подчинен первому и может принимать положительное значение только если первый признак положителен. За число отвечает признак [$\pm$ singular]; отметим, что направление маркированности между ед. и мн. числом является обратным тому, что принимается в традиционных грамматических описаниях. Категория рода кодируется при помощи признака [$\pm$ common]. Наконец, тернарное противопоставление номинатива, аккумулятива и датива использует два признака, [$\pm$ oblique] и [$\pm$ peripheral], которые также иерархически связаны имплицативным отношением. Кроме того, нам потребуется признак [$\pm$ reflexive] для рефлексивной клитики.

- (3) Признаки именных узлов
  - a. Клитический статус
[$\pm$ clitical]
  - b. Лицо (Halle 1997; Harley, Ritter 2002)
[$\pm$ participant]
[$\pm$ author]
  - c. Число (Harbour 2003)
[$\pm$ singular]

- d. Род (Harley, Ritter 2002)
[±common]
- e. Падеж (Arregi, Nevins 2018)
[±oblique]
[±peripheral]
- f. Рефлексивность (Arregi, Nevins 2018)
[±reflexive]

В этой системе признаков соответствующие грамлеммы будут представлены следующим образом (4).

- (4) Репрезентация грамматических категорий
- a. Клитический статус
клитика: [+clitical]
не-клитика: [-clitical]
  - b. Лицо
1: [+participant, +author]
2: [+participant, -author]
3: [-participant, -author]
  - c. Число
SG: [+singular]
PL: [-singular]
  - d. Род
COMMON: [+common]
NEUTER: [-common]
  - d. Падеж
DAT: [+oblique, +peripheral]
ACC: [+oblique, -peripheral]
NOM: [-oblique, -peripheral]
  - e. Рефлексивность
рефлексив: [+reflexive]
не рефлексив: [-reflexive]

В синтаксическом компоненте каждый именной узел, соответствующий аргументным клитикам, охарактеризован в отношении всего набора признаков. Например, узел, который в результате будет озвучен при помощи клитики =*mi* в предложении (5a), должен быть охарактеризован как в (6a), а узел, который будет озвучен как =*za* в предложении (5b), должен быть охарактеризован как (6b).

- (5) a. NH/NS (СТН 42.А) КВо 5.3+ obv. i 29

arūnn=a=mi   *antuḥšan*   *UL*
 TOT.ACC.SG.C=и=я.DAT.SG   человек.ACC.SG.C   NEG
tekkuššanuši
 указывать.2SG.PRS
 ‘Ты не указываешь мне на того человека’;

- b. NH/NS (СТН 69.А) KUB 19.49+obv. i 42

nu=wa=mu=za   *ĪR-anni*   *dā*
 CONN=QUOT=я.ACC.SG=REFL   служба.DAT.SG   брат.2SG.IMP
 ‘Возьми меня в вассалы!’

(6) a. [+clitical, +participant, +author, +singular, +common, +oblique, +peripheral, -reflexive]

b. [+clitical, +participant, -author, +singular, +common, +oblique, +peripheral, +reflexive]

Таким образом, полная признаковая матрица позволяет закодировать различия морфем по любому набору граммем и сопоставить каждой признаковой матрице уникальный способ ее озвучивания. Однако обычно внутри парадигмы существует несколько подпарадигм, использующих неполную признаковую матрицу. Тот факт, что признаки некоторого класса не различаются при наличии определенного признака другого класса (например, признак рода у клитик 1–2-го лица или признак лица у рефлексивной клитики), анализируется как операция над признаковой матрицей и моделируется при помощи правил обеднения¹ (Improverishment). В следующем разделе мы предложим набор таких правил для описания регулярного синкретизма в системе хеттских аргументных клитик.

4. Правила обеднения

Механизм обеднения, предложенный в работах Э. Боне и Р. Нойера (Bonet 1991; Noyer 1992), обеспечивает удаление морфологического признака или его значения, обусловленное определенным морфологическим контекстом. Результатом обеднения оказывается нейтрализация признакового противо-

¹ Перевод термина Improverishment как *обеднение*, по-видимому, установился в отечественной формальной литературе в 2010-е годы. В статье мы следуем этой традиции.

поставления для определенного класса случаев. Например, если правило обеднения требует удаления признака [$\pm$ feminine] в контексте [+author], то морфемы, выражающие 1-е лицо, будут демонстрировать регулярный синкретизм в отношении признака рода; при этом в остальных морфемах, например, 2-го или 3-го лица, родовое противопоставление будет сохраняться. Важно отметить, что правила обеднения «уменьшают» количество признаковой информации — удаляют признак либо меняют положительное значение признака на отрицательное.

Обратимся теперь к таблицам, описывающим синкретизм аргументных клитик. Начнем с древнехеттской системы, представленной в Таблице 3. Учитывая относительную маркированность граммем, выраженную в системе бинарных признаков, мы можем представить в виде правил обеднения следующие виды синкретизма (показано в таблице стрелками): (i) синкретизм датива и аккузатива для 1–2-го лица (от более маркированного датива к менее маркированному аккузативу); (ii) синкретизм аккузатива и номинатива для 3-го лица среднего рода (от более маркированного аккузатива к менее маркированному номинативу); (iii) синкретизм форм общего и среднего рода для датива 3-го лица (от более маркированного общего к менее маркированному среднему роду); (iv) синкретизм форм общего и среднего рода для номинатива 3-го лица множественного числа (от более маркированного общего к менее маркированному среднему роду).

Кроме того, следует учитывать и непредставленное в таблице неразличение родовых форм для 1–2-го лица², которое также может быть представлено как обеднение: (v) синкретизм форм общего и среднего рода для 1–2-го лица (удаление признака

² Необходимо отметить, что значение 1–2-го лица в принципе совместимо со значением среднего рода. Подобные примеры мы наблюдаем и в хеттском языке, ср. (i):

(i) INS (СТН 364.2.В) KUB 36.18 obv. ii 7'

1a. KÙ.BABBAR–*anti*
серебро.VOC.SG

1b. *lē=mu=kan* *kueš[i]*
ПРОН=Я.ACC=ЛОCP убивать.2SG.PRS

‘(1a) Серебро, (1b) не убивай меня!’ (Rieken et al. (ed.), hethiter.net/: СТН 364.2 (INTR 2009-08-30)). Ср. (Hoffner 1998: 49).

рода у 1–2-го лица). Невозможность выражения признаков рода у участников 1–2-го лица является межъязыковой универсалией, которая обычно анализируется как запрет на выражение в одной морфеме маркированных признаков класса лица и рода (Noyer 1992; Arregi, Nevins 2018)³.

Таблица 3. Синкретизм как обеднение, древнехеттский период

		First	Second	Third	
				Common	Neuter
Singular	Nom	—	—	= <i>aš</i>	= <i>at</i> ↑
	Acc	= <i>mu</i> ↑	= <i>ta</i> ↑	= <i>an</i>	=š <i>e</i>
	Dat			→	
Plural	Nom	—	—	→	= <i>e</i> ↑
	Acc	= <i>naš</i> ↑	=š <i>maš</i> ↑	= <i>uš</i>	=š <i>maš</i>
	Dat			→	

Интересную коллизию создает синкретизм формы =š*maš*, которая используется одновременно для выражения синкретичного датива 3-го лица мн. числа (обоих родов) и синкретичного датива-аккузатива 2-го лица мн. числа. Кажется заманчивым объединить эти употребления путем обеднения лица у формы 2PL (ср. аналогичную операцию для ряда латиноамериканских диалектов испанского в Arregi, Nevins 2018). Однако в таком случае мы теряем возможность регулярного представления синкретизма датива и аккузатива формы 2PL как обеднения от датива к аккузативу, поскольку в 3-м лице =š*maš* является формой датива, противопоставленной аккузативу (=uš/=e). Таким образом, два процесса — обеднение датива 2PL до аккузатива и обеднение датива 2PL до датива 3PL — не могут быть одновременно представлены в системе правил обеднения. По этой причине мы склоняемся к более системной репрезентации единого правила обеднения падежа для 1–2-го лица и единого правила обеднения рода для датива 3-го лица.

³ Возможные исключения используют расщепление (Fission) конфликтующих признаков между двумя морфемами (Noyer 1992, Halle 1997). Например, в различных идиомах латиноамериканского испанского личные местоимения мн. числа имеют формы мужского и женского рода (*nosotros* ‘мы.М’ vs. *nosotras* ‘мы.Ф’, (*v*)*osotros* ‘вы.М’ vs. (*v*)*osotras* ‘вы.Ф’), однако эти формы двухморфемные, состоящие из личной (*nos*, (*v*)*os*) и родовой (*otros*, *otras*) части.

Наконец, для рефлексивной клитики, употребленной в аргументной функции, мы наблюдаем тотальный синкретизм: признаки лица, числа, рода и падежа не выражаются в присутствии признака рефлексивности. Мы представим данный факт как обеднение всех этих признаков у рефлексива.

Обратимся теперь к новохеттской системе, представленной в Таблице 4. Мы видим, что отличия сводятся к двум новациям: исчезновению особой формы *=iš* для аккузатива 3-го лица мн. числа общего рода (вместо нее используется форма *=aš*, омонимичная номинативу 3-го лица ед. числа общего рода) и исчезновению формы *=e* для номинатива 3-го лица мн. числа обоих родов (вместо нее начинает функционировать форма *=at*, используемая для ед. числа среднего рода). Соответственно, возникает два новых вида синкретизма. Первый из них непредставим в виде правил обеднения: *=aš* возникает в контексте либо маркированного числа и немаркированного падежа (NOM.SG), либо в контексте немаркированного числа и маркированного падежа (ACC.PL). Второй же синкретизм хорошо вписывается в уже имеющуюся систему: при обеднении номинатива-аккузатива среднего рода ед. числа до множественного числа мы получим возможность представить возникший в новохеттский период синкретизм в виде признаковой омонимии.

Таблица 4. Синкретизм как обеднение, новохеттский период

		First	Second	Third	
				Common	Neuter
Singular	Nom	—	—	<i>=aš</i>	(<i>=at</i>)
	Acc	<i>=mu</i> ↑	<i>=ta</i> ↑	<i>=an</i>	↑
	Dat			→ <i>=ši</i>	↘
Plural	Nom	—	—	→ <i>=at</i>	↑
	Acc	<i>=naš</i> ↑	<i>=šmaš</i> ↑	<i>=aš</i>	↑
	Dat			→ <i>=šmaš</i>	

Последний вопрос, который следует обсудить, прежде чем перейти к представлению правил — это анализ лакун на месте форм номинатива 1–2-го лица (в таблицах обозначено прочерками). Такие формы у хеттских клитических местоимений отсутствуют; в контекстах, где мы ожидали бы появления номинативных клитик 1–2-го лица, используются либо полнударные местоимения 1–2-го лица, либо нулевые анафорические местоимения (*pro*₁₋₂).

- (7) а. полноударное местоимение
 NH/INS (СТН 61.П.1) KUB 19.29 obv. i 10
 [amm]uk=ma=za nīwa TUR-aš eš-un
 я.NOM.SG=НО=REFL все_еще ребенок.NOM.SG.C быть-1SG.PST
 ‘Но я был все еще ребенком’;
- б. нулевое местоимение
 NH/NS (СТН 81.А) KUB 1.1 obv. i 12
 nu=za kuitman nīwa DUMU-[(a-š)] eš-un
 CONN=REFL пока все_еще ребенок-NOM.SG.C быть-1SG.PST
 ‘Пока я был ребенком’.

Один из возможных путей анализа состоит в том, что отсутствие клитической формы у номинатива местоимений 1–2-го лица также рассматривается как дериват в морфологии при помощи правила обеднения, удаляющего признак, отвечающий за клитическую репрезентацию местоимения. Благодаря этому клитики не будут рассматриваться в качестве кандидатов на вставку в соответствующие узлы, и они будут реализованы либо полноударными, либо нулевыми местоимениями⁴.

Теперь мы готовы перейти к формулированию правил обеднения. Правило обеднения должно описывать условие на его применение и собственно операцию по обеднению какого-либо признака — удаление признака или изменение значения признака с положительного на отрицательное. Выбор между этими операциями никак не сказывается на синкретизме, который моделируется при помощи операции обеднения, но может оказаться значимым на этапе лексического вставления при выборе оптимального экспонента, если спецификация экспонента содержит отрицательные значения признаков. Условие применения правила принято представлять в виде строки структурного описания S(tructural) D(escription), а операцию удаления признака — в виде строки структурного изменения S(tructural)

⁴ Это решение работает только при описании подсистемы клитик, однако при переходе к неклитическим формам возникает проблема исключения полноударных или нулевых местоимений из клитических кластеров. В (Lyutikova, Sideltsev 2020; 2021) показано, что падежные ограничения на дистрибуцию клитик, по меньшей мере частично, должны возникать в синтаксисе. В этом отношении падежные характеристики клитик 1–2-го лица сходны с таковыми у рефлексивной клитики: в обоих случаях в ходе синтаксической деривации эти клитики не могут получать признак номинатива.

C(hange). В строке SD можно показывать только те признаки, которые задействованы правилом, или же все возможные признаки признаковой матрицы. Для простоты изложения мы будем опускать признаки, не задействованные правилом ни в качестве условия, ни в качестве мишени обеднения. Кроме того, мы будем использовать удаление признака вместо изменения его значения с положительного на отрицательное, поскольку предлагаемые нами правила лексического вставления не упоминают отрицательные значения признаков.

Для древнехеттского языка мы предлагаем следующий набор правил.

(A) Обеднение рефлексива

SD: [+clitical, ±participant, ±author, ±singular, ±common, ±oblique, ±peripheral, +reflexive]

SC: Удали [±participant, ±author, ±singular, ±common, ±oblique, ±peripheral]

(B) Обеднение клитических и неклитических⁵ местоимений 1–2-го лица по роду и падежу

SD: [±clitical, +participant, ±common, ±oblique, ±peripheral]

SC: Удали [±common, ±peripheral]

(C) Удаление номинативных клитик 1–2-го лица

SD: [+clitical, +participant, -oblique]

SC: Удали [+clitical]

(D) Обеднение датива по роду

SD: [+clitical, -participant, ±common, +oblique, +peripheral]

SC: Удали [±common]

(E) Обеднение среднего рода по падежу

SD: [+clitical, -participant, -author, ±singular, -common, +oblique, -peripheral]

SC: Удали [+oblique]

(F) Обеднение номинатива множественного числа по роду

SD: [+clitical, -participant, -author, -singular, ±common, -oblique]

SC: Удали [+common]

---

⁵ В этом правиле мы объединяем процессы обеднения по роду и падежу в клитических и неклитических местоимениях, поскольку соответствующий синкретизм наблюдается не только в клитической, но и полноударной подсистеме. Если ограничиться только клитической подсистемой, в структурном описании правила следует заменить признак [±clitical] на признак [+clitical].

Порядок применения правил обеднения в определенных случаях имеет значение, поскольку одни правила могут уничтожать или, наоборот создавать условия для применения других правил (*bleeding* и *feeding*, соответственно). Так, например, правило (A), удаляющее признаки лица, числа, рода и падежа у рефлексивной клитики, должно применяться до правила (B), удаляющего род и датив у местоимений 1–2-го лица, поскольку при обратном порядке следования правил правило (A), содержащее в структурном описании признаки $[\pm\text{common}]$ и $[\pm\text{peripheral}]$, не будет применено к рефлексивам 1–2-го лица.

Остальные правила обеднения применяются к разным классам морфем и вследствие этого могут оставаться неранжированными. Таким образом, порядок применения правил обеднения следующий:

(8) (A) > {(B), (C), (D), (E), (F)}

Для описания системы новохеттских местоименных клитик нам потребуется еще одно правило обеднения, которое создаст синкретизм между формами ед.ч и мн.ч. номинатива-аккузатива среднего рода.

(G) Обеднение номинатива-аккузатива среднего рода по числу
SD: $[\text{+clitical}, \text{-participant}, \text{+singular}, \text{-common}, \text{-oblique}]$
SC: Удали $[\text{+singular}]$

Правило (G), очевидно, должно применяться после правила обеднения среднего рода по падежу (E), поскольку уничтожает условие для его применения и при этом опирается на результаты его применения. Таким образом, иерархия применения правил для новохеттского выглядит следующим образом:

(9) (A) > {(B), (C), (D), (E), (F)} > (G)

Для простоты обращения с признаковыми матрицами после действия всех операций обеднения можно удалить все отрицательные признаки.

Покажем действие комплекса правил обеднения на нескольких примерах. Начнем с древнехеттского примера (10), в котором представлены две аргументные клитики: *=an*, употребленная анафорически и относящаяся к одному из животных из списка *takku* GU₄.APIN.LÁ *takku* A[NŠE.KUR.R]A ... *takku* GU₄.ÁB *takku* ANŠE.KUR.RA MUNUS.AL-*aš* ... *takku* MÁŠ.GAL ... *takku*

UDU.U₈ *takku* UDU.NÍTA ‘либо бык, на котором пашут, либо лошадь для упряжи, либо корова, либо кобыла, либо козел, либо овца, либо ягненок’ в предыдущей клаузе, и =*za*, представляющая собой дативную рефлексивную клитику 3-го лица ед. числа общего рода.

- (10) OH/OS (СТН 291.I.a.A) KBo 6.2+ rev. iii 49
n=an=za *šakuaššara[n=pat*
 CONN=ergo.ACC.SG.C=REFL.DAT полная_стоимость.ACC.SG.C=FOC
d]āi
 брать.3SG.PRS
 ‘Он возьмет его обратно себе по полной стоимости.’

Покажем деривацию признаков матриц каждой клитики в

(11)-(12).

- (11) **исходная матрица** для =*an*
 [+clitical, -participant, -author, +singular, +common,
 +oblique, -peripheral, -reflexive]

действие правил

(A) Обеднение рефлексива: неприменимо

(B) Обеднение местоимений 1–2-го лица по роду и падежу:
 неприменимо

(C) Удаление номинативных клитик 1–2-го лица: неприменимо

(D) Обеднение датива по роду: неприменимо

(E) Обеднение среднего рода по падежу: неприменимо

(F) Обеднение номинатива множественного числа по роду:

неприменимо

удаление отрицательных признаков

[+clitical, +singular, +common, +oblique]

итоговая матрица

[+clitical, +singular, +common, +oblique]

- (12) **исходная матрица** для =*za*
 [+clitical, -participant, -author, +singular, +common, +oblique,
 +peripheral, +reflexive]

действие правил

(A) Обеднение рефлексива

[+clitical, +reflexive]

(B) Обеднение местоимений 1–2-го лица по роду и падежу:
 неприменимо

(C) Удаление номинативных клитик 1–2-го лица: неприменимо

(D) Обеднение датива по роду: неприменимо

(E) Обеднение среднего рода по падежу: неприменимо

(F) Обеднение номинатива множественного числа по роду: неприменимо

удаление отрицательных признаков

[+clitical, +reflexive]

итоговая матрица

[+clitical, +reflexive]

Теперь обратимся к новохеттскому примеру (13), в котором представлено две аргументные клитики — клитика =*mi* (1SG DAT) и клитика =*at* (3SG ACC), резумптив к относительной группе *kuit uttar* ‘которое слово/дело’ среднего рода.

(13) NH/NS (СТН 42.А) КВо 5.3+ obv. ii 65

n=at=mi=kan

šannatti

CONN=ОН.ACC.SG.N=Я.DAT=ЛОСР

прятать.2SG.PRS

‘Но ты скрываешь это от меня.’

Покажем деривацию признаков матриц каждой клитики в (14)-(15).

(14) **исходная матрица** для =*mi*

[+clitical, +participant, +author, +singular, +common, +oblique, +peripheral, -reflexive]

действие правил

(А) Обеднение рефлексива: неприменимо

(В) Обеднение местоимений 1–2-го лица по роду и падежу

[+clitical, +participant, +author, +singular, +oblique, -reflexive]

(С) Удаление номинативных клитик 1–2-го лица: неприменимо

(D) Обеднение датива по роду: неприменимо

(E) Обеднение среднего рода по падежу: неприменимо

(F) Обеднение номинатива множественного числа по роду: неприменимо

(G) Обеднение номинатива-аккузатива среднего рода по числу: неприменимо

удаление отрицательных признаков

[+clitical, +participant, +author, +singular, +oblique]

итоговая матрица

[+clitical, +participant, +author, +singular, +oblique]

(15) **исходная матрица** для =*at*

[+clitical, -participant, -author, +singular, -common, +oblique, -peripheral, -reflexive]

действие правил

(А) Обеднение рефлексива: неприменимо

(B) Обеднение местоимений 1–2-го лица по роду и падежу: неприменимо

(C) Удаление номинативных клитик 1–2-го лица: неприменимо

(D) Обеднение датива по роду: неприменимо

(E) Обеднение среднего рода по падежу:

[+clitical, -participant, -author, +singular, -common, -peripheral, -reflexive]

(F) Обеднение номинатива множественного числа по роду: неприменимо

(G) Обеднение номинатива-аккузатива среднего рода по числу:

[+clitical, -participant, -author, -common, -oblique, -peripheral, -reflexive]

удаление отрицательных признаков

[+clitical]

итоговая матрица

[+clitical]

Представим соответствие между синкретизмом и описывающими его правилами обеднения в Таблице 5 для новохеттского языка:

Таблица 5. Правила обеднения в описании синкретизма, новохеттский период

		First	Second	Third	
				Common	Neuter
Singular	Nom	$\bar{}$ (C)	$\bar{}$ (C)	=aš	(=at)
	Acc	=mu ↑	=ta ↑	=an	(E) ↑ (G)
	Dat	(B)	(B)	→ (D)	=ši
Plural	Nom	$\bar{}$ (C)	$\bar{}$ (C)	→ (F)	=at
	Acc	=naš ↑	=šmaš ↑	=aš	(E) ↑
	Dat	(B)	(B)	→ (D)	=šmaš

5. Правила лексического вставления

Правила лексического вставления основываются на следующих допущениях. Выбор экспонентов происходит из словаря экспонентов — фонетических строк, которые охарактеризованы в отношении (под)множества формальных признаков. Признаковые матрицы (наборы) экспонентов, содержащихся в словаре,

сопоставляются с признаковой матрицей узла, в который происходит лексическое вставление. Если спецификация экспонента содержит признаки, отсутствующие в узле, то такой экспонент отклоняется. Таким образом отбираются экспоненты, спецификации которых содержат только те признаки, которые есть у узла. Далее действует принцип подмножества⁶ (Subset Principle, Halle 1997), согласно которому для вставления выбирается тот экспонент, который обладает наибольшим количеством признаков узла.

Из описания процедуры лексического вставления видно, что синкретичное выражение узлов с несовпадающими значениями признаков возможно в том случае, если экспонент неспецифицирован в отношении этих признаков. Например, экспонент с признаковой спецификацией [+F₁] подходит для озвучивания узлов [+F₁], [+F₁, +F₂], [+F₁, +F₃] и т. п. Системы правил лексического вставления обычно имеют дефолтный экспонент, недоспецифицированный по всем признакам и вступающий в конкуренцию при озвучивании любого узла, но выбираемый только в том случае, когда никакие другие экспоненты не удовлетворяют признаковой матрице узла.

Мы предлагаем следующий набор экспонентов для древнехеттского языка.

(16) Экспоненты для озвучивания аргументных клитик, древнехеттский

- [+clitical, +participant, +author, +singular] ↔ =*mu*
- [+clitical, +participant, +author] ↔ =*naš*
- [+clitical, +participant, +singular] ↔ =*ta*
- [+clitical, +participant] ↔ =*šmaš*
- [+clitical, +singular, +common] ↔ =*aš*
- [+clitical, +singular, +common, +oblique] ↔ =*an*
- [+clitical, +singular, +peripheral] ↔ =*še*
- [+clitical, +common] ↔ =*uš*
- [+clitical, +peripheral] ↔ =*šmaš*
- [+clitical, +singular] ↔ =*at*
- [+clitical, +reflexive] ↔ =*za*
- [+clitical] ↔ =*e*

⁶ Принцип подмножества представляет собой приложенный к выбору экспонента грамматический принцип Панини, согласно которому применение более конкретного правила имеет приоритет над применением более общего правила.

Покажем, как происходит лексическое вставление для признаковой матрицы в спецификациях, полученных применением правил обеднения в (11)–(12). Для матрицы в (11) в соответствии с Принципом подмножества выбирается экспонент =*an*, имеющий с озвучиваемым узлом наибольшее количество общих признаков (17). Для матрицы в (12) процедура приводит к выбору экспонента =*za*.

- (17) признаковая матрица узла (11)
 [+clitical, +singular, +common, +oblique]
 конкурирующие экспоненты:⁷
 [+clitical, +singular, +common] ↔ =*aš* 3 общих признака
[+clitical, +singular, +common, +oblique] ↔ =*an* 4 общих признака
 [+clitical, +common] ↔ =*uš* 2 общих признака
 [+clitical, +singular] ↔ =*at* 2 общих признака
 [+clitical] ↔ =*e* 1 общий признак
 неконкурирующие экспоненты:⁸
 [+clitical, +**participant**, +**author**, +singular] ↔ =*mu*
 [+clitical, +**participant**, +**author**] ↔ =*naš*
 [+clitical, +**participant**, +singular] ↔ =*ta*
 [+clitical, +**participant**] ↔ =*šmaš*
 [+clitical, +singular, +**peripheral**] ↔ =*še*
 [+clitical, +**peripheral**] ↔ =*šmaš*
 [+clitical, +**reflexive**] ↔ =*za*
- (18) признаковая матрица узла (12)
 конкурирующие экспоненты:
[+clitical, +reflexive**] ↔ =*za* 2 общих признака**
 [+clitical] ↔ =*e* 1 общий признак
 неконкурирующие экспоненты:
 [+clitical, +**participant**, +**author**, +singular] ↔ =*mu*
 [+clitical, +**participant**, +**author**] ↔ =*naš*
 [+clitical, +**participant**, +singular] ↔ =*ta*
 [+clitical, +**participant**] ↔ =*šmaš*
 [+clitical, +**singular**, +**common**] ↔ =*aš*
 [+clitical, +**singular**, +**common**, +**oblique**] ↔ =*an*
 [+clitical, +**singular**, +**peripheral**] ↔ =*še*
 [+clitical, +**common**] ↔ =*uš*
 [+clitical, +**peripheral**] ↔ =*šmaš*
 [+clitical, +**singular**] ↔ =*at*

⁷ Полу жирным выделен экспонент, побеждающий в конкуренции.

⁸ Полу жирным выделены признаки, исключаящие экспонент из конкуренции.

При переходе к новохеттскому периоду в наборе экспонентов происходят следующие изменения. Во-первых, утрачивается экспонент $=e$, который был наименее маркированным и мог озвучить любую клитику в отсутствие более успешных конкурентов (форма по умолчанию, Elsewhere). Его место занимает экспонент $=at$, который в древнехеттском был охарактеризован признаком [+singular]. В новохеттском он утрачивает этот признак и становится новым немаркированным экспонентом. Во-вторых, утрачивается экспонент $=u\check{s}$, а его место занимает экспонент $=a\check{s}$, который уже присутствовал в системе и был охарактеризован признаками [+singular, +common]. Мы предполагаем, что он также теряет признак [+singular], вследствие чего способен использоваться для обозначения форм как единственного, так и множественного числа общего рода.

- (19) Экспоненты для озвучивания аргументных клитик, новохеттский
- [+clitical, +participant, +author, +singular] $\leftrightarrow =mi$
  - [+clitical, +participant, +author] $\leftrightarrow =na\check{s}$
  - [+clitical, +participant, +singular] $\leftrightarrow =ta$
  - [+clitical, +participant] $\leftrightarrow =\check{s}ma\check{s}$
  - [+clitical, +common] $\leftrightarrow =a\check{s}$
  - [+clitical, +singular, +common, +oblique] $\leftrightarrow =an$
  - [+clitical, +singular, +peripheral] $\leftrightarrow =\check{s}i$
  - [+clitical, +peripheral] $\leftrightarrow =\check{s}ma\check{s}$
  - [+clitical, +reflexive] $\leftrightarrow =za$
  - [+clitical] $\leftrightarrow =at$

Покажем, как происходит выбор экспонента для признаков матриц, полученных применением правил обеднения в (14)–(15). Для признаковой матрицы в (14) побеждает экспонент $=mi$, имеющий наибольшее количество общих признаков с обрабатываемым узлом. Для признаковой матрицы в (15), кодирующей только клитический статус узла, выбирается новохеттская клитическая форма по умолчанию — $=at$.

- (20) признаковая матрица узла (14)
 [+clitical, +participant, +author, +singular, +oblique]
 конкурирующие экспоненты:
[+clitical, +participant, +author, +singular] ↔ =mu   **4 общих признака**
 [+clitical, +participant, +author] ↔ =naš   3 общих признака
 [+clitical, +participant, +singular] ↔ =ta   3 общих признака
 [+clitical, +participant] ↔ =šmaš   2 общих признака
 [+clitical] ↔ =at   1 общих признака
 неконкурирующие экспоненты:
 [+clitical, +singular, +common, +oblique] ↔ =an
 [+clitical, +singular, +peripheral] ↔ =ši
 [+clitical, +common] ↔ =aš
 [+clitical, +peripheral] ↔ =šmaš
 [+clitical, +reflexive] ↔ =za
- (21) признаковая матрица узла (15)
 [+clitical]
 конкурирующие экспоненты:
[+clitical] ↔ =at   **1 общий признак**
 неконкурирующие экспоненты:
 [+clitical, +participant, +author, +singular] ↔ =mu
 [+clitical, +participant, +author] ↔ =naš
 [+clitical, +participant, +singular] ↔ =ta
 [+clitical, +participant] ↔ =šmaš
 [+clitical, +common] ↔ =aš
 [+clitical, +singular, +common, +oblique] ↔ =an
 [+clitical, +singular, +peripheral] ↔ =ši
 [+clitical, +peripheral] ↔ =šmaš
 [+clitical, +reflexive] ↔ =za

6. Заключение

В этой статье мы рассмотрели систему аргументных клитик хеттского языка и предложили ее распределенно-морфологический анализ. Мы показали, что как в синхронном, так и в диахроническом аспекте могут быть выделены три источника синкретизма. Синкретизм, основанный на обеднении признаковой матрицы, всегда связан с удалением признака или группы признаков в контексте другого признака или группы признаков. В хеттском языке к этому классу относятся, например, синкретизм рефлексивной клитики, синкретизм датива и аккузатива для 1–2-го лица, синкретизм аккузатива и номинатива для 3-го лица среднего рода и др. Синкретизм, основанный на недоспецификации словарной единицы, возникает тогда, когда для

двух узлов с разными признаковыми матрицами на основе Принципа подмножества выбирается один и тот же экспонент. В хеттском языке к такого рода случаям относится использование новохеттского экспонента $=a\check{s}$ [+clitical, +common] для клитик общего рода, различающихся спецификацией в отношении числа и падежа. Наконец, случайный синкретизм, основанный на фонетическом совпадении двух различных словарных единиц, возникает при совпадении фонетических форм двух экспонентов с разными признаковыми спецификациями. В хеттском языке таким является синкретизм клитики $=\check{s}ma\check{s}$, соответствующей двум омонимичным экспонентам с различной признаковой спецификацией — [+clitical, +participant] и [+clitical, +peripheral].

Библиография

- Arregi, K., Nevins, A. 2018: Beware Occam's syntactic razor: Morphotactic analysis and Spanish mesocclisis. *Linguistic Inquiry* 49/4, 625–683.
- Bonet, E. 1991: *Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance*. Ph. D. dissertation, MIT.
- Embick, D., Noyer, R. 2001: Movement operations after syntax. *Linguistic Inquiry* 32/4, 555–595.
- Embick, D., Noyer, R. 2007: Distributed Morphology and the syntax/morphology interface, In: *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*, edited by G. Ramchand and Ch. Reiss. Oxford, UK: Oxford University Press, 289–324.
- Halle, M., Marantz, A. 1993: Distributed Morphology and the pieces of inflection, In: *The view from Building 20. Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*, edited by K. Hale & S. J. Keyser. Cambridge, MA: MIT Press, 111–176.
- Halle, M., Marantz, A. 1994: Some key features of Distributed Morphology, In: *Papers on Phonology and Morphology*, edited by A. Carnie, H. Harley and T. Bures. Cambridge, MA: MIT Press, 275–288.
- Halle, M. 1997: Distributed morphology: Impoverishment and fission, In: *Papers at the Interface*, edited by B. Bruening, Y. Kang and M. McGinnis. Cambridge, MA: MIT Press, 425–449.
- Harbour, D. 2003: *Elements of number theory*. Ph.D. dissertation, MIT.
- Harley, H., Ritter, E. 2002: Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis, *Language* 78, 482–526.
- Harley, H., Noyer, R. 1999: State-of-the-Article: Distributed Morphology, *GLOT International* 4/4, 3–9.

- Hoffner, H. Jr. 1998: *Hittite Myths*. 2nd edition (SBL WAW 2), Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Hoffner, H. Jr., Melchert, H. C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.
- Lyutikova, E., Sideltsev, A. 2020: On the syntax of argument clitics in Hittite. *Transactions of the Philological Society* 118/1, 29–78.
- Lyutikova, E., Sideltsev, A. 2021: Quantitative approaches to Ancient Near Eastern languages: The case study of Hittite clitics. *Aula Orientalis* 39/2, 235–261.
- Matushansky, O., Marantz, A. (eds.). 2013: *Distributed Morphology today: morphemes for Morris Halle*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Noyer, R. 1992: *Features, positions and affixes in autonomous morphological structure*. Ph.D. dissertation, MIT.
- Rieken, E. et al. (ed.), hethiter.net/: CTH 364.2 (INTR 2009-08-30)) - CTH 364.2 – Der Gesang vom Silber – Die Geburt des Silbers, on-line edition at https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_myth/intro.php?xst=CTH%20364.2&prgr=&lg=DE&ed=E.%20Rieken%20et%20al., assessed 28.01.2023.

С. И. Межеричкая

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
s.mezheritskaya@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ВЕРОЯТНОЙ ДАТИРОВКЕ *Or.* XLVIII ДИОНА ХРИСОСТОМА

Среди речей Диона Хрисостома особое место занимают так называемые «вифинские речи», почти все из которых относятся к позднему периоду жизни и творчества оратора. Однако точная датировка этих речей представляет серьезную проблему, поскольку о времени произнесения большинства из них нет никаких конкретных сведений. Хронология речей Диона восстанавливается, главным образом, на основании косвенных свидетельств в самих же речах и нередко вызывает споры и разногласия между исследователями. В настоящей статье на основании сравнительного анализа некоторых речей, дата произнесения которых установлена вполне точно, делается попытка определить время создания XLVIII речи Диона.

Ключевые слова: античная риторика, древнегреческая литература, Вторая Софистика, Дион Хрисостом.

S. I. Mezheritskaya

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
s.mezheritskaya@spbu.ru

Discussing the date of Dio Chrysostom's *Or.* XLVIII

Among the orations of Dio Chrysostom, a special place is occupied by the so-called *Bithynian orations*, almost all of which belong to the later period of the rhetor's life and work. However, the exact dating of these orations is a serious problem, since there is no specific information about the time of delivery of most of them. The chronology of Dion's orations is restored mainly on the basis of indirect evidence in the orations themselves and often causes controversy and disagreement between the researchers. In this article, on the basis of a comparative analysis of some orations, the date of which has been precisely established, an attempt is made to determine the time of the creation of Dion's oration XLVIII.

Keywords: ancient rhetoric, Ancient Greek literature, Second Sophistic, Dio Chrysostom.

Среди обширного корпуса речей Диона Хрисостома особое место занимают так называемые «вифинские речи», почти все из которых относятся к позднему периоду жизни и творчества

оратора. Это в общей сложности 14 речей, касающихся различных аспектов политической и общественной жизни вифинских городов, главным образом Прусы — родного города оратора. Несколько упомянутых речей посвящены проблеме строительства в городе нового портика, начатого по инициативе оратора и продолжавшегося в течение нескольких лет. Поскольку Дион был назначен куратором строительных работ, едва ли не все этапы данного процесса, включая те трудности и проблемы, которые возникали в ходе реализации этого масштабного проекта, хорошо документированы в нескольких речах оратора. Это «Речь о согласии с апамейцами, сказанная в родном городе» (*Or. XL*), «Речь к народу, сказанная в родном городе» (*Or. XLVII*) и «Речь политическая, сказанная в народном собрании» (*Or. XLVIII*), которые были произнесены Дионом перед гражданами Прусы, как можно предположить, приблизительно в одно время (с небольшим интервалом). На это указывает как сходство тематики, так и многочисленные текстуальные совпадения. Однако точная датировка этих речей представляет серьезную проблему для исследователей, поскольку о времени произнесения большинства сочинений Диона у нас нет никаких конкретных сведений. Хронология речей оратора восстанавливается, главным образом, на основании косвенных свидетельств, имеющих в самих же речах, и нередко вызывает споры и разногласия между исследователями. Но если в отношении первых двух речей (*Or. XL* и *Or. XLVII*) особых разногласий нет, то датировка *XLVIII* речи остается проблематичной, так как по этому поводу выдвигались различные точки зрения.

Согласно общепринятой датировке (см.: Arnim 1898: 353–354; 391; Jones 1978: 91), *Or. XL* и *Or. XLVII* были написаны и произнесены оратором в 101 г., вскоре после возвращения городского посольства Прусы из Рима, отправившегося туда, чтобы выразить благодарность Траяну за данное императором разрешение на строительство портика. Первая из них формально посвящена восстановлению дружественных отношений между Прусой и соседней Апамеей после разрешения территориальных разногласий. Однако едва ли не половина этой речи (§§ 3–15) касается строительства в Прусе — вопроса, судя по всему, очень волновавшего в то время сограждан оратора. Дион подробно рассказывает о том, какую упорную борьбу ему пришлось вести в предшествующий период со своими полити-

ческими оппонентами¹, которые препятствовали как самому строительству, так и любым другим происходящим в городе улучшениям. В XLVII речи, произнесенной немного позже, освещается дальнейший этап строительных работ и новые проблемы, с которыми столкнулся оратор. Насколько можно судить по содержанию речи, они были вызваны перебоями в финансировании, поскольку портик возводился частично на средства богатых граждан, привлеченных к этому делу по закону о литургии. Кроме того, как лицо, ответственное за ход работ, Дион продолжал испытывать сильное давление и постоянные нападки со стороны противников строительства. В этой речи он, главным образом, отвечает на их критику в свой адрес и стремится убедить народ в целесообразности начатых работ. В частности, оратор говорит, что готов «пойти к правителю (ἡγεμόνα)² с просьбой, дабы тот по возможности ласково обязал тех, кто обещал, заплатить требуемое» и даже «сам внести долю обещанного, дабы облегчить бремя остальным»³ (XLVII 19).

Третья из указанных речей (*Or.* XLVIII) была формально приурочена к приезду в Вифинию нового проконсула — Варена Руфа и, судя по всему, хронологически следует за XLVII речью, поскольку в ней по-прежнему говорится о финансовых трудностях со строительством портика, которые к тому времени не только не были устранены, но, наоборот, усугубились. Как следует из речи, ко времени приезда Варена Руфа в Прусе сложилась напряженная политическая ситуация: народ был возмущен увеличением сроков строительства из-за коррупции должностных лиц, которых подозревали в растрате или присвоении выделенных на это общественных денег. Поскольку народное возмущение в любой момент могло перерасти в бунт, что нередко случалось в Вифинии во времена Траяна и его предшественников, в городе был введен запрет на проведение

¹ По свидетельству Диона, Прусе имелось несколько политических партий, или «союзов» (ἑταρείααι), которые группировались вокруг тех или иных лиц (см.: XLV 7–10) и выражали их интересы. См. об этом: Jones 1987: 100.

² Словом ἡγεμόνες у Диона обозначаются представители римской власти (обычно проконсулы) в отличие от городских магистратов (ἄρχοντες). О греческой политической терминологии см., в частности: Mason 1974.

³ Здесь и далее перевод с древнегреческого выполнен автором статьи.

народных собраний. Однако через некоторое время новый проконсул отменил это постановление — в «знак его доверия» к городу, как говорит Дион (XLVIII 1), а также чтобы расположить к себе население вверенной ему провинции. Поэтому Дион, впервые выступая в народном собрании после отмены запрета, начинает свою речь с обращения к согражданам оказать «всесильному Варену» (κράτιστῳ Οὐάρηνῳ) радушный прием и «не обмануть его ожиданий, но проявлять смирение и хорошо вести себя на собраниях» (XLVIII 3), предостерегая их от возможного вмешательства римских властей во внутренние дела Прусы. Наряду с призывом к сохранению мира и согласия в городе оратор убеждает сограждан проявить терпение и обещает, что в скором времени строительные работы будут завершены.

Дата произнесения этой речи вызывает вопросы, поскольку нам точно не известно время проконсульства Варена Руфа. По мнению некоторых исследователей, время его правления и, соответственно, написания этой речи относится к 105–106 гг. (см., в частности: Jones 1978: 112; Salmeri 2000: 76). Х. фон Арним, первый крупный исследователь и авторитетный издатель сочинений Диона, основываясь на одном пассаже в речи, где упоминается о некоем недавнем народном волнении, высказал предположение о том, что оратор намекает здесь на события, имевшие место в правление Юлия Басса — проконсула Вифинии 101–102 гг., как полагал ученый (Arnim 1898: 391). Таким образом, он считал Варена Руфа непосредственным преемником Юлия Басса в этой должности, а его прибытие в Вифинию, как и произнесение самой речи, датировал летом 102-го г. Приведем здесь этот пассаж:

«Ибо ничего такого не случилось, и сия болезнь вас не поразила, кроме разве некоторого недоверия, вроде глазного воспаления, коим заразились мы от соседей. Но и с морем часто бывает подобное: когда возникают волны и начинается шторм, слабые отголоски его достигают гаваней» (XLVIII 8).

Трудно не согласиться с Арнимом в том, что сравнение с волнением и штормом на море отсылает здесь к некоему народному волнению, охватившему все города Вифинии. И вполне возможно, что под ним подразумевается известный нам из других источников (прежде всего, из писем Плиния Младшего) народный бунт в Вифинии, жестко подавленный проконсулом Юлием Бассом. Известно, что после подавления восстания Басс начал суровые преследования всех участников и

зачинщиков, в ходе которого от клеветников и доносчиков пострадало много невинных людей. Плиний (*Epist.* IV 9; VI 29) говорит, что вскоре после этих событий вифинцы обвинили проконсула в злоупотреблении властью и подали против него судебный иск императору. Судебный процесс над бывшим проконсулом проходил в Риме, где одним из его адвокатов был сам Плиний, от которого мы узнаем, что дело закончилось для Басса благоприятно, поскольку он пользовался симпатией римского Сената. А кроме того, принятые им меры по нормализации ситуации, казавшиеся вифинцам проявлением тирании, в глазах римлян были всего лишь следствием необходимой строгости и условием поддержания порядка⁴.

Напоминание об этих недавних трагических событиях действительно могло быть использовано Дионом в речи к согражданам как предостережение от подобных ошибок в будущем. Оратор убеждает слушателей выказать вновь прибывшему консулу почтение, «дабы пришел он к вам, не как врачеватель — к нездоровым, в печали и сомнениях, надеясь вас исцелить, но радостно и уверенно, как приходят к здоровым людям» (XLVIII 2). Если принять в целом убедительную гипотезу Арнима, то следует предположить, что XLVIII речь была произнесена оратором летом 101 г.⁵, когда Варен Руф приехал в Вифинию, поскольку Юлий Басс занимал пост проконсула Вифинии в 100–101 гг. (см.: Еск 1970: 334). Таким образом, становится очевидным, что время произнесения всех трех упомянутых речей (*Or.* XL, XLVII и XLVIII) совпадает, о чем *свидетельствует* и близость их тематики, как уже отмечалось выше.

Предложенная датировка XLVIII речи хорошо подтверждается, на наш взгляд, и материалом других речей оратора, написанных приблизительно в то же время. Так, еще Арним (Arnim 1898: 382) указывал на сходство рассматриваемой речи с *Or.* XXXIX, на основании чего он датировал их одним

---

⁴ Из писем Плиния (*Epist.* V 20; VI 5; 13; 29; VII 6; 10) мы также знаем, что вскоре после дела Басса похожие обвинения были выдвинуты вифинцами и против Варена Руфа, и, судя по всему, он также был оправдан. Во всяком случае Плиний, выступивший в качестве его адвоката, ему симпатизирует и выражает надежду на счастливый исход дела.

⁵ Арним ошибочно датировал ее 102-м г., полагая, что Юлий Басс был проконсулом Вифинии в 101–102 гг. (Arnim 1898: 357).

временем⁶. В свою очередь, К. Джонс (Jones 1978: 89) обратил внимание на сходство *Or. XXXIX* с тремя другими речами, а именно — *Or. XXXVIII*, *XL* и *XLI*, которые большинством исследователей датируются всё тем же 101-м г., и высказал предположение, что *Or. XXXIX* была написана и произнесена оратором примерно в одно время с ними. Это предположение Джонса как нельзя лучше подкрепляет предложенную нами датировку *XLVIII* речи и позволяет с большой долей вероятности утверждать, что все перечисленные речи Диона (*Or. XXXVIII*, *XXXIX*, *XL*, *XLI*, *XLVII* и *XLVIII*) относятся в итоге приблизительно к одному периоду.

Часть из них, как уже было сказано, объединяет тема городского строительства и связанные с этим проблемы (*Or. XL*, *XLVII* и *XLVIII*). Кроме того, общей для всех этих речей является тема согласия (*ὁμόνοια*)⁷, к которому оратор призывает как различные города Вифинии, так и жителей одного города. В речи «К никомедийцам о согласии с никейцами» (*Or. XXXVIII*) Дион призывает к согласию два крупнейших вифинских города — Никомедию и Nikeю, соперничавших за первенство (*πρωτεῖα*)⁸, которое давало определенные привилегии со стороны римских властей. В речи «О согласии в Nikee после бунта» (*Or. XXXIX*) восхваляется внутривитическое единство, недавно достигнутое между советом и народным собранием Nikee. О содержании *XL* речи («О согласии с апамейцами, сказанная в родном городе») было сказано выше. Хронологически следующая за ней речь «К апамейцам о согласии» (*Or. XLI*) была произнесена Дионом в городском совете Апамеи, куда он прибыл в составе официального посольства Прусы для

⁶ См. сноску 5.

⁷ О значении этого слова как политического термина см.: Palm 1959; Salmeri 1982; Salmeri 2000: 79–81. О согласии как о важнейшем условии благополучия городов под эгидой римской власти см.: Thériault 1996.

⁸ Речь идет об официальном титуле «первого» города (*πρώτη*), который могли носить сразу несколько городов в той или иной провинции Малой Азии (см.: Jones 1978: 84–88). Суть спора Никомедии с Nikeей заключалась в том, что никомедийцы, получившие этот титул от Домициана, пытались отобрать его у жителей Nikee, также носившей звание «первого» и бывшей к тому же гораздо древнее Никомедии (см. об этом подробнее: Robert 1977: 1–39). Кроме того, никомедийцы претендовали на то, чтобы не только называться «первым», но и подписываться («ἐπιγράφεσθαι», как говорит Дион), т. е. указывать этот титул в официальных документах.

заклучения мирного договора между городами. Наконец, к взаимному согласию призывает Дион жителей Прусы в «Речи к народу, сказанной в родном городе» (*Or.* XLVII) и в «Речи политической, сказанной в народном собрании» (*Or.* XLVIII).

Однако упомянутые речи связывают между собой не только общие темы, но и сходные приемы аргументации, а также отдельные мотивы и образы — вплоть до прямых текстуальных совпадений, что, на наш взгляд, служит весьма важным доказательством в пользу предложенной датировки XLVIII речи. Очевидно, что в период написания всех этих речей, Диона особенно сильно волновало скорейшее окончание строительных работ в Прусе и восстановление согласия между согражданами. Это факт проливает свет не только на хронологию рассматриваемых речей, но и на отдельные стороны биографии оратора, и что не менее важно — на некоторые аспекты внутренней политики вифинских городов эпохи Траяна.

Поскольку предложенная нами датировка XLVIII речи строится, в том числе, на основе ее сходства с *Or.* XXXIX (см.: Anrim 1898: 382), время написания которой мы устанавливаем на основе сходства последней с *Or.* XXXVIII, XL и XLI (см.: Jones 1978: 89), то представляется целесообразным рассмотреть здесь наиболее явные случаи текстуальных совпадений между речами XLVIII и XXXIX. Итак, в XLVIII речи одним из главных преимуществ Прусы перед другими вифинскими городами, превосходящими ее, по словам оратора, как размерами, так и богатствами, Дион называет славное происхождение города⁹ (важнейший топос в традиционной похвале городу):

“ἐν δὲ τοῦτό ἐστιν, ᾧ φιλοτιμούμεθα σχεδὸν πρὸς ἅπαντας ἀνθρώπους, τὸ ἔχειν ἀνδρας ἰκανοὺς καὶ πράξει καὶ εἰπεῖν, καὶ τὸ μέγιστον, ἀγαλῶντας τὴν πατρίδα. ἐὰν δὲ τις ὑμῶν τοῦτο ἀφέληται, ποίας πόλεως καὶ τῆς βραχυτάτης δόξετε ἁμείνουσ; νῦν γάρ, ἐὰν διενεχθῆτε πρὸς τινα πόλιν, ὃ μηδεὶς ποιήσειε θεῶν, ἔπειτα ἐκείνοι τοὺς ἡμετέρους πολίτας λοιδορῶσι λέγοντες ὅτι εἰσὶν ἄρπαγες, ἄπιστοι, πῶς οἴσεται;”

«Одним лишь можем гордиться мы перед другими — тем, что город имеет мужей, которые сильны и в словах, и в делах, но что важнее всего — любят свое отечество. А ежели кто отнимет у вас это право, какой город, пусть самый жалкий, вы будете превосходить в глазах других людей? Ведь если сейчас вы

⁹ Пруса была основана Прусием I, царем Вифинии, правившим в 230–182 гг. до н. э.

поссоритесь с каким-нибудь городом (чего да не допустит никто из богов), и его граждане затем станут хулить наших граждан, говоря что они разбойники и им нельзя доверять, то как вы к этому отнесетесь?» (XLVIII 4)

Напоминание о славном происхождении служит здесь не столько целям похвалы городу, сколько задаче консолидации его жителей, которое, как доказывает Дион, возможно только на основе всеобщего согласия. Отсутствие единства и согласия (*ὁμόνοια*) в городе, мешающее поддержанию порядка (*εὐταξία*) и нередко ведущее к восстанию (*στάσις*)¹⁰, могло оказаться для города фатальным, о чем Дион и напоминает согражданам. Одной из действенных мер со стороны римской власти в этом случае могло быть лишение города важнейших прав и привилегий — например, права проводить народные собрания, как это случилось в Прусе (см.: XLVIII 1), или даже свободы¹¹. Таким образом, отсылка к славному происхождению Прусы становится у Диона значимым пунктом в аргументации о необходимости сохранения мира и согласия между ее жителями. Практически ту же аргументацию мы встречаем в речи «О согласии в Никее после бунта» (*Or. XXXIX*), произнесенной оратором перед гражданами Никей¹²:

“Εγὼ χαίρω τιμώμενος ὑφ' ὑμῶν, ὥσπερ εἰκός ἐστι χαίρειν τὸν ἄνδρα τὸν σώφρονα τιμώμενον ὑπὸ πόλεως ἀγαθῆς καὶ λόγου ἀξίας, ὥσπερ ἡ ὑμετέρα πόλις κατὰ τε ἰσχὴν καὶ μέγεθος, οὐδεμιᾶς ἡττωμένη τῶν ὁποῖοτε ἐνδόξων γένους τε γενναϊότητι καὶ πλήθους συνοικῆσει, τῶν φανερωτάτων γενῶν οὐκ ἀλλαχόθεν ἄλλων συνελθόντων φαύλων καὶ ὀλίγων, ἀλλὰ Ἑλλήνων τε τῶν πρώτων καὶ Μακεδόνων· τὸ δὲ μέγιστον ἡρώας τε καὶ θεοῦς οἰκιστὰς λαβοῦσα. πρέπει δὲ τοῖς ὑπὸ θεῶν ὀκισμένοις εἰρήνην καὶ ὁμόνοια

¹⁰ Наряду с *ὁμόνοια* важнейшим гражданским благом, по Диону, является *εὐταξία* (букв. «сохранение порядка», «дисциплина»); оба этих слова употребляются в его речах как противоположность нестабильности, т. е. *στάσις* (восстание, раздор, бунт). Под «порядком» же (*τάξις*) подразумевается система государственной власти в империи.

¹¹ Речь идет о статусе «вольного» (*ἐλευθέριος*) города, который существенно ограничивал право проконсула и легата вмешиваться в дела местного самоуправления и судопроизводства (см., в частности: Bernhard 1971).

¹² Помимо гражданства Прусы, Дион имел гражданство еще нескольких вифинских городов (Никей, Никомедии, Апамеи), полученных им в знак почета и признания его заслуг, что было нередким в эту эпоху (см.: Jones 1987: 85; 90).

καὶ φιλία πρὸς αὐτοῦς. αἰσχρὸν γάρ, εἰ μὴ σφόδρα εὐδαίμονες ἔσονται καὶ θεοφιλεῖς καὶ διοίσοῦσί τι τῶν ἄλλων εὐτυχία, βουλόμενοί γε ἀληθὲς ἐπιδεικνύειν τὸ τοῦ γένους, ἀλλὰ μὴ ψευδῆ καὶ μάταιον λόγον”.

«Я радуюсь оказанной мне чести — как и подобает человеку здравомыслящему радоваться чести, оказанной ему городом столь выдающимся и именитым, как ваш, каковой не уступает ни силою, ни величию ни одному из остальных городов, кои славятся своими происхождением и численностью объединившихся для совместной жизни людей, ибо в нем собрались вместе славнейшие роды первых из эллинов и македонян, а не ничтожные и малочисленные люди кто откуда, и, что важнее всего, город ваш получил героев и богов в качестве своих основателей¹³. А тем, чьи города основаны богами, подобает хранить мир, согласие и дружбу. Ведь стыдно не быть им поистине блаженными любимцами богов и не превзойти остальных своею счастливой судьбою, явить истинное благородство, а не лживые и пустые речи» (XXXIX 1–2).

Это явное сходство аргументации двух речей может объясняться только тем, что они были произнесены примерно в одно и то же время и при сходных обстоятельствах. Так, оба города недавно пережили серьезное социальное потрясение, которое хотя и не обсуждается оратором открыто, однако служит весомым доводом в его рассуждении о необходимости сохранения мира и порядка. По всей видимости, причиной бунта в Никее, как и в Прусе, явился типичный для того времени социально-политический конфликт между советом и народным собранием. Поскольку право избираться в тот или иной государственный орган напрямую зависел от сословного проис-

¹³ По одной из версий, Никея была основана Дионисом и названа по имени любимой им нимфы; по другой — город основал Геракл во время похода аргонавтов. В античной историографии также существовало несколько версий происхождения города. Так, Страбон (Strabo XII 565) говорит, что Никея была основана Антигоном, военачальником Александра Македонского, однако вскоре была разрушена и отстроена заново его соперником Лисимахом, который назвал город в честь своей жены, являвшейся дочерью Антипатра. Стефан Византийский называет Никею боттиэйской колонией, что может указывать на ее основание ветеранами македонской армии. Таким образом, население современного Диону города составляли в основном потомки македонских колонистов, а также греков — выходцев из Локриды, которые служили в наемном войске Александра.

хождения и имущественного ценза, то в Совет, определявший всю внутреннюю политику и контролировавший деятельность магистратов, входили в основном богатые и знатные граждане. Это вызывало недовольство бедняков, которые могли рассчитывать лишь на членство в народном Собрании, игравшем подчиненную роль, что порой выливалось в прямое столкновение с городской элитой¹⁴. Нам ничего не известно о тех обстоятельствах, которые привели к бунту в Никее (Дион упоминает о нем лишь мельком), однако мы знаем, что беспокойная остановка в Прусе была вызвана недоверием народа к магистратам и членам городского Совета, которых подозревали в злоупотреблениях и коррупции (см.: *XLVIII* 3 и 9–11). Дион всеми силами стремится предотвратить эскалацию конфликта в Прусе, с одной стороны, имея перед глазами печальный пример Никей, а во-вторых, памятуя о недавних народных волнениях в Вифинии в правление Юлия Басса (см.: *XLVIII* 8). Если же учесть, что примерно в это же время Дионом были произнесены еще несколько речей на тему согласия (*Or. XXXVIII*, *XL* и *XLI*), как было сказано выше, то предложенная датировка *XLVIII* речи, на наш взгляд, не вызывает никаких сомнений.

Помимо сходства тематики *XLVIII* и *XXXIX* речей, обращают на себя внимание отдельные случаи прямых текстуальных совпадений между ними. Так, в обеих речах Дион использует образ хорошо слаженного хора как аллегорию согласия между гражданами. При этом отмечается полное дословное совпадение двух пассажей — случай, уникальный для оратора и бесценный в свете предложенной нами гипотезы о вероятной датировке *XLVIII* речи:

“καλὸν γάρ, ὅσπερ ἐν χορῶ τεταγμένῳ, συνάδειν ἐν καὶ ταῦτὸ μέλος <...> οὔτε γὰρ τῶν ἀσυμφώνων χορῶν οὐδεὶς ἀκούει ῥαδίως ὃ τι λέγουσιν οὔτε τῶν διαφερομένων πόλεων”.

«Ибо прекрасно и полезно, когда все люди, словно в хорошо слаженном хоре, поют одну и ту же песнь <...> Ведь нелегко

¹⁴ Разногласия между городским советом и народным собранием могли быть вызваны либо отказом совета утвердить постановление народного собрания, либо, наоборот, отказом последнего одобрить предложение, внесенное Советом (см.: Jones 1987: 100; Salmeri 2000: 70–71). Подробнее о роли народного собрания в греческих городах эпохи империи см.: Roueché 1984; 1989; Mitchell 1993 I: 201 и п. 22; Lewin 1995.

внимать ни хорам, что поют нескладно, ни городам, что пребывают в раздоре (XLVIII 7)».

Ср.:

“οὐ γὰρ δῆλον ὅτι τοῖς μὲν ὁμονοοῦσιν οὐ μόνον οἱ κρατοῦντες, ἀλλὰ καὶ οἱ θεοὶ προσέχουσιν, οἱ δὲ στασιάζοντες οὐδ’ αὐτῶν ἀκούουσιν; οὐτε γὰρ τῶν ἀσυμφώνων χορῶν οὐδεὶς ἀκούει ῥαδίως ὅ τι λέγουσιν οὐτε τῶν διαφορομένων πόλεων”.

«И разве не очевидно, что те, кто хранит согласие, не только властителям, но и богам любезны, а те, кто живет в раздоре, не слышат даже друг друга? Ведь нелегко внимать ни хорам, что поют нескладно, ни городам, что пребывают в раздоре» (XXXIX 4).

Кроме того, в обеих речах Дион сравнивает город, в котором царит согласие, с кораблем, плывущим под началом опытного кормчего (традиционный образ для греческой литературы)¹⁵:

“ὥσπερ γὰρ ἐν μιᾷ νηὶ πλέοντας οὐ δυνατόν οἶμαι χωρὶς ἕκαστον σωτηρίας τυγχάνειν, ἀλλ’ ἅμα πάντας, οὕτως οὐδὲ τοὺς συμπολιτευομένους”.

«И как, мнится мне, плывущим на одном корабле нельзя спастись в одиночку, но только всем сообща, так же и живущим в одном городе» (XLVIII 7).

Ср.:

“ὁμοίως δὲ καὶ ναῦς ἥτις ἂν μετὰ ὁμονοίας πλῆη τοῦ κυβερνήτου καὶ τῶν ναυτῶν, αὐτὴ τε σώζεται καὶ σώζει τοὺς ἐμπλέοντας· <...> παραπλησίως δὲ καὶ πόλει ὁμονοοῦση...”

«Равно и корабль, коли тот плывет при согласии кормчего и моряков, и сам остается невредимым, и всех плывущих спасает от гибели. <...> Так происходит и с городом, каковой хранит согласие...» (XXXIX 6).

Еще одно близкое совпадение между рассматриваемыми речами — это мотив молитвы, которая возносится богам о благополучии города, подобно той, что обычно возносится родителями за здоровье своих детей:

κἂν πάλιν δυνηθῶ, ποιήσω πάλιν. δυνήσομαι δὲ εὐθυμῶν, φίλους ἔχων τοὺς ἐνθάδε, καὶ οὐδὲν ὑμῖν λογιόμηναι τῶν τοιοῦτων. οὐδὲ γὰρ οἱ γονεῖς τοῖς τέκνοις ἀντὶ τῶν ἀναλωμάτων τὰς εὐχὰς λογιζονται.

¹⁵ См., в частности: Kazansky, Frolov 2010.

«И я повторю их (молитвы — *С.М.*) снова, лишь бы хватило мне сил! А сил, я верю, мне хватит — стоит только захотеть и заручиться вашей дружбой, не надеясь ни на какую мзду. Понеже не ждут родители мзды за молитвы о детях» (XLVIII 12).

Ср.:

“ὥσπερ οἱ χρηστοὶ πατέρες τοῖς παισὶν ἃ μὲν δύνανται παραιοῦσιν, ἃ δ' ἂν μὴ πείθωσιν, εὐχονται τοῖς θεοῖς ὑπὲρ αὐτῶν. εὐχομαι δὴ <...> θεοῖς ἀπὸ τῆσδε τῆς ἡμέρας τῆδε τῆ πόλει πόθον ἑαυτῆς ἐμβαλεῖν καὶ ἔρωτα καὶ μίαν γνώμην...”

«И как хорошие отцы, покуда хватает сил, наставляют своих детей, а коли те им не внемлют, молят о них богов, так и я молю <...> богов, дабы отныне вдохнули они в сей город любовь к самому себе и согласие...» (XXXIX 8).

К числу значимых совпадений можно отнести и упоминания оратора о своем плохом здоровье, также свидетельствующее о том, что обе речи были произнесены примерно в одно время:

“πολλὰ δ' ἂν οἶμαι περὶ τούτων ἔλεγον καὶ πρὸς τὸ μέγεθος τῆς ὑποθέσεως, εἰ μὴ τό τε σῶμα κομιδῆ φαύλως εἶχον ὑμᾶς τε, ὅπερ ἔφην, οὐχ ἑώρων διενεχθέντας”.

«Много еще, полагаю, я мог бы добавить к сказанному, памяти о важности темы, коли бы в конец не ослаб телом и не заметил бы еще раньше, как я уже сказал, что не держитесь вы прежних мыслей» (XLVIII 8).

Ср.:

“ἀλλ' εἰ μὲν ὑγιαίνων ἐτύγχανον, οὐκ ἂν ἀπέστην τοῦ λόγου, πρὶν ἱκανῶς αὐτὸν διελθεῖν κατὰ τὴν ἑμαυτοῦ δύναμιν· νῦν δὲ ὑμεῖς τε ἴσως πρὸς ἑτέροις μᾶλλον ἔστε κἀγὼ πολὺ καταδεέστερον ἔχω ἢ πρὸς τὸ μέγεθος τοῦ ἀγῶνος.

«Когда бы обладал я цветущим здоровьем, то не окончил бы речи, не сказав всего того, что в моих силах. Однако вы сейчас, пожалуй, больше заняты другим, да и я слишком немощен для столь важного состязания» (XXXIX 7).

Подобные текстуальные параллели встречаются и между другими перечисленными выше речами Диона, датировка которых не вызывает разногласий среди исследователей. Всё это позволяет прийти к выводу о том, что время написания XLVIII речи совпадает со временем написания всех упомянутых речей и относится к 101-му г. Это, в свою очередь, позволяет наверняка установить и время проконсульства Варена Руфа, сведения о котором не содержатся больше ни в одном античном источнике.

Литература

- Arnim, H. von. 1898: *Leben und Werke des Dio von Prusa*. Berlin.
- Bernhard, R. 1971: *Imperium und Eleutheria*. Hamburg.
- Eck, W. 1970: *Senatoren von Vespasian bis Hadrian*. München.
- Jones, C.P. 1978: *The Roman world of Dio Chrysotom*. Oxford.
- Kazansky N. N., Frolov E. D. 2010: [State-ship. History of one metaphor]. In: *Russkaya sud'ba krylatykh slov [Russian fate of winged words]*. St. Petersburg: Nauka, 72–140.
- Казанский Н. Н., Фролов Э. Д. 2010: Государство-корабль. История одной метафоры. В сб.: *Русская судьба крылатых слов*. СПб: Наука, 72–140.
- Lewin, A. 1995: *Assemblée popolari e lotta politica nelle città dell'impero romano*. Florence.
- Mason, H. J. 1974: *Greek terms for Roman institutions*. Toronto.
- Mitchell, S. 1993: *Anatolia. Land, men, and gods on Asia Minor*. In 2 vol. Oxford.
- Palm, L. 1959: *Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit*. Lund.
- Robert, L. 1977: *La titulature de Nicée et Nicomédie: La gloire et la haine*. In: *HSCP*. Vol. 81. P. 1–39.
- Roueché, C. 1984: *Acclamations in the Later Roman Empire: New evidence from Aphrodisias*. In: *JRS*. Vol. 74, 181–199.
- Roueché, C. 1989: *Floreat perge*. In: *Images of authority. Papers presented to J. Reynolds*. Eds. M.M. Mackenzie and C. Roueché. Cambridge, 206–228.
- Salmeri, G. 1982: *La politica e il potere. Saggio su Dione di Prusa*. Catania.
- Salmeri, G. 2000: *Dio, Rome, and the civic life of Asia Minor*. In: *Politics, letters, and philosophy*. Ed. S. Swain. Oxford, 53–92.
- Thériault, G. 1996: *Le culte d'homonoia dans cites grecques*. Lyon.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В ТРАКТАТЕ «HISTORIA AUGUSTA»

В статье рассматриваются обращения к императору Константину Великому, содержащиеся в трактате «*Historia Augusta*». В науке устоялась точка зрения, что автор трактата, язычник, был настроен против Константина. Прямые обращения к императору, имевшие положительный оттенок, воспринимаются как сарказм или не привлекают внимания исследователей. Между тем, их анализ позволяет увидеть, что образ Константина у автора НА — не лишен положительных характеристик, достаточно сбалансирован и опирается на богатую нарративную традицию IV в.

Ключевые слова: *Historia Augusta*, История августов, Авторы жизнеописания августов, Константин Великий, Диоклетиан, Поздняя Римская империя, позднеантичная литература, латинские историки.

Constantine the Great in the *Historia Augusta*

In the ancient collection of Latin imperial biographies known under the title *Historia Augusta* (or *Scriptores Historiae Augustae*), the emperors Diocletian and Constantine the Great are sometimes mentioned as addressees of dedications. The references to Constantine are interesting for the reason that the text in question is an example of pagan historiography. The researchers of the treatise expressed the opinion that some moments parody episodes of Constantine's reign. According to the popular view, the pagan author was hostile to the first Christian emperor. At the same time, the author's direct appeals to the emperor have a rather positive connotation and show Constantine from the best side. Thus, the direct quotations of the ancient author and the allusions found by the researchers come into some contradiction. The author's appeals to Constantine themselves attracted less attention compared to allusions. The article is devoted to the direct appeals of the ancient author to Constantine. Their analysis allows us to see that Constantine's image in the *Historia Augusta* is not devoid of positive characteristics. He is presented as a noble emperor, a follower of the philosopher Marcus Aurelius, a fighter against slander and abuse, a patron of the arts and an educated person. The estimated time of writing (the turn of the fourth-fifth centuries AD), as well as the author's familiarity with the historiography of the fourth century AD,

which is noticeable in a number of fragments, suggests that the rich historical tradition about Constantine was available to the author of the *Historia Augusta*. By that time, the narrative tradition on Constantine was represented by authors of different directions — those were Christians (Lactantius, Eusebius), pagans (Julian, Eunapius) and religiously indifferent writers (Aurelius Victor, Eutropius, author of the *Epitome de caesaribus*). The use of this material allowed the author of the *Historia Augusta* to create a balanced image of Constantine with a few strokes, showing him both as a patron of literature and as the ruler of the Roman state.

Keywords: *Historia Augusta*, *Scriptores Historiae Augustae*, Constantine the Great, Diocletian, Later Roman Empire, Late Antique Literature, Latin historians.

Сборник императорских биографий, известный как «*Historia Augusta*» (далее — НА), — один из самых сложных памятников античной литературы, проблемы авторства и даты написания которого не решены до сих пор. Кроме героев биографий в сборнике в качестве адресатов сочинения упоминаются императоры рубежа III–IV вв. — Диоклетиан и его соправители, а также Константин Великий. Упоминания Константина интересны тем, что НА — произведение языческой литературы. В науке высказывались соображения, что автор-язычник негативно настроен к Константину и некоторые эпизоды являются завуалированным изложением событий из биографии этого императора¹. Впрочем, и помимо реконструкций в сборнике есть прямые указания на черты характера и эпизоды правления Константина, которые позволяют говорить о собственном взгляде автора на императора².

К Константину обращаются три «автора» НА³ — «Юлий Капитолин» (биографии Клодия Альбина, Максиминов и

---

¹ Высказывалось предположение, что биография императора Элагабала — языческая пародия на Константина (Turcan 1988: 38–52) и что в жизнеописании императора Кара и его сыновей содержатся отсылки к убийству Фаусты и Криспа, жены и сына Константина (Woods 1998: 80–83).

² Изучение аналогичных обращений к Диоклетиану: Moreno Ferrero 1984: 225–237.

³ Исходим из соображения, что имена авторов НА — псевдонимы. Доказываемая Г. Дессау (Dessau 1889: 337–392) концепция единого авторства, несмотря на отдельные попытки пересмотра, принимается в науке (Adams 1972: 186–194; Burgersdijk 2014: 139–141; Rohrbacher

Гордианов), «Элий Спартиан» (биография Геты) и «Элий Лампридий» (биографии Элагабала и Александра Севера). «Гребеллий Поллион» указывает, что жизнеописание Клавдия Готского он пишет по заказу Констанция Хлора, отца Константина Великого. Обращение «авторов» к Константину (и его отцу) создает у читателя видимость диалога, который оказывается иллюзией при внимательном взгляде на детали. Так, некоторые биографии «Юлия Капитолина» адресованы Диоклетиану; в рассказе же о династии Гордианов он, обращаясь к Константину, пишет, что император Лициний хотел считаться потомком императора Филиппа (НА: Gord. tres 34). Упоминание Лициния, зятя и соправителя Константина, в прошедшем времени допустимо лишь после 324 г., когда он был низложен и погиб в заточении. Таким образом, «Юлий Капитолин» должен был работать и при Диоклетиане, и при Константине в течение 20 лет, что неправдоподобно. Примечательно и указание «Юлия Капитолина» на семью Цейониев: «familia hodie quoque, Constantine maxime, nobilissima est et per te aucta et augenda»⁴ (НА: Clod. Alb. 4.2). Уверенность автора в высоком положении Цейониев могла быть основана на ретроспективном видении событий. В 315 г. двукратный консул Цейоний Руфий Волузиан был снят с должности префекта Рима и, как считается, отправлен в ссылку (Barnes 1975: 40–49; Chenault 2008: 43; Cameron 2011: 138). Карьера его сына, Цейония Руфия Альбина, консула в 335 г., стала возможна благодаря прощению со стороны императора. Таким образом, автор должен был знать о консуле 335 г., и, вероятно, о префектах Рима второй половины IV в. из этой семьи (Chastagnol 1962: 164–170; 233–236).

Итак, образ Константина в НА — это портрет, созданный в рамках существовавшей ко времени написания трактата традиции, т. е. к началу V в.⁵ (Rohrbacher 2016: 5–7). В НА Константин

2016: 3–15). Потому обозначение «авторов», названных по именам, даем в кавычках, чтобы отличать их от действительного автора НА.

⁴ Латинский текст источника приводим по изданию: (Hohl, Samberger, Seyfarth 1965). Источник доступен также в русском переводе С. П. Кондратьева: (Dovatur, Kondratiev 1992).

⁵ Установлено, что автор опирался на авторов IV века (Rohrbacher 2013: 146–180). Таким образом, ему был доступен и христианский, и языческий, и светский взгляды на Константина (Mirolyubov 2021: 14–28).

показан не только как император, но и как читатель⁶. Хронологическая последовательности в упоминаниях Константина в трактате нет, поэтому рассмотрим их в рамках двух этих групп.

Обращаясь к Константину-читателю, автор НА объясняет избранный им формат. «Элий Спартиан» предваряет биографию сына Септимия Севера Геты: «scio, Constantine Auguste, et multos et clementiam tuam quaestionem movere posse, cur etiam Geta Antoninus a me tradatur» (НА: Get. 1.1). Извинительный тон обусловлен малозаметностью Геты в римской истории и, соответственно, слабой информативностью его биографии. Впрочем, для автора НА это объяснение становится поводом показать другой подход от лица уже «Юлия Капитолина». В книге об императорах Максимианах он пишет: «ne fastidiosum esset clementiae tuae, Constantine maxime, singulos quosque principes vel principum liberos per singulos legere, adhibui moderationem, qua in unum volumen duos Maximinos, patrem filiumque, congererem; servavi deinceps hunc ordinem, quem pietas tua etiam ab Tatio Cyrillo, clarissimo viro, qui Graeca in Latinum vertit, servari voluit» (НА: Max. duo 1.1–2). В биографии Гордианов он говорит о привычке ряда историков посвящать каждому императору отдельную книгу, но затем замечает: «tres Gordianos hoc libro conexui, consulens et meo labori et lectioni tuae» (НА: Gord. tres 1). Заочная полемика «Юлия Капитолина» и «Элия Спартиана», предлагающих августейшему читателю разные форматы, добавляет «авторам» НА реальные черты. Реакция Константина не обозначена, что создает образ читателя, одинаково благосклонного к разным форматам⁷. Этот образ созвучен тому, что пишет сам Константин в письме к поэту Опатиану (Opt. Porph. Carm., p. 4 Müller): император изображает себя благосклонным (*benignus*⁸) покровителем разных литературных

⁶ Важнейший источник о Константине как читателе — переписка Константина и поэта Опатиана Порфирия. Разбор источника: Wienand 2017: 148–155; Körfer 2020: 124–147.

⁷ Благосклонность к авторам вкпе с занятостью очень удачно соотносится с известием Евсевия о том, что ученым занятиям Константин посвящал ночные часы (Vita Const. IV.29).

⁸ В разговоре с ветеранами, зафиксированном в Кодексе Феодосия, Константин заявляет: «magis magisque conveteranis meis beatitudinem augere debeo quam minuere» (CTh. VII.20.2). В этих словах звучит одна из главных идеологических установок правления Константина: установление благоденствия под единоличным правлением после долгих лет усобиц и многовластия.

жанров (Körfer 2022: 133–134). Пристального внимания заслуживает и «светлейший муж Таций Кирилл⁹», выполнявший для Константина перевод каких-то императорских биографий. Как и большинство иных авторов, упоминаемых в НА, этот сенатор, вероятнее всего, является фиктивным персонажем (San Juan 2022: 488). Однако интересно, что «Юлий Капитолин» изображает Константина читающим не сами эти греческие книги, а именно их перевод. Во-первых, это ярко подчеркивает упадок латинской словесности в III в.¹⁰; во-вторых, придает реалистичность портрету Константина. Зная греческий язык (Euseb. Vita Const. III.13), император прибегал к помощи переводчиков во время официальных выступлений¹¹ и при чтении сложных текстов¹².

Таким образом, портрет Константина-читателя набросан хотя и мельком, но все же убедительно и в согласии с имеющимися источниками: император, несмотря на занятость, благосклонен к авторам, хотя и не все сочинения ему под силу по причине более слабого знания греческой словесности. Образ написан достаточно благожелательно.

Портрет Константина-правителя представлен в НА еще более широкими мазками, однако акценты автора интересны. Так, автор НА интересуется императорскими родословными, симпатизируя представителям знати. В этом смысле ему интересен Константин, который претендовал на родство с императором Клавдием Готским. В биографии Элагабала «Элий Лампридий» сообщает об изображениях предков «Константинов и Клавдиев» (sic!) в домашнем ларарии Константина Великого (НА: Heliog. 2.4). Он дает Константину обещание написать биографию Клавдия (Ibid. 35.2), однако в сборнике его

---

⁹ В рукописной традиции встречается вариант «Стаций Кирилл»: (Nohl, Samberger, Seyfarth 1965b: 3).

¹⁰ Основные историописатели III в. — греки (Кассий Дион, Геродиан, Дексипп). На греческом языке писал сенатор Азиний Квадрат, автор недошедшего сочинения «Тысячелетие». Крупное латинское сочинение этого времени — сборник императорских биографий Мария Максима (до нас он не дошел, но был известен автору НА).

¹¹ Евсевий указывает, что речь, произнесенную Константином на открытии Первого Вселенского собора на латинском языке, переводили для епископов на греческий (Vita Const. III.12–13).

¹² Аммиан Марцеллин сообщает, что тексты манихеев переводил для Константина Стратегий, прозванный им за образованность «Музонианом» (Res Gest. XIII.15.2).

биография приписана «Гребеллию Поллиону» и адресована отцу Константина, Констанцию Хлору. Там мы находим развернутый вариант генеалогической схемы: «Claudius, Quintillus et Crispus fratres fuerunt. Crispi filia Claudia; ex ea et Eutropio, nobilissimo gentis Dardanae viro, Constantius Caesar est genitus. Fuerunt etiam sorores, quarum una, Constantina nomine nupta tribuno Assyriorum, in primis annis defecit» (НА: Claud. Goth. 13.2). Крисп, Клавдия, Евтропий и Константина нигде более не упоминаются, что заставляет предполагать их фиктивность. Характерен выбор имен, который находит параллели в семье Константина Великого. У него была сестра Евтропия, сын Крисп и дочь Константина. «Дарданское» происхождение Евтропия позволяет обыграть место его рождения — область Дарданию, а также мифические корни родословной: в той же биографии указано, что Клавдий Готский ведет свой род от предков троянских царей — «ab Po Troianorum atque ab ipso Dardano» (НА: Claud. Goth. 11.9). Подробная и уникальная в целом ряде деталей схема вызвана тем, что автора не удовлетворяли скудные известия официальных источников (Mirolyubov 2021: 86–96), потому он попытался предложить свой взгляд. Родословная Константина — не единственная у автора НА, но наиболее яркая, так как он нагромождает вымысел не на пустом месте, а на основе из официальных (и неконкретных) заявлений двора Константина о его родстве с Клавдием.¹³

Знатность была для Константина деталью, подкрепляющей его претензии на верховную власть. Автор НА, от лица «Элия Лампридия» в биографии Элагабала, пишет по этому поводу: «...illud, quod clementiam tua solet dicere, credidi, esse respiciendum: “Imperatorem esse fortunae est”. Nam et minus boni reges fuerunt et pessimi. Agendum vero, quod pietas tua solet dicere, ut sint imperio digni, quos ad regendi necessitatem vis fatalis adduxerit» (НА: Elag. 34). Изречения императора, несомненно, выдуманы автором, однако они верно передают воззрения Константина¹⁴ и показывают заочный диалог историка с этим

¹³ Верное замечание Д. Рорбахера о стремлении автора «играть с источниками» (Rohrbacher 2013: 175). Примеры родословных — связь Клодия Альбина с семьей Цейониев (НА: Clod. Alb. 4) или упоминание родственников императора Пупиена (НА: Max. et Balb. 5).

¹⁴ Хотя Константин и был сыном императора, но получение им титула не было само собой разумеющимся фактом. Он был провозглашен

правителем. Родовитый император или император с именем для автора НА не является однозначно «хорошим» (Scholtemeijer 1976: 113). Особого внимания заслуживает напоминание о «хороших» и «плохих» императорах, в котором в первом приближении соблазнительно услышать критику Константина, начатую по инициативе его племянника Юлиана в середине IV в. (Bleckmann 2006: 25–28; Miroljubov 2021: 25–28).

Итак, «хороший» или «плохой» император Константин для автора НА? Исследователи, имея в виду языческое мировоззрение автора НА, вкупе с угадываемыми аллюзиями на неприглядные стороны биографии Константина, полагают, что в НА он — скорее «плохой» и осмеиваемый император (Turcan 1988: 38–52; Bird 1997: 9–18; Gómez 2018: 85–88). Впрочем, обратимся не к аллюзиям, а к немногочисленным, но прямым сообщениям автора НА о правлении Константина.

В жизнеописании Элагабала «Элий Лампридий» указывает, что этот император опорочил «Antoninorum nomen». Обращаясь к Константину, автор пишет об «имени Антонинов»: «quod tu, Constantine sacratissime, ita veneraris, ut Marcum et Pium inter Constantios Claudiosque, velut maiores tuos, aureos formaveris adoptans virtutes veterum tuis moribus congruentes et tibi amicas caras» (НА: Heliog. 2.4). Антонины — любимые автором НА императоры¹⁵, потому разбрасываться уподоблениями им кого-то из императоров с целью насмешки он не станет. Надо отметить, что литература второй половины IV в., не считая агрессивной языческой публицистики, давала и достаточно сбалансированные характеристики правления Константина. У Аврелия Виктора (De caes. 41.16–21), Евтропия (Brev. X. 5–8), анонимного автора «Извлечений о цезарях» (Eritome de caes.

армией отца и защитил титул в борьбе с большим количеством соперников.

¹⁵ Желание подражать Антонинам автор НА приписывает императору Гордиану, который ему симпатичен (НА: Gord. tres 3.3; 4.7–8), а также Диоклетиану. Интересно сравнить с Диоклетианом Константина, который также изображен в НА почитающим Антонинов. О втором автор НА пишет: «tu ... adoptans virtutes veterum tuis moribus congruentes» (НА: Heliog. 2.4). О Диоклетиане и его соправителях сказано: «saepe dicitis vos vita et clementia tales esse cupere, qualis fuit Marcus» (НА: M. Anton. Philosoph. 19.12). Иными словами, Диоклетиан и его соправители только на пути к доблестям Антонина Пия и Марка Аврелия, а Константин уже достиг определенного соответствия образцам.

41.11–18) мы находим динамичный образ императора, который обладая определенными достоинствами, поменялся в несколько худшую сторону в поздние годы правления. Все три историка знакомы автору НА (Burgersdijk 2010: 40–41)¹⁶. Кажется, что он учитывает их взгляд на Константина. Говоря о «доблести древних»¹⁷ он признает достоинства императора. При этом замечательно обещание «Элия Лампридия» написать биографии соперников Константина, сопровождаемое следующей ремаркой: «non enim ego id faciam, quod plerique scriptores solent, ut de his detraham, qui victi sunt, cum intellegam gloriae tuae accedere, si omnia de illis, quae bona in se habuerint, vera praedicarо» (НА: Elag. 35.7). Эта мысль созвучна упрекам Константину в тщеславии и в жестокосердии, которые он стал проявлять после побед над своими соперниками (Eutrop. Brev. X.6.3). Однако саму славу Константина, обретенную им в войнах с соперниками, автор НА отнимать не стремился.

Единственным конкретным замечанием о свершениях Константина в НА является отрывок из жизнеописания Александра Севера. «Элий Лампридий» рассказывает о том, как этот император боролся со своеволием своих рабов, вольноотпущенников и домашнего окружения (*amicos et parentes*)¹⁸, и, обращаясь к Константину, пишет: «scio, imperator, quod periculo ista dicantur apud imperatorem, qui talibus serviit, sed salva re publica posteaquam intellegisti, quid mali clades istae habeant et quemammodum principes circumveniant, et tu eos eo loci habes, ut nec clamide uti iusseris, sed de necessitatibus domesticis delegaris» (НА: Alex. Sev. 67). Наставительный тон обращения обнаруживает несомненно фиктивный характер диалога «Элия Лампридия» и императора. На первый взгляд, автор НА затрагивает здесь тему кадровой

¹⁶ «Юлий Капитолин» даже цитирует некоего «Аврелия Виктора по прозвищу Пиний» (НА: Opil. Masc. 4.2). Идентификация названного автора с историком IV века принимается в науке с известной осторожностью (Burgersdijk 2010: 44; Rohrbacher 2016: 25; Burgersdijk 2017: 33–46), тем более что цитата у автора НА не является цитатой из произведения историка.

¹⁷ Этому созвучна оценка Аврелия Виктора, который, говоря о смерти Константина, пишет: «populus Romanus aegerime tulit, quippe cuius armis legibus clementi imperio quasi novatam urbem Romam arbitraretur» (De caes. 41.17).

¹⁸ С. П. Кондратьев в своем переводе (Dovatur, Kondratiev 1992) предложил термин «родственники», однако слово кажется отсылкой к образу властной матери Александра Севера.

политики Константина, критическое осмысление которой началось в правление его племянника Юлиана¹⁹. Однако обращает на себя внимание схожее замечание и о правлении Диоклетиана. Автор НА цитирует якобы сожаления самого этого императора уже после его отречения: «colligunt se quattuor vel quinque atque unum consilium ad decipiendum imperatorem capiunt, dicunt, quid probandum sit. <...> bonus, cautus, optimus venditur imperator» (НА: Aurel. 43). Несмотря на сходство пассажей, они показывают императоров в разных состояниях. Диоклетиан оказался бессилён перед лицом ближайшего окружения: он, уже после отречения, изображён сетующим на его своеволие. Ситуация оставалась такой и после его ухода из политики, коль скоро и Константин, один из преемников Диоклетиана, также находился под влиянием придворной среды, но до поры, когда он осознал пагубность такого положения вещей. Сложно сказать, насколько сообщения автора НА верны применительно к Александру Северу и Диоклетиану²⁰, однако известие о Константине находит параллель в его законодательстве. Так, в 325 г. Константин адресует «всем провинциалам» предписание, согласно которому всякий гражданин, имея данные о проступках «судей, комитов, друзей или придворных», мог подать жалобу лично императору²¹ (CTh. 9.4.1). Таким образом, выход императора из-под пагубного влияния окружения при Константине был если не реализован, то, по меньшей мере, декларирован. Интересна также разрабатываемая Б. Потье мысль о том, что жизнеописание Александра Севера было своеобразным наставлением для сыновей Феодосия Великого –

---

¹⁹ Об этом сообщает Аммиан Марцеллин, хотя и отмечает изъяны кадровой политики самого Юлиана (Amm. Marc. Res gest. XXI.12.25). Сходная критика Константина присутствует у Аврелия Виктора (De caes. 41.20) и у Зосима (Hist. Nov. II.33–34).

²⁰ Частые перемещения Диоклетиана по империи вкупе со сложной ситуацией на границах действительно могли не оставлять ему много времени заниматься вопросами внутренней жизни государства. Характерно и то, что в последние годы правления тяжело болевший Диоклетиан находился под контролем своего младшего соправителя Галерия (Mirolyubov 2019: 781–789).

²¹ Комментарий: (Dillon 2012: 97–108). Указ Константина, видимо, запомнился, коль скоро в конце IV в. анонимный латинский историк пишет об императоре: «commodissimus tamen rebus multis fuit: calumnias sedare legibus severissimis <...>, audire legationes et querimonias provinciarum» (Epitome de caes. 41.14).

Аркадия и Гонория (Pottier 2016: 405–418). В этом случае первый император-христианин Константин, вышедший из-под дурного влияния окружения, мог быть подобран языческим автором в качестве образца, наиболее подходящего для христианских императоров V в.

Подведем итоги. Автор НА имел возможность познакомиться с личностью Константина на основании богатой традиции, существовавшей к рубежу IV–V вв. Это и *testimonia* императора (законы, письма), и сочинения историков, в том числе не чуждых критики. Образ Константина встречается на страницах НА нечасто, однако он примечателен своей глубиной. Автору, как представителю латинской литературы и как историку со своим мировоззрением, Константин интересен как читатель (и покровитель литературы) и как правитель. В первом случае Константин изображен достаточно просвещенным читателем, стремящимся к расширению своего кругозора. Такой образ императора несколько необычен для представителя языческой историографии. Константин-правитель изображен в НА далеко не в панегирических тонах. Автор признает его родовитость, но считает ее, как и в случае с другими императорами, недостаточным условием, чтобы быть «хорошим». В тексте слышны упреки в тщеславии (вспомним обещание написать биографии соперников Константина), призывы быть «достойным императорской власти». Однако автор НА признает славу Константина, полученную им, в том числе, в борьбе с соперниками²². Также автор отмечает борьбу Константина с пагубным влиянием придворных, что, несомненно, является атрибутом «хорошего» императора. Таким образом, Константин показан в целом как положительный деятель, личность и правление которого, однако, имели свои негативные стороны в римской истории. Этот достаточно сбалансированный образ вступает в резкое противоречие с аллюзиями на правление императора, которые находят исследователи в тексте НА. Для обоснования правдивости этих аллюзий предлагалось, среди прочего, рассматривать комплиментарные замечания о Константине как сарказм

---

²² Примечательный момент у языческого автора. К примеру, Юлиан преуменьшает значение побед Константина (Iul. Caes. 328d–329a). Язычник Зосим возлагает на Константина вину за начавшийся кризис тетрархии (Zos. Hist. Nov. II.8.2; 9.1); представляет именно его инициатором войн с Максенцием (Ibid. 15) и оба раза – с Лицинием (Ibid. 18.1; 22.1–2).

(Gómez 2018: 64). Однако такой взгляд кажется упрощенным; скорее резонно поставить вопрос о том, насколько верны аллюзии, угадываемые исследователями. Все это говорит о том, что текст НА все еще предоставляет, даже в самых мелких частностях, широкий простор для исследований.

Литература

- Adams, J. N. 1972: On the Authorship of the *Historia Augusta*. *The Classical Quarterly* 22 (1), 186–194.
- Barnes, T. D. 1975: Two Senators under Constantine. *The Journal of Roman Studies* 65, 40–49.
- Bird, H. W. 1997: The *Historia Augusta* on Constantine's Lineage. *Arctos* 31, 9–18.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Lenski N. (ed.). *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. New York: Cambridge University Press.
- Burgersdijk, D. 2010: *Style and structure of the Historia Augusta* (PhD Thesis). Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Burgersdijk, D. 2014: De Structuur van de *Historia Augusta*. *Lampas* 47 (2), 138–157.
- Burgersdijk, D. 2017: Aurelius Victor, Festus and the Others. Minor Historians and Anonymous Sources in the *Historia Augusta*. In: Bleckmann, B., Brandt, H. *Historiae Augustae Colloquium Dusseldorpiense XIII*. Bari: Edipuglia. 33–46.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. New York: Oxford University Press.
- Chastagnol, A. 1962: *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: Nouvelles Éditions Latines.
- Chenault, R. R. 2008: *Rome without Emperors: The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE* (PhD Thesis). The University of Michigan.
- Dessau, H. 1889: Über und Zeit Persönlichkeit der Scriptorum *Historiae Augustae*. *Hermes* 24, 337–392.
- Dillon, J. N. 2012: *The Justice of Constantine: Law, Communication and Control*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Dovatur, A. I., Kondratiev, S. P. 1992: *Vlasteliny Rima [Masters of Rome]*. Moscow: Nauka. Доватур, А. И., Кондратьев, С. П. 1992: *Властелины Рима*. М.: Наука.
- Gómez, M. P. S. 2018: *La religión del autor de la «Historia Augusta»*. Murcia: Centro de Estudios del Próximo Oriente y la Antigüedad Tardía.
- Hohl, E., Samberger, Ch., Seyfarth, W. 1965a: *Scriptores Historiae Augustae*. Volumen I. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Hohl, E., Samberger, Ch., Seyfarth, W. 1965b: *Scriptores Historiae Augustae*. Volumen II. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.

- Körfer, A.-L. 2020: *Kaiser Konstantin als Leser: Panegyrik, Performance und Poetologie in den Carmina Optatians*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Miroyubov, I. A. 2019: [Diocletian's Nightmares and the Crisis of the First Tetrarchy]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 19, 781–789.
- Миролубов, И. А. 2019: О сновидениях императора Диоклетиана и кризисе Первой тетрархии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 781–789.
- Miroyubov, I.A. 2021: *Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo [The Dynastical Policy of Constantine the Great]*. Saint-Petersburg: Aleteya.
- Миролубов, И. А. 2021. *Династическая политика императора Константина Великого*. СПб: Алетейя.
- Moreno Ferrero, I. 1984: La figura de Diocleciano en la Historia Augusta. *Studia Historica: Historia Antigua II–III* (1), 225–237.
- Pottier, B. 2016: La biographie d'Alexandre Sévère dans l'Histoire Auguste: un miroir des princes Honorius et Arcadius. In: Freu, C., Janniard, S., Ripoll, A. «*Libera curiositas*». *Mélanges d'histoire romaine et d'Antiquité tardive offerts à Jean-Michel Carrié*. Turnot: Brepols. 405–418.
- Rohrbacher, D. 2013: The Sources of the Historia Augusta Re-examined. *Histos* 7, 146–180.
- Rohrbacher, D. 2016: *The Play of Allusion in the «Historia Augusta»*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- San Juan, G. E. 2022: History and Fantasy on Acholius, the Biographer. *ΣΧΟΛΗ: Ancient Philosophy and the Classical Tradition* 16 (2), 482–492.
- Scholtemeijer, J. 1976: Historia Augusta: Nomen Antoninorum. *Acta Classica* 19, 105–113.
- Turcan, R. 1988: Héliogabale précurseur de Constantin? *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 1, 38–52.
- Wienand J. 2017. Publilius Optatianus Porfyrius: The Man and His Book. In: Squire M., Wienand J. (eds.). *Morphogrammata / The Lettered Art of Optatian: Figuring Cultural Transformations in the Age of Constantine*. Paderborn: Wilhelm Fink. 121–163.
- Woods, D. 1998: On the Death of the Empress Fausta. *Greece & Rome* 45 (1), 70–86.

ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЕ *BAETH* ‘БЕЗУМЕЦ’: ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ¹

Отправной точкой исследования семантики др.-ирл. прилагательного *báeth* является его употребление в поэме X в., описывающей сражение короля Фрегуса с водяным чудовищем: это сражение названо автором *bidg baeth*. Переведенное издателем как *silly deed* ‘глупое дело’, это сочетание противоречит традиционной эпической биографии героя, в которой мотив драконоборчества предстает как деяние героическое. Вызывает сомнение также традиционное осмысление прилагательного в сочетаниях *mná baithe*, переводимого как *wanton women* ‘распутные женщины’. Детальный анализ контекстуальной семантики др.-ирл. *báeth* в языке глосс, юридических текстах, а также саговых нарративах и монастырской лирике позволяет выделить присутствующую во всех употреблениях общую компоненту — опасность, действительно трансформированную в ряде контекстов в семантику неразумия, глупости, а также — дикости. Предположение поддерживается также этимологией лексемы, являющейся продолжением и.-е. основы **bhei-* ‘бояться’. В работе выдвигается предположение о наличии на раннем уровне в гойдельском лабиального прилагательного с семантикой «страшный — пугливый», со вторичной семантикой как дикости, так и неразумия.

Ключевые слова: Древнеирландский язык, метод контекстуального анализа, семантическая деривация, этимология, семантическое поле, «дикий», «безумный», «опасный».

Т. А. Mikhailova

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. tamih.msu@mail.ru

Old Irish *báeth* ‘wild, stupid’: a problem of semantic derivation

A departing point of the investigation is the use of Old Irish adjective *báeth* in a poem dating from the tenth century and describing the combat of the pseudo-historical king Fergus with a water monster. His feat is characterized by the author as *bidg baeth*, translated by the editor as ‘silly deed’, what is contradictory to his itraditional epic biography and to the dragonfight motif. The widespread translation of the phrase *mná baithe* as ‘wanton women’ is also considered doubtful. A detailed contextual analysis

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии».

of the semantic of Old Irish *báeth* in the language of the glosses, law treatises, saga narratives and monastic poetry can help to reveal a common basic component — ‘to be dangerous’, transformed later in some contexts to the semantic of foolishness and wilderness. The suggestion is supported by the etymology of the lexeme, deriving from the IE stem **bhei-* ‘to fear’. The existence in Goidelic of a labile adjective ‘dangerous — afraid’ is supposed.

Key words: Old Irish, contextual analysis method, semantic derivation, etymology, semantic field, *wild, silly, dangerous*.

В среднеирландской поэме «Были герои в Эмайн...», которая приписывается поэту Киннету Уа Артагану (Cinaeth hUa Artacáin, † 975) и в которой кратко перечисляются достойные памяти деяния королей древности, есть строки, посвященные псевдо-историческому королю Фергусу, сыну Лейте:

Fergus macc Léite ba laech	Фергус, сын Лейте, был героем,
luid cosin mbéist, ba bidg baeth,	Он пошел к дракону, ... дело,
co torchratar [imjmalle	Так что пали они оба
for Fertais ruaid Rudraige.	Возле крепости красной Рудрайге.

(Stokes 1902: 304).

Приведенная строфа не столько описывает, сколько намекает на подвиг Фергуса, сына Лейте, который спустился на дно озера и победил водяного монстра, а затем погиб. Рассказ о гибели Фергуса содержится в саге «Приключение Фергуса сына Лейте» (русск. пер. см. Shkunaev 1991: 171–172, издание см. Vinchu 1956), где подробно описано, как он дважды опускался на дно озера, чтобы сразиться с живущим там монстром, и лишь во второй раз сумел победить его, но от ран оправиться не смог и вскоре умер. Несомненное сходство данного сюжета с «Беовульфом», с которым компилятор, предположительно, мог быть знаком, (см. Carney 1979) показывает деяние короля Фергуса в первую очередь — как героическое. Почему же в поэме оно характеризуется эпитетом *baeth*, который традиционно переводится как ‘безумный, глупый, неразумный, дикий; развратный’, и было передано издателем как *silly* ‘глупый’?

Объяснений здесь может быть два, причем друг другу они не противоречат. Так, сочетание *bidg baeth* «... деяние» представляет собой сочетание значимого имени с аллитерирующим эпитетом, который к тому же рифмуется с последним словом предыдущей строки: *laech* — *baeth* (о древнеирландской метрике — см. Murphy 1961). Таким образом, *baeth* — это

метрически и фонетически обусловленный эпитет, семантика которого уже на так важна (см. об этом также Mikhailova 2005).

Но даже отчасти десемантизированный, эпитет продолжает что-то означать. Для перевода др.ирл. *baeth* как «глупый, неразумный» действительно основания есть. Так, в языке глосс, датируемым VII–VIII вв., ирл. *báeth* (*baid*, *boeth*) традиционно глоссируются латинские лексемы с общей идее глупости и неразумия. В Вюрцбургских глоссах к строке из «Первого послания к Коринфянам» *stultus fiat ut sit sapiens* к лат. *stultus* дана глосса — *baid* (Stokes, Strachan 1975: I, 548). Там же др.-ирл. *donbaith* («к неразумным») глоссируется лат. *idiotae* (*ibid.*, 578). Миланский глоссатор на комментарии к Псалмам, во фрагменте предваряющем рассказ о том, как Давид притворился безумным перед Авимелехом, пишет, что он принял облик «мужа неразумного» (*fir boith* — *ibid.*: 164). В Санкт-Галленских глоссах к «Грамматике» Присциана лат. *hebes* 'тупой' поясняется как *mall no baeth* 'вялый или неразумный' (Stokes, Strachan 1975: II, 119), что показывает несколько иной аспект оценки неразумия: простота и непосредственность, вялость мысли. Видимо, в таком же значении термин *báeth* употреблен в Глоссарии Кормака (X в.), где им глоссируется лексема *ónna* (*ón*) 'простак, глупец, боязливый' (Meuer 1913: 89), восходящая к обозначению ягненка — *úan*. См. уточнение семантики в (O'Rahilly 1942: 150–151).

Близкие семантически употребления можно найти и в непосредственной ирландской традиции. Так, например, в саге «Смерть Дерворгиллы», повествующей об уринальных состязаниях уладских жен, о героине говорится: *Nírbo áill lea ór nírbo báeth* (Ingridsdotter 2009: 28) «Не было это ей по нраву, ибо не была она неразумна».

Ср. из саги «Разрушение Трои», переложения пересказа «Илиады» Дареса и «Аргонавтики»: *...co torchair in mac baeth issin fairge úar nad baí nech ica imchomé. (цит. по Miles 2011: 68)* «...так что этот неразумный мальчик упал в море, поскольку никто за ним не присматривал».

Употребленная по отношению к животным, лексема, как правило, передает идею как юного возраста, а в силу этого и неразумия (*báeth* часто называются телята, ягнята, щенки), так и, если можно так выразиться, недостаточной доместикации и дрессировки: так может называться бешеный бык или необъезженный, «дикий» конь. Ср., например, из среднеирландских комментариев к поэме «Чудо Колума Килле»:

Maith fri forbairt ech nad **baeth**,
 aris leis ternas a laech.
 ruthid hech **baeth** foa nibi.
 doluit co nibuich a chnamí.
 (Stokes 1899: 174)

Хорош для роста конь,
 который не дикий.
 С ним ускачет его воин.
 Плох конь дикий для скачки,
 Упадет и ломает ему кости.

В то же время, в композитах лексема уже со значением «дикий» реализует лексическую функцию MAGN², «маркируя высокую степень проявления некоторого признака» (Orlova 2022: 97). В процитированной работе рассматривается семантический переход «дикий» — «агрессивный, опасный», что в качестве опоры имеет сложившийся в наивной картине мира образ дикого животного, преимущественно — хищного. Следуя во многом интересным наблюдениям М. Орловой при анализе семантических реализаций лексемы *báeth*, я должна помнить о том, что для древнеирландской «ментальной карты» понятие *báeth* не соотносится автоматически с миром дикой природы, и его «старшее значение» должно лежать в иной области представлений. Так, *cú báeth* — это бешеный пес, домашний, но вышедший из под контроля, тогда как *cú allaid* — «дикий пес», скорее всего — волк³. Ср., например — *breo baeth* ‘бурное пламя’, *baethrith* ‘бешеный бег’, *baethléimm* ‘резкий скачок’. Ср. также из саги «Болезнь Кухулина»: *bruid idnu buden mbáeth* (Dillon 1953: 15, l. 431) «бьет он теперь полчища дикие». Ср., однако, отмеченное ею же прилагательное *диковатый*, реализующее переход «дикий» — «робкий, боязливый» (см. выше др.-ирл. *ónna*).

Ср. также употребления, возможно, имеющие метафорическую природу: *baeth bennaib* — ‘дикими горами, холмами’, то есть — в недоместицированном, непредсказуемом локусе. Отметим вновь, однако, что понятие *báeth* не кодирует дикости как принадлежности к природе, но скорее обозначает объект,

² См также семантический переход # 5558 *wild* → *very* в базе данных DatSemShift, включающий также др.-ирл. реализацию на базе прил. *baeth*, что сейчас представляется поспешным и нуждающимся в корректировке.

³ Прилагательное *allaid* возводится к наречию *all* — ‘там, вдали, вовне’, то есть, по мнению Вандриеса, реализует оппозицию «дом», как внутреннее пространство, — «поле, лес» как пространство внешнее, чужое (LEIA-A:62).

входящий в группу культурных объектов, но по той или иной причине не соответствующий требуемым параметрам.

В текстах Законов категория *báeth* включала в себя как несовершеннолетних детей, включая детей «живых отцов» (не обладающих имуществом), рабов, лиц, которые считаются психически неполноценными, а также — женщин (за редким исключением). Как пишет Ф. Келли, «данная группа объединяла людей, не обладающих полноценными юридическими правами» (Kelly 1995: 68), но как мы понимаем, уже далеко не всегда в силу неразумия.

В современном ирландском лексема сохранилась в форме *baoth*, однако не является в достаточной степени употребительной и встречается в основном в композитах, причем с семантикой 'вялый, напрасный, бессмысленный'. Например: *baoth-ghlóir* 'пустая слава', *baothrach* 'простофиля, жалкий человек' и пр.

В то же время, в древнеирландском применительно к женщинам прилагательное *báeth* обладало своей спецификой. С одной стороны, мы видим традиционные отсылки к врожденному неразумию. Как пишет, например, Э. Джонстон, «женщины не обладали юридическими правами, поскольку квалифицировались как *báeth*, что отражало представление о недостаточной ментальной компетенции» (Johnston 2011: 197). Так, например, в той же саге «Болезнь Кухулина» говорится: *dáig at báetha síalla ban* (Dillon 1953: 28, l. 804). «Ибо неразумны рассудки жен». Ср. также поговорку: *fer mná báithe dlomthar sceo gaithe* «муж глупой женщины должен быть, как ветер» (видимо — должен привыкать к нестабильности), а также выражение *rún mná báithe* «тайна глупой женщины», т. е. секрет, который не удалось сохранить. Идея женской глупости и неполноценности для древнеирландской традиции является общим местом и далеко не всегда кодируется анализируемым прилагательным, что в целом опирается не некое расхожее представление. С другой стороны, что уже отчасти вызывает наше сомнение, в ирландистике существует стойкая тенденция расценивать «женскую глупость» как проявление распутства и соответствующим образом переводить *báeth* как — *wanton, licentious*. Так, в примечании к изданию текста саги «Смерть Дерворгиллы» (см. выше) комментатор отмечает, что «поскольку лексема может также иметь значение 'распутный', в саге можно увидеть намек на сексуальный подтекст эпизода» (Ingridsdotter 2009: 95). Отчасти она, безусловно, права: в саге речь идет об уринароно-

эротических состязаниях, однако в целом, как мы попытаемся показать при помощи методики контекстуального анализа семантики лексемы, данное значение оправданным представляется далеко не всегда.

Наиболее известным примером употребления лексемы в данном значении считается строка из стихотворения «Колокол» (IX в.):

Clocan binn	Колокол сладкий,
Benar i n-aidchi gaithe:	Звенящий ветреной ночью.
Bas ferr lim dul ina dail	Приятнее встреча с ним,
Indas i ndail mna baithé .	Чем встреча с женщиной распутной .

(Murphy 1998: 4)

В переводе Мерфи — *wanton*. Такая трактовка создает прозрачный образ: блуждающий ненастной ночью монах не желает встретить на своем пути распутную женщину, которая, видимо, будет пытаться соблазнить его. Но так ли это?

Сочетание *ban mbaeth* (gen.pl.) встречается также в тексте так называемой «Клостернойбургской лорики», оградительного заговора-молитвы, автор которого перечисляет, как это принято в лориках, разного рода опасности, которые он может встретить на пути. Автор «Клостернойбургской лорики» формулирует возможную опасность, исходящую от женщин, как — *Ag upthaib ban mbaeth* (Stokes 1873: 113) «от заклинаний безумных/глупых/диких/распутных женщин».

При трактовке сочетания *ben baeth* как «распутная женщина», мы столкнемся с противоречием: либо автора пугают возможные греховные действия, которые может предпринять встретившаяся на его пути распутница, либо — он страшится заклинаний профессиональных колдуний, но почему тогда они названы «глупыми/распутными»? Детальный анализ лорики, проведенный Д. Штифтером, верно показал, что основной акцент текста делается в данном случае — на ограждении от колдовства, представленного в первую очередь как «женские заклинания» (упомянуты в тексте трижды), а также — как «злота мужей» (упомянута дважды), в которой он также предлагает видеть магию, опираясь в данном случае на фрагмент из 30-й руны «Калевалы» — «Защити, могучий Укко, / Огради, о бог прекрасный, / Охрани рукою мощной / И твоей великой силой / От мужских коварных мыслей, / От коварства

злых женщин»⁴ (см. Stifter 2007). Безусловно интересное, сравнение с «Калевалой» кажется несколько натянутым и, главное, не учитывающим специфику финского контекста: в нем речь идет об опасностях, которые подстерегают человека в стране колдунов — Лапландии. Именно поэтому и мужи, и жены там в равной степени опасны своей магией. В тексте «Клостернойбургской лорики», напротив, лишь жены обладают некоей магической способностью наносить вред, тогда как мужи описаны скорее как абстрактные «лихие люди». Таким образом, итоговая строка лорики — *Náramgonat fir naramillet mná* («Пусть не ранят меня мужи, пусть не погубят меня жены») является оберегом и от оружия, и от колдовства.

Ср. аналогичную оппозицию в другой лорике — «Заговоре на долгую жизнь» (см. издание Carey 1998):

<i>Nim-millethar teól,</i>	Пусть не будет мне вреда
<i>ná cuire ban,</i>	Ни от общества женщин,
<i>ná cuire buiden.</i>	Ни от общества отрядов мужей.

В данном случае опасность, исходящая от женщин, не эксплицирована, однако несомненно автор опирался на фоновые знания аудитории, для которой вред в данном случае состоял во владении магией. Ср. также из «Лорики Патрика»: «Ограждаю себя ныне / против заклинаний *женщин*, кузнецов и друидов...».

Таким образом, несомненно, что в стихотворении «Колокол» (см. выше) речь идет о встрече не с распутницей, но с заклинательницей, которая гораздо более опасна.

Обращение к намеченным семантическим реализациям прил. *báeth* демонстрирует имплицитный компонент, объединяющий отдельные элементы поля: это идея опасности. Опасны бешеный бык и пес, опасны дикие горы и леса, опасны и неразумные дети и женщины в своей неразумности и непредсказуемости и опасны, безусловно, женщины-заклинательницы.

Наша идея поддерживается и этимологией лексемы. Еще Хольгер Педерсен предлагал соотносить др.ирл. *báeth/baith*, а также *báegul* m. ‘страх, опасение, тревога’ с и.-е. основой **bhei-* ‘бояться’ (Pedersen 1909: 56). См. группу когнатов и.-е. *bhōi-*, **bhāi-*, **bhī-* *в (IEW 161–162), а также анализ путей семантической деривации в (Торогов 1975: 219–220), без учета

⁴ Пер. Л. П. Бельского; <https://profilib.net/chtenie/33337/elias-lennrot-kalevala-67.php>

кельтских данных. Ср. также реконструируемую форму как в $*b^hoH-i-/*b^hiH-$ (De Vaan 2008: 229; Derksen 2008: 50). См. группу славянских лексем в ЭССЯ, где также дана ирландская лексема в форме *baíh* с указанной семантикой — *stultus* (ЭССЯ 2: 164). Предложенная Педерсеном этимология была затем поддержана П. И. Ламбером, который реконструировал протокельтскую форму $*baito-$, образованную на базе пассивного перфектного причастия (LEIA-B: 10). Реконструируемая форма действительно подтверждается фонетикой ауслата: глухой спирант восходит к интервокальному $-t-$. Что же касается вокализма, то отмеченный им дифтонг $-ai-$ (как он пишет «инфикс, обозначающий имена лиц») на самом деле является дисиллабом (см. Ahlqvist 1994: 27), а следовательно — восходит к протоформе с консонантом, затем утраченным, либо, что вероятнее, с отмеченным Э. Хэпом фактитивным суффиксом (Hamr 1985: 67). Аналогичное образование можно усматривать в лат. когнате *foedus* ‘мерзкий, отвратительный’ (De Vaan 2008: 229). К данной группе лексем принято также относить греч. $\pi\theta\eta\kappa\omicron\varsigma$ ‘обезьяна’ (как страшное животное, оспорено, однако — в Beekes 2010: 1189).

Предложенное в Jørgensen 2009 соотнесение др.-ирл. лексем *báeth* ‘неразумный’, *báes* ‘безумие, глупость’ (вторичная деривация) с др.-ирл. *bés* ‘обычай’ не представляется убедительным ни фонетически, ни семантически.

Итак, в качестве вывода мы можем предположить наличие в древнеирландском лабильного прилагательного, восходящего к утраченному глаголу с семантикой «бояться — пугать», получившего вторичные значения «дикий, агрессивный, глупый», но также в ряде контекстов сохранившего значение — «опасный». Безусловно, именно это значение реализуется в сочетании *bidg baeth* — «опасное деяние». Действительно, встреча с водяным чудовищем была для короля опасна: за победу над монстром он заплатил жизнью.

Источники и литература

- Ahlqvist, A. 1994: *Litriú na Gaeilge. I: Stair na Gaeilge*. Eag. K. McCone, D. McManus, C. Ó Háinle, N. Williams, L. Breatnach. Maigh Nua: Coláiste Phádraig, 23–60.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston: Brill.
- Binchy, D. A. (ed.) 1956: *The Saga of Fergus Mac Léti*. In: *Ériu*, 33–48.
- Carey, J. 1998: *King of Mysteries. Early Irish Religious Writing*. Dublin: Four Courts Press.

- Carney, J. 1979: The Irish Elements in Beowulf. In: Carney J. *Studies in Irish Literature and History*. Dublin: DIAS, 77–128.
- De Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill.
- Derksen, R. 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden-Boston: Brill.
- Dillon, M. (ed.). 1953: *Serlige Con Culainn*. Dublin: DIAS.
- ESSEJa 1975. [*Etymological Dictionary of Slavonic Languages*]. Moscow, Nauka, 2.
- ЭССЯ 1975: *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева. 2, М.: Наука.
- Hamp, E. 1985: Indo-European **bheHi-*, Latin *foedus*, and Balto-Slavic. In: *Indogermanische Forschungen*, 90, 66–70.
- Ingridsdotter, K. 2009: *Aided Derbforgaill ‘The violent death of Derbforgaill’*. A critical edition with introduction, translation and textual notes. Uppsala: Engelska institutionen.
- Johnston, E. 2011: Kingship made real? Power and the Public World in ‘Longes Mac nUislenne’. In: *Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards*, Woodbridge: Boydell & Brewer, 193–206.
- Jørgensen, A. R. Irish 2009: *báeth*, *báes*, *bés*, *ammait* and Breton *boaz*, *amoed*. In: *Keltische Forschungen*, 4, 189–193.
- Kelly, F. 1995: *A Guide to Early Irish Law*. Dublin: DIAS.
- IEW — Pokorný J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. B. I–II, Bern and München: Francke.
- LEIA-A 1981 — *Lexique étymologique de l’irlandais ancien de J. Vendryes*. A. Par J. Vendryes. Dublin-Paris: DIAS-CNRS (1959).
- LEIA-B 1980 — *Lexique étymologique de l’irlandais ancien de J. Vendryes*. B. Par les soins de E. Bachellery et P.-Y. Lambert. Dublin-Paris: DIAS-CNRS.
- Meyer, K. (ed.). 1913: *Sanas Cormaic. Cormac’s Glossary*. Dublin: Anecdota from Irish Manuscripts. V.
- Mikhailova, T. A. 2005: [On the semantic of an Old Irish epithet: *án*]. In: *Atlantica: Studies on historical poetics*. 7, 169–178.
- Михайлова, Т. А. 2005: О семантике одного эпитета: древнеирландское *án* // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. 7, 169–178
- Miles, B. 2011: *Heroic Saga and Classical Epic in Medieval Ireland*. Cambridge: D. S. Brewer.
- Murphy, G. 1961: *Early Irish Metrics*. Dublin: Royal Irish Academy.
- Murphy, G. 1998: *Early Irish Lyrics*. Dublin: Four Courts Press.
- O’Rahilly, T. 1942: *óinnhid. ónna. amaid*. In: *Ériu*, 13, 149–152.
- Orlova, M. V. 2022: [How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life]. In: *Izvestia Rossijskoj akademii nauk*.

- Seria literary i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 81, No. 6, 89–101.
- Орлова, М. В. 2022: Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа дикий в сфере человеческого // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 81. № 6. 89–101.
- Pedersen, H. 1909: *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. I. Einleitung und Lautlehre*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Shkunaev, S. V. 1991: [*Legends and myths of Medieval Ireland*]. Transl. with comm. Moscow: MSU Press.
- Шкунаев, С. В. 1991: *Предания и мифы средневековой Ирландии*. Пер. и комм. М.: изд. МГУ.
- Stifter, D. 2007: Die Klosterneuburger loric. In: *Kelten Einfälle an der Donau*. Hrsg. H. Birkhan. Wien: Verlag der Akademie der Österreichischen Wissenschaften, 503–527.
- Stokes, W. (ed.) 1873–1875: The Klosterneuburg Incantation. In: *Revue celtique*. 2, 112–115.
- Stokes, W. (ed.) 1899: The Bodlean *Amra Choluimb Chille*. In: *Revue celtique*, 20, 31–437.
- Stokes, W. 1902: On the Death of Some Irish Heroes. In: *Revue celtique*, 23, 303–348.
- Stokes, W., Strachan, J. 1975: *Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse*. Vol. I, II. Dublin: DIAS (1901).
- Toporov, V. N. 1975: [*Prussian Language. A — D*]. Moscow: Nauka.
- Топоров, В. Н. 1975: Прусский язык. А — D. М.: Наука.

В. В. Напольских

РАНХиГС при Президенте РФ. Москва, Россия/
ИИИА УрО РАН. Екатеринбург, Россия. vovia@udm.ru**РУС. СОРОК В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Рус. числительное *сорок*, заменившее более старое общеславянское *четыре десяти* восходит к др.-рус. *сорокъ* ‘связка из 40 шкурки пушных зверей’, которым называли открытый мешок из ткани, куда были плотно уложены шкурки (примерно набор на одну шубу), связанный сверху в своего рода рукав. Предлагавшиеся в литературе сравнения рус. *сорок* с греч. (τεσ)σαράκοντα ‘сорок’, тюрк. *qyrq* ‘сорок’, др.-сканд. *serkr* ‘(исподняя) рубаха; 200 шкурки пушных зверей’ происхождения русского слова не объясняют, др.-рус. *сорокъ* следует рассматривать как форму мужского рода, соответствующую *сорочка* < ПСлав *sarkā ‘рубаха’ ~ лит. *šarkas* ‘одежда, суконный кафтан рыбаков’, *švařkas* ‘пиджак’. Эти балто-славянские слова возводятся к ПИЕ **k̑r-* / **ker-* ‘шнур, нить в ткани; плести, завязывать’ (> арм. *sari-k* ‘лента, шнур’, греч. *καῖρος* ‘шнур, которым связывают ткань’, *καίρωμα* ‘тж., ткань’). Данный ПИЕ корень отражен также в др.-инд. **śr-* / **śar-* ‘ремень, веревка’ (в *śarkarī-*, *śakvarī-* ‘пояс, ремень’, *śṛṅkhalā* ‘цепь, оковы, пути’) и в тох. *kār-k-* ‘связывать’ и его дериватах, а также в лит. *keřgti* ‘соединять, связывать, повязать’, которое рассматривается как случай «неполной сатемизации» в литовском. Возможно, тох. *kār-k-* ‘связывать’ могло дать неизвестный пока дериват ‘связка’ > ‘сорок’, как в русском, который был источником для тюрк. *qyrq ‘сорок’.

Ключевые слова: сорок, меховая торговля, семантика, этимология, числительные, русский язык, славянские языки, индоевропейские языки.

Vladimir Napolskikh

The Presidential Academy, RANEPА, Moscow / Institute for History and Archaeology,
Uralic Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia. vovia@udm.ru**Russian *сорок* ‘forty’ in Indo-European perspective**

Rus. numeral *сорок* ‘forty’, which replaced the older Common Slavic *четыре десяти*, goes back to Old Russian *сорокъ* ‘bundle of 40 fur-skins’, which was used for an open bag of fabric, where the skins were tightly packed (approximately a set for one fur coat), tied on top in a kind of sleeve. Comparisons for Rus. *сорок* with Greek (τεσ)σαράκοντα ‘forty’, Türk. *qyrq* ‘forty’, Old Scandinavian. *serkr* ‘(under) shirt; 200 skins of fur-bearing animals’ do not explain the origin of the Russian word. Old

Russian *сорокъ* should be considered as a masculine form corresponding to *сорочка* ‘shirt’ < Common Slav. *sarka ‘shirt’ ~ Lith. *šarkas* ‘clothing, cloth coat of fishermen’, *švařkas* ‘jacket’. These Balto-Slavic words may be compared with PIE **k₁r-* / **ker-* ‘cord, thread in the fabric; to weave, to tie’ (> Arm. *sari-k* ‘ribbon, cord’, Greek *καῖρος* ‘cord that binds the fabric’, *καίρομα* ‘id., fabric’). This PIE root is also reflected in Old Indian **śr-* / **śar-* ‘belt, rope’ (in *śarkarī-*, *śakvarī-* ‘belt’, *śṛṅkhalā* ‘chain, fetters’) and in Tokh. *kār-k-* ‘to bind’ and its derivatives, as well as in Lith. *keřgti* ‘to connect, to bind, to tie’, which is considered as a case of «incomplete satemization» in Lithuanian. Maybe Tokh. *kār-k-* ‘to bind’ could give an unknown derivative ‘bundle’ > ‘forty’, as in Russian, which could be the source for the Türk. *qyrq ‘forty’.

Keywords: forty, fur trade, semantics, etymology, numerals, Russian language, Slavic languages, Indo-European languages.

Рус. *сорок*, др.-рус. *сорокъ* является инновацией, заменившей более старое общеславянское *четыре десате*¹. Хотя как числительное *сорокъ* встречается уже, например, в «Русской правде» по Синодальному списку (1282 г.), затем — в памятниках XIV в. и далее (однако, судя по первой фиксации порядкового *сороковой* в 1731 г., окончательно как основное обозначение четырёх десятков *сорок* утвердилось очень поздно), более ранним значением этого слова следует считать ‘связка из 40 шкурок пушных зверей (белок, куниц, бобров, соболей)’, которое фиксируется с XIII в. в новгородских берестяных грамотах (НГБ 7, 420), а с сер. XIV до конца XVI в. в различных источниках (Sreznevsky III: 465–466; Lukinova 2000: 288; Vasmer III: 722–723; Zholobov 2006: 268–276). Особый интерес (см. ниже) представляет форма *сорочькъ* ‘связка из 40 шкурок пушных зверей’, фиксируемая в грамотах 1137 и примерно 1350 г. (Sreznevsky III: 467–468). Принято считать, что центром иррадиации этой инновации был Новгород и новгородские владения на Русском Севере (что связывали — вполне, впрочем, бездоказательно — даже с каким-то влиянием местных финно-угорских языков) (Lukinova 2000: 288–289)². В белорусском языке

¹ В данной статье развиваются соображения, изложенные в заметке: Напольских 2023.

² Предположение о заимствовании (северно-)рус. *сорок* из удм. *cěp-ku* ‘шкурка куницы’ (именно удмуртского, а не прапермского *śer-ku или коми *ser-ku*!) (Fałowski 2011) является, конечно, недоразумением: невозможно объяснить ни депалатализацию пермского *ś (фонетически **ṣ́*), ни развитие ложнопольногласной формы на *o*, удмуртский

до XVII в. *сорокъ* (совр. бел. *сорак*) в качестве числительного употреблялось наряду с *четыредесять*, а в XVI–XVII вв. *сорокъ* означало также единицу счета шкурок пушных зверей (ESBM XII: 251). Распространение слова *сорок* в качестве числительного в украинском языке было также достаточно поздним: до конца XVII в. в документах встречаются формы типа *чтири десять*, в западнopolесских говорах до сих пор употребляется *чотирдесат*, а у лемков — *штиридсять*, *штередсять*, *штиридцять* (Lukinova 2000: 289) (лемковские формы, впрочем, скорее представляют собой заимствование из словацкого). Не позднее XVI в. *сорокъ* ‘связка из 40 шкурок пушных зверей’ было заимствовано в польский язык (Vasmer III: 722). Таким образом, первоначальное значение слова и связь механизма его распространения с меховой торговлей не подлежат сомнению.

Как выглядел русский *сорок* можно видеть, например, на цветной немецкой ксилографии 1576 г., изображающей посольство великого князя Московского к императору Священной Римской империи в Регенсбурге (Russkoe posol'stvo). На рисунке очевидца, снабженном подробным описанием, можно видеть шесть членов посольства, держащих в руках по *сороку* соболей³. Судя по весьма тщательному изображению, *сороки* представляют собой плотные связки соболиных шкурок хвостами вниз, покрытых белой тканью как колоколом, из которого снизу видны хвосты, в верхней части туго свернутые как бы в рукав или короткий канат, за который их и держат послы. Не совсем правильно называть такую связку “мешок” (Lukinova 2000: 287). Равным образом никак нельзя согласиться, что “шкурки пушных зверьков действительно заворачивали в самую настоящую *сорочку* (рубаху), а не в какой-то мешок под названием *сорок*. Рукавами перевязвали саму связку” (Trueview): на рисунке ничто не указывает на то, что *сороки* — рубахи, и связки образованы не рукавами, а специально прорисованными лентами из той же ткани; возможно, *сороки* напоминали по форме глухие рубахи, но всё-таки рубахами в прямом

прототип безусловно анахронистичен, да и развитие семантики не находит никакого подтверждения в источниках.

³ В сопровождающем тексте *сороки* названы по-немецки *Zimmern* (Pl.) — термин, аналогичный скандинавскому *timbr* (см. ниже), обозначающий связку в 40 шкурок пушных зверей.

смысле слова не были. По всей вероятности, перед нами особая форма укладки шкурок, целью которой было плотно сложить их и обеспечить таким образом сохранность меха.

Относительно количества шкурок в *сороке* было предложено оригинальное решение: “Один из древнейших способов счисления по пальцам — ‘счёт сороками’ (восьмеричная система). Счет вёлся большим пальцем по суставам пальцев (переходам между фалангами) остальных четырёх пальцев правой руки. Если число превышало 8, то при достижении 8 считающий загибал один палец на противоположной руке. По достижении числа 40 все пальцы руки, фиксировавшей полные осьмушки, оказывались сжатыми в кулак”. В этом автор публикации в «Живом журнале» видит истоки особого значения числа 40 в принципе (см. об этом ниже) (Trueview). Возможно, в таком предположении есть рациональное зерно. Нельзя, однако, не заметить, что речь идёт всё-таки о специфическом объекте счёта, пушных шкурках, и следует считаться с тем обстоятельством, что 40 куньих (средних по сравнению с белкой или бобром) шкурок до сих пор считается у скорняков количеством, необходимым для пошива шубы средней длины⁴.

Таким образом, при рассмотрении этимологии рус. *сорок* следует исходить из первоначального значения этого слова ‘покрытая тканью связка из 40 шкурок пушных зверей’, которое в период с XIII по XVII в. постепенно в связи с развитием пушной торговли вытеснило старое числительное *четыредесяте* в восточнославянских языках, и центром этой инновации был севернорусский и, в частности, новгородский диалектный ареал. Примеры, когда слово, первоначально обозначавшее определённую меру количества, становится числительным, в

---

⁴ См., например, ответы консультантов на современных коммерческих сайтах: “на короткий полушубок — 30 куньих шкурок, на среднюю шубу — около 40” (<https://meha-shkurki.ru/voprosy-otvety/akunitsa>); “для создания длинной модели требуется около 50–55 куньих шкурок. Чем короче модель — тем меньше материала для неё нужно. А сколько шкурок куницы надо на шубу средней длины? Для неё их нужно будет около сорока” (<https://shubkumne.ru/stati/post/shuba-iz-mekha-kunitsy-skolko-shkurok-nuzhno-dlya-yeye-poshiva>).

том числе — и числительным 40, имеются и в других славянских языках (Suprun 2020: 12, 75)⁵.

Дальнейшая этимология др.-рус. *сорокъ* ‘связка из 40 шкурок пушных зверей’ остается неясной. Ряд сопоставлений справедливо отвергнуты еще М. Фасмером. Заимствование из греч. (*τεσ*)*σαράκοντα* ‘сорок’ он отрицает потому, что уже с IX в. фиксируется н.-греч. *σαράντα*, с выпавшим *-κο-*, из которого не вывести др.-рус. слово (Vasmer III: 723). Следует, однако, принять во внимание, что это обстоятельство не помешало заимствованию в XIII–XIV в. рус. *сорокоустия* ‘четыредесятница, Великий пост’ и *сорокоустъ* ‘сорокодневная заупокойная церковная служба’ (< греч. *σαρακοστή* < *τεσσαρακοστή*) (Sreznevsky III: 465; Vasmer III: 724). Решающим аргументом против греческого происхождения рус. *сорок* является тот факт, что это слово никак не относится к церковной лексике (в отличие от наименований Великого поста и поминальной службы), вследствие чего влияние более архаичной греческой формы с сохранением *-κο-* здесь маловероятно. Кроме того, к XIII в., времени появления технического термина *сорок* в источниках, пушная торговля Русского Севера и Новгорода была ориентирована уже не на Византию, а скорее на ганзейское направление, и греческое лексическое заимствование в этой сфере выглядит анахронистично и с культурно-исторической точки зрения.

---

⁵ Следует, впрочем, заметить, что приводимое в качестве типологической параллели к рус. *сорок* вслед за О. фон Грюненталем у М. Фасмера (Vasmer III: 722) словц. *meru* ‘сорок’, заимствованное из венг. *mérő* ‘мешок’ представляет собой типичный пример цепного цитирования с нарастающим нагромождением неточностей. Во-первых, словц. *meru* это редкий архаизм: всё-таки обычное ‘сорок’ в словацком *štyridsať* (SISlov II: 135). Во-вторых, значение ‘мешок’ у венг. *mérő* — никак не основное: венгерское слово является причастием от основы *mér-* ‘мерить, измерять, сравнивать’ (возможно, заимствование из славянского, фиксируется с нач. XV в.) и означает прежде всего ‘меряющий, оценивающий (человек)’, и только вторично в специальных контекстах может обозначать ‘меру чего-либо’, в том числе — мешок как единицу измерения (EWU: 965). Из словаря М. Фасмера этот пример широко разошелся по славистической литературе, и, например, в (ESBM XII: 251) при списывании с Фасмера венг. *mérő* переведено уже даже не как ‘мешок’, а как *футра* ‘мех (пушного зверя); шуба’.

Фонетически неприемлемо предположение О. Н. Трубачева о заимствовании тюрк. *qyrq* ‘сорок’ > др.-рус. *сьркъ > *сорок* со странной «диссимиляцией» *k-k* > *s-k*, для подтверждения возможности которой приводится сравнение тюрк. *köbäk* ‘собака’⁶ ~ рус. *собака* (Vasmer III: 723), поскольку, несмотря на энтузиазм О. Н. Трубачева, *собака* — безусловно, не тюркское, а иранское (**spāka-*) заимствование (Vasmer III: 702). Едва ли здесь может помочь отсылка к наличию в культурах тюркских народов особого значения у числительного *сорок* (см. повторение этого тезиса в (Suprun 2020: 47)): это числительное может играть специфическую роль и в других культурах, чему есть свои возможные причины (об одной см. выше в связи со способом счета по суставам пальцев восьмерками), у славян истоки этого явления лежат по крайней мере не только в тюркской, но и в библейской, греческой традиции; ветхозаветное же (через христианское и мусульманское посредство) влияние можно подозревать и у тюрков (см. еще обзоры в (Zhuravlev 2002: 258–260; Surukova 2023]). К этимологии тюрк. *qyrq* ‘сорок’ и возможной его отдаленной связи с рус. *сорок* мы еще вернемся ниже, но предполагать тюркское происхождение русского слова не приходится.

Созвучный с рус. *сорок* термин др.-сканд. *serkr* ‘(исподняя) рубаха’, означавший также ‘200 шкурок пушных зверей’⁷ фонетически не может быть источником рус. *сорок*, а равно и рассматриваемого ниже рус. *сорочка* (поскольку это слово имеет общеславянское происхождение, ПСлав *sarkā, для него скандинавское происхождение выглядит слабо и по хронологическим соображениям) (Vasmer III: 722–723; Chernykh II: 189). Предполагать, что в рубаху, как бы велика она не была, могло помещаться 200 шкурок довольно сложно, поэтому предположение об использовании рубахи для связывания шкурок в свете скандинавской параллели выглядит еще более слабым.

⁶ Корректнее было бы *köpek (ESTuYa 1997: 111–112), но такая форма вовсе не годится на роль источника русского слова.

⁷ Один *serkr* равнялся пяти *тимбрам*, один *тимбр* (этимологически соответствует нем. *Zimmer*, см. прим. 2 выше) — 40 шкур, как рус. *сорок*. Происхождение такого значения сканд. *timbr*, нем. *Zimmer* не ясно, версия о том, что такое количество шкурок складывали между двумя досками, по-видимому, принятая в скандинавистике ([https://sv.wikipedia.org/wiki/Timmer_\(räkneord\)](https://sv.wikipedia.org/wiki/Timmer_(räkneord))), не выглядит убедительной.

Др.-сканд. *serkr*, др.-англ. *serk*, *syrk* ‘(исподняя) рубаха’, по-видимому, действительно заимствованы из средневековой латыни: *sarcia* < *serica* ‘шёлковая рубаха’ (букв. ‘китайская’, ср. еще др.-сканд. *Serkland* как обозначение арабских стран) (de Vries 2000: 471). Предположение М. Фасмера о влиянии семантики *serkr* ‘рубаха’ > ‘счетное слово для шкурок’ на развитие значения рус. *сорок* “в подражание” (Vasmer III: 722) *сорочка* (см. ниже) ни на чем не основано, обратное влияние гораздо вероятнее как в фонетико-семантическом (выбор в скандинавском из различных обозначений ‘рубахи’ именно данного слова в связи с его фонетическим сходством с рус. *сорок* ~ *сорочка*), так и в культурно-историческом плане (русский термин меховой торговли заимствован скандинавами в связи с ввозом русских мехов). Ниже мы рассмотрим возможную индоевропейскую этимологию для *сорок* ~ *сорочка*, которая указывает на самостоятельное развитие фонетического облика и семантики русских слов, вследствие чего отпадает необходимость в предположении о влиянии скандинавского термина на русский, и даже с точки зрения чисто этимологической более обоснованным выглядит русское влияние на развитие семантики скандинавского слова.

Термин *сорок* в своем изначальном значении (ср. еще приведённую выше форму *сорочькъ*) безусловно связан с *сорочка*: даже чисто морфологически “*сорокъ* — не более чем мужской вариант существительного *сорочка*, *сорочица*” (Chernykh II: 189), следовательно в этимологическом плане эти слова нужно рассматривать вместе, и все остальные параллели разбирать только в свете этой этимологии.

Рус. *сорочка*, ц.-сл. *срака*, *сраки*, *срацица* ‘хитон, рубаха’, болг. *срака* ‘короткая белая рубашка’, слов. *sráčica* ‘рубашка’ восходят к ПСлав *sarkā ‘рубаха’ ~ лит. *šar̃kas* ‘одежда, суконный кафтан рыбаков’, *švar̃kas* ‘пиджак’, лтш. *svārks* ‘пиджак, сюртук’. Появление -v- в балтских словах объясняют влиянием лит. *švar̃ūs* ‘чистый, опрятный’ (Vasmer III: 724) — однако ср. с.-х. *svr̃āka*, болг. *сврака* ‘рубашка’ (Smoczyński 2007: 624)⁸. Аналогичное развитие см. в ц.-сл., болг. *сврака* наряду с *срака* ‘соро́ка’, что, учитывая, видимо, полаб. *svorko* ‘соро́ка’, дает основание говорить о ПСлав *svarkā наряду с *sarkā ‘сорока’, и возникновение формы с -v- здесь объясняют уже влиянием

⁸ В (BER VII: 408) болгарского *сврака* просто нет, статья “*срака*”, включая объяснение лит. *švar̃kas*, практически переписана с Фасмера.

*svbrčati ‘трещать, стрекотать’ (Vasmer III: 723; BER VI: 564). По-видимому, появление эпентетического -v- может быть объяснено разными причинами, но в славянских языках скорее всего следует предполагать стремление избежать омонимии с дериватами от слав. ‘сассāге’.

Если принимать версию о едином и достаточно древнем (балто-славянском в свете литовских параллелей) происхождении ПСлав *sarkā ‘рубaha’ и др.-рус. *сорок* ‘связка из 40 шкурок’, то появляется интересная возможность предложить для обоих слов индоевропейскую этимологию: ПИЕ **ker-* ‘шнур, нить в ткани; плести, завязывать’ > арм. *sari-k* pl. ‘лента, шнур’ (< *kreiā), *sard* ‘паук’ (< **kr̥-ti-*), греч. *καῖρος* (< **kr̥i-os*) ‘шнур, которым связывают ткань’, *καίρωμα* ‘тж., ткань’, *κερία* ‘ремни, образующие основу ложа’ (IEW: 577). Греко-армянская параллель имеет достаточно надёжные соответствия в индоарийском, почему-то не учтённые до сих пор в этимологических словарях: др.-инд. *śarkarī-*, *śakvarī-* ‘пояс, ремень’, которое рассматривается в одном гнезде с *śr̥ṅkhalā* ‘цепь, оковы, путы’, разлагаемого на **śr̥-ñ-* + **khal-*. Второй компонент предполагаемого композита находят еще в *mékhalā* ‘пояс, ремень’, а в чистом виде он же, возможно, представлен в *khādī-* ‘браслет, кольцо’; чередование *kar ~ *khal ~ *khād* может указывать на заимствование из языков мунда. Выделяемый таким образом др.-инд. **śr-* / **śar-* с реконструируемым значением ‘ремень, веревка’ может восходить к ПИЕ **kr̥-* / **ker-* (KEWAI I: 308; II: 260; III: 289). ПСлав *sarkā ‘рубaha’ и др.-рус. *сорок* ‘связка (шкурок)’ (< *sarkъ) успешно дополняют данную этимологию, поскольку могут быть возведены к ПИЕ **kr̥-k-* ‘нить, шнур, ткань’ (‘ткань’ > ‘сорочка’, ‘шнур’ > ‘связка шкурок’).

В связи с возможностью реконструкции ПИЕ **kr̥-k-* ‘нить, шнур, ткань’ и развитием на базе этого корня числительного ‘40’ в русском языке нельзя не заметить сходства с этой реконструкцией тюрк. *qyrq ‘сорок’, которое не имеет удовлетворительной внутритюркской этимологии (см. ESTuYa 2000: 237⁹): тюркское числительное выглядит как возможное заимст-

⁹ Авторы (EDAL: 224, 824), сопоставив тюрк. *qyrq ‘сорок’ с монг. *kori и тунг. *xorin ‘двадцать’ предложили смелую версию об Палт **k̆ir-k̆ir* ‘20+20’ > тюрк. *qyrq ‘40’. Помимо фонетических трудностей

ование из кентумного деривата этой индоевропейской основы, если допустить возможность развития параллельного славянскому **k̑r-k-* ‘шнур’ > **sarkъ* ‘связка’ > ‘сорок’ в языке-источнике заимствования.

Кентумным языком-источником заимствования в пратюркский мог быть тохарский (см. исчерпывающий новейший критический обзор тохарских заимствований в пратюркском (Dybo 2007: 125–135)). У ПИЕ **k̑r-* / **k̑er-* обнаруживается надёжный дериват в тохарских: тох. А, В *kärk-* ‘связывать’ (ср. также А *kärkšim* ‘оковы, пути, цепи’, В *kerketstse* ‘оковы’, *šerkw* ‘шнур, нить’) (Carling 2008: 165–166; Adams 1999: 162, 195, 633). Это тохарское слово традиционно сравнивают с лит. *keĩgti* ‘соединять, связывать, повязать’ (Smoczyński 2007: 277; Adams 1999: 162). В силу единичности и отдаленности параллели она не кажется слишком надёжной, и тох. *kärk-* можно рассматривать как дериват реконструируемого здесь ПИЕ **k̑r-* / **k̑er-*, вообще не принимая во внимание литовский глагол, в котором в таком случае можно видеть просто случайное схождение. Однако можно предположить, что в лит. *keĩgti* мы имеем типичный пример «неполной сатемизации» (см. о балтославянской «неполной сатемизации» в (Dini 2002: 93–94), о древних истоках этого явления в (Lipp 2009: 10–19))¹⁰, тогда и литовское слово можно возводить к тому же ПИЕ **k̑r-* / **k̑er-* ‘шнур, нить в ткани; плести, завязывать’, благодаря чему и данная ПИЕ реконструкция получает дополнительную поддержку, и литовско-тохарская параллель не выглядит странным экзотизмом.

Возвращаясь к проблеме тюрк. **qyrq* ‘сорок’, приходится признать, что среди известных сегодня дериватов тох. *kärk-* ‘связывать’ не находится указаний на развитие ‘связка’ > ‘множество; сорок’, однако наличие параллели такой семанти-

эта этимология, к сожалению, не очень убедительна и в словообразовательном плане: в соответствии с нормальным алтайским синтаксисом **k̑r-k̑r* означало бы скорее ‘двадцать двадцаток’, то есть ‘400’, а не ‘40’.

¹⁰ Замечено, что «неполная сатемизации» имела место в соседстве **k̑* с сонантами, в частности — с **r* (ср. рус. *корм* ~ лит. *šerti* ‘кормить (животных)’ или рус. *свекор* ~ лит. *šėšuras* ~ др.-инд. *śváśura-*, лит. *gaĩdas* ‘ограда, загон’ ~ *žaiĩdis* ‘ограда, загон для лошадей’ и др.) (Lipp 2009: 10–15), и наш пример попадает в этот ряд.

ческой эволюции в русском и очевидное участие тохаров в трансконтинентальной торговле (в том числе и пушной) на Шелковом пути, позволяют надеяться на возможность обнаружения в новых тохарских текстах таких указаний — в этом случае можно будет вернуться к обсуждению тохарской этимологии тюрк. **qyrq*¹¹.

Сокращения названий языков

арм. — армянский, бел. — белорусский, болг. — болгарский, греч. — (древне)греческий, др.-англ. — древнеанглийский, др.-инд. — древнеиндийский, др.-рус. — древнерусский, др.-сканд. — древнескандинавский, лит. — литовский, лтш. — латышский, монг. — (пра)монгольский, н.-греч. — новогреческий, ПАлт — праалтайский, ПИЕ — праиндоевропейский, полаб. — полабский, ПСлав — праславянский, рус. — русский, слав. — славянский, слов. — словенский, с.-х. — сербско-хорватский, тох. — тохарские (А и В), тунг. — (пра)тунгусский, тюрк. — (пра)тюркский, удм. — удмуртский, ц.-сл. — церковнославянский.

Литература

- Adams, D. Q. 1999: *A dictionary of Tokharian B* / Leiden Studies in Indo-European, 10. Amsterdam; Atlanta.
- BER — *Bългарски etimologichen rechnik [Bulgarian etymological dictionary]*. Vol. 1–8. Sofia, 2010–2017.
Български етимологичен речник. Т. 1–8 / Отг. ред. Т. А. Тодоров и др. София, 2010–2017.
- Carling, G. 2008: Carling G., Pinault G.-J., Winter W. *A dictionary and thesaurus of Tokharian A*. Vol. 1: Letters a – j. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Chernykh, P. Ya. I–II: *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language]*. Vol. 1–2. Moscow.
Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. М., 1999.
- Dini, P. U. 2002: *Baltiyskie yazyki [Baltic languages]*. Moscow.
Дини П. У. *Балтийские языки* / Ред., пред. В. Н. Топорова. М., 2002.
- Dybo, A. V. 2007: *Lingvisticheckie kontakty rannikh tyurkov [Linguistic contacts of the Early Turks]*. Moscow.
Дыбо, А. В. 2007: *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период*. М.: Восточная литература.

¹¹ Благодарю А. В. Савельева и С. А. Бурлак за ценные консультации.

- EDAL: Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological dictionary of Altaic languages*. With assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov / Handbook of Oriental Studies / Handbuch Der Orientalistik. Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8. Leiden, 2003.
- ESBM I–XIV: *Etimalagichny slovník belaruskay movy* [Etymological dictionary of the Belorussian language]. Vol. 1–14. Minsk. *Этімалагічны слоўнік беларускай мовы* / Укл. Цыхун Г. А. і ін. Т. I–XIV. Мінск: Беларуская навука, 1978–2017.
- ESTuYa 1997: *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы "К" (~"Г") и "Қ" (~"Ѓ" ~"К")*. Выпуск первый / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: «Языки русской культуры», 1997.
- ESTuYa 2000: *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву Қ* / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
- EWU: *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993–1994.
- Fałowski, A. 2011: The East-Slavonic *sorok* revisited. *Studia etymologica Cracoviensia*, 16. Kraków, 7–15.
- IEW: Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; Wien, 1959.
- KEWAI I–IV: Mayhofer, M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.
- Lipp, R. 2009: *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen*. Band I. Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni. Heidelberg.
- Lukinova, T. B. 2000: *Chislivnyky v slov'an'skikh movakh* [Numerals in Slavic languages]. Київ. *Лукінова Т. Б. Числієвники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис)*. Київ: Наукова думка, 2000.
- Napol'skikh, V. V. 2023: К *etimologii rus. sorok* [To the etymology of Russ. *sorok*]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 3. Moscow. *Напольских В. В. К этимологии рус. сорок // Живая старина*, №3. Москва, 2023.
- Russkoe posol'stvo [Russian embassy].
Русское посольство (гравюра 1576 года) // Интернет-ресурс,
URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_посольство_\(гравюра_1576_года\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_посольство_(гравюра_1576_года))
(дата обращения 25.04.2023)

- Sreznevsky, I. I. I–III: *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of Old Russian in the written sources]. Vol. 1–3. Saint-Petersbourg.
Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. СПб.: Имп. Академия наук, 1893–1912.
- Suprun, A. E. 2020: *Slavyanskije chislitel'nye* [Slavic numerals]. Minsk.
Супрун А. Е. *Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи*. Научное электронное издание. Минск: БГУ, 2020.
- Surikova, O. D. 2023: «Na sorok sorokov sorok sorok priletает...»: simbolika chisla sorok v kostromskikh govorakh [«On the forty forties forty magpies come flying...» Symbolism of the number forty in the Kostroma dialects]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 3. Moscow.
Сурикова О. Д. «На сорок сороков сорок сорок прилетает...»: Символика числа сорок в костромских говорах // *Живая старина*, №3. Москва, 2023.
- SISlov I–VII: *Slovník slovenského jazyka* / Red. Š. Peciar. D. I–VII. Bratislava: Slovenska Akadémia vied, 1960–1971.
- Smoczyński, W. 2007: *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius.
- Trueview: [Trueview] *Numerals: sorok* // Интернет-ресурс, URL: <https://trueview.livejournal.com/246863.html> (дата обращения 25.04.2023)
- Vasmer, M. I–IV: *Etymologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow.
Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4 / Пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева. М.: «Прогресс», 1986–1987.
- Vries, J. de 2000: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden; Boston; Köln.
- Zholobov, O. F. 2006: Chislitel'nye [Numerals]. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical grammar of the Old Russian]. Moscow.
Жолобов О. Ф. Числительные / *Историческая грамматика древнерусского языка* / Ред В. Б. Крысько. Том IV. М.: Азбуковник, 2006.
- Zhuravlev, A. F. 2002: [Some Slavic-Non Slavic cultural and language couplings]. *Vstreichi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte* [Interactions of ethnic cultures in comparative linuo-cultural aspect]. Moscow.
Журавлев А. Ф. Несколько славяно-неславянских культурно-языковых встреч (1. Троян. 2. 'Сорок'. 3. Русск. диал. *Оплетай*) *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте*. М.: Наука, 2002, 253–261.

Е. С. Наумова

Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет). Россия. naoumova_e_s@mail.ru

МИФОПОЭТИКА ГЕЛИОСА В ТРАКТАТЕ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО «О СОТВОРЕНИИ МИРА»

Цель нашей работы — выяснить специфику изображения Солнца в библейском трактате Филона Александрийского «О сотворении мира» путем анализа контекстов со словом ἥλιος и понять, можно ли говорить о мифопоэтике Солнца у этого автора.

Основным нашим выводом является то, что, с одной стороны, Филон продолжает древнегреческую мифопоэтическую традицию изображения Солнца, идущую еще от Гомера, а с другой стороны, добавляет в него глубокое философское содержание, основываясь на идеях предшествующей ему греческой философии.

Ключевые слова: мифопоэтика, световая лексика, Гелиос, Солнце, Филон Александрийский, изображение времени.

E. S. Naumova

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University).
Russia. naoumova_e_s@mail.ru

The mythopoetics of Helios in Philo of Alexandria's treatise *On the Creation of the World*

As the researcher of Philo of Alexandria E. D. Matusova points out, the so-called biblical treatises of this author «are a philosophical allegorical commentary on the Greek translation of the Pentateuch of Moses, as well as the prophets and psalms (Septuagint)» (Matusova 2008: 770). Of the 37 more or less fully preserved treatises of Philo, 29 are biblical.

Our research aims at a most detailed consideration of contexts with the words of the semantic field of light in one of Philo's biblical treatises, *On the Creation of the World*. The purpose of our work is to find out the specifics of the image of sun in Philo and try to understand whether it is possible to talk about the mythopoetics of sun in this author. By mythopoetics we mean «the section of poetics that studies the mythological structures of the work», «the fundamental inclusion of myth (mythological plot, image, motif, etc.) in the text of the work» (Gabrielyan 2018: 163).

The subject in consideration are the contexts with the word ἥλιος 'sun'. According to the Full Index of Greek words of the Writings of Philo of Alexandria (Borgen, Fuglseth, Skarsten 2000), other Greek words of the semantic field of light in his treatises include i.a.: ἀκτίς 'ray' 14 occurrences; ἀγλή 'radiance, light, ray' 55; λαμπρός 'light, brilliant' 204; φῶς 'light' (and cognate φωσφορέω, φωσφόρος, φωτίζω, φωτισμός,

φωτοειδής) 358–359, etc. A detailed study of contexts with all these words is beyond the scope of this study, except for those cases where they appear together with ἥλιος.

Our main conclusion is that, on the one hand, Philo continues the ancient Greek mythopoetic tradition of depicting sun that goes back to Homer and, on the other hand, imbues it with a deep philosophical content based, primarily, on Platonism.

Keywords: mythopoetics, light vocabulary, Helios, the sun, Philo of Alexandria, the image of time.

1. Введение

Как указывает исследователь творчества Филона Александрийского Е. Д. Матусова, т. н. библейские трактаты этого автора «представляют собой философский аллегорический комментарий к греческому переводу Пятикнижия Моисея, а также пророкам и псалмам (Септуагинте)» (Matusova 2008: 770). Из 37 более или менее полно сохранившихся трактатов Филона таких произведений 29.

В своем труде по позднему эллинизму А. Ф. Лосев приводит основные результаты общего исследования символики и терминологии света у Филона Александрийского, проведенного Ф.-Н. Клейном (Losev 1980: 102–105; Klein 1962¹).

В задачи нашего исследования входит максимально подробное рассмотрение контекстов со словами семантического поля света только в трактате Филона «О сотворении мира». Отметим при этом, что несмотря на то, что, по мнению некоторых (напр., Анна Пассони Дель Аква), поскольку Филон использует философскую экзегезу, к его произведениям следует применять скорее философский, чем филологический подход (Calabi 2003: 24), мы считаем вполне уместным применить к его произведениям филологические методы.

Филон жил на стыке I в. до н. э. и I в. н. э. (ок. 20 до н. э. — ок. 40 н. э.), т. е., по классификации А. Ф. Лосева, в период перехода от среднего к позднему эллинизму, когда в философии неоплатонизма «философия стала мифологией» (Losev 2005: 112). Цель нашей работы — выяснить специфику изображения Солнца у Филона и попытаться понять, можно ли говорить о мифопоэтике Солнца у этого автора. Под мифопоэтикой мы понимаем «раздел поэтики, который изучает

---

¹ К сожалению, на данный момент в силу ряда обстоятельств работа Ф.-Н. Клейна нам недоступна, поэтому в данной работе мы будем опираться на изложение А.Ф. Лосева.

мифологические структуры произведения», «фундаментальную включенность мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т.д.) в текст произведения» (Gabryelyan 2018: 163).

Основным предметом рассмотрения являются контексты со словом ἥλιος Солнце. Подробное изучение контекстов с другими словами семантического поля света в древнегреческом языке, встречающимися в трактатах Филона (по Полному индексу греческих слов Сочинений Филона Александрийского Боргена-Фуглсета-Скарстена (Borgen, Fuglseth, Skarsten 2000: ἀκτίς луч 14; αὐγή сияние, свет, луч 55; λαμπρός светлый, блестящий 204; φῶς свет (а также однокоренные с ним φωσφορέω, φωσφόρος, φωτίζω, φωτισμός, φωτοειδής) 358–359 и др.) выходит за рамки данного исследования, за исключением тех случаев, когда данные слова появляются в тех же местах произведения Филона, что и ἥλιος.

2. Трактат «De officio mundi»: основные характеристики

Отечественный исследователь творчества Филона В.Ф. Иваницкий так характеризует этот трактат Филона: «Сочинение De off. mundi по своей важности для ознакомления с взглядами Филона занимает, несомненно, одно из первых мест в ряду всех трудов нашего автора. (...) Его цель — дать философски осмысленное изложение истории миротворения в ее целом; причем последняя интересует Филона опять-таки не сама по себе, а со стороны своей связи с Моисеевым законодательством, как введение в него» (Ivanitsky 1911: 247–248).

Как считает Е. Д. Матусова, основная задача аллегорического комментария Филона к Септуагинте «усмотреть как можно больше тем, связанных со специальной, по преимуществу, платонической, этикой и теологией в ветхозаветном тексте» (Matusova 2000: 22). У Филона «на первом месте оказывается Моисей, затем Пифагор (либо пифагорейцы), непосредственно за которым следуют Сократ, Платон, а также Аристотель и перипатетики» (Matusova 2001: 46).

В. Н. Зацепин отмечает, что «у Филона законы Моисея являются истинной философией» (Zatsepin 2004: 132).

Что касается общего построения трактата, К. Шенк в общем обзоре творчества Филона замечает, что в нем «выдерживается основная сюжетная линия рассказа о сотворении мира. Трактат делится на две части, соответственно двум рассказам о

сотворении. Грубо говоря, первые две трети трактата представляют собой комментарий на 1-ю главу Бытия (13–128), а последняя треть — на 2-ю и 3-ю главы (129–170а)» (Шенк 2007: 164).

Обратимся теперь к анализу имеющихся контекстов со словом ἥλιος.

3. Контексты со словом ἥλιος Солнце

Прежде всего, следует отметить, что практически везде по ходу трактата Солнце неотделимо от Луны и других планет и неподвижных звезд, и, в отличие, скажем, от ранних (напр., гомеровских) представлений, не воспринимается отдельно от них, как самостоятельно действующий персонаж (как в *Hom. Od. I. 9*). Частично такое представление мы встречаем уже у Гомера, когда применяются формулы ὑπ' ἡῶ τ' ἡέλιόν τε (*Hom. II. V, 267*), πρὸς ἡῶ τ' ἡέλιόν τε (*Hom. II XII, 239; Od. IX, 26*)², а у Гесиода в «Теогонии» в группе с Эос и Гелиосом появляется уже и Селена Ἡῶ τ' Ἡέλιόν τε μέγαν λαμπράν τε Σελήνην (*Hes. Theog. 19*).

В связи с этим необходимо отметить, что восприятие световых божеств как особой группы характерно уже для V в. до н. э., когда, по словам исследователя их иконографии Леона Лакруа, в целом растет общее число вазовых и скульптурных их изображений, что указывает нам «на то место, которое астральные божества стали занимать в умах греков с начала V в. до н. э.» (Lacroix 1974: 105; Naumova 2023: часть 3).

В труде же Филона основным в восприятии Солнца следует считать то, что оно создается из бестелесного, умопостигаемого света, который Творец создает «в первую очередь»:

Orif. 29, 1: πρῶτον οὖν ὁ ποιῶν ἐποίησεν οὐρανὸν ἀσώματον καὶ γῆν ἀόρατον καὶ ἀέρος ἰδέαν καὶ κενού· ὧν τὸ μὲν ἐπεφήμισε σκότος, ἐπειδὴ μέλας ὁ ἀήρ τῇ φύσει, τὴν δ' ἄβυσσον, πολύβυθον γὰρ τὸ γε κενὸν καὶ ἀχανές· εἴθ' ὕδατος ἀσώματων οὐσίαν καὶ πνεύματος καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἐβδόμου φωτός, ὃ πάλιν ἀσώματων ἦν καὶ νοητὸν ἡλίου παράδειγμα καὶ πάντων ὅσα φωσφόρα ἄστρα κατὰ τὸν οὐρανὸν ἔμελλε συνίστασθαι.

«Итак, в первую очередь Творец создал бестелесное небо и невидимую землю, и идею воздуха и пустоты; из которых одну

² См. подробно о Гелиосе и Эос у Гомера: Naumova 2017: 40, 42–43.

он назвал мраком, так как воздух черный по природе, другую — бездной, так как пустота очень глубока и необъятна; затем бестелесную сущность воды и духа и затем, седьмой, — свет, который также был бестелесным, и умопостигаемый образец **Солнца**, и всех других светил, которые должны быть на небе»³.

Ср. также:

Opif. 33, 1: μετὰ δὲ τὴν τοῦ νοητοῦ φωτὸς ἀνάλαμπιν, ὃ πρὸ **ἡλίου** γέγονεν, ὑπεχώρει τὸ ἀντίπαλον σκότος, διατειχίζοντος ἀπ' ἀλλήλων αὐτὰ καὶ διστάντος θεοῦ τοῦ τὰς ἐναντιότητας εἶς εἰδότος καὶ τὴν ἐκ φύσεως αὐτῶν διαμάχην.

«А после того, как воссиял умопостигаемый свет, который родился до **Солнца**, его противник мрак отступал; Бог отгородил их стеной друг от друга и разделил, хорошо зная об их противоположностях и о борьбе между ними».

Между днем и ночью Творец создает границы:

Opif. 34, 1; 34, 1: οὗτοι δ' εἰς ἐσπέρα τε καὶ πρωῖα, ὧν ἡ μὲν προευαγγελίζεται μέλλοντα **ἡλιον** ἀνίσχειν ἡρέμα τὸ σκότος ἀνείργουσα, ἡ δ' ἐσπέρα καταδύντι ἐπιγίνεται **ἡλίῳ** τὴν ἀθρόαν τοῦ σκότους φορὰν πρῶως ἐκδεχομένη.

«А это вечер и утро, из которых последнее возвещает благуя весть о том, что **солнце** вот-вот взойдет и сдержит мрак, а вечер следует за заходящим **солнцем** и мягко готовит общее наступление темноты».

Солнце необходимым образом противостоит мраку, как день — ночи:

Opif. 30,4: Προνομίας δὲ τὸ τε πνεῦμα καὶ τὸ φῶς ἤξιοῦτο· τὸ μὲν γὰρ ὠνόμασε θεοῦ, διότι ζωτικώτατον τὸ πνεῦμα, ζωῆς δὲ θεὸς αἴτιος, τὸ δὲ φῶς <φησιν> ὅτι ὑπερβαλλόντως καλόν· τοσοῦτω γὰρ τὸ νοητὸν τοῦ ὁρατοῦ λαμπρότερόν τε καὶ αὐγοειδέστερον ὄσῳ περ **ἡλιος**, οἶμαι, σκότους καὶ ἡμέρα νυκτὸς καὶ [τὰ κριτήρια] νοῦς, ὃ τῆς ὅλης ψυχῆς ἡγεμών, ὀφθαλμῶν σώματος.

«А дух и свет он считал достойными первенства; дело в том, что первое он назвал дыханием божьим, так как дух в высшей степени преисполнен жизни, а бог — причина жизни, а о свете <он говорит> что он чрезвычайно прекрасен; ибо настолько умопостигаемое лучезарнее и блистательнее видимого, насколько **солнце**, я думаю, — мрака, день — ночи, а ум, предводитель всей души, — внешних чувств, глаз тела».

³ При переводе контекстов Филона на русский язык нами использованы издание: Rupia 2001. Благодарим также к.ф.н., доцента кафедры классической филологии Я. Л. Забудскую за обсуждение работы.

Говоря дальше о сотворении мира, Филон ставит между невидимым и умопостигаемым светом и сотворенным Солнцем божественный Логос:

Orif., 31, 4: τὸ δὲ ἀόρατον καὶ νοητὸν φῶς ἐκεῖνο θεῖου λόγου γέγονεν εἰκὼν τοῦ | διερμηνεύσαντος τὴν γένεσιν αὐτοῦ· καὶ ἔστιν ὑπερουράνιος ἀστήρ, πηγὴ τῶν αἰσθητῶν ἀστέρων, ἦν οὐκ ἂν ἀπὸ σκοποῦ καλέσειεν ἂν τις παναύγειαν, ἀφ' ἧς ἥλιος καὶ σελήνη καὶ οἱ ἄλλοι πλάνητές τε καὶ ἀπλανεῖς ἀρύττονται, καθ' ὅσον ἐκάστω δύναμις, τὰ πρέποντα **φέγγη**.

«А этот невидимый и умопостигаемый свет стал образом божественного Логоса, который истолковал его творение. И (этот свет) есть наднебесная звезда, источник видимых звезд, которую вы бы не ошиблись, назвав «средоточием света», от которого **Солнце** и Луна, и другие планеты и неподвижные [звезды] черпают, насколько у каждой имеется способность, соответствующее **сияние**».

По мнению Филона, когда мир был уже сотворен, а людей еще не было, Творец понимал, какими они будут, что они сосредоточат «свою цель на том, что вероятно и убедительно и содержит много разумного, но не на неизменной истине» и будут доверять «явлениям, а не Богу, тем самым демонстрируя восхищение софистикой, а не мудростью» (*Orif.* 45, 3). Он продолжает:

Orif. 45, 5: κατιδόντες τε αὖθις τὰς ἡλίου καὶ σελήνης περιόδους, δι' ὧν θέρη χειμῶνες καὶ ἔαρος καὶ μετοπώρου τροπαί, τῶν ἐκ γῆς ἀνὰ πᾶν ἔτος φουμένων καὶ γιγνομένων ἀπάντων αἰτίας ὑπολήφονται τὰς τῶν κατ' οὐρανὸν ἀστέρων περιπολήσεις, ἵνα μηδενὶ γενητῶ τὰς πρώτας ἀνατιθέναι τινὲς τολμῶσιν ἢ διὰ θράσος ἀναίσχυντον ἢ δι' ἀμαθίαν ὑπερβάλλουσαν, ἀναδραμέτωσαν, φησί, ταῖς διανοίαις ἐπὶ τὴν πρώτην τῶν ὄλων γένεσιν, ὅτε πρὸ ἡλίου καὶ σελήνης παντοῖα μὲν φυτά, παντοίους δὲ καρποὺς ἤνεγκεν ἡ γῆ

«А когда они [люди — *Е.Н.*] наблюдают за вращениями **Солнца** и Луны, посредством которых происходят лето и зима, а также весеннее и осеннее солнцестояния, они могли бы предположить, что именно обращения небесных тел ответственны за появление и рост вещей на земле каждый год. Не желая, чтобы некоторые люди, либо из-за бесстыдной наглости, либо из-за чрезмерного невежества осмелились приписывать первопричины какому-либо сотворенному существу, он [Бог] говорит: Пусть они мысленно вернуться к первому появлению Вселенной, когда, еще до того, как появились **солнце** и луна, на

земле произрастали всевозможные растения и всевозможные плоды».

Далее специальное место Филон уделяет связи времени с Солнцем. В связи с этим отметим, что в древнегреческом поэтическом языке формулы с Солнцем регулярно использовались для описания времени, еще начиная с Гомера (Naumova 2017: 39). И далее в подавляющем числе произведений литературы Солнце регулярно упоминается для характеристики того или иного момента дня.

У Филона же мы читаем:

Opif. 56, 1: τοῦ δὴ σύμπαντος χρόνου διανεμηθέντος εἰς δύο τμήματα, ἡμέραν τε καὶ νύκτα, τῆς μὲν ἡμέρας τὸ κράτος ὁ πατὴρ ἀνεδίδου τῷ ἡλίῳ, οἷα μεγάλῳ βασιλεῖ, τῆς δὲ νυκτὸς σελήνῃ καὶ τῷ πλήθει τῶν ἄλλων ἀστέρων.

«Поскольку, очевидно, все время было разделено на две части, день и ночь, Отец передал власть над днем Солнцу, как великому царю, в то время как власть над ночью была дана Луне и множеству оставшихся звезд».

Благодаря Солнцу существуют и времена года:

Opif. 60, 1: γεγόνασι δὲ καὶ πρὸς μέτρα χρόνων ἡλίου γὰρ καὶ σελήνης καὶ τῶν ἄλλων τεταγμέναις περιόδοις ἡμέραι καὶ μῆνες καὶ ἐνιαυτοὶ συνέστησαν.

«А они [времена года — Е.Н.] также появились для того, чтобы служить мерами времени, ибо благодаря упорядоченным вращениям Солнца, Луны и других небесных тел были созданы дни, месяцы и годы».

Отождествление Солнца с Зевсом мы встречаем, пожалуй, впервые в более или менее ясной форме у Софокла, когда в «Эдипе-царе» Гелиос называется «вождем всех богов» (Soph. *O.T.* 660), а в «Эдипе в Колоне» Зевс, в свою очередь, принимает на себя характеристики солнечного божества: в образе «всегда смотрящего диска Зевса» (Soph. *O.C.* 704–705) два божества полностью объединены (Naumova 2017: 62, 66). У Филона же о величии и господстве Солнца говорится в связи с управлением днем:

Opif. 57, 1: τὸ δὲ μέγεθος τῆς περὶ τὸν ἡλιον δυνάμεως καὶ ἀρχῆς ἐμφανεστάτην πίστιν ἔχει τὴν λεχθεῖσαν ἤδη· εἷς γὰρ ὢν καὶ μόνος ἰδίᾳ καὶ καθ' αὐτὸν ἥμισυ τμήμα τοῦ σύμπαντος χρόνου | κεκλήρωται τὴν ἡμέραν, οἱ δ' ἄλλοι πάντες μετὰ σελήνης θάτερον ὁ κέκληται νύξ·

«А величие силы и господства, которыми обладает **Солнце**, наиболее ясным доказательством имеет то, что уже было сказано: дело в том, что хотя солнце едино и совершенно одиноко само по себе, ему отведен день, составляющий половину всего времени, тогда как все остальные небесные тела вместе с Луной, являются другой половиной, которая была названа ночью».

Рассуждая еще раз о весеннем и осеннем равноденствиях, Филон отмечает:

Orif. 116, 1: ὁ τε μέγας ἡγεμὼν ἡμέρας ἥλιος διττὰς καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν ἀποτελῶν ἰσημερίας, ἕαρι καὶ μετοπώρῳ, τὴν μὲν ἑαρινὴν ἐν κριῶ, τὴν δὲ μετοπωρινὴν ἐν ζυγῶ, ἐναργεστάτην παρέχεται πίστιν τοῦ περὶ τὴν ἐβδόμην θεοπροποῦς:

«Великий правитель дня, **Солнце**, совершая два равноденствия каждый год, весной и осенью — весеннее равноденствие в Овне, а осеннее — в Весах, — дает ярчайшее доказательство величия семи».

Как он пишет далее, объясняется это тем, что «каждое из этих равноденствий приходится на седьмой месяц, и в обоих случаях законом предписано отмечать самые крупные и популярные общественные праздники». К. Шенк, обращаясь к этому месту, отмечает, что рассуждению о цифре 7 посвящена «значительная часть трактата», «позволяющая нам в полной мере оценить его любовь к игре чисел, а также влияние, оказанное на его мировоззрение пифагореизмом (89–128)» (Шенк 2007: 164–165).

Говоря же далее о человеке, Филон утверждает:

Orif. 147, 5: πρὸς δὲ καὶ οὐράνιον, διὰ τῆς ἡγεμονικωτάτης τῶν αἰσθήσεων ὄψεως ἥλιῳ καὶ σελήνῃ καὶ ἐκάστῳ τῶν ἄλλων ἁστέρων πλανήτων καὶ ἀπλανῶν συνεγγίζων

«(...) к тому же, он является и небесным, потому что с помощью зрения, самого направленного из чувств, он приближается к **Солнцу** и Луне, а также к каждой из других планет и неподвижных звезд».

Заметим, что о «связи между светом, испускаемым телом одушевленным или неодушевленным, и даром зрительного восприятия источника этого света» говорил в свое время еще Шарль Мюглер в специальном исследовании «Гелиос у Гомера» (Mugler 1976: 285). Слова, связанные со зрением солнечного божества, с его остротой, являются одной из основных его характеристик, начиная с Гомера (Naumova 2017: 48–49).

Но главным в характеристиках Солнца остается, со времен сотворения мира, его сияние:

Orif. 168, 1: οἶμαι γὰρ ἄν ὥσπερ ἥλιον καὶ σελήνην αἰεὶ φωσφορεῖν ἅπαξ κελευσθέντας ἅμα τῇ πρώτῃ γενέσει τοῦ παντός καὶ τὸ θεῖον πρόσταγμα διατηρεῖν οὐδενὸς ἐτέρου χάριν ἢ ὅτι | τῶν ὄρων οὐρανοῦ μακρὰν κακία πεφυγᾶδεται

«Дело в том, что я верю, что точно так же, как **Солнце** и Луна всегда **сияют** после того, как им однажды было приказано сделать это при первом зарождении Вселенной, и продолжают соблюдать божественное повеление только по той причине, что зло было изгнано далеко за пределы небес».

4. Заключение

Таким образом, основным нашим выводом из рассмотрения контекстов со словом ἥλιος у Филона следует признать то, что, с одной стороны, он продолжает древнегреческую мифопоэтическую традицию изображения Солнца, идущую еще от Гомера, а, с другой стороны, добавляет в него глубокое фило-софское содержание, основываясь на идеях предшествующей ему греческой (в первую очередь, платоновской) философии.

Литература

- Borgen, P., Fuglseth, K., Skarsten, R. 2000: *The Philo Index. A Complete Greek Word Index to the Writings of Philo of Alexandria*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, Cambridge, U.K. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Calabi, F. 2003: *Italian Studies on Philo of Alexandria* / ed. by Calabi F. Boston: Brill Academic Publishers.
- Gabryelyan, O. A. 2018: [Mythopoetics of Culture: towards a Possible Research Methodology]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University] 4 (40), 3, 158–166.
- Габриелян, О. А. 2018: Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*. Философия. Политология. Культурология. 4 (40), 3, 158–166.
- Ivanitsky, V. F. 1911: *Filon Aleksandrijskij. Jizn` I obzor literaturnoj deyatelnosti* [*Philo of Alexandria. Life and review of literary activity*]. Kiev.
- Иваницкий, В. Ф. 1911: *Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности*. Киев: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве».
- Klein, F. N. 1962: *Die Lichtterminologie bei Philo von Alexandria und in der hermetischen Schriften. Untersuchungen zur Struktur der religiösen Sprache der hellenistischen Mystik*. Leiden: Brill.

- Lacroix, L. 1974: *Études d'archéologie numismatique*. Paris, De Boccard.
- Losev, A. F. 1980: *Istoriya antichnoy estetiki. Tom VI. Pozdnyy ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Volume VI. Late Hellenism]. Moscow.
- Лосев, А. Ф. 1980: *История античной эстетики. Том VI. Поздний эллинизм*. М.: Искусство.
- Losev A. F. 2005: *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii* [The history of ancient philosophy in a summary] Moscow.
- Лосев, А. Ф. 2005: *История античной философии в конспективном изложении*. М.: ЧеРо.
- Matusova, E. D. 2000: *Filosofskaya ekzegeza Vethogo Zaveta u Filona Aleksandrijskogo: istoki i traditsiya* [Philo of Alexandria's Philosophical Exegesis of the Old Testament: Origins and Tradition. Ph. D. of Philosophy] Moscow.
- Матусова, Е. Д. 2000: *Философская экзегеза Ветхого Завета у Филона Александрийского: истоки и традиция*. Дисс. канд. филос.н. М.
- Matusova, E. D. 2001: [Philo of Alexandria and the Greek Doxography]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 1, 40–52.
- Матусова, Е. Д. 2001: *Филон Александрийский и греческая доксография*. ВДИ 1, 40–52.
- Matusova, E. D. 2008: Filon Aleksandrijskij. In: Antichnaya filosofiya: Encyclopedicheskij slovar. [Philo of Alexandria. In: *Ancient Philosophy: An Encyclopedic Dictionary*] Moscow.
- Матусова, Е. Д. 2008: *Филон Александрийский. Античная философия: Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 769–776.
- Mugler Ch. 1976: Hélios chez Homère. Liberté et servitude, *LAMA (Centre de Recherches Comparatives sur les Langues de la Méditerranée Ancienne, Université de Nice)* 3, 282–288.
- Naumova E. S. 2017: *Apollon i Gelios v grecheskom mire: k probleme otojdestvleniya bogov v antichnoj mifologii i religii* [Apollo and Helios in the Greek World: on the Problem of Identification of the Gods in Ancient Mythology and Religion] Moscow.
- Наумова, Е. С. 2017: *Аполлон и Гелиос в греческом мире: к проблеме отождествления богов в античной мифологии и религии*. М.: Русайнс.
- Naumova, E. S. 2023: [The Mythopoeitics of Helios in Iconography: towards the formulation of the problem] *Kafedra* [Department] 15 (2, 2023) (in press).
- Наумова, Е. С. 2023: *Мифопоэтика Гелиоса в иконографии: к постановке проблемы*. *Кафедра*, 15 (2, 2023) (in press)
- Shenk K. 2007: Philo of Alexandria. *Introduction to life and creativity. [Filon Aleksandrijskij. Vvedenie v jizn I tvorchestvo]*. Moscow.

- Шенк, К. 2007: *Филон Александрийский. Введение в жизнь и творчество*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.
- Runia D. T. 2001: *Philo of Alexandria. On the Creation of the Cosmos according to Moses* (Introduction, Translation and Commentary). Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Zatsepin, V. N. 2004: *Spetsifika religioznogo mirovozzrenia Filona Aleksandriiskogo* [*The specifics of the religious worldview of Philo of Alexandria. Ph.D. of Philosophy*]. Moscow, Ph.D.
- Зацепин, В. Н. 2004: *Специфика религиозного мировоззрения Филона Александрийского. Дисс. канд. филос.н. М.*

Alexander Nikolaev
Ludwig-Maximilians-Universität München, Deutschland.
alexander.s.nikolaev@gmail.com

NEW PHRYGIAN <E>ΔΙΚΕΣ, GREEK ΘΙΓΓΑΝΩ (WITH REMARKS ON MILLER'S LAW AND THE TREATMENT OF *D^HS IN PIE)*

The paper discusses the New Phrygian aorist form <ε>δικες (or αδικες < *adedikest) and argues against its identification with PIE *deik-, proposed by V. Orel. Since Phrygian δ requires PIE *d^h and Phrygian κ appears to go back to PIE *g / *ǵ, a comparison with Greek θιγγάνω, aor. θιγέ/ό- (along with the Delphic hapax θιγανα), MHG *tichen*, and perhaps OIr. *ding* is proposed instead. The Greek verb has sometimes been compared to Ved. *dih-*, Lat. *ingere*, Toch. AB *tsik^a-*, Gk. τεῖχος and derived from PIE *d^hejǵ^h- ‘build up, work clay, fashion’, but apart from the semantic difference, “Miller’s Law” (deaspiration after a nasal) will not account for the -γ- in the Greek root, as the paper argues. At the same time, the possibility of deriving NPhr. <ε>δικες from PIE *d^hig^h-s- via deaspiration in *-D^hs- cluster is tentatively raised.

Keywords: Bartholomae’s Law, deaspiration, Indo-European etymology, Miller’s Law, nasal presents, Phrygian language, “Primärberührungseffekt”, Proto-Indo-European phonology.

A. С. Николаев
Мюнхенский университет им. Людвига-Максимилиана, Германия.
alexander.s.nikolaev@gmail.com

Новофриг. <ε>δικες, др.-гр. θιγγάνω и некоторые наблюдения над «законом Миллера» и развитием и.-е. *D^hs

Предметом настоящей статьи служит новофригийская форма 3 sg. aor. <ε>δικες (или αδικες < *adedikest), которую В. Э. Орел возвел к и.-е. корню *deik-. Исходя из того, что фриг. δ требует реконструкции и.-е. *d^h, а фриг. κ, судя по всему, восходит к и.-е. *g/*ǵ, эта этимология отвергается и взамен предлагается сопоставление с др.-гр. θιγγάνω ‘касаться, трогать’, aor. θιγέ/ό- (а также дельфийским гапаксом θιγανα), ср.-верх.-

---

* I would like to record my gratitude to Alcorac Alonso Déniz, Roberto Batisti, Stefan Höfler, Jay Jasanoff, Sergio Neri, Martin Peters, Brent Vine, Rémy Viredaz and Michael Weiss. It goes without saying that they may or may not agree with my conclusions and that responsibility for the latter as well as for any errors is mine alone. I also gratefully acknowledge support from Alexander von Humboldt Foundation.

нем. *tichen* и, возможно, др.-ирл. *ding*. В статье обосновывается невозможность объяснения -γ- в др.-гр. θιγγ- через т. н. «закон Миллера» (*g^h > γ в позиции после носового) и сопоставления θιγγάνω с вед. *dih-*, лат. *fingerē*, тох. АВ *tsik^ā-*, др.-гр. τεῖχος (и.-е. *d^heǵ^h- ‘строить, лепить’). В качестве альтернативного решения, в статье поднимается вопрос о возможности возведения новофриг. <ε>δικες к и.-е. *d^hig^h-s- с утратой аспирации в группе *-D^hs-.

Ключевые слова: деаспирация, закон Бартоломэ, закон Миллера, индоевропейская этимология, назальные презентные основы, праиндоевропейская фонология, “Primärberührungseffekt”, фригийский язык.

The first sentence (lines 1–4) of the New Phrygian inscription 40.3 Obrador Cursach (= 31 Haas) reads:

ΑΣ ΣΕΜΟΥΝ ΚΝΟΥΜΑΝ ΑΔΙΘΡΕΡΑΚ
ΞΕΥΝΕΟΙ ΔΔΙΚΕΣΣΕΙΑΝ *vac.*
ΜΑΝΚΑΝ ΙΑΝ ΕΣΤΑΕΣ ΒΡΑΤΕΡΕ
ΜΑΙΜΑΡΗΑΝ

The original inscription has not survived and the text is known only from the drawing published by Anderson 1898: 121. The drawing is usually deemed not entirely reliable, prompting a variety of emendations. Most of the words are reasonably well understood, and the sentence can be provisionally translated word-for-word as follows: “in (ας) this (σεμουν) tomb (κνουμαν) Adithrerak¹ (αδιθρερακ — PN) for Xeune (ξευνεοι — PN²) ... stele (μανκαν) that (ιαν) [(s)he] erected (εσταεσ) for [her/his] brother (βρατερε) as a memorial (μαιμαρηαν)³”. A detailed study of this inscription was provided by Neumann 1986.

The sequence ΔΔΙΚΕΣΣΕΙΑΝ, left untranslated above, must contain a verbal form. The initial delta⁴ is usually read as alpha and the sequence is resolved either as αδικεσει αν or as αδικεσ with a

¹ Possibly Αδιθρερασ (with a remarkable -θ-, untypical for Phrygian), either with an emendation of the word-final kappa on the drawing (Neumann 1986: 82) or with an assimilation of the final consonant to the following velar (Orel 1997: 332).

² For Ξευν- as a PN see Obrador Cursach 2020: 314; a possible etymology (< *ksenu-) was proposed by Orel 1996: 18–19. For Hämmig 2019: 289 n. 7 ξευνε / ξευνεοι is not a personal name but an element used in funerary formulae ultimately identical with Gk. ξεῖνε ‘o stranger’. Kowal 1984: 182 makes Ξευνε nom.sg. and the subject of the sentence and analyzes οι as an anaphoric dat.sg. pronoun, which seems syntactically difficult.

³ See also Obrador Cursach 2020: 572 with further bibliography.

⁴ For the delta see Calder 1913: 214 who was able to examine the stone.

pronominal object εἰαν ‘this’ or, possibly, εἶσαν, construed with the following acc. sg. μανκῶν (fem.)⁵. But *contra* Haas 1951: 13 and 1966: 103 there is little reason to read Greek ἀδίκησει ‘will harm, wrong’ in the inscription: such an expression might be expected in a familiar protasis “whoever harms this stele / tomb...” (= NPhryg. τοῦ κακοῦν δακ- / βερ-), but there is no indefinite pronoun in the sentence (and no lacuna in the beginning to accommodate it), Adithrerak being the likely subject, and there is no imprecative apodosis “let him be condemned”, “let Bas not give bread to him”, “let him suffer the curse of Zeus”, *vel sim*. The syntax and meaning of the inscription cannot accommodate Greek ἀδίκησει.

The segmentation ἀδικεῖς εἰαν should therefore be preferred. It is possible to assume a form ἀδ(δ)ικεῖς with a prefix *ad-/ad-* and a simplification of the geminate (cf. ἀδδακετ / ἀδακετ), but the final *-s* strongly suggests an *-es-* aorist form in which an augment would be expected (cf. *edaes* / εἰδαεῖς ‘put’, εἰσταεῖς ‘erected’, (*en-*)*eparkes* / (εν-)επαρκεῖς ‘inscribed’, (ποσ)εκανεῖς ‘dug’). An augmented and prefixed form *adedikest > *adedikes may be posited, with a syncope leading to *αδδικεῖς > ἀδικεῖς, but the evidence for such syncope is limited to the rather uncertain Old Phrygian form *abretoy* (B-05), taken from *aberetoy (= NPhr. ἀββερετοι < **ad-b^her-*) by Brixhe 2004: 62⁶. Alternatively, Neumann 1986: 82 plausibly conjectured <ε>δικεῖς which was widely accepted in subsequent scholarship. The purpose of this paper is to provide a linguistic interpretation of this New Phrygian form.

Orel (1997: 333, 369, 422) translated <ε>δικεῖς by as ‘devoted, dedicated’ and derived it from PIE **deik-* ‘to show’⁷. This appears semantically attractive, assuming that this root underwent the same semantic development in Phrygian as in Italic⁸. This assumption,

⁵ ε<σ>αν was conjectured by Neumann 1986: 81. On these pronominal forms see Obrador Cursach 2020: 90.

⁶ Syncope in ἀδικεῖς was apparently entertained by Diakonoff & Neroznak (1985: 49 n. 76) who posited **ad-e-d^hēk-e-s-t* ‘fecit’ as a possible preform of the Phrygian verb (but *e should have given *a* in Phrygian).

⁷ This analysis was first advanced, as far as I can tell, in Bayun & Orel 1988: 146, but already Kowal 1984: 182 suggested “*geweiht? gestiftet?*”, without commenting on the etymology; the same interpretation is followed by Gorbachov 2005: 204.

⁸ On the semantics of PIE **deik-* and its development in the daughter languages see Nikolaev 2023.

however, is not independently motivated and more importantly, there may be a phonological problem with Orel's solution. The development of PIE voiced stops is a much-vevexed aspect of Phrygian phonology: while it has always been widely agreed that PIE voiced aspirated stops became voiced stops in Phrygian, the outcome of PIE **d* and **g* has been debated, and the once popular *Lautverschiebung* theory taking **d*, **g* to Phrygian *t*, *k* was effectively resuscitated by Lubotsky 2004⁹. For PIE **d* the transition to Phrygian *t* is suggested by *tios*, *tie(i)*, *tian* 'Zeus' (< **dieu-*), 3 sg. ipv. οουιτετου 'may he find' (< **ueid-*) and the preverb *ti(s)* < **d(u)is*, while **g* > *k* is made likely by Phrygian βεκος 'bread' < **b^hh₂ǵo-*, *vrekun* 'idol' < **uergom* and *knaik-* 'woman, wife' < **g^wneh₂ik-*¹⁰. PIE **deǵk-* is in fact likely to be reflected in NPhr. (-)τετικμενος 'condemned'¹¹, showing the phonetic development **d* > *t* (for semantics cf. PGmc. **teihan* 'to accuse' and Hitt. *tekri-* 'derogation, condemnation' < **do/eǵk-ri-*)¹². While the unconditioned devoicing of PIE unaspirated voiced dentals and tectals in Phrygian is not universally accepted¹³, on the balance, the evidence for devoicing appears strong enough to cast doubt on Orel's derivation of <ε>δικες from PIE **deǵk-*. A new solution is called for.

⁹ See also Ligorio & Lubotsky 2013: 185; Ligorio & Lubotsky 2018: 1823–1824; Obrador Cursach 2020: 71–72.

¹⁰ In the past decade new arguments have been advanced in favor of an unconditioned devoicing of PIE unaspirated stops in Phrygian: an Old Phrygian form *petes* 'feet' was identified by Kloekhorst (2015) and analyzed as a reflex of **ped-es*, OPhr. *totin* was plausibly analyzed by Ligorio (2016) as a reflex of **dh₃-ti-* 'gift' (Gk. δόσις), OPhr. *torvetun* was tentatively taken from **doru-* by A. Lubotsky (*apud* Hämmig 2013: 150 n. 52), and unclear OPhr. *tekiset* and *eveteksetiy* were compared to Gk. δέκομαι 'accept', PIE **deǵk-* by Tamsü Polat, Polat & Lubotsky (2020: 51); it is important to emphasize that the recent identifications are extremely tentative. For OPhr. *mekas* 'great' (< **meg^h-h₂-*) see the discussion in Obrador Cursach 2016 (in the latter case the adjacent laryngeal may have played a role).

¹¹ As argued by Meister (1909: 318 n. 1), Neumann (1988: 4), and Lubotsky (2004: 235).

¹² See recently Nikolaev (2023).

¹³ For a critical rejoinder to Lubotsky 2004 see Matzinger 2006. Gorbachov (2008: 95), Sowa (2008: 28 n. 15) and Woudhuizen (2021: 4–5) are likewise skeptical of the devoicing of PIE voiced stops in Phrygian. Woodhouse (2006, 2009) advocated a conditioned devoicing of PIE unaspirated stops in Phrygian.

Since the object of the verb is εσαν / ειαν μανκαν ‘this stele’, it is tempting to derive the Phrygian form from a verbal root referring to a physical activity such as ‘make’, ‘install’ or ‘fashion’. Precisely such a root is attested in Germanic, probably in Greek and perhaps in Celtic. In Middle High German we find a strong verb *tichen* ‘to execute, manage, handle, deal with, get started, boost, push’¹⁴, based on which PGmc. **dejk-* ‘*schaffen, bewerkstelligen, ins Werk setzen*’ has been plausibly reconstructed¹⁵. Reflexes of the same root have been sought in OE *dihtan* ‘to arrange, to set in order’ (< **dihtjan-*) and a few other Germanic forms; however, the descendants of PGmc. **dejk-* have been thoroughly contaminated with the loanword **dihtjan* from Lat. *dictāre* ‘compose’ (cf. OHG *tihitōn* ‘to compose, to dedicate, to prescribe’)¹⁶. This Proto-Germanic root was compared to Gk. θγγάνω, aor. θγγέ/ό- ‘to touch, handle’ as early as W. Wackernagel 1861: 291. On the basis of Greek and Germanic, a root **d^heig-* or **d^heig̃-*, phonologically compatible with NPhr. δικ-¹⁷, can be reconstructed (the possible

¹⁴ See Benecke, Müller & Zarncke 1854–1866: vol. 3, col. 33b (“setze ins werk, versuche, fördere”); Lexer 1872–1878: vol. 2, col. 1432 (“schaffen, treiben, betreiben, ins werk setzen, fördern”).

¹⁵ See Wood 1907: 490–491; Seebold 1970: 152; Kroonen 2013: 95. *EWAhd* 2 col. 641 tentatively suggests that Gmc. *dik-* may be related to PIE **d^heig̃h-* ‘build up, work clay, fashion’ (discussed in the main text below) and the **k* could have been imported from the iterative **dikkō-* (Kluge’s Law) < **dignō-* < ^{TP} **d^hig̃h-neh₂-* (*EWAhd* mistakenly reconstructs **pikkō-*). This is not impossible, cf. Gmc. **smak-* ‘taste’ (MGerm. *Geschmack*) from PIE **smeg^h-* / **smag^h-* (cf. Lith. *smagūris* ‘sweet tooth’, see Fraenkel 1962–1965: 838) which must have got its **-k-* from the iterative **smakkō-/ija-* ‘taste’ (MGerm. *schmecken*), see Lühr 1988: 353–4. The iterative **dikkō-* is actually attested in North Germanic: Icel. *dika* ‘to run’, Far. *dika* ‘to strike, hit, come at speed’, Norw. *dika* ‘to run’, see Ásgeir Blöndal Magnússon 1989: 113; the single *-k-* can be due to analogy to the forms in which degemination took place after a long vowel or a diphthong. (I thank Sergio Neri for his advice on the Germanic material).

¹⁶ See Soeteman 1962: 275; de Vries 1992: 115; *EWAhd* 2 col. 641.

¹⁷ For **d^h* > Phr. *d/δ* cf. **d^heh₁-* > (αδ)δακετ ‘placed’; for **g/g̃* > *k/κ* see the examples cited above in the main text (βεκος ‘bread’, *vrekun* ‘idol’[?], *knaik-* ‘woman, wife’); **g^h/g̃^h* would be expected to give *g/γ*, cf. γεγραμμεναν ‘written’ < **g^hrei(H)-*, Gk. χρίω. Note that NPhr. τυδρεγρουν ‘inedible, unpalatable’ < **dis-d^hreg^{wh}ro-* (Haas 1966: 67, cf. Gk. τρέφω ‘feed, bring up’) shows that there was no Grassmann’s Law in the prehistory of Phrygian.

meaning of this reconstructed root is discussed further below). However, the Greek cognate requires a digression.

The Greek verb has often – but not universally¹⁸ – been explained as an avatar of PIE **d^heiǵ^h-* ‘build up, work clay, fashion’ (Gk. τεῖχος ‘wall’, Arm. *edēz* ‘piled up’, Ved. *dih-* ‘to anoint, smear, plaster’, Luw. *tiššā(i)-* ‘to shape, mold; to make ready, prepare’¹⁹, Lat. *ingere* ‘to shape, fashion’²⁰, Toch. B *tsik^ā-* ‘to form’, etc.). Since the expected outcome of **d^heiǵ^h-* would have been **τιχ-* with Grassmann’s Law, this connection is only possible under the assumption that the plain **g* in Gk. θιγ- was imported from the present stem θιγγάνω < **d^hing^h-ḡne/o-* < **d^hing^h-ḡne/o-*²¹, where the voiced stop would be deaspirated after a nasal, cf. **d^hró-n-b^h-o-* > θρόμβος ‘clot’ : **d^hreb^h-e/o-* > τρέφω ‘thicken, congeal’ or **d^hémb^h-es-* >> θάμβος ‘amazement’ : **d^hḡmb^h-e/o-* > ταφεῖν ‘be astonished’ (cf. Go. *dumbs* ‘mute’)²². This sound change is, in my opinion, beyond doubt; however, its application to the case of θιγγάνω is problematic for two reasons. First, as Gary Miller had convincingly argued, the deaspiration rule applies only after an accented vowel, which is why its effects are lacking in Gk. ὀμφαλός ‘navel’ < **h₃(e)nb^h-l(l)-ó-*, cf. Lat. *umbilicus* ‘id.’, or ὀμφή ‘voice’ < **song^{wh}-éh₂*, cf. Goth. *saggws* ‘song’. But if the deaspiration rule applied after Greek verbal forms became recessively accented, the Law of Limitation would not allow the first syllable of the verbal stem to bear accent, since most of its forms would have either been quadrisyllabic (1 pl. **d^hing^(h)ḡnomes* > θιγγάνομεν, etc.) or have a long vowel in the final syllable (1 sg. **d^hing^(h)ḡnoh₂* > θιγγάνω, etc.), cf. Gk.

¹⁸ LIV² 141 and Beekes 2010: 549 keep the Greek verb apart from the dossier of **d^heiǵ^h-*.

¹⁹ The Luwian verb is a denominative based on **d^heiǵ^h-seh₂-*, see Rieken 2002: 408–410; Katz 2007: 173–174.

²⁰ Note that the *-g-* in Lat. *ingō* is a regular reflex of **g^h* after a nasal; *figūra* ‘form’ and perhaps *figulus* ‘potter’ have adopted the *-g-* from the present stem (unless *figulus* goes back to **d^heiǵ^h-lo-* with an epenthesis).

²¹ The “double nasal” stem is a remodeling of PIE **d^hi-n(e)-g^h-*, thematized as Latin *ingō*; the root vocalism of Arm. *dizanem* was remodeled after that of the aorist, see Jasanoff 2022: 100–104.

²² See Szemerényi 1954: 239; Miller 1977; 2010: 234–237; 2014: 23; Hajnal 2005: 196–198; Kümmel 2013: 168–170; Neri 2017: 137 n. 158; Batisti 2022; and the detailed discussion by Batisti (*forthcoming*).

ἐπόμεια vis-à-vis Ved. *sácāmahe* (accented in subordinate clauses)²³. It is not impossible that Miller's Law applied before the introduction of the Law of Limitation in Greek: since the rule affects voiced aspirated stops that have not yet been devoiced ($*Nb^h > Nb$, not $*Nb^h > *Np^h > Np$, etc.), it must be very old. But even so there would not have been an accented *-í-* in the first syllable of the preform of *θυγάνω*, under the traditional theory that finite verbal forms were unaccented in most syntactic positions in early Greek as they are in Vedic²⁴. It is generally

²³ For the Law of Limitation see e.g. Dieu 2022: 65–86. Stefan Höfler kindly reminds me that the ipv. *θύγαγε* could have played the role of a *forme de fondation*.

²⁴ See e.g. J. Wackernagel 1877; Sihler 1995: 238–9. For a different theory, see Probert 2012 and Hock 2014.

There are accent-conditioned phonological rules in Greek that may be used to determine whether verbal forms in the main clause (that according to Wackernagel's theory were enclitic in the prehistory of Greek) still counted as recessively accented. One potentially diagnostic Proto-Greek phonological rule is the development of accented $*-L̥h_2-$ to Gk. *-αρ/λα-* vis-à-vis unaccented $*-L̥h_2-$ $>$ *-ρ/λα̃-* (see Höfler 2016–2017: 184–191, with references). The development of $*d^h_1r̥h_2g^h-īe/o-$ to *ταράσσω* 'agitate' (cf. *τρᾶχος* 'rough' $<$ $*d^h_1r̥h_2g^h-ū-$), $*sp^{(h)}r̥h_2g-eīe/o-$ $>$ *σφαραγέομαι* 'burn noisily' (cf. *σφραγῖς* '(brand) mark' $\leftarrow$ $*sp^{(h)}r̥h_2g-ó-$, see Tichy 1983: 178–180 und Jochem Schindler *apud* Meier-Brügger 1992: 289), $*pl̥h_2g-īe/o-$ $>$ *παλάσσω* 'splatter (with blood)' (cf. *πλήσσω* 'strike' $<$ $*pl̥h_2g-$, see van Beek 2013) or $*h_2r̥h_2g^h-īe/o-$ $>$ *ἀράσσω* 'beat' (cf. *ρήσσω* 'id.', *ρήχιη* 'breaker of the waves', see Höfler & Nielsen 2022: 81 where the latter forms are traced back to an unaccented root allomorph $*(h_2)r̥h_2g^h-$) appears to suggest that these verbal stems were recessively accented for the purposes of the $*-L̥h_2-$ $>$ *-αρ/λα-* rule. If $*sp^{(h)}r̥h_2g-eīe/o-$ is reconstructed on the basis of the comparison between Gk. *σφαραγέομαι* (= Ved. *sphūrjāya-*), the recessive accent in $*sp^{(h)}r̥h_2g-eīe/o-$, responsible for the development to *-απα-*, can be compared to the recessive accent in $*d^h_1ing^h_2ne/o-$ which can then be made responsible for the application of Miller's Law to the latter form. However, the matter remains quite uncertain, since influence from nominal forms cannot be excluded (e.g. $*sp^{(h)}r̥h_2g-o-$ $>$ (-)σφάραγος 'noise', see Rico 2009 or $*d^h_1r̥h_2g^h-eh_2-$ $>$ *ταραχή* 'tumult', with a secondary oxytone accent³) and an alternative theory that the reflex (-)απα-((-)αλα- is conditioned not by the accent but by the syllable structure ($CL̥HC.C$) was advanced by van Beek 2021. Another potentially diagnostic rule has to do with the development of accented syllabic $*L̥ > *ǎL$ ($>$ *αρ/ορ/αλλ/ολ*) vis-à-vis unaccented $*L̥ > ρα/ρο/λα/λο$, as formulated by Klingenschmitt 1974: 275 (but see the critical disquisition by van Beek 2022): if the rule is correct, Myc. *wo-ze* 'works' may appear to indicate recessively accented $|\u03c5ord^zei/ < *ur̥g-īe/o-$,

disconcerting that Miller's Law has not affected any of the other -άνω presents made from roots ending in an aspirated stop. One might object that μανθάνω and κιγγάνω are post-Homeric, λανθάνω has the trappings of a secondary competitor to λήθω, and in case Homeric τυγγάνω and λαγγάνω there is no comparative evidence for an inherited nasal present in their respective *Averbos*, so it might be possible to dismiss these present stems as innovations and view the aspirated consonant as an import from the thematic aorist (τυγγάνω after τυγέ/ό-, etc.). But this approach inevitably fails in the case of πυνθάνομαι 'learn by inquiry' (pres. 2x *Od.*) for which the reconstruction of a nasal-infixed stem is supported by OIr. *as-boind* 'announces' and Lith. *bundù* 'wake up'. It remains entirely unclear why **d^hing^h-ḡne/o-* would undergo Miller's Law, while **b^hund^h-ḡne/o-* did not. Secondly, and perhaps more importantly, the present stem θιγγάνω is first attested in fifth-century Attic drama, while thematic aorist θιγέ/ό- is already found in Archilochus (fr. 118 W.²): this attestation pattern makes it somewhat unlikely that aor. θιγέ/ό- was remodeled after the pres. θιγγάνω. It does not seem, therefore, that the deaspiration rule ("Miller's Law") can be used to explain the plain -γ- in θιγγάνω, θιγεῖν²⁵ which matches the -k- of NPhr. δικ- (at least, in Lubotsky's phonology).²⁶

An additional argument in favor of a connection between NPhr. δικ- and Gk. θιγ- may be sought in a dialectal Greek hapax, used in the inscription on the Cippus of the Labyadai (5th–4th cent. BCE, *DGEEP* 323 = *CID* 1.9). In the section C of the inscription which is concerned with funerary rites, we find an enigmatic word θιγανα (line 39) used to

---

unless the place of the prop-vowel is analogical to full-grade forms such as ἔργον < **uérǵ-o-*. (I thank Martin Peters for his input to this footnote).

²⁵ And perhaps θίγμα 'a touch' *IGRom.* 4.503.11 (Pergamum, 2nd cent. CE), Hsch. θ 582 θιγ{η}μάτων· μισμάτων (contrast **-ǵ^hm-* > -γμ- in δοχμός 'slanted', cf. Ved. *jihmá-*), but a derivation from the aorist stem is a possibility to be reckoned with.

²⁶ Under the assumption (that is not independently verifiable) that the deaspiration after a nasal took place prior to the introduction of the Law of Limitation in Greek at the time when the present stem **d^hing^h-ḡne/o-* was accented on the initial syllable and the -γ- in Gk. θιγγάνω can therefore be due to "Miller's Law" (see n. 24 above), one may entertain a possible Greco-Phrygian date for this sound change (pres. **d^hing^h-ḡne/o-* > **d^hing-ḡne/o-*, hence analogical remaking of aor. **d^hig^h-e/o-* as **d^hig-e/o-* > Gk. θιγέ/ό- and NPhryg. δικε-), a hypothesis that does not find further support in the (admittedly, very limited) Phrygian material.

refer to an object placed (ποτθεθῆι) beside or on top of the tomb: μηδ' ὀτοτύζοντων ἐ[χ]θὸς τᾶς φοικίας πρίγ κ' ἐπι τὸ σᾶμα hίκωντι, τηνεὶ | δενατος ἔστω, hέντε κα ha | θιγανα ποτθεθῆι· τῶν δὲ π[ρ]όστα τεθνακότων ἐν τοῖς | σαμάτεσσι μὴ θρηνεῖν μηδ' ὀτοτύζεν “no lamentations will be made outside the house before they arrive at the tomb; there, let it/him be ΔΕΝΑΤΟΣ until the ΘΙΓΑΝΑ is placed. On the tombs of the previously deceased there is to be no dirge or lamentation” (C 35–42). The hapax has been much discussed, and the presence of another unclear form, ΔΕΝΑΤΟΣ, in the same sentence has not facilitated the progress on this aporia²⁷. A wide range of interpretations has been proposed²⁸; one that has enjoyed considerable popularity is due to Fournier (1898: 272) who thought that “[I]a θιγᾶνα serait une image apportée sur la tombe, un vase, un ornement, la stèle peut-être” and signaled a possible etymological relationship with θιγγάνω²⁹. Simultaneously, Reinach 1898 proposed the translation ‘tumulus’³⁰, comparing Hsch. θ 601 θιγᾶνα· χώμα σωροειδές ‘heaped wall’, although there is no reliance on the correctness of the transmitted *interpretamentum*³¹. If the Delphic word is indeed θιγᾶνᾱ and not οἰγᾶνᾱ, the letters for <Θ> and <Ο> being indistinguishable in the inscription³², it can be analyzed as a derivative of the root θιγ-

²⁷ Sometimes the form is corrected as ΔΕΝΑΓΟΣ. Dubois 2004 suggests δ' ἔνατος ‘in fault’ (ἐν+ᾄτη) used in a religious sense: the person assisting with the burial is considered polluted until the θιγᾶνα is placed. A connection with ᾄτη was earlier sought by West 1968 who read δὲ <ᾄ>νατος ‘immune from fine’, hence ‘permissible’.

²⁸ See Rougemont 1977: 54–56 for a detailed discussion and bibliography, as well as Frisone 2000: 117–118.

²⁹ Cf. DELG 420 (“Peut-être dérivé de θιγ-, cf. θιγγάνω?”).

³⁰ But his translation “jusqu’à ce que le tumulus ait été amoncelé” may be impugned on the grounds that the verb προστίθημι would not be used of something placed on top of the grave.

³¹ This entry is alphabetized after θίς· ὄχθος and the manuscript reads θισανα, but as Reinach remarks, “[I]a confusion de C et de Γ est continue dans la cursive des manuscrits”. Latte and Cunningham have adopted in their Hesychius editions Wackernagel’s correction to θιγᾶνα made in his copy of M. Schmidt’s edition (probably, following Fournier’s and Reinach’s publications). Another possibility is Hemsterhuis’ correction of transmitted θισαναχώμα to θίς· ἀναχώμα.

³² See e.g. Solmsen 1905: 80: “possitne etiam οἰγᾶνα”; ΟΙΓΑΝΑ is printed by Jacquemin, Mulliez and Rougemont 2012: 63. A word οἰγᾶνη / οἰγᾶνη could be a derivative of οἶγνυμι ‘open’ (cf. ἄνοιγμα ‘door’ and the construction of

(cf. δρέπω ‘reap’ : δρεπάνη ‘sickle’; στέρω ‘wreathe’ : στεφάνη ‘head-band; helmet’) used not in its secondary meaning ‘touch’ but in an older meaning, referring to a different physical action (cf. MHG *tichen* ‘*bewerkstelligen*’)³³. While the exact meaning of θιγγάνῶ remains unknown and no certainty is attainable until such time that a new attestation of the word becomes available³⁴, the parallelism between Greek θιγγάνῶ ποτθεθῆι and Phrygian <ε>δικες μανκαν both of which are used in the context of a burial, referring to placing an object in a tomb, is at least noteworthy, and the realization that ‘to touch’ is not the most ancient meaning of Gk. θιγ- may open further vistas for the understanding of the Delphic hapax.

Since it appears that Gk. θιγγάνω, θιγγεῖν and perhaps Delphic θιγγάνῶ cannot be easily aligned with PIE **dʰeǵʰ-* ‘build up, work clay, fashion’ without a host of additional assumptions³⁵, the most straightforward solution would be to reconstruct a different PIE root **dʰeǵ-* or **dʰeǵ-* on the strength of the Greek-Germanic comparison, as proposed above. Reconstructing the semantics of this root is not easy: the meaning of MHG *tichen* is somewhat fuzzy, but it is not unreasonable to assume that a concrete physical action such as ‘driving’, ‘handling’ or ‘pushing’ is the original meaning in Germanic, leading to ‘setting in motion, executing, creating’, etc. This meaning can be easily squared with ‘to touch, to handle’ in Greek, cf. Welsh *cyffwrdd* ‘to touch, feel with the hand’ from *cyf-* ‘con-’ and *hwrdd* ‘push, thrust’, Polish *dotykać / dotknąć* ‘to touch’ < Slav. **tyk-* ‘push, thrust’, cf. Gk. τύκος ‘axe, mason’s hammer’, PIE **teǵ-*, or PDE *touch* from Old French *touchier* ‘hit, knock’.

προστίημι with θύρας or πόλας in the sense ‘close the doors’), as Alcorac Alonso Déniz kindly points out to me. This root of οἴγνυμι contained a *μ (PGk. **ομειγ-* / **ομειγ-*, see Forssman 2005) but no intervocalic digamma is expected in the 5th-century Delphic inscription (see Moralejo Alvarez 1973: 32).

³³ Of course, if the meaning of θιγγάνῶ is ‘stele’ or ‘statue’, the semantic proximity to Lat. *fungere* ‘to shape, fashion’ and especially Toch. B *tsik^ā* ‘to form’, A *tseke* ‘image, form, construction’ would be extremely appealing; however, reconciling the Greek -γ- with PIE **-ǵʰ-* is going to be very difficult (but see n. 43).

³⁴ It is important to emphasize that θιγγάνῶ may in theory refer to any object used in funerary rites, including, for instance, a stretcher or a hand-barrow (*‘pusher’?) on which the dead body is carried, or a lid on the tomb.

³⁵ For one such theory see n. 43 at the end of this paper.

The reconstructed meaning ‘drive, push’ may be interestingly matched by that of Old Irish *dingid*, ‘*ding*, perf. *dedaig*, *ro-decht* ‘presses, thrusts, forces’³⁶. The Irish verb is traditionally derived from PIE **d^heiǵ^h-*, discussed above³⁷, but Celtic **g* can continue PIE **g* or **g^h*, and semantic problems remain, cf. “il est difficile de justifier le sens de «presser, écraser»” (*DEIA* D 92). A meaning that could be aligned with that of PIE **d^heiǵ^h-* is only found in the compound verb *con:u-taing* ‘builds’, *cumtach* ‘construction’, which is why already Pedersen (1911: 506) surmised that more than one PIE root may underlie the Celtic forms³⁸.

While the proposed Celtic connection necessarily remains extremely tentative, the Greek-Germanic comparison allows reconstructing a new root **d^heiǵ-* / **d^heiǵ^h-* with the meaning ‘handle, drive, push, thrust’, from which the meaning ‘touch’ in Greek can be unproblematically derived³⁹. The Phrygian verb would be a regular reflex of this root under Lubotsky’s devoicing theory: PIE **d^hig/ǵ-* >

³⁶ See *eDIL* s.v. *dingid*.

³⁷ See McCone 1991: 41; Schumacher 2004: 276–7.

³⁸ The meaning ‘to build’ may also be attested in Celtiberian *a]mPiTinCounei*, viz. */ambi-dingounei/* (Bot. I, A. 6), whose precise semantics are, however, uncertain. It is in theory possible that the meaning ‘to press’ in Irish developed from ‘knead, form’, reconstructible for **d^heiǵ^h-* (cf. PDE *dough*).

³⁹ Another language family where reflexes of **d^heiǵ-* / **d^heiǵ^h-* may be sought is Italic where we find Faliscan perf. *fifiked* / *f(if)iqod* ‘produced’ with a velar stop that would be unexpected as a reflex of aspirated **g^h* but can go back to plain **g* / **ǵ*. But there is little reason to separate the Faliscan forms from Lat. *fiŋgō*, Umbr. *fiktu* (see Meiser 1986: 82–84) and several reasons against doing so: (a) there is no certainty that <k>/<q> in the Faliscan form stand for [g] and not e.g. for [γ], (b) it is possible that the Faliscan outcome of PIE **g^h* / **ǵ^h* actually was /g/, differently from Latin (cf. *lece* ‘lies’ < **leǵ^h-*), (c) the stop may have been analogically imported from the present stem (Lat. *fiŋgō*) where **ng^h* > *-ng-* was regular, which seems the likeliest explanation (see the discussion in Bakkum 2009: 75). Poccetti 2005: 28 separated *fifiked* / *f(if)iqod* from Lat. *fiŋgō* and PIE **d^heiǵ^h-*, but connected these forms on semantic grounds with perf. **fefēk-* < **d^heh₁-k-* in Praesamnitic *fefikēd*. Note that word-medial *-g-* in Classical Latin present *figere* ‘to drive in, insert, fasten’ (vis-à-vis Old Latin *fiuere* and the noun *fibula* ‘pin’ < **fiuibula* < **fiued^hla*) can be unproblematically explained as introduced by analogy to the perfect, and Old Latin *FIGIER* proves that *ī* does not go back to **ej* (for the root **d^heh₂iǵ^w-* ‘to stick, pierce, sting’ see Nikolaev 2022).

Phryg. *dik*⁴⁰. NPhr. <ε>δικεξ from 3 sg. **(h₁)e-d^hig/ǵ-e-s-t* can represent a secondarily sigmatized thematic aorist of the type discussed by Gorbachov 2005: 208–10 who aptly compared Slavic aor. in *-ox-*: the parallel with Gk. θιγγέ/ό- makes this analysis particularly tempting in view of the close relationship between Greek and Phrygian⁴¹.

The argument presented in this paper can be summarized as follows: under the well-supported (but not universally accepted) theory that PIE unaspirated voiced stops were devoiced in Phrygian, NPhr. <ε>δικεξ < **edikest* (or αδικεξ < **ad-edikest*), construed with μανκαν ‘stele’, should go back to a PIE root ending in a voiced tectal. A root **d^heig-* or **d^heǵ-* can be reconstructed on the basis of Gmc. **deik-* ‘schaffen’ and Gk. θιγ- ‘to handle’ (with Delphic θιγγάνω remarkably used in the context of a burial, quite similar to NPhr. <ε>δικεξ), and the reconstructed meaning ‘handle, drive, push’ *vel sim.* will explain the semantics of OIr. *ding* ‘presses, thrusts, forces’. However, it is important to admit that individual solutions can be advanced for the forms in all three languages, as discussed above⁴². Several outlandish ways of aligning the forms in unaspirated **-ǵ-* with the well-established root **d^heǵ^h-* ‘to build up, work clay, fashion’ can be envisaged: these hypotheses are prompted by the morphological parallelism between the *Averbos* of these roots (Gk. θιγγάνω vis-à-vis Arm. *dizanem*)⁴³. The

⁴⁰ See n. 17 above.

⁴¹ See Obrador Cursach 2019.

⁴² Gmc. **dik-* may owe its **k* to the iterative **dikkō-* < ^{TP}*d^hig^h-neh₂* from the root **d^heǵ^h-* ‘to build up, work clay, fashion’ (see n. 15 above); the meaning of OIr. *ding* may come from ‘knead’ < ‘to work clay’ (see n. 38 above); and the *-γ-* in Greek may be due to deaspiration after a nasal if the latter took place prior to the introduction of the Law of Limitation in Greek and if finite verbal forms were underlyingly recessively accented for the purposes of “Miller’s Law” (see n. 24 above).

⁴³ In particular, the meaning ‘to work clay’ detectable in several descendants of the root **d^heǵ^h-* would be a nice match to NPhr. <ε>δικεξ construed with μανκαν ‘stele’, cf. Toch. A *tseke* ‘image, form, construction’, (*kuntis*)*tsek* ‘potter’, Lat. *figulus* ‘potter’, Ved. *°dih-* ‘wall’, etc. It is therefore not unreasonable to inquire whether there is a way of reconciling NPhr. <ε>δικεξ with the latter root, and in fact, it may be possible to do just that. It appears that already in PIE a voiced aspirated consonant was assimilated to the following **s* (and, generally, a voiceless obstruent), losing its aspiration and voicedness (see Solmsen 1895: 296; Mayrhofer 1986: 110; Byrd 2018: 2070): compare the *s*-aorist **uǵ^h-s-* ‘carry by vehicle’ > Lat. *vēxī*, Cypriot Gk. *e-we-xe* (ἔφεξε),

perhaps directly Ved. (subj.) *vákṣat*; nom. sg. $*d^h\text{rig}^h\text{-s}$ > Gk. θρίξ ‘hair’ (note the absence of the Grassmann’s Law); $*h_1\text{eg}^{\text{wh}}\text{-ske/o-}$ ‘drink’ > Hitt. *ak-ku-uš-ke/a-* with a fortis consonant; $*uob^h\text{-s-eh}_2$ ‘weaver, wrapper; wasp’ > $*uop\text{-s-eh}_2$ > OHG *wefsa*, Lat. *vespa* (perhaps also with metathesis $*uop\text{seh}_2$ > $*uos\text{peh}_2$ > Hitt. *wašpa-* ‘garment’, see Olsen 2016); or $*d^h\text{reg}^{\text{wh}}\text{-s-eh}_2$ > Toch. B *traksiñ* ‘ears (of grain)’ (cf. Khot. *drrāmsā-* ‘millet’, Gk. τρέφω ‘nourish’): without deaspiration, the form would have undergone the Tocharian version of the Grassmann’s Law, lose plain $*d$ before $*r$ and come out as Toch. B $*rāks-$ (the appurtenance of Skt. *d(h)rākṣā-* ‘grape’, OIr. *derc* ‘berry’ seems less certain, but see Adams 2005). Under this theory, all voice/aspiration assimilation in PIE would proceed right-to-left. As Ringe 2017: 136 has observed, however, the sound change $D^h\text{s} > T\text{s}$ (known to the readers of traditional Germanic grammars as “Primärberührungseffekt”, see e.g. Paul 2007: 125) is diametrically opposed to Bartholomae’s Law and would bleed it if ordered prior to it: both sound changes target the same sequences and must reflect the same underlying constraint on the difference in aspiration in a cluster, but Bartholomae’s Law is progressive assimilation, while the “Primärberührungseffekt” is regressive assimilation. In other words, if all instances of $D^h\text{s}$ (as well as $D^h\text{T}$) were eliminated in PIE, Indo-Iranian forms like YAv. *vaβža-ka-*, Baluchi *gwabz* ‘wasp’ < Indo-Iranian $*uabz^h\tilde{a}$ < $*uob^h\text{seh}_2$ would have been impossible. One way out of this impasse is to theorize that all cases of Bartholomae’s Law in Indo-Iranian are based on an analogical restoration of the voiced aspirate, not dissimilar to the classical account of Lachmann’s Law in Latin where a voiced consonant was analogically restored only to be devoiced again with a lengthening (see Jasanoff 2004). Since devoicing and deaspiration before a voiceless obstruent is observed in several IE languages (see above), while, contrary to Miller 1977b, Bartholomae’s Law is arguably an Indo-Iranian sound change (a position which is not universally accepted but its full discussion cannot be accommodated on the present occasion), it is at least thinkable that as $D^h\text{s} / D^h\text{T}$ clusters continued being illicit, the would-be speakers of Proto-Indo-Iranian reversed the assimilation in clusters starting with D^h , as they created forms like $*C\check{a}D^h\text{-tār-}$, $*C\check{a}D^h\text{-s-}$, etc., thus allowing a more faithful preservation of root allomorphs. In terms of theoretical phonology, while the constraint on $*D^h\text{s} / *D^h\text{T}$ clusters was still active in Indo-Iranian, the voiced outcome (later devoiced in Indo-Aryan) was now ranked higher than devoicing and deaspiration observed in other IE languages. A form like $*uob^h\text{-s-eh}_2$ ‘wasp’ that was supposed to give $*uop\text{-s-eh}_2$ in PIE by the “Primärberührungseffekt” (> OHG *wefsa*, Lat. *vespa*) would be remade in Indo-Iranian as $*uab^h\text{-sā}$ > $*uabz^h\tilde{a}$, as the primary root $*uab^h-$ ‘to weave, wrap’ was still available and the speakers were still aware of the semantic connection. Similarly, Vedic forms showing the effects of Grassmann’s Law in underlyingly biaspirate roots (e.g. Ved. *d(h)ákṣu-* ‘burning’ (PIE $*d^h\text{eg}^{\text{wh}}\text{-}$), *ad(h)ukṣat* ‘milked’ (PIE

**d^heuǵ^h-*), *jugukṣataḥ* ‘want to hide’ (PIE **g^{(w)h}euǵ^h-*), *drapsá-* ‘drop’ (PIE **d^hreb^h-*), Late Ved. *grapsa-* ‘bunch’ (PIE **g^hreb^h-*), etc.) would have to be analyzed as coinages of Indo-Iranian date (e.g. **d^hrab^hsá-* > **d^hrabz^há-* > **drabz^há-* > *drapsá-*). The variation in the aspiration of the first consonant in some of these forms (showing potentially interesting distribution across the Rígvēda, see Scharfe 1996) is attributable to the conflict between expected **D^h...Ts* < **D^h...D^hs* (by “Primärberührungseffekt”) and innovative **D...Ts* < **D...D^hs* < **D^h...D^hs* with Grassmann’s and Bartholomae’s Laws. (But under the traditional phonology, *dh-* could have been reintroduced into the *dhákṣat*-type forms based on *adhāk*-type forms; in other words, the alternation in forms like *ad(h)akṣat* can be explained through the coexistence of **d^hǵz^hat* (> *dhákṣat*) with *(*a*)*d^hākšt* (> *adhāk*) where the former form would have been subject to Grassmann and Bartholomae’s Laws, while the latter would show the effects of earlier final devoicing and deaspiration (Schindler 1976: 623), ultimately identifiable with the “Primärberührungseffekt” in word-final position). In some relic and no longer etymologically transparent forms, however, the analogical restoration of the voiced aspirate did not happen in Indo-Iranian, e.g. Ved. *makṣú* ‘quickly, immediately’, OAv. *moṣu* ‘id.’ < *moksu (Lat. *mox*, MWelsh *moch*) that can be analyzed as the “Primärberührungseffekt”-outcome of earlier **mo-g^hs-h₁u* ‘at hand(s)’ (for this reconstruction see Neri 2013: 194) or Iranian **xsan(u)-* ‘give one thing for another, exchange, requite’ (Osset. (*ä*)*xsän* ‘common’, OAv. *xšqmānē* ‘as substitution’, Av. *xšnūt-* ‘requital’, in the reconstruction by Schwartz 1982 and *forthcoming*) if ultimately delocative from **g^hs-en* ‘at hand’, cf. the semantics of reciprocity in Gk. (Att.) ξένοϛ and ξενίῶ, Lat. *hostis*, PDE *guest* (but the etymological connection between the Iranian forms and Gk. **ksénuō-* is not universally accepted). The proposed PIE development **D^hs* > *Ts is merely a hypothesis that invites further difficult questions. (I thank Jay Jasanoff and Michael Weiss for their critical input to this footnote). Nevertheless, this hypothesis allows reconciling NPhr. *δικ-* with the root **d^heǵ^h-*.

The prediction is that PIE **d^heǵ^h-s-* would be phonetically realized as [d^heǵ^hks-]; **d^heǵ^hik-* would violate PIE root-structure constraints, but **d^heǵ^h-* with a voiced final consonant would not: it could in theory have been extracted as an allomorph of **d^heǵ^h-* (“Nebenform”, Falk–Torp 1909: 142). But let us examine specifically the possibility of accounting for NPhryg. *δικ-* based either on the PIE “Primärberührungseffekt” or on a milder version of the claim above, namely, that a form like *(*h₁e-*)*d^heǵ^h-s-t* or *(*h₁e-*)*d^hiǵ^h-s-t* would undergo a devoicing of the cluster **g^hst* in word-final position (cf. *(*h₁e-*)*d^heǵ^{wh}-s-t* > Ved. *adhāk* ‘burned’, *(*h₁e-*)*uēǵ^h-s-t* > *ávāt* ‘conveyed’). In the verbal system of PIE **d^heǵ^h-*, contact between the root-final consonant and a *s could have taken place either in the sigmatic aorist **d^heǵ^h-s-* or in the desiderative **d^hi-d^hiǵ^h-(h₁)s-e/o-* (where the laryngeal would be regularly lost between two obstruents, see Jasanoff 2003: 77), for

reader is therefore invited to choose between two solutions: NPhr. <ε>δικεξ can be taken either from a “new” root $*d^h eig/ǵ-$ ‘drive, handle, push’ or from the allomorph $*d^h eig̃-$ of the familiar root $*d^h eig̃^h-$ ‘work clay, fashion’. Either way, a suitable meaning for the phrase <ε>δικεξ ειαν (εσαν) μανκαν can be obtained: “put” (< *‘pushed’) or “fashioned” a stele.

References

- Adams, D. Q. 2005: Tocharian B *traksim* ‘grains’ and an Indo-European word for ‘berry’. *Journal of Indo-European Studies* 33, 1–8.
 Anderson, J. G. C. 1898: A summer in Phrygia II. *Journal of Hellenic Studies* 18, 81–128.

which compare OIr. *didis*, *did*. But there is barely any evidence for a sigmatic (or any other type of) aorist made from the root $*d^h eig̃^h-$, Lat. *fīnxī* clearly being an innovative formation, and the root vowel is problematic, since in Phrygian one would expect *ai/ai* < $*ēj$ or *ei/ei* < $*ej$. A PIE desiderative as the origin of the Phrygian form is unlikely both because of the context and because of the absence of the thematic vowel after $*s$ (even though under this theory ΔΔΙΚΕΞ may be interpreted as a reduplicated form with a syncope or a spelling error, representing a reflex of $*d^h i-d^h ig̃^{(h)}s-$). The past tense being a more promising direction, it is possible to tentatively propose that Phrygian <ε>δικεξ may go back to an imperfect made from the root present stem, well attested for the root $*d^h eig̃^h-$ (Toch. B *tsikale*, Ved. subj. *-déhat* (RV 7.50.2), participle *dihāná-* (RV 10.87.4), Pāṇ. *degdhi*, YAv. *uzdišta*, thematized in Goth. *digan* and Arm. aor. (< impf.) *edēz*). The root imperfect $*(h_1)e-d^h(e)ig̃^h-t$ ‘s/he built up’ was secondarily sigmatized as $*(h_1)e-d^h(e)ig̃^{(h)}-s-t$ ‘s/he built up’, fully parallel with the tendency of sigmatizing root preterits observable across the Indo-European languages, cf. Vedic 3 sg. *dhās̄, āpās̄, bhūs̄, abheṣ* < $*s-t$ (but see Kümmel 2018: 245–50 who views the ending $*-s$ as inherited, with a rejoinder by Jasanoff 2019: 42–3, n. 62); it is interesting to compare secondarily sigmatized Vedic *adhikṣan* (JB 3.121) from *dih-*, see Narten 1964: 142. In particular, this sigmatization tendency is documented for “Balkan-Indo-European”, cf. the reflexes of the root $*d^h eh_1-$ (root aorist in Ved. *ádhāt*, OCS *-dē*) in OPhryg. *edaes*, Messap. (*hipa-/opa*)*des* ‘deposited’ usually taken from $*d^h eh_1-s-t$ (but see Weiss 2018–2019: 124) and, perhaps, Arm. 1 sg. *edi* ‘I put’ (< $*d^h ē-s-om$ ~ OCS *děxŭ*) and even Greek (see de Lamberterie 2013: 40). As for the subsequent development in Phrygian, either $*(h_1)e-d^h ig̃^h st$ > $*(h_1)e-d^h ig̃^h st$ (deaspiration) > $*(h_1)e-d^h ikst$ (regressive voicing assimilation) > pre-Phrygian $*edikst$ > $*ediks$ was remade to *edikes* by analogy to the Phrygian *es*-aorist (*edaes, eneparkes, εσταεξ*, etc.) or $*edikst$ underwent epenthesis with a vowel breaking up the illicit cluster $-Kst\#$ (see Sowa 2005: 617). Needless to say, this theory is offered here as a mere possibility.

- Ásgeir Blöndal Magnússon. 1989: *Íslensk orðsifjabók*. Reykjavík: Orðabók Háskólans.
- Bakkum, G. C. L. M. 2009: *The Latin Dialect of the Ager Faliscus: 150 Years of Scholarship*. University of Amsterdam dissertation.
- Batisti, R. (forthcoming) Post-nasal deaspiration in Ancient Greek: Mirage or reality? *Proceedings of the International Colloquium of Ancient Greek Linguistics* (Madrid, 16–18 June 2022).
- Batisti, R. 2022: L'arroganza e l'ingiuria: su alcune forme greche in στειμφ- e in στε(μ)β- e sul problema della 'deaspirazione postnasale'. *AION Linguistica* 11 n.s., 57–78.
- Bayun, L. S., Orel V. É. 1988: Язык фригийских надписей как исторический источник II. *Vestnik drevnej istorii* 5, 132–168 (Баюн Л. С., Орел В. Э. 1988: Язык фригийских надписей как исторический источник II. *Вестник древней истории* 5, 132–168).
- Beek, L. van 2013: 'Struck (with blood)': The meaning and etymology of παλάσσω and its middle perfect πεπάλακτο. *Mnemosyne* 66, 541–565.
- Beek, L. van 2021: Accentuation versus syllable structure: What conditioned the disyllabic reflex of PIE *CRHC in Greek? Paper presented at the Oxford Workshop on Indo-European Accentuation (15–16 July 2021).
- Beek, L. van 2022: *The Reflexes of Syllabic Liquids in Ancient Greek: Linguistic Prehistory of the Greek Dialects and Homeric Kunstsprache*. Boston; Leiden: Brill.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill.
- Benecke, G. F., Müller, W., Zarncke, F. 1854–1866: *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Leipzig: Hirzel.
- Brixhe, C. 2004: Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes: Supplément II. *Kadmos* 43, 1–130.
- Byrd, A. M. 2018: The phonology of Proto-Indo-European. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*, ed. by J. Klein, B. Joseph, and M. Fritz, vol. 3, 2056–2078. Berlin: de Gruyter.
- Calder, W. M. 1911: Corpus Inscriptionum Neo-Phrygiarum. *Journal of Hellenic Studies* 31, 161–215.
- DEIA = J. Vendryes, *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*. Dublin: Institute for Advanced Studies; Paris: CNRS Éditions, 1959–.
- DELG = P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*, Paris, Klincksieck, 1968–1980 (cited after the 2009 edition).
- DGEEP = E. Schwyzer (ed.) *Dialectorum graecorum exempla epigraphica potiora*³. Leipzig: Hirzel, 1923.
- Diakonoff, I. M., Neroznak, V. P. 1985: *Phrygian*. New York: Caravan Books.
- Dieu É. 2022: *Traité d'accentuation grecque*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

- Dubois, L. 2004: Review of Frissone 2000, *Bulletin épigraphique* 2004, n° 11, *Revue des études grecques* 117, 585.
- eDIL = G. Toner et al. (eds.) *Electronic Dictionary of the Irish Language*, 1st digital ed. Royal Irish Academy. www.dil.ie.
- EWAhD = A. L. Lloyd, R. Lühr and O. Springer (eds.). *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*. 7 vols. Göttingen und Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998–.
- Falk, H., Torp A. 1909: *Norwegisch-Dänisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter.
- Forssman, B. 2005: Das Verbum *oiy-* ‘öffnen’ bei Homer. *Sprachkontakt und Sprachwandel: Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft (17.–23. Sept. 2000, Halle an der Saale)*, ed. by G. Meiser and O. Hackstein, 105–115. Wiesbaden: Reichert.
- Fournier, P. 1898: Corrections au règlement de la phratricie des Labyades. *Bulletin de correspondance hellénique* 22, 271–272.
- Fraenkel, E. 1962–1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter.
- Frisone, F. 2000: *Leggi e regolamenti funerari nel mondo greco*. Vol. 1: *Le fonti epigrafiche*. Lecce: Congedo.
- Gorbachov, Ya. 2005: The Origin of the Phrygian Aorist of the Type *edaes*. *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference*, ed. by K. Jones-Bley, M. Huld, A. Della Volpe and M. Robbins Dexter, 191–218. Washington D.C.: Institute for the Study of Man.
- Gorbachov, Ya. 2008: Nine observations on the Old Phrygian inscription from Vezirhan. *Kadmos* 47, 91–108.
- Haas, O. 1951: Zur Deutung der phrygischen Inschriften. *Revue hittite et asianique* 11, 1–30.
- Haas, O. 1966: *Die phrygischen Sprachdenkmäler*. Sofia: Académie Bulgare des Sciences.
- Hajnal, I. 2005: Das Frühgriechische zwischen Balkan und Ägäis – Einheit oder Vielfalt?, *Sprachkontakt und Sprachwandel: Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*, ed. by G. Meiser and O. Hackstein, 185–214. Wiesbaden: Reichert.
- Hämmig, A. E. 2013: *Nevotan niptiyan*, die Fluchformel der Stele von Vezirhan. *Indogermanische Forschungen* 118, 125–154.
- Hämmig, A. E. 2019: Deciphering Phrygian: Blind alleys and viable ways. *Phrygia in Antiquity: From the Bronze Age to the Byzantine Period*, ed. by G. R. Tsatskheladze, 287–304. Leuven: Peeters.
- Hock, H. H. 2014: Vedic verb accent revisited. *Vedic and Sanskrit Historical Linguistics: Papers from the 13th World Sanskrit Conference*, ed. by J. Klein and E. Tucker, 153–178. Delhi: Motilal Banarsidass.
- Höfler, S. 2016–2017: “La belle Hélène”, a generic brothel, and the development of *CRHC sequences in Ancient Greek. *Die Sprache* 52, 177–201.

- Höfler, S. & Nielsen, J. U. 2022: A Proto-Indo-European word for ‘spider’? Un-weaving the prehistory of the Greek ἀράχνη and the Latin *arāneus*. *Graeco-Latina Brunensia* 27, 69–89.
- Jacquemin, A., Mulliez, D. and Rougemont G. 2012: *Choix d’inscriptions de Delphes, traduites et commentées*. Paris: École française d’Athènes.
- Jasanoff, J. H. 2003: *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford University Press.
- Jasanoff, J. H. 2004: Plus ça change... Lachmann’s Law in Latin. *Indo-European Perspectives: Studies in Honour of Anna Morpurgo Davies*, ed. by J. H. W. Penney, 405-416. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Jasanoff, J. H. 2019: The sigmatic forms of the Hittite verb. *Indo-European Linguistics* 7, 13–71.
- Jasanoff, J. H. 2022: Double nasal presents. *Indo-European Linguistics* 10, 88–106.
- Katz, J. T. 2007: The Development of Proto-Indo-European *sm in Hittite. *Verba Docenti. Studies in Historical and Indo-European Linguistics Presented to Jay H. Jasanoff by Students, Colleagues, and Friends*, ed. by A. J. Nussbaum, 169–183. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Klingenschmitt, G. 1974: Gr. παρθένος. *Antiquitates Indogermanicae: Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indo-germanischen Völker (Gedenkschrift für Hermann Güntert)*, ed. by M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, and R. Schmitt, 273–278. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck (reprinted in *Aufsätze zur Indogermanistik*, ed. by M. Janda, R. Lühr, J. Matzinger and S. Schaffner, 117–123. Hamburg: Dr. Kovac, 2005).
- Kloekhorst, A. 2015: The Old Phrygian word for ‘feet’: New readings in the ‘podas’-inscription (G-02). *Kadmos* 54, 107–118.
- Kowal, B. 1984: Zur spätphrygischen Inschrift 31. *Kadmos* 23, 180–185
- Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill.
- Kümmel, M. 2018: Anatolisches und indogermanisches Verbum: Erbe und Neuerung. *Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung: Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg*, ed. by E. Rieken, 239–257. Wiesbaden: Reichert.
- Kümmel, M. J. 2013: The distribution of roots ending in IE *ND. *The Sound of Indo-European* 2, ed. by R. Sukač and O. Seččík, 159–176. Munich: Lincom.
- Lamberterie, Ch. de 2013: Grec, phrygien, arménien: des anciens aux modernes. *Journal des Savants* 2013, 3–69.
- Lexer, M. 1872–1878: *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Leipzig: Hirzel.
- Ligorio, O. 2016: Old Phrygian *totin*. *Lucida intervalla* 45, 33–39.

- Ligorio, O., Lubotsky, A. 2013: Frigijskij iazyk. *Iazyki mira: reliktovyje indoevropskie iazyki Perednej i Central'noj Azii*, ed. by Yu. B. Koryakov & A. A. Kibrik, 180–195. Moskva: Academia [Лигоріо, О. & Лубоцький, А. 2013: Фригийський язык. *Язyki мира: реліктовіє індоевропейські язyki Передньої і Центральної Азії*, ред. Ю. Б. Коряков, А. А. Кибрик, 180–195. Москва: Academia].
- Ligorio, O., Lubotsky, A. 2018: Phrygian. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*, ed. by J. Klein, B. Joseph and M. Fritz, vol. 3, 1826–1831. Berlin, Boston: de Gruyter.
- LIV² = *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*, ed. by H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp and B. Schirmer. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubotsky, A. 2004: The Phrygian Zeus and the problem of the ‘Lautverschiebung’, *Historische Sprachforschung* 117, 229–237.
- Lühr, R. 1988: *Expressivität und Lautgesetz im Germanischen*. Heidelberg: Winter.
- Matzinger, J. 2006: Interpretation sprachlicher Daten aus Rest- und Trümmersprachen. Das Fallbeispiel der Streitfrage um eine phrygische Lautverschiebung. *Historische Sprachforschung* 119, 190–210.
- Mayrhofer, M. 1986: *Indogermanische Grammatik*. Vol. II/1: *Segmentale Phonologie*. Heidelberg: Winter.
- McCone, K. 1991: *The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Meier-Brügger, M. 1992: Relative Chronologie: Schlüsse aus dem griechischen Akzent. *Rekonstruktion und relative Chronologie. Akten der VIII. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft*, ed. by R. Beekes et al., 283–289. Wiesbaden: Reichert.
- Meiser, G. 1986: *Lautgeschichte der umbrischen Sprache*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Meister, R. 1909: Die äolischen Demonstrativa ὄνε, ὄνι, ὄνυ und die Partikel νι (νε) im Phrygischen. *Indogermanische Forschungen* 25, 312–325.
- Miller, D. G. 1977a: Some theoretical and typological implications of an Indo-European root structure constraint. *Journal of Indo-European Studies* 5, 31–40.
- Miller, D. G. 1977b: Bartholomae’s Law and an IE root structure constraint. *Studies in Descriptive and Historical Linguistics: Festschrift for Winfred P. Lehmann*, ed. by P. J. Hopper, 365–392. Amsterdam: John Benjamins.
- Miller, D. G. 2010: *Language Change and Linguistic Theory*. Volume 1: *Approaches, Methodology, and Sound Change*. Oxford: Oxford University Press.

- Miller, D. G. 2014: *Ancient Greek Dialects and Early Authors: Introduction to the Dialect Mixture in Homer, with Notes on Lyric and Herodotus*. Boston; Berlin: de Gruyter.
- Moralejo Alvarez, J. J. 1973: *Gramática de las inscripciones délficas: Fonética y morfología. (Siglos VI–III a.C.)*. Santiago de Compostela: Universidad de Santiago de Compostela.
- Narten, J. 1964: *Die sigmatischen Aoriste im Veda*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Neri, S. 2013: Zum urindogermanischen Wort für ‘Hand’. *Multi nominis grammaticus: Studies in Classical and Indo-European Linguistics in Honor of Alan J. Nussbaum on the Occasion of his Sixty-Fifth Birthday*, ed. by A. I. Cooper, J. Rau, & M. Weiss, 185–205. Ann Arbor; New York: Beech Stave.
- Neri, S. 2017: *Wetter. Etymologie und Lautgesetz*. Perugia: Università degli Studi di Perugia.
- Neumann, G. 1986: Zur Syntax der neuphrygischen Inschrift Nr. 31. *Kadmos* 25, 79–84.
- Nikolaev, A. 2022: τιθαιβώσσουσι μέλισσαι (Homer, *Odyssey* 13.106). *Classical Quarterly* 72, 39–52.
- Nikolaev, A. 2023: New Phrygian (-)τετικμενος, Hittite *tekri-* and other descendants of PIE **dejk-*. *Chatreššar* 4/2, 41–56.
- Obrador Cursach, B. 2016: Phrygian mekas and the recently discovered New Phrygian inscription from Nacoleia. *Indogermanische Forschungen* 121, 177–186.
- Obrador Cursach, B. 2019: On the place of Phrygian among the Indo-European languages. *Journal of Language Relationship* 17, 233–245.
- Obrador Cursach, B. 2020: *The Phrygian Language*. Leiden / Boston: Brill.
- Olsen, B. A. 2016: Latin *vespillō* ‘undertaker’ – Calvert Watkins in memoriam. *Journal of Indo-European Studies* 44, 92–110.
- Orel, V. 1996: Notes in Greek and Phrygian etymology. *Orpheus: Journal of Indo-European and Thracian Studies* 6, 17–19.
- Orel, V. 1997: *The Language of Phrygians: Description and Analysis*. Delmar NY: Caravan Books.
- Paul, H. 2007: *Mittelhochdeutsche Grammatik*²⁵. Tübingen: Niemeyer.
- Pedersen, H. 1911: *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. Vol. 2: *Bedeutungslehre (Wortlehre)*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Pocchetti, P. 2005: Notes de linguistique italique 2 (n. s.). En marge de la nouvelle attestation du perfectum falisque *faced/facet*, le latin de Préneste *vhevvhaked*, et le falisque *fifiked*. *Revue des Études Latines* 83, 27–35.
- Probert, P. 2012: Origins of the Greek law of limitation. *Laws and Rules in Indo-European*, ed. by P. Probert and A. Willi, 163–181. Oxford University Press.
- Reinach, Th. 1898: Addenda et corrigenda. *Revue des Études Grecques* 11, 522.

- Rico, Chr. 2009: Etude morphologique de la famille de $\sigma\varphi\alpha\rho\alpha\gamma\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 63, 175–201.
- Rieken, E. 2002: Ein Lautgesetz und der Obliquusstamm des urindogermanischen Personalpronomens der 1. und 2. Person Plural. *Novalis Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag*, ed. by M. Fritz and S. Zeilfelder, 407–416. Graz: Leykam.
- Ringe, D. 2017: *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*². Oxford University Press.
- Rougemont, G. 1977: *Corpus des inscriptions de Delphes*. Vol. 1: *Lois sacrées et règlements religieux*. Paris: de Boccard (= CID).
- Scharfe, H. 1996: Bartholomae's Law revisited or how the Ṛgveda is dialectally divided. *Studien zur Indologie und Iranistik* 20 (= *Festschrift Paul Thieme*), 351–377.
- Schindler, J. 1976: Diachronic and synchronic remarks on Bartholomae's and Grassmann's Laws. *Linguistic Inquiry* 7, 622–637.
- Schumacher, S. 2004: *Die keltischen Primärverben: Ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexikon*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck.
- Schwartz, M. 1982: The Indo-European vocabulary of exchange, hospitality, and intimacy (the origins of Greek *ksénos*, *sún*, *philos*; Avestan *xšnu-*, *xšānman-*, etc.): contributions to etymological methodology. *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 188–204.
- Schwartz, M. (forthcoming): *√ksen, *ksenu-, *√ksn(e)u: Indo-European reciprocity and its Gāthic iconicity. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*.
- Seebold, E. 1970: *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. The Hague / Paris: Mouton.
- Sihler, A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Soeteman, C. 1962: *Dichten, Dichter, Dichtung: Die Geschichte eines Wortstammes*. *Festgabe für L. L. Hammerich*, 271–280. Kopenhagen: Naturmethodens Sproginstitut.
- Solmsen, F. 1895: Zur vertretung der gutturale im griechischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* 33, 294–300.
- Solmsen, F. 1905: *Inscriptiones graecae ad inlustrandas dialectos selectae*². Leipzig: Teubner.
- Sowa, W. 2005: Anmerkungen zum Balkanindogermanischen. *Indogermanica. Festschrift für Gert Klingenschmitt*, ed. by G. Schweiger, 611–628. Tübingen: VWT.
- Sowa, W. 2008: *Studien zum Phrygischen*. Göttingen: Cuvillier.
- Szemerényi, O. 1954: Greek $\tau\alpha\varphi\acute{\omega}\nu$ — $\theta\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\varsigma$ — $\theta\epsilon\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$. *Glotta* 33, 238–266.

- Tamsü Polat, R., Polat, Y., Lubotsky, A. 2020: An idol-shaped stele with an Old Phrygian inscription in the territory of Nakoleia. *Gephyra* 19, 45–67.
- Tichy, E. 1983: *Onomatopoetische Verbalbildungen des Griechischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Wackernagel, J. 1877: Der griechische Verbalaccent. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* 23, 457–70 (reprinted in: *Kleine Schriften*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1955, Vol. 2, 1058–1071).
- Wackernagel, W. 1861: *Altdeutsches Handwörterbuch*. Basel: Schweighauser.
- Weiss, M. 2018–2019: Review of J. Matzinger, *Messapisch*. Wiesbaden: Reichert, 2019. *Die Sprache* 53, 114–125.
- West, M. L. 1968: Two notes on Delphic inscriptions. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 2, 176.
- Wood, F. A. 1907: Studies in Germanic strong verbs. I. *Modern Philology* 4, 489–500.
- Woodhouse, R. 2006: Conditioned devoicing of mediae in Phrygian. *Studia Etymologica Cracoviensia* 11, 157–191.
- Woodhouse, R. 2009: Devoicing of PIE mediae in Phrygian. *Historische Sprachforschung* 122, 208–227.
- Woudhuizen, F. 2021: The Phrygian language: An update. *Kratylos* 66, 1–17.

А. Д. Пантелеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия. a.pantelev@spbu.ru

ТРАСИЛЛ, ФИЛОСОФ И ЛИЧНЫЙ АСТРОЛОГ ТИБЕРИЯ *

Статья посвящена изучению античной традиции о жизни и деятельности александрийского философа, грамматика и астролога Трасилла. Сначала он был личным астрологом Тиберия, но со временем добился его дружбы и стал доверенным лицом императора. Мы полагаем, что не следует преувеличивать степень его влияния на политические решения Тиберия. Хотя он породнился с влиятельными фигурами при дворе, в частности, с Макроном, который играл очень важную роль при Тиберии в последние годы его жизни и обеспечил переход императорской власти к Калигуле, Трасилл не принимал участия в этих интригах. Скорее, он выполнял роль придворного философа; его учение о Логосе могло вызвать интерес фаталиста Тиберия, а кроме того, оно давало фундамент для философского обоснования астрологии.

Ключевые слова: Тиберий, Трасилл, Римская империя, астрология, философия.

A. D. Pantelev

St. Petersburg University, Russia. a.pantelev@spbu.ru

Thrasyllus, philosopher and personal astrologer of Tiberius

The article is devoted to the study of the Greek and Roman sources about the life and work of the Alexandrian philosopher, grammarian and astrologer Thrasyllus. Initially he was Tiberius' personal astrologer on Rhodes, but over time he achieved his friendship and became a confidant of the emperor. The extent of Thrasyllus' influence on Tiberius' political decisions should not be exaggerated. Although he was related to influential figures at court, in particular with Quintus Macro, who played a very important role under Tiberius in the last years of his life and ensured the transfer of imperial power to Caligula, Thrasyllus did not take part in these intrigues. Rather, he played the role of a court philosopher; his teaching about the Logos could arouse the interest of the fatalist Tiberius, and besides, it provided the foundation for the philosophical justification of astrology, which was a hobby of the emperor.

The reported study was funded by RSF, project number 23-28-01360.

Keywords: Tiberius, Thrasyllus, Roman Empire, astrology, philosophy.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

В эллинистическое и римское время, особенно в эпоху Империи, действовало множество индивидуумов и групп, претендовавших на особую связь со сверхъестественным миром. Современные ученые, анализируя религиозную жизнь античного мира, выделяют в отдельный класс профессионалов-одиночек, которые использовали свои знания и умения для получения финансовой выгоды и социальных благ и не были связаны с традиционными авторитетными религиозными центрами или коллегиями. Многие из них были иноземцами, эксплуатировавшими интерес аудитории к мудрости, учениям и необычным или экзотическим ритуалам, они обращались к богам и подобным сущностям — демонам, божественной пневме, духам мертвых. Клиенты прибегали к их помощи для гаданий, посвящений в новые или иноземные мистерии, знакомства с эзотерическими учениями, совершением необычных жертвоприношений, наконец, исцеления от болезней.

К этой категории следует отнести и астрологов, ведь в основании их учения лежал мифологический принцип, переносящий имя и характер бога на то или иное небесное тело. В отличие от членов римских жреческих коллегий или полисных священнослужителей, чей авторитет основывался на институциональной принадлежности, социальном статусе и политической власти, эти профессионалы добивались признания благодаря эксклюзивным знаниям, личному мастерству и навыкам убеждения. Как правило, они предлагали религиозные услуги, обещавшие результаты, которые были труднодостижимы или вовсе недостижимы посредством нормативных религиозных практик. Самостоятельность и самопровозглашенность этих экспертов не означала отказа от контактов с другими религиозными деятелями или центрами: многие, по-видимому, сотрудничали с подобными себе, а также с другими группами и институтами, в том числе и традиционными (Wendt 2016: 10–11). Яркие примеры такого рода деятелей — Х. Вендт называет их *freelance experts* — встречаются в сочинениях Петрония, Ювенала, Апулея, Лукиана и других античных авторов, а кроме того, в юридической традиции как объекты всевозможных запретов и изгнаний из Рима и Италии. Возможно, что в первые века так могли восприниматься и некоторые из иудеев и христиан, например, Перегрин-Протей в христианский период своей жизни или даже апостол Павел (Пантелеев 2021).

Эти эксперты всегда присутствовали в жизни древнего мира, но в эпоху эллинизма их популярность начинает расти. В

итоге они коренным образом изменяют рынок религиозных услуг, вытеснив на периферию греческие Дельфы, Элевсин, Дидимы, Кларос и другие авторитетные храмовые центры, а в Риме — жреческие коллегии авгуров и гаруспиков. Большую часть XX в. эти фигуры рассматривались как забавные курьезы, как маргинальные носители «незаконной» или «подрывной» религиозной традиции, как символы культурного упадка или начала социальных изменений к лучшему или к худшему (MacMullen 1966; Smith 1978; Potter 1994). В последние годы ситуация изменилась, появились специальные исследования отдельных категорий этих экспертов, взаимосвязей между ними и их социального контекста, что позволило говорить об этой группе в целом и заметить сходство, например, между астрологами и магами (Wendt 2016: 6–7). Мы рассмотрим яркий образец такого рода специалиста-«фрилансера» — Трасилла, придворного астролога Тиберия, изучим свидетельства о его жизни и деятельности, попробуем определить сферу и пределы его влияния на императора и постараемся вписать его в широкий контекст изменений в религиозной жизни Рима на рубеже эр.

Астрология издавна была знакома эллинам, но особой популярностью не пользовалась (Hdt., II, 82; Aul. Gell. *Noct. Att.*, XV, 20 et al.). Ситуация изменилась в эпоху эллинизма, когда начали появляться греки-астрологи: первым был Архинопол, ученик Беросса, за которым последовали Эпиген из Византия, заявивший, что учился у халдеев, и Критодам, рассматривающий свое учение как мистерии (Barton 1994: 21–23). Астрологи часто входили в близкое окружение эллинистических царей. Тот же Беросс посвятил свою «Историю Вавилона» Антиоху I (Tat. *Orat.*, 36). У Селевка I был астролог Лептин (Val. Max., V, 7, 1), а сам он поручил магам выбрать день и час основания Селевкии (App., XI, 58). Пергамского царя Аттала I консультировал Судин, который занимался и другими дивинаторными практиками, в частности, он обеспечил получение благоприятного пророчества во время войны с галатами. Судин был автором комментария к поэме Арата «О небесных явлениях» и трактата о свойствах камней (Pol. *Strat.*, IV, 20; Front. *Strat.*, I, 11, 14–15; Strabo, XVI, 1, 6; Plin. *NH*, IX, 115; XXXVI, 59; XXXVII, 90). Астрологические символы появляются в эту эпоху в надписях и декоре дворцов и храмов (Cramer 1954: 13; Barton 1994: 47).

В римской литературе астрологи упоминаются со II в. до н. э. (Ennius apud Cic. *Resp.*, I, 18, 30). В 139 г. до н.э. из Рима и

Италии были изгнаны звездочеты и последователи культа Юпитера Сабазия (Val. Max., I, 3, 3; Ripat 2011); скорее всего, и тогда, и позже магистраты видели в этих выходцах с Востока потенциальный источник волнений и беспорядков (MacMullen 1966: 155–156; Barton 1994: 32). Очевидно, исходя из этих же соображений, Катон Старший запрещает вилику иметь дело, среди прочих гадателей, с астрологами (Cato Agr., I, 5, 4), и как показали последующие события, его предусмотрительность не была излишней: во время второго восстания рабов на Сицилии в 104–101 гг. до н.э. одним из его лидеров стал некий киликиец Афинион, пользовавшийся репутацией опытного астролога (Diod., XXXVI, 5, 1–4). Наконец, Цицерон в «О дивинации» устами Квинта, отстаивавшего возможность предсказаний, критикует «толкущихся у цирка астрологов» как шарлатанов (снова со ссылкой на Энния — Cic. *De div.*, I, 58, 132), и позже те же персонажи появятся у Горация (*Sat.*, I, 6, 112–113) и Ювенала (*Sat.*, VI, 582–584). В 33 г. до н.э. Агриппа, будучи эдилом, вновь изгнал из Рима астрологов и колдунов (τοὺς ἀστρολόγους τοὺς τε γόητας. — Dio Cass. XLIX, 43, 5).

Астрология, как и другие подобные явления, в Риме была связана не только с низами общества, напротив, ей интересовались и многие аристократы (Wendt 2016: 8). Отчасти это увлечение было следствием популярности греческой культуры и философии среди римских сенаторов и всадников. Стоики Диоген Вавилонский и Посидоний благожелательно отзывались об астрологии, впрочем, философов больше интересовали вопросы о судьбе, о принципиальной возможности предсказания будущего и о свободе воле, а не личные гороскопы. Об астрологии рассуждает Цицерон, в целом склоняясь к скептическому отношению к ней (Cic. *De div.*, II, 42, 87–44, 94); впрочем, в молодости сам он перевел «Явления» Арата на латынь (Антонец 2021). Не меньшее, если не большее значение для распространения астрологии имели социальные и политические трансформации в государстве и обществе. Попытки ее использовать в сфере политики можно заметить уже у первых римлян, занимавшихся астрологией. Это были друзья Цицерона и Варрона сенатор Публий Нигидий Фигул, предсказавший бедствия гражданской войны между Цезарем и Помпеем (Lucan. *Phars.*, I, 639 sqq.) и великое будущее Октавиану Августу (Suet. *Aug.*, 94), и Луций Таруций Фирман, составивший гороскопы для Ромула и города Рима (Cic. *De div.*, II, 47, 98; Plut. *Rom.*, 12; гороскоп Рима сохрнен в: Solin., I, 18; In.

Lyd. *De mens.*, 1, 14). Варрон писал об астрологии в VI книге своих *Disciplinae*.

Период нестабильности при переходе от республики к империи изменил положение предсказателей в государстве: если раньше обязанность наблюдать за знаками, посланными богами, и истолковывать их была распределена между коллегами авгуров, квиндецимвиров и гаруспиков, подконтрольных Сенату, и относилась к ведению государства, то в эпоху гражданских войн политики и полководцы старались контролировать будущее самостоятельно или с помощью состоявших при них профессионалов. Так, Октавий, коллега Цинны по консульству в 87 г. до н. э., не покинул Рим и был убит марианцами, по словам Плутарха, только из-за того, что какие-то халдейские прорицатели «убедили его, что все будет хорошо, и удержали в городе»; после убийства за пазухой у него нашли гороскоп (Plut. *Mar.*, 42). Сулла в своих мемуарах писал, что халдеи предсказали ему прекрасную жизнь и смерть на вершине счастья (Plut. *Sulla*, 37). Цицерон, критикуя астрологию, упоминает о многочисленных гороскопах, составленных для Красса, Помпея и Цезаря, согласно которым им предстояло умереть дома в постели в глубокой старости в сиянии славы (Cic. *De div.*, II, 42, 98). Светоний, тщательно фиксировавший все предсказания получения императорской власти, рассказывает о двух эпизодах, связанных с Октавианом: уже упомянутое нами пророчество Нигидия Фигула и эпизод, связанный с посещением Агриппой и Октавианом астролога Феогена, когда последний, узнав время рождения Августа, бросился к его ногам. С тех пор Август был настолько спокоен за свою судьбу, что обнаружил свой гороскоп и чеканил монеты с изображением Козерога — своего знака зодиака (Suet. *Aug.*, 94). Скорее всего, эти рассказы были частью официально одобренной легенды об Августе, как и например, его постоянные победы над Антонием при игре в кости (Plut. *Ant.*, 33), но это не означает, что это была неправда: только что приведенные слова Цицерона показывают, что вожди римского народа были засыпаны благоприятными для них гороскопами.

Символ Козерога в то время встречается не только на монетах, но и на рельефах, терракотах, ювелирных украшениях и мозаиках (Barton 1994: 40; 147). Это не только символ созвездия, под которым родился первый принцепс, но и указание на начало новой эпохи: в созвездии Козерога Солнце начинает восхождение после зимнего солнцестояния, и это

означало наступление мира после гражданских войн. Отметим, что Дион Кассий сообщает, что гороскоп Августа был опубликован не частным порядком, а в виде императорского эдикта (ἐκ προῤαφῆς τᾶσι φανερωῖται. — Dio Cass., LVI, 25, 5). Всем этим Октавиан решал свои задачи, подчеркивая, что императорская власть ему была предначертана звездами, но был и побочный эффект: престиж астрологии поднялся на непредставимый ранее уровень. В это время официальные прорицатели уступили место неофициальным советникам, авторитет которых опирался на близость к императорскому двору, и если раньше предсказатели давали пророчества о судьбе государства, то теперь они концентрировались на будущем принцепса, его родственников и окружения.

В конце правления Августа появляется первое астрологическое сочинение на латыни, сохранившееся до нашего времени — поэма Марка Манилия «Астрономика», посвященная императору (I, 7), но кому именно, Августу или Тиберию, сказать сложно (Neuburg 1993). Манилий ссылается на египетского Меркурия (Гермеса Трисмегиста) и жалуется на проблемы с передачей греческих терминов: похоже, он ничего не знал ни о переводе Цицерона, ни о трудах Нигидия Фигула, ни о сочинениях Варрона; возможно, что Манилий был астрологом не больше, чем Вергилий — земледельцем (Barton 1994: 41). В. Хейс полагает, что поэма была написана по поручению принцепса, но это маловероятно (Hayes 1959: 3). В 11 г. н.э. Август запретил всем прорицателям давать предсказания наедине и гадать о чьей-либо смерти (Dio Cass., LVI, 25, 5); причиной этого запрета, скорее всего, стали слухи о его скорой кончине. Нам ничего не известно о личных астрологах Августа, но в это время в Риме при Тиберии уже несколько лет работал Трасилл, жизнь и деятельность которого станет предметом нашего рассмотрения.

Свидетельства о жизни, занятиях и сочинениях Трасилла собраны Г. Таррантом (Tarrant 1993: 215–249). У нас нет надежных данных о том, откуда он родом: одни ученые называют Александрию (Cramer 1954: 92; Dillon 1996a: 184), другие — Родос (Dörrie 1976: 182; Glucker 1978: 123), третьи — Мендес в дельте Нила (Gundel, Gundel 1966)¹. Время его

---

¹ Последнее наименее вероятно. О существовании Трасилла из Мендеса мы знаем только из трактата пс.-Плутарха «О реках» (11, 4; 16, 2). Этот текст наполнен ссылками на вымышленные сочинения

рождения также неизвестно; в поле зрения историков он попадает во время пребывания Тиберия на Родосе (6 г. до н.э.—2 г. н.э.). Тацит (*Ann.*, VI, 20–21), Светоний (*Tib.*, 14) и Дион Кассий (LV, 11, 1–3) рассказывают о том, как он избежал смерти из-за подозрительности Тиберия. Детали незначительно отличаются, но в целом речь идет об одном и том же: будущий император собирался сбросить астролога со скалы как шарлатана или из-за тайн, которые ему доверил, но тот сохранил жизнь, сказав, что знает, что ему угрожает гибель. А. Краппе считал, что рассказ Тацита при всей его красочности ближе всего к изначальной версии легенды, так как астрологу подобает узнавать об опасности из наблюдений за звездами, поэтому действие должно происходить ночью на горе или в высокой обсерватории (Краппе 1927: 359–366); Р. Оливер указал на сочинения сына Трасилла как на возможный источник Тацита (Oliver 1980: 143). Так или иначе, Тиберий проникся глубокой симпатией к Трасиллу, взял его с собой в столицу и даровал римское гражданство; теперь его имя звучало как Тиберий Клавдий Трасилл (CIL 3, 7107 = IGR 4, 1392). Спустя какое-то время Трасилл достиг положения, позволявшего присутствовать на обедах Августа, причем он воспринимался не как астролог, а как грамматик. Светоний рассказывает анекдот о том, как император поставил его в неловкое положение, спросив, кому принадлежат греческие стихи, только что сочиненные им самим. Трасилл смог лишь сказать, что чьи бы эти стихи ни были, они прекрасны, чем развеселил Августа (*Suet. Aug.*, 98). Трасилл был не чужд не только грамматических, но и философских занятий; он тяготел к платонизму и неопифагореизму (*Porph. Vita Plot.*, 20–21; *In Ptolem. Harm.*, 11–15). Он создал особое учение о Логосе и занимался эпистемологией (Tarrant 1993; Dillon 1996b: 99–103). Заслуживает внимания то, что на рубеже эр Трасилл являлся едва ли не единственным платоником, жившим за пределами Александрии, хотя и происходившим, скорее всего, из нее (Dillon 1996a: 184). Его грамматические и философские занятия объединились при подготовке корпусов текстов античных мудрецов. Диоген Лаэртский сообщает, что Трасилл издал диалоги Платона, распределив их по тетралогиям и дав им двойные названия —

никогда не существовавших писателей, и не стоит отождествлять почти наверняка выдуманного автора никому больше неизвестного сочинения «О камнях» с нашим Трасиллом.

одно по имени, второе по теме (DL, III, 56–57), и сочинения Демокрита, тоже по тетралогиям (DL, IX, 41; 45). Важность этой работы трудно переоценить, порядок сочинений Платона и их подзаголовки используются по сей день (Hoerber 1957; Chroust 1965; Dunn 1976; Altman 2010). О тождественности Трасилла-астролога и Трасилла-платоника сообщают схолии к Ювеналу (*Schol. ad Juv.*, VI, 576). Трасиллу принадлежали сочинения о гармонике (Theon Smyrn. *Expos.*, 47–49), о гармонии небесных сфер (Theon Smyrn. *Expos.*, 204–205; Achill. *Intr. ad Aratum*, 16), о Солнце (Achill. *Intr. ad Aratum*, 19) и, конечно, об астрологии — его книга называлась «Таблица» (Πίναξ. — Vett. Valens. *Anth.*, IX, 10; Porph. *Isag. Tetr.*, 195 et al.)².

Дион Кассий сообщает об особом положении Трасилла при Тиберии: он постоянно присутствовал при императоре, они каждый день занимались какими-нибудь гаданиями, и скоро сам принцепс стал большим знатоком этого дела (Dio Cass., LVII, 15, 7; Juv., X, 94). Римские историки рассказывают, что Трасилл иногда вводил в заблуждение Тиберия для того, чтобы спасти жизнь кому-то из знатных римлян. Так, он убедил императора, что тот переживет его на 10 лет, поэтому Тиберий в надежде на долгую жизнь не спешил со многими смертными приговорами (Dio Cass., LVIII, 27, 2–3; 28, 1; Suet. *Tib.*, 62). Видимо, особое внимание при их астрологических занятиях уделялось тому, чтобы искать возможных претендентов на трон: «Если он обнаруживал у кого-либо какие-то выдающиеся качества или что-то внушающее надежду на высшую власть, то такого человека уничтожал он без всяких колебаний». Впрочем, он оставил в живых Гальбу, которому звезды предвещали власть, но лишь в старости (Dio Cass., LVII, 19, 3–4), и по словам Светония, когда Тиберий колебался в выборе наследника между Гаем Калигулой и Тиберием, сыном Друза, то Трасилл заявил, что Гай скорее на конях пересечет Байский залив, чем станет императором (Suet. *Calig.*, 19; cf. Tac. *Ann.*, VI, 46). В 16 г. н.э. состоялось очередное изгнание из Рима астрологов и магов, связанное с заговором Либона Друза, который увлекался в том числе и «предсказаниями халдеев» (Tac. *Ann.*, II, 27); Светоний дополняет это сообщение информацией о том, что те из них, «кто просил прощения и обещал

---

² Реальность сочинения Трасилла «О камнях» вызывает у нас большие сомнения (см. прим. 1).

оставить свое ремесло», могли остаться в городе (Suet. *Tib.*, 36). Нет нужды говорить, что все эти меры не коснулись Трасилла.

Нам хорошо известно о семейной жизни Трасилла: благодаря своему положению астролога и доверенного лица принцепса он был в центре событий почти всего правления Тиберия (Cramer 1954: 94–95; Barton 1994: 43). Трасилл, скорее всего, был женат на коммагенской принцессе, чье имя восстанавливается как Ака (SIG III, 4730). Его сын Тиберий Клавдий Бальбил унаследовал профессию и место отца, став придворным астрологом Клавдия, Нерона и Веспасиана (Tac. *Ann.*, VI, 22; Suet. *Nero*, 36); кроме этого, он исполнял и другие весьма важные должности, например, был главой александрийской библиотеки (Sichorius 1927; Cramer 1954: 95). Дочь Трасилла вышла замуж за всадника Луция Энния примерно в 15 г. н. э., и когда Эннию в 22 г. было предъявлено обвинение в оскорблении императора из-за того, что он переплавил статую принцепса в серебряную утварь, Тиберий своей волей остановил процесс (Tac. *Ann.*, III, 70, 2). Энния, внучка Трасилла от этого брака, стала женой Невия Сутория Макрона, всадника, который фактически исполнял обязанности регента Тиберия в последние годы его жизни. Макрон принимал деятельное участие в ликвидации заговора Сеяна, а затем принял сторону Гая и во многом обеспечил ему трон; он побудил свою жену стать любовницей Калигулы (Tac. *Ann.*, VI, 45). Позже они оба были принуждены к самоубийству Калигулой (Dio Cass., LIX, 10, 6).

В последующие времена о Трасилле помнили не только профессиональные астрологи, и это может дать ключ к пониманию его восприятия римлянами и оценки его роли при дворе Тиберия. У Ювенала в «Сатирах» он упомянут как знаменитый астролог прошлого рядом с легендарным Петосирисом (Juv., VI, 576–581). Позже Фемистий назвал Трасилла придворным философом Тиберия и сравнил его с Арием Дидимом при Августе и Дионом Хризостомом при Траяне (*Or.*, V, 63d; cf. XI, 173b). В другом месте он специально подчеркнул, что ни Август Ария, ни Сципион Панетия, ни Тиберий Трасилла не привлекали к государственным делам, но держали при себе только как зрителей (*Or.*, XXXIV, 31d–32a). Император Юлиан далек от такой сдержанности. В Послании к Фемистию он вспоминает о Трасилле менее лестно: для него это философ, который, сблизившись с Тиберием, до конца жизни покрыл себя несмываемым позором, причем не стал оправдывать себя в сочинениях, показав, что не ценил мнение сограждан (265b–d).

О чем мог беседовать император со своим звездочетом? Сразу заметим, что вряд ли они обсуждали текущие политические вопросы. Тиберий в этих делах абсолютно точно не нуждался в оценках или советах астролога, грамматика и философа, особенно с учетом его семейных связей. Только в первый, родосский период их знакомства, пасынок императора мог доверить астрологу какие-то свои надежды и чаяния, о чем, впрочем, быстро пожалел (Dio Cass., LV, 11, 1–3). Более вероятно, что Трасилл мог привлекаться для консультаций «по специальности»: вспомним приведенные выше свидетельства Диона Кассия и Светония о поиске возможных преемников и об определении продолжительности жизни людей из окружения принцепса³. Даже здесь у звездочета не было особого пространства для маневра: крайне недоверчивый и подозрительный Тиберий, будучи знатоком астрологии, мог или сам перепроверить выкладки Трасилла, или поручить сделать это другим профессионалам. Надо полагать, что спасшее жизни нескольких знатных римлян утверждение о том, что император умрет через 10 лет после астролога, основывалось на таком расположении звезд, которое давало безусловную возможность для такой интерпретации. Ф. Крамер в свое время попытался доказать важную роль Трасилла в политических интригах, считая его «силой за троном»: сначала он объединился с Сеяном, интриговавшим против Друза, но потом способствовал его падению и возвышению своего родственника Макрона (Cramer 1954: 103 ff.), но во-первых, у нас нет ни одного свидетельства в пользу этого, а во-вторых, к этому времени Трасилл уже достаточно хорошо изучил особенности характера своего покровителя, чтобы так рисковать ради неясных целей, ведь никто из последующих авторов не критиковал астролога за вмешательство в политику, коррупцию или алчность. В последние годы жизни Тиберия на Капри Трасилл был одной из ключевых фигур в окружении императора. Велик соблазн предположить существование придворной группировки, действовавшей в интересах Калигулы, куда входили бы он, Макрон и Энния, но опять-таки, никаких свидетельств о ней у нас нет. Трасилл, скорее всего, знал о замыслах своей внучки и ее мужа, но сам

---

³ Мы знаем, что одной из астрологических «специализаций» Бальбила, сына Трасилла, было определение продолжительности жизни человека; возможно, интерес к этой области был унаследован им от отца (Beck 2007: 130–131; Tolsa 2017: 209–210).

едва ли принимал какое-то участие в их составлении или проведении в жизнь.

Как нам кажется, Тиберия и Трасилла мог сближать общий интерес даже не к астрологии, а к философии, размышлениям о вселенском детерминизме, и составление гороскопов было не главной целью их занятий, а лишь инструментом постижения мира. По словам Светония, Тиберий мало заботился о богах, так как был привержен астрологии и верил, что все решает судьба (*Suet. Tib.*, 69), и этот фатализм, кажется, был то ли следствием, то ли причиной чего-то вроде подавленности и депрессии (*Tac. Ann.*, VI, 6). Как показал Г. Таррант, Трасилл был вполне самостоятельным философом, ярким представителем среднего платонизма, интересующимся неопифагореизмом (Tarrant 1993). Не все из реконструкций Тарранта следует безоговорочно принимать, многое, как он сам признает, остается только гипотезами, и не все историки философии во всем с ним согласны (Dillon 1996b). Тем не менее, нам хотелось бы обратить внимание на два момента, связанных с философскими воззрениями Трасилла и его взглядами на рок и предопределенность — вопросами, которые не были в центре внимания самого Платона, но вызывавшими интерес и споры у его последователей. Первый — стоицизирующее платоническое учение Трасилла о Логосе, очень похожее на то, что мы видим у Филона, и аналогичное учению Никомаха из Герасы (II в. н. э.). Этот Логос придает форму материи и при его посредстве Бог управляет всем сущим, ничто не может случиться без его воли. Понятие Логоса фундаментально важно для учения о предопределении, в частности, оно создает основу для любой дивинаторной практики. Темы судьбы, причины, свободы воли появляются у Антиоха Аскалонского (Dillon 1996a: 84–90), Посидония (Dillon 1996a: 109–110) и других платоников конца II–I вв. до н. э., и Трасилл продолжал линию развития платонизма, связанную со влиянием стоиков. Второй — это возможные интерполяции в текст платоновских диалогов, сделанные Трасиллом, в частности, в «Тимей». В качестве примера можно привести пассаж, где говорится о хороводах небесных тел, которые «посылают знамения грядущего» (40b–d). Здесь много неясного, об этом говорит Таррант, но то, что версии «Тимея», которыми пользовались предшественники Трасилла, могли отличаться от того варианта, которым располагаем мы, вполне вероятно. Является ли его деятельность исправлением ранее испорченного текста, или он делает какие-то вставки от себя, вопрос спорный.

Платоники без особого трепета относились к текстам своего учителя (Tarrant 1993: 193–197). Так или иначе, эти и подобные им вопросы на границе философии и грамматики могли занимать Тиберия, «постоянного посетителя философских школ и чтений» во времена родосского изгнания и знатока благородных искусств на обоих языках (Suet. *Tib.*, 11; 70), и он мог обсуждать их с Трасиллом, чередуя теоретические рассуждения о роке и философии с практическими занятиями астрологией. Остальные обычные для того времени темы декламаций философов, связанные с этикой или политикой, очевидно, мало подходили для бесед с императором, и было разумно держаться от них подальше (Tarrant 1993: 8–9).

Трасилл дает нам хороший пример изменений, которые происходили в религиозной жизни ранней империи. Хотя традиционные римские институты сохранялись, все большее значение получали независимые эксперты, специализирующиеся на относительно новых для греко-римского мира практиках. Их успех зависел от способности произвести впечатление на клиентов, представить в выгодном свете свои знания и навыки, указать на древний авторитетный источник своей мудрости (в случае астрологии это Гермес Трисмегист) и при необходимости дать им философское обоснование. Трасилл использовал все это для того, чтобы добиться сначала расположения, а затем и настоящей дружбы Тиберия. Впрочем, императором в его интересе к астрологии двигало не просто любопытство или стремление узнать будущее, но и несколько вполне рациональных мотивов. Обращение к звездам давало дополнительную санкцию для его политических решений, демонстративное постоянное присутствие Трасилла при запрете занятий астрологией для прочих жителей империи подчеркивало его особый статус еще со времен Августа, наконец, старые римские коллегии гаруспиков и авгуров были слишком тесно связаны с сенатской знатью, с которой у Тиберия были, как известно, не самые простые отношения.

Литература

- Antonets, E. V. 2021: [The structure of the period in Cicero's *Aratea*]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 25, 55–68.

- Антонец, Е. В. 2021: О структуре периода в «Aratea» Цицерона, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 55–68.
- Altman, W. H. F. 2010: The Reading Order of Plato's Dialogues. *Phoenix* 64, 18–51.
- Barton, T. 1994: *Ancient Astrology*. London; New York.
- Beck, R. 2007: *A Brief History of Ancient Astrology*. Oxford.
- Chroust, A.-H. 1965: The Organization of the Corpus Platonicum in Antiquity. *Hermes* 93, 34–46.
- Cichorius, C. 1927: Der Astrologe Ti. Claudius Balbillus, Sohn des Thrasyllus. *Rheinisches Museum für Philologie* 76, 102–05.
- Cramer, F. H. 1954: *Astrology in Roman Law and Politics*. Philadelphia.
- Dillon, J. 1996a: *The Middle Platonists*². Ithaca.
- Dillon, J. 1996b: Thrasyllus and the Logos. *Apeiron* 29, 99–103.
- Dörrie, H. 1976: *Platonica minora*. Munich.
- Dunn, M. 1976: Iamblichus, Thrasyllus and the Reading Order of the Platonic Dialogues. In: R. B. Harris (ed.). *The Significance of Neoplatonism*. Norfolk, 59–80.
- Glucker, J. 1978: *Antiochus and the Late Academy*. Göttingen.
- Gundel, W., Gundel, H. J. 1966: *Astrologoumena: Die astrologische Literatur in der Antike und ihre Geschichte*. Wiesbaden.
- Hayes, W. M. 1959: Tiberius and the Future. *Classical Journal* 55, 2–8.
- Hoerber, R. G. 1957: Thrasyllus' Platonic Canon and the Double Titles. *Phronesis* 2, 10–20.
- Krappe, A. H. 1927: Tiberius and Thrasyllus, *American Journal of Philology* 48, 359–366.
- MacMullen, R. 1966: *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest, and Alienation in the Empire*. Cambridge.
- Neuburg, M. 1993: Hitch Your Wagon to a Star: Manilius and His Two Addressees. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 31, 243–283.
- Oliver, R. P. 1980: Thrasyllus in Tacitus (Ann, 6.21). *Illinois Classical Studies* 5, 130–148.
- Panteleev, A. D. 2020: [“They Would Never Approach an Assembly of Wise Men”: Sophists, Anti-Sophists, and Early Christianity]. *ISTORIYA* 11, 6 (92) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010542-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840010542-5
- Пантелеев, А. Д. 2020: «Они никогда не присоединяются к собранию разумных людей»: софисты, лже-софисты и раннее христианство. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11, 6 (92).

- Potter, D. 1994: *Prophets and Emperors: Human and Divine Authority from Augustus to Theodosius*. Cambridge.
- Ripat, P. 2011: Expelling Misconceptions: Astrologers At Rome. *Classical Philology*, 106, 115–154.
- Smith, M. 1978: *Jesus the Magician: Charlatan or Son of God?* San Francisco.
- Tarrant, H. 1993: *Thrasyllan Platonism*. Ithaca.
- Tolsa, C. 2017: Time of Birth and Ascendant in the Papyrus Horoscopes. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 204, 209–220.
- Wendt, H. 2016: *At the Temple Gates. The Religion of Freelance Experts in the Early Roman Empire*. Oxford.

А. В. Подосинов

Институт всеобщей истории РАН/ МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
podossinov@mail.ru

КРУГЛЫЕ КАРТЫ МИРА В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОКАРТОГРАФИИ

В статье рассматриваются свидетельства античных и средневековых авторов о существовании в античности и раннем средневековье круглых карт мира, омываемого со всех сторон океаном. Такие карты существовали в Греции на заре географического знания, описанные уже в эпосе Гомера (знаменитый щит Ахилла) и разрабатывавшиеся в ранней ионийской натурфилософии (труды Анаксимандра и Гекатея). Эллинистическая научная география изменила картографическую практику, признав ойкумену не круглой, а вытянутой в длину с запада на восток, однако круглые карты оставались в ходу вплоть до конца античности и плавно перешли в обиход средневековой картографии (Т-О карты). В статье ставится вопрос о причине живучести таких представлений о форме земли, особенно на материале римской геокартографии, а также приводятся подобные факты из картографических традиций других древних культур.

Ключевые слова: античная картография, круглые карты земли, эпическая география, ионийская наука, эллинистическая математическая геокартография, римская картография, карты средневековья.

Alexander V. Podossinov

Institute of World History, RAS/ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
podossinov@mail.ru

Round world maps in ancient and medieval geocartography

The article examines the evidence of ancient and medieval authors about the existence in antiquity and the early Middle Ages of round maps of the world, washed from all sides by the ocean. Such maps existed in Greece at the dawn of geographical knowledge and are described already in the epic of Homer (the famous shield of Achilles). They were further developed in the early Ionian natural philosophy (the works of Anaximander and Hecataeus). Although Hellenistic scientific geography changed the cartographic practice and considered the ecumene not round, but elongated from west to east, round maps remained in use until the end of antiquity and were still employed in medieval cartography (T-O maps). The article raises the question of the reason for the persistence of such ideas about the shape of the earth, especially on the material of Roman

geocartography, and also provides similar facts from the cartographic traditions of other ancient cultures.

Keywords: ancient cartography, round maps of the earth, epic geography, Ionian science, Hellenistic mathematical geocartography, Roman cartography, maps of the Middle Ages.

В I в. до н. э. греческий автор Гемин в своем астрономическом труде *Εἰσαγωγή εἰς τὰ Φαινόμενα* («Введение в небесные явления») ¹ поделился следующим географическим (картографическим) наблюдением (XVI. 3–5) ²:

Наша ойкумена делится на три части: Азия, Европа, Ливия. И длина ойкумены приблизительно в два раза больше её ширины. По этой причине составители географических карт ³, сообразуясь с этим расчетом, рисуют их на продолговатых дощечках, длина которых в два раза больше ширины. А те, кто рисует круглые карты, далеко уклоняются от истины: у них длина получается равной ширине, а по природе это не так, так что в круглых картах по необходимости не соблюдается соразмерность расстояний. Ведь тот кусок сферы, в котором находится наша ойкумена, по долготе протяжён в два раза больше, чем по широте, так что его невозможно заключить в круг.

---

¹ См. о нем и его произведении: Tittel 1910: 1026–1050; Evans, Berggren 2006: 15–22; Гемин 2011: 174–233.

² Перевод А. И. Щетникова в: Гемин 2011: 222 с моими поправками.

³ В греческом тексте стоит слово γεωγραφία, которое А. И. Щетников переводит как «географические карты». Отмечу, что уже К. Маниций переводил это слово тоже как „die Erdkarten“ (Manitius 1898: 165). J. L. Berggren переводит все три раза γεωγραφία как world maps. Мне кажется, что Гемин, в полном согласии с Птолемеем, писавшим три века спустя, под «географией» понимает именно карту, иначе невозможно понять, в каких «круглых географиях (ἐν ταῖς στρογγύλαις γεωγραφίαις) не соблюдалась соразмерность расстояний». Напомню, что и Птолемей начинает свой труд со следующих слов (I. 1. 1): «География есть линейное изображение (ἡ γεωγραφία μίμησις ἐστὶ διαγραφῆς) всей ныне известной нам части земли со всем тем, что на ней находится» (перевод К. С. Апта), при этом речь идет именно о составлении географической карты. Плутарх в биографии Тесея (1, 1) пишет о том, какие сведения сообщают ученые на краях таблиц (τοῖς ἐσχάτοις μέρεσι τῶν πινάκων) на своих картах (ἐν ταῖς γεωγραφίαις). Фр. Пронтера считает, что слово γεωγραφία, придуманное Эратосфеном и использованное им по отношению уже к Анаксимандру, означало вплоть до Птолемея «чертеж земли» (Zeichnung der Erde), см. Prontera 2011: 127–128.

Из этого текста мы узнаем, что в географическом обиходе I в. до н. э. существовало два типа карт — круглые и вытянутые в длину (имеется в виду протяженность ойкумены с запада на восток, которая считается длиной и которая в два раза шире ширины, т. е. расстояния от севера до юга). Несмотря на то что сам Гемин считал круглые карты неправильными, его наблюдение — важное свидетельство существования таких карт и таких представлений о форме ойкумены еще и в I в. до н. э.

Критика круглых карт как ненаучных, искажающих действительные очертания ойкумены, прозвучала еще в устах Геродота и Аристотеля. Так, Геродот, явно полемизируя с Гекатеем и в его лице с ионийской картографической школой, писал: «Смешно видеть, как уже многие составили описания земли, но никто не дал разумного объяснения. Они изображают Океан, обтекающий вокруг землю, которая имеет вид круга, словно начертана циркулем» (IV. 36. 2; перевод И. А. Шишовой).

О том, что такие представления о форме земли были живучи и позже, свидетельствует Аристотель: «Существующие ныне описания земли нелепы: ведь обитаемую землю изображают круглой, а это невозможно, исходить ли из наблюдения или из [общих] рассуждений»⁴. Замечу, что Гемин в своем учебном пособии, не упоминая в данном случае Аристотеля, явно имеет в виду его точку зрения на неправильность круглых карт, когда он повторяет его утверждение, что изображать ойкумену следует κατὰ (τὸν) λόγον.

Как мы видим, столь же нелепыми считал такие карты Гемин спустя несколько веков, и тем не менее они существовали.

Цель этой работы — показать истоки и причины изображения земли круглой, функционирование такой картографической модели в античной и средневековой геокартографии.

Самые ранние свидетельства представления о Земле как о плоском круглом диске сохранились в эпической поэзии Гомера и Гесиода. Я имею в виду знаменитые описания щита Ахилла у Гомера и щита Геракла у Гесиода. Гомер, рассказывая

---

⁴ Meteor. II. 5. 362 b 10; перевод Н. В. Брагинской. См. Bolchert 1908: 4: “Gewiss hat Aristoteles in seine Kritik der alten ionischen Karten, die κυκλωτερῆ τὴν οἰκουμένην gezeichnet hätten (Meteor. II 5, 13 p. 362 b 12), die Karte des Anaximander eingeschlossen... Die Oikumene ist nach Aristoteles nicht kreisrund, wie die alten ionischen Karten sie zeichneten, gegen die Aristoteles ausdrücklich polemisiert, sondern ein Streifen”.

о щите, который по просьбе Фетиды для ее сына Ахилла изготовил Гефест (II. XVIII. 478–607), так его описывает:

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
 Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
 480 Белый, блестящий, тройной...
 Ποίει δὲ πρότιστα σάκος μέγα τε στιβαρόν τε
 πάντοσε δαιδάλλων, περὶ δ' ἄντυγα βάλλε φαεινὴν
 τρίπλακα μαρμαρέην, ἐκ δ' ἀργύρεον τελαμῶνα.

Описание сцен военной и мирной жизни на щите заканчивается словами (606–607):

Там и ужасную силу представил реки Океана
 Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.
 Ἐν δ' ἐτίθει ποταμοῖο μέγα σθένος Ὠκεανοῖο
 ἄντυγα πᾶρ πυμάτην σάκεος λύκα ποιητοῖο.

Итак, щит был круглым, и Земля была со всех сторон окружена Океаном⁵.

Примерно то же мы видим и в описании щита Геракла у Гесиода, или скорее псевдо-Гесиода, — современные ученые отказывают Гесиоду в авторстве (Ps.-Hes. *Scut.* 139–320). Заканчивается описание, как и в «Илиаде», упоминанием окружающего землю Океана (314–315):

Обод вокруг обтекал Океан, как поток наводненный.
 Целостно он охватывал щит премоногоискусный.
 ἀμφὶ δ' ἴτυν ῥέεν Ὠκεανὸς πλήθοντι ἕοικῶς,
 πᾶν δὲ συνεῖχε σάκος πολυδαίδαλον...

Итак, круглая Земля, омываемая со всех сторон рекой-Океаном, — такова древнейшая картина мира европейцев.

Вскоре она будет облечена в научные одежды и станет традиционной картиной мира. Это случилось в Ионии, в которой родилась древнегреческая наука. Вот что пишет позднеантичный автор Агафемер в своем «Очерке географии» (Γεωγραφία ὑποτύποσις)⁶ о начале географии в Греции (1):

⁵ О круглом щите (κύκλος, orbis) как образе мира с умбоном (ὄμφαλος, umbo, 'пуп') в центре и ободом как границе мира в античной литературе см.: Hardie 1985: 11–31; Hübner 2007: 161–184. Ср. Ovid. *Metam.* XIII, 110: clipeus vasti caelatus imagine mundi — «щит, украшенный изображением огромного мира».

⁶ См. об Агафемере и его труде, а также его русский перевод: Агафемер 2009: 167–181.

Первым⁷, кто решился описать ойкумену на таблице (τὴν οἰκουμένην ἐν πίνακι γράψαι), был Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса. После него Гекатей Милетский, который много странствовал, настолько усовершенствовал это произведение, что привел всех в восхищение: ведь [даже] Гелланик Лесбосский — муж, сведущий во многих науках, — излагал историю без всякого изображения (ἀπλάστως). Затем Дамаст Сигейский, переписав очень многое из трудов Гекатея, написал перипл. Вслед за ним Демокрит, Эвдокс и некоторые другие составили периоды земли (περίόδους τῆς γῆς) и периплы.

По-видимому, именно эти περίοδοι τῆς γῆς, будучи круглыми картами⁸, послужили предметом насмешек Геродота и Аристотеля.

О том, что они были круглыми, свидетельствует тот же Агафемер, продолжая свой рассказ об истории греческой географии (2):

Древние изображали ойкумену круглой (οἱ μὲν οὖν παλαιοὶ τὴν οἰκουμένην ἔγραφον στρογγύλην), посреди же нее лежит, по их мнению, Эллада, а посреди нее — Дельфы: ведь там находится пуп земли⁹.

Но очень скоро античные ученые заметили, что ойкумена представляет собой вовсе не круг, а вытянутую с запада на восток фигуру, которая может быть похожа на параллелограмм, трапецию, хламиду и др.

Агафемер продолжает:

⁷ Ср. Strabo I. 1. 11: «Эратосфен говорит, что первыми двумя преемниками Гомера (в географии. — А. П.) были Анаксимандр, ученик Фалеса и его соотечественник, и Гекатей Милетский; и что Анаксимандр первым выпустил в свет географическую карту (γεωγραφικὸν πίνακα), а Гекатей оставил труд по географии...» (перев. Г. А. Стратановского).

⁸ Возможно, круглой была карта мира на бронзовой таблице, с которой приехал в Спарту тиран Милета Аристагор, чтобы убедить спартанцев выступить против персов Дария (см. Hdt. V. 49. 1); о возможной связи ее с картой Гекатея см. Bichler 2016: 14–15; Аужас 2016: 328.

⁹ О Дельфах как центре Греции и всей земли в восприятии греков см. у Страбона: «Храм [Аполлона в Дельфах] лежит почти в центре всей Эллады... этот храм называли даже пупом земли, считая его лежащим в центре всей обитаемой земли» (IX. 3. 6).

Первым же, кто заметил, что Земля удлиненной формы (προμήκης ἐστὶν ἢ γῆ) и в длину в полтора раза больше, чем в ширину, был Демокрит, муж весьма многоопытный. С ним согласился и Дикеарх Перипатетик, Эвдокс же считал, что длина земли в два раза больше ширины, а Эратосфен — больше, чем в два раза. Кратет [представлял себе землю] как полукруг, Гиппарх — подобной столу, другие же — подобной хвосту. Посидоний же Стоик [считал, что Земля] похожа на пращу и в средней своей части, простирающейся с юга на север, широкая, на восток же и запад — узкая, при этом восточные части, лежащие в Индии, более широкие, [чем западные].

В этом сжатом очерке истории греческой географии Агафемер упоминает почти всех выдающихся ученых, которые занимались проблемами космологии, космографии, географии и картографии ойкумены. Как мы видим, все они далеко ушли от древнеионийского представления об ойкумене как круглом диске. Птолемей в I. 6. 4 утверждает: «Все решительно согласны в том (ὁμόλογηται δὲ παρὰ πάντων ἀπλῶς), что расстояние между западом и востоком обитаемой земли намного больше (πολλῶ μεῖζον), чем расстояние между севером и югом» (перев. К. С. Апта). И тем не менее, свидетельства Геродота, Аристотеля и Гемина говорят о том, что круглые карты Земли создавались, циркулировали и были довольно популярны в античном обществе еще долгое время¹⁰, если не всегда.

Противопоставление «древних карт» современным можно встретить в «Географии» Страбона, который сообщает о полемике Гиппарха с Эратосфеном по поводу расположения Индии и прохождения горной цепи Тавра через Азию (II. 1–11) (см. Prontera 2014: 25–26; Rathmann 2020: 241–242). В связи с этим он пишет, (11): «Когда Гиппарх предлагает нам оставить линию такой, как на древних картах (οἱ ἀρχαῖοι πίνακες), то он склоняется на сторону древних» (перевод Г. А. Стратановского).

Французский историк античной картографии Паскаль Арно считает, что Гиппарх пытался реабилитировать древнеионийские круглые карты¹¹. В самом деле, ионийская наука считала,

---

¹⁰ См. Prontera 2011: 127 о “das lange Nachleben der antiken Rundkarten auch nach Eratosthenes”.

¹¹ Arnaud 2014: 41–42. См. также: Dicks 1960: 122; Aujac 1966: 204; Prontera 2011: 133. К. Гойс считает, что апелляция к древним картам “shows more his dissatisfaction with the seals system of Eratosthenes than a conservative attitude in cartography” (Geus 2016: 158).

что Индия находится на самом востоке ойкумены, занимая там все срединное пространство¹², и, значит, именно на ионийских картах, по критическому мнению Эратосфена, «восточные части гор значительно отклоняются к северу, поэтому сама Индия, отклоняясь вместе с ними, расположена севернее, чем должно быть».

Возможно, ремарка Агафемера о том, что Гиппарх считал ойкумену подобной столу (τραπεζοειδῆ), если представить стол круглым, отражает древнюю традицию рисовать карту круглой (Arnaud 2014: 41–42). Параллель к представлению о земле как круглом столе дает Плутарх (*Moral. Quaest. Conviv.* VII. 4. 7. 704b): «А мне кажется стол подобием земли (μίμημα τῆς γῆς ἢ τράπεζ' εἶναι): помимо того, что он питает нас, он обладает круглой формой (στρογγύλη) и устойчивостью, и с полным основанием некоторые дают ему название ἐστία» (перевод Я. М. Боровского). Замечу, что ἐστία — это домашний очаг, который был круглым. В этом описании Плутарха П. Арно также видит представление о круглой карте (circular map) (Arnaud 2014: 42).

Вероятно, следует различать представления о географии ойкумены, разрабатываемые учеными, которые, как правило, совмещали методы и проблематику математики, астрономии, космологии и географии, и представления большинства людей, некомпетентных в этих науках. Для первых карты мира должны были быть вытянутыми, для вторых понятнее были карты круглые.

В отличие от греков, римляне редко озадачивались теоретическими проблемами мироздания, поэтому есть основания думать, что круглая карта плоского мира была для них более понятной и распространенной, чем у греков. Даже населенная земля — по-гречески «ойкумена» — получила в Риме название orbis terrarum («круг земель»). По мнению П. Арно, само это латинское название ойкумены выводилось, возможно, из контуров круглой земли и поддерживало распространение круглых

---

¹² Еще Эфор считал, что «земли к востоку занимают инды, к югу — эфиопы, к западу — кельты, к северу — скифы» (Strabo I. 2. 28). По мнению К. Гойса, Гиппарх в вопросе о локализации Индии на карте “followed the older maps of the Ionians here instead of accepting the better one of Eratosthenes” (Geus 2016: 159).

карт на римской почве¹³. Римские авторы Помпоний Мела и Плиний Старший, от которых дошли главные произведения по географии, рассказав в начале своих трудов о Земле как шаре (называя его греческим термином *sphaera* или латинским *globus*) и отдав тем самым честь греческим научным теориям, которые им знакомы, дальше как бы забывают об этом и говорят о плоской круглой ойкумене вполне в духе древнеионийских ученых.

Так, например, Плиний Старший описывает мир следующим способом (*NH* II. 5): *Formam eius in speciem orbis absoluti globatam esse nomen in primis et consensus in eo mortalium orbem appellantium*. Е. В. Илюшечкина переводит эту фразу следующим образом: «Мир имеет форму совершенного шара, потому что люди и называют его сферой». Этот перевод отражает суть высказывания Плиния, пересказывающего эллинистические теории шарообразности Земли. Но примечательно, какими понятиями латинского языка при этом оперирует Плиний. Буквально он говорит о «шарообразной форме напоподобие совершенного круга (*orbis*)» и «существует согласие в этом всех людей, называющих ее кругом (опять *orbis!*)». *Orbis* и *sphaera* (или латинский его эквивалент, употребленный Плинием — *globus, globatus*) оказываются практически синонимами. В II. 160 Плиний опять приводит эти два понятия как синонимы: *orbem certe dicimus terrae globumque uerticibus includi fatemur. neque enim absoluti orbis est forma.* — «Мы с определенностью говорим об округлости Земли (*orbem terrae*), полагая, что она шар (*globum*), заключенный между полюсами. Впрочем, она не имеет форму абсолютного шара (*absoluti orbis*)...» (перевод здесь и далее Е. В. Илюшечкиной). Чуть ниже в том же параграфе он говорит о «земном шаре в форме круга» (*globum in formam orbis*).

И когда в самом начале географического раздела «Естественной истории» Плиний пишет (III. 3): «Весь круг земель (*terrarum orbis unversus*) делится на три части: Европу, Азию, Африку», то здесь *orbis terrarum* получает свое исконное плоскостное значение — «круг земель». Все эти терминологические

---

¹³ Arnaud 2014: 43: “One should add that is (popularity of the circular maps in Rome. — *A. II.*) was also supported by the Latin expression *orbis terrarum*, probably derived from that very shape. Their intellectual simplicity made them easier, and in some way they could be considered truer than geographical maps...”.

моменты показывают, на мой взгляд, трудности, с которыми сталкивались даже самые просвещенные римляне в вопросах формы земли и ойкумены¹⁴.

До нас, к сожалению, не дошли карты римского времени. Латиноязычная Певтингерова карта ойкумены, сохранившаяся в копии XII в. н. э., восходит в конечном итоге к эллинистическим образцам (Rathmann 2020) и, соответственно, имеет вытянутую с запада на восток форму.

Скорее всего круглой была карта Черного моря, принадлежавшая в середине III в. н. э. римскому легионеру из Дура Европос и нарисованная на коже, обтягивавшей круглый парадный щит¹⁵.

Возможно, также круглой была карта мира, начертанная на пергамене¹⁶, за владение которой императором Домицианом был казнен римский сенатор Меттий Помпузиан: император заподозрил в обладании картой мира имперские амбиции и претензии на императорскую корону¹⁷.

Имперские идеи отразились также в карте мира, которую выткала в подарок римскому императору (предположительно Калигуле или Клавдию) царица Кипрос, жена иудейского царя Герода Агриппы I¹⁸. Об этом рассказывается в эпиграмме Филиппа Фессалоникского (первая половина I в. н. э.), которая начинается словами, что Кипрос «выткала плодоносную землю, которую, послушную великому цезарю, окаймляет окружающий землю Океан» (Anthol. Graeca, IX, 778: Γαῖαν τὴν φερέκαρπον, ὅσῃν ἔζωκε περὶχθῶν // ὠκεανὸς μεγάλῳ Καίσαρι πειθομένην). В этом описании позволительно видеть традиционную круглую карту мира, омываемого со всех сторон Океаном, наподобие той, которую Гомер изобразил на щите Ахилла¹⁹.

Мы не знаем, как выглядела карта римского автора Юлия Гонория (IV–V вв. н. э.), которую описал его ученик в трактате,

---

¹⁴ См. Geus 2016: 151: “Authors like Strabo, Mela or Pliny who have transmitted the bulk of information on astronomical geography, did not have a mathematical background. Hence, they often misunderstood and misrepresented the arguments and results of their “astronomical” counterparts or presented them only as “distillates” from second-hand accounts”.

¹⁵ См. публикацию и исследование карты: Подосинов 2002: 77–99.

¹⁶ Так считает Arnaud 1983: 685–686.

¹⁷ Об этом рассказывают Светоний (*Domit.* 10. 3) и Кассий Дион (*LXVII.* 12. 3–5).

¹⁸ См. об этой карте подробнее: Diederich 2019 (16): 97–99.

¹⁹ Так думают Scott 2002: 10–11 и Diederich 2019 (16): 98.

дошедшем до нас под названием «Космография Юлия Гонория»²⁰. В конце трактата есть приписка, видимо, сделанная учеником Гонория: «Пусть эта книга извлечений не отделяется от сферы» (*hic liber exce[r]ptorum ab sphaera ne separetur*). Видимо, неслучайно карта мира названа словом «сфера», которое здесь, очевидно, означает не «земной шар» (или даже глобус), как в научной географии, а «круглая карта» (Nicolet, Gautier Dalche 1986: 162; Monda 2008: 13–14. Diederich 2019 (17): 128–133).

При переходе от античности к средневековью на новую географию естественным образом оказывали воздействие и входили в обиход римские, так сказать, «вульгарные» формы картографической деятельности, как это было, скажем, с вхождением в романские языки вульгарной лексики и грамматики латинского языка. Это означает, что средневековая картография должна была принять круглые карты мира. Так и произошло — огромное количество средневековых карт представляли собой круглые карты, показывающие круглую землю, окруженную со всех сторон океаном, и содержащие три материка, в разной степени наполненных географической номенклатурой. Кроме того, на римскую традицию круглых карт наложилось то обстоятельство, что христианство исповедовало космологию, взятую из Ветхого завета, где Земля объявлялась плоской. Поэтому уже апологет Лактанций ок. 300 года заявлял, что шар — языческая ложь, такие же взгляды высказывали Августин Блаженный на западе Европы и Козьма Индикоплов на востоке в Византии. Особенно ярко эту идею воплощали так называемые T-O карты мира. Но и более подробные и масштабные карты мира средневековья сохраняли круглые формы, например, знаменитая Херефордская.

Заключение

Круглые карты мира, рисующие круглую землю (ойкумену), окруженную со всех сторон Океаном, являются самыми ранними картографическими презентациями мира и свойственны многим народам. Достаточно вспомнить карту мира из Вавилона (VIII–VII вв. до н. э.)²¹ с Вавилоном в центре карты и с круглой землей, омываемой океаном, которая, кстати, дает возможность многим исследователям возводить круглые карты

---

²⁰ См. публикацию и исследование этого труда: Подосинов 2002: 107–146.

²¹ См. о ней подробнее: Horowitz 1988: 147–165.

Гомера и раннеионийских ученых к ближневосточным образцам²². Круглые карты мира встречаются в картографических опытах китайцев и арабов, если брать самые «картографические» культуры древности.

И это понятно с точки зрения восприятия пространства древними людьми, которые, полагая себя (или свою столицу, как вавилоняне, или святилища, как Дельфы греки) в центре мира, воображали и изображали мир круглым, как подсказывала им круглая линия горизонта²³. Отсюда и такие обозначения, как *orbis terrarum* в Риме, *Heimskrinla* в Скандинавии, *Erdkreis* в немецком языке и др., все означающие «круг земной».

Несмотря на преодоление этого представления в античной научной картографии, круглые карты, как мы видели по их критике у Геродота, Аристотеля и Гемина, продолжали долго оставаться в обиходе ненаучной, популярной, возможно, учебной культуры. Весьма вероятно, что средневековая картография, основываясь на римской «вульгарной» картографии и на библейских концептах плоской земли, заново воспроизвела раннегреческий образ земли²⁴.

---

²² См., например, Bichler 2016: 4: “The idea that here a cosmological concept derived from ancient Near Eastern tradition was adopted and transformed has been stated frequently since the discovery of the so-called Babylonian Map of the World”.

²³ Cp. Bolchert 1908: 3: “Für die naïve Vorstellung des Mythos verstand die Stellung des Menschen und der Erde im Mittelpunkt des Weltalles sich von selbst, jener Erde, die kreisrund war, wie der Horizont, der den Blick begrenzte”. См. также: Prontera 2014: 17 о круглых картах у Гемина “La raison de cette persistance résidaient dans le fait que l’horizon visible devenait naturellement la modèle du cercle délimitant la terre habitée”.

²⁴ Arnaud 2014: 36: „It is near certain that, together with many maps of other shapes, circular maps were drawn from the Archaic period through to the Middle Ages — though it is often criticised“. См. также на стр. 42: “Why circular maps remained so popular until the Middle Ages is still a mystery, but one can suggest that is was mainly due to the strength of a tradition warranted by the highest authority: Homer”. См. также: Rathmann 2020, 242: “Geminus clearly shows us that, as late as the 1st century BC, the completely outdated circular maps of the Ionians were still in circulation despite a centuries-old criticism”. И в примеч. 153: “Against this background the circular Medieval TO maps should no longer be a surprise to us”.

Литература

- Agafemer 2009: [Agathemerus. Essay on geography. Introductory article, translation from ancient Greek and commentary by A. V. Podossinov]. *Trudy kafedry drevnikh yasykov istoricheskogo fakul'teta MGU [Proceedings of the Department of Ancient Languages of the Faculty of History of Moscow State University]* 2, 167–181. Агафемер 2009: Очерк географии. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий А. В. Подосинова. *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ* 2, 167–181.
- Arnaud, P. 1983: L'affaire Metius Pompusianus ou le crime de cartographie. *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome* 95. 677–699.
- Arnaud, P. 2014: Mapping the edges of the Earth: Approaches and cartographical problems. In: *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography*. Ed. by A. V. Podossinov. (Colloquia antiqua 12). Leuven; Paris; Walpole, Ma, 32–57.
- Aujac, G. 1966: *Strabo et la science de son temps*. Paris.
- Aujac, G. 2016: The “Revolution” of Ptolemy. In: S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). *Brill's companion to ancient geography: the inhabited world in Greek and Roman tradition*. Leiden; Boston, 313–334.
- Bichler, R. 2016: Persian Geography and the Ionians: Herodotus. In: S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). *Brill's companion to ancient geography: the inhabited world in Greek and Roman tradition*. Leiden; Boston, 3–20.
- Bolchert, P. 1908: *Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien*. Berlin.
- Dicks, D. R. 1969: *The Geographical Fragments of Hipparchus*. London.
- Diederich, S. 2019 (16): Kartenkompetenz und Kartenbenutzung bei den Römischen Eliten. Teil I. *Orbis terrarum* 16, 51–136.
- Diederich, S. 2019 (17): Kartenkompetenz und Kartenbenutzung bei den Römischen Eliten. Teil II. *Orbis terrarum* 17, 101–184.
- Evans, J., Berggren, J. L. 2006: *Geminus's introduction to the phenomena. A translation and study of a hellenistic survey of astronomy*. Princeton.
- Gemin 2011: [Geminus. Introduction to phenomena. Preface, Russian translation and commentary by A. I. Shchetnikov]. *ΣΧΟΛΗ* 5,2, 174–233.
- Гемин 2011: Введение в явления. Предисловие, русский перевод и комментарий А. И. Щетникова. *ΣΧΟΛΗ* 5,2, 174–233.
- Geus, K. 2016: Progress in the Sciences: Astronomy and Hipparchus. In: S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). *Brill's companion to ancient geography: the inhabited world in Greek and Roman tradition*. Leiden; Boston, 150–160.

- Hardie, Ph. R. 1985: *Imago mundi*. Cosmological and ideological aspects of the shield of Achilles. *Journal of Hellenic Studies* 105, 11–31.
- Horowitz, W. 1988: The Babylonian Map of the World. *Iraq* 50, 147–165.
- Hübner, W. 2007: Der Schildrand als Grenze. In: *Räume und Grenzen. Topologische Konzepte in den antiken Kulturen des östlichen Mittelmeerraums*. Hrsg. von R. Albertz, A. Blöbaum, P. Funke. München, 161–184.
- Manitius, C. 1898: *Gemini Elementa astronomiae*. Lipsiae.
- Monda, S. 2008: *La Cosmographia di Giulio Onorio. Un excerptum scolastico tardo-antico*. Roma.
- Nicolet, C., Gautier Dalche, P. 1986: Les quatre sages de Jules César et la mesure du monde selon Julius Honorius. *Journal des Savants*. 1986, 157–218.
- Podossinov, A. V. 2002: *Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition. Texts, translation, commentary* [Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition. Texts, translation, commentary]. Moscow.
- Подосинов, А. В. 2002: *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. М.
- Prontera, Fr. 2011: Hekataios und die Erdkarte des Herodot. In: *Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts*. Mainz, 127–135.
- Prontera, Fr. 2014: Centre et périphérie dans les mappemondes grecques. In: *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography*. Ed. by A. V. Podossinov. (Colloquia antiqua 12). Leuven; Paris; Walpole, Ma, 13–29.
- Rathmann, M. 2020: New perspectives on the *Tabula Peutingeriana* II. *Orbis terrarum*. 18, 197–251.
- RE — *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart. 1894–
- Scott, J. M. 2002: *The Mappamundi of Queen Kypros. Geography in Early Judaism and Christianity: The Book of Jubilees*. Cambridge, 5–22.
- Tittel, K. 1910: Geminus [1]. *RE* VII. 1. 1026–1050.

В. В. Понарядов
ИЯЛИ Коми НЦ Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия;
vadim.ponaryadov@yandex.ru

ЧТО ТАКОЕ κημός, ИЛИ НОСИЛИ ЛИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ЛОШАДИ НАМОРДНИКИ?

В статье исследуется значение древнегреческого слова κημός, которое может называть одну из деталей конского снаряжения. По свидетельству Ксенофонта, эта деталь использовалась, чтобы не позволить лошади кусаться, вследствие чего данное слово обычно переводят как ‘намордник’. Рассмотрение более широкого круга источников, включая упоминания в греческом переводе Ветхого Завета и свидетельства ранних греческих лексикографов, показывает, что обычно κημός использовался не для предотвращения кусания, а для управления лошастью или ослом. Описания в некоторых источниках дают возможность отождествить κημός с капцуном — видом узды, позволяющим управлять животным с помощью давления специальных жестких элементов на его нос, без использования вкладываемых в рот удил.

Ключевые слова: древнегреческий язык, названия конского снаряжения, лексическая семантика, этимология.

V. V. Ponaryadov
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Division, RAS.
Syktyvkar, Russia; vadim.ponaryadov@yandex.ru

What is κημός, or Did ancient Greek horses wear muzzles?

The article examines the meaning of the Ancient Greek word κημός, which can designate one of the parts of horse tack. According to Xenophon's testimony, this part was used to prevent a horse from biting, and hence this word is commonly translated as ‘muzzle’. More sources have been investigated, including how the word is used in the Greek translation of the Old Testament and what early Greek lexicographers wrote about it, it turns out that κημός usually was used not to prevent biting, but to govern a horse or a donkey. Descriptions in some sources make it possible to identify κημός with hackamore, a kind of bridle that allows governing an animal with the usage of special hard elements pressing on its nose, without a bridle-bit inserted into its mouth.

Key words: Ancient Greek, names for horse tack, lexical semantics, etymology.

Для древнегреческого слова κημός в словаре И. Х. Дворецкого приводятся следующие значения: '(конский) намордник', 'рыболовная верша', '(конический) верх урны (для опускания судейских голосов)' (Dvoretzkiy 1958: 942). Как первое из значений, намордник, который надевается на коня для предотвращения кусания, дается и в других словарях древнегреческого языка, ср. например, (LSJ 1996: 947): 'muzzle, put on a led horse, to prevent it from biting'.

Такое понимание слова κημός исходит из следующего пассажа, обнаруживающегося в сочинении «О верховой езде» Ксенофонта (5, 3): εἰδέναι δὲ χρῆ τὸν ἵπλοκόμον καὶ τὸν κημόν περιτιθέναι τῷ ἵπλῳ, καὶ ὅταν ἐπὶ ψῆξι καὶ ὅταν ἐπὶ καλίστραν ἐξάγῃ. καὶ αἰεὶ δὲ ὅλοι ἂν ἀχαλίνωτον ἄγῃ κημοῦν δεῖ. ὁ γὰρ κημός ἀναπνεῖν μὲν οὐ κωλύει, δάκνειν δὲ οὐκ ἐᾷ: καὶ τὸ ἐπιβουλεύειν δὲ περικείμενος μᾶλλον ἐξαιρεῖ τῶν ἵπλων. 'Надо также проследить, чтобы конюх умел надеть на лошадь κημός, когда выводит ее чиститься или валяться. И каждый раз, когда он ведет ее куда-нибудь без узды, он должен надевать κημός¹. Ведь κημός дышать не мешает, а кусаться не позволит, и когда он надет, уберет от коварных замыслов, которые могут быть у лошадей'.

Казалось бы, контекст здесь для значения 'намордник' совершенно прозрачен: речь идет о приспособлении, используемом с целью воспрепятствовать способности лошади кусаться. Поэтому уже начиная с выполненных в XVI в. первых переводов данного сочинения Ксенофонта на латинский язык для этого слова принимается именно такая семантика.

Однако обратим внимание на два факта. Во-первых, хотя встречающаяся у некоторых (но никоим образом не всех) лошадей склонность к данному действию считается серьезным поведенческим пороком, уберечься от него совсем несложно при соблюдении простейших правил техники безопасности, и в более близкие к нам времена никому не приходит в голову спастись от кусачих лошадей посредством надевания на них намордника. К тому же этот порок обычно удается устранить посредством воспитательных воздействий. Во-вторых, в древнегреческих источниках не обнаруживаются сведения об использовании приспособления, называемого κημός, в отноше-

¹ В греческом тексте употреблена форма производного от κημός глагола κημόω со значением 'надевать κημός' (в словарях переводится 'надевать намордник').

нии собак, проблема кусачести которых, очевидно, всегда стояла более остро, чем в отношении лошадей. Данные соображения заставляют усомниться в том, что κημός, надеваемый на лошадь, был именно намордником, используемым с единственной целью предотвратить кусание. Привлечение же более широкого круга источников позволяет предложить альтернативное толкование.

Например, κημός как что-то, надеваемое на верховых или вьючных животных, дважды упоминается в Септуагинте — переводе Ветхого Завета с древнееврейского на древнегреческий язык, выполненного в III—I в. до н. э. в эллинистической Александрии. При этом нигде речь не идет о предотвращении кусания. Один раз слово обнаруживается в Псалтири (32, 9 в греческой версии, 31, 9 в русском Синодальном переводе) в следующем контексте: Μὴ γίνεσθε ὡς ἵππος, ὡς ἡμίονος, εἰς τὰ ὀλοῖα δὲν ὑπάρχει σύνεσις· τῶν ὀλοίων τὸ στόμα πρέπει νὰ κρατῆται ἐν κημῷ καὶ χαλινῷ, ἄλλως δὲν ἤθελον πλησιάζει εἰς σέ. Синодальный перевод: 'Не будьте как конь, как лошак несмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе'. Но фактически в греческом тексте не 'узда' и 'удила', а являющийся предметом нашего рассмотрения κημός и χαλινός 'узда; удила'. Также глагол κρατέω в этом месте скорее значит 'управлять', а не 'сдерживать'. Следовательно, κημός здесь — нечто, использующееся для управления конем или лошаком подобно тому, как для управления ими используется узда или удила (χαλινός), а вовсе не предотвращающий кусание намордник.

Второй раз κημός встречается в Книге притчей Соломоновых (26, 3): Μάστιξ διὰ τὸν ἵππον, κημός διὰ τὸν ὄνον, καὶ ῥάβδος διὰ τὴν ῥάχιν τῶν ἀφρόνων. Синодальный перевод: 'Бич для коня, узда для осла, а палка для глупых'. Очевидно, здесь κημός служит для понукания или наказания подобно тому, как этому служит бич, кнут (μάστιξ). Опять-таки, речь определенно не идет о наморднике.

Заметим, что в древнееврейском оригинале Ветхого Завета на месте греческого κημός в обоих случаях стоит מֶתֶגֶם *metegē* 'узда, удила', причем в других местах (например, 4-я кн. царств, 19, 28) это же слово может соответствовать греческому χαλινός. Отсюда можно сделать вывод, что κημός представлял собой некую разновидность узды, которая от χαλινός как-то отличалась. Из свидетельства Ксенофонта можно заключить, что она имела то побочное свойство, что не позволяла

животным кусаться, а из Книги притчей Соломоновых — что более обычным было ее употребление для ослов, чем для коней.

То, что κημός — разновидность узды, подтверждается информаций позднеантичных и средневековых греческих лексикографов. Некоторые из них (Гезихий, псевдо-Зонара) просто пишут: κημός· εἶδος χαλινού, т. е. ‘κημός — вид узды’. Фотий и византийский энциклопедический словарь «Суда» указывают, что κημός также называют φημός.

Однако в других случаях κημός рассматривается как часть узды. В подробном описании частей конской сбруи у жившего во II в. Юлия Поллукса говорится: καὶ τὸ μὲν ὄλῳ τῷ στόματι τοῦ ἵππου περιτιθέμενον χαλκοῦν ἠθμῶδες κημός καλεῖται, τὸ δὲ περὶ τὸ γένειον διειρόμενον ψάλιον, τὸ δ' εἰς τὸ στόμα ἐμβαλλόμενον χαλινός, οὗ τὸ μὲν μέσον ἄξόνιον, τὰ δὲ περὶ αὐτὸ δακτύλιοι ἐχῖνοι τρίβολοι, οὓς μασᾶται ὁ ἵππος ‘И надеваемое на весь рот лошади медное решето называется κημός, а просовываемое около щек ψάλιον [= псалий], а вкладываемое в рот χαλινός [= удила], середина которого ἄξόνιον [= грызло], а кольца с шипами² вокруг него τρίβολοι, которые лошадь отжевывает’.

А в уже упомянутой энциклопедии «Суда» сообщается, что κημός — это κέντρα διωξικέλευθα φιλορρώθωνα, букв. ‘погоняющие шипы, обвивающие нос [коня]’.

Несмотря на то что «надеваемое на весь рот лошади медное решето», о котором говорит Поллукс, неискушенным человеком может быть отождествлено с намордником, предназначено оно в первую очередь не для предотвращения кусания, а для управления лошастью, которое осуществляется путем давления жесткой, сделанной из меди и, по свидетельству «Суды», снабженной шипами конструкции на переднюю часть ее морды (нос, хряп). Изображение такого археологического артефакта IV в. до н. э., который был найден вместе с некоторыми другими деталями конского снаряжения в могиле в Беотии и хранится ныне в Берлинском государственном музее, можно увидеть на таблице 36 в посвященной конному делу древних греков монографии Дж. К. Андерсона (Anderson 1961), который, однако, традиционно определяет его как «намордник» (muzzle).

В новое время разновидности узды, управление лошастью с помощью которых осуществляется не посредством вкладываемых в ее рот удила (трэнзеля, мундштука), а через давление

² Подробнее о кольцах с шипами на древнегреческих удилах см.: Anderson 1961: 56.

специальных жестких элементов на носовую часть морды, известны под названиями капцун, кавессон, хакамора, босал (Gurevich, Rogalev 1991: 76; DET: 35, 127). Нередко их употребляют при первоначальной заездке, так как это позволяет избежать травмирования рта лошади, еще не приученной правильно реагировать на давление удила во рту. Очевидно, древнегреческий κημός употреблялся так же, а эффект предотвращения кусания, о котором говорит Ксенофонт, у него был побочным. И правильный перевод для этого слова не ‘намордник’, а ‘капцун’ и т. п.

В заключение скажем несколько слов о происхождении слова κημός. Современные этимологические словари считают его неустановленным, не исключая, впрочем, возможной связи с такими лексемами других индоевропейских языков, как рус. *ком*, арм. *k'atet* ‘выжимать’, дрвнем. *hemmen, hamen* ‘препятствовать’, лит. *kāmanos* ‘уздечка с удилами’ (Frisk 1960: 841; Beekes 2010: 687–688). Однако ранние греческие лексикографы иногда выводили κημός из глагола κῆμττω ‘гнуть, сгибать, огибать’ (видимо, исходя из того, что κημός «огибает» переднюю часть морды лошади). Укажем на еще одно возможное направление этимологических связей. В иранских языках обнаруживаются такие слова, как осет. *kom* ‘рот’, перс. *kām* ‘нёбо, пасть’ и др. < **kāman-* или **kāhman-* (от глагольных корней **kā-* или **kāh-* ‘открывать’). Отсюда осет. *zǧællagkom, zǧællaggot* ‘удила’ (*zǧællag* от *zǧær* ‘металл’), хорезм. *k'm-k'Y* ‘удила, мундштук’ (Ėdel'man 2011: 169–170; Abaev 1989: 308). Сравнение с этими словами показывает, что κημός как название детали конского снаряжения вполне может на самом деле быть иранским заимствованием.

Сокращения названий языков

арм. — армянский; дрвнем. — древневерхненемецкий; лит. — литовский; осет. — осетинский; перс. — персидский; рус. — русский; хорезм. — хорезмийский.

Литература

- Abaev, V. I. 1989: *Istoriko-ètimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*. T. IV [*Historical-etymological dictionary of Ossetian language*. Vol. IV]. Leningrad.
 Абаев, В. И. 1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. U – Z. Л.
 Anderson, J. K. 1961: *Ancient Greek Horsemanship*. Berkeley; Los Angeles.

- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1. Leiden; Boston.
- DET — *Dictionary of Equine Terms*. 1996. Loveland, Colorado.
- Dvoretzkiy, I. X. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'*. Т. I. [*Ancient Greek-Russian dictionary*. Vol. I]. Moscow.
- Дворецкий, И. X. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. I. А-Л. М.
- Èdel'man, D. I. 2011: *Ètimologicheskii slovar' iranskix yazykov*. Т. IV. [*Etymological Dictionary of Iranian languages*. Vol. IV]. Moscow.
- Эдельман, Д. И. 2011: *Этимологический словарь иранских языков*. Т. IV. i – k. М.
- Frisk, H. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg.
- Gurevich, D. Ya., Rogalev, G. T. 1991: *Slovar'-spravochnik po konnomu sportu i konevodstvu* [*Dictionary-guide on equestrian sports and horse breeding*]. Moscow.
- Гуревич, Д. Я., Рогалев, Г. Т. 1991: *Словарь-справочник по конному спорту и коневодству*. М.
- LSJ 1996 — Liddell, H. G., Jones H. S., Scott R., McKenzie R. *A Greek-English Lexicon*. Clarendon Press, 1996.

ЛЯПУНОВ, ГЛУСКИНА И ДРУГИЕ — КТО ЖЕ ПЕРВЫМ ВЫДВИНУЛ ГИПОТЕЗУ ОБ ОТСУТСТВИИ ВТОРОЙ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ?

Обнаружение того, что в северо-западном (псковско-новгородском) ареале восточнославянского диалектного континуума в полном объеме не осуществилась вторая палатализация велярных согласных, предположительно происходившая в VII–VIII веках, справедливо считается наиболее выдающимся открытием в славистике второй половины XX века. Приоритет в выдвижении и научном обосновании этой гипотезы, существенно повлиявшей на развитие восточнославянской исторической диалектологии и на представления о восточнославянском этно- и глоттогенезе, вполне справедливо признается за С. М. Глускиной. Однако во многих работах, посвященных проблемам второй палатализации, а в последнее время и в историко-лингвистических статьях русской Википедии широко распространена версия, согласно которой первым ученым, выдвинувшим эту гипотезу, был Б. М. Ляпунов, чьи идеи позднее якобы поддержала и развила С. М. Глускина. В данной статье обсуждается вопрос, насколько обоснован такой взгляд на историю и обстоятельства данного открытия. На основе анализа работ Б. М. Ляпунова, С. М. Глускиной, П. Я. Черных, С. Б. Бернштейна, Ф. П. Филина, А. А. Зализняка и других ученых, которые исследовали особенности осуществления второй палатализации в древнерусских диалектах, выясняются истоки данной версии, а также затрагиваются другие вопросы, связанные как с самой второй палатализацией, так и с историей ее изучения. Автор приходит к следующим выводам: (1) гипотеза С. М. Глускиной является оригинальной, основанной на новом материале и всесторонне аргументированной, а ее приоритет в выдвижении и обосновании данной гипотезы в настоящее время не может быть подвергнут сомнению; (2) С. М. Глускина не поддерживала и не развивала идей Б. М. Ляпунова, взгляды которого на общеславянский и тем более на общевосточнославянский характер второй палатализации не отличались от общепринятых в его время взглядов; (3) ни Ф. П. Филин, который в 1930–1940-е гг. предлагал лингвистически слабо обоснованную гипотезу, лишь отдаленно напоминающую гипотезу Глускиной, но потом отказался от нее, ни П. Я. Черных, который, видимо, и явился источником версии о приоритете Б. М. Ляпунова, не выдвигали идей, которые позволяли бы считать, что эти ученые предлагали гипотезы,

сходные с той, что выдвинула в 1960-е годы Глускина, или хоть как-то предвосхищавшие ее.

Ключевые слова: общеславянский язык, древнерусский язык, древненовгородский диалект, псковские говоры, восточнославянская историческая диалектология, историческая фонология, вторая палатализация заднеязычных (велярных) согласных, С. М. Глускина, Б. М. Ляпунов, А. А. Зализняк, Ф. П. Филин, история лингвистики.

М. В. Попов

St. Petersburg State University, Russia. m.popov@spbu.ru

Lyapunov, Gluskina and others — who was the first to put forward the hypothesis about the absence of the second palatalization in Old Novgorod dialect?

The discovery that the second palatalization of velars, which supposedly took place in the 7th-8th centuries, did not take place in the northwestern (Pskov-Novgorod) area of the East Slavic dialect continuum, is justly considered the most outstanding discovery in Slavic studies of the second half of the 20th century. The priority in putting forward and scientifically substantiating this hypothesis, which significantly influenced the development of East Slavic historical dialectology and ideas about East Slavic ethno- and glottogenesis, is rightly accredited to S. M. Gluskina. However, in many works devoted to the problems of the second palatalization, and more recently in the historical and linguistic articles on Russian Wikipedia, a version is widely circulating according to which the first scholar who put forward this hypothesis was B. M. Lyapunov, whose ideas were allegedly later supported and developed by S. M. Gluskina. The present article discusses the question of how justified the latter opinion is. Based on the analysis of the works of B. M. Lyapunov, S. M. Gluskina, P. Ya. Chernykh, S. B. Bernshtein, F. P. Filin, A. A. Zaliznyak and other scholars who studied the functioning of the second palatalization in Old Russian dialects, the origins of this version are clarified, and other issues related to both the second palatalization itself and the history of its study are raised. The author comes to the following conclusions: (1) S. M. Gluskina's hypothesis is original, it was based on new material and comprehensively grounded, and her priority in putting forward and substantiating this hypothesis cannot currently be questioned; (2) S. M. Gluskina did not support and did not develop the ideas of B. M. Lyapunov, whose views on the Common Slavic, and even more so on the Common East Slavic nature of the second palatalization did not differ from the views generally accepted in his time; (3) neither F. P. Filin, who in the 1930s–1940s proposed (and later abandoned) a linguistically poorly substantiated hypothesis only remotely reminiscent of Gluskina's, nor P. Ya. Chernykh, who, apparently, was the source of the version of B. M. Lyapunov's priority, expressed any ideas that might imply that they had proposed

hypotheses similar to the one put forward by Gluskina in the 1960s, or had in any way anticipated it.

Keywords: Common Slavic language, Old Russian language, Old Novgorod dialect, modern Pskov dialects, East Slavic historical dialectology, historical phonology, second palatalization of velars, S. M. Gluskina, B. M. Lyapunov, A. A. Zaliznyak, F. P. Filin, history of linguistic studies.

Статья посвящена одному поучительному, на мой взгляд, сюжету из истории отечественной исторической лингвистики, а именно, некоторым обстоятельствам важнейшего за последние 100 лет открытия в области славистики и палеорусистики. Открытие это состоит в том, что на определенной части восточнославянской диалектной территории — в древнем новгородско-псковском диалекте — не осуществилась вторая палатализация заднеязычных согласных. Это открытие сопровождалось некоторыми необычными обстоятельствами — отчасти драматическими, отчасти комическими, а отчасти даже полудетективными, хотя никаких преступлений, конечно, не совершалось. Об этих обстоятельствах и пойдет речь.

Для тех, кто не вовлечен в данную проблематику, вкратце напомним, что вторая общеславянская палатализация представляет собой изменение заднеязычных (или — в другой терминологии — велярных) в среднеязычные (палатальные) свистящие согласные перед новыми гласными переднего ряда $*\bar{i}_2$, $*\bar{e}_2$, появившимися в результате монофтонгизации дифтонга $*oi$:

- псл. $*k > *c > c'$: $*koil-$ > $*k\bar{e}_2l-$ > $*c\bar{e}_2l-$ > ст.-сл., др.-р. цѣльз (> рус. *цел*); $*ot(\bar{v})rokoj$ > $*ot(\bar{v})ro\bar{c}\bar{i}$ > $*ot(\bar{v})ro\bar{c}\bar{i}$ > ст.-сл., др.-р. отроци > рус. *отроки* (им. п. мн. ч.);

- псл. $*g > *d\bar{z} > z'$: $*goj\bar{l}-$ > $*g\bar{e}_2l-$ > $*d\bar{z}\bar{e}_2l-$ > ст.-сл., др.-р. зѣло > рус. устар. *зело* 'очень'; $*bogo\bar{j}$ > $*bog\bar{i}_2$ > $*bod\bar{z}\bar{i}_2$ > ст.-сл., др.-р. вози > рус. *боги* (им. п. мн. ч.);

- псл. $*x > *s'/\bar{s}' > s'/\bar{s}'$: $*xo\bar{i}d-$ > $*x\bar{e}_2d-$ > $*\bar{s}'\bar{e}_2d-/s'\bar{e}_2d-$ > ст.-сл., др.-р. съдъ > рус. *сед(оу)* / пол. *szady*, чеш. *šedy*; $*mo\bar{u}xo\bar{j}$ > $*mo\bar{u}x\bar{e}$ > $*mo\bar{u}\bar{s}'\bar{e}/mo\bar{u}\bar{s}'\bar{e}$ > ст.-сл., др.-р. мѹѣ > рус. *мухе* / пол. *musze*, чеш. *moúše*.

Открытие того, что в псковско-новгородском ареале общевосточнославянского диалектного континуума заднеязычные согласные не подверглись второй палатализации, т. е. не перешли в палатальные свистящие согласные (ср. др.-новг. кѣле, кѣ тетѣкѣ, отроки, на Лугѣ, многи, лаги, кѣ въхемо вамо, хѣръ и т. п.), справедливо признается важнейшим событием в палеосла-

вистике второй половины XX в. До этого считалось, что вторая («свистящая») палатализация, которую в настоящее время обычно датируют VII–VIII вв. (Shevelov 1964: 303; Stieber 1979: 68), была общеславянским процессом и только в деталях имела диалектные расхождения: напр., у западных славян отсутствовала дистантная палатализация в группах *gv и *kv, а *x изменялся не в свистящий *ś, а в шипящий *ṣ̌). Теперь же оказалось, что у части славян, а именно в северо-западных (новгородско-псковских) говорах древнерусского (общевосточнославянского) языка вторая палатализация вовсе не осуществлялась перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения (собственно вторая палатализация), а также, возможно, и после передних гласных *i, *ь и *e (< *in), т. е. в позиции так называемой прогрессивной, или бодуэновской, палатализации (третья палатализация). Поскольку вторая палатализация обычно признается самым ранним крупным фонетическим изменением, которое дало различные результаты в диалектах распадающегося общеславянского языка, открытие древней новгородско-псковской аномалии в отношении второй палатализации оказало огромное влияние на развитие славянской и русской исторической диалектологии, т. к. подорвало представление о восточнославянском этноязыковом единстве, т. е. о монолитном древнерусском (общевосточнославянском), который предположительно выделился из праславянского и стал родоначальником трех самостоятельных языков — русского, украинского и белорусского. Однако данная статья посвящена не фонологическим и историко-диалектологическим следствиям, вытекающим из неосуществления второй палатализации в древнем новгородско-псковском диалекте (далее для краткости я буду называть его древненовгородским, тем более что это вполне справедливо для древнейшего периода) и их интерпретации, а об обстоятельствах самого этого открытия, и даже еще уже: о том, кому принадлежит приоритет в этом открытии?

В современной славистике более или менее общепризнанно, что приоритет в этом открытии принадлежит Софье Менделевне Глускиной. Впервые, видимо, она обосновала свою гипотезу в 1964 г. на 2-й псковской диалектологической конференции. Сразу отмечу, что обе «свистящие» палатализации — и вторую, и третью («бодуэновскую») Глушкина (в отличие от многих, если не большинства, современных славистов) рассмат-

ривала как один процесс, который собственно и называется второй палатализацией. Это вполне соответствует традиции, идущей еще от работ А. И. Соболевского (Sobolevskij 1889) и И. А. Бодуэна де Куртенэ (Baudouin de Courtenay 1893; Baudouin de Courtenay 1894). Из современных ученых такого же подхода придерживается В. Вермеер, который, впрочем, парадоксальным образом не распространяет его именно и только на древненовгородский диалект, где, по его мнению, третья (прогрессивная) палатализация осуществилась, а вторая нет (Wergmeer 2000: 19–20). Здесь я не буду касаться проблемы соотношения второй (регрессивной) и третьей (прогрессивной) палатализации в древненовгородском, хотя этот вопрос сам по себе представляет существенный интерес, и дальше в статье речь пойдет лишь о собственно второй (регрессивной) палатализации, относительно неосуществления которой в древненовгородском в общем и целом существует консенсус.

Не вдаваясь в детали, кратко напомним, сделала С. М. Глускина. Уже к середине 1960-х гг., прежде всего, благодаря исследованию не книжных древненовгородских письменных памятников и прежде всего берестяных грамот, стало ясно (во всяком случае Глускиной), что «отсутствие второго смягчения в падежных формах было в древнем новгородском диалекте не исключением, а самой что ни на есть нормой с самого начала письменного периода. Ср. *на отроке* (гр. 241, рубеж XI–XII или нач. XII в.), *къ Коулоутъкъ* (гр. 105, XI или нач. XII в. [2-я пол. XII в. — М.П.]¹), *къ Лоукъ* (гр. 156, нач. XII в.), *Кузеке* (дат. п. от *Кузька*, гр. 163, сер. [кон. — М.П.] XII в.), *ко Оуике* (гр. 114, вторая пол. XII в. [кон. XII — нач. XIII в.]), *по великъ дъ(ни)* (гр. 380, XII в.) ...» (Gluskina 1968: 22). Однако, в соответствии с принятыми в сравнительно-историческом языкознании стандартами и в частности с младограмматической гипотезой о непреложности звуковых изменений формы без результатов второй палатализации в чередующихся контекстах могли объясняться и объяснялись действием морфологической аналогии, как, собственно, и формы с заднеязычными в современном

---

¹ В квадратных скобках приводятся принятые в настоящее время уточненные датировки берестяных грамот по (Zaliznyak 2004) и сайту «Древнерусские берестяные грамоты» www.gramoty.ru.

русском, а также инновационные императивы с *ч*, *ж*² в украинском и белорусском языках: ср.

др.-р. *цѣлѣ*, *сѣрыи*, но *роука*, *нога*, *оухо* — на *роуцѣ*, на *нозѣ*, *въ оуцѣ*;

рус. *цел*, *серый*, но *рука*, *нога*, *ухо* — на *руке*, на *ноге*, *в ухе*;

укр. *цілий*, *сірий*, но *рука*, *нога*, *вухо* — на *руці*, на *нозі*, *у вусі*;

бел. *цэлы*, *шэры*³, но *рука*, *нага*, *вуха* — на *руцэ*, на *назе*, *у вусе*;

др.-р. *сѣчи*, *лечи* (инф.) — *сѣчоу/сѣчеши*, *лагоу/лажеши* (1 ед./2 ед.) — *сѣци*, *лази* (имп. 2 ед.);

рус. *сечь*, *лечь* — *секу/сечёшь*, *лягу/ляжешь* — *секи*, *ляг*;

укр. *сікти*, *лягти* (*лячі*) — *січу/січеш*, *ляжу* (*лягу*)/*ляжеш* — *січі*, *ляж*;

бел. *сэччы* (*сячы*), *лэгчы* — *сячу/сячэш*, *лягу/ляжаш* — *сячы*, *ляж*.

С. М. Глускина исследовала материал двух типов: (1) данные **древней новгородской письменности**, в первую очередь берестяных грамот, где отсутствие свистящих рефлексов второй палатализации может быть объяснено более поздним выравниванием по аналогии (ср. приведенные выше примеры на *Нръжскѣ*, на *Лоугѣ* (№ 526, сер. XI в.), *отроки* (№ 855, сер. XII в.), *моги* (№ 227, 2-я пол. XII в.), *къ въхемо* (№ 87, кон. XII в.) и мн. др.); (2) диалектные данные — в первую очередь архаические элементы ремесленной и сельскохозяйственной лексики **современных псковских говоров**, в частности такие диалектные слова, как *кедить*, *кеж*, *кеп*, *кевка* и др., в которых свистящие рефлексы второй палатализации отсутствуют в начале корня и поэтому не могут быть объяснены действием морфологической аналогии, т.к. находятся в нечередующихся контекстах. Сопоставив, таким образом, **древний новгородский** и **современный псковский** материал С. М. Глускина пришла к выводу, что носители древнего новгородско-псковского диалекта не пережили процесса второй палатализации, а формы со свистящими рефлексами являются заимствованиями из других диалектов и из церковнославянского языка. В сжатом виде ее гипотеза была сформулирована следующим образом: «Сопоставление показаний древней новгородской письменности с этими архаическими элементами современной диалектной лексики приводит к заключению, что

² Из форм настоящего времени, где они являются рефлексами заднеязычных по первой палатализации.

³ Бел. *шэры* вм. *серы, видимо, под влиянием польского *szary* ‘серый’.

предки псковичей и новгородцев, рано (по-видимому, в VI–VII вв.) поселившиеся на берегах озер Псковского, Чудского и Ильменя и несколько обособившиеся от других славян, вообще не пережили процесса второй палатализации» (Gluskina 1966: 465). Важным аспектом ее гипотезы является объяснение отсутствия свистящих рефлексов второй палатализации в современном русском языке в морфонологических позициях, т. е. чередующихся контекстах: Глускина объяснила эту особенность русского языка, отсутствующую в украинском и белорусском, взаимодействием позднерусских северо-западных (псковско-новгородских) и северо-восточных (ростово-суздальских) говоров в процессе формирования великорусского языкового единства в XV–XVI вв.

Становление данной гипотезы имело драматическую историю. Гипотеза Глускиной, полностью отвергнутая мэтром отечественной славистики С. Б. Бернштейном (устно в выступлении по ее докладу на конференции и, как рассказывала мне в 1983 г. сама Глускина, в весьма грубой форме⁴) и главным русистом СССР того времени Ф. П. Филином, который сделал это вполне академически, при этом предусмотрительно дав понять, что он сам еще раньше — в 1930-е гг. — высказал похожую идею (Filin 1972: 379) (об этом ниже). Гипотеза Глускиной была, тем не менее, в целом сочувственно принята или по крайней мере благосклонно оценена некоторыми отечественными и зарубежными учеными — В. В. Колесовым (Kolesov 1965: 37–40), З. Штибером⁵ (Stieber 1968; 1979: 70), Дж. Ферреллом (Ferrell 1970: 411–422) и наконец в начале 1980-х гг. А. А. Зализняком (Zaliznyak 1982), который, усилив ее доказательную базу (подробнее см. ниже), сыграл важную роль в утверждении и популяризации открытия Глускиной. Постепенно по мере накопления материала ее гипотеза завоевывала все больше сторонников и в настоящее время, особенно после работ А. А. Зализняка, принадлежит мейнстриму.

---

⁴ По словам С. М. Глускиной, Бернштейн сказал, что, в отличие от серьезных исследователей, она выдает за глобальные научные гипотезы «бред своего воспаленного воображения».

⁵ Стоит отметить, что польский славист Здислав Штибер распространил гипотезу о неосуществлении второй палатализации также на ростово-суздальский диалект, в отличие от С. М. Глускиной, которая ограничивала ее только псковско-новгородским диалектом.

Впрочем, на какое-то время в силу разных обстоятельств гипотеза Глускиной оказалась в тени частных, хотя и важных открытий Зализняка. В связи с этим упомяну, например, выступление Г. А. Хабургаева с докладом о славянском этно- и глоттогенезе на историческом факультете Ленинградского университета в начале 1980-х гг., на котором я присутствовал, когда он изумил ленинградских историков, археологов и лингвистов сообщением, что А. А. Зализняк «недавно» открыл отсутствие в древненовгородском диалекте второй палатализации, а на реплику проф. А. С. Герда, что значительно раньше это открыла С. М. Глускина и это хорошо известно широкому кругу отечественных и зарубежных лингвистов, несколько не смутившись, ответил: да, но сейчас-то об этом говорит Зализняк. К чести самого А. А. Зализняка, следует подчеркнуть, что сам он всегда признавал приоритет Глускиной, понимая, что «открыл» то, что уже было открыто до него: «Работ Глускиной я не знал и испытал некоторый естественный шок, поскольку ясно понял, что такое прочтение грамоты № 247 означало бы отказ от общепринятого в славистике тезиса о праславянском возрасте второй палатализации... Об этом результате я сделал доклад в Институте славяноведения. И вот на этом докладе встала Светлана Михайловна Толстая и рассказала о работе Софьи Менделевны Глускиной, которая на полтора десятилетия раньше получила такой же результат на основе анализа современных псковских говоров (в действительности, конечно, на материале не только современных говоров, но и известных на тот момент берестяных грамот, см. выше. — *М. П.*). Я помню свои смешанные ощущения. Было неловко, конечно, что я выступил с докладом, не изучив всего, что имеется по данному вопросу в научной литературе. Но перевешивало сильное положительное чувство, что, несмотря на конфликт с традиционным постулатом славистики, утверждаемое мною таки верно, коль скоро один и тот же вывод вытекает из двух совершенно различных совокупностей фактов» (Zaliznyak 2017: 142–144). Это сказано в одной из последних, если не последней, прижизненной публикации А. А. Зализняка.

Признавая приоритет Глускиной в выдвижении гипотезы, многие слависты тем не менее считают, что окончательно гипотеза все-таки была доказана Зализняком: «Впервые предположение о том, что в северо-западных говорах не осуществилась вторая палатализация, было высказано С. М. Глускиной, которая собрала обширный диалектный материал <...>. Окон-

чательно отсутствие второй палатализации для древненовгородского диалекта было доказано А. А. Зализняком, расшифровавшим некоторые, дотоле «темные», места в берестяных грамотах» (Galinskaja 2009: 64–65). Насчет «окончательной» доказанности гипотезы можно было бы, конечно, и поспорить, потому что с одной стороны для многих она уже «окончательно» была доказана Глускиной (не хватало лишь одной детали — древних письменных свидетельств отсутствия второй палатализации в начале корня, которые и нашел Зализняк, правильно интерпретировав грамоты № 247 и № 130), а с другой — даже после открытий Зализняка остались скептики, хотя и немногочисленные (см.: Vjørnflaten 1983; 1997; Schuster-Šewc 1998: 5–6).

Однако в ряде статей русской Википедии⁶, посвященных второй палатализации, история этого открытия излагается иначе, несмотря на непререкаемый авторитет А. А. Зализняка. Так, в статье «Ляпунов, Борис Михайлович» до последнего времени утверждалось, что «Ляпунов, по-видимому, первым обратил внимание на явления отсутствия второй палатализации в древненовгородском диалекте (тезис, впоследствии развитый С. М. Глускиной и А. А. Зализняком)»⁷. Портрет акад. Б. М. Ляпунова и сейчас помещен в статье Википедии «Вторая палатализация», как будет показано, совершенно незаслуженно, при всем уважении к почтенному слависту. В этой же статье о

---

⁶ Ссылки на коллективные статьи Википедии не означают, что я отношусь к ним с особым пиететом (как увидит читатель — применительно к нашей теме скорее наоборот). Но с ними приходится считаться, т. к. они иногда отражают весьма распространенные заблуждения, которые некритично воспринимаются не только широкими кругами лингвистической общественности, но и более или менее узкими специалистами. Одним из наиболее ярких примеров этого, была статья Википедии о букве Ё, в которой утверждалось, что Ё в русском письме ввела Е. Р. Дашкова, а не Н. М. Карамзин, — миф, от которого давно отказались сами его создатели, признав свою ошибку. Но в Википедии соответствующая статья была исправлена совсем недавно, после нескольких лет борьбы за это специалистов по истории русского письма.

⁷ Сейчас этот пассаж в статье отсутствует (Ляпунов, Борис Михайлович // Ляпунов, Борис Михайлович — Википедия (wikipedia.org) дата обращения 30.03.2023), возможно, после нашего доклада на соответствующую тему в Институте лингвистических исследований РАН 24 мая 2022 г. в «Чтениях, посвященных Дню славянской письменности и культуры».

неосуществлении второй палатализации в «новгородско-псковском диалекте» праславянского языка говорится в частности следующее:

«Вторая палатализация прошла во всех праславянских диалектах, кроме новгородско-псковского (ссылка на (Galinskaja 2009: 64–65). — М. П.), который, видимо, оторвался от общего массива раньше остальных (ссылка на (Zaliznyak 2004)⁸. — М. П.). Впервые эта идея была высказана в начале XX века Б. М. Ляпуновым, который обратил внимание на форму д. п. ед. ч. «рабу своѣму Дѣмькъ» в Новгородской Минее 1096 года, что, впрочем, не нашло поддержки других учёных, поскольку данная форма является единичной (ссылка на (Bernshtejn 2005: 202). — М. П.). Решающее значение для решения этой проблемы имело открытие новгородских берестяных грамот, изученных в конце XX века А. А. Зализняком. В них зафиксированы многочисленные случаи отсутствия эффекта второй палатализации. В частности, Зализняку удалось «расшифровать» прежде непонятное место из древнейшей известной берестяной грамоты № 247: «а замьке кѣле а двѣри кѣлѣ» (рус. *а замок цел и двери целы*), отождествив формы *кѣле* и *кѣлѣ* с русским словом *цѣль*»⁹.

Дело, конечно, не в единичности формы *Дѣмькъ*¹⁰, а в том, что она и многие другие более поздние легко объясняются морфологической аналогией. Обнаруженные Зализняком в берестяных грамотах др.-новг. *кѣле*, *кѣлѣ*, *хѣри* (ср. соответствующие «наддиалектные» др.-р. *цѣлз*, *цѣлы*, *хѣри*) в общем-то тоже единичны. Что же касается «многочисленных случаев отсутствия эффекта второй палатализации» в берестяных грамотах, то именно Глускина (задолго до Зализняка) впервые на их массовость и указала, подкрепив материал грамот диалектными данными (пск. *кедѣть* и др. в соответствии с рус. *цедѣть* < др.-р. *цѣдѣти*), которые нельзя было объяснить морфологи-

⁸ Впервые тезис об оторванности новгородско-псковского диалекта от основного массива праславянских диалектов как причине второй палатализации на северо-западе восточнославянской диалектной территории был выдвинут С. М. Глускиной уже в ее первой публикации на эту тему (Głuskina 1966).

⁹ Вторая палатализация — Википедия (wikipedia.org) дата обращения 30.03.2023.

¹⁰ Форма *Дѣмькъ* (дат. п.) с переходом сильного /ъ/ в /о/ отмечена также и в берестяной грамоте № 1045 (сер. XII в.).

ческой аналогией. В совмещении двух типов материала — древней письменности и современного диалекта — заключалось, как представляется, важнейшее достоинство метода Глускиной, позволившего ей выдвинуть гипотезу, которую многие (но далеко не все) слависты сочли «окончательно доказанной».

Вклад же Глускиной отражен в процитированной выше статье Википедии следующим образом: «Впоследствии эту гипотезу (Ляпунова. — *М.П.*) поддержала в 1966 году С. М. Глускина¹¹, указавшая на данные живых северо-западных говоров, которые сохранили лексемы без следов второй палатализации в корне, что нельзя объяснить действием грамматической аналогии». Как она ее «поддержала», мы увидим чуть позже. Отмечу попутно, что долгое время, во всяком случае до 2020 г., в статье Википедии, посвященной Глускиной, ни слова не было сказано о ее главном открытии, и даже отсутствовал ее портрет, хотя в Википедии портретов Софьи Менделевны было немало. Сейчас эта несправедливость, наконец, исправлена.

Но вернемся к Б. М. Ляпунову. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех статьях, которые упоминают его имя в связи с второй палатализацией в древненовгородском, нет ссылок на какие бы то ни было его конкретные работы, что само по себе уже настораживает. При этом если даже Ляпунов и высказал приписываемое ему предположение, то он во всяком случае был не первым, кто обратил внимание на древние новгородские формы с без рефлексов заднеязычных согласных по второй палатализации.

Так, уже в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева (1-е изд. вышло в 1858 г.) мы читаем: «[В]еликорусский язык, по новгородскому наречию, уже в XI в. уклонялся от закона смягчения гортанных звуков в окончании падежей. Потому писец Остромирова евангелия, как бы по нынешнему выговору, употребляет форму: *пасхѣ*, не смягчая звука *х*, который в этом слове, вместо *с*, обыкновенно переходит по-церковнославянски в *ц*: *пациѣ* (от формы *пасака*)» (Buslaev 1959: 84). В Остромировом евангелии 1056–1057 гг.: 2 раза *пасхѣ* (220а, 256в — дат. ед. — в основном тексте) и 1 раз по *пациѣ* (209а — мест. ед. — в заголовке).

---

¹¹ Здесь речь идет о ее польской публикации (Gluskina 1966), более известной за границей.

Более подробно о северных памятниках без эффекта второй палатализации говорит А. И. Соболевский: «Формы дат. и местн. п. с гортанными (вместо ожидаемых свистящих — *М.П.*) встречается уже в старших памятниках русского письма. <...> Минея 1096 г.: рабу своему Дѣмькѣ, запись; <...> духовная новгородца Климента (датируется до 1270 г. — *М.П.*): на Борьке, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу севернорусские, имеют гортанные вместо свистящих и зубного уже нередко (между прочим, Тактикон 1397 г.: о праздникѣхъ 24; Новгородская лет.: въ плѣтъникихъ 117)» (Sobolevskij 1907: 213).

Кто же все-таки начал связывать имя Б. М. Ляпунова с отсутствием второй палатализации в древненовгородском? Статья «Вторая палатализация» в Википедии ссылается на С. Б. Бернштейна: «Не раз высказывалось в науке предположение, что так называемая вторая палатализация *не действовала последовательно* (выделено мною. — *М. П.*). Якобы существовали праславянские диалекты, в которых результат изменения задненебных *не был последовательно проведен в парадигмах*. Такое предположение для диалектов, лежащих в основе русского языка, делал Ляпунов, указавший на единичный факт из Новгородской Минеи 1096 г. (Дѣмькѣ дат. ед. — собственное имя Дѣмька). Однако подобные единичные примеры не являются убедительными. Отступление здесь всегда легко объяснить влиянием морфологических факторов. **Вне возможности действия этих факторов отклонений нет** (выделено мною. — *М. П.*). Об этом убедительно свидетельствуют языки русский, словенский и словацкий» (Bernshtejn 2005: 202).

Как видим, С. Б. Бернштейн приписывает Б. М. Ляпунову идею, весьма далекую от гипотезы Глускиной. Ведь у нее речь не идет о «непоследовательности проведения второй палатализации в парадигмах», а о полном отсутствии ее в древненовгородском диалекте. Однако и у Бернштейна отсутствует конкретное указание на какую-либо работу Ляпунова. Нельзя, конечно, исключить, что Бернштейн узнал о подобном предположении от самого Ляпунова, с которым он общался и переписывался (см.: Луарупов 1993), но приведенная цитата свидетельствует скорее о том, что речь идет об известном факте, который не нуждается в документальном подтверждении, по крайней мере в вузовском учебнике. Поэтому не будет слишком смелым предположить, что источником данной информации, скорее всего, является «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных, вышедшая девятью годами ранее (1-е изд.

1952 г. и 2-е изд. 1954 г.). И вот что мы обнаруживаем в его книге: «Можно, хотя и с оговорками, допустить предположение, иногда высказывавшееся отдельными историками языка (например, Б. М. Ляпуновым), что в некоторых восточнославянских говорах, на севере, второе смягчение *к, г, х*, по крайней мере, в склонении, не было проведено последовательно. При этом предположении, действительно, становятся понятны такие (правда, единичные) факты, как очень ранняя форма дат. ед. *Дѣмькѣ* (вместо ожидаемого *Дѣмьцѣ*, от *Дѣмька, Домианъ*): “рабу своему *Дѣмькѣ*” — в новгородской Минее 1096 г., в записи [в 3-ем изд. 1962 г. добавлено (с. 143): «и, кроме того, в новгородской берестяной грамоте XII в. (№ 105): “от Сѣмька къ *Кулотькѣ*”»)]» (Chernykh 1952: 127).

Здесь, как позднее и у Бернштейна, в связи с предположением Ляпунова говорится о «непоследовательности» в проведении второй палатализации, а не о ее полном отсутствии на восточнославянском севере и о «единичности» примеров. А через 35 страниц в разделе об именном склонении сказано: «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к, г, х* под влиянием других падежей (выделено нами. — М. П.) согласные *к, г, х* с доисторического времени сохранялись без изменения в *ц, з, с* — в нарушение закона так называемого “второго смягчения”» (Chernykh 1952: 161). Таким образом, предположение, упомянутое здесь П. Я. Черных со ссылкой на Ляпунова и даже на «отдельных историков языка», по сути весьма далеко от гипотезы Глускиной, т. к. апеллирует к влиянию других падежей и к вызванной этим влиянием непоследовательности. Однако независимо от того, насколько сходны или различны между собой возможное предположение Ляпунова и реальная гипотеза Глускиной, у Черных нет никакого указания на конкретные работы ни Ляпунова, ни других ученых — мы должны поверить ему на слово. Нельзя, разумеется, исключить, что такие мнения высказывались в устных беседах «отдельных историков языка».

Между прочим, обоих — и Ляпунова, и Черных — упоминает в своей главной статье 1968 г. Глускина, что особенно важно, т. к., согласно статьям в Википедии, она «поддержала» и «развила» гипотезу Ляпунова. И вот как она ее «поддержала»: «Историки русского языка давно обратили внимание на примеры с заднеязычными вместо ожидаемых свистящих в формах склонения в древнейших новгородских памятниках (самый ранний пример — *Дѣмькѣ* в Новгородской Минее 1096 г.).

Б. М. Ляпунов высказал даже предположение, что в некоторых восточнославянских говорах на севере второе смягчение заднеязычных, может быть, с самого начала не охватило форм склонения из-за противодействия других падежей. К этой мысли присоединяется П. Я. Черных» (Gluskina 1968: 33–35). Из этого пассажа ясно, что С. М. Глускина очень четко отделила свою гипотезу от «предположения» Б. М. Ляпунова. Впрочем, и она не приводит ссылок на конкретные высказывания самого Ляпунова. Зная научную добросовестность С. М. Глускиной, не сомневаюсь, что она искала какое-нибудь подтверждение подобных высказываний Ляпунова, но не нашла и, видимо, доверилась авторитету таких ученых, как Черных и Бернштейн. И тогда возникает вопрос: а высказывал ли Ляпунов вообще что-либо подобное приписываемой ему гипотезе? И самое главное — что он вообще писал о второй палатализации и прежде всего в древненовгородском диалекте?

Из обширного научного наследия Б. М. Ляпунова мне известно, по крайней мере, две работы, в которых он затрагивает проблемы второй палатализации, причем именно в интересующем нас аспекте: во-первых, его обширный отзыв о работе Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке», вышедший отдельным оттиском (Ляпунов 1911), и, во-вторых, небольшое пособие к лекциям по истории русского языка «Единство русского языка в его наречиях» (Ляпунов 1919). В обеих работах он формулирует свою точку зрения вполне определенно.

В первой он подчеркивает, что следует отделять общедревнерусское устранение свистящих рефлексов *k в позиции второй палатализации после /s/, представлявшее собой, по мнению Ляпунова, фонетическое изменение (псл. *skě > др.-р. *ścě > *st'ě > *sk'ě¹²), от более поздней великорусской утраты свистящих, возникших по второй палатализации, которое Ляпунов в согласии с общими тогдашними представлениями объяснял действием морфологической аналогии: «<...>ск уже в древнейших памятниках северно- и южнорусских в сочетании — *скъ* местного и дат. ед. пад. (*воскъ* Сл. Григория Богослова,

¹² А. А. Шахматов колебался, являются ли эти формы результатом грамматической аналогии (*voskě > восцѣ => воскѣ под воздействием воскъ, -а и др.), или представляют собой фонетическое изменение *skě > *ścě > *stě > *śkě, больше склоняясь к первому объяснению (Shakhmatov 1915: 176).

женьскѣ Свят. Сб. 1073 и 1076 г. и друг.) из *ст* мягкого в сочетании *стѣ*. <...> эти случаи, где *кѣ* после *с*, следует отделять от других *кѣ* (напр., в *Дѣмькѣ* Минеи 1096 г.), которые, насколько мне известно, в южных памятниках не отмечены и **справедливо объясняются в древнерусских говорах действием аналогии** [выделено мною. — *М. П.*]» (Луарунов 1911: 14). Таким образом, ничего подобного позднейшей гипотезе Глушкиной, которая противостоит именно традиционному объяснению таких форм аналогией, Ляпунов в этой своей работе не выдвигает.

Вышедшая несколькими годами позднее вторая работа Б. М. Ляпунова — «Единство русского языка в его наречиях» — более концептуальна. В ней он констатирует более или менее общепринятое положение тогдашней славистики: «Можно сказать, что по XI столетие существовал единый **общерусский праязык с незначительными диалектными вариациями** [выделено мною. — *М. П.*]» (Ляпунов 1919: 5), а затем конкретизирует его применительно к нашей теме: «Всем этим говорам (имеются в виду великорусские — как северные, так и южные — говоры. — *М. П.*) свойственны следующие **подновления** (выделено мною. — *М. П.*) в звуках и формах, неизвестные древнерусскому языку и другим русским наречиям, объединившие со времени слияния в одном Московском государстве два ранее совершенно различные между собой наречия — севернорусское (говоры потомков древних кривичей и ильменских словен) и восточнорусское (говоры вятичей и, может быть, некоторых северян): <...> 3) *к*, *г* (или *h*), *х* в формах склонения и спряжения вместо древних *ц*, *з*, *с*, напр. “рукѣ”, “ногѣ”, “сохѣ”, “пеки”, “стерези” и т. п., явившееся с XI по XIV столетие» (Луарунов 1919: 18). Таким образом, и эта брошюра Б. М. Ляпунова не содержит приписываемой ему гипотезы, поскольку, по его мнению, формы типа *рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ*, *пеки*, *стерези* вместо др.-рус. *руць*, *нозь*, *соць*, *пеци*, *стерези* — это инновации («подновления»), появившиеся с XI по XIV в., т. е. явно после завершения второй палатализации и, разумеется, в результате морфологической аналогии.

Имеется еще одна большая незаконченная работа Б. М. Ляпунова, посвященная древнерусской исторической диалектологии и возникновению восточнославянских языков, над которой он начал трудиться в 1930-е гг., где могли бы быть затронуты вопросы второй палатализации. Труд этот не был завершен (Б. М. Ляпунов скончался в эвакуации 22 февраля 1943 г.), но в

конце 1960-х гг. была опубликована незаконченная часть введения, в которой он комментирует некоторые фонетические и морфологические общевосточнославянские особенности, в частности указывает на мягкость рефлексов заднеязычных согласных в позиции третьей палатализации (Луарипов 1968: 182–183). Однако ни малейших следов приписываемого Ляпунову предположения о «непоследовательности» или тем более отсутствии второй/третьей палатализации в каких-либо древнерусских диалектах опубликованный отрывок рукописи не содержит.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку, однако в этом полудетективном сюжете есть побочная линия, связанная с именем еще одного видного слависта — историка языка и диалектолога — Ф. П. Филина, который в 1930–1940-е гг. был активным марристом, а в 1960–1970-е гг. главным партийным идеологом в советской лингвистике и особенно в русистике. Для обсуждаемой в данной статье темы этот ученый важен по двум причинам. Во-первых, в 1930-е гг. он активно общался с Б. М. Ляпуновым, а во-вторых, как было упомянуто в начале статьи, он отверг гипотезу С. М. Глускиной, при этом прозрачно намекнув, что и сам когда-то высказывал похожее предположение, от которого позднее отказался¹³.

Действительно в 1930-е гг. Ф. П. Филин выдвинул гипотезу, согласно которой вторая палатализация была не общеславянским и даже не общевосточнославянским, а диалектным изменением, которое не происходило в тех восточнославянских говорах («протовеликорусских»), впоследствии сформировавших собственно русский (великорусский) язык. При этом очевидный факт присутствия свистящих рефлексов заднеязычных по второй палатализации в древнерусских памятниках письменности с соответствующей диалектной территории он объяснял влиянием устойчивой церковнославянской книжной традиции: «Позже, с усиливающейся демократизацией литературного языка, второе смягчение отступает все более и более на задний

---

¹³ Рискну предположить, что отказался, опасаясь обвинений в том, что его идея 1930-х гг., как и гипотеза Глускиной 1960-х гг., могла быть использована теми, кто выступал против концепции древнерусского этноязыкового единства — концепции, которая была фактически официальной в советской палеорусистике. В 1930–1940-е гг. она наоборот вполне вписывалась в господствовавшую тогда линию на критику сравнительно-исторического языкознания.

план, заменяясь соответствующим народным произношением. В современных русских диалектах нет никаких следов изменения **г, к, х** в **ц, з, с** перед гласными **и** и **ѣ** (а также и после них [? — *М. П.*]¹⁴), что особенно подчеркивает книжный характер этой звуковой особенности на русской почве» (Filin 1940: 63–65). Таким образом, основным аргументом в пользу его тогдашней гипотезы для Филина служило отсутствие в русском языке результатов второй палатализации. Его гипотеза 1930-х гг. выглядит значительно радикальнее, чем гипотеза Глушкиной 1960-х гг., которая распространялась только на псковско-новгородский диалект. Однако в отличие от последней предположение Филина было лингвистически весьма слабо аргументировано. Ф. П. Филин, выдвигая свою спекулятивную гипотезу, странным образом полностью проигнорировал тот факт, что русский язык и известные Филину великорусские говоры знают только такие формы с отсутствием результатов второй палатализации, которые, с точки принятых тогда стандартов сравнительно-исторического языкознания, легко объясняются и традиционно всегда и объяснялись позднейшим выравниванием по аналогии (*руке, сапоги, сохе, но цел, серый*). Это странное игнорирование фактов и методов сравнительно-исторического языкознания перестает быть удивительным, если учесть марристский бэкграунд Ф. П. Филина, который в те годы был активным и даже агрессивным марристом, и поэтому позволял себе то, что не могли себе позволить его предшественники и многие современники (тот же Б. М. Ляпунов). Позднее Филин, вернувшись в лоно традиционной младограмматической научной парадигмы, полностью отрекся от своей гипотезы, о чем мы узнаем из его книги (Filin 1972: 379–380). При этом он не принял как предположение П. Я. Черных, что «в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на **к, з, х** под влиянием других надеждей согласные **к, з, х** с доисторического времени сохранялись без изменения в **ц, з, с** — в нарушение закона так называемого “второго смягчения”», считая, что его нельзя доказать, так и гипотезу Глушкиной. Предположение Черных Филин отвергал

---

¹⁴ Это, разумеется, грубая и труднообъяснимая ошибка (которую невозможно считать за опечатку), т. к. третья («прогрессивная») палатализация никогда не осуществлялась после *ѣ, а если Филин трактовал «прогрессивную» палатализацию как особое условие второй, то в говорах ее следов как раз очень много.

уже с младограмматических позиций, не допуская самой возможности действия морфологической аналогии в ходе процесса звукового изменения. В случае же с Глускиной Филин не принял ее гипотезу, скорее всего, из осторожности (как бы чего не вышло!), не выдвинув против нее ни одного весомого аргумента: «Пока трудно сказать что-либо определенное о происхождении слов с *к* от *кѣд-*, *кѣв-* и *кѣп-*. Не исключено, что они действительно представляют собой фонетический архаизм, хотя с уверенностью об этом сказать нельзя. Однако нельзя ставить в один ряд эти слова с интересующими нас здесь падежными формами. <...> Во всяком случае, естественнее объяснять появление *к*, *з*, *х* в падежных формах как результат выравнивания основ, имевший место и в некоторых других славянских областях» (Filin 1972: 381). При этом по поводу ключевых для ее гипотезы диалектных псковских примеров Филин, сославшись на статью (Durnovo 1926), загадочно добавил: «Кстати, на слова этого рода обратил внимание еще Н. Н. Дурново». Любопытно, что в указанной статье Дурново, где обсуждаются совсем другие вопросы, нет даже намек на псковские диалектные слова с начальным корневым **kě-*, обнаруженные С. М. Глускиной этого рода», что совершенно ясно и из названия его статьи, где речь идет о словах с начальным **skě-* (см. также рус. пер. в Durnovo 2000: 383–390).

В связи с ошибочным упоминанием Филиным статьи Дурново отмечу, что никто, по-моему, никогда не обращал внимания на любопытное объяснение А. А. Шахматовым незакономерного [k] вместо [č] «в таких случаях, как кивцы: цѣвки, на которые наматывают нитки» (Shakhmatov 1915: 176), т. е. действительно в случаях аналогичных тем, которые С. М. Глускина обнаружила в псковских говорах и на которые она прежде всего опиралась в своей гипотезе. Шахматов предположил, что «[k] вместо [č]» здесь явилось «быть может, в сочетании слов; напр. съ цѣвѣку переходило в сѣвѣку и далее в шкѣвѣку, откуда извлекалось кѣвѣку» (Shakhmatov 1915: там же), т. е. дал комбинированное объяснение, основанное с одной стороны на его предположении о фонетическом изменении **skě > *śčě > *škě* (см. выше примечание 11) и на аналогии: *čěvky => kěvky*.

Возвращаясь к нашей основной теме, подчеркну, что ни в книге 1940 г., ни в книге 1972 г. Филин, которого трудно упрекнуть в незнании литературы вопроса, ни словом не упоминает мифическую «гипотезу Ляпунова», с которым, кстати, он общался в конце 30-х гг. Во всяком случае, в предисловии к

своей книге 1940 г. он считал необходимым сообщить читателю: «Автор особенно признателен акад. Б. М. Ляпунову, сделавшему много ценных замечаний на полях рукописи настоящего очерка, которые были использованы при окончательной обработке книги» (Filin 1940: 6).

Итак, выводы, вытекающие из нашего исследования, очевидны:

1. Гипотеза С. М. Глускиной о неосуществлении второй палатализации в псковско-новгородском диалекте является оригинальной, не имеющей предшественников, а ее приоритет в формулировании и обосновании этой гипотезы не может быть подвергнут в настоящее время сомнению.

2. С. М. Глускина не поддерживала и не развивала гипотезу Б. М. Ляпунова, поскольку у последнего не было в отношении второй палатализации никакой гипотезы, которая отличалась бы от общепринятых в его время представлений.

3. Ни Ф. П. Филин, ни П. Я. Черных не выдвигали гипотез, которые позволяли бы считать, что они как-то повлияли на формирование гипотезы С. М. Глускиной.

4. По иронии судьбы псковско-новгородское явление, обнаруженное С. М. Глускиной в середине 1960-х гг., примерно полтора десятилетиями позже было вторично открыто А. А. Зализняком, который, не будучи знаком с ее работами о второй палатализации, добавил важный и в значительной степени решающий новый материал в пользу ее гипотезы.

Литература

- Baudouin de Courtenay, I. A. 1893: [Two questions from the doctrine of “softening” or palatalization in Slavic languages]. *Uchenye zapiski Yur'evskogo universiteta* [Scientific notes of Yur'ev university] 2, 1–20.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. 1893: Два вопроса из учения о «смягчении» или палатализации в славянских языках. *Ученые записки Юрьевского ун-та* 2, 1–20.
- Baudouin de Courtenay, J. 1894: Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalization). *Indogermanische Forschungen* 4, 45–57.
- Bernshtejn, S. B. 2005: [*Comparative grammar of Slavic languages*]. Moscow.
- Бернштейн, С. Б. 2005: *Сравнительная грамматика славянских языков*. М.
- Bjørnflaten, J. I. 1997: [The experience of linguistic geography of the Pskov region], In: *Pskovskie govory. Istoriya i dialektologiya*

- rusского yazyka* [*Pskov dialects. History and dialectology of the Russian language*]. Oslo: Solum Forlag, 1997, 8–29.
- Бьёрнфлатен, Я. И. 1997: Опыт лингвогеографии Псковской области. В сб.: *Псковские говоры. История и диалектология русского языка*. Oslo: Solum Forlag, 8–29.
- Bjørnflaten, J. I. 1983: *On the history of the Common East Slavic Morphological Alternation /K => C/ in the Nominal Flexion of the Three East Slavic Languages*. The Ninth International Congress of Slavists, Kiev 1983. Tromsø: University of Tromsø.
- Buslaev, F. I. 1959: [*Historical grammar of the Russian language*]. Moscow.
- Буслаев, Ф. И. 1959: *Историческая грамматика русского языка*. М.
- Chernykh, P. Ya. 1952: [*Historical grammar of the Russian language. A brief essay*]. Moscow. (2nd ed., 1954; 3rd ed., 1962).
- Черных, П. Я. 1952: *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*. М.: Учпедгиз (2-е изд. М., 1954; 3-е изд. М., 1962).
- Drevnerusskie berestyanye gramoty [Old Russian birch bark documents]. Древнерусские берестяные грамоты. www.gramoty.ru.
- Durnovo, N. 1926: Le traitement de *sk dans les langues slaves. *Revue des études slaves* VI, fasc. 3–4, 216–223.
- Durnovo, N. N. 2000: [Reflex of *sk in Slavic languages]. In: *Durnovo N. N. Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow, 383–390.
- Дурново, Н. Н. 2000: Рефлекс *sk в славянских языках. В кн.: *Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка*. М.: Языки русской культуры, 383–390.
- Ferrell, J. 1970: Cokane and the Palatalization of Velars in East Slavic. *Slavic and East European Journal*, XIV/4, 411–422.
- Filin, F. P. 1940: [*An essay on the history of the Russian language before the XIV century*]. In: *Uchenye zapiski LPI im. A. I. Gercena* [Scientific notes of the Leningrad Pedagogical Institute named after A.I. Herzen] XXVII. Leningrad.
- Филин, Ф. П. 1940: *Очерк истории русского языка до XIV столетия*. Ученые записки ЛПИ им. А. И. Герцена XXVII. Л.
- Filin, F. P. 1972: [*The origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Historical and dialectological essay*]. L.: Nauka.
- Филин, Ф. П. 1972: *Происхождением русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк*. Л.: Наука.
- Galinskaya, E. A. 2009: [*Historical phonetics of the Russian language*]. Moscow.
- Галинская, Е. А. 2009: *Историческая фонетика русского языка*. М.

- Gluskina, S. M. 1966: [Changes by analogy and the language system]. In: *Materialy vsesoyuznoj konferencii po obshchemu yazykoznaniiu «Osnovnye problemy evolyucii yazyka»* [Materials of the All-Union Conference on General Linguistics "The main problems of language evolution"], II/2. Samarkand, 462–467.
- Глускина, С. М. 1966: Изменения по аналогии и система языка. В сб.: *Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка»*, II/2. Самарканд, 462–467.
- Gluskina, S. M. 1968: [On the second palatalization of velars in the Russian language (based on the material of North-Western dialects)]. *Pskovskie govory, 2. Trudy vtoroj Pskovskoj dialektologicheskoi konferencii 1964 goda* [Pskov dialects, 2. Proceedings of the second Pskov Dialectological Conference of 1964]. Pskov, 20–43.
- Глускина, С. М. 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). *Псковские говоры. Т. II. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года*. Псков, 20–43.
- Gluskina, Z. 1966: O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich. *Slavia Orientalis*, XV/4, 475–482.
- Kolesov, V. V. 1965: [Towards the phonological interpretation of the Northern Russian cokan'e]. *Tezisy докладов na X dialektologicheskoi soveshchani* [Abstracts of reports at the X Dialectological conference]. Moscow, 37–40.
- Колесов, В. В. 1965: К фонологическому объяснению севернорусского цоканья. *Тезисы докладов на X диалектологической совещании*. М., 37–40.
- Lyapunov, B. M. 1911: [Review of N. M. Karinsky's work: "The language of Pskov and its region in the XV century (SPb., 1909)"]. St. Petersburg.
- Ляпунов, Б. М. 1911: *Отзыв о сочинении Н.М. Каринского: «Язык Пскова и его области в XV веке (С.-Пб. 1909 г.)»*. СПб.
- Lyapunov, B. M. 1919: [The unity of the Russian language in its dialects. A guide to lectures on the history of the Russian language]. Odessa.
- Ляпунов, Б. М. 1919: *Единство русского языка в его наречиях. Пособие к лекциям по истории русского языка*. Одесса.
- Lyapunov, B. M. 1968: [The oldest mutual relations of Russian and Ukrainian languages and some conclusions about the time of their emergence as separate linguistic groups]. In: *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow: Nauka, 163–202.
- Ляпунов, Б. М. 1968: Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их

- возникновения как отдельных лингвистических групп. В сб.: *Русская историческая лексикология*. М.: Наука.
- Ляпунов, В. М. 1993: [Seventeen letters of academician V. M. Lyapunov (from the archive of S. B. Bernshtejn)]. *Vestnik MGU. Filologija* [*Bulletin of the Moscow State University. Philology*] 6, 54–67.
- Ляпунов, В. М. 1993: Семнадцать писем академика В. М. Ляпунова (из архива С. Б. Бернштейна). *Вестник МГУ. Филология* 6, 54–67.
- Lyapunov, Boris Mikhajlovich. www.wikipedia.org. (data obrashcheniya 30.03.2023).
- Schuster-Šewc 1998: [Towards the question of the so-called Proto-Slavic archaisms in the Old Novgorod dialect of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language] 6, 3–10.
- Шустер-Шевц, Х. 1998: К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка. *Вопросы языкознания* 6, 3–10.
- Shevelov, G. Y. 1964: *A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Winter.
- Sobolevskij, A. I. 1889: [Common Slavic sound changes]. *Russkij filologicheskij vestnik* [*Russian Philological Bulletin*] 22, 1–49.
- Соболевский, А. И. 1889: Общеславянские изменения звуков. *Русский филологический вестник* 22, 1–49.
- Sobolevskij, A. I. 1907: [*Lectures on the history of the Russian language*]. 4th ed. Moscow.
- Соболевский, А. И. 1907: *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М.
- Stieber, Z. 1968: Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy. *Rocznik slawistyczny* 29, 3–7.
- Stieber, Z. 1979: *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Schuster-Šewc 1998: [Towards the question of the so-called Proto-Slavic archaisms in the Old Novgorod dialect of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language] 6, 3–10.
- Шустер-Шевц, Х. 1998: К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка. *Вопросы языкознания* 6, 3–10.
- Vermeer, W. 2000: On the status of the earliest Russian isogloss: four untenable and three questionable reasons for separating the progressive and the second regressive palatalization of Common Slavic. *Russian Linguistics* 24, 5–29.
- Vtoraya palatalizaciya [Second palatalization]. Вторая палатализация — wikipedia.org
- Zaliznyak, A. A. 1982: [Towards the historical phonetics of the Old Novgorod dialect]. *Balto-slavyanskie issledovaniya. 1981* [*Balto-Slavic studies. 1981*]. Moscow: Nauka, 61–80.

- Зализняк, А. А. 1982: К исторической фонетике древненовгородского диалекта. *Балто-славянские исследования. 1981*. М.: Наука, 61–80.
- Zaliznyak, A. A. 2004: [*Old Novgorod dialect*]. Moscow. Зализняк, А. А. 2004: *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.
- Zaliznyak, A. A. 2017: [To the centenary of the birth of Sofia Mendelevna Gluskina]. In: [*Pskov dialects and their researchers (to the 100th anniversary of the birth of S. M. Gluskina and the 50th anniversary of the 1st issue of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)*] 2. Pskov, 142–144.
- Зализняк, А. А. 2017: К столетию со дня рождения Софьи Менделевны Глушкиной. В сб.: *Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»)* 2, Псков: ЛОГОС, 142–144.

Н. В. Преснова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ponvip@yandex.ru

НАЗВАНИЯ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В ТРАГЕДИЯХ СОФОКЛА (на материале латинских переводов «Антигоны» и «Эдипа-царя», XVI в).

В статье рассматривается номинация глав государств (ἄναξ, βασιλεύς, τύραννος, ἄρχων и στρατηγός), показывается различие между ними, а также их отношение к латинским терминам rex, tyrannus, princeps, dux и imperator. Анализ осуществляется на материале латинских переводов, сделанных гуманистами из Италии, Германии, Франции и Голландии в XVI веке. Выбор той или иной лексики власти показывает отношение действующих лиц к правителю, а также встраивает античную трагедию в современный для переводчиков политический контекст.

Ключевые слова: классическая филология, античная трагедия, Софокл, лексика самодержавной власти, рецепция Античности, гуманизм, Возрождение, XVI век, латинские переводы.

N. V. Presnova

Lomonosov Moscow State University. Russia. ponvip@yandex.ru

Ancient Greek terms of authority in Sophocles' tragedies (based on the 16th-century Latin translations of *Antigone* and *Oedipus Tyrannus*)

This article relates to Ancient Greek terms of authority, such as ἄναξ, βασιλεύς, τύραννος, ἄρχων and στρατηγός, shows the difference between them and analyzes the ways of their translation into Latin in the 16th century. It also investigates the correspondence between Ancient Greek and Latin words denoting a ruler, a king or a commander. In Latin, for example, the most frequently used term for the king is *rex*, but there is also the word *tyrannus*, borrowed from Greek. Both words have negative connotations in Latin, unlike in Ancient Greek, that is why other words to describe a ruler (*princeps*, *dux* and *imperator*) are also used. We can see a general trend in these translations, but there are also some translation decisions specific for a particular humanist. Five translations of Sophocles' plays were printed in the 16th century, made by humanists from different countries: Italy (Giovanni Battista Gabia), Germany (Veit Winsheim), France (Jean Lalemant) and Netherlands (Georg Rataller and Thomas Naogeorgus). The word that the characters of the tragedies choose when addressing the king shows their attitude to him, because there is a certain gradation of the terms of authority: some of them describe an individual

ruler and others — a democratic one. Certain terms of authority are used to address gods and noble men. As a result, the translator's decision influences the reception of ancient Greek tragedy and adapts it to the contemporary political context.

Keywords: classical philology, ancient tragedy, Sophocles, vocabulary of autocratic power, reception of antiquity, humanism, Renaissance, 16th century, Latin translations.

Как известно, древнегреческие трагедии имели большое религиозное значение для жителей Афин: выступления в театре были календарно привязаны к празднованию Великих Дионисий, которые сопровождались шествиями и жертвоприношениями (Winkler, Zeitlin 1990: 99). Постановка трагедий была также важным общественно-политическим событием, и пьесы Софокла не являются исключением (Уагхо 1970: 209). Несмотря на неудачу с Фринихом, который был наказан изгнанием, как считалось, за политическую пропаганду (Zabudskaya 2015: 104–105), древнегреческая трагедия не могла не иметь политического контекста, ведь её постановка была важным общественным событием, а участие в её организации — почётной обязанностью и гражданским долгом (Wilson 2003: 24). И хотя отражение конкретных политических событий, понятных современникам, зачастую было завуалированным (Nikol'skij 2014: 22), роль лексики, обозначающей высшие государственные должности, имела большое значение в трагедиях Софокла, особенно в тех, где конфликт непосредственно затрагивает представителя власти или вызван им — речь о трагедиях «Эдип-царь» и «Антигона». Несмотря на то, описываемые события весьма отдалены от событий, современных для Софокла, — и тем более отдалены от событий, современных для его переводчиков в XVI в., обращение к трагедиям показательно, поскольку в них ставится извечная проблема власти и ответственности царей (Теперик 2022: 168).

В обеих трагедиях наиболее употребляемое слово, обозначающее властителя, — ἄναξ, чаще всего оно используется в качестве обращения: в «Антигоне» так обращаются к Креонту все, кроме самой Антигоны и Гемона, а в «Царе Эдипе» Эдип и Креонт обращаются так друг к другу, поскольку оба принадлежат к царской семье, один — так как разгадал загадку Сфинкса и стал действующим царём, другой — по праву рождения.

В «Антигоне» названия должности Креонта имеют принципиальное значение: так, сама Антигона называет его στρατῆρος

(то есть «военачальник»), в то время как хор, страж и Исмена, обращаясь к нему, используют слова ἄναξ и βασιλεύς. Антигона, таким образом, выражает сомнение в законности правления Креонта, принижая его авторитет (Simon 2014: 248). Слово ἄναξ имеет древнее происхождение, встречается в микенское время в форме wa-na-ka и обычно употреблялось в качестве титула единоличного правителя или бога — так оно употребляется и у Гомера (Carlier 1984: 45). Ἄναξ как обращение к богам встречается и в трагедиях Софокла. Обычно этот термин характеризует позицию более высокую, чем βασιλεύς, хотя оба слова могут обозначать самодержавного правителя — царя (HaCohen-Kerner, Nissan 2014: 87). Βασιλεύς также возводится к микенскому — qa-si-re-u, в микенских табличках оно обычно обозначает локального правителя, не обладающего столь большой властью (Carlier 1984: 115).

Что касается понятия τύραννος, то оно пришло, вероятно, из лидийского языка и, как правило, изначально не имело таких негативных коннотаций, как современное слово «тиран». Тем не менее, с самого своего появления понятия «тиран» и «тирания» имели отношение к единоличной власти, полученной необычным, чаще всего насильственным, путём (Frolov 2001:67). В трагедиях Софокла слова τύραννος и τυραννίς могут иметь как нейтральный, так и пейоративный смысл. Например, в стихах 506–507 Антигона говорит: ἄλλ' ἢ τυραννίς πολλὰ τ' ἄλλ' εὐδαίμονεϊ / κάξεστιν αὐτῇ δρᾶν λέγειν θ' ἂ βούλεται¹. очевидно, вкладывая в слово τυραννίς негативный смысл.

Итак, названия государственных должностей и глав государств чрезвычайно важны в рассматриваемых трагедиях, однако при переводе подобрать лексические соответствия для них затруднительно, поскольку лексико-семантическое поле «власть» сильно отличается в разных языках (Valter 2013: 73). Так, в латинском языке для обозначения самодержавной власти использовались лексемы rex и tyrannus, которые начиная с республиканского периода имели негативный характер (Audet 2020: 54–55), поэтому их сменили слова imperator,dux (первоначально, как и στρατηγός, связанные с военным командованием) и princeps (в период Республики — политический лидер, в период Империи — принцепс, носитель единоличной власти); таким образом, в период Империи по

¹ Завидна жизнь царей: они лишь могут
И говорить, и делать, что хотят (пер. Ф. Ф. Зелинского).

отношению к главе государства могли применяться сразу несколько терминов: *imperator*, *princeps* и *dux* (Andrés 1976: 3).

В середине XVI века появилось много латинских версий трагедий: так, в период с 1543 по 1558 гг. были опубликованы пять латинских переводов семи сохранившихся трагедий Софокла (итальянец Джованни Баттиста Габиа выпустил свои переводы в 1543 г., немец Вит Винсхейм — в 1546 г.; голландец Георгий Раталлер сначала опубликовал переводы «Аякса-биченосца», «Электры» и «Антигоны» в 1550 г., а затем уже всех семи трагедий — в 1570 г.; в 1557 г. появился перевод француза Жана Лалемана, в 1558 г. — голландца Томаса Наогеоргуса)².

В предисловиях к изданиям отмечалось, что интерес к Софоклу — это не только филологический интерес к античности, но и интерес политический и этический, поскольку трагедии (и в первую очередь «Антигона») способны преподать нравственные уроки современным европейским правителям. Вит Винсхейм даже сопровождает свой перевод примечаниями на полях рядом с репликами Креонта, например, помета *Vox tyannica*³ присутствует при споре Креонта с Гемоном. Таким образом, для переводчиков XVI в. слово *tyannus* имеет куда более негативные коннотации, чем для самого Софокла, а перевод Винсхейма, в котором он настолько заостряет внимание на тиранических чертах Креонта, что посвящает им отдельные примечания, становится концептуальным, что, как отмечает В. Н. Ярхо (Yarho 2000: 306), очень важно для перевода древнегреческой трагедии. Итак, в переводных латинских версиях «Антигоны» и «Царя Эдипа можно выявить следующие соответствия:

ἄναξ практически всегда переводится как *rex*, причём часто встречается и вариант с заглавной буквы — *Rex*, особенно в качестве обращения. Вит Винсхейм в некоторых случаях вообще не переводит слово ἄναξ в функции обращения, опуская его. Это связано с общей лаконичностью, свойственной переводу Виншайма: он стремился сделать текст менее нагруженным эпитетами и обращениями, поскольку его версия «Антигоны» направлена *ad utilitatem juventutis* («на пользу юношества»), что указано на титульном листе издания (Presnova 2022: 979–980).

---

² Все перечисленные издания указаны в библиографии к статье: Presnova 2022: 977–986.

³ Голос (речь) тирана (здесь и далее перевод автора статьи, кроме случаев, указанных отдельно).

Βασιλεύς встречается значительно реже и чаще всего переводится так же — *гех*, хотя у Лалемана и Раталлера иногда встречается вариант *princers*.

Τύραννος и τυραννίς, как уже было сказано, могут быть как нейтральными наименованиями главы государства и единоличной формы правления соответственно, так и иметь некоторые негативные коннотации. В большинстве случаев τύραννος заменяется на аналогичное латинское слово *tyrannus*, иногда — на *гех*.

Ἄρχων употребляется в стихе 156 «Антигоны» рядом с βασιλεύς (ἀλλ' ὅδε γὰρ δὴ βασιλεύς χώρας / Κρέων ὁ Μενοικέως ἄρχων νεοχμῶς⁴), поэтому в переводах обычно опускается, ведь на статус Креонта уже указывает слово βασιλεύς. Практически все переводчики вместо словосочетаний «царь страны» и «новый архонт» предпочитают составить одно словосочетание «новый царь страны», и лишь Вит Винсхейм использует оба обозначения статуса Креонта: *Sed Rex Urbis / Creon novus Dux*⁵... Возможно также, что употребление рядом слов βασιλεύς и ἄρχων указывает на должность архонта-басилевса, то есть выборного царя, царя не по происхождению, существовавшую, например, в Афинах (Lenskaya 2001: 127).

Στρατηγός используется Антигоной, когда она говорит о Креонте, и переводится обычно как *dux*, однако Винсхейм и Раталлер в своих переводах называют правителя не по должности, а по имени: в винительном падеже *Creontem* и *Creonta* соответственно, хотя в оригинале Антигона называет его по имени только в ироническом контексте, например, в стихах 31–32: *τοιαῦτά φασι τὸν ἀγαθὸν Κρέοντα σοὶ / κάμοί, λέγω γὰρ κάμέ, κηρύξαντ' ἔχειν*⁶. Поскольку номинация персонажей и обращения их друг к другу очень важны в художественном тексте, особенно в данном случае (Тереги́к 2023: 60), сохранение переводчиком исходной номинации сильно влияет на восприятие отношений между Антигоной и Креонтом, с первых строк трагедии указывая на конфликт между ними, как и в оригинале. В противном случае этот конфликт сглаживается и становится менее очевидным.

⁴ Но вот же и он, царь этой земли, Креонт, Менекеев сын, новый правитель.

⁵ Но царь города, Креонт, новый вождь...

⁶ Так приказал достойный наш Креонт
Всему народу, и тебе, и мне... (пер. Ф. Ф. Зелинского).

Итак, на месте греческих слов ἄναξ и βασιλεύς в переводе обычно используется гех, на месте τύραννος — также гех или аналогичное слово tyannus, на месте ἄρχων и στρατηγός — дух. Однако, несмотря на довольно чётко вырисовывающееся во всех переводах соответствие, у каждого перевода — свои акценты, свои штрихи.

Так, первый перевод «Антигоны», выполненный итальянцем Джованни Габиа, отличается буквализмом и чётким соответствием древнегреческих и латинских слов при переводе, не допускающим вариантов.

Вит Винсхейм иногда опускает термины власти, если они функционируют в качестве обращения, и может не придерживаться чёткого соответствия лексем (так, ἄναξ может переводиться и как гех, и как ргиперс, особенно когда речь идёт не конкретно о Креонте, а о «владыках Фив»: Θήβης ἄνακτες — Thebani principes). Также Винсхейм отмечает в предисловии, что трагедии позволяют правителям учиться на ошибках Креонта и Эдипа даже в нынешнее время, когда земля пылает от бесконечных войн и царит век жестокости (Винсхейм, как яркий приверженец Реформации, имеет в виду те преследования, которые она встречала на своём пути); именно с целью нравственного воспитания он снабжает свой перевод примечаниями на полях, указывающими на «тираническое» (tyrannicum) поведение Креонта. Он также сопровождает свой труд письмом-посвящением regi Angliae et Franciae Eduardo («королю Англии и Франции Эдуарду») — очевидно, имеется в виду Эдуард VI, вступивший на престол всего в 9 лет, однако весьма сведущий в латыни и древнегреческом⁷. Он был сыном Генриха VIII, деспотичного и противоречивого правителя. Вполне вероятно, что Винсхейм, надеявшись, что сын Генриха не пойдёт по его стопам, заранее предупреждал юного короля об опасностях абсолютной власти.

Георгий Раталлер также обращается во вступительном письме к государственному деятелю — Фредерику Шампанье, участнику Нидерландской революции за независимость и будущему губернатору Антверпена, отмечая, что античные трагедии помогают воспитывать достойных граждан, показывая падение великих царей и превратности судьбы.

---

⁷ Конский, П. А. 1904: Эдуард VI *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL: Шуйское — Электровозбудимость*. СПб., 181–182.

Жан Лалеман и Георгий Раталлер вводят в перевод ещё один термин — *procer*, обозначающий представителя аристократии: сочетание *Thebani proceres* («фиванская аристократия») встречается в их версиях на месте уже упомянутых *Θήβης ἄνακτες*. Томас Наогеоргус же предпочитает называть их *Thebes magistri*, вводя ещё один термин, *magister* — лицо, занимающее какую-либо государственную должность. Таким образом, все переводчики, кроме буквалиста Габиа, подчёркивают различие статусов Креонта как единоличного правителя (*rex*) и фиванской аристократии (*principes*, *proceres* или *magistri*), хотя в оригинале во всех этих случаях используется одно и то же слово — *ἄναξ*.

Кроме примеров, где лексема *ἄναξ* употребляется как обозначение главы государства, включая обращение к нему, в трагедиях она встречается и как эпитет бога, в первую очередь, Аполлона (*Φοῖβος Ἄναξ* — «Феб-владыка»); в таком случае в переводе это слово может опускаться, однако чаще ему соответствует всё тот же *rex*. Особый интерес представляют стихи 284–285, в которых два раза употреблено слово *ἄναξ*, и оба раза не в качестве названия главы государства: *ἄνακτ' ἄνακτι ταῦθ' ὀρώντ' ἐπίσταται / μάλιστα Φοῖβῳ Τειρεσίαν*⁸. Эту фразу практически никто из исследуемых гуманистов не переводит буквально; так, Винсхейм убирает эпитет «владыка» и у Феба, и у Тиресия: *Scio Tiresiam eandem divinandi vim habere, quae Phoebo est*⁹, а Лалеман, напротив, добавляет свои эпитеты: Тиресия он называет *augustus* («священный»), а Феба — *rex et eximius ille Phoebus* («владыка и тот самый выдающийся Феб»). Раталлер в своём переводе не называет ни Феба, ни Тиресия «владыкой», а просто замечает, что Тиресий выдаётся искусством предсказания среди людей так же, как Аполлон — среди богов.

Таким образом, можно предположить, что переводчики намеренно уменьшают контексты, в которых употребляется слово *rex*: прослеживается тенденция использовать его как перевод древнегреческого *ἄναξ* только для обозначения непосредственно царей, единоличных правителей, в то время как для случаев, где слово *ἄναξ* используется как почтительное

⁸ Я знаю, что владыка Тиресий несомненно видит (предвидит) больше всего то же, что владыка Аполлон.

⁹ Я знаю, что Тиресий имеет такую же силу прорицания, какая есть у Феба.

обращение к представителям аристократии или богу, гуманисты стремятся использовать другие термины или эпитеты. Нельзя не отметить и разнообразие подходов к переводу, несмотря на некоторые общие тенденции. Несомненным является и то, что перевод названий глав государств был крайне важным пунктом переводческой работы, поскольку в предисловиях к изданиям переводчики подчёркивают уязвимость человека к роковым стечениям обстоятельств (в «Царе Эдипе») и тираноборческий пафос (в «Антигоне»). Большинство переводчиков крайне внимательны к номинациям глав государств, а перевод Вита Винсхейма вполне можно назвать концептуальным. С помощью своих версий античных трагедий переводчики могут даже напрямую обращаться к монархам, призывая их учиться на ошибках мифических царей, поскольку античная трагедия имела для деятелей XVI в. не только литературную, но и общественно-политическую, а также гуманистическую ценность. Это не могло не найти своего отражения в переводах, на некоторые особенности которых мы стремились обратить внимание в данной статье.

Литература

- Andrés, Gr. H. 1976: Los términos “princeps, imperator y dux” a final de la república y principios del imperio romano. Salamanca.
- Audet, St. 2020: Agathocle de Sicile. Titres et pouvoir d’un acteur politique méditerranéen de la haute époque hellénistique (330–289 a.C.). Québec.
- Carlier, P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984.
- Frolov, E. D. 2001: [Greece in the Late Classical Period (Society. Person. Power)]. St. Petersburg.
Фролов, Э. Д. 2001: Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.
- Goldhill, S. 1990: The Great Dionysia and Civic Ideology, In: Nothing to do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context. Princeton, 97–129.
- HaCohen-Kerner, Ya., Nissan, E. 2014: Information Retrieval and Question Answering for Assisting Readers of the Late Antique to Medieval Corpora of the Aggadic Midrash. In: *Language, Culture, Computation: Computational Linguistics and Linguistics: Essays Dedicated to Yaacov Choueka on the Occasion of His 75 Birthday*, Part III. Berlin Heidelberg.
- Lenskaya, V. S. 2001: [Archon-basileus in Athens]. In: *Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]*. 4 (239), 126–141.

- Ленская, В. С. 2001: Архонт-басилевс в Афинах. *Вестник древней истории*. 4 (239), 126-141.
- March, J. R. 2022: Sophocles: Oedipus Tyrannus. *Theatre and Autocracy in the Ancient World*. Liverpool.
- Nikol'skij, B. N. [Political sense and poetical structure of Euripides' Andromache]. In: *Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]*. 4, 20–40.
- Никольский, Б. Н. Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида. *Вестник древней истории*. 4, 20-40.
- Presnova, N. V., 2022: [Features of sententiae rendering in Latin translations of Sophocles' Antigone in the 16th century]. In: *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. [Indo-European linguistics and classical philology]*. 26–2, 977–986.
- Преснова, Н. В. 2022: Особенности перевода предложений (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 26–2, 977–986.
- Simon, A. 2014: Das Gesetz in Sophokles' Antigone. In: *Ereignis Literatur: Institutionelle Dispositive der Performativität von Texten*. Bielefeld.
- Teperik, T.F. 2023: ['Antigone' by Sophocles in the translation of Apollon Grigoryev: problems of poetics]. In: *Russkaja slovesnost. [Russian literature]*. 1, 55–61.
- Теперик, Т. Ф. 2023: «Антигона» Софокла в переводе Аполлона Григорьева: проблемы поэтики. *Русская словесность*. 1, 55-61.
- Teperik, T. F. 2022: [The motifs of power in ancient Greek tragedy (based on Sophocles' Electra)]. In: *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty. [Human being: Image and Essence. Humanitarian aspects]*. 3 (51), 154–170.
- Теперик, Т. Ф. 2022: Мотивы власти в древнегреческой трагедии («Электра» Софокла). *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 3 (51), 154–170.
- Valter, Z. V. 2013: [Lexico-semantic Field 'power' in Church Slavonic Translations from Polish 16th-17th cs. To the Problem of Adaptive Translation]. In: *Stephanos*. 6 (56), 72–79.
- Вальтер, З. В. 2013: Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода. *Stephanos*. 6 (56), 72–79.
- Wilson, P. 2003: *The Athenian Institution of the Khoregia: The Chorus, the City and the Stage*. Cambridge.
- Yarxo, V.N. 1970: [Myth and politics in Ancient Greek tragedy]. In: *Voprosy istorii. [Questions of history]*. 1, 209–214.
- Ярхо, В. Н. Миф и политика древнегреческой трагедии. *Вопросы истории*. 1, 209–214.

- Ярхо, V. N. 2000: [Doom. Sin. Conscience. To the translation interpretation of Ancient Greek tragedy]. In: *Drevnegrecheskaya literatura. Tragediya*. [Ancient Greek Literature. Tragedy]. Moscow, 306–330.
- Ярхо, В. Н. 2000: Рок. Грех. Совесть. (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии). *Древнегреческая литература. Трагедия*. М., 306–330.
- Zabudskaya, Ya. L. 2015: [Phrynicus' Capture of Miletus: some problems of the study of early Greek drama]. In: *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 3, 102–108.
- Забудская, Я. Л. 2015: «Взятие Милета» Фриниха: проблемы изучения ранней греческой драмы. *Вестник древней истории*. 3, 102–108.

«СУРОВЫЕ БОГИ» СТАНОВЯТСЯ «СПРАВЕДЛИВЫМИ БОГАМИ», ИЛИ ОБ ОДНОМ МЕСТНОМ КУЛЬТЕ ВЫСОКОГОРИЙ КИБИРАТИДЫ, МИЛИАДЫ И СЕВЕРНОЙ ЛИКИИ

Жители Кибиратиды и Милиады вырезали на скалах рельефы с изображением трех богов-воинов, так называемой Триады. Воины стояли анфас с двуострым топором преимущественно в левой руке, а под правой рукой на ряде рельефов была змея или собака. Надпись из Йапраклы называет их Θεοὶ ἄγριοι — «Суровые боги», а надписи из Козагаджи у Кибиры и из Термесса Θεοὶ δίκαιοι — «Справедливые боги». Полного каталога этих рельефов нет. Автор описывает 43 рельефа, показывает, что ареал их распространения свидетельствует о принадлежности культа Триады не ликийцам или писидийцам, а древним жителям Кибиратиды, Милиады и северной Ликии, и на основании рассказа Плутарха о культе трех σκίρροὶ θεοὶ у солимов высказывает предположение, что культ Триады практиковался у солимов и кабаиев. Автор не соглашается с распространенным мнением о том, что существовало несколько триад, и что боги Триады — это братья-основатели городов. Анализ употребления прилагательного ἄγριος в более чем 7000 контекстах доказывает, что в греческом языковом сознании оно никогда не соединялось с существительным θεός. Единственное исключение — это рассказ Александра Полигистора о пещерах Суровых богов в горах Крага (Акдаглар) и надпись из деревни Йапраклы, расположенной в этих горах. Такое неправильное словосочетание могло возникнуть в результате калькированного перевода местного имени богов на древнегреческий язык. Поскольку Суровые боги были богами мщения, автор сопоставляет их с Эриниями: распространение эллинской культуры в юго-западной Малой Азии привело к взаимовлиянию анатолийских и греческих верований, а значит, по аналогии с Эриниями, которые были переименованы в Эвменид, Суровые боги были переосмыслены как Справедливые.

Ключевые слова: Θεοὶ ἄγριοι, Θεοὶ δίκαιοι, Кибиратида, Кабалида, Милиада, Ликия, Триада, Термесс, Краг, вотивный рельеф, солимы, Эринии, анатолийский культ, скальное святилище.

E. V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. aristonica@list.ru

The «Severe gods» become the «Fair gods», or about one local cult of the highlands of Kibyrtis, Milyas and northern Lycia

The inhabitants of Cibyratis and Milyas carved reliefs on the rocks depicting three identical warrior gods, the so-called Triad. Warriors were depicted standing full face with double axes mainly in their left hands, and on some reliefs they had snakes or dogs under their right hands. An inscription from the village of Yapraklı calls them Θεοὶ ἄγριοι «Severe gods», and inscriptions from the village of Kozagaçı (near Kibyra) and from the city of Termessos — Θεοὶ δίκαιοι «Fair gods». A complete catalog of these reliefs has not been done. The author describes 43 reliefs and points out that the area of their spread indicates that the cult of the Triad did not belong to the Lycians or Pisidians, but to the ancient inhabitants of the highlands of Kibyrtis, Milyas and northern Lycia. On the basis of Plutarch's story about the cult of the three σκίρροι θεοί among the Solymoi, the author suggests that the cult of the Triad was practiced by the Solymoi and Kabaleis. The author does not follow the common statement that there were several triads and that the gods of the Triad are brothers-founders of cities. After analyzing the use of the adjective ἄγριος in more than 7000 contexts, the author comes to the conclusion that in the ancient Greek language consciousness it has never been combined with the noun θεός. The only exception is the story of Alexander Polyhistor about the caves of the Severe gods in the mountains of Kragos (Akdağlar), as well as an inscription from the village of Yapraklı, located in these mountains. Such an incorrect collocation could be a result of a tracing translation of the local name of the gods into ancient Greek. Since the Severe gods were the gods of revenge for the crime, the author compares them with the Erinyes. The spread of the Greek culture in southwestern Asia Minor led to the mutual influence of Anatolian and Greek beliefs and by analogy with the Erinyes, who became the Eumenides, the Severe gods were reinterpreted as the Fair gods.

Keywords: Theoi agrioi, Theoi dikairoi, Kibyrtis, Kabalis, Milyas, Lycia, Triad, Termessos, Kragos, votive relief, Solymoi, Erinyes, Anatolian cult, rock sanctuary.

12 августа 2022 г. по дороге из Гельхисара в Чыралы мы повернули с трассы в деревню Анбарджык. Моими неизменными спутниками в этом путешествии были Ирина Попова и мой сын Александр. Заезд в Анбарджык был вызван стремлением увидеть и сфотографировать находящиеся в районе этой деревни две скальные ликийские гробницы, которые занесло так далеко на север от родного для таких погребальных сооруже-

ний юга ликийского побережья (Gay, Corsten 2006: 51–53; Corsten 2007: 51). Не зная точного местоположения утеса с гробницами, мы подъехали к кафетерию и обратились за помощью к местным жителям, которых в этот утренний час там было весьма немного. Один немолодой турок вызвался поехать с нами и показать дорогу. Однако добраться до скальных гробниц нам было не суждено. Накануне два дня в горах бушевали грозы, и потоки воды превратили грунтовую дорогу в завалы камней. Разочарованные, мы повернули назад, и наш проводник, желая нас подбодрить, предложил показать нам вырезанные на скале рельефы.

Оставив машину на дороге, мы пошли через небольшое поле к скалистому выступу, поросшему у подножия кустами и деревьями. Еле заметная тропинка привела нас к отвесной скале, на которой были вырезаны две прямоугольные рамы с изображением трех стоящих в ряд воинов (рис. 1). Мне уже приходилось видеть скальные рельефы с изображением Какасба, Геракла, Диоскуров и Ареса, но такие рельефы я увидела тогда впервые. Внутри верхней, правой почти квадратной (40 x 37 см¹ (Весерен 2018: 157)) рамы были вырезаны три одинаковых фигуры воинов, стоявших почти анфас, с легким поворотом вправо относительно самих воинов. Грубое исполнение и не самая хорошая сохранность рельефа из-за выветривания не позволяют описать все его детали точно. Головы воинов были непокрыты, взгляд их был строгий. Одеты они были в короткую тунику, отчетливо заметные двойные птериги и лежащий на груди полукруглыми фалдами плащ-хламиду. Поднятая вверх и сильно согнутая в локте правая рука воинов держала практически лежащий на правом плече двуострый боевой топор с длинным тонким топорщиком (по типу лабрис). Поскольку топорщик образовывало минимальный угол с плоскостью земли (было ей почти параллельно), то лезвие топора оказалось сзади и чуть выше левого плеча воина. Левая рука воинов была опущена вниз и слегка согнута в локте, так что кисть была прижата к поясу и что-то явно там придерживала. Забегая вперед, скажу, что Ф. Э. Дёкю и Н. Беджерен считают, что она сжимала кинжал (Dökü 2020: 220; Весерен 2018: 156–157), в то время как я даже готова допустить, что она придерживала голову свисающей вниз змеи, поскольку уходящий из-под руки вниз предмет

---

¹ Все размеры рельефов в данной работе даны по принципу: ширина x высота.

имел, скорее, извилистую, а не прямую форму. Ноги воинов были расставлены на ширину плеч, фигурные мышцы напряжены. А вот во что они были обуты, сказать уже невозможно.

Рис. 1. Два рельефа с божественной Триадой у деревни Анбарджык.
Фото автора.

Вторая рама, более вытянутая по горизонтали (47 x 28 см (Весерен 2018: 157)), была вырезана ниже первой и левее. Три фигуры воинов на ней также стояли анфас, но детали рельефа были проработаны не так тщательно, и многое из-за выветривания было уже почти не различимо. От голов воинов просматривались только контуры, лица пропали. Спускающиеся почти до самых колен туники были на талии перехвачены поясом, птериг не было вообще, плащи были закреплены спереди на груди. В правой руке каждый воин, как и на первом рельефе, держал двуострый топор, но левая рука при этом была просто опущена вниз, и разобрать, сжимала ли она что-либо, уже не удавалось. Ноги этих воинов отличались мощными выпуклыми коленками, но определить вид обуви уже было нельзя.

Пока мы рассматривали рельефы, турок рассказал нам, что эти рельефы находятся на его земле, что он очень боится, как бы кто-нибудь их не испортил, и поэтому обычно никому их не показывает. Для подобных страхов у него есть серьезные осно-

вания: раньше слева от нижней рамы были вырезаны еще изображения трех змей: большой, средней и маленькой, — но потом, видимо, какой-то искатель сокровищ эти рельефы уничтожил. Это его очень огорчает, и он не хочет, чтобы воины разделили судьбу змей. Закончив рассказ, наш проводник поспешно увел нас назад к машине, и мы, отвезя его назад в Анбарджык, продолжили свой путь.

Именно эта непредвиденная экскурсия и побудила меня обратиться к изучению материала, посвященного наскальным рельефам с изображением трех воинов, или Триады, как их называют в научных изданиях, и первое, что меня поразило, это отсутствие работы, каталогизирующей все подобные рельефы, известные на данный момент. Еще в 1997 г. Т. Дж. Смит составила краткий каталог из 15 рельефов, но ограничилась только территорией Бальбур. В 2008 г. Р. Флейшер дал обзор 30 рельефов, причем впервые включил в эту группу рельеф из музея Фетхие (Fleischer 2008: 212–222), но упустил три рельефа, опубликованные в работе Н. П. Мильнера (Milner 2004: 59, № 17–18, 60, № 21). В 2010 г. вышла в свет книга Т. Эфендиоглу, где в соответствии с более широкими задачами своего труда исследовательница попыталась составить именно каталог рельефов с Тριάдой, правда, без единой фотографии (Efendioğlu 2010: 145–161), но даже тогда он не мог считаться полным в силу пропущенных публикаций: статья Флейшера, например, или рельеф из Кастабар учтены в нем не были. В 2018 г. Беджерен представила каталог скальных рельефов с территории Кибиры, в который были включены и рельефы с Тριάдой, но ограничение каталога по географическому принципу не позволило собрать в нем все рельефы с богами-воинами. Таким образом, необходимость создания каталога рельефов с божественной Тριάдой остается на повестке дня научных исследований. Полноценно решать такую задачу должен аккредитованный для работы на турецкой земле специалист. Для нас же остается возможность познакомиться с историей вопроса по уже имеющимся публикациям — увы, отчасти изолированным друг от друга и не всегда упоминающим о результатах предшественников.

Эскиз каталога.

Первый рельеф (1)² с тремя воинами, вооруженными топорами, описали М. Коллинсон и Л. Дюшен. Они увидели его в мае 1876 г. в Хорзуме³ среди артефактов, собранных местными греками в руинах Кибиры, и даже сделали зарисовку. На этой стеле воины, одетые в римскую военную форму, держали на поводках собак (Collignon, Duchesne 1877: 365; Fleischer 2008: 219; Efendioğlu 2010: 155, T389). О дальнейшей судьбе этого памятника ничего неизвестно.

В августе 1882 г. Э. Петерсен и Ф. фон Лушан видели сильно выветрившийся рельеф с тремя мужскими фигурами в Тириее. Однако двуострых топоров у этих мужчин не было: их левая рука опиралась на копье, а правая рука была приподнята (Petersen, Luschan 1889: 173, № 13). В 1976–1977 гг., когда К. Наур занимался последовательным изучением рельефов Тириея, обнаружить этот рельеф и перепроверить его характер — погребальный он или вотивный — ему не удалось (Naour 1980: 87, № 71), и поскольку в Тириее, действительно, было создано много погребальных наскальных рельефов, а описание Петерсена и фон Лушана не соответствует основным канонам изображения, то этот рельеф едва ли следует учитывать при рассмотрении данного типа, хотя Эфендиоглу и включила его в свой каталог (Efendioğlu 2010: 158, T398).

Тогда же Петерсен и фон Лушан заметили грубый рельеф (2) с тремя одинаковыми фигурами на скале возле акросолия с саркофагом внутри городских стен Бальбур. Под рельефом была сделана надпись, но прочитать ее путешественники уже не смогли (Petersen, Luschan 1889: 183). Этот рельеф был заново осмотрен летом 1987 г., когда в Бальбурах работала экспедиция Дж. Коултона (Coulton 1989: 227–228, 230, fig. 1), и затем был включен Т. Смит в каталог скальных рельефов с территории Бальбур. Рельеф был вырезан на скальном выступе рядом с южной частью позднеримской городской стены. Прямоуголь-

---

² Поскольку наше описание не может претендовать на полноту и точность настоящего каталога, оно не будет оформлено в виде пронумерованного списка рельефов, но все же для удобства предварительного подсчета каждый рельеф будет снабжен своим номером. Последовательность рельефов выстроена по хронологическому принципу в соответствии со временем их обнаружения. Для полноценного каталога следовало бы выбрать географический принцип подачи материала.

³ Современный город Гельхисар.

ная панель с рельефом (45 x 32 см) была увенчана плоским фронтоном, украшенным акротерием в виде пальметты. Воины держали в правой руке топор, а в опущенной вниз левой руке — то ли поводок, то ли змею (Smith, Milner 1997: 4, 24–25, T1; Fleischer 2008: 216; Efendioğlu 2010: 151, T370).

В июне 1895 г. Р. Хэбердей и Э. Калинка обнаружили по дороге из Бальбур в Эноанды возле деревни Донт ликийскую скальную гробницу и рядом с ней грубый рельеф (3) с тремя спокойно стоящими мужчинами: они положили на плечи топоры с длинной рукоятью и держали в левых руках змеевидные посохи. Зная сейчас принципы иконографии подобных рельефов, можно с уверенностью скорректировать описание Хэбердея и Калинки: в левых руках у мужчин были не посохи, а настоящие змеи (Heberdey, Kalinka 1897: 41; Fleischer 2008: 217; Efendioğlu 2010: 154, T385).

Во время того же путешествия Хэбердей сделал зарисовку рельефа (4), вырезанного на скале в Эноандах к западу от агоры за пределами городских стен. В отчете о путешествии упоминания об этом рельефе нет — он так и остался неопубликованным в материалах Хэбердея (Skizzenbuch Lykien III/1895 в архиве Комиссии по Малой Азии Австрийской академии наук). Повторно этот рельеф был найден в 1968 г. М. Смитом и затем изучен и сфотографирован им в 1972 и 1981 гг. На прямоугольной панели (50 x 22 см) были изображены три мужские фигуры одного роста и без головных уборов, облаченные либо в тунику с длинными рукавами, либо в доспехи, с мечом на поясе, свисающим возле левого бока. В поднятой левой руке каждый мужчина держал двуострый топор с длинной рукояткой, облокотив его на левое плечо, в то время как правая рука была опущена вниз к голове поднимающейся с земли змеи (Хэбердей ошибочно принял этих змей за гусей). Слева от воинов (относительно зрителя) древний мастер разместил еще одну фигуру: это — женщина, одетая в хитон и гиматий с вуалью и диадемой на голове. Ее левая рука покоится на бедре, а правая поднята к груди. Из-под длинной одежды выступают ее ступни. Под рельефом была вырезана надпись, от которой сейчас читается лишь часть первой строки: «Лицин(ний) Эв[тих по обету]». По форме букв рельеф был датирован II–III вв. (Milner, Smith 1994: 65, 67–68, № 2, Pl. XIV b; Fleischer 2008: 220; Efendioğlu 2010: 156–157, T393, T394).

С середины апреля по август 1914 г. в районе Адалии⁴ работали ученые из Итальянской археологической миссии. Согласно Б. Пейсу, возле деревни Куйу — точнее Гююю, современная деревня Йапраклы, древняя деревня Орпенны, расположенная на восточных склонах Акдаглар к северо-западу от Элмалы, но принадлежавшая территории Эноанд (Şahin, Adak 2007: 169), — они увидели вырезанную на скале эдикулу с изображением (5) трех мужчин в коротких одеждах с двуострыми топорами на левом плече и с тремя змеями по бокам. От вырезанной у этого рельефа надписи Пейс заметил только первую строку (Pace 1921: 65, № 66). Но это упущение было исправлено 9 октября 1966 г. Дж. Бином, который опубликовал сохранившуюся часть надписи полностью: — — — $\mu\omicron\varsigma \epsilon\upsilon\chi\eta\nu \theta\epsilon\omicron\iota\varsigma \acute{\alpha}\rho\iota[\omicron\iota\varsigma]$ — «[Такой-то] по обету Суровым богам» (Bean 1971: 26–27, № 47; Fleischer 2008: 221; Efendioğlu 2010: 154–155, T386, T387). Так впервые стало известно имя изображенных на рельефах воинов — это были «Суровые боги».

Пейс также сообщает, что на рынке Адалии ими были приобретены некоторые артефакты, среди которых был выполненный на блоке белого известняка (20 x 16 см) рельеф (6) с тремя мужскими фигурами в короткой военной одежде. В левой руке они практически вертикально держали двуострые топоры (у крайнего справа воина топор был отломан), а правой опирались на короткую палку — узнать в этих палках змей Пейс не смог. По сведениям продавца, эта стела была доставлена в Адалию с южных склонов Ак Дага⁵ из района города Идебесса. Пейс опубликовал фотографию стелы (Pace 1921: 69, 71, fig. 36; Fleischer 2008: 219, Abb. 20; Efendioğlu 2010: 155, T388), затем ее же фотографию, только лучшего качества, разместил в своей работе Л. Робер (Robert 1955: Pl. II 1). Сама стела была увезена в Рим, где ее видел в 1950 г. А. Мейге (Milner, Smith 1994: 68, n. 23).

В начале 1950-х гг. в музей Анталии поступила еще одна стела (7) с похожим рельефом (25 x 27,5 см), фотографию которой также опубликовал Робер. Происходила эта стела из деревни Йазыр, расположенной возле города Коркутели, где в древности находился город Исинды. Три воина в тунике и откинутой назад хламиде были помещены на ней в эдикулу с треугольным фронтоном, украшенным сильно выступающим дис-

---

⁴ Современный город Анталя.

⁵ Сейчас горная цепь, на восточном склоне которой расположен город Идебесс, называется Бейдаглары.

ком. В левой, опущенной вниз и лишь слегка согнутой в локте руке они держали поднятые вверх двуострые топоры, а правую руку положили на голову сидящей у правой ноги собаки (Robert 1955: 6–8, Pl. I; Fleischer 2008: 221–222, Abb. 23)⁶.

Следующие два рельефа обнаружил в августе 1976 и 1977 гг. Наур на скалах возле деревни Теке Козагаджи, древнего Тириея, располагавшегося на землях Бальбур (Naour 1980: 10–13). Один рельеф (**8**) в грубой прямоугольной раме (43 x 40 см) не самой хорошей сохранности был к тому же намеренно испорчен. В результате на нем можно было рассмотреть только мужские фигуры в коротких туниках, поднятой левой рукой они держали на плече какой-то предмет, опознать который уже было нельзя, и также невозможно было уже понять, сжимала ли что-либо опущенная вниз правая рука (Naour 1980: 83, № 36, Pl. XVI; Fleischer 2008: 220; Efendioğlu 2010: 157, T396). У второго рельефа (**9**) (75 x 46 см) имелась примечательная особенность. Три фигуры были изображены традиционно: одеты в короткую тунику, ниспадающую на пояс толстой складкой, левая рука держала на плече продолговатый предмет, правая свисала вниз вдоль бока. Однако справа от них стояла еще одна мужская фигура: она была меньше ростом, ее левая рука находилась возле пояса, а правая была поднята в сторону ближайшего бога-воина. Наур предположил, что этот человек мог быть слугой божественной Триады или их почитателем (Naour 1980: 87, № 41, Pl. XVI; Fleischer 2008: 220; Efendioğlu 2010: 158, T397).

В 1981 г. в Эноандах М. Смит нашел обломанную слева стелу (**10**) из местного известняка, которая была повторно использована в качестве строительного материала (высота 31 см). На ней сохранились две фигуры богов-воинов (от третьей фигуры видна лишь часть левой руки): безбородые, с непокрытой головой и густыми волосами, в кожаной кирасе и птеригах, в левой согнутой в локте руке они держат двуострые топоры с длинными достаточно толстыми топорищами, положив их на левое плечо, правая рука опущена вниз и касается головы поднимающейся с земли змеи с открытым ртом. Правда, правая рука и змея сохранились только у центрального воина (Milner, Smith 1994: 65, 70, № 3, Pl. XV a; Fleischer 2008: 220, Abb. 22; Efendioğlu 2010: 157, T395).

---

⁶ Этот рельеф Эфендиоглу в свой каталог включать не стала, возможно, по географическому принципу.

Четырнадцать рельефов с божественной Тριάдой было обнаружено на территории Бальбур во время работы экспедиций Коултона и его коллег. Все эти рельефы вместе с уже описанным нами рельефом из самого города были собраны в кратком каталоге Т. Смит (Smith, Milner 1997: 24–26). Однако здесь наш обзор оказывается перед лицом следующей проблемы: рельефы, расположенные вокруг озера Йазыр, были повторно изучены в 2017–2018 гг. командой Дёкю (Dökü 2019) и представлены в каталоге рельефов с территории Кибиры, составленном Беджерен (Beseren 2018: 151–162), без единой ссылки на предыдущее издание в каталоге Смит. Поэтому нам придется попытаться, опираясь на описания и косвенные данные, сопоставить в этой части оба каталога, хотя полной уверенности в результате здесь достигнуть весьма непросто. Координат местоположения каждого рельефа ни в той, ни в другой работе нет, а географические описания оперируют названиями районов, которые в обоих каталогах вообще не совпадают.

Летом 1988 и 1990 гг. экспедиция Коултона изучила три рельефа с богами-воинами в районе Карахасанташы: сильно выветрившийся рельеф **(11)** в Алтынапа (45 x 42 см), где еще виден поднятый локоть левой руки у правого и центрального бога; рельеф **(12)** стандартного типа с уже неразличимым видом оружия на скале у ручья в Инджирташы (33/29 x 27 см); и рельеф **(13)** в Мал Мугары (47/35 x 43 см), на котором воины имеют большие овальные головы с пышной прической, одеты в туники и хламиды, их левая рука прижата к груди, но топора в ней уже не видно, а правая рука лежит на бедре (Coulton 1992: 48; Smith, Milner 1997: 4–5, 25, T2, T4, T5, Pl. I a; Fleischer 2008: 219; Efendioğlu 2010: 151–152, T371, T373, T374).

В августе–сентябре 1991 г. команда Коултона нашла рельеф **(14)** с Тριάдой (44 x 21 см) на скале у родника в районе деревни Чобаниса в местечке Кетенпынары. Воины на нем стояли с поднятой и согнутой в локте левой рукой и с вытянутой вдоль тела правой рукой, а внизу были заметны головы то ли животных, то ли змей. Слева от воинов находилась задрапированная и покрытая вуалью женская фигура (Coulton 1993: 464, fig. 1, № 15; Smith, Milner 1997: 25, T3; Fleischer 2008: 216–217; Efendioğlu 2010: 152, T372). Видимо, в этот же сезон были зафиксированы остатки рельефа **(15)** из трех пар ног в Кайбашы кёй (шириной 40 см) и сильно выветрившийся рельеф **(16)** стандартного типа (53 x 38 см) на небольшом валуне в Богалар

кёй (Smith, Milner 1997: 25–26, T6, T15; Fleischer 2008: 216, 219; Efendioğlu 2010: 152, T375, 154, T384).

Изучение территории Бальбур было продолжено в 1992 г., и вокруг озера Йазыр было обнаружено в общей сложности восемь рельефов с божественной Тριάдой (Coulton 1994: 430). Все эти рельефы Беджерен датирует периодом Римской империи. Четыре рельефа были вырезаны на скальном выступе у подножия большого холма на восточном берегу озера. Дёкю и Беджерен называют это место Делийин Йаны. На первом слева рельефе (**17**) (39,5 x 19/26 см⁷) у воинов крупные головы, густые волосы и полные тела, левой рукой они держат на плече двуострый топор, а правая рука опущена вниз. Согласно Т. Смит, справа от трех мужчин находится задрапированная фигура, но Беджерен о ней не упоминает (Smith, Milner 1997: 5, 25, T7; Fleischer 2008: 218; Efendioğlu 2010: 152–153, T376; Beceren 2018: 161–162, № 143). Второй рельеф (**18**) отличался внушительными размерами (45,5/47 x 47/41 см), но его панель была сверху слева сломана. Боги-воины на нем имели овальные лица и круглые глаза, в остальном изображение было стандартным: военная одежда, топоры в левой руке и на левом плече, правая рука опущена вниз (Smith, Milner 1997: 25, T8; Fleischer 2008: 218; Efendioğlu 2010: 153, T377; Dökü 2020: 223; Beceren 2018: 161, № 142). Также стандартное изображение представлено и на третьем рельефе (**19**) (37 x 33 см): топоры в левой руке, правая рука опущена вниз вдоль тела (Smith, Milner 1997: 25, T9; Fleischer 2008: 218; Efendioğlu 2010: 153, T378; Dökü 2020: 223; Beceren 2018: 160, № 141). На четвертом, крайнем справа рельефе (**20**) (52 x 32 см) хорошо видны спутники Триады: топоры у богов на левом плече, а в правой руке каждый бог держит поводок собаки, стоящей рядом возле его правой ноги (Smith, Milner 1997: 25, T10; Fleischer 2008: 218; Efendioğlu 2010: 153, T379; Dökü 2020: 223, fig. 4d; Beceren 2018: 159–160, № 140).

Один рельеф (**21**) с Тριάдой находится к югу от озера Йазыр в местечке Инёню на выступе скалы ниже пары стел, украшенных гирляндами и букранием. Прямоугольная панель с рельефом (42 x 31 см) сломана слева внизу, изображение сильно выветрилось. Три весьма тонконогих бога в военной одежде прижимают к груди согнутую в локте левую руку и, видимо, держат в ней топор, который при таком расположении руки

⁷ Размеры рельефов у озера Йазыр даны по каталогу Т. Смита.

должен быть направленным чуть влево и вверх. О положении правой руки сказать что-либо совсем сложно. Слева от богов стоит задрапированная женская фигура с покрытой головой (Smith, Milner 1997: 25, T11; Fleischer 2008: 218; Efendioğlu 2010: 153, T380; Dökü 2019: 526; Beceren 2018: 151–152, № 129).

К северо-западу от озера Йазыр в районе Чакырлар Йайласы (Т. Смит) в местечке Чакырйурду (Дёкю, Беджерен) на скале было вырезано три рельефа: два сверху и один под ними. Оба верхних рельефа сильно выветрились. На одном (**22**) из них (34/35 x 30 см) фигура правого воина наполовину отсутствовала. Одежда доходила практически до самых колен воинов, мускулистые ноги были широко расставлены.левой рукой они держали топоры, правая рука была опущена. Справа от рельефа на скале был вырезан большой рог изобилия. Соседний рельеф (**23**) (37/36 x 26/27 см) выполнен в стандартной иконографии без каких-либо примечательных особенностей (Smith, Milner 1997: 25–26, T12, T13; Efendioğlu 2010: 153, T381, T382; Dökü 2019: 520; Beceren 2018: 153–154, № 131, № 132). Панель с нижним рельефом (**24**) (38 x 27 см) была украшена треугольным фронтоном с надписью из двух строк, от которой сейчас осталась лишь пара букв (высотой 3 см). Верхний левый угол панели был сломан, и утрачена голова левого воина. Лица воинов вытянуты, перехваченная поясом туника заканчивается значительно выше колен, на плечах плащ, скрепленный на груди. Согнутой в локте левой рукой они придерживают лежащий на плече двуострый топор, правая же рука опущена вниз. Справа от рельефа изображен небольшой рог изобилия (Smith, Milner 1997: 26, T14, 47, № 11, Pl. VIII a; Corsten 2002a: 128, № 100⁸; Fleischer 2008: 218–219; Efendioğlu 2010: 154, T383; Dökü 2019: 520; Beceren 2018: 152–153, № 130).

В июле 1994 г. в Эноандах и на землях этого города работала экспедиция под руководством С. Митчелла, усилиями которой были обнаружены еще три рельефа с божественной Тριάдой⁹. Первый из этих рельефов (**25**) был вырезан на скале в местечке Кынджылар Йайласы в 8 км к востоко-юго-востоку от Эноанд. На прямоугольной панели (43/47 x 31 см) с фронтоном изображены три больших мужских фигуры и справа от них обращенная к ним меньшая по размеру мужская фигура, под-

⁸ Корстен утверждает, что публикует эту надпись впервые, хотя к тому моменту она уже была опубликована Мильнером.

⁹ В каталоге Эфендиоглу этих рельефов нет.

нявшая правую руку в мольбе или приветствии в сторону богов. Боги держат топоры на левом плече, их правая рука, видимо, опущена вниз, и с земли к ней поднимается возле правой ноги каждого бога змея. Под панелью была сделана табличка с надписью (47 x 14 см), которая сейчас уже не читается (Mitchell 1996: 72; Milner 2004: 59, № 17, fig. 26, 27). В этом же месте, но чуть ниже, прямо в деревне на скальном выступе расположен второй, сильно выветрившийся рельеф (26) (35 x 26 см). Воины на нем держат топоры на левом плече, опустив правую руку вдоль тела. Явных следов змей заметить не удалось (Milner 2004: 59, № 18). Третий рельеф (27) находится на западной окраине села Джейлан в 4 км к востоко-юго-востоку от Эноанд на скальном выступе рядом с гробницей-хамасорием. Три бога-воина (их топоры уже не различимы) размещены внутри почти квадратной панели (33 x 30 см), которая справа продолжается и ступенью вниз увеличивается по высоте (28 x 41 см), чтобы обеспечить место для двух более высоких фигур: сразу за воинами стоит, скорее всего, мужчина в длинном, ниже колен плаще с прижатой по диагонали к груди правой рукой и опущенной вниз левой, а за ним изображена женская фигура, задрапированная в одежды до самых ног, в головном уборе и вуали, ее правая рука прижата к сердцу, а левая свисает вдоль тела (Milner 2004: 60, № 21, fig. 30).

В августе 1998 г. группа турецких археологов под руководством Н. Чевика проводила изучение территории Тлоса. Высоко в горах в местечке Дарыёзу у античной дороги, которая вела из Тлоса на плато Гирдев и далее к городу Хома, в поселении Кастабары на скале акрополя был обнаружен рельеф с тремя фигурами (28). Никакого описания этого рельефа исследователи не предоставили, но опубликовали его фотографию (Çevik, Varkıvanç 2000: 333, 343, Resim 8; Çevik, Varkıvanç, Kızıgut, Gülşen 2003: 198, 223, Fig. 26). Кроме Флейшера, никто на этот рельеф не обратил внимания, но и Флейшер, не разглядев двуострых топоров, решил, что этот рельеф представляет некую другую триаду (Fleischer 2008: 216). Изображение на нем, действительно, сохранилось весьма посредственно. Однако все же видно, что в согнутой в локте правой руке боги-воины держат заведенные за голову двуострые топоры, лезвия которых оказываются у них над левым плечом. Левая рука опущена вниз, и под ней определенно было какое-то изображение, но идентифицировать его по фотографии невозможно.

В 2000 г., продолжая изучение территории Кибиры, Т. Корстен нашел в окрестностях деревни Козагаджи возле сохранившегося участка античной дороги (Беджерен называет это место Гюрлейик) рельеф (29) с божественной Тριάдой и стоящей рядом слева закутанной женской фигурой, вырезанный внутри прямоугольной панели (40 x 30 см) с фронтоном. Воины с пышными волосами, одетые в перехваченную поясом короткую тунику и откинутый назад плащ, держат в согнутой левой руке у груди поднятый вверх топор, лезвие которого оказывается у них над левым плечом, в то время как правая рука просто опущена вниз. Женщина согнула левую руку в локте и, прижимая ее к груди, придерживает у шеи вуаль; длинные одежды не прикрывают ее стоп. Под рельефом была вырезана надпись из трех строк, которые Корстен смог прочесть лишь частично: «Ал... справедливым богам по обету» (Corsten 2002a: 123–124, № 96; Corsten 2002b: 139; Fleischer 2008: 220, Abb. 21¹⁰; Efendioğlu 2010: 145–146, T368; Veceren 2018: 151, № 128). Получается, что «Суровые боги» вдруг превратились в «Справедливых богов».

В августе 1977 г. Флейшер обнаружил в Термессе к северо-северо-западу от гробницы Алкета скальное святилище Справедливых богов с несколькими вотивными рельефами и надписями. Правда, изучение этого святилища состоялось только в 2002 г., когда Флейшер обратил на него внимание Б. Ипликчиоглу (Fleischer 2008: 197). Местом для святилища была выбрана идущая углом стена скалы с расположенной перед ней небольшой террасой. На северо-западном конце этой стены вырезана большая вотивная ниша (30) со сводом шириной внизу 85 см и высотой 1 м (внешние размеры 1,13 x 1,13 м). Перед нишей вырублена площадка шириной 24 см, а по бокам нишу обрамляют пилястры высотой 63/64 см с простыми капителями, на которые опирается архивольт шириной всего 6 см. Внутри ниши мастер изобразил стоящих на постаменте высотой 12 см богов-воинов. Наличие постамента поднимало фигуры богов над уровнем площадки для вотивных приношений, и, соответственно, эти приношения не загораживали сами изображения. Головы богов сейчас уничтожены. Фигуры опираются на правую ногу, в то время как левая отведена в сторону. Одеты они в короткий хитон и нагрудник с тремя рядами прямоугольных

---

¹⁰ Флейшер ошибочно принял эту деревню Козагаджи за ту деревню Козагаджи, где был расположен Тирий.

птериг и с такими же птеригами на плечах, подпоясаны широким поясом; плащ лежит полукругом у них на груди и свисает за спиной ниже колен, а ноги обуты в сапоги. В левой опущенной вниз руке боги держат двойные топоры, направленные вертикально вверх, так что лезвие оказывается прямо над левым плечом. В укороченной правой руке у них находится наклоненная вперед чаша, к которой кольцами поднимается крупная змея, причем у центральной змеи изгибов заметно меньше, чем у боковых. Флейшер уверен, что змея у правого бога пьет из чаши. Под змеями у правой ноги богов, подняв головы, сидят собаки с большими ушами. Вырубленные в скале за пределами архивольта отверстия говорят об имевшихся вокруг рельефа деревянных конструкциях с крышей (İplikçiöğlü 2003: 75; 2006: 5, 14, Photo 2; Fleischer 2008: 209–210, Abb. 10, 16, 234, 229).

На некотором расстоянии от этой ниши на скале вырезаны две стелы с лишь частично читаемыми надписями, под правой из которых в простой почти прямоугольной слегка углубленной нише (46 внизу / 41 вверху x 60,5 см) выполнен другой рельеф (31) с Тριάдой весьма посредственной сохранности. Фигуры богов высотой 28 см стоят на высокой ступени, занимающей всю нижнюю часть ниши. Одеты они, видимо, были в хитоны и плащи, но ни топоров, ни животных разглядеть уже нельзя (İplikçiöğlü 2003: 75; 2006: 5, 15, Photo 6; Fleischer 2008: 207–208, Abb. 13, 14). Третий рельеф (32) вырезан опять в нише со сводом (88 x 88 см); по бокам ниши находятся пилястры с капителями, и над ними — широкий архивольт. Перед нишей во всю ее длину вырублена площадка для приношений шириной 22 см. Основания пилястр соединены ступенью высотой 10 см, на которую опирается повторяющая окружность ниши скамья высотой 9–12 см. На этой скамье стоят три бога — их фигуры высотой 33 см частично повреждены, частично выветрены. Боги изображены с непокрытой головой и объемными прическами, в коротких хитонах и плащах; в левой руке они держат двуострые топоры, а в опущенной вниз правой руке — чаши. Под правой рукой у каждого бога сидит животное, вероятно, собака (İplikçiöğlü 2003: 75; 2006: 5, 14, Photo 3; Fleischer 2008: 205, Abb. 11). Непосредственно под этой нишей со сдвигом влево расположена небольшая ниша (внутренний размер 26 x 27 см) с четвертым рельефом (33) этого святилища. От фигур богов здесь сохранились только нижние части ног и головы средней и левой фигуры, топоры они держали в левой руке, а возле их правых голеней еще просматриваются сильно

выветренные изображения собак (İplikçiöğlü 2003: 76; 2006: 5, 14, Photo 3; Fleischer 2008: 205–206, Abb. 12).

Надпись, вырезанная на правой из двух больших стел, представляет собой список жителей Термесса, входивших в фиас (θίασος), религиозное сообщество почитателей Справедливых богов: «Справедливым богам, внемлющим, Аврелий Макарий Молесий, он же Бо[...], написал ... помолившиеся... [под]писавшиеся Аврелии Архе[...], сын Артемидора, Хрисерот, сын Артемона, Сотерих, сын Ма[...], Артемон, сын Хрисерота, Гермес, сын К[...], Эварат, сын Горга, Котт, сын Эварата, Энтим, сын Акины, внук Кария, правнук Троконда, Агораст, сын Энтима, Фоант, сын Гиерона, Протогон, сын Троконда, внук Гермея, правнук Масанта, [...]нд, сын Филистиона, внук Мелесандра, Платон, сын Гермаса, внук Аполлония, правнук Агораста, Парменион, сын Гермiana, ..., Просдоким, сын Гермолая, ..., [...]атор, сын Агафангела, ..., сын Зосима, Эвмер, сын Герм[...], ...». Ипликчиоглу, на основании расчета поколений в известных семьях Термесса, датирует эту надпись временем между 240 г. и концом III в. (İplikçiöğlü 2003: 76–77; 2006: 6–7, № 1, 15, Photo 4, 5). Надпись, вырезанная на левой стеле, судя по форме букв, была старше надписи религиозного сообщества. Из-за сильного выветривания восстановить текст надписи уже не представляется возможным, однако читаемые фрагменты свидетельствуют о том, что она содержала написанное элегическим дистихом выражение благодарности Справедливым богам: «выразил эту благодарность», «явственнейшим Справедливым богам», «мужам молящимся», «сообщества», «стихи написал»¹¹ (İplikçiöğlü 2003: 77; 2006: 8, № 2, 15, Photo 4, 5).

В 2006 г. во время работ на местности в области Бурдура М. Озсаит увидел в районе деревни Кызыллар рельеф (34) с тремя

¹¹ Приведем полный текст этого стихотворения:

Ἀγαθῆ Τύχη. Ὑπὲρ ΒΟΛΛΑΡΧΗ
 Σ .. Ν ..... ΣΕΗΣ.Ξ ..... Ν
 ..... τάτοις θήκατο τήνδε χάριν
 4 .. Τ ἐπιφανεστάτοις Θεοῖσι Δικαίαις
 .. Ο .. Σ ..... ἀνδράσιν εὐξομένους
 ... Ο . Λ.ΦΑΣΙΟΥΚΙΜΗΡΑΠΙΟΝ θιάσαιο
 . ΕΝΟ .. ΚΑΜΕΝ ἐπὶ γράψατο καὶ ΦΙΛ .
 8 ... Δ .... ΑΡ .. Ι . ΣΙΝΕΡΠΙΣΟΣΓΕΝΟ ..
 ..... ἐταιρείην ΜΕΣ . Λ . ΥΜΙΕ .
 ..... Ἑρμῆς Ο . ΠΡΑΤΕ υ ΕΣΣ ...
 .. Ο .... ΤΟΙ .. ΟΥΑΙΕ μ υ ἔσοις
 12 .. Ε .... ΑΤΕΠΙΟΣ ἀστέιου . Η .

воинами, но лишь упомянул о нем в отчете об экспедиции. Более подробное описание этого рельефа дали позже Дёкю и Беджерен, указав его местоположение как Элейир Мевки. На панели (40 x 26 см) представлены три воина то ли, как мне кажется, с пышными волосами, то ли, как считает Беджерен, в головном уборе, с круглыми глазами и резко сужающимися к подбородку лицами. Одеты они в короткую тунику, птериги и скрепленный на груди плащ. В согнутой в локте левой руке они держат приподнятый над левым плечом двуострый топор, а правая рука вытянута вниз и слегка отведена от туловища. За внешним краем панели имеется некий символ, сопоставимый с рогом изобилия у двух других рельефов (№ 22 и 24) (Özsait 2008: 313; Dökü 2020: 227–228, fig. 7c; Veceren 2018: 29, 158–159, № 139).

Во время той же экспедиции Озсайт обнаружил также четыре рельефа с божественной Тριάдой на невысоком скальном выступе у подножия Карадага в пределах деревни Йазыр: два рельефа были расположены рядом друг с другом, а два других — один над другим (Özsait 2008: 312, 320, res. 5). Из этих рельефов Дёкю и Беджерен в 2017 г. смогли найти только три и обозначили их местоположение как Инёню Мевки. Левый из двух расположенных в ряд рельефов (**35**) (50 x 40 см) очень сильно выветрился. Воины в перехваченной поясом тунике, доходящей почти до самых колен, и застегнутом на груди плаще держат в согнутой в локте левой руке направленный почти вертикально вверх топор, а правую руку опустили вниз. На фотографии, по моему мнению, можно различить у правой ноги воина контуры собаки, но Дёкю и Беджерен о собаках ничего не пишут (Dökü 2019: 525; Veceren 2018: 28–29, 154–155, № 133). Правый рельеф (**36**) (38 x 35 см) по исполнению очень похож на своего соседа — они, возможно, были вырезаны рукой одного мастера, и опять по фотографии я готова допустить, что у ног богов-воинов были изображены собаки (Dökü 2019: 525; Veceren 2018: 155, № 134). Третий рельеф (**37**) из этой группы (38 x 35 см), за исключением намеренно отбитой головы центрального воина, сохранился лучше. Надежды на воинов двойные птериги заканчиваются значительно выше колен, плащ лежит на груди объемным полукругом. Левая рука согнута в локте, но топор, который она должна была держать, уже не просматривается. Зато в опущенной вниз правой руке отчетливо виден поводок, идущий к собаке, стоящей у правой ноги воина (Dökü 2019: 525; Veceren 2018:

156, № 135). Поскольку четвертый рельеф был только упомянут Озсайтом без какого-либо описания и в дальнейшем его существование подтверждено не было, отдельный номер нашего перечня ему присвоен не будет.

В 2017 г. команда Дёкю нашла в районе деревни Анбарджык на нижних склонах холма Согулган в местечке Оваджык сильно выветрившийся рельеф (38) с богами-воинами (43 x 34 см), опустившими левую руку вниз вдоль туловища и держащими топор в правой руке (Dökü 2019: 517; 2020: 219, fig. 2b; Veceren 2018: 158, № 138; Dökü, Kileci 2022: 115).

На следующий год Дёкю и его коллеги увидели в районе деревни Анбарджык в местечке Дюльберлер те два рельефа (39) (40), которые, любезно показанные нам турком, положили начало данной работе (Dökü 2020: 220–221, fig. 2e; Veceren 2018: 156–158, № 136, № 137). Кроме того, возле поселка Сёйют в местечке Сарныч ими также был обнаружен рельеф (41) (70 x 45 см) с тремя воинами и стоящей слева задрапированной женской фигурой. У воинов большие широкие головы, но топоров на рельефе уже не видно, и даже сложно сказать, в какой руке они находились. Судя по фотографии, справа от богов стоит еще одна фигура меньшего размера, но Дёкю о ней не упоминает (Dökü 2020: 231–232, fig. 11a).

Последние два рельефа хранятся в музее Фетхие, и найти информацию об их происхождении мне не удалось. Поэтому они были вынесены за пределы построенного по хронологии перечисления. Первый рельеф (42) впервые был опубликован Флейшером. Рельеф вырезан на стеле шириной 49,5 см, высотой 52 см и толщиной 16 см. Эта стела была куплена музеем Фетхие в 1986 г., и ее изначальное местоположение осталось неустановленным. Прямоугольная по форме стела сверху имеет треугольный фронтон, украшенный растительным орнаментом: в центре расположен овальный лист, сужающийся вверху и внизу, с обеих сторон от него находятся два листа, по своим очертаниям очень похожие на обращенных головами к центру змей (уверена, что сходство здесь отнюдь не случайное), а оставшееся место вплоть до углов фронтона занимают две веточки с маленькими листочками на двух побегах. Фигуры богов обрамлены обычной рамкой. Они стоят, слегка расставив ноги, одеты в туники и поверх них в кирасы с тремя рядами птериг, на талии завязан узкий пояс. Скрепленный застежкой на правом плече плащ свободными полукруглыми фалдами лежит на груди, закрывая часть левого плеча, и опускается вниз за

спиной воинов чуть выше колен. В левой руке, согнутой в локте так, что кисть оказывается возле левого плеча, боги держат двуострый топор, который опирается на левое плечо. Правая рука опущена вниз. Разглядеть контуры змеи или собаки не удастся (Fleischer 2008: 217–218, Abb. 19).

Второй рельеф (43) был представлен в экспозиции музея Фетхие в 2013 г. В публикациях о божественной Триаде о нем никто не упоминает. Фигуры трех богов вырезаны на прямоугольной стеле, по краям которой сделана ровная рамка. Изображение сильно повреждено, из-за чего сложно описать лица и детали одежды, хорошо виден только плащ, лежащий складками на груди и ниспадающий сзади за спиной до уровня чуть выше колен. Левая рука каждой фигуры согнута в локте и прижата к груди. Двуострые топоры боги держат в правой руке, подняв их значительно выше правого плеча и заведя за голову, так что топоры вообще не касаются ни плеч, ни груди богов.

Так выглядит список всех рельефов с божественной Тριάдой, которые мне удалось найти в научных публикациях — в общей сложности их 43. Существует вероятность, что этот список может быть дополнен уже сейчас (фонды музеев были для меня недоступны), и, надеюсь, благодаря новым находкам он будет расширен в будущем.

Этническая география области распространения рельефов

Если из описанных 43 рельефов вычесть два, о происхождении которых у нас нет информации, то остальные рельефы принадлежат 30 скальным святилищам. 34 рельефа происходят с территории Кибиры, Бальбур и Эноанд, 5 рельефов — с юга Писидии и 2 рельефа — с севера Ликии. Однако, если посмотреть на эту территорию с исторической точки зрения, то принадлежность этих рельефов Ликии или Писидии окажется чисто формальной. Места происхождения рельефов с божественной Тριάдой очерчивают земли, на которых в древности, по сообщениям античных авторов, жили солимы и кабаии.

Уже Гомер считал ликийцев и солимов двумя разными народами, ведь у него Беллерофонт по приказу Иобата — Гомер называет его просто «владыкой Ликии» (*Il. VI. 173*) — «сражался со славными солимами» и потом утверждал, что никогда еще не окунался в более ожесточенную битву (*Il. VI.*

184–185), а затем Арес убил его сына Исандра¹², когда тот «сражался со славными солимами» (II. VI. 203–204). Согласно Геродоту, та земля, которую «населяют ликийцы, в древности была Милиадой, а милии тогда назывались солимами», когда же туда прибыл изгнанный с Крита Сарпедон, народ, которым он управлял, сохранил принесенное с собой имя термилы и стал называться ликийцами только после того, как к Сарпедону прибыл из Афин Лик, сын Пандиона (I. 173). Ссылаясь на Гомера, мнение Геродота оспаривает Страбон. Он считает, что у Геродота Сарпедон назвал термилами также и древних милиев, которые еще раньше назывались солимами, и потом все они вместе были переименованы в ликийцев, в результате чего солимы и ликийцы оказались представленными как один и тот же народ, в то время как на самом деле следует опираться на свидетельство Гомера и проводить разграничение между солимами и ликийцами (XII. 8. 5; XII. 3. 27). Также Страбон, скорее, готов разделить мнение тех, кто полагал, что солимами у Гомера названы те, кто теперь зовется милиями (XIV. 3. 10). О том, что древние солимы стали называться милиями свидетельствовал и историк Тимаген Милетский в первой книге «Царей» (Steph. Byz. *Ethnica* M187 (s.v. Μιλύαι) Billerbeck).

В схолиях к Пиндару сказано, что солимы, воинственнейший народ, жили между Ликией и Памфилией (Ol. XIII. 118–129). Согласно Страбону, «солимы занимали вершины Тавра вокруг Ликии вплоть до Писидии, причем самые высокие» (I. 2. 10), сама же гора Солимы возвышалась над Фаселидой (XIV. 3. 9). С. Шахин и М. Адак считают, что горой Солимы древние называли горный массив Тахталы Даг, а также в целом всю тянущуюся с севера на юг прибрежную горную цепь между заливом Анталы и долиной реки Алакыр Чайы. Этот район подвергся ликийскому культурному влиянию уже в классическое время, о чем свидетельствуют сохранившиеся отдельные скальные гробницы ликийского типа, например, в Пигелах (Şahin, Adak 2007: 95, 224, 249). Тогда получается, что рельеф № 6, о котором известно только то, что он был привезен в Адалию из района Идебесса, расположенного на обращенном в сторону долины Алакыр Чайы склоне Бейдаглары, хотя и был создан в Ликии, происходил именно из той ее части, где еще вполне могли сохраняться верования живших там некогда солимов.

¹² Страбон называет его Писандром (XII. 8. 5; XIII. 4. 16).

На севере зѣмли солимов доходили до территории Термесса. Термесс был одним из трех самых могущественных городов Писидии (два другие — Сагаласс и Сельга), однако его жители никогда не забывали о своих предках-солимах (Kosmetatou 1997; Gonzales 2005: 261–271; Talloen 2015: 53, 62, 93–94, 103; Arroyo-Quirce 2017: 129–130). Страбон сообщает: «Вершина, возвышающаяся над акрополем термессцев, называется Солим¹³, и сами термессцы называются солимами. А поблизости находится и укрепленный стан Беллерофонта, и могила его сына Писандра, павшего в битве с солимами» (XIII. 4. 16). В написанной гекзаметром почетной надписи II–III вв. жители Термесса, почтившие Гонората, сына Молета, названы солимами (ТАМ III.1. 103, 5; ср. ТАМ III.1. 127, 1–2), также термессцы выступают как «народ солимов» (ТАМ III.1. 135, 6–7), а сам город именуется «родиной Солимеидой» (ТАМ III.1. 548, 9; ср. ТАМ III.1. 18, 4). Кроме того, многочисленные надписи свидетельствуют о том, что даже в римское время в городе продолжали особо почитать Зевса Солимея, жрецы которого исполняли свои обязанности в течение всей жизни (ТАМ III.1. 22, 26, 52, 83 А, 84, 96, 113, 114, 129, 130 и т. д.), а на монетах города изображался герой Солим (Kosmetatou 1997: 41–50; Talloen 2015: 96–97, 191). Найденная в Риме написанная гекзаметром эпитафия (I–II вв.) двум жителям Термесса, предположительно послам, начинается словами: «Живя в Термессе среди славных солимов, мы приехали в Рим...» (Arroyo-Quirce 2017: 131).

Тогда создание в Термессе обширного скального святилища божественной Триады и существование в городе религиозного сообщества почитателей этих богов также должно рассматриваться как наследие солимов, а не писидийцев. Эта мысль подтверждается к тому же и тем фактом, что, за исключением Исинд, нигде больше на землях Пидисии не обнаружено ни одного рельефа с тремя богами-воинами, на что обращает внимание Т. Смит (Smith 2011: 140; Smith 2018: 131). Что же касается Исинд, то этот город был расположен приблизительно в 30 километрах по прямой на северо-запад от Термесса и тоже находился в зоне культурного влияния солимов. Этническая география ликийского полуострова и лежащих от него к северу горных областей складывалась в результате длительного процесса миграции и взаимодействия разных народов. К западу от

¹³ Современная гора Гюллюк Дагы.

Термесса простиралась земли Милиады и затем Кабалиды, но точные границы этих областей едва ли поддаются определению. Так, во время Александра Македонского Милиада на севере доходила до территории Апаimei Фригийской, на востоке проходила по землям писидийских городов Сагаласса, Кремны и Ариасса, на западе граничила с Кабалидой и на юге соприкасалась с Ликией где-то в районе плато Элмалы (Talloen 2015: 13). Милийский язык, который прежде считался диалектом ликийского языка, сейчас признается самостоятельным языком (Shevoroshkin 2008): К. Мелчерт в «Словаре ликийского языка» проводит последовательное разделение ликийских и милийских слов, вынося милийские слова в отдельное приложение, и фактически публикует под одной обложкой словари двух разных языков (Melchert 2004: 112–138). Для идентификации вслед за Геродотом и Тимагеном Милетским милиев с солимами доказательной базы у нас нет. Но между этими двумя народами, безусловно, существовали устойчивые связи и взаимопроникновение культур, что также справедливо и для живших к западу от Милиады кабалиев (Gonzales 2005: 267–271). Согласно Страбону, кабалиев также считали солимами (XIII. 4. 16), а жители Кибиры, чьи земли находились в Кабалиде, говорили на четырех языках: писидийском, солимском, греческом и лидийском (XIII. 4. 17). Получается, что солимы расселились далеко на запад от Термесса (от Термесса до Кибиры по прямой 88 км) и распространили свое культурное влияние на народы, населявшие как Милиаду, так и Кабалиду.

Город Кибира сначала был основан лидийцами на полуострове у озера Гельхисар, но в IV–III вв. до н. э. писидийцы перенесли город западнее на склоны холмов в более удобное место (Corsten, Hüllden 2010: 354–355; Corsten, Hüllden, Gebauer 2011: 68–71; Corsten, Hüllden 2013: 354; Özüdoğru 2014: 174). Окрепший город увеличил свою территорию, как пишет Страбон, от Писидии и Милиады до Ликии и побережья напротив Родоса, заключив союз с тремя соседними городами: Бубоном, Бальбурами и Эноандами. Эта федерация получила название Тетраполь, а ее земли стали называться Кибиратидой (XIII. 4. 17). Когда после смерти в 133 г. до н. э. Атгала III была образована римская провинция Азия, Кибиратида смогла сохранить свою независимость. Однако в 84 г. до н. э., несмотря на существовавший между Кибирой и Римом договор, поставленный Суллой во главе двух малоазийских легионов Луций Лициний Мурена вторгся в Кибиратида, низверг тирана Кибиры

Моагета и распустил Тетраполь. Бубон, Бальбуры и Эноанды были отданы Ликийскому союзу, а Кибира была присоединена к провинции Азия. Так Бальбуры и Эноанды, города, на землях которых было обнаружено много рельефов с божественной Тριάдой, оказались в составе Ликии (провинция Ликия была образована позже, в 43 г. н. э.), Кибира же отошла к Фригии, а после реформы Диоклетиана (к. III в.) — к Карию. И опять мы сталкиваемся с ситуацией, когда административное деление периода Римской империи не отражает реальную этническую и культурную принадлежность населения городов к той провинции, в которую они были включены по политическим соображениям. Эноанды и Бальбуры по сути своей не были городами Ликии и не обладали чертами ликийской культуры (Smith, Milner 1997: 23), и поэтому существовавшие на их территории рельефы с богами-воинами нельзя приписывать религии ликийцев — к сожалению, эта тенденция присуща целому ряду работ (Höfer 1916–1924; Weiss 1997; Efendioğlu 2010: 145–161).

Таким образом, рельефы с божественной Тριάдой были распространены только на территории, с древности находившейся под культурным и религиозным влиянием племен солимов и близких им по обычаям кабалиев и милиев, и нет никаких оснований связывать эти рельефы по территориальному принципу с писидийцами и ликийцами. Только два рельефа было обнаружено на земле исконно ликийских городов: в Идебессе и Кастабарах, — но эти два примера с ликийских окраин, скорее, говорят о смешанном составе населения пограничных областей, нежели о реальном ликийском культе, как его рассматривает П. Фрай (Frei 1990: 1828–1829).

Одна Триада или несколько?

Теперь попытаемся разобраться с тем, кем были изображенные на рельефах воины. Надпись под рельефом № 5 называет их Θεοὶ ἄγριοι — «Суровыми богами». На самом деле, обсуждение того, кто такие эти «Суровые боги», началось еще задолго до публикации скопированной Бином надписи и вообще по другому поводу. В сохранившемся фрагменте из второй книги труда «О Ликии» Александр Полигистор (I в. до н. э.) пишет, что гора Краг получила имя от Крага, сына Тремила и нимфы Праксидики, и что там «находятся так называемые пещеры Суровых богов (τὰ ἐπινομαζόμενα θεῶν ἄγριων ἄντρα), ведь говорят, что те, кто у Крага, стали бессмертными»

(F. Gr. Hist 273 F 58). Этот фрагмент процитировал Стефан Византийский (*Ethnica* K199 (s.v. Κράυος) Billerbeck), и затем его также пересказал, опустив последний пассаж, Евстафий Солунский (*Dion. Perieg.* 847). Больше у древнегреческих и византийских авторов никаких упоминаний об ἄγριοι θεοί не было, если не считать лаконичного высказывания Гесихия о том, что «ἄγριοι θεοί — это титаны» (A802 (s.v. ἄγριοι θεοί)).

Тогда К. А. Лобек предложил сопоставить этих «Суровых богов» с «Жесткими богами» из рассказа Плутарха в диалоге «Об умирании оракулов» и признал и тех, и других *juris jurandi vindices* (Lobeck 1829: 1186). Плутарх пишет следующее: «В самом деле, я знаю, что солимы, соседи ликийцев, в высшей степени почитали Кроноса. Когда же он, убив их предводителей Арсала, Дрия и Трособия, убежал и переселился куда-то (куда — они не могут сказать), они оставили его в пренебрежении и [стали почитать] тех с Арсалом, именуя их Жесткими богами (σκίρροϋς θεοϋς), а ликийцы призывают их и публично, и частным образом при произнесении проклятий» (*Mor.* 421 D (21)). Свидетельство это, на что обращали внимание и Робер, и Фрай (Robert 1949: 53–54; Frei 1990: 1793–1794), содержит явные нестыковки. Непонятно, почему Кронос стал убивать предводителей своих почитателей солимов, или почему при проклятиях этих солимских Жестких богов призывают именно ликийцы. Повторение этого рассказа у более поздних авторов внесло только еще больше путаницы, частично изменив имена предводителей солимов. У Евсевия (*Praep. Evan.* V. 5. 3) и Феодорита Кирского (*Graec. Affect. Cur.* III. 57) Δρύος заменен на Ἄρυος и Τρῶσobiός — на Τόσobiς, а также само слово ἄρχοντες уступило место слову ἀρχηγέται, имеющему более широкое значение: не только «предводители», но и «основатели». И, продолжая эту замену, словарь «Суда» объясняет: «Τόσιβις — бог» (T800 (s.v. Τόσιβις)). Также сразу следует обратить внимание на то, что в разных изданиях этих авторов присутствует еще одно разночтение: боги называются то σκίρ(ρ)οί, то σκλήροί, — и, хотя вариант σκλήροί встречается реже и в более старых изданиях, в научных работах при обсуждении этого контекста преимущественно используется именно он.

При всей своей лаконичности сообщение Плутарха находит косвенные соответствия в эпиграфическом материале. Культ Кроноса в греческом мире встречается крайне редко. Однако, согласно Плутарху, ему поклонялись солимы, а в Тлосе Кронос

был одним из главных божеств города: его считали великим богом и основателем Глоса (ТАМ II.2. 554, 581) и в его честь устраивали Великие Кронии (ТАМ II.2. 585). Глос расположен на юго-западных склонах горной цепи Акдаглар (античного Крага). На северо-востоке его земли граничили с Эноандами, где было распространено почитание божественной Триады, и именно на землях Глоса в Кастабарах был обнаружен рельеф с богами-воинами (№ 28). То есть Глос из всех городов юго-западной Ликии больше всего мог оказаться под влиянием верований населения высокогорий Тавра. Поэтому тлосский Кронос — это, скорее всего, греческая интерпретация древнего анатолийского божества (Robert 1949: 52–53; Robert 1978: 42–44; Frei 1990: 1811, 1848, 1853).

Также отчасти подтверждается и заимствованное ликийцами у солимов поклонение Σκίρ(ρ)οὶ θεοί. По крайней мере, имя одного из них, Трособия, засвидетельствовано в ликийской надписи на скальной гробнице в западном некрополе Лимир, где сказано, что хозяин гробницы по имени Erzesinube является «жрецом Trzzuba», и нарушитель покоя его гробницы должен будет в качестве наказания отдать этому богу коров (TL 111). Ликийское Trzzuba соответствует древнегреческому Τρωσβοῖός (Frei 1990: 1836, 1847; Schügg 2012: 221). Заметим, что Лимиры расположены на востоке Ликии, рядом с долиной Алакыр Чайы и, соответственно, ближе многих других ликийских городов к массиву Тахталы Даг и землям солимов.

После Лобека о полной идентичности Суровых богов из пещер Крага и «Жестких богов» Плутарха писали многие ученые (Lanckoronski 1892: 3, Anm. 3; Höfer 1916–1924: 620; Schmidt 1927). Наиболее часто высказывалось мнение, что под этими богами подразумевались обожествленные местные герои, покоящиеся в пещерах в горах, или местные титаны-основатели городов (Benndorf, Niemann 1884: 76; Höfer 1916–1924: 619), хотя Й. Шмидт все же констатировал, что «сущность Жестких богов остается неясной» (Schmidt 1927: 556). О. Хёфер предложил также сопоставить Суровых богов Крага с Фракийским всадником, основываясь на посвянительной надписи на фрагменте стелы с рельефом из Павталии: Ἀγρίῳ θεῷ ἐπ[ηκόῳ] — «Суровому богу внемлющему» (Höfer 1916–1924: 619). Однако чтение этой надписи было пересмотрено, и прилагательное ἄγριος там больше не восстанавливают: πατριῳ θεῷ ἐπ[ηκόῳ] — «отеческому богу внемлющему» (IGBulg IV 2220).

Рассказ Плутарха был привлечен для идентификации изображенных на рельефах богов-воинов еще до публикации Бина. Р. Фласельер подал идею Роберу, который до этого уже писал о рельефах с божественной Тριάдой (Robert 1946: 75–76), и тот объявил воинов с рельефов $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\iota\ \theta\epsilon\omicron\iota$ и попытался найти среди известных ликийских имен и топонимов имена похожие на имена убитых Кроносом предводителей, что, собственно, уже прежде пытался сделать Хёфер (Höfer 1916–1924: 620–621; Robert 1949: 50–52). Следует заметить, что сами по себе как имена людей приведенные Плутархом, Евсевием и Евстафием Солунским имена предводителей солимов, согласно данным «Словаря греческих личных имен», нигде в рассматриваемом регионе не зафиксированы (LGPN V.B. p. 61, 69, 126, 411, 416; LGPN V.C. p. 57, 65, 131, 423, 431), а их возможное этимологическое родство с перечисленными Робером именами требует дополнительного исследования.

В дальнейшем, по мере появления новых рельефов и опубликованной Бином надписи, Робер несколько раз возвращался к вопросу о божественной Тριάде, и в целом его точка зрения выглядит следующим образом. Изображения на рельефах показывают, что три воина были между собой равны, среди них никто не выделяется, как вождь или отец. Легенда тоже говорит о «трех аргехетах» — Арсале, Дрии и Трособии. Но таких триад могло быть несколько. В западной Ликии основателями Глоса, Пинар и Крага были три брата Глос, Пинар и Краг. Оттуда на север в сторону Кибиратиды появляются еще три брата: Кибир, Марсий и Кидрам, основатели городов Кибире, Таб и Кидрам. Легенды о всех этих братьях вполне могли иметь поддержку в виде культа. В Глосе, например, имелось святилище «трех братьев». Однако боги на разных рельефах могли отличаться не только своими именами. Различия в изображении их атрибутов также подтверждают существование нескольких подобных триад. $\Theta\epsilon\omicron\iota\ \sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\iota$ ($\sigma\kappa\iota\rho\rho\acute{o}\iota$), которых ликийцы призывали в своих проклятиях, принадлежали одной из этих групп. Боги, державшие в руках похожие на змей извилистые посохи или даже настоящих змей, почитались, согласно надписи из Гюйю, как $\Theta\epsilon\omicron\iota\ \acute{\alpha}\gamma\rho\iota\omicron\iota$, и эту триаду следует признать «ликийской триадой». Напротив, «писидийская триада» — это триада богов, сопровождаемых собаками, и она до сих пор остается анонимной. Робер собрал свидетельства о культе Кроноса в Глосе, подчеркивая, что рассказанная Плутархом легенда имела под собой реальные

основания, и что этот бог, не пользовавшийся в целом особым поклонением у других народов, действительно, почитался у солимов и потом в Ликийи (Robert 1949: 50–54; Robert 1955: 5–12; Robert 1978: 44–48; Robert 1983: 572).

Утверждение Робера о существовании нескольких различных триад, а также о том, что представленные на рельефах боги — это отцы-основатели городов, было благосклонно воспринято многими исследователями и неоднократно излагалось с разными модуляциями (Naour 1980: 83, 87; Frei 1990: 1793–1794, 1829; Milner, Smith 1997: 10; Weiss 1997; Fleischer 2008: 223, 225; Efendioğlu 2010: 159–160; Talloen 2015: 193). Так, П. Вайс утверждает, что триада «гибельных» сыновей Тремила — Тлоса, Пинара, и Крага, — умерщвленных неким богом, была почитаема в Тлосе в виде анонимных Θεοὶ ἄγριοι; по времени она была значительно моложе, чем солимская триада Θεοὶ σκληροὶ или σκίρροί, но при этом обе триады восходят к общему лувийскому корню. В эллинистическое время функционирование тлосской триады раскололось: с одной стороны, Суровые боги остались объектом религиозной практики, а с другой, три брата уже как отдельные индивиды, закрепляя представления об автохтонности, получили статус региональных героев и стали персонажами местной литературы, — то есть в «своем» городе триада была представлена в двух разных аспектах: как ктисты-основатели и как Θεοὶ ἄγριοι (Weiss 1997). Развивая мысль Вайса, Флейшер пишет о существовании в Тлосе триады под названием Θεοὶ ὀλοοὶ и допускает вероятность того, что на рельефе из музея Фетхие (№ 42) могли быть изображены именно эти боги (Fleischer 2008: 225). Не обращая внимания на замену у византийских авторов термина ἄρχοντες на ἀρχιγέται, Мильнер и М. Смит рассуждают о том, что помимо Арсала, Дрия и Трособия, были и другие триады отцов-основателей, перечисляют Кибира, Марсия и Кидрама, потом Тлоса, Пинара и Крага и даже готовы предположить триаду из Бубона, Бальбура и «Эноанда». Затем, исходя из определения Гесихия, что «ἄγριοι θεοὶ — это титаны», они пишут, что титаны регулярно выступали в роли мифических основателей городов, и, хотя всем титанам свойственна грубая сила и стремление к насильственным действиям, некоторые из них, такие, как Прометей, сопротивляясь Олимпийцам, содействовали развитию человечества, и этот цивилизационный аспект дает ключ к пониманию их культа (Milner, Smith 1994: 69).

Однако в подобных рассуждениях есть ряд незамеченных противоречий и явных натяжек. У Плутарха Арсал, Дрий и Трособий были просто «предводителями» (ἄρχοντες) солимов, никаких городов они не основывали и братьями они тоже не были — по крайней мере, Плутарх об этом даже не упоминает. О трех братьях Кибире, Марсии и Кидраме есть единственное упоминание XI в. в «Хронографии» Феофана Континуата (*Scriptores post Theophanem*, p. 367). Более ранние источники называют только двух братьев — Кибира и Марсия (*Ael. Herod. Vol. 3.1. p. 308 Lentz; Steph. Byz. Ethnica T1 (s.v. Τάβαι) Billerbeck*). Кроме того, города Табы и Кидрамы находились на землях Карики, где не было почитания божественной Триады, поэтому идея о том, что основателям этих городов могли поклоняться в Кибиратиде, тогда как в самих Табах и Кидрамах никто этого не делал, кажется неправдоподобной. Основателями Бальбур и Бубона, действительно, считались разбойники Бальбур и Бубон (*Ael. Herod. Vol. 3.1. p. 23 Lentz; Steph. Byz. Ethnica B135 (s.v. Βουβών) Billerbeck*), но о существовании героя Эноанда никаких сообщений нет — сами авторы этой идеи берут его имя в кавычки, — а значит, никакая триада здесь не оформляется.

Далее возникает вопрос: кто все-таки почитался основателем Глоса, и кто основал Сидимы? Ведь в рамках одного абзаца Мильнер и М. Смит называют основателем Глоса то Кроноса, то Глоса, а Краг у них основывает Краг/Сидимы. Однако нет никаких подтверждений того, что город Краг вообще существовал (*Şahin, Adak 2007: 128*), а основателем Сидим считался внук Крага Сидим. Тогда правомерно ли включать Глоса и особенно Крага в триаду отцов-основателей? Историю рода Тремила изложил эпический поэт V в. до н. э. Паниас(с)ий из Галикарнаса: «Здесь у серебристого потока стремительного Сибра жил великий Тремил и взял в жены дочь Огига, которую зовут Праксидикой. От нее [родились] гибельные сыновья Глос, Ксанф, Пинар и Краг, который, захватывая, опустошал все земли» (*Fr. 18 Kinkel, Matthews = Fr. 23 Bernabé*). То есть получается, что сыновей у Тремила было четверо, а не трое, а значит, они ни в какую триаду уже не укладываются. Генеалогию этого рода можно также найти в речи Гиерона Глосского (II в.), дошедшей до нас с лакунами в надписи, которая некогда была выставлена в Сидимах. Гиерон, действительно, называет только трех из сыновей Тремила и Праксидики: Глоса, Крага и Пинара, — но зато сообщает также, что у Глоса и Хелидоны,

дочери Крага, родился сын Сидим, основатель города Сидимы. Речь Гиерона была посвящена восстановлению дружественных, фактически родственных отношений между Глосом, Пинарами и Сидимами, и поэтому ему важно было напомнить именно о родстве основателей этих городов; Крага он назвал, поскольку тот был дедом Сидима, а необходимости упомянуть еще и о Ксанфе, видимо, просто не возникло (ТАМ II.1. 174, В 1–2, С 9–11). Также следует заметить, что Гиерон, человек весьма образованный и прекрасно знавший ликийскую историю, ни разу не называет основателей городов юго-западной Ликии ни титанами, ни Суровыми богами, а пользуется более конкретным понятием «основатели-автохтоны» (κτιστῶν αὐτοχθόνων, ТАМ II.1. 174, D 8).

Против интерпретации Суровых богов как триад отцов-основателей говорит также и тот факт, что каждый город решал отдельно вопрос почитания своего основателя, и эти культы носили общегородской характер, то есть у каждого обоженствовленного основателя могло быть свое святилище и жреческая коллегия. Например, в надписях из Ксанфа фигурируют жрецы «отеческого бога Ксанфа» (πατρῶου θεοῦ Ξάνθου, ТАМ II.1. 294, 1–2; 295, 5–7; 296, 4–6). При таком раскладе было бы странно посвящать богу-основателю наскальные рельефы где-то в сельской местности, да еще изображать его не одного, а вместе с совершенно одинаковыми братьями, лишая при этом всех индивидуальных черт. Такие действия вполне могли бы быть расценены как нарушение канонов установленного культа.

Что касается святилища «трех братьев» в Глосе, о котором писал Робер и его последователи (Robert 1949: 51; Robert 1978: 45; Weiss 1997: 42–43; Frei 1990: 1794, 1848, 1853), то утверждение о существовании этого святилища основано на эпиграмме, которую процитировали Элий Геродиан и Стефан Византийский. Текст этой эпиграммы имеет одно серьезное разночтение. В издании Т. Прегера, на которое опирался Робер, начало эпиграммы выглядит так: εἰς τὸ Νεοπτόλεμος Κρεσσοῦ, τρισσῶν δ' ἐν ἀδελφῶν | ἔστασαν Τλωεῖς, κῦδος ἐμοῦ δόρατος, — «Я Неоптолем, сын Кресса, глосцы поставили [меня] в [святилище] трех братьев из-за славы моего копья». Но в издании Элия Геродиана (Vol. 3.1. p. 12 Lentz) и в издании Стефана Византийского А. Мейнеке (*Ethnica* p. 21 Meineke) вместо предлога ἐν стоит числительное ἓν', то есть τρισσῶν δ' ἓν' ἀδελφῶν ἔστασαν — «поставили одного [меня] из трех братьев». Новое издание Стефана Византийского М. Биллербек следует

варианту Прегера (*Ethnica* A47 (s.v. Ἀγρίαί) Billerbeck). При таком неоднозначно трактуемом литературном источнике окончательное решение вопроса о существовании в Тлосе святилища «трех братьев» должно быть передано в руки археологов, но до сих пор такое святилище обнаружено не было (Çevik 2021: 238–243).

На самом деле, все попытки разложить божественную Триаду на отдельных братьев с личными именами и своей индивидуальной историей (ведь каждый основывал свой собственный город), обречены на неудачу уже по той одной главной причине, что жители высокогорий Тавра изображали своих трех богов-воинов совершенно одинаковыми и обращались к ним одним общим именем «Суровые боги» или «Справедливые боги», а значит, в их верованиях эти боги-воины представлялись и функционировали как единое неделимое целое.

Следующий критерий классификации рельефов с божественной Тριάдой, предложенный Робером, это деление по атрибутам богов: змеи — «ликийская триада», собаки — «писидийская триада». Само по себе подобное деление вполне логично, если бы не стремление связать каждый атрибут с географической областью. Но не будем забывать, что в распоряжении Робера была информация только о пяти рельефах с божественной Тριάдой (№ 1, 3, 5, 6, 7), а это весьма скудный материал для уверенных выводов. Правда, оперировавший значительно большим материалом Флейшер все равно не отказался от идеи делить триады по атрибутам и утверждал, что, если рассматривать ареал распространения, собаки встречаются у северных триад, змеи — у южных, а рельефы без животных занимают центральную часть этой территории (Fleischer 2008: 226).

Если сравнить иконографию всех известных нам рельефов, не упираясь в несовпадение мелких деталей, неминуемо возникающее при работе разных мастеров — рельефы с Диоскурами или с Какасбом тоже имеют определенные различия, — мы получим следующую картину. Три одинаковых воина стоят анфас, ноги расставлены, головы непокрыты, волосы пышные, одеты в военную одежду (как правило, короткую, выше колен тунику и откинутый назад плащ), в левой руке (или в правой) держат двуострый топор с длинной рукояткой (либо поднятый вверх, либо положенный на левое плечо, так что сам топор оказывался над правым плечом воина), правая рука (или левая) опущена вниз, и либо к ней с земли поднимается змея, либо она держит поводок находящейся у правой ноги собаки. Если не

считать того, что на нескольких рельефах (№ 2, 3, 28, 38, 39, 40, 43¹⁴) правая и левая рука поменялись ролями, то единственным серьезным различием, действительно, являются змеи и собаки. Но оба эти варианта легко примиряет рельеф из Термесса (№ 30), где возле каждого бога изображена и змея, и собака. Рельеф был сделан в городском святилище по заказу фиаса — религиозного сообщества почитателей Справедливых богов, и трудился над ним, скорее всего, опытный мастер, получивший за свою работу от фиаса достойное вознаграждение. Размеры этого рельефа значительно превосходят размеры обычных скальных рельефов. То есть, соединившись вместе, несколько факторов: заказ от организации, обеспеченный коллективной оплатой, большой размер, предоставляющий дополнительное место для изображения, и мастерство городского мастера, — позволили воплотить в камне полный вариант религиозного верования. Кстати, Флейшер справедливо обращает внимание на то, что в Термессе в пределах одного и того же святилища изображения Триады отличаются друг от друга (Fleischer 2008: 224), а значит, иконографические вариации считались вполне допустимыми. Тогда змеи и собаки — это не атрибуты двух разных триад, а два разных атрибута одной Триады, а значит, на всех рассматриваемых рельефах изображена одна и та же божественная Триада.

Плохое состояние ряда рельефов не позволяет увидеть змею или собаку у ног воинов. Как легко могла исчезнуть такая маленькая фигурка, демонстрирует рельеф № 10, где прекрасно видна змея, поднимающаяся к правой руке центрального бога, в то время как у правого бога и от змеи, и почти от всей руки не осталось и следа. То же самое касается и двуострого топора — хорошо известного атрибута многих древних богов как на Крите и в Элладе, так и в Анатолии: топор был в руках богов-воинов на каждом рельефе, но не везде его изображение сохранилось. Рассказ турка из Анбарджыка, показавшего нам два рельефа с Тριάдой, наводит на мысль о том, что спутники богов-воинов могли быть изображены и не на самом рельефе, а возле него. Три змеи, уничтоженные искателями сокровищ, нельзя причислить к фантазиям сельского жителя, во-первых, потому что он очень искренне сокрушался об их утрате, а во-

---

¹⁴ При таком перечислении не будем забывать, что несколько рельефов в силу их состояния или отсутствия информации оценить не удается.

вторых, потому что знать об изображаемых на подобных рельефах змеях он никак не мог. Аналогичных примеров в научных публикациях нет. Но, возможно, если такие внешние изображения все-таки где-то были, их просто не заметили, поскольку о них не знали и их не искали. Вспомним, что возле рельефов № 22, 24 и 34 тоже имелось внешнее изображение, условно принятое за рог изобилия, что подтверждает вероятность подобной практики.

На нескольких рельефах рядом с Суровыми богами изображены еще дополнительные фигуры. На рельефах № 4, 14, 21, 29 и 41 слева и на рельефах № 17 и 27 справа от богов представлена женская фигура, закутанная в одежды до самых щиколоток, в головном уборе и вуали, очень похожая на ксоан. Эта фигура одного роста с богами-воинами, и поэтому ее нельзя принять за смертную женщину-просительницу. Точно такая же фигура неизменно изображается в Кибиратиде и Писидии на обетных рельефах с Диоскурами: богиня стоит в центре, а с двух сторон от нее находятся обращенные к ней лицом всадники Диоскуры. Но если божественные близнецы выражают богине свое благоговение, то Суровые боги просто стоят с ней рядом и не обращены в ее сторону. Однозначной идентификации этой богини нет, но чаще всего ее считают Писидийской богиней или отождествленной с ней Артемидой. На рельефе № 27 между тремя воинами и богиней есть еще одна, вероятно, мужская фигура, причем эта фигура и богиня значительно выше Суровых богов. Объяснения этой фигуры пока не предложено, есть лишь общее высказывание, что это мог бы быть супруг Писидийской богини (Milner, Smith 1994: 68; Smith, Milner 1997: 11; Milner 2004: 60; Fleischer 2008: 222–223; Smith 2018: 130–131). На трех рельефах (№ 9, 25 и 41) справа от Триады изображена еще одна мужская фигура, в которой на основании ее более мелкого размера, а также протянутой в сторону богов руки видят просителя, обращающегося к богам с мольбой. Подобное изображение встречается и на рельефах других богов региона (Smith, Milner 1997: 11).

Прилагательное *ἄριος* и его лексико-семантическая сочетаемость: чьим эпитетом оно могло быть?

Теперь обратимся к самому названию богов Триады: что может рассказать нам словосочетание *ἄριοι θεοί*? Такой постановки вопроса в работах о божественной Триаде еще не было.

Прилагательное ἄγριος было весьма употребительным во все периоды истории древнегреческого языка, о чем свидетельствует ресурс TLG, где это слово представлено более чем в 7000 контекстов. Обзор принципов функционирования ἄγριος от Гомера до авторов классики дает П. Шантрэн, рассматривая существительное ἄγρος и его производные (Chantraine 1956: 37–38). Действительно, основные направления развития семантики ἄγριος были заложены уже в поэмах Гомера. В первую очередь, ἄγριος выступало эпитетом диких животных: коз и свиней (*Il.* III. 24; IV. 105–106; XV. 271; *Od.* IX. 119; XIV. 50 et *Il.* VIII. 338; IX. 539, ср. V. 52). Это исходное значение «дикий», то есть «принадлежащий дикой природе, существующий вне человеческой деятельности», встречается затем в подавляющем большинстве контекстов, где ἄγριος оказывается определением самых разных диких зверей, птиц и насекомых: быков, ослов, лошадей, вепрей, львов, леопардов, слонов, оленей, волков, медведей, крокодилов, змей, уток, гусей, куропаток, голубей, ласточек, страусов, пчел, ос, вшей, цикад и т. д.¹⁵ Кроме того, ἄγριος расширяет сферу своего функционирования и становится эпитетом дикорастущих растений: сосны, дуба, ивы, вяза, мирта, лавра, миндаля, граната, оливы, груши, терна, плюща, моркови, капусты, репы, тыквы, спаржи, укропа, сельдерея, мяты, тмина, тимьяна, чеснока, ячменя, душицы, чабреца, полыни, крапивы, лебеды, мака, лилии, розы, лотоса, мальвы, ириса и т. д., — а также тех мест на земле, которые сохранились в своем первозданном природном виде и не испытали воздействия человеческих рук: «земли» (γῆ), «места» (τόπος), «местности» (χωρίον), «гор» (ὄρη), «ущелья» (φάραγξ), «зарослей» (λόχη). Таким образом, первоначальная оппозиция, которую образовывало прилагательное ἄγριος, была такой: «дикий (из мира природы)» — «культурный (из мира человека)».

Затем Гомер сделал ἄγριος эпитетом человека: мужа (ἄνδρα, *Il.* VIII. 96; XXI. 314; ἄνδρες, *Od.* I. 199), воина (αἰχμητήν, *Il.* VI. 97, 278), просто людей (*Od.* VI. 120; VIII. 575; IX. 175; XIII. 201), а также циклопа (*Od.* II. 19), которого поэт к тому же дважды назвал ἄγριον ἄνδρα (*Od.* IX. 215, 494). «Диким»

¹⁵ Поскольку здесь дан общий обзор развития семантики прилагательного ἄγριος, и каждый из перечисленных вариантов встречается неоднократно, то мы сочли целесообразным не указывать в каждом отдельном случае автора и произведение, дабы не перегружать текст статьи.

человек воспринимался не из-за своего обитания среди зверей, а из-за своего свирепого, «звериного» нрава. Как происходил переход к этому новому значению от исконного, демонстрирует сравнение Ахилла со львом: λέων δ' ὡς ἄγρια οἶδεν — «как лев, он ведаёт дикое», то есть испытывает в своем сердце лишь дикие чувства (II. XXIV. 41). Фактически через подразумеваемое сравнение компоненты прямого значения ἄγριος начинали переноситься на другое лицо (со «зверья» на «человека»), в результате чего стало формироваться метафорическое значение, в котором на первый план выдвинулись компоненты, указывавшие на поведенческие качества зверя с его неуправляемостью и лютой злостью. С этим метафорическим значением ἄγριος вступило в новую оппозицию: «дикий (свирепый, неукротимый, невоспитанный)» противопоставлялся «кроткому (ручному, мягкому, образованному)»¹⁶. «Диким» в дальнейшем мог быть не только «муж» (ἀνὴρ), но и «человек» (ἄνθρωπος) или «женщина» (γυνή), «старик» (γέρον) или «отец» (πατήρ), «царь» (βασιλεύς) или «тиран» (τύραννος), «владыка» (δεσπότης) или «слуга» (ὑπρέτης), «гражданин» (πολίτης) или «враг» (πολέμιος). Это прилагательное становилось эпитетом и при имени конкретного человека, что, впрочем, наблюдается нечасто. Последующие авторы продолжили также и гомеровское использование ἄγριος в качестве определения целого сообщества, и здесь мы вновь можем увидеть переход от исконного значения к новому. Сначала Фетида обещает отгонять от тела Патрокла «дикие рои мух» (ἄγρια φῦλα μυίας, II. XIX. 30–31), а затем Алкиной упоминает уже «дикие племена гигантов» (ἄγρια φῦλα Γυγάντων, II. VII. 206), после чего «дикими» называются «народы» (ἔθνη), «толпа гуляк» (κῶμος), «ночное сборище» (παννυχίς), «германцы» (Γερμανοί), «дарданцы» (Δαρδάνιοι), «албанцы» (Ἀλβανοί), «любители мальчиков» (παιδερασταί) и т. д.

Однако «дикость» могла быть свойственна лишь каким-то отдельным проявлениям человека, и уже Гомер положил начало использованию ἄγριος при описании внутреннего состояния персонажа: Ахилл вложил себе в сердце «дикий гнев» (ἄγριον ... θυμόν, II. IX. 629) и исполнился «дикой ярости» (μένεος ... ἄγριου, II. XXII. 312–313), «дикая злоба» охватывала Афины и

---

¹⁶ Наш обзор не предполагает проведения подробного системного анализа, поэтому в приводимых далее примерах мы не будем затрагивать вопрос, по какому именно компоненту семантического комплекса «дикий» происходила метафоризация в каждом отдельном случае.

Гефеста (χόλος ... ἄγριος, *Il.* IV. 23; VIII. 460; *Od.* VIII. 304), а Зевс, Мойра и Эриния наслали на Агамемнона «дикое помешательство» (ἄγριον ἄτην, *Il.* XIX. 88). Этот способ употребления в дальнейшем был расширен. С одной стороны, «дикими» могли восприниматься как в целом «дух» человека (θυμός), его «душа» (ψυχή), «сердце» (ἦτορ), «разум» (φρένες), «нрав» (ἦθος), так и испытываемые им чувства, его мысли и даже его сны: «зависть» (ζῆλος), «гнев» (ὀργή, μῆνις), «ненависть» (μῖσος), «страсть» (ἔρωσ, πάθος), «страдание» (ὀδύνη), «голод» (λιμός), «суждение» (φρόνημα, λογισμός), «решение» (βούλευμα), «сон» (ὄναρ, ὕπνος). С другой стороны, подобная оценка распространилась и на внешние проявления человека: «диким» признавали его «тело» (σῶμα), «лицо» (πρόσωπον), «глаза» (ὄσσε), «взгляд» (ὄμμα, βλέμμα), «дыхание» (φύσημα), «скрежет (зубов)» (τρισμαός), «голос» (φωνή). И в итоге «дикими» стали его речи — внешнее выражение бушующих внутри чувств: его «слово» (λόγος), «проклятие» (δυσφημία), «клятва» (ὄρκος), «жалоба» (ὀδυρμός), «угроза» (ποίφουγμα).

Попав в «человеческий» мир, ἄγριος становится определением разных аспектов жизни общества и всего того, будь то материального или нематериального, что создано человеком. Гомер пел о «дикой войне» (πτόλεμος ... ἄγριος, *Il.* XVII. 736–737) и «дикой битве» (μῶλος ... ἄγριος, *Il.* XVII. 397–398). Позже авторы представляли «дикими» «дело» (ἔργον), «событие» (πρᾶγμα), «труд» (πόνος), «месть» (τιμωρία), «несправедливость» (ἀδικία), «обычай» (νόμιμον), «рабство» (δουλωσις), «жизнь» (βίος, ζωή), «образ жизни» (δίαιτα), «участь» (αἴσα), «болезнь» (νόσος), «рану» (τραῦμα, τύμμα), «укус» (χάραγμα) и т. д. Даже некоторые предметы могли получить эпитет «дикий» по результату их воздействия: например, «снадобье» (φάρмаκον), «оковы» (δεσμοί), «копье» (βέλος) или «лук» (τόξα).

В языке классического периода прилагательное ἄγριος приобретает новое метафорическое употребление: как бы покинув «человеческий» мир, в значении «неукротимый», «бурный», «необузданный в своей стихийной силе» оно вернулось в мир природы. Эсхил писал о «диких ветрах» (ἀγρίων ἀνέμων, *Pr.* 1046), Еврипид — о «диком море» (θάλασσαν ἀγρίαν, *HF.* 851) и «дикой буре» (χεῖματος ... ἀγρίου, *Andr.* 748), Тимофей Милетский — о «дикой волне» (κλύδων ἄγριος, *Pers.* 145–146). Так ἄγριος стало постоянным спутником «моря» (θάλασσα, ἄλς, πέλαγος), «бури» (χεῖμα, χεϊμών), «волн» (κύματα), «морского волнения» (κλύδων, οἶδμα), «урагана» (λαῖλαψ), «шквала»

(καταιγίς), «ветра» (ἄνεμος, πνεῦμα), «ливня» (ὄμβρος), «реки» (ποταμός), «потока» (χεῦμα), «воды» (ὔδωρ), «мороза» (κρυμός), «огня» (πῦρ, φλόξ) и т. д.

По мере продвижения повествования от смертного мира к миру богов случаи употребления ἄγριος резко сокращаются. Этот эпитет оказывается уместным только для таких мифологических персонажей как Харибда, циклопы, кентавры, гиганты и титаны, что имело основания в самой природе этих существ. При этом ἄγριος стоит преимущественно не при самих словах «циклоп» или «кентавр», а при их приложениях: Харибда — «дикое зло» (Hom. *Od.* XII. 118–119), «циклопы — дикие люди» (Phot. *Lex.* s.v. Κύκλωπες), одолеть «кентавров, некое дикое племя» (Strab. IX. 5. 19), «дикие племена гигантов» (Hom. *Od.* VII. 206), «дикие мужи титаны» (*Or. Sib.* III. 137). Случаи прямого эпитета весьма малочисленны, например: «дикий циклоп» (Hom. *Od.* II. 19), «диких кентавров» (Eur. *HF.* 364–365), «дикий титан» (Greg. Naz. *AP.* VIII. 204. 1). Поэт Мелеагр Гадарский (II–I вв. до н. э.) соединил ἄγριος со словом δαίμων, адресовав это обращение Эроту (*AP.* XII. 48. 1). За ним это обращение к Эроту (тоже в звательном падеже) повторил Оппиан (*Суп.* II. 422). Уже без связи с Эротом об ἄγριος δαίμων писали в IV в. Гимерий (*Or.* 8) и Либаний (*Epist.* 1235. 3). Активнее это словосочетание использовали христианские авторы, особенно Иоанн Златоуст, в значении «лютый демон», «злой бес».

Определением какого-либо бога прилагательное ἄγριος становилось крайне редко. Все имеющиеся контексты легко перечислить, причем опять мы сталкиваемся с ситуацией, когда в половине случаев оно было поставлено не при имени самого бога, а при существительном-приложении, то есть формально воспринималось как эпитет не бога, а слова, привычного для соединения с ἄγριος. Софокл называет Аида «свирепым ремесленником» (Αἰδῆς δημιουργὸς ἄγριος, *Ai.* 1035), и за ним это повторяет автор словаря «Суда» (A359 (s.v. Ἄγριος); Δ436 (s.v. Δημιουργός)). У Аристофана Посейдон — «свирепый колебатель (ἄγριον μοχλευτήν) земли и соленого моря» (*Nub.* 567–568). Согласно Плутарху, Эриния — «самая страшная из служительниц (ἀγριωτάτη... ὑπουργῶν) Адрастеи» (*Mor.* 564 F (*Ser. Num.* 25)). А Климент Римский пишет о Кроносе то как о «свирепом муже» (ἀνδρὸς ἀγρίου, *Hom.* V. 23. 2), то как о «свирепом тиране» (τυράννου ἀγρίου, *Hom.* VI. 21. 1). Сюда же, собственно, следует добавить из рассмотренных выше те два случая, когда Эрот был назван «свирепым даймоном».

Непосредственно эпитетом бога прилагательное ἄγριος, даже если учитывать произведения, написанные значительно позже надписи под рельефом с божественной Тριάдой, выступает всего лишь 8 раз и из них только 3 раза как эпитет бога Олимпийца. Ликофрон и вслед за ним схолиаст называют «свирепым» Тифона (Τυφῶνος ἄγριου, 689). Поэт Бион дважды соединяет этот эпитет с Эротом (τὸν Ἐρωτα τὸν ἄγριον, Fr. 9. 1; 14. 4–5). В Орфических гимнах ἄγριος оказывается среди эпитетов Аполлона, с которыми обращаются к богу в начале гимна (XXXIV. 5), и так же в начале гимна среди эпитетов Диониса (XXX. 3). Нонн Панополитанский пишет о «свирепом Аресе» (ἄγριος Ἄρης, XXXIV. 326). И, наконец, поэт Юлиан Египетский (VI в.) утверждает, что «свирепым является Харон» (ἄγριός ἐστι Χάρων, AP. VII. 603. 1).

Итак, 8 контекстов из более чем 7000. Такое соотношение вполне очевидно доказывает, что в представлениях древних эллинов прилагательное ἄγριος не могло служить эпитетом бога. Семантический компонент «суровый», бесспорно, укладывался в общие воззрения носителей языка на сущность богов и их карающие функции. Но сформировавшаяся в целом семантика ἄγριος и присущая ему негативная коннотация наложили запрет на подобную характеристику при номинации божества. И, действительно, если не считать, исходя из времени создания, высказывание из словаря Etymologicum Magnum (ок. 1150) о том, что «Пан является диким богом» (ἔστι δὲ ὁ Πάν ἄγριος θεός, s.v. Ἄγριοι), то во всей греческой литературе словосочетание ἄγριος θεός было использовано только один раз, и этот единственный случай — рассказ Александра Полигистора о пещерах Суровых богов на Краге. Приведенное выше определение Гесихия возникло как попытка объяснить этот пассаж. Александр Полигистор был родом из Малой Азии и написал ряд трудов об областях этого полуострова, в числе которых «О Ликийи», «Перипл Ликийи», «О Карию» и «О Фригийи», а значит, он знал юго-западную Анатолию. Появление в далеком от поэтической образности историческом тексте несвойственного древнегреческому языку словосочетания, своего рода гапакса, свидетельствует о том, что этот культовый термин действительно использовался местными жителями, а потому, несмотря на его странное звучание для эллинского уха, был точно передан Александром Полигистором, который, возможно, даже специально упомянул о «Суровых богах», понимая, что это может вызвать интерес у читателя. В идентичности «Суровых

богов» Александра Полигистора и «Суровых богов», изображенных на рельефах, нет никаких сомнений, поскольку горой Краг в античности называли горную цепь Акдаглар, юго-западное ответвление Тавра (Şahin, Adak 2007: 97–101), а большинство рельефов с божественной Тριάдой происходят как раз со склонов северной части этой цепи и прилегающих к ним территорий.

Плутарх заменил в имени богов ἄγριοι на синонимичное ему редкое прилагательное σκίρ(ρ)οί. Интересно, что это прилагательное также никогда не соединялось в древнегреческом языке со словом θεός, и то же самое можно сказать о предлагаемом в некоторых изданиях варианте σκλήροί: определением к «Богу» это прилагательное становится только у христианских авторов, но встречается крайне редко.

«Неправильность» с точки зрения древнегреческого языкового сознания словосочетания ἄγριοι θεοί лишний раз указывает нам на анатолийские корни культа божественной Тριάды (еще Фрай высказывал предположение о стоящей за ἄγριοι θεοί и σκίρ(ρ)οί θεοί группе богов лувийского происхождения, имя которых по-разному переводилось на греческий язык (Frei 1990: 1829; ср. Weiss 1997: 42)). Скорее всего, исконное название трех богов-воинов при адаптации к новым языковым реалиям региона было переведено на древнегреческий путем калькирования, что и дало такой необычный результат. Однако этот языковой диссонанс, судя по тому, что в языке он так и не утвердился, настоятельно требовал исправления. И такое исправление было найдено: «Суровые боги» превратились в «Справедливых богов». Прилагательное δίκαιος вполне могло выступать определением слова θεός, что подтверждается внушительным количеством контекстов с таким словосочетанием (особенно часто оно встречается у византийских писателей).

Суровые боги и Эринии: одинаковое предназначение — одинаковая метаморфоза

И все же трансформация «Суровых богов» в «Справедливых богов» произошла, вероятно, не только ради закрепления благозвучного названия. В основе ее должно было лежать развитие самого культа, которое происходило уже в других исторических условиях, когда эллинизация региона неминуемо подчиняла древние верования греческим религиозным тенденциям, образуя сплав местных традиций и эллинской культуры. Кем

были Суровые боги? Они были богами мщения, поэтому их и призывали в проклятиях. Но это было объективное мщение, оно карало преступника и восстанавливало нарушенное его злодеянием мировое равновесие, обеспечивало торжество справедливости. Пребывание в пещерах и постоянное общение со змеями указывают на хтонический характер Суровых богов. Змеи всегда считались порождениями земли и символами ее могущества и мудрости, и через них Суровые боги получали доступ к использованию ее жизненной силы. Собаки же были необходимы для преследования преступников и тех, на кого обрушилось проклятие их жертв. Суровые боги — это боги, строго и непререкаемо выполнявшие свои обязанности, и если их задачей было воплощать в жизнь справедливость, то их вполне можно было переименовать в Справедливых богов.

Объяснить логику такого переименования нам поможет сравнение Суровых богов с Эриниями. Эринии, «страшные богини» (δεινὰ θεαί, Eur. *Or.* 261), в греческой мифологии преследовали и наказывали нарушителей законов мирового порядка, клятвопреступников и совершивших злодеяния по отношению к ближайшим родственникам, то есть их функции совпадают с тем, что нам известно о функциях Суровых богов. Обитали Эринии под землей (Hom. *Il.* XIX. 259¹⁷; Aesch. *Eum.* 70, 395, 417, 1036), «имея жилище в глубоких недрах в темной пещере у священных вод Стикса» (*Orph. Hymn.* LXIX. 3–4). Они были одеты в черные хитоны и «обвиты многочисленными змеями» (Aesch. *Choe.* 1049–1050), и на голове у них среди волос были змеи (Paus. I. 28. 6), их величали «змеекудрыми» богинями (*Orph. Hymn.* LXIX. 16; LXX. 10), но также звали «змееподобными девами» (Eur. *Or.* 256), или «ужасной змеей» (Aesch. *Eum.* 128), или «драконихой, оцетинившейся ужасными змеями» (Eur. *IT.* 285). Эриний, как правило, изображали со змеями в волосах, держащими змей в руках или со змеей, обвивающейся вокруг каждой руки (ЛМС III.2. Erinyes № 1, 6, 9, 11, 21, 27, 28, 39, 42, 45 etc.). При этом у Эриний собачьи глаза (Eur. *Or.* 260), они лают, как собаки (Aesch. *Eum.* 131–132), по-собачьи преследуют в погоне свою жертву (Aesch. *Eum.* 231) и, как собаки, отыскивают ее по оставленным следам (Aesch. *Eum.*

¹⁷ В схолиях к этому месту приводится вариант разночтения, сторонники которого предлагали вместо Ἐρινύες, αἵ θ' ὑπὸ γαῖαν — «Эринии, которые под землей» читать Ἐρινύες οἱ θ' ὑπὸ γαῖαν — «Эринии и те, кто под землей», считая, что здесь шла речь об Аиде и Персефоне.

246–247). За это их самих называют «негодующими собаками» (Aesch. *Choe.* 924).

Получается, что для точной характеристики Эриний, для описания сущности этих богинь используются те же атрибуты, какие мы видели у Суровых богов: змея, собака, а также пещера¹⁸. Поэтому было бы странно, если бы по мере распространения в регионе эллинской образованности, когда шел процесс активного соединения местных и греческих богов и взаимообмен элементами культа, никому не пришло бы в голову просто сопоставить Суровых богов и Эриний. Об отождествлении, конечно же, речь не шла хотя бы по той причине, что проблематично объединить богов разной природы — мужчин и женщин. И, кроме того, не будем забывать, сколь незначительным даже в рамках юго-западной Малой Азии был культ Суровых богов. Эринии находились совсем в другой весовой категории.

Древние хтонические богини, Эринии после суда над Орестом примирись с новыми богами и, переименованные в Эвменид, обрели свой чертог в Афинах и стали почитаться как «Почтенные богини» — σεμναὶ θεαί (Aesch. *Eum.* 1041; Dem. XXI. 115; Paus. I. 28. 6). Вполне вероятно, что по аналогии с этим примером были переименованы и Суровые боги. Чего упорно добиваются Эринии в «Эвменидах» Эсхила? Смысл всего их существования заключен в том, чтобы каждый преступник «понес заслуженное наказание (τῆς δίκης ἐλάξια)» (272), ведь самих себя они считают «самыми справедливыми» (εὐθυδίκατοι, 312), они ставят знак равенства между призывом к Дике и к престолам Эриний (511–512) и уверены, что их будут призывать, если падет «храм справедливости» (δῶμος δίκας, 516), да и сами они призывают к Дике (ἰὸ Δίκα, 785), когда слышат, что Орест оправдан, и что они не добились справедливости (μὴ τυχοῦσα τῆς δίκης, 719). Эринии повелевают чтить «алтарь справедливости» (βωμὸν... δίκας, 539), обещают

¹⁸ Заметим, что такие же атрибуты были свойственны и еще одной хтонической богине — Гекате: ее увенчивали извивающиеся змеи (*Schol. Apoll. Rhod.* III 1214 = *Soph. Fr.* 535 Radt), ее сопровождали страшные черные собаки (*Schol. Lycophr.* 1176), собака считалась главным даром Гекате (*Plut. Mor.* 379 D (*Isid. et. Osir.* 71) = *Eur. Fr.* 62h Kannicht), и ей приносили в жертву собак в Зеринфской пещере (*Lycophr.* 77; *Suid.* A1164 (s.v. Ἀλλ' εἴ τις ὑμῶν ἐν Σαμοθράκῃ), Σ79 (s.v. Σαμοθράκῃ)).

счастье тому, кто справедлив (*δίκαιος*) без принуждения (550), и предрекают крушение дерзкому злодею, поступающему вопреки справедливости (*ἄνευ δίκας*, 554). Добавим сюда и высказывание Гераклита о том, что, даже если Солнце преступит дозволенное, «его отыщут Эринии, защитницы Справедливости (*Δίκης ἐπίκουροι*)» (*Fr.* 94 DK). Очевидно, что «справедливость» становится лейтмотивом всех этих рассуждений. Причем эта справедливость сурова: она не милует, не прощает, не долго терпит, она жестко восстанавливает нарушенный закон. И, с этой точки зрения, Суровые боги, безусловно, были справедливыми. Поэтому, когда восприятие этих богов начало, возможно, под влиянием греческого мифа меняться, пришло и понимание того, что они не столько Суровые, сколько Справедливые.

Однако, при том что сущность богов оставалась неизменной, внешне смена имени происходила по принципу оппозиции: были Эриниями (то есть «Проклятиями»¹⁹) — стали Эвменидами (то есть «Благосклонными»), были Суровыми — стали Справедливыми. Поэтому можно предположить, что выбор прилагательного *δίκαιος* имел под собой не только религиозные, но и лингвистические основания. Разбуженный криком Навсикаи и ее спутниц, Одиссей пытается понять, в страну какого народа он попал: «Или же они дерзки и свирепы, а не справедливы или гостеприимны...» (*Hom. Od.* VI. 120–121). Этой формулой Гомер пользуется потом еще три раза (*Od.* VIII. 575–576; IX. 175–176; XIII. 201–202), и в ней закрепляется — а гомеровские формулы были у всех на слуху — противопоставление стоящих рядом прилагательных: *ἄγριοι οὐδὲ δίκαιοι*. Затем это противопоставление появляется в «Государстве» Платона, когда философ рассуждает о том, что душа человека может быть «справедливой и кроткой или необщительной и дикой» (*δίκαια τε καὶ ἤμερος ἢ δυσκοινώνητος καὶ ἄγρία*, 486 b), и когда рассказывает о том, как души животных выбирали себе новую жизнь: несправедливые звери переходили в диких, а справедливые — в кротких (*τὰ μὲν ἄδिका εἰς τὰ ἄγρια, τὰ δὲ δίκαια εἰς τὰ ἤμερα*, 620 d). Также в приписываемом к платоновскому корпусу диалоге «Минос» Радамант назван «справедливым мужем» (*δίκαιον ἄνδρα*), а Минос — «каким-то

¹⁹ Согласно Р. Бекесу, в качестве нарицательного существительного *ἐρινύς* означает «возмездие», «проклятие», но этимологическое значение установить не удастся, поскольку это слово, скорее всего, имеет догреческое происхождение (Beekes 2010: 458–459).

диким (ἄγριόν τινα), злобным и несправедливым» (318 d). Подобные примеры можно найти и у более поздних авторов. Например, у Диодора Сицилийского сказано, что, благодаря созданным афинянами законам, жизнь людей «из дикого и несправедливого существования перешла в культурное и справедливое общество» (ἐκ τῆς ἀγρίας καὶ ἀδίκου ζωῆς εἰς ἡμερον καὶ δίκαιαν ἐλήλυθε συμβίωσιν, XIII. 26. 3).

Появляющееся и у Платона, и у Диодора Сицилийского прилагательное ἡμερος всегда составляло устойчивую оппозицию к ἄγριος начиная с его исходного значения: дикий (не тронутый руками человека) — домашний (культурный), — чему у древнегреческих авторов можно найти десятки примеров. Когда же речь зашла об описании людей, каждая из частей этой оппозиции получила подкрепление: с одной стороны, ἄγριος и ἄδικος, с другой стороны, ἡμερος и δίκαιος. Если перекрестно сократить по одному элементу с каждой стороны, останется пара ἄγριος — δίκαιος. Именно эта оппозиция своей логичностью и устойчивым статусом в языковом сознании обеспечила мирный переход от старого имени божественной Триады к новому.

Триада Суровых–Справедливых богов: местный характер культа и неправомерность идентификации с богами охоты

Таким образом, деление Суровых богов и Справедливых богов на две отдельные триады должно остаться в прошлом как этап научного изучения. Корстен и Ипликчиоглу, опубликовавшие посвящения Справедливым богам, даже не попытались сопоставить их с Суровыми богами, поскольку все свое внимание обратили на сравнение Справедливых богов с двумя богами (или одним богом), известными под именем Ὅσιος καὶ Δίκαιος, культ которых был распространен во Фригии и соседних областях. Корстен отверг какую-либо связь между этими богами, а Ипликчиоглу, хотя и высказался более обтекаемо, подчеркнул, однако, отсутствие на рельефах со Справедливыми богами иконографических признаков, свойственных Ὅσιος καὶ Δίκαιος (Corsten 2002a: 123–124; İplikçioğlu 2003: 78; 2006: 9–13). Эфендиоглу рассматривает Суровых богов и Справедливых богов как две различные, хотя и похожие по иконографии триады (Efendioğlu 2010: 145–161), и этой же точки зрения придерживается П. Таллоен (Talloen 2015: 193, 204–205). Но в работах Дёкю, Ш. Киледжи и Беджерен это деление уже

снимается (правда, без какой-либо аргументации), и имена богов с нарушением хронологической последовательности пишутся через косую черту: Theoi Dikaioi / Theoi Agrioi. При этом Дёку и Киледжи добавляют сюда еще и «Жестких богов» Плутарха: Theoi Dikaioi / Theoi Agrioi / Theoi Skleroi (Dökü, Kileci 2022: 106, 114), — а Беджерен отмечает, что, хотя идентичность этих богов не установлена, их можно рассматривать как одних и тех же богов, а несоответствующие эпитеты отнести на счет вариаций культа в разных областях (Beseren 2018: 27).

Весьма ограниченный характер культа Суровых–Справедливых богов может также продемонстрировать как отсутствие их на монетах Термесса и городов Кибиратиды (Fleischer 2008: 235), так и следующее наблюдение. В Писидии, Памфилии и Ликии во II–III вв. были распространены оракулы по пяти астрагалам. Текст такого оракула вырезали на высоких прямоугольных колоннах и выставляли в центре города. Колонна с оракулом и установленной на ней статуей Гермеса, покровителя астрагальной мантики, считалась прорицалищем под открытым небом, и подобные святилища пользовались в городах общественным признанием. При броске пяти астрагалов получается 56 комбинаций, поэтому каждая надпись с оракулом содержала 56 прорицаний, и каждому прорицанию предшествовало описание выпавших астрагалов и имя божества, которому был посвящен этот бросок. Получается, что в нашем распоряжении оказался засвидетельствованный эпиграфически список наиболее почитаемых богов региона. Так, у оракула из города Адады восемь бросков принадлежало Зевсу с разными эпитетами (1, 12 вместе с Афиной, 17, 18, 20, 30, 34, 53), по четыре — Тюхе (6, 10, 19, 43) и Даймону (5, 14, 16, 31), по три — Гермесу (26, 35, 56), Мойрам (3, 37, 44), Нике (7, 8, 36) и Афине (2, 12 вместе с Зевсом, 47), по два — Аполлону (24, 49), Посейдону (15, 45), Аресу (22, 46), Афродите (11, 54) и Кроносу (23, 50) и, наконец, по одному — Орлу Зевса (4), Асклепию (9), Орам (13), Гераклу (21), Исиде (25), Серапису (27), Немесиде (28), Адрастее (29), Хроносу (32), Надежде (33), Селене (38), Диоскурам (39), Гефесту (40), Деметре (41), Гелиосу (42), Эфросине (48), Мену (51), Матери богов (52) и Пагубе (55). У сильно отличающегося от основной традиции оракула из Антиохеи-у-Крага есть и бросок Эриний (23) (Nollé 2007: 61–67, 194–199). Несмотря на присутствие в этом перечне даже очень незначительных богов, для Суровых–Справедливых богов места в нем не нашлось, а

значит, их почитание в римское время так и не распространилось дальше весьма ограниченной территории высокогорий Тавра.

Теперь, когда мы подробно рассмотрели всю имеющуюся информацию о культе Суровых–Справедливых богов, становится очевидной ошибочность одного мнения, высказанного более ста лет назад. Сторонники этого мнения ставят знаки равенства между Суровыми богами, θεοὶ ἀγρότεροι и θεοὶ ἀγρεῖς и, соответственно, распространяют на Суровых богов все то немногое, что известно об этих богах (Lanckoronski 1892: 3, Anm. 3; Höfer 1916–1924: 618–619; Schmidt 1927: 557; Frei 1990: 1828–1829, 1848; Milner, Smith 1994: 69–70; Efendioğlu 2010: 156, 159). Действительно, в почетной надписи периода Римской империи из ликийского города Лиды говорится о Леонтомене, сыне Аполлониды, из Аримакс, который был жрецом «Аполлона, и Зевса, и θεῶν ἀγροτέρων, и Диоскуров, и Пана» (ТAM II.1. 130). В другой надписи из этого же города (I в. до н. э. — I в. н. э. (?)) воздаются почести Февгену, сыну Ферамена, по усыновлению — Аполлониды, служившему жрецом «Аполлона, и Зевса, и θεῶν ἀγρέων» (ТAM II.1. 148). Эти надписи сравнивают с надписью из города Аназарба в Киликии (153 г.), где посвящение Зевсу, Гере Брачной и Аресу как богам, охраняющим город, было сделано Региной, дочерью Асклепиада, «при жреце θεῶν ἀγρέων Сите, сыне Тавриска» (Sayar 2000: 47–48, № 52).

Θεοὶ ἀγρότεροι и θεοὶ ἀγρεῖς — это боги, связанные с охотой и, вероятно, с дикой природой. Эпитет ἀγρεῖς — «охотник» устойчиво использовался для богов или героев: Пана, Диониса, Аполлона, Посейдона, Аристея (Chantraine 1956: 59–60). Охотницей (Ἀγροτέρα) неизменно почитали Артемиду. Этот эпитет богини появляется уже у Гомера: πότνια θηρῶν Ἄρτεμις ἀγροτέρη (II. XXI. 470–471). Шантрен подчеркивает, что здесь ἀγροτέρη характеризует Артемиду как богиню сельской местности, притом не той сельской местности, где возделывают поля, а той, где живут дикие звери, и через «Артемиду ἀγροτέρη» объясняется выражение πότνια θηρῶν — «Владычица диких зверей», указывавшее на один из аспектов минойской Великой Богини. То есть первоначально Артемида была не столько богиней охоты, сколько богиней диких животных (Chantraine 1956: 37, 54). Культ Артемиды Ἀγροτέρα был распространен в Аттике и многих других областях, о ней писали Ксенофонт, Аристофан, Аристотель, Павсаний, Плутарх и

другие авторы. В Ликии это культовое имя зафиксировано только один раз (по крайней мере, в опубликованных надписях) в изречении Патарского оракула городу Сидимам (ТАМ II.1. 174, E 16). Известно, что в Мирах находилось святилище Артемиды Элевтеры (ТАМ II.3. 905. XIX A 11), в Сидимах — Артемиды Сидимской (ТАМ II.1. 174, D a 15–16), а на северо-востоке Ликии особым почитанием пользовалась Артемиды Китанаврская (ТАМ II.3. 1230). На территории Термесса был найден вотивный алтарь, который воздвиг по обету Артемиде Ауротэра жрец богини Элевтеры Тиберий Клавдий Зенодотиан Моллиан (ТАМ III.1. 909, 7–9), однако этот алтарь не был установлен в расположенном в Термессе скальном святилище Суровых–Справедливых богов, поскольку Артемиды явно не имела никакого отношения к этим богам и этому святилищу.

Богам охоты и дикой природы не были свойственны хтонические черты и карательные функции. Зато у них имелись в городах свои полноценные (не скальные) святилища, и, судя по надписям, была своя жреческая коллегия. У Суровых богов ничего этого никогда не было. Город Лиды расположен в западной Ликии на сильно выдающемся в море полуострове. Фактически это уже ликийско-карийское пограничье, находящееся на приличном расстоянии от Крага, Кибиратиды и всех тех мест, где были найдены рельефы с божественной Тριάдой. То, что существительное *ἄγρεῦς* и прилагательные *ἄγρότερος* и *ἄγριος* происходят от одного корня, не может служить достаточным аргументом в пользу их взаимозаменяемости в культовой практике. К тому же *ἄγριος* само по себе по своей семантике не было связано с охотой, и рассматривается в группе «охоты» лишь благодаря своим производным (Chantraine 1956: 59). Иными словами, имеющаяся в нашем распоряжении информация, скорее, говорит о том, что на данный момент ни с точки зрения культа, ни с точки зрения географии, ни с точки зрения номинации нет однозначных оснований для объединения Суровых богов с богами, чье святилище было в Лидах. В этой связи невозможно согласиться с Эфендиоглу, в том, что распространение культа божественной Тριάды пришло в северную и северо-восточную Ликию с запада из Лид (Efendioğlu 2010: 161) — такое утверждение не имеет под собой никакой доказательной базы, и, кроме того, не будем забывать, что ни в Лидах, ни в соседних городах не было обнаружено ни одного рельефа с божественной Тριάдой, да и в целом южное побережье Ликии — это ареал распространения рельефов с двенадцатью

лийскими богами, и он не пересекался с ареалом распространения рельефов с Триадой, Диоскурами и Какасбом (Fleischer 2008: 226). Рассматриваемая ошибка проникла в новый древнегреческо-испанский словарь, выходящий под общей редакцией Ф. Родригеса Адрадоса, авторы которого утверждают, что Θεοὶ Ἄγριοι, о которых пишет Александр Полигистор, — это «триада богов охоты и дикой природы» (s.v. ἄγριος I 4). Однако, помимо всего вышесказанного, если бы в этом словосочетании ἄγριοι, как полагают авторы словаря, выступало в варианте развития своего исходного значения и указывало на связь с дикой природой, то у Плутарха не было бы оснований для замены его на прилагательное σκῆρ(ρ)οί, у которого такого значения никогда не было.

Изучение Триады Суровых–Справедливых богов еще далеко от своего окончательного завершения. Исследование горных районов еще может дополнить новыми рельефами и надписями уже собранный материал. Также существует настоятельная необходимость создания полноценного каталога рельефов с божественной Триадой, но подготовить такое издание может только исследователь, имеющий официальный доступ в фонды турецких музеев (как минимум, Анталы, Фетхие, Элмалы, Бурдура и Ыспарты) и подтвержденное соответствующими документами право организовать экспедицию и перепроверить все известные рельефы: сделать хорошие фотографии и 3D-реконструкции, произвести точные измерения и снять координаты местоположения.

Литература

- Arroyo-Quirce, H. 2017: Glorios Solymi. Homer and a neglected Inscription concerning Pisidian Termessos at Rome. *Epigraphica Anatolica* 50, 129–132.
- Bean, G. E. 1971: *Journeys in Northern Lycia 1965–1967*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften 104). Wien.
- Beceran, N. 2018: *Kibyratıs ve Çevresi Kaya Kabartmaları*. Burdur Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Burdur.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. With the assistance of L. van Beek. Vol. 1. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 10/1) Leiden; Boston, 2010.
- Benndorf, O., Niemann, G. 1884: *Reisen in Lykien und Karien*. Wien.
- Chantraine, P. 1956: *Études sur le vocabulaire grec*. Paris.

- Collignon, M., Duchesne, L. 1877: Rapport sur un voyage archéologique en Asie Mineure. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 1, 361–376.
- Corsten, Th. 2002a: *Die Inschriften von Kibyra*. Teil. I. (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien 60). Bonn.
- Corsten, Th. 2002b: Kibyra 2000. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 19.2, 139–146.
- Corsten, Th. 2007: Kibyra 2005. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 24.1, 51–60.
- Corsten, Th., Hüllden, O. 2010: Forschungen in der Kibyris im Jahre 2008. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 27.1, 351–363.
- Corsten, Th., Hüllden, O. 2013: Forschungen in der Kibyris im Jahre 2011. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 30.1, 353–360.
- Corsten, Th., Hüllden, O., Gebauer, J. 2011: Forschungen in der Kibyris im Jahre 2009. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 28.1, 67–81.
- Coulton, J. J. 1989: Balboursa Survey 1987. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 6, 225–231.
- Coulton, J. J. 1992: Balboursa Survey 1988, 1990. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 9, 47–57.
- Coulton, J. J. 1993: Balboursa Survey 1991. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 10, 459–472.
- Coulton, J. J. 1994: Balboursa Research Project 1992. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 11, 429–436.
- Çevik, N. 2021: *Lykia Kitabı. Arkeolojisi, Tarihi ve Kültürüyle Batı Antalya*. Ankara.
- Çevik, N., Varkıvaç, B. 2000: Tlos ve Çevresi 1998 Yüzeysel Araştırmaları: Darıözü Yerleşimi. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 17.2, 329–344.
- Çevik, N., Varkıvaç, B., Kızıgüt, İ., Gülşen, F.F. 2003: A Settlement in Lycia: Darıözü / Kastabara. *Adalya* 6, 189–232.
- Dökü, F. E. 2019: 2017 Yılı Uylupınar (Erken Kibyra) Yüzeysel Araştırması Raporu. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 36.1, 513–530.
- Dökü, F. E. 2020: Uylupınar (Erken Kibyra) Yüzeysel Araştırmaları 2018 Yılı Raporu. *Phaselis* 6, 217–235.
- Dökü, F.E., Kileci, Ş. 2022: Ares Reliefs and a New Votive Inscription to Ares in the Rural Highlands of Kabalis / Kabalia. *Adalya* 25, 105–124.
- Efendioğlu, T. 2010: *Hellenistik ve Roma Çağlarında Likya'da yerel Tanrı ve Tanrıçalar*. İstanbul.
- Fleischer, R. 2008: Unbekannte Felsheiligtümer in Termessos. *Istanbul Mitteilungen* 58, 197–242.
- Frei, P. 1990: Die Götterkulte Lykiens in der Kaiserzeit. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.18.3, 1729–1864.
- Gay, K. A., Corsten, Th. 2006: Lycian Tombs in the Kibyris and the Extent of Lycian Culture. *Anatolian Studies* 56, 47–60.
- Gonzales, M. 2005: The Oracle and Cult of Ares in Asia Minor. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 45, 261–283.

- Heberdey, R., Kalinka, E. 1897: *Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasien, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe 45). Wien.
- Höfer, O. 1916–1924: *Theoi Agreis, Theoi Agrioi. Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie*. Hrsg. von W. H. Roscher. Bd. V. Leipzig, 618–622.
- İplikçioğlu, B. 2003: *Batı Pamphylia ve Doğu Lykia'da Epigrafya Araştırmaları 2002. Araştırma Sonuçları Toplantısı 21.1, 75–78*.
- İplikçioğlu, B. 2006: ΘΕΟΙ ΔΙΚΑΙΟΙ. Die “Gerechten Götter” in zwei neuen Inschriften aus Termessos. *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse 141.2, 5–16*.
- Kosmetatou, E. 1997: The hero Solymos on the coinage of Termessos Major. *Schweizerische Numismatische Rundschau 76, 41–63*.
- Lanckoronski, K. G. 1892: *Städte Pamphylens und Pisidiens*. Bd. 2. *Pisidien*. Prag; Wien; Leipzig.
- LIMC — *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. 1981–.
- Lobeck, Ch. A. 1829: *Aglaophamus sive De Theologiae Mysticae Graecorum causis*. Regimontii Prussorum.
- Melchert, H. C. 2004: *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor; New York.
- Milner, N. P. 2004: Ancient Inscriptions and Monuments from the Territory of Oinoanda. *Anatolian Studies 54, 47–77*.
- Milner, N. P., Smith, M. F. 1994: New Votive Reliefs from Oinoanda. *Anatolian Studies 44, 65–76*.
- Mitchell, S. 1996: 1994 Yılı Oinoanda ve Batı Pisidia'da Yüzey Araştırmaları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı 13.2, 71–80*.
- Naour, Ch. 1980: *Tyriaion en Cabalide: Épigraphie et Géographie Historique*. (Studia Amstelodamensia ad Epigraphicam, Jus Antiquum et Papyrologicam pertinentia XX). Zutphen.
- Nollé, J. 2007: *Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance*. München.
- Özsait, M. 2008: 2006 Yılı Burdur ve Isparta İlleri Yüzey Araştırmaları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı 25.2, 307–322*.
- Özüdoğru, Ş. 2014: Kıbyra'dan Hellenistik Dönem'e Ait Yeni Veriler Üzerine Değerlendirmeler. *Cedrus 2, 171–188*.
- Pace, B. 1921: La Zona costiera da Adalia a Side. *Annuario della R. Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente 3 (1916–1920), 29–71*.
- Petersen, Eu., Luschan, F. von. 1889: *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratıs*. Wien.
- Robert, L. 1946: *Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques*. Vol. III. Paris.
- Robert, L. 1949: *Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques*. Vol. VII. Paris.

- Robert, L. 1955: *Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques*. Vol. X. Paris.
- Robert, L. 1978: Les conquêtes du dynaste lycien Arbinas. *Journal des Savants*, 3–48.
- Robert, L. 1983: Documents d'Asie Mineure. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 107.1, 497–599.
- Sayar, M. H. 2000: *Die Inschriften von Anazarbos und Umgebung*. Teil. I. (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien 56). Bonn.
- Schmidt, J. 1927: Σκληροὶ θεοί. *Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft* II.2.5, 556–557.
- Schürr, D. 2012: «Frühe Götter» in Lykien. *Archiv für Religionsgeschichte* 13, 213–224.
- Shevoroshkin, V. 2008: Introduction to Milyan. *Mother Tongue* 13, 63–96.
- Smith, T. J. 2011: Highland Gods: Rock-cut Votive Reliefs from the Pisidian Survey. *Anatolian Studies* 61, 133–150.
- Smith, T. J. 2018: Interaction, Cult and Memory: Another Look at the Rock-cut Votive Reliefs in Pisidia. *Colloquium Anatolicum* 17, 119–136.
- Smith, T. J., Milner, N. P. 1997: Votive Reliefs from Balboura and Its Environs. *Anatolian Studies* 47, 3–49.
- Şahin, S., Adak, M. 2007: *Stadasmus Patarensis. Itinera Romana Provinciae Lyciae*. Istanbul.
- Talloon, P. 2015: *Cult in Pisidia. Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity*. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology 10). Turnhout.
- TAM — *Tituli Asiae Minoris*. 1901–.
- Weiss, P. 1997: Tloos. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. VIII.1. Zürich; Düsseldorf, 42–44.

Т. В. Рождественская
СПбГУ, Санкт-Петербург/ НИУ ВШЭ, Москва, Россия; tat.rozhd@gmail.com

НАДПИСИ НА ИКОНАХ XIII–XIV ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ (ИЗ МАТЕРИАЛОВ К КАТАЛОГУ)¹

Статья посвящена надписям на древнерусских иконах как одной из категорий памятников не книжной письменности. Эти тексты, несмотря на существующие исследования, недостаточно изучены. Предмет исследования — надписи на иконах XIII–XIV вв. св. Николая из собрания Гос. Русского музея. Они разделяются на несколько категорий: 1) именные, т. е. обозначения Христа, Богоматери, пророков, святых, 2) названия иконных композиций, 3) комментарии к изображению, 4) цитаты на свитках и раскрытых страницах книг. Палеография, графика и орфография надписей показывает, что в них могут найти отражение использования бытовой системы письма, а в языке — диалектные особенности писца. Анализ текста на раскрытой книге в руках Иисуса Христа, пророка или святителя ставит вопрос об использовании той или иной редакции богослужебного текста и отражении ее в устной традиции.

Ключевые слова: надписи на иконах, палеография, графика и орфография, система текст, письменная и устная традиция.

T. Vs. Rozhdestvenskaia
St. Petersburg State University/ HSE University, Moscow, Russia. tat.rozhd@gmail.com

Inscriptions on icons of the 13th-14th centuries from the collection of the State Russian Museum (from the materials for a catalog)

The article is devoted to the inscriptions on ancient Russian icons as a special category of non-book writing. These texts, despite the existing scholarship, have not been sufficiently studied. The article focuses on the inscriptions on the icons “St. Nicholas” of the 13th-14th centuries from the collection of the State Russian Museum. They are divided into several categories: 1) nominal, i.e. designations of Christ, Mother of God, prophets, saints, 2) names of icon compositions, 3) comments on the image, 4) quotes on scrolls and open pages of books. The paleography,

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352) «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования», предоставленного НИУ ВШЭ (Москва).

graphics and spelling of the inscriptions show that they can reflect the use of the “everyday” writing system, and the language can bear traces of the dialectal features of the scribe. The analysis of the text in an open book in the hands of Jesus Christ, a prophet or a saint raises the question of the use of one or another edition of the liturgical text and its reflection in the oral tradition.

Keywords: inscriptions on icons, paleography, graphics and orthography, text system, written and oral tradition.

Надписи, сопровождающие изображения на иконах, нечасто становятся предметом филологического анализа. Однако их изучение имеет самостоятельное значение как с позиций искусствоведения, так и лингвистического источниковедения (датировка иконы, ее атрибуция, выявление авторства, принадлежность к определенной иконописной традиции). В исследованиях искусствоведов эти надписи привлекают внимание прежде всего с точки зрения палеографии, что важно для определения датировки живописи в целом. Однако комплексный палеографический и графико-орфографический, а в случае цитирования богослужебного или житийного текста и текстологический анализ может уточнить не только датировку, локализацию той или иной иконы, но и определить связи мастера-писца с определенной не только иконописной, но и текстологической традицией. Важной вехой в этом направлении стала обстоятельная монография М. Г. Гальченко (Galchenko 1997), в которой представлено детальное палеографическое и лингвистическое исследование надписей на 22 иконах из разных государственных музейных собраний. М. Г. Гальченко принадлежит заслуга в введении этих памятников эпиграфики в лингвистическую проблематику, в разработке палеографии надписей на иконах в сопоставлении с книжной палеографией синхронных рукописей, в том числе с палеографией надписей в составе книжных миниатюр. В работах Н. А. Замятиной о надписях на иконах представлена история их изучения, начиная с середины XIX в. (Zamyatina 1997: 150–159), а в ее кандидатской диссертации, включающий анализ надписей с XI по XIX вв., разработаны вопросы типологии, текстологии иконных надписей, выделены канонические надписи — именные, сюжетные, тексты на свитках и книгах в руках персонажей, надписи-комментарии и надписи-молитвы, т. е. те надписи, которые связаны с письменной книжной традицией (Zamyatina 2002: 120–134; 2008: 288–292). Так, в статье о надписи на «евангелии» Иисуса Христа

исследовательница выявила репертуар евангельских цитат на раскрытых страницах книги, которую держит в руках Иисус Христос в иконографии «Спас Вседержитель поясной», «Спас на престоле», «Спас в силах». отметив варьирование текстов, однако причины этого явления подробно автором не рассматривались (Zamyatina 2009: 272–299). Этому важному аспекту посвящена недавняя статья М. А. Бобрик, в которой анализируется наиболее часто используемый евангельский текст (Ио. 8:12) на иконе «Спас на престоле» из новгородского села Крестцы (Bobrik 2022: 244–254).

Согласно наблюдениям М. А. Бобрик, писец иконы использовал орфографические элементы бытового письма, отражающие ряд диалектных явлений (Bobrik 2022: 244). Что же касается самого текста Евангелия на иконе, то он, как установила М. А. Бобрик, «не находит прямого соответствия в книжной традиции», объясняя это обстоятельство тем, что «дело не только и, может быть, не столько в вариативности рукописного текста, сколько, как показывают исследования последнего времени, в варьировании текста при воспроизведении в других, не книжных, прагматических условиях — в бытовой берестяной письменности» (Bobrik 2022: 249). Варьирование канонического текста в не книжной письменности, особенности графики и орфографии присущи, хотя и в меньшей степени, также и некоторым фресковым надписям на свитках в изображении пророков и святителей (Rozhdestvenskaia 2018: 1170–1178). Представляется весьма важным вывод М. А. Бобрик о том, что следует учитывать не только опору писца-иконописца на текстологию, но и его «укорененность в культуре в значительной степени устного слова» (Bobrik 2022: 251).

Предмет нашего исследования — надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв. из собрания Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея для готовящегося Каталога древнерусских икон (рук. И. А. Шалина)². Это надписи на иконах «св. Никола в житии из с. Любони», «св. Никола с

---

² Приношу сердечную благодарность заместителю Генерального директора Государственного Русского музея по учету, хранению и реставрации музейных ценностей ГРМ О. А. Бабиной и ведущему научному сотруднику Отдела древнерусского искусства ГРМ И. А. Шалиной за предоставленную возможность работать с этим материалом.

житием из с. Большие Соли под Ярославлем», «Никола Чудотворец с житием, Василием Великим и Феодором Тироном» (с. Виделебье)», «Введение во храм» Новгород (?), из Троицкой ц. села Кривое Архангельской обл.», «св. Никола Зарайский с житием. Теребушки. XV в. (?)», «св. Никола с житием. Из собр. Репникова. 2 пол. XIV в.», «св. Николы из Духова монастыря»³. Надписи на иконах распределяются по нескольким категориям: 1) именные, т. е. обозначения Христа, Богоматери, пророков, святых, 2) названия иконных композиций, 3) комментарии к изображению, 4) цитаты на свитках и раскрытых страницах книг. Особый раздел составляют надписи, сообщающие об обстоятельствах и времени создания иконы, имена мастеров-живописцев, заказчиков, вкладные, дарственные, владельческие записи, а также сообщающие о реставрациях и поновлениях икон. В основном такие надписи относятся к более позднему времени и многие из них раскрыты в процессе современной реставрации.

Палеографический и графико-орфографический анализ надписей на перечисленных иконах из собрания ГРМ позволяет прийти к следующим заключениям.

Икона «св. Никола поясной, с житием в 12 клеймах». Из Никольской церкви погоста Любони⁴. По словам Э. С. Смирновой, эта икона «принадлежит к наиболее древним образцам житийных икон Николы, сохранившимся на Руси. По составу клейм издаваемый памятник стоит у начала длинного ряда житийных «Никол», широко распространившихся в русском искусстве» (Smirnova 1976: 186). Искусствоведческая датировка иконы — первая половина XIV в.

Общая характеристика палеографии надписей. Все надписи на иконе выполнены одной рукой. Колончатые надписи в среднике более декоративны, в слове *агиосъ* присутствует единственная в надписях лигатура *г* и *и*. Есть несомненное сходство со строчным письмом рукописей. Формы букв в целом геометричны и пропорциональны, хотя мачта *ъ* и *ь*

---

³ Этим иконам как памятникам древнерусской живописи посвящены исследования В. Н. Лазарева (Lazarev 2000), Э. С. Смирновой (Smirnova 1976), И. А. Шалиной (Shalina 1997).

⁴ Воспроизведение икон и подробное их описание в (Smirnova 1976) и на сайте https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=446; о некоторых особенностях палеографии и графики иконы св. Николы из Любони упоминает М. Г. Гальченко (Galchenko 1997: 12, 15, 38, 46).

может иметь наклон. Перекладины *и, ю, ю* имеют легкий наклон вправо вверх, однако встречаются и горизонтальные перекладины. Петли *б, в, з, ь* не заострены, но уже утрачивают чистую округлость. Коромысло *ѣ* в основном не выходит за уровень верхней границы строки. Есть варианты начертаний *м* — с декоративной перекладиной и дугообразной формы, *ж* пишется в пять приемов, верхняя часть ненамного меньше нижней. Надписи во многих отношениях сохраняют как приемы почерков XIII в., так и элементы начертаний, появляющиеся в XIV в. Однако отмеченные здесь новации в надписях можно датировать не позднее середины XIV в., поскольку они становятся регулярными лишь во второй половине века. Ярким палеографическим новгородизмом является наличие зеркальной *ц*, в совокупности с другими особенностями графики и орфографии надписей, свидетельствующих о новгородском происхождении их автора-иконописца.

Графика, орфография и языковые особенности надписей. В начале слова и после согласных вместо *па* употребляется *л*, что обычно в новгородских текстах. Регулярно употребление лигатуры *з+и*, которая получает распространение в рукописях с XIV в. Трижды (клейма 2, 7, 8) в надписях встречаются написания форм глаголов наст. времени 3 л. ед. и мн. числа без *-ть*, что характерно для памятников некнижной новгородской письменности и отражает особенности спряжения глагола в древненовгородском диалекте (Zaliznjak 2004: 133). То же касается и отражения цоканья. В целом новгородские особенности в надписях этой иконы проявились в меньшей степени, чем, например, в надписях иконы «св. Никола с житием из Озерева» начала — первой половины XIV в. (Galchenko 1997: 77–86), однако новгородское происхождение иконы не вызывает сомнений. Датировка надписей первой половиной XIV в. не противоречит преобладающей искусствоведческой датировке (Smirnova 1976: 187).

Надписи на иконе 3142 «Никола Чудотворец с житием, Василием Великим и Феодором Тироном» из с. Виделебье (Псков)⁵.

---

⁵ Подробный палеографический и графико-орфографический анализ иконы св. Николы из Любони, из Виделебья (Galchenko 1997: 68–72).

М. Г. Гальченко отмечает, что почерк в клеймах «имеет определенное сходство с уставом» и что многие начертания характерны для XIII в., с чем необходимо согласиться. Автор принимает датировку этой иконы 1337 г., хотя и отмечает, что она гипотетична, так как дата в надписи читается в слое поновления. М. Г. Гальченко опирается на искусствоведческую датировку иконы XIV в. и корректирует палеографические наблюдения с наблюдениями Э. С. Смирновой, отмечая, что «палеографические данные не противоречат предположению о создании иконы в 1337 г.» (Galchenko 1997: 69, 71). В свою очередь Э. С. Смирнова вынуждена признать, что «лично-патрональный состав «палеосных» изображений (святые, соименные заказчикам) известен лишь в иконах XII в. — первой полов. XIII в. и называется псковскую икону Николы в житии 1337 г. со святыми в медальонах «архаическим пережитком» (Smirnova 1976: 155). Может быть, пропущенная в дате цифра сотен не w (800), а ψ (700). В тексте с датой в **лѣтѣ 5 ное м ѣ мѣца** далее можно разобрать буквы **апр...**, т. е. апреля, что не отмечено М. Г. Гальченко (Galchenko 1997: 68). Остальные буквы утрачены.

Надписи на иконе «св. Никола» из новгородского Спасо-Духова монастыря⁶. Искусствоведческая датировка иконы — первая половина или середина XIII в. Надписи расположены на верхнем белом фоне, на среднике справа и слева от лика св. Николы и в четырех медальонах (по два слева и справа от фигуры святого) на белом фоне средника⁷.

Верхний ряд иконы на белом фоне. Слева черной краской: Симеон Столпник: **сμε\онъ**⁸ с пропуском *и* в первом слоге, справа — красной краской три буквы **рхн**, над ними *a* в круге

⁶ Подробное описание: на сайте https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=446. О происхождении, этапах реставрации, о литургическом смысле иконы см. Shalina 1997: 356–376.

⁷ См. описание надписей (Smirnova 1976: 151): «Надписи на полях двуцветные: имена святых написаны черной краской, а слова «агиос», «архангел», «архистратиг» — киноварью. Все надписи — уставом. Обращает внимание написание «А» в «О» в словах «о агиосъ» (типа лигатуры «ОА»); знак придыхания в этом же слове в надписи у Николы; значки-росчерки в виде стилизованной греческой «сигмы» в конце слов при именах архистратига Михаила, Симеона, Иуды».

⁸ Знаком\ обозначен конец строки.

или под титлом — *архангель*, перед изображением архангела, слева черной краской *миха\илъ* — архангел Михаил. Правее от фигуры архангела Михаила: *гаври\лъ* — архангел Гавриил. Эти две надписи сделаны одним почерком. Правее на том же белом фоне, слева от женской фигуры мученицы Евдокии: *Евдог\на*.

Средник иконы. Над медальоном слева от лика св. Николы на белом фоне: *а* в круге, *гнос* — *г+и* лигатура, формы букв декоративные. Справа от лика Николы на белом фоне над медальоном сохранилась только буква *л* от имени (*Нико*)*л(а)*.

Надписи в медальонах в среднике. Слева от фигуры св. Николы в верхнем медальоне на красном фоне: *ω агнос* — *ω* в круге, *г+и* — лигатура. В нижнем медальоне на синем фоне, слева от фигуры св. Афанасий Александрийский *о\ѿ\о\н\о\си*, справа от фигуры святого мученик Анисим: *о\н\с\н\м\о*. В верхнем медальоне справа от св. Николы на красном фоне апостол Иуда-Фаддей: *ї\д\ѿ\а*, с нарушением порядка букв *у* и *д*; в нижнем медальоне на синем фоне справа от женской фигуры плохо читаемая надпись: *к\а\ти\ер\о*. мученица Екатерина, имя написано с направлением чтения сверху вниз *кате*, затем направо *р*, затем наверх *и*, *о* в нижнем углу, возможно условное из *о агнос*, что имеет аналогии на фресках и иконах⁹.

Имена в медальонах представлены в бытовой орфографии. Так, традиционная народная форма имен *Овоноси* (Афанасий) с меной *а/о* как начального, так и внутрислогового (ср. б.г. *Офоноско*, № 496, *Офонось*, № 520, № 406, № 178, № 273 — все грамоты конца XIV в.; грамота № 496 — начала/первой половины XV в.) (Zaliznjak 2004), *Онсимо* (Анисим), характерны для северо-западной диалектной зоны. Ср. в берестяных грамотах и надписях: *Огафонъ*, *Огафья*, *Окулина*, *Олекса*, *Олександръ*, *Ондръги*, *Онанья*, *Онисимъ* (у *Онисимова*, б.г. № 138, нач. XIV в.) и т.п., а также пропуск *и* после *н* — ср. пропуск *и* в *Смеонъ*, ср.форму *Олферии* (вм. Олоферии, б.г. № 92, вторая пол. XIV в.). (Zaliznjak 2004: 770–771). Конечное *о\е* в Им.пад. м.р. вм. *ь, ъ* — стандартно для новгородской бытовой графики. Вместе с тем, в именах святых при их изображении в иконной и

⁹ Благодарю М. А. Бобрик, указавшую мне на эту особенность в написании имени мч. Екатерины.

фресковой живописи конечный *o*, и, в особенности, *-oc*, могли поддерживаться образцом — греческой формой имени на *-oc* в сочетании со стандартным *агиос*. Ср., например, надписи в ц. Спаса на Нередице: *Аково, Ювано, Мароко, Кононо, Еутухио, Доментуано*, а также с конечным *-с*: *Ираклиос, Мелетиос* (Pivovarova 2002: 40, ил. 26; 187, 173,174; Rozhdestvenskaia 2000: 34), в ц. Успения на Волотове лишь дважды: евангелист *Марко*, ангел *Г(осподн)е*, где *е* вм. *ь* (Vzdornov 1989, документация: 22; 71), в остальных случаях в волотовских росписях имена со стандартным окончанием *ь* представлены формами на *-ос*, которые изначально написаны по-гречески, либо под их сильным влиянием.

Все колончатые надписи в медальонах сделаны сходным почерком, возможно, одной, не очень грамотной рукой, на что указывает пропуск буквы *и* в *Смеонъ, Онсимо*, нарушение порядка букв *у* и *д* в *Иуда*, «перекрестное» написание имени *Катерина*. Палеография надписей, а также графико-орфографические особенности позволяют датировать их временем не позже середины XIII в. Графико-орфографические и языковые черты надписей демонстрируют отражение в них следов бытового письма, характерного для берестяных грамот и памятников новгородской эпиграфики.

Почерк надписей на верхнем поле иконы на белом фоне с именами Симеона Столпника, архангелов Михаила и Гавриила, св. Евдокии находит аналогии в книжном письме, ср., напр., в Служебнике второй половины XIII в. (РНБ, Соф. 518). Можно предположить, что эти надписи и надписи в медальонах сделаны разными людьми, или же писец надписей над средником ориентировался на ранние образцы книжных почерков, тогда как в надписях в медальонах он был более свободен, в том числе в отражении древненовгородского диалекта. К тому же вытянутость букв и их невольный пропуск может объясняться необходимостью разместить надписи в полукружии.

Сопоставление с почерками рукописных книг, на которые ориентировался писец-иконописец, позволяет в ряде случаев уточнить искусствоведческую датировку надписи, а использование элементов бытового письма и следы диалектных явлений помогают уточнить локализацию иконы. Еще один немаловажный аспект в изучении нашего материала — это проблема отождествления, на основе палеографического и лингвистического анализа, иконописца-художника с автором надписей. В

особенности это касается мало разработанной пока, но важной проблемы соотношения книжного канонического текста с устной традицией его бытования в культуре Древней Руси.

Литература

- Bobrik, M. A. 2022: [The Gospel on the Icon as a Witness to the Bible tradition in Old Rus'. In: *Russian Language and Linguistic Theory*, 1(43), 244–254.
- Бобрик, М. А. 2022: Евангелие на иконе «Спас на престоле» из новгородского села Крестцы как свидетель бытования Библии в Древней Руси. *Русский язык в научном освещении*. 1(43), 244–254.
- Galchenko, M. G. 1997: [*Inscriptions on Old Russian Icons of the 12th–15th Centuries: Paleographic and Graphic-Orthographic Analysis*]. Moscow.
- Гальченко, М. Г. 1997: *Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ*. М.
- Lazarev, V. N. 2000: [*Russian icon painting from its origins to the beginning of the 16th century*]. Moscow. Лазарев, В. Н. 2000: *Русская иконопись от истоков до начала XVI века*. М.
- Pivovarova, N. V. 2002: [*Frescoes in the Church of the Transformation of Our Savior at Nereditsa from Novgorod: Iconographic Program*], St.-Petersburg. Пивоварова, Н. В. 2002: *Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: иконографическая программа росписи*. СПб.
- Rozhdestvenskaia, T. V. 2000: [Inscriptions on the frescoes of the Church of the Savior on Nereditsa: graphics and orthography. In: *Novgorod historical collection of scientific articles*, 8(18). St.-Petersburg., 30–35.
- Рождественская, Т. В. 2000: Надписи на фресках церкви Спаса на Нередице: графика и орфография. В: *Новгородский исторический сборник* 8 (18), СПб., 30–35.
- Rozhdestvenskaia, T. Vs. 2018: [On the biblical and liturgical wall-inscriptions in the Churches of Old Rus']. In: *Indo-european Linguistics and classical Philology*. 22 (2), 1170–1178.
- Рождественская, Т. В. 2018: О библейских и литургических текстах в храмовой живописи средневековой Руси. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 22 (2), 1170–1178.
- Smirnova, E. S. 1976: [Painting of Novgorod the Great. The middle of the XIII — the beginning of the XV century.] Moscow, 1976.
- Смирнова, Э. С. 1976: *Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века*. М.
- Shalina, I. A. 1997: [Icon «St. Nicholas» from the Holy Spirit Monastery. Liturgical meaning and ecclesiologization of the image. In: *Old Russian art. Rus. Byzantium. Balkans. XIII century*. 19, Sankt-Petersburg, 356–376.

- Шалина, И. А. Икона «Святой Никола» из Свято-Духова монастыря. Литургический смысл и экклесиологизация образа. В: *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII в.*, 19, СПб.: Дмитрий Буланин, 356–376.
- Shalina, I. A. 2012: [“...this Image was taken from the Wild Fields”: the Novgorod icon of St. Nicholas the Wonderworker from the Holy Spirit Monastery and the Nikitskaya patrimony of the Sophia House]. In: *Bulletin of the Sector of Old Russian Art. Journal on the history of ancient Russian art.* 1, 2022, St.-Petersburg, 122–135.
- Шалина, И. А. «...взят сей образ из Диких полей»: новгородская икона Николая Чудотворца из Свято-Духова монастыря и Никитская вотчина Софийского дома. В: *Вестник Сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства*, 1, 2022, СПб., 122–135.
- Vzdornov, G. I. 1989: [Frescoes of the Church of the Assumption in novgorodian Volotovo Pole]. Moscow: Iskusstvo. 1989.
- Вздорнов, Г. И. 1989: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: «Искусство».
- Zaliznjak, A. A. 2004: [*Old Novgorod dialect*]. Moscow.
- Зализняк, А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.
- Zamyatina, N. A. 2009: [Inscriptions on the «Gospel» of Jesus Christ (According to the inscriptions on Russian icons of the XI–XIX centuries)]. In: *Questions of epigraphy*. III. М., 2009, 272–299.
- Замятина, Н. А. 2009: Надписи на «евангелии» Иисуса Христа (По данным надписей на русских иконах XI–XIX вв.). В: *Вопросы эпиграфики*. Вып. III. М., 2009. 272–299.
- Zamyatina, N. A. 1997: [From the history of the study of icon inscriptions]. In: *Questions of Linguistics*, 2, 1997, Moscow, 150–159.
- Замятина, Н. А. 1997: *Из истории изучения иконных надписей*. В: *Вопросы языкознания*. 2, 1997. 150–159.
- Zamyatina, N. A. 1997: [Textological analysis of Russian icon inscriptions]. PhD Dissertation, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2, 1997. 150–159.
- Замятина, Н. А. 1997: *Текстологический анализ русских иконных надписей*. Дисс. канд. наук. М. ИРЯЗ.

ЕЩЕ РАЗ О ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ *ḫrn.t*

В статье рассматривается значение египетской лексемы *ḫrn.t*, которая встречается в военных надписях Мернептаха и Рамсеса III. Большая Карнакская надпись связывает это слово с ливийцами и отмечает его отсутствие у союзных им «народов моря». Обычно считается, что лексема *ḫrn.t* означает крайнюю плоть и является заимствованием из семитских языков. Однако египетские источники ясно показывают, что это слово было ливийским, и никаких причин для заимствования столь специфической лексики у ливийцев не было. Анализ египетских иконографических и письменных свидетельств позволяет вернуться к старому предположению Э. Навиля, что это слово означало фаллокрипт, носимый ливийцами и зафиксированный этнографами в примитивных сообществах Африки, Южной Америки и Океании.

Ключевые слова: ливийцы, Мернептах, «народы моря», Рамсес III, фаллокрипт.

A. V. Safronov

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. safronov1477@yandex.ru

The meaning of word *ḫrn.t* again

The article deals with the meaning of Egyptian word *ḫrn.t* that appears in military texts of Merneptah and Ramses III. The Great Karnak inscription of Merneptah attributes the *ḫrn.t* to the Libyans and notes its absence among the Sea Peoples. It is widely believed that this word means foreskin. This opinion is based on the assumption that the word *ḫrn.t* was a loanword from Semitic languages. However, the Egyptian sources clearly show that this is a native Libyan word, and there is no reason to suggest the adoption of such specific vocabulary by the Libyans. Egyptian iconographic and written sources allow reverting to the old hypothesis, made by E. Naville, that this word stands for the so-called penis sheath worn by the Libyans and known from ethnographic data.

Keywords: the Libyans, Merneptah, penis sheath, Ramses III, the Sea Peoples.

В 2009 году я опубликовал статью, в которой рассмотрел значение древнеегипетской лексемы *ḫrn.t* (Safronov 2010: 107–

113)¹. По моему мнению, ее распространенный перевод «крайняя плоть» и дальнейший поиск аналогий в семитских языках являются ошибочными (Hoch 1994: 302; Militarev, Kogan 2000: 101, № 108). Я показал, что это слово имеет ливийское происхождение и должно означать известный по этнографическим данным фаллокрипт — защитный чехол для фаллоса². Спустя 10 лет появилась монография У. Матича, в которой он в том числе остановился на проблеме значения слова *krn.t* и подверг вышеупомянутое предположение критике³, полагая, что основания для отказа от перевода «крайняя плоть» для этого слова отсутствуют (Matić 2019: 56–65). В этой статье я намерен еще раз рассмотреть данную проблему и критику моих аргументов У. Матичем, поскольку узколокальная, на первый взгляд, египтологическая дискуссия имеет важное историческое значение. В Большой Карнакской надписи фараона Мернептах (1224–1214 гг. до н. э.) упоминается, что отличительной чертой убитых в войне 1219 г. до н. э. ливийцев были *hnn.w m krn.t* «фаллосы в *krn.t*» (Manassa 2003: Pl. 11:46, 50, Pl. 12:51; Safronov 2018: 26, табл. 1). В то же время в надписи зафиксировано, что у выступивших их союзниками племен «народов моря», в том числе, акайваша, сопоставляемых обычно с греками-ахейцами (Lehmann 1985: 51–54; Helck 1995: 112; Redford 2018: 116), *krn.t* отсутствовал. Если для этого слова принять перевод «крайняя плоть», то можно поставить под сомнение принадлежность «народов моря» 13 в. до н.э. к кругу индоевропейской культурной традиции, поскольку процедура обрезания не была распространена среди индоевропейцев⁴.

---

¹ Позднее эта статья практически без изменений вошла в виде главы в мою монографию, посвященную «народам моря» (Safronov 2018: 22–35).

² Гипотеза о том, что *krn.t* означает фаллокрипт, была впервые высказана Э. Навилем и впоследствии поддержана рядом исследователей (Naville 1910: 227–237; Bissing von 1936: 74–76; Jonckheere 1944: 59–61; Schachermeyr 1972: 147–153), см. далее.

³ По сути, краеугольным камнем критики У. Матича является озвученная почти 150 лет назад гипотеза о сопоставлении *krn.t* с лексемами из различных семитских языков со значением «крайняя плоть» (Brugsch 1876: 129), что, однако, как будет показано далее, далеко не бесспорно.

⁴ Ср. свидетельство Ветхого Завета о не практиковавших обрезание филистимлянах (1 Цар 14:6; 2 Цар 1:20).

указывал на него (Safronov 2018: 28–29). Видимо, У. Матич ошибочно понял написанное Дж. Хохом и на основании этого выдвинул свою гипотезу о метатезе плавных в слове *krn.t*.

Еще одним аргументом У. Матича в пользу перевода «крайняя плоть» для лексемы стала графема ^{◌̣}. Он замечает, что сторонники трактовки этого слова как «фаллокрипт» не обратили внимание на детерминатив ^{◌̣}, зафиксированный в словах, связанных с различными частями тела человека. Соответственно, согласно У. Матичу, этот факт указывает на *krn.t* как на часть человеческого тела, и значение «крайняя плоть» здесь подходило бы как нельзя лучше (Matić 2019: 58). Однако при этом им самим не учитывается тот факт, что знак ^{◌̣} используется и как детерминатив в словах, означающих части тела животных, например, *jwf* — «мясо (животного)» (Wb. 1: 51.14–52.5), *msdr* — «ухо (животного)» (Wb. 2: 154.13–16), *mht.w* — «внутренности, кишки (животного)» (Wb. 2: 135, 5–6), *sd* — «хвост» (Wb. 4: 363.4–364.2) и т. п. Еще Ф. фон Биссинг предположил, что *krn.t* мог представлять из себя плотно прилегающий к фаллосу чехол из кожи или ткани, поверх которого надевался кожух из пестрой материи⁶. Он сослался на раскопки Дж. Райснера в Нага эд-Дер, где были обнаружены изделия из кожи, которые американский исследователь трактовал как

⁶ Подобный кожух из материи на египетских изображениях появляется и у *кефтиу*-критян (Davies 1926: 42, fig. 1). В этой связи любопытно замечание Ф. фон Биссинга о том, что писцы времени Мернептаха могли отметить бросающееся в глаза его отсутствие у «народов моря», которые, как и кефтиу, происходили из Эгеиды и соседних районов Средиземноморья (Bissing 1936: 75–76). Однако вполне возможно, что здесь мы просто имеем дело со специфической передачей египетскими художниками одеяния критян, когда юбка изображалась в профиль, а набедренная повязка, крепившаяся к ремню, — в фас (Wachsmann 1987: 43). Но вопреки У. Матичу, эта особенность едва ли может служить доказательством того, что в случае с ливийцами мы имеем дело с подобным фронтальным изображением их одеяния (Matić 2019: 58). Например, на рельефе из святилища Рамсеса III в храмовом комплексе Мут в Карнаке мы видим битву египтян с ливийцами, где подобные изображения, на мой взгляд, можно уверенно трактовать как чехлы для фаллоса (OIP 35: Pl. 116) (рис. 1). Ср. также: МН II: Pl. 68, где фаллокрипт изображен свешивающимся набок.

чехол для фаллоса (Reisner 1909: 48, Pl. 47, d). Вероятно, фаллокрипт представлял собой кожаный чехол (возможно, и из других органических субстанций), который подвешивался к ремню на талии, что мы видим на египетских изображениях эпохи архаики (Bates 1970: 123, fig. 18, a–b)⁷. Если это так, то появление детерминатива $\textcircled{\text{S}}$ не должно особо удивлять, поскольку он просто указывает на материал, например, кожу или кишки животного, из которого был изготовлен чехол-*krn.t*⁸. Следовательно, аргумент детерминатива $\textcircled{\text{S}}$ едва ли может быть использован для подтверждения гипотезы о значении «крайняя плоть» для лексемы *krn.t*.

Вызывает недоумение и утверждение У. Матича о том, что ливийцы могли заимствовать название для обозначения крайней плоти у семитов (Matić 2019: 57). Очевидно, что это слово относится к так называемой культурной лексике⁹, которая действительно подвергается заимствованию, но этом случае «вместе с новыми реалиями заимствуются их названия» (Бурлак, Старостин 2005: 70). Однако зачем ливийцам было заимствовать обозначение крайней плоти у семитов, если они, согласно самому У. Матичу (Matić 2019: 59), не практиковали обрезание? Если в ливийском лексическом фонде и было

⁷ Подобные предметы были весьма распространены в египетской культуре додинастической эпохи, достаточно назвать мужскую статуэтку из коллекции У. Макгрегора (Safronov 2018: 30, рис. 1), две золотых мужских статуэтки из Телль эль-Фархи (Ciałowicz 2012: 88–92, fig. 12), фигурку из слоновой кости из коллекции Бруклинского музея (URL: <https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3360>, дата обращения — 29.03.2022), находки фаллокриптов в некрополе эль-Махасны (Ayrton, Loat 1911: Pl. 11:11). На последние примеры мне любезно указал Н. С. Чиж.

⁸ Ср. написание лексемы $\textcircled{\text{S}}\text{KRN.T}$ (Gardiner 1932: 71.4), означающей кожаную корзину (Lesko 2002: 206). Знак $\textcircled{\text{S}}$, который выступает детерминативом, вероятно, означал пустулу и использовался в словах, связанных с новообразованиями на теле, экскрементами и т. п. (Allen 2014: 505). Однако позже этот детерминатив применялся при обозначении вещества для дубления $\textcircled{\text{S}}\text{KRN.T}$ (Gardiner 1937: 103.7), откуда, видимо, и происходит его употребление как детерминатива в слове «кожаная корзина».

⁹ Я признателен А.С. Касьяну за консультацию по этому вопросу.

специальное обозначение для крайней плоти, то оно априори должно было быть своим собственным, в противном случае сложно себе представить необходимость его усвоения из семитских языков¹⁰. Кроме того, не совсем понятно, почему египетские писцы при составлении победных надписей Мернептаха использовали ливийское слово *krn.t* для обозначения крайней плоти, если сами египтяне практиковали обрезание и имели в своем словаре соответствующие обозначения.

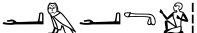
Например, в гробничной надписи эпохи Среднего царства о номархе XVI верхнеегипетского нома Хнумхотепе II говорится: ⁽¹⁸⁴⁾ ... *hk3.n=f njw.t=f m sd.t[j]* ⁽¹⁸⁵⁾ *n fh.t=f m t3m* «⁽¹⁸⁴⁾ Он (Хнумхотеп II — А. С.) правил своим городом ребенком, ⁽¹⁸⁵⁾ (когда) он не лишился (еще) крайней плоти» (Sethe 1935: 34:1). Для обозначения крайней плоти здесь использовано слово *t3m*¹¹.

Собственно, в египетском вокабулярии имеются также слова и для самой процедуры обрезания. Так, в «Стеле Пианхи» 8 в. до н.э. рассказывается о ливийских правителях Дельты, которые пришли к нубийскому царю, чтобы выразить ему свою покорность. В тексте говорится: ⁽¹⁴⁹⁾ *js gr nn n nswt.w h3.tj.w^c 4 n(j.w) t3 mh.w jj r m3(3) nfr.w Hm=f rd.wj=sn m rd.wj hm.wt n k.n=sn r pr nswt dr-n.t(j)t wn.n=sn m m^c.w hn3 kk rm.w bw.t pw n pr nswt js nswt Nmr^t k₍₁₅₂₎=f r pr nswt dr-n.t(j)t wn.n=f m w^cb n kk=f rm.w* «⁽¹⁴⁹⁾ Затем эти цари, четыре правителя северной земли пришли, чтобы узреть красоту Его Величества. Они не вошли во дворец, так как они не были обрезаны и ели рыбу, (а) это — мерзость для дворца. Только царь Немарат вошел ⁽¹⁵²⁾ во дворец, поскольку он был чистым и не ел рыбу» (транслитерация по иероглифической транскрипции: Jansen-Winkeln 2007: 349–350). В данном случае три из четырех ливийских

¹⁰ Надо сказать, что сами подобные контакты лишь постулируются У. Матичем, но ни одного их примера им не приводится.

¹¹ Эта лексема, возможно, связана с омонимичным глаголом «обтягивать, покрывать» (Wb. 1: 210.23–211.2). В этой связи любопытно, что египетский глагол «покрывать» и идентичное по написанию и этимологии слово со значением «мешок» (Wb. 1: 210.20–22) имеют параллель в южноаравийском языке харсуси, где лексема *yelfét* означает крайнюю плоть (Takács 1999: 95).

правителей предстают необрезанными, что передано лексемой *ḡmḡ.w*.

Наконец, на рельефе из гробницы Анхмахора, датируемой VI династией, мы имеем две сцены обрезания юношей, одна из которых подписана как *sb.t <jn> ḥm-k3¹²* «обрезание жрецом ка» (Kanawati, Hassan 1997: Pl. 19, 55b). Глагол *sbj* доживает до нашей эры и встречается в коптском языке как *ⲥββϵ* «иссекать крайнюю плоть» (Černý 1976: 147).

Приведенные выше примеры демонстрируют, что в египетском языке существовали как собственное обозначение крайней плоти, так и разнообразная лексика, связанная с процедурой обрезания. Поэтому не совсем ясно, зачем писцам Мернептаха потребовалось бы использовать ливийское обозначение крайней плоти, чтобы охарактеризовать ливийцев как не знающих обрезания, а «народы моря» — как практиковавших эту процедуру. Кроме того, пример из стелы Пианхи показывает, что ливийский правитель Немарат был обрезан, в то время как другие царьки — нет. Это свидетельствует, что некоторые ливийские племена также могли практиковать обрезание. Понятно, что текст стелы относится к VIII в. до н. э., и переносить его данные на ливийцев, живших примерно на пятьсот лет ранее, было бы неосмотрительно, если бы не одно свидетельство XII в. до н. э.

На рельефах в заупокойном храме Рамсеса III в Мединет Абу мы встречаем изображения отрубленных *ḳrn.t* у павших в войнах с египтянами ливийцев (МН I: Pl. 22; МН II: Pl. 75). То, что изображено на этих рельефах, скорее напоминает не фаллос как таковой, но некий обтягивающий его чехол (рис. 2). В то же время есть изображение подсчета трофеев ливийской кампании 5-го года Рамсеса III, где отрубленные *ḳrn.t* изображены уже не как некие футляры, но уже как фаллосы с тестикулами, причем некоторые из них представлены обрезанными, а другие — нет (МН I: Pl. 23). Любопытно, что фаллосы, подписанные как *ḳrn.t*, на этом рельефе изображены единственный раз в общей куче с отрубленными руками (рис. 3). Однако здесь же имеются и другие композиции с отрубленными руками и предметами, подписанных *ḳrn.t*, которые демонстрируют, что египетские

¹² Об анализе этой сцены в гробнице Анхмахора и восстановлении *jn* см.: Westendorf 1999: 468–469.

художники в остальных случаях скрупулезно отделяли кучи трофеев друг от друга в зависимости от того, из чего они состояли (МН I: Pl. 23).

Какое же этому может быть объяснение? Вероятно, участвовавшие лично в кампании 5-го года Рамсеса III военные художники, с зарисовок которых впоследствии создавались рельефы Мединет Абу (Wachsmann 2000: 108), весьма реалистично изобразили подсчет трофеев. В том случае, если египетские воины не знали, следует ли отнести отрубленный фаллос к фаллокриптам-*krn.t*, они бросали его вместе с отрубленными руками в одну кучу, хотя позднее по инерции при создании рельефов их подписали как *krn.t*.

Но как же тогда можно объяснить присутствие в одной куче обрезанных и необрезанных фаллосов? Как мы знаем, в ливийской кампании 5-го года Рамсеса III участвовала целая коалиция ливийских племен — ребу, сепед, машваша (KRI V: 22:12), а также, видимо, исебет, кекеш, шай, хаса, бекен¹³ (Erichsen 1933: 93.15–16). Возможно, часть из этих племен практиковала процедуру обрезания, а другие — нет¹⁴, что совпадает с вышеупомянутыми данными «Стелы Пианхи» об обрезанных и необрезанных представителях ливийских племен¹⁵.

¹³ В надписи 5-го года Рамсеса III в Мединет Абу эти племена не встречаются, однако они упомянуты в рHarris I. Поскольку нам известны только две ливийских кампании Рамсеса III — 5-го и 8-го годов его правления, а также то, что в последней войне против египтян сражались только машваша, упомянутые в рHarris I остальные ливийские племена следует соотносить с их нападением на Египет на 5-м году правления Рамсеса III. Единственное упоминание ребу и сепед во второй ливийской войне (Widmer 1975: 76, Та. 3), видимо, следует признать анахронизмом.

¹⁴ Схожее предположение уже высказывалось Ю. Озингом, который также указывал на обсуждаемый рельеф, однако на основании надписей Мединет Абу приписывал обрезание только племени *seped*, не упоминая другие племена из рHarris I (Osing 1980: 1030, Anm. 96). Гипотеза, согласно которой в упомянутой сцене, на самом деле, подразумеваются только необрезанные фаллосы, а обрезанные экземпляры являются египетским иероглифом , преобразованным в элемент композиции (O'Connor 1990: 53), не кажется убедительной.

¹⁵ Факт того, что одни ливийцы могли практиковать обрезание, а другие — нет, не должен особенно удивлять. Например, согласно

Этот вывод аннулирует значимость аргумента папируса EA 74100¹⁶, который У. Матич привел для подтверждения предположения о незнакомстве ливийцев с процедурой обрезания. На папирусе, найденном в эль-Амарне и датирующимся XVIII династией, изображена батальная сцена с участием египтян и ливийцев (Parkinson, Schofield 1995: 125–126, pl. 8). Один из фрагментов содержит сильно поврежденное изображение двух лучников, убивающих египтянина. Как обычно считается, это — ливийцы, поскольку у них есть татуировки и накидки поверх обнаженных тел, схожие с ливийским одеянием (Schofield, Parkinson 1994: 161). Судя по изображениям, лучники показаны необрезанными¹⁷, поэтому У. Матич использовал этот факт как аргумент в пользу перевода *ḳrn.t* как «крайняя плоть» (Matic 2019: 57).

Однако вышеупомянутое указание рельефа Мединет Абу на существование обрезания у ливийцев фактически делает свидетельство папируса 74100 малозначимым для рассматриваемой в данной статье проблемы¹⁸.

В Большой Карнакской надписи также несколько раз встречается упоминание об отсутствии *ḳrn.t* у «народов моря»¹⁹

Ветхому Завету, хиввиты Сихема в Северной Палестине, которых некоторые считали аморейским племенем (Vöhl 1911: 66; ср., однако: Margalith 1994: 75), живя по соседству с евреями, сначала не практиковали обрезание (Быт. 34, 14).

¹⁶ URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA74100 (дата обращения: 29.03.2023).

¹⁷ Строго говоря, нельзя уверенно утверждать, что ливийские лучники на папирусе 74100 изображены необрезанными. Существует возможность, что художник в данном случае просто схематично изобразил их фаллосы без детализации. Однако подтвердить или опровергнуть это из-за отсутствия схожих изображений не представляется возможным.

¹⁸ Сложно комментировать утверждение У. Матича о том, что фаллосы на папирусе 74100 изображены в той же цветовой гамме, что и на восточной стене первого двора Мединет Абу, где содержится изображение подсчета *ḳrn.t* в кампании 11-го года правления Рамсеса III. Это, якобы, свидетельствует, что *ḳrn.t* и обозначались сами фаллосы с крайней плотью. На мой взгляд, краски на этой сцене не сохранились (рис. 2), в чем я мог убедиться, лично осмотрев данную сцену в ноябре 2021 года.

¹⁹ См. стк. 52–53: *bn n=w ḳ[rn.t]* «не было у них *ḳrn.t*»; стк. 54 *n.tj(w) mn m-dj=w ḳrn.t* «у которых не было *ḳrn.t*» (Manassa 2003:Pl. 12).

и о том, что египтяне для подсчета павших рубили у северян кисти рук (Manassa 2003: Pl. 12). В историографии неоднократно высказывалась гипотеза об отсутствии *krn.t* только у акайваша, в то время как о других «народах моря» этого якобы не говорится (Astour 1965: 355; Helck 1995: 112; Lehmann 1985: 54; Lehmann 2011: 79; Tsymbursky 1994: 46). На самом деле, подобная точка зрения вызвана сильными повреждениями Большой Карнакской надписи 5-го года правления фараона Мернептаха, где эта лексема, по-видимому, встречается не только в связи с акайваша, но и с прочими племенами северян.

В строке 52 Большой Карнакской надписи указывается следующее: ⁽⁵²⁾ [.....*Šr*]dn.w *Škrs.w Jkwš.w n n3 h3s.wt n p3 ym bn n=w k[rn.t....] ²⁰ «⁽⁵²⁾ [.....ша]рдана, шакалуша, акайваша чужеземных стран моря, у которых не было *krn.t*». Теоретически можно связать лексему *krn.t* только с ахейцами. Однако указание на множественность стран едва ли может относиться лишь к одним акайваша, но скорее объединяет под этим термином племена шардана, шакалуша, акайваша, а также, по-видимому, и оставшиеся «народы моря» — турша и луку, имена которых, вероятно, находились в лакуне первой части строки 52²¹.*

Это можно косвенно подтвердить примером из «Стелы Атрибиса», где говорится о той же войне 1219 г. до н.э., и в строке 13 упоминается следующее: ⁽¹³⁾ [.....] s 200 *Jkwš.w n3 h3st.jw n p3 ym jn.n p3 wr hs.j* «⁽¹³⁾ [.....] 200 человек. Акайваша (и) обитатели чужеземных стран моря, которых привел презренный вождь» (KRI IV: 22:8).

К сожалению, исходя из самого текста, нельзя определить, как словосочетание «обитатели чужеземных стран» соотносится здесь с предшествующим этнонимом акайваша. Формально это выражение может характеризовать только лишь одних ахейцев (Mertens 1960: 76). Однако, как представляется, акайваша в данном случае скорее выделяются египетскими писцами как наиболее многочисленная сила в коалиции «народов

²⁰ Транслитерация по: Manassa 2003: Pl. 12.

²¹ Ср. строку 1 Большой Карнакской надписи, где все союзные ливийцам племена «народов моря» определяются как *mh.tjw jw[w] n t3.w nb.w* «северяне, пришедшие из всех стран» (Manassa 2003: Pl. 2:1).

моря»²². Поэтому это место, видимо, следует переводить как «акайваша (и) обитатели чужеземных нагорий моря»²³, где под последними подразумеваются представители прочих племен «народов моря». Это предположение подтверждается и следующей строкой 14 стелы Атрибиса, где упоминается количество павших воинов «народов моря»: ⁽¹⁴⁾ [.....] *kr.w s 1213 Škrš.w s 200 Trš.w s 720* (KRI IV, 22:8) «[.....] «⁽¹⁴⁾ [.....акайваша] — (отрубленных) кистей рук у 1213 человек, шакалуша — у 200 человек, турша — у 722 человек»²⁴. Таким образом, словосочетание «акайваша (и) обитатели чужеземных стран моря» в предыдущей строке 13 следует, вероятно, считать «шапкой», за которым следовало перечисление количества всех павших «народов моря».

В Карнакской же надписи, напротив, все «народы моря», в том числе, и акайваша обозначены как обитатели «чужеземных стран моря, у которых не было *krn.t*». Таким образом, египетские писцы четко указывали различие в двусоставном войске

²² О численности акайваша см., например: Helck 1995: 111. Ср. также надпись Мернептаха о победе над ливийцами и северянами на колонне из Гелиополя, где среди племен «народов моря» выделяются шакалуша, в то время как другие обозначены обобщенно как «все чужеземные нагорья» (Bakry 1973: Pl. 1).

²³ Ср. со строками 5–6 Асуанской стелы Рамсеса II, где о фараоне говорится: *swšh.n=f tš.w=s.t n d.t fh St.tjw hšk dmj.w.t=sn* ⁽⁶⁾ *ptpt.n=f hšs.tjw mh.tjw Tmh.w hr.w n hr.yt=f St.tjw hnr n tšw=f* «Он расширил ее границы (Кемет/Египта –А.С.) навечно, уничтожив азиатов и захватив их города. ⁽⁶⁾ Он растоптал обитателей северных нагорий. Ливийцы пали из-за ужаса перед ним, азиаты рассеялись от его дыхания» (транслитерация по: KRI II: 344:14–15 – 345: 1). Здесь мы видим упоминание врагов Египта на западе (ливийцы), северо-востоке (азиаты) и севере (жители северных чужеземных стран). Последние обозначены как *hšs.tjw mh.tjw* «обитатели северных чужеземных нагорий» и, вероятно, являются таким же собирательным определением для народов Эгеиды и Средиземноморья, как и *hšst.jw n pš ym* «обитатели чужеземных нагорий у моря» надписей Мернептаха. Это подтверждается и упоминанием знаменитого племени «народов моря» шардана в строке 8 той же Асуанской стелы, где они обозначены как ⁽⁶⁾ *hš.w n.jw Wšd-wr š š mh.w* «воины Великой Зелени, великого северного озера (т. е. моря — А.С.)» (KRI II: 345: 3).

²⁴ Количество павших воинов племен луку и шардана в стеле Атрибиса не сохранились.

противников: если ливийцы идентифицируется по фаллосам с *krn.t*, то у «народов моря» того, что обозначала эта лексема, не было (ср.: Tymbursky 1994: 46)²⁵.

Если считать *krn.t* эквивалентом «крайней плоти» (Manassa 2003: 55–56; Matić 2019: 56), то факт ее отсутствия у тех «народов моря», чье происхождение едва ли вызывает большие сомнения²⁶, может быть использован как аргумент в пользу существования обычая обрезания у индоевропейских племен, что, само по себе, является нонсенсом. Понимая это, сторонники перевода слова *krn.t* как «крайняя плоть» указывают, что мы ничего не знаем об интимных сторонах жизни, например, ахейцев, и изображений их обнаженными не так много, и все они не могут пояснить, практиковали ли греки II тыс. до н.э. обрезание (Matić 2019: 58–59). Поэтому уже давно высказывалось предположение, что этот обычай мог появиться у микенских греков под влиянием семитских народов (Astour 1965: 356–357; Tymbursky 1994: 46). Однако подобный *argumentum ex silentio* не следует воспринимать как некое имеющее серьезную доказательную силу предположение.

Во-первых, помимо ахейцев в число «народов моря» времени Мернептаха входили луку–ликийцы, о которых нам известно благодаря анатолийской письменной традиции бронзового века несравненно больше микенских греков. Но никаких упоминаний о существовании обычая обрезания у этих племен ни в хеттских, ни в лувийских текстах нет. Кроме того, не совсем понятно, почему обычай обрезания должен был закрепиться, например, в среде ахейских греков или обитателей северо-

---

²⁵ Любопытно, что в войне 5-го года Рамсесе III египтяне рубят чехлы–*krn.t* и руки уже только у ливийцев. Данный факт не получил сколь-нибудь внятного объяснения (см., например, Matić 2019: 60–65). На мой взгляд, можно предположить, что египтяне таким образом хотели разделить убитых, поскольку опять-таки столкнулись с большой коалицией ливийских племен.

²⁶По крайней мере, три племени с определенной степенью надежности сопоставляются с ахейцами (акайваша), ликийцами (луку) и обитателями Сардинии (шардана) (Drews 1993: 49–50; Cline, O’Connor 2003: 111–114; Redford 2018: 113–11). Что касается шакалуша и турша, то это дискуссионный вопрос (Redford 2018: 116–117, 120–121), хотя последние, вероятно, происходят с северо-запада Анатолии (Safronov 2015: 806–808).

запада Малой Азии турша, которые обитали в гораздо более суровом климате, чем те же семиты Сирии-Палестины или египтяне, а потому «гигиенические» предпосылки появления обычая обрезания у этих племен едва ли могли возникнуть²⁷.

Как уже упоминалось, многие исследователи трактовали *krn.t* как фаллокрипт (см. прим. 2 — А. С.). У истоков этой гипотезы стоял Э. Навиль, который первым предположил, что египетское слово могло означать защитный чехол для фаллоса (Naville 1900: 70–71; Naville 1910: 227). Хорошо известный по этнографическим данным, фаллокрипт встречается у племен Африки, Южной Америки, Океании и Новой Гвинеи (Ucko 1970: 32–36; Lévi-Strauss 1960: 221, 233–234). Необходимость его ношения могла быть вызвана совершенно различными причинами — от этнической идентификации (Ucko 1970: 37–38) до гигиенических целей (Jonckheere 1944: 59). Любопытно, что некоторые описанные этнографами сообщества использовали фаллокрипт только во время войны или военного танца (Ucko 1970: 44, 53)²⁸.

Однако критики этой гипотезы указывали на то, что на известных подписанных изображениях *ребу*–ливийцев они носят передник, и у них отсутствует фаллокрипт (Cooney 2009: 47, 50–51)²⁹. Следовательно, по их мнению, в надписях Мернептаха, где упоминаются *krn.t* *ребу*–ливийцев, речь должна идти не о чехле для фаллоса, но о крайней плоти. Однако, как представляется, этот вывод сомнителен.

Как уже говорилось, данное предположение строится путем экстраполяции данных рельефов Рамсеса III в Мединет Абу на ливийцев времени правления Мернептаха, чьи батальные сцены кампании 1219 г. до н.э. не сохранились. Однако рельефы из

---

²⁷ То же самое можно сказать и о религиозных предпосылках, которых у греков, вероятно, также не существовало.

²⁸ У. Матич назвал попытки исследователей провести параллели между *krn.t* и фаллокриптом «сомнительной формальной аналогией» (Matić 2019: 58–59). Замечу только, что простое повторение гипотезы о заимствовании ливийской лексемы из семитских языков без серьезных аргументов представляется еще более сомнительным и формальным.

²⁹ При этом наличие фаллокриптов у машваша и темеху не отрицается, но связь этих племен с ливийцами, правда, без серьезных аргументов, признается проблематичной (Cooney 2009: 47, 50).

заупокойного храма Рамсеса III содержат достаточно противоречивую информацию. Например, на рельефе, где ребу-ливийцы представлены в передниках без чехла для фаллоса, точно таким же образом изображены, судя по подписи³⁰, и другие племена — темеху и машваша³¹ (МН I: Pl. 26). В то же время в сцене сражения 5-го года Рамсеса III мы видим, что ливийцы изображены как в передниках, так и без них³², а подпись к изображению называет все племена темеху (МН I: Pl. 18). Подобное же мы встречаем и на другом рельефе, причем здесь опять же в качестве объединительного этнонима упоминается только «земля темеху»³³ (МН I: Pl. 18). Поэтому сказать точно, каким из ливийских племен по изображениям Мединет Абу присуще то или иное одеяние, строго говоря, нельзя.

Хорошим подтверждением этому служит изображение на рельефе кампании 5-го года, где некоторые павшие ливийцы, именуемые обобщенно «землей темеху», изображены с неприкрытыми половыми органами (МН I: Pl. 19). Особенно здесь примечательна фигура павшего воина, отличительной чертой которого является гипертрофированный «фаллос» (рис. 4). Размеры и форма последнего, на мой взгляд, позволяют утверждать, что мы имеем здесь дело не с человеческим органом, но с чехлом для него, очень напоминающим изображения *krrn.t* в Мединет Абу. Если это так, то пропадает всякий смысл связывать наличие фаллокрипта с тем или иным типом одеяния ливийцев, потому что одни и те же ливийские племена могли изображаться как с фаллокриптом, так и в передниках без него.

То же самое можно предполагать относительно ливийцев времени Мернептаха. Из его надписей известно, что в нападении на Египет в 1219 г. до н. э. участвовали не только ребу-ливийцы, но машваша (KRI IV: 9:6–7, 14:3–5, 21:16)³⁴ и кехеки (KRI IV: 9:1). Однако все эти племена при подсчете «фаллосов

³⁰ См. стк. 12: МН I: Pl. 26.

³¹ См. изображения машваша с фаллокриптом (МН II: Pl. 68, 70, 75).

³² Ср. также изображения машваша на одном и том же рельефе как в передниках, так и с фаллокриптами (МН II: Pl. 70, 74, 77).

³³ См. стк. 5: *B n Tmḥ.w* (МН I: Pl. 18).

³⁴ См. также упоминание мечей машваша в перечне военных трофеев (KRI IV: 9:4).

в *krn.t*» объединяются под обозначением ребу (KRI IV: 8:6–7)³⁵. Сложно сказать, все ли эти народности в правление Мернептаха практиковали ношение фаллокрипта *krn.t*, или египтяне при отсутствии чехла для фаллоса отрубали у врагов сам орган, приплюсовывая его при подсчете к фаллосам «в *krn.t*», что мы видели на рельефах Мединет Абу. Однако фаллокрипт–*krn.t*, видимо, стал той отличительной чертой, который использовали воины фараона, чтобы отделить ливийцев от «народов моря»³⁶.

Если вышеприведенные рассуждения верны, то мы можем отказаться от перевода египетской лексемы *krn.t* как «крайняя плоть» и считать ее обозначением распространенного среди ливийских племен фаллокрипта. Данная гипотеза позволяет снять затруднения в идентификации «народов моря» как племен индоевропейской культурной традиции³⁷, которые неизбежно возникают при понимании этого слова как «крайняя плоть».

---

³⁵ Ср. надпись на колонне из Гелиополя, где ливийские племена 5-го года правления Мернептаха объединяются под общим названием *p3 t3 n Rb.w* «земля Ребу» (Вакры 1973: Pl. 8).

³⁶ Мысль о классификационной оппозиции «рука–фаллос» из-за двуэтничности вражеского войска высказывалась еще В. Л. Цымбурским, который, однако, считал *krn.t* крайней плотью (Тсымбурский 1994: 46).

³⁷ Речь, прежде всего, идет об принимаемом мной отождествлении акайваша с греками-ахейцами и хеттской страной Аххиявой, на чем останавливаться подробно в данной статье невозможно. См. критику подобной позиции: Matić 2019: 58–59. Ср. также мнение Д. Редфорда, который указывает на лингвистические сложности сопоставления ахейцев с акайваша, но фактически видит в последних позднемикенских насельников острова Кос (Redford 2018: 115–116).

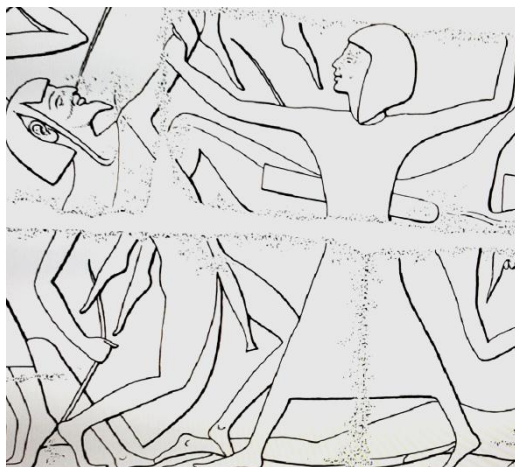

Рис. 1. Фрагмент батальной сцены с изображением ливийца в *krn.t* из храма Рамсеса III. Западная внешняя стена святилища Рамсеса III в храмовом комплексе Мут в Карнаке. По: OIP 35: Pl. 116. / Fig. 1. The fragment of the battle scene with the image of the Libyan carrying the *krn.t*. Karnak, Mut precinct, the temple of Ramses III, outer western wall. According to: OIP 35: Pl. 116.

Рис. 2. Подсчет египтянами *krn.t* после сражения кампании 11-го года правления Рамсеса III. Восточная стена первого двора храма в Мединет Абу. Фото автора, ноябрь 2021 года
 Fig. 2. Counting of the *krn.t* by the Egyptians. Second Libyan war of Ramses III. Medinet Habu, east wall of the first court. Photo by the author. November, 2021.

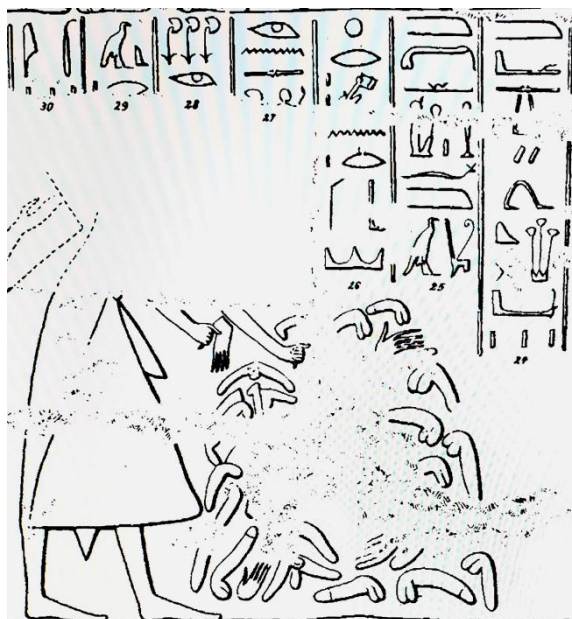

Рис. 3. Обрезанные и необрезанные фаллосы ливийцев. Кампания 5-го года правления Рамсеса III. Южная стена второго двора храма в Мединет Абу. По: МН I: Pl. 23.

Fig. 3. Circumcised and uncircumcised phalli of the Libyans. First Libyan war of Ramses III. Medinet Habu, south wall of the second court. According to: OIP 35: Pl. 116.

Рис. 4. Павший ливиец с фаллокриптом. Кампания 5-го года правления Рамсеса III. Восточная стена второго двора храма в Мединет Абу. По: МН I: Pl. 19.

Fig. 4. The fallen Libyan with penis sheath. First Libyan war of Ramses III. Medinet Habu, east wall of the second court. According to: МН I: Pl. 19.

Сокращения

- Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. Volumes 1–8. Oxford. 1975–1990.
- MH I — *Medinet Habu. Volume I: Earlier Historical Records of Ramses III*. Chicago, 1930.
- MH II — *Medinet Habu. Volume II: Later Historical Records of Ramses III*. Chicago, 1932.
- OIP 35 — Oriental Institute Publications, Volume 35 = *Reliefs and Inscriptions at Karnak, Volume II. Ramses III's Temple within the Great Inclosure of Amon, Part II; and Ramses III's Temple in the Precinct of Mut*. Chicago, 1936.
- Wb. — Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin: Akademie-Verlag; 1971.
- ZÄS — *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*.

Литература

- Albright, W. F. 1934: *The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography*. New Haven.
- Allen, J. P. 2014: *Middle Egyptian*. 3d Edition. Cambridge.
- Astour, M. C. 1965: *Hellenosemitica*. Leiden.
- Ayrton, E. R., Loat W. L. S. 1911: *Pre-Dynastic Cemetery at El Mahasna*. London.
- Bakry H. S. K. 1973: The Discovery of a Temple of Merenptah at Ōn. A. Merenptah Commemorates His Victory over the Libyans. *Aegyptus*. 53 (1/4). 3–21.
- Bates, O. 1970: *The Eastern Libyans. An Essay*. London.
- Böhl, Fr. M. T. 1911: *Kanaanäer und Hebräer*. Leipzig.
- Bissing von, Fr. W. 1936: Die angeblich beschittenen Aqaiuascha. *ZÄS*. 1936. 72, 74–76.
- Brugsch, H. 1876: Die Gruppe . *ZÄS*, 1876. 14, 121–131.
- Burlak S. A., Starostin S. A. 2005: *Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznanie* [*Comparative-Historical linguistics*]. Moskva [Moscow].
- Бурлак, С. А., Старостин, С. А. 2005: *Сравнительно-историческое языкознание*. Москва.
- Černý, J. 1976: *Coptic Etymological Dictionary*. L.; NY.; Melbourne.
- Ciałowicz, Kr. M. 2012: Votive figurines from Tell el-Farkha and their counterparts. *Archeo-Nil*. 22, 73–93.
- Cline E. H., O'Connor D. 2003: The Mystery of the 'Sea Peoples'. O'Connor D., Quirke St. (eds.) *Mysterious Lands*. London.
- Davies, N. de G. 1926: The Graphic Work of the Expedition. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. 21/3. 41–51.
- Drews, R. 1993: *The End of the Bronze Age. Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 BC*. Princeton.
- Erichsen, W. 1933: *Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription*. Bruxelles.

- Gardiner, A. H. 1932: *Late-Egyptian Stories*. Bruxelles.
- Gardiner, A. H. 1937: *Late-Egyptian Miscellanies*. Bruxelles.
- Helck, W. 1995: *Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr.* 2. Auflage. Darmstadt.
- Hoch, J. E. 1994: *Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton.
- Jansen-Winkel, K. 2007: *Inschriften der Spätzeit. Teil II: 22.–24. Dynastie*. Wiesbaden.
- Jonckheere, Fr. 1944: *Une maladie égyptienne: l'hématurie parasitaire*. Bruxelles.
- Kanawati, N. Hassan, A. 1997: *The Teti Cemetery at Saqqara. Volume II: The Tomb of Ankhmahor*. Warminster.
- Lehmann, G. A. 1985: *Die mykenisch-frühgriechische Welt und der östliche Mittelmeerraum in der Zeit der «Seevölker»-Invasionen um 1200 v. Chr.* Opladen.
- Lehmann, G. A. 2011: *Forschungen zur Alten Geschichte. Kleine Schriften*. Bd. 1. Stuttgart.
- Lesko, L. 2002: *The Dictionary of Late Egyptian*. Volume 1. 2nd Edition. Fall River.
- Lévi-Strauss, Cl. 1960: *Traurige Tropen*. Köln; Berlin.
- Manassa, C. 2003: *The Great Karnak Inscription of Merneptah: Grand Strategy in the 13th Century BC*. New Haven.
- Margalith, O. 1994: *The Sea Peoples in the Bible*. Wiesbaden.
- Matić, U. 2019: *Body and Frames of War in New Kingdom Egypt. Violent Treatment of Enemies and Prisoners*. Wiesbaden.
- Mertens, P. 1960: Les Peuples de la Mer. *Chronique d'Égypte*. 35 (69–70), 65–88.
- Militarev A., Cogan L. 2000: *Semitic Etymological Dictionary, Volume 1. Anatomy of Man and Animals*. Münster.
- Naville, E. 1900: Figurines égyptiennes de l'époque archaïque. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*. 22, 65–71.
- Naville, E. 1910: Le mot . *Sphinx*. 13, 227–237.
- O'Connor, D. 1990: The Nature of Tjemhu (Libyan) Society in the Later New Kingdom. In: Leahy A. (ed.) *Libya and Egypt c1300–750 BC*. 29–114.
- Osing, J. 1980: Libyen, Libyer. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. 3. Wiesbaden, 1980. 1015–1033.
- Parkinson R., Schofield, L. 1995: Images of Mycenaeans. A Recently Acquired Painted Papyrus from el-Amarna. In: Davies V., Schofield, L. (eds.). *Egypt, the Aegean and the Levant*. 125–126.
- Redford, D. 2018: *The Medinet Habu Records of the Foreign Wars of Ramses III*. Leiden; Boston.
- Reisner, G.A. 1909: *The Early Dynastic Cemeteries of Naga-et-Dêr*. Pt. 2. Leipzig.

- Safronov, A. V. 2010: [Never Existed Custom of Circumcision among the Achaeans (the Meaning of Egyptian World *krnt*)]. *Vestnik MGOU. Seriya «Istoriya i politologiya»* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]. 1, 107–113.
- Сафронов, А. В. 2010: Несуществующий обычай обрезания у греков-ахейцев (значение египетской лексемы *krnt*). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 1, 107–113.
- Safronov, A. V. 2015: [The Greek tradition about Tyrsenians and Pelasgians in Anatolia and its Egyptian counterparts]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 19, 803–810.
- Сафронов, А. В. 2015: Греческая традиция о пеласагах и тирсенах в Анатолии и ее египетские соответствия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 19, 803–810.
- Safronov, A.V. 2018: *Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor'ya v 14–12 vv. do n.e.* [Essays on the history of the Eastern Mediterranean in the 14th and 12th centuries BC]. Moskva [Moscow].
- Сафронов, А. В. 2018: *Очерки по истории Восточного Средиземноморья в 14–12 вв. до н.э.* М.
- Schachermeyr, Fr. 1972: *Hethiter und Achäer*. Neudruck der Ausgabe 1935. Osnabrück.
- Schofield, L. Parkinson, R. 1994: Of Helmets and Heretics: A Possible Egyptian Representation of Mycenaean Warriors on a Papyrus from El-Amarna. *The Annual of the British School at Athens*. 89, 157–170.
- Sethe, K. 1935: *Urkunden des Mittleren Reiches*. Leipzig.
- Takács, G. 1999: *Etymological Dictionary of Egyptian. Volume One: A Phonological Introduction*. Leiden; Boston; Köln.
- Tsybursky, V. L. 1994: [The Greeks in the campaigns of the Sea Peoples? (Egyptian Marginalia to the Trojan War Theme)]. *Vostok [East] (Oriens)*. 1, 39–58.
- Цымбурский, В. Л. 1994: Греки в походах «народов моря»? *Восток (Oriens)*. 1, 39–58.
- Ucko, P. J. 1970: Penis Sheaths: A Comparative Study. *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland for 1969*. 24–67.
- Wachsmann, Sh. 2000: To the Sea Peoples of the Philistines. In: Oren E. (ed.) *The Sea Peoples and Their World: A Reassessment*. Philadelphia, 103–143.
- Westendorf, W. 1999: *Handbuch der altägyptischen Medizin*. Bd. 1. Leiden; Boston; Köln.
- Wachsmann, Sh. 1987: *Aegeans in the Theban Tombs*. Leuven.
- Widmer 1975: Zur Darstellung der Seevölker am Großen Tempel von Medinet Habu. *ZÄS*. 102, 67–77.

НОШЕНИЕ ОРУЖИЯ В САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ по материалам речей Цицерона

Отношение к ношению оружия в Риме во времена Республики остаётся неясным. Фрагменты, дошедшие до нас в *Corpus iuris civilis* и Институциях Гая, описывают более поздний период, причём весьма фрагментарно. При этом оружие прочно связано с обычаями и с границами между священным и обыденным. Речи Цицерона являются источником, позволяющим изучить римские практики, связанные с ношением оружия. Появление вооружённого человека в храме и других сакральных пространствах всегда осуждается, невзирая на отсутствие специальных законов, и приравнивается к вмешательству в ауспиции.

Ключевые слова: Цицерон, речи Цицерона, оружие, римские обычаи, римское право, границы, храмы.

I. S. Selivanov

Moscow Institute of Physics and Technology /Lomonosov Moscow State University.Russia
selivanov.is@mipt.ru

Bearing arms in sacred spaces in the Late Republic according to Cicero's speeches

The attitude to the bearing of arms in Rome during the Republic remains vague. The fragments extant in the *Corpus iuris civilis* and the *Institutes* of Gaius describe a later period, and in a very fragmentary way. At the same time, weapons are deeply connected with customs and with the boundaries between the sacred and the profane. Cicero's speeches can be regarded as a source that allows us to study Roman practices relating to the bearing of weapons. The appearance of an armed man in the temple or other sacred spaces is always condemned, despite the absence of specific laws, and is considered to be an obstruction of the auspices.

Keywords: Cicero, Cicero's speeches, weapons, Roman customs, Roman law, borders, temples.

В современной историографии не существует чёткой картины отношения к личному оружию в античную эпоху, и особенно в Риме. Этот вопрос актуален и сегодня: ведь как современные сторонники упрощения гражданского оборота

оружия, так и его противники зачастую основываются на своих представлениях о Древней Греции и особенно — Риме (Halbrook 2013: 10; Johnson 2012: 52; Lane 2013; McClurg, Kopel, Denning 2006: 135). Источниковая база в последнем случае особенно невелика. Наиболее полная подборка фактов приводится у Моммзена:

1. Ношение оружия несвободными в Египте и Сицилии во времена Республики каралось смертной казнью. (Mommsen 1899: 80). Моммзен ссылается на указ префекта Египта и единичную, хотя и яркую реплику Цицерона о том, как за убийство опасного зверя рогатиной раба распяли (*quaesisse Domitium qui tantam bestiam percussisset; illum respondisse, venabulo; statim deinde iussu praetoris in crucem esse sublatum*) (Cic. Ver. 2.5.7).
2. Ношение оружия могло считаться нарушением общественного порядка, а не уголовным преступлением (Mommsen 1899: 543).
3. Вывоз оружия и железа вообще в правление Маркиана карался смертной казнью (*ibid*: 548).
4. Нахождение вооружённых людей в городе являлось преступлением против величия (здесь Моммзен ссылается на Дигесты, а именно — на реплику Ульпиана) (*ibid*: 562–564). (*quo armati homines cum telis lapidibusve in urbe sint convenientve adversus rem publicam*) (Dig. 48. 4. 1. 1). Современные исследователи считают, что закон относился к сакральным нормам (Щеголев 1997: 62).
5. Ношение оружия вне дома при Сулле могло считаться уликой либо доказательством покушения на убийство (*crimen inter sicarios*) (Mommsen 1899: 629).
6. Ношение оружия в публичных местах и владение оружием для злоупотребления им также каралось по Закону Юлия о публичном насилии (являясь аспектом *seditio* – преступлением против величия) (Mommsen 1899: 657–658).

Тем не менее в Риме, как следует из одного отрывка из Саллюстия (Iug. 35), даже и чужеземцу нетрудно было быстро найти профессионального убийцу — мастера своего дела, который не стал бы отказываться от употребления того же оружия, что и в бою (*obtruncat*; ср., напр., *ibid*. 97, 15).

Иными словами, даже наиболее полный и тщательный анализ правовых источников представляет в наше распоряжение лишь набор несвязанных положений. Упоминание случаев убийств в Риме с использованием оружия (за исключением отцеубийства) является очень редким (Cloud 2009: 154).

В то же время важность оружия для римлян несомненна. Достаточно вспомнить ритуал смазывания жиром оружия

Квирина, проводимый фламином Портуна, что должно было способствовать миру (Dumézil 2018: 362), или предполагаемый запрет на нахождение с оружием в померии. Вопрос о последнем является крайне сложным. Последние критические исследования показывают, что речь скорее шла не о жёстком запрете, а о сложнореконструируемом обычае (Emmelius 2021: 161–176). Личное оружие связано с границами (реальными или воображаемыми) тех пространств, где его можно или нельзя носить: нам известно, что померий окружал сакральное пространство (*templum*) и обозначал его границу, а не городскую (Коптев 2011: 49).

В этой связи представляется интересным изучить отношение к ношению оружия в римских храмах: при их создании в словесных формулах обязательно обозначались границы, которые упоминались и в храмовых уставах (Smorchkov 2012: 251–252). Однако не следует полагать, что священные рубежи были чёткими и определёнными: практика постройки храмов военачальниками раздвигала границы храмовой территории. Причина этого в том, что на строительство можно было истратить долю военной добычи, находящейся в личном распоряжении командующего (*manubiae*), что делало храм его персональным проектом, несмотря на роль Сената (Russel 2011: 89).

В качестве источника нами были выбраны речи Цицерона, так как его сведения особенно ценны, но при интерпретации требуют сбалансированного подхода (Plessis 2018: 5).

Речи представляют собой особенно богатое отражение римской действительности по следующим причинам:

во-первых, римский суд разрешал представительство и потерпевшей стороны, и подсудимого, во-вторых, прения проходили устно, а не письменно, в-третьих, суд вели не «профессионалы», т. е. неспециалисты, в-четвёртых, судьям предоставлялась полная свобода в трактовке заявлений сторон, а в-пятых — суды проходили публично. Всё это делает корпус цicerоновских речей незаменимым и уникальным источником, дающим возможность понять не только букву, но и дух римского закона.

При выяснении роли оружия нужно определить, что именно Цицерон подразумевал под этим. Анализ семантического поля речей даёт возможность разделить его на категории.

Каждый из приведённых терминов широко использовался в различных узусах: всеобщее вооружение, бунт, самооборона и т. п. Редкость использования отдельных видов оружия говорит

не об особом отношении, а лишь о том, что ком земли сложнее использовать, чем меч.

I. Оружие в самом общем виде:

1. *Arma*, ае — означает оборонительное оружие в наиболее широком значении (OLD 2012, 2а, р. 187).
2. *Ferrum*, і — означает как и оружие в общем смысле, так и то, что сегодня бы назвали холодным оружием (OLD 2012, 3, 4, 5, р.758).
3. *Gladius*, і — означает меч, а также оружие в собирательном смысле (OLD 2012, 1, 2, р. 840).
4. *Misro*, *onis* — означает меч, его остриё, иногда — оружие в общем смысле, встречается редко (OLD 2012, 1, р. 1254).
5. *Telum*, і — означает наступательное оружие, часто — копьё. (OLD 2012, 1, 2, р. 2107).
6. *Feramentum*, і — используется редко, означает оружие в широком смысле (OLD 2012, 1, р.758).

II. Отдельные виды оружия:

1. *Clava*, ае — палица, дубинка (OLD 2012, 1, р. 365)
2. *Fustis*, *is* — дубина (OLD 2012, 2, р. 825).
3. *Venabulum*, і — рогатина, копьё для охоты. (OLD 2012, 1, р. 2232).
4. *Sica*, ае — кинжал, клинок (OLD 2012, 1, р. 1933).
5. *Securis*, *is* — топор (OLD 2012, 1, р. 1899).
6. *Pilum*, і — тяжёлое копьё (OLD 2012, s. v. *pilum* 2, 1, р. 1518).
7. *Sagitta*, ае — стрела (OLD 2012, 1, р. 1851).
8. *Falx*, *is* — изогнутый меч, серп, вообще сельскохозяйственное орудие с искривлённым лезвием (OLD 2012, 1, р. 739).

III. Импровизированное оружие:

1. *Lapis*, *is* — камень, которым осуществляется избивание или закидывание (*lapidatio*). (OLD 2012, 2а, р.1102)
2. *Saxum*, і — большой камень, булыжник. (OLD 2012, 1б, р.1870)
3. *Glaeba*, ае — ком земли. (OLD 2012, s.v. *gleba*, 1а, р. 841)
4. *Fragmentum*, і — речь идёт о частях забора (палках или кольях), которыми забили Тиберия Гракха. (OLD 2012, 1, р. 802)

IV. То, что горит:

1. *Sarmentum*, і — палка, ветка (OLD 2012, 1, р. 1865).
2. *Lignum*, і — горючие материалы (дрова). (OLD 2012, 1, р. 1133).
3. *Fax*, *is* — факел, часто дополняющий оружие при описании бунта или гражданской войны (OLD 2012, 5, р. 748).

Одним из самых интересных и распространённых узусов ношения оружия в речах Цицерона является ношение оружия в

таких местах, как храмы, форумы и суды. Эти публичные пространства перечисляются как одновременно (обычно при обвинении кого-либо), так и по отдельности. При этом остаётся невыясненным вопрос, на каком основании оружие было нежелательным в этих местах — были ли тому причиной частные культы, некие законы или обычай предков.

Одно из самых подробных описаний вооружённого погрома приводится в речи против Гая Верреса (о предметах искусства). Дело происходило на Сицилии, и вооружённые рабы по приказу Верреса вторглись в храм Агригента (процесс взлома описан весьма тщательно), избив при этом стражников и хранителей храма, и попытались украсть статую божества. Называются конкретные виды оружия, а не общие термины типа *arma, telum, ferrum*. «Qui primo cum obsistere ac defendere conarentur, male mulcati *clavis* ac *rustibus* repelluntur» (Cic. *Ver.* 2. 4. 94). «Вначале они попытались оказать сопротивление и защитить храм, но их отогнали, избив палицами и дубинами». Поскольку описываемое происходит не в Риме, можно думать или об ограничениях на появление вооруженного человека в границах померия, постулируя связь такого действия со святотатством в публичном месте, или полагать, что такого рода представления распространялись на все города.

В речи за Суллу (родственника диктатора) разгон суда при помощи оружия перечисляется в списке невероятных преступлений Автрония, рядом с разграблением храмов союзников. Насилие, примененное к суду, описано так (*Sul.* 15.14): «Ille ambitus iudicium tollere ac disturbare primum conflato uoluit gladiatorum ac fugitiuorum tumultu, deinde, id quod uidimus omnes, lapidatione atque concursu» («Он пожелал устранить и разогнать суд, рассматривавший дело о подкупе, сначала подняв мятеж, с помощью гладиаторов и беглых рабов, затем — мы все видели это — градом камней и уличными потасовками»); помощь Автрония Катилине — так: «postremo eiecto siue emisso iam ex urbe Catilina, ille arma misit, cornua, tubas, fasces, signa legionis» (Cic. *Catil.* 2.6.13): «Наконец, после того как Катилину уже изгнали, вернее, выпустили из Рима, тот отправил ему оружие, рожки, трубы, связки, знаки легиона».

Очевидно, сам по себе разгон суда без оружия не вызвал бы такого отношения и не мог быть использован в этом перечне. И всё же, кажется, что осуждается именно оружие в храме, вне зависимости от того, происходит ли его взлом. Ведь именно это ставит в укор Цицерон Клодию (убийство которого будет потом

оправдывать) в речи «О своём доме» «*cum arma in aedem Castoris comportabas*», «когда ты сносил оружие в храм Кастора» (Cic. *Dom.* 21.54), затем обвиняя его в том, что тот заполнил форум толпами вооружённых людей, «*cum forum armatis cateruis perditorum hominum possideres*» (Ibid. 42.110). В речи *Pro Sestio* осквернение храма и осквернение форума оружием фактически уравниваются – в храм вносят оружие, а на форум приходят вооруженные люди: «*Isdemque consulibus arma in templum Castoris palam comportabantur, gradus eiusdem templi tollebantur, armati homines forum et contiones tenebant, caedes lapidationesque fiebant; nullus erat senatus, nihil reliqui magistratus: unus omnem omnium potestatem armis et latrocinii possidebat*» (*Sest.* 15.34): «При тех же консулах открыто сносили оружие в храм Кастора, разбирали ступени этого храма, вооруженные люди занимали форум и места народных сходок; людей убивали и побивали камнями; не было ни сената, ни прочих должностных лиц; один человек, опираясь на вооруженных разбойников, обладал всею властью». И далее (15.35): «*arma essent in templis, armati in foro*», «хотя оружие было в храмах, вооруженные люди — на форуме». И, ближе к концу, Цицерон вновь перечисляет три пространства, ставших небезопасными — форум, храмы, курию, и добавляет, что теперь здесь тому, кто отражает железо и огонь от своих алтарей и очагов, кто хочет в этих трех местах быть в безопасности, тому для спокойствия нужно обзаводиться охраной: «*qui ab aris focis ferrum flammamque depellit, qui sibi licere uolt tuto esse in foro, in templo, in curia, iure praesidium comparat*» (42.90), что в его речах вообще является чрезвычайным обстоятельством.

В одной из самых интересных для изучения отношения к оружию речей (несмотря на модификацию), *Pro Milone*, защищаемый даже подвергается обыску на предмет наличия оружия — ему приходится обнажить своё тело в священнейшем храме («*in sanctissimo templo*») (Cic. *Mil.* 24.66). Символом всеобщего бесчиния выступает повторное перечисление триады публичных мест, захваченных людьми с оружием: факелы возле курии, серпы (*falcibus*) возле храма Кастора, мечи на форуме (Cic. *Mil.* 33. 91). Интересно, что в речи против Публия Ватиния при перечислении его проступков занятие вооружёнными людьми храма («*num armatis hominibus templum tenuerit*») стоит рядом с осквернением священных церемоний («*num religiones polluerit*») и принятием законов, препятствующим ауспiciям («*num legem*

aliquam Cornelius contra auspicia tulerit», Cic. Vat. 2. 5). Пизона, за то, что оружие было помещено в храм, Цицерон называет предателем всех храмов (*o proditor templorum omnium*) (Cic. Pis. 5. 11). Здесь же Цицерон возмущается тем, что оружие попало в храм Кастора днём, без всякого стыда (*arma in templo Castoris luce et palam comportarentur*) (Cic. Pis. 10. 23).

Как ни странно, в «Филиппиках», в итоге стоивших Цицерону жизни, Марк Антоний обвиняется в проникновении с оружием на запретную территорию не так уж часто (впрочем, других обвинений хватало), и большая их часть сконцентрирована во второй «Филиппике». Сенат, бывший центром мира, заменён вооружёнными негодяями, а вооружённые люди ходят прямо между сидений храма (*Phil. 2.8.19*): «*cliui Capitolini mentionem facere, cum inter subsellia nostra uersentur armati, cum in hac cella Concordiae, di immortales, in qua me consule salutare sententiae dictae sunt, quibus ad hanc diem uiximus, cum gladiis homines collocati stent*», «упоминать Капитолийский склон, когда между нашими скамьями расхаживают люди с оружием, когда в этом святилище Согласия, бессмертные боги, где в мое консульство произносились спасительные сентенции, благодаря которым мы еще дожили до сегодняшнего дня, стоят размещенные люди с мечами».

Антонию припоминают и появление на форуме с мечом при попытке убить Клодия. Цицерон обвиняет Антония в трусости — он опирается только на оружие в храме: «*haec tu cum per me acta meminisses, nisi illis quos uidemus gladiis confideres, maledictis me prouocare ausus esses?*», «Помня эти мои дела, разве ты отважился бы бросить бранью мне вызов, если бы не опирался на мечи, которые у нас перед глазами» (*Phil. 2.18.46*).

Назвав Марка Антония первым частным лицом, открыто окружившим себя в Риме вооружённой толпой, Цицерон упоминает и Цинну, Суллу и Цезаря, говоря, однако, о том, что они свое оружие скрывали, а сейчас мечи носят открыто, и варвары с луками окружили храмы: Цицерон гневно восклицает, что наиболее бесчестным — не только видеть это, но и слышать — является то, что в храме скопились люди с оружием, бандиты и убийцы: «*illud vero taeterrimum non modo aspectu sed etiam auditu, in cella Concordiae conlocari armatos, latrones, siccarios*» (Cic. Phil. 5. 7.18).

Проанализировав корпус Цицерона на предмет статуса ношения оружия в публичных местах, удалось найти единственное упоминание, указывающее на безразличное отношение к

этому факту. Речь идёт о защите Авла Цецины, в которой есть фраза, в которой говорится, что нужно обращать внимание не на место, где случилось вооружённое самоуправство, а на его факт: «neque in ui armatorum spectari oportere in quo loco sit facta uis, uerum sitne facta» (Cic. *Caec.* 29.85). Однако же это использовалось Цицероном в качестве исключительно юридического аргумента, необходимого для применения эдикта Лукулла.

Ношение, хранение и транспортировка оружия на форуме и в местах заседания сената (которые должны были проводиться в границах *templum*) (Stambaugh 1978: 580), получают негативный оттенок и служат отягчающим обвинительным фактором. Оружие в храме стоит в одном ряду с вмешательством в ауспicii и святотатством по отношению к обрядам, несмотря на то, что уже упомянутый храм Кастора служил штабом для вооружённых сторонников Клодия (Буасье 1993: 238). Нам встретилось одно любопытное упоминание: в случае чрезвычайной ситуации практиковалась раздача народу оружия из государственных арсеналов, которые могли находиться в храме (ex aede Sancus armamentariisque publicis arma populo Romano C. Mario consule distribuentur) (Cic. *Rab. Perd.* 7.20). Неизвестно, как часто устраивались такие оружейные хранилища: было ли это оружие церемониальным (известно, что в храмах часто хранилась казна). В целом, согласно данным археологов, оружие в храмах встречается достаточно редко (Feugère 2002: 13). Речь идёт о храме Санка, этрусского бога справедливости и договоров. Это особенно интересно, так как храм Марса, который по версии Сервия (Serv. A. 6.859) защищает спокойствие (*qui praeest paci*), расположен недалеко от двух ворот, одни из которых посвящены Санку (Dumézil 2018: 360-362). Кроме того, Дионисий Галикарнасский упоминает, что щит, знаменующий примирение и союз Рима с Габиями, хранился в храме Санка (Dion. Hal. Ant. Rom. 4.58).

Можно было бы предположить, что храм Санка действительно мог служить оружейной комнатой на случай бедствия — однако известно слишком мало: строго говоря, это не является исключением из римского отношения к оружию в храме — ведь внос оружия в священные границы не равнозначен его выносу.

Анализ речей показывает, что пребывание в храме с оружием практически всегда осуждалось. То же самое верно в случае с форумом и местами проведения сенатских собраний.

Источники

- C. Sallustii Crispī Catilina. Iugurtha. Fragmenta ampliora. Post A. W. Ahlberg ed. A. Kurfess. Leipzig: Teubner Verlagsgesellschaft, 1981.
- Cicéron. Discours. T. V. Seconde action contre Verres. Livre IV. Les œuvres d'art. Texte établi par H. Borneque et traduit par G. Rabaud. P.: Les Belles Lettres, 1964.
- Cicéron. Discours. T. VII. Pour M. Fonteius. Pour A. Cécina. Sur les pouvoirs de Pompée. Texte établi et traduit par A. Boulanger. P.: Les Belles Lettres, 1961.
- Cicéron. Discours. T. XI. Pour L. Muréna. Pour P. Sylla. Texte établi et traduit par A. Boulanger. P.: Les Belles Lettres, 1962.
- Cicéron. Discours. T. XIII, 1. Au Sénat Au peuple. Sur sa maison. Texte établi et traduit par P. Wuilleumier. P.: Les Belles Lettres, 1952.
- Cicéron. Discours. T. XIV. Pour Sestius. Contre Vatinius. Texte établi et traduit par J. Cousin. P.: Les Belles Lettres, 1965.
- Cicéron. Discours. T. XIX. Philippiques I à IV. Texte établi et traduit par A. Boulanger et P. Wuilleumier. P.: Les Belles Lettres, 1966.
- Cicéron. Discours. T. XVI, 1. Contre L. Pison. Texte établi et traduit par P. Grimal. P.: Les Belles Lettres, 1966.
- Cicéron. Discours. T. XVII. Pour C. Rabirius Postumus. Pour T. Annius Milon. Texte établi et traduit par A. Boulanger. P.: Les Belles Lettres, 1949.
- Cicéron. Discours. T. XX. Philippiques V à XIV. Texte établi et traduit par P. Wuilleumier. P.: Les Belles Lettres, 1964.
- Dionysius of Halicarnassus: Roman Antiquities (Books 3–4). English Translation by E. Cary. Cambridge: Harvard University Press, 1937.
- Palingenesia iuris civilis. Ed. O. Lenei. V. 2. Lipsiae, 1889.

Литература

- Buass`e G. Ciceron i ego druz`ya. Ocherk o rimskom obshhestve vremen Cezarya / Pod red. E`. D. Frolova. 1993. [Boissier G. Cicéron et ses amis: étude sur la société romaine du temps de César / Edited by E. D. Frolov] Saint-Petersburg. Ivanov i Leshhinskij. Буассье Г. 1993: *Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря* / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Иванов и Лещинский.
- Cloud D. Leges de sicariis: The first chapter of Sulla's lex de sicariis. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 2009. 126(1), 114–155.
- Dumézil G. Religiya Drevnego Rima s prilozheniem, posvyashheny`m religii e`truskov. 2018. [Dumézil, G. La religion Romaine archaïque, avec un appendice sur la religion des Étrusques] Saint-Petersburg. Quadrivium Publishing Project. Дюмеزيل, Ж. 2018: *Религия Древнего Рима с приложением, посвященным религии этрусков*. СПб.: Издательский проект «Квадривиум».
- Emmelius D. 2021: *Das Pomerium*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- Feugère, M. Weapons of the Romans. *Tempus*, 2002. 13. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00007319/document> (дата обращения: 24.03.2023).
- Halbrook S. 2013: *That every man be armed*. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press.
- Johnson N. 2012: *Firearms law and the Second Amendment*. New York: Wolters Kluwer Law & Business.
- Koptev, A. V. 2011: [Imperium and the Pomerium in the early Roman Republic]. In: Vestnik RGGU, Seriya: «Istoricheskie nauki». [Vestnik Russian State University for Humanities, Historical serie] 14(76), 42–104.
Коптев А. В. Империй и померий в эпоху ранней римской Республики. *Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки*. 2011. №14 (76), 42–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiy-i-pomeriy-v-epoxy-ranney-rimskoy-respubliki-1> (дата обращения: 24.03.2023).
- Lane M. *How the Greeks Viewed Weapons* / The New Yorker. 2013. URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/how-the-greeks-viewed-weapons> (дата обращения: 24. 03. 2023).
- McClurg A., Kopel D., Denning B. 2006: *Gun control and gun rights*. New York: New York University Press.
- Mommsen T. 1899: *Römisches Strafrecht*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
- Oxford Latin Dictionary (OLD). 2012. Oxford: Oxford University Press.
- Plessis P. 2018: *Cicero's Law: Rethinking Roman Law of the Late Republic*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Russel A. 2011: *The Definition of Public Space in Republican Rome*. Doctoral dissertation. University of California, Berkeley. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8zr398bq> (дата: 24.03.2023).
- Shhegolev, A. V. 1997: [Imperial cult and lex maiestatis (based on the Digest of Justinian)]. In: IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. [IVS ANTIQVVM. Ancient law] 1 (2), 60–64.
Щеголев, А. В. 1997: Императорский культ и lex maiestatis (по Дигестам Юстиниана). *IVS ANTIQVVM. Древнее право*, 1(2), 60–64.
- Smorchkov, A. M. 2012: *Religion and power in the Roman Republic. Magistrates, priests, temples*. Moscow. RGGU.
Сморчков, А. М. 2012: *Религия и власть в Римской Республике. Магистраты, жрецы, храмы*. М. РГГУ.
- Stambaugh, J. The Functions of Roman Temples // W. Haase (Eds.) *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der Neueren Forschung*. Berlin: De Gruyter, 1978.

**«АЛФАВИТ 12 ЯЗЫКОВ» (1538) ГИЙОМА ПОСТЕЛЯ:
ЗАМЫСЕЛ, ФОРМА, ИДЕИ
(предварительные наблюдения)¹**

В статье рассматривается история создания, особенности формы и содержания первого европейского лингвистического справочника — «Алфавита 12 языков» (1538) Гийома Постеля. Этот труд был написан им сразу после возвращения из путешествия по Северной Африке и Ближнему Востоку и отразил полученные им познания в Восточных языках и разнообразие научных интересов автора. Рассказ о языках в главах «Алфавита» не сводится к компилированию уже известных фактов из опубликованных книг, но отражает серьезную работу с первоисточниками, раздобытыми во время поездки и впервые представленными европейскому читателю. Задачей книги является не столько изложение истории языков (этому посвящено другое сочинение, вышедшее в том же году, — «De originibus»), сколько зримое представление их многообразия. Одновременно «Алфавит» преподносится как букварь, элементарное пособие по чтению текстов на некоторых европейских и восточных языках. Приводимые «образцы языков» не только удовлетворяют любопытство читателей, но служат материалом для объяснения правил чтения и отдельных сведений о грамматике. Расположение глав в справочнике соответствует представлениям Постеля о классификации языков; при этом делается попытка согласовать историю языков и историю письменностей, которые, по мнению Постеля, имеют общее начало — в древне-еврейском языке.

Ключевые слова: История языкознания, классификация языков, алфавит, буквари, востоковедение, XVI век, Франция.

---

¹ Автор выражает свою признательность В. С. Шишкину, прочитавшему предварительный вариант статьи и высказавшему полезные замечания.

Mikhail Sergeev

S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology, RAS
(St. Petersburg branch). Russia. librorumcustos@gmail.com***Alphabetum duodecim linguarum* (1538): some notes on the plan, form and linguistic ideas of Guillaume Postel's polyglot book**

The article deals with the history of writing, the peculiarities of form and content of the first European linguistic handbook — *Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum* (1538) by Guillaume Postel. This work was composed shortly after his return from his travels in North Africa and the Middle East and reflected Postel's knowledge of the Eastern languages and his multifaceted scholarly interests (in linguistics, etymology, history, Sacred Scripture, religious studies, ethnography). The account of the languages in the chapters of the *Alphabet* is by no means a mere compilation of known facts from printed books: it reflects rather serious work with primary sources — manuscripts and other artefacts, — discovered by Postel during the trip and presented to the European reader for the first time, as well as his communication with informants. The aim of the book is not so much a summary of the history of languages (another work published in the same year, *De Originibus seu de Hebraicae linguae et gentis antiquitate deque variarum linguarum affinitate liber*, is concerned with this task), as a visual presentation of their diversity. At the same time the *Alphabet* is presented as a primer, an elementary textbook for reading texts in various European and Oriental languages. The “language specimens” provided not only pique the reader's curiosity, but also serve as first-hand material to explain the rules of reading and some facts about grammar. The arrangement of the chapters in the handbook corresponds to Postel's views on the classification of languages; he attempts somehow to reconcile the history of languages and the history of writing, which, according to Postel, have a common origin, in the Hebrew language.

Keywords: History of linguistics, language classification, alphabets, language primers, Oriental studies, 16th century, France.

Сравнение языков, как в лингводидактических целях, так и для установления родственных связей между ними, имеет давнюю историю, начатую (если говорить о европейской традиции) греко-латинскими сопоставлениями античных грамматиков (Ferriss-Hill 2014) и продолженную поисками этимонов для лексики новых европейских языков в средние века и, особенно, в эпоху ренессанса (Tavoni 1998). Проще всего этот труд давался ученым — носителям романских языков, для которых достаточно очевидным было, что их родной язык произо-

шел от латыни. Впрочем, итальянцы и французы интересовались и более глубокими (в их представлении) этимологиями — греческими, древнееврейскими и арамейскими².

Поисками лексических соответствий и этимологий, подтверждающих сообщения источников о происхождении языков и расселении народов, одним из первых занимался французский полимат Гийом Постель (1510–1581). Хотя его лингвистические представления в целом известны и характеризуются в работах по истории языкознания раннего Нового времени³, а его коллекция арабских рукописей и сочинения по арабистике стали предметом целого ряда исследований⁴, содержание и структура его ранних публикаций, посвященных истории языков и языковому разнообразию, до сих пор не рассматривались специально. Разнообразную информацию о занятиях Постеля семитскими языками приводит, например, Р. Уилкинсон в книге об истории издания сирийского Нового Завета в 1555 г.; однако «Алфавит» удостоен в ней лишь нескольких кратких упоминаний (Wilkinson 2007: 63, 76, 123). Подробнее об «Алфавите» говорит Р. Джоунс в книге об изучении арабского в эпоху ренессанса, однако, как можно догадаться, разбирает преимущественно содержание главы об арабском языке (Jones 2020: 113–116). В недавнем исследовании коллекций алфавитов XVI–XVII вв. Ф. Симон выбрал объектом более поздние публикации (Б. де Виженера, К. Дюре, Ф. Коллете), оставив сочинения Постеля без внимания (Simon 2018). Настоящей работой я хотел бы отчасти заполнить указанную лакуну: кратко изложив взгляды Постеля на историю языков, известные, в первую очередь, из книги «О началах», я затем более подробно остановлюсь на задачах и проблематике книги-полиглота «Алфавит 12 языков». Но сперва полезным будет сообщить некоторые биографические сведения.

Образ Постеля-ученого в восприятии современников замечательно характеризует уже то обстоятельство, что если год его смерти (1581) известен наверняка, то о дате рождения Постеля ходили легенды: некоторые авторы, в том числе весьма авторитетные историки, такие как Антуан дю Вердые (1544–1600) и Жак Огюст де Ту (1553–1617), утверждали, например, что он прожил сто, если не сто двадцать лет, причем до

² Ср.: Stepanova 2000: 322–334; Demaizière 1982.

³ См., например, Demonet 1992: passim.

⁴ См.: Secret 1962; Jones 2020.

последних дней не проявлял признаков старости. Появление этих рассказов, надо полагать, было связано с интересом Постеля к мистике и каббале, склонностью к пророчествам, а также, с удивительным для того времени владением восточными языками. В современной историографии за год рождения Постеля принимается 1510-ый; таким образом, свои первые лингвистические публикации он сделал в возрасте 28 лет. Перед этим он обучался в Коллегиуме Св. Варвары (Collège de Sainte Barbe) Парижского университета, где освоил греческий язык и, в частности, переводил комментарии Фемистия к Аристотелю; самостоятельно (пользуясь параллельными текстами псалмов⁵) он изучал древнееврейский, а также испанский и португальский. В те же годы состоялось его знакомство с Игнатием Лойолой — будущим основателем ордена иезуитов, оказавшим заметное влияние на религиозные взгляды Постеля (Kunz, 1981; Comacci 2021).

В 1534–1536 гг., по поручению короля Франциска I, Постель участвовал в посольстве Жана де ля Форэ в Тунис, Египет и Стамбул. Во время этого путешествия он брал уроки арабского, а также приобрел значительное количество манускриптов на греческом и ближневосточных языках⁶. На обратном пути в Венеции он общался с востоковедами Элией Левитой (1469–1549) и Тезео Амброджо (1469–1540); последний в это время работал над книгой «Введение в халдейский, сирийский, армянский и десять других языков», изучая армянский у носителя этого языка (Wilkinson 2007: 22). Знания и материалы, собранные Постелем в поездке, позволили по возвращении, в 1538 г., опубликовать две небольшие взаимосвязанные работы: “*De Originibus seu de Hebraicae linguae et gentis antiquitate deque variarum linguarum affinitate liber*” и “*Lingarum duodecim characteribus differentium alphabetum*”.

Как и большинство ученых своего времени (Droixhe 1978: 37–45), Постель считал еврейский древнейшим языком человечества. При этом одни из языков (такие как халдейский, арабский, эфиопский), по его утверждению, имели с праязыком

---

⁵ Естественный способ изучения языков для первых европейских востоковедов, до появления необходимых грамматических пособий (ср. Sergeev 2020: 212).

⁶ Из них сохранились, например, комментарий Аверроэса на «Органон» Аристотеля и фрагменты сочинений Авиценны на арабском языке (Jones 2020: 16).

особенную близость, другие (греческий, латинский), «более поздние и с большим старанием возделанные»⁷ (Postel 1538b: D3b), заметнее удалились от него, но, тем не менее, сохранили следы древнееврейского в своей лексике.

Список предполагаемых лексических соответствий — между языками, названными впоследствии семитскими, а также между древнееврейским и греческим, латинским и французским — был опубликован Постелем в вышеупомянутом сочинении «О началах, или о древности еврейского языка и народа и о родстве различных языков». В нем соотносятся, например, евр. *col* ~ араб. *caul* ‘голос’⁸, евр. *ben* ~ араб. *ben* ‘сын’, евр. *sac* ~ лат. *saccus* ‘мешок’, евр. *peleg* ~ греч. *πέλαγος* ‘море’ и т. д. (Postel 1538b: E2a–E4b). При этом он, вероятно, следовал примеру другого известного ученого-семитолога XVI в. — Себастьяна Мюнстера (1488–1552), который в предисловии к “*Dictionarium Hebraicum*” (1523) привел таблицу, объясняющую происхождение некоторых немецких слов из древнееврейского (“*Voces Hebraeae et eadem Germanicae*”) (Münster 1523: Bb6b–Bb7a). Постель, в свою очередь, дополнил собственный список обнаруженными им соответствиями в французском и греческом (Postel 1538b: G1a–G3b). Таким образом, здесь можно видеть проявление характерной для той эпохи конкуренции французских филологов с немецкими.

В “*De originibus*” Постель заявляет о первородстве не только еврейского языка, но и еврейской письменности, заключая книгу следующим тезисом: «Первые люди, халдеи или евреи, благодаря непорочной жизни и божественной благодати, первыми обрели нравственные наставления, знания о происхождении мира и письменность (“*usum literarum*”), от них только [эти знания и умения] перешли к грекам, а затем — к нам и всему [остальному] миру» (Postel 1538b: G6a).

Как можно видеть из других мест этого же труда, например из разбора букв еврейского алфавита (Postel 1538b: D3b–E1b), Постель обнаруживал тесную взаимосвязь между историей языков и историей письма. Более подробно эта тема была развита им в сочинении «Алфавит, введение и простейшее руководство по чтению на двенадцати языках, различающихся знаками письма» (Рисунок 1).

⁷ Здесь и далее цитаты даны в переводе автора статьи.

⁸ Языковые примеры приводятся в орфографии источника.

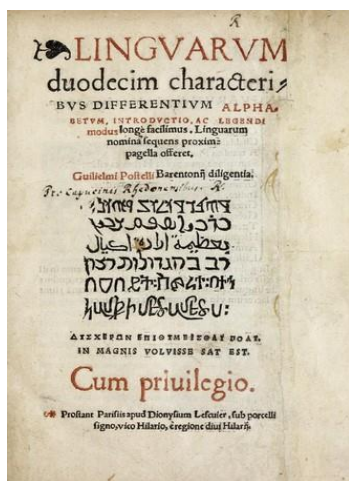

Рис. 1. «Алфавит 12 языков» (1538) Г. Постеля. Титульный лист.
 “Alphabetum duodecim linguarum” (1538) by G. Postel. Title-page.

второе предисловие к книге: в нем сообщается, что именно Скутарий побудил Постеля, полностью погруженного в арабистику, «опубликовать и другие формы письменности, которые ему удалось раздобыть» из разных источников. Скутарий полагал, что будущих читателей книги может привлечь разнообразие собранных сведений (“*varietate hominum animos allici*”) (Postel 1538a: A4a–A4b).

Древнееврейский
Халдейский
Халдейский новый *
Самаритянский
Арабский
Эфиопский
Греческий
Грузинский / Иаковитский
Сербский
Иллирийский
Армянский
Латинский

Если давать самое общее определение жанру «Алфавита», можно сказать, что это «смесь». Ее составили, в первую очередь, изображения «письменных знаков» (“*literarum characteres*”) восточноевропейских и ближневосточных языков (с названиями букв и сведениями о произношении), отдельные тексты на этих языках, фрагментарные сведения о грамматике. В качестве *specimina linguarum* Постель цитирует молитву Отче наш, песнь Захарии, песнь Симеона Богоприимца.

Таб. 1. Расположение глав в «Алфавите» Постеля.
 The sequence of chapters in Postel’s “Alphabet”.

Языки, о которых идет речь в книге-полиглоте, интересуют Постеля, прежде всего, в связи с историей и переводом Библии, а также деятельностью христианских общин Востока. Специальное внимание в главах уделяется соотношению языка богослужения и народного языка, противоречиям между христианскими церквями и ересями. Номенклатура языков и порядок опубликованных алфавитов⁹ наглядным образом представлены на обороте титульного листа (см. Таблицу 1). Как справедливо отметил Р. Шмидт-Ризе, последовательность языков в целом отражает представления Постеля об их древности (Schmidt-Riese 2003: 69–70).

Кроме того мы пришли к выводу, что перечисленные языки (и алфавиты) составляют две группы: от древнееврейского до эфиопского и от греческого до латинского. Первая группа составлена из языков, которые Постель определенно считал не только древнейшими, но и близкородственными (о чем он подробно писал в “De originibus”). Напротив, о второй группе языков едва ли можно утверждать то же самое. Так, например, Постель полагал, что славяне («паннонцы, иллирийцы, далматы» и др.) во времена Св. Иеронима говорили «почти на одном и том же» *особенном* (peculiaris) языке, отличном от греческого и латинского (Postel 1538a: G4b); армянский он называет «совершенно турецким» (Postel 1538a: H3b–H4a).

Объединяющим фактором (помимо относительно меньшей древности) здесь, надо полагать, выступала принадлежность носителей этих языков к различным ветвям восточного христианства (православие, монофизитство, несторианство), в истории и специфике которых пытается разобраться автор. Так, например, о грузинах (о которых он говорит в той же главе, что и о монофизитах-иаковитах) он сообщает, что те используют греческий язык в богослужении¹⁰. Создание кириллического алфа-

---

⁹ Следует иметь в виду, что главы о “Chaldaica recentior” нет в издании; в действительности в нем приведены только 11 алфавитов.

¹⁰ Приведенный в этой главе «Алфавит грузин и иаковитов» (Alphabetum Georgianorum & Iacobitarum), которым, по словам Постеля, записываются и богослужбные греческие тексты, и тексты на народном языке, представляет собой дополненный несколькими «варварскими» буквами греческий алфавит (такого мнения придерживался Постель: “Sunt characteres omnino serie, nomine, & figura graeci. Sed depravant aliquantum scribendo, & nescio quot barbaros adiungendo”) (Postel 1538a: G3b–G4a).

вита («сербского или боснийского»¹¹) связывается с расколом в церкви, в результате которого народы, «которые были ближе к грекам, стали использовать по большей части греческие буквы, сохранив для них прежние имена» (то есть имена букв глаголического алфавита) (Postel 1538a: G4b). Что касается глаголицы — «далматского алфавита», изобретенного Св. Иеронимом (*lingua Hieronymiana*)¹², — то она, согласно Постелю, запечатлела черты греческого и еврейского письма¹³. Таким образом, для трех «языков» (*иаковитского, сербского, а также иллирийского*) появляется еще один объединяющий признак — использование алфавита на основе греческого. Заметим, употребление термина *lingua pro alphabeto*, причем в совершенно однозначных контекстах, вполне характерно для рассматриваемого сочинения.

Помимо удовлетворения читательского любопытства к экзотическому материалу, публикация «Алфавита» имела, по-видимому, и далекоидущую цель — создание элементарного пособия по чтению текстов и, таким образом, содействие языковым студиям в Европе. Необходимость изучения языков оригинала и ранних переводов Священного Писания (а также арабского как языка науки¹⁴) не вызывала сомнений у автора: они были важны как для экзегезы, так и для миссионерской деятельности (ср. Kessler-Mesguich 2000).

Для осуществления этой практической задачи в алфавитах, опубликованных в полиглоте, сообщается название и произношение (латинское соответствие) каждой буквы; далее, тексты, приводимые в оригинальной графике, сопровождаются не только подстрочным переводом, но и транскрипцией. Содержание своей книги Постель характеризует как “*variagum multarumque linguarum elementa*” (Postel 1538a: A2a), что может быть понято и как «алфавиты различных языков», и как

¹¹ “Tzerviana Poznaniave”.

¹² О происхождении этой легенды и ее роли в защите глаголического письма и славянской литургии от посягательств Римской церкви см.: (Verkholantsev 2012).

¹³ «По-видимому, он изобрел эту письменность, после того как изучил еврейский и греческий языки, поскольку в ней много знаков (*characteres*), общих с ними. Кроме того, все имена ее букв, как говорят, обладают значением, как и у евреев, чего больше нет ни в одном другом языке» (Postel 1538a: : [H]1b).

¹⁴ «даже не буду перечислять все разделы науки, замечательнейшим образом изложенные авторами на этом языке» (Postel 1538a: D1a–D2b).

«начатки различных языков», причем, скорее всего, подразумевались сразу оба смысла. Впрочем, в тексте имеются и более определенные указания о задачах «Алфавита». Так, в главе о еврейском языке транслитерация предложений вводится пояснением: «Для удобства тех, кто лишен живого учительского голоса при обучении чтению, я прибавлю несколько изречений, передав их латинскими буквами и расположив литеры вверх ногами, так чтобы буква соответствовала букве, а слог — слогу» (Postel 1538a: B3a). Таким образом Постель пытался преодолеть трудность, связанную с тем, что направление письма в древнееврейском отличается от латинского (см. Рисунок 2).

Как видно на рисунке, наборщику не удалось добиться полного соответствия даже в границах слов на обоих языках, но для нас примечательна сама постановка задачи Постелем и предложенные им решения.

**In illorum gratiam qui viua præceptoris voce ad lectio-
nem defittuuntur subiungam aliquot oratiunculas latinis
characteribus expressas & expofitas inuerfis latinisliteris,
vt litera literæ & syllaba syllabæ respondeat.**

רָאשֵׁנוּ חֲכָמָה וְרָצָה יְהוָה: אֲשֶׁר יוֹאֵשׁ וְרָא אֶת יְהוָה
 ʔeʔoʔeʔ ʔhʔkʔmʔh ʔvʔrʔʔʔ ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh
 ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh
 יְהוָה שִׁם יְהוָה סִבְרָךְ מַעֲרָה וְעַד עוֹלָם אָמֵן
 ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh
 ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh ʔhʔvʔh

Рис. 2. Образцы еврейских фраз с транскрипцией для самостоятельного обучения чтению (Postel 1538a, B3a). Samples of Hebrew phrases with transcriptions for self-instruction in reading (Postel 1538a, B3a).

Кроме использования перевернутых литер, чтобы лучшим образом передать ученикам первые сведения о древнееврейском языке, он подбирает фразы, содержащие важнейшие для христианского учения термины (hkmh ‘мудрость’, ʔyʕ ‘муж’, ʔmn ‘истинно, верно’, yhwʔ ‘Господь’), в соседних предложениях использует слова, образованные от одного корня (yʔʔh ‘страх’ и yʔʔ ‘испытывающий страх’), или повторяет то же слово, но в сочетании с предлогом и местоимением (ʕm ‘имя’ и lʕmk ‘ради имени твоего’) (там же).

В разделе “Officia literarum” рассматриваются случаи, когда отдельная буква имеет самостоятельное «значение», то есть

обозначает слово или грамматический показатель: так, например, $\aleph$ в начале слова может быть предлогом ('как, подобно'), а $\daleth$ в конце — суффиксом ('твой'); равным образом, $\beth$ в начале может оказаться предлогом ('из, от'), $\beth$ в конце — частью суффикса ('их') (Postel 1538a: В3a/b). Таким образом, вместе с правилами чтения преподносились выборочно и сведения о грамматике и лексике. Подобный синкретизм в описании букв относится не только к семитским языкам, но, например, к греческому, причем в этом случае он не обусловлен трудностями в чтении, но может быть связан с задачей поиска слов в словаре. Так, например, в таблице, где дается характеристика звуков по месту образования, ψ , ξ и σ называются «буквами будущего времени» (*literae futurorum*), а ϕ , χ и κ , соответственно, «буквами прошедшего времени» (*literae praeteritorum*), при этом показано, что ψ и ϕ заменяют (конечные) буквы основы (*literae coniugationum*) β , π и φ (надо полагать, подразумевается спряжение глаголов типа $\tau\rho\acute{\epsilon}\varphi\omega$ — $\theta\rho\acute{\epsilon}\psi\omega$ — $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\varphi\alpha$), и т.д. (Postel 1538a: G1b). Гораздо более подробные грамматические сведения даны в главе об арабском языке, предвещающей опубликованную через 5 лет "Grammatica Arabica"¹⁵.

Лингводидактика не была для Постеля изолированной областью и связывалась им, например, с вопросами языкового родства. Так, резюмируя сведения, изложенные в главах о семитских языках, Постель утверждает, что если бы древнееврейский не был их общим предком, не случилось бы так «что, хорошо освоив его, их можно изучить даже легче, чем итальянский, испанский, французский и сицилийский, взяв в помощники латынь» (Postel 1538a: F1b). В этом он мог убедиться на практике: в другом месте Постель утверждает, что до того быстро смог научиться арабскому (зная уже еврейский¹⁶), что турки в Константинополе считали его «демоном» (Kessler-Mesguich 2013: 25).

В целом, «опытная» составляющая той информации, которая изложена в «Алфавите 12 языков», является еще одной

¹⁵ Ее издание также относили к 1538 г., но затем была установлена более поздняя датировка — 1543 г. (Secret 1962: 23).

¹⁶ Этот взгляд не был общепринятым: другой известный арабист раннего Нового времени, Томас Эрпений (1584–1624), подвергал сомнению тот факт, что предварительное изучение древнееврейского сильно помогает при овладении арабским языком (Jones 2020: 99–100).

существенной чертой этого произведения и ярко характеризует научный подход его автора. В отличие от многих филологов своего времени, Постель не довольствовался сведениями, заимствованными у литературных авторитетов, но предпочитал образ действий путешественника-первопроходца, открывающего «скрытые» прежде источники. В значительной степени это объяснялось новизной, неизвестностью в Европе избранного им предмета исследований¹⁷.

Чтобы заявить о своей компетентности в лингвистических вопросах (и одновременно — очертить ее границы), Постель отмечает, что посвятил изрядный труд (“non roenitendam operam”) изучению латинской, греческой, еврейской, арабской и халдейской словесности, тогда как в других языках (армянском, грузинском, «иллирийском» и «сербском») у него нет «совершенных» познаний (Postel 1538a: A3b). Кроме того, в подтверждение приводимой информации ему регулярно приходится ссылаться на аутопсию и раздобытые им на Востоке рукописи и другие артефакты. Например, в главе о халдейском языке он сообщает: «я не нашел ничего написанного на этом языке, кроме Каббалы, список с которой сделал для меня Мозе Альмули, иудейский придворный врач в Константинополе» (Postel 1538a: B4a). В главе о самаритянском (диалекте арамейского) сообщается: «грамматику, записанную их собственными буквами, но истолкованную по-арабски, я купил за дорогого <...> и привез во Францию»; далее, в подтверждение того, что древняя форма самаритянского письма точно представлена в «Алфавите», Постель ссылается на обнаруженные им у иудеев «серебряные монеты, представляющие собой большую древность» (Postel 1538a: C3b); изображение одной из монет опубликовано в книге (Postel 1538a: C4b). Рассказывая о религиозных установлениях у южных славян, он поясняет: «я пересказываю то, что видел и слышал» (Postel 1538a: H1a). Напротив, главы о хорошо известных языках (греческом и латинском)

---

¹⁷ Этому соответствовало поначалу отсутствие технических возможностей для публикации источников: алфавиты и образцы текстов для книги Постеля печатались еще с деревянных досок, но уже для арабской грамматики 1543 г. использовались специальные литеры (ср. Jones 2020: 117); шрифты для некоторых других письменностей появились позднее, в новой Ватиканской типографии (Nelles 2016: 444–445), в которой был издан справочник о языках Анджело Рокки (1591 г.)

Постель снабжает подробной библиографией уже изданных трудов других авторов (Postel 1538a: F4a, I5a).

Сочинение Гийома Постеля, являясь во многих отношениях новаторским, различными путями оказывало влияние на историю языковых сопоставлений в раннее Новое время. С одной стороны, сведения по истории языков и языковые образцы, представленные в «Алфавите» были использованы Конрадом Гесснером, а затем — продолжателями его «Митридата» (1555); с другой стороны, интерес к письменностям в контексте истории языков был воспринят Клодом Дюре в “*Thresor de l’histoire des langues de cest univers*” (1613), где имеются десятки ссылок на книги Постеля. Кроме того, будучи первым специальным трудом о языковом многообразии, «Алфавит» определил многие существенные черты книг-полиглотов XVI в. и, в частности, взаимосвязь последовательности языковых образцов (в данном случае — алфавитов) и классификации языков, согласно представлениям авторов этих книг¹⁸. В то же время, примечательный жанровый синтез букваря и путевых заметок, истории языков и истории религий, который удалось воплотить в «Алфавите 12 языков», остался, кажется, неповторимым, по крайней мере, в XVI веке.

Библиография

- Comacchi, M. V. 2020: Postel, Guillaume, In: *Encyclopedia of Renaissance Philosophy* / ed. by M. Sgarbi. Cham: Springer. доступно: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-02848-4_655-1 (дата обращения: 16.03.23)
- Demaizière, C. 1982: La langue à la recherche de ses origines: la mode des étymologies grecques. *Bulletin de l’Association d’étude sur l’humanisme, la réforme et la renaissance* 15, 1, 65–78.
- Demonet, M.-L. 1992: *Les Voix du signe: Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580)*. Paris: Champion; Genève: Slatkine.
- Droixhe, D. 1978: *La Linguistique et l’appel de l’histoire (1600–1800): Rationalisme et révolutions positivistes*. Genève: Droz.
- Ferriss-Hill, J. R. 2014: Varro’s intuition of cognate relationships. *Illinois classical studies* 39, 81–108.

---

¹⁸ Ср. о книгах-полиглотах К. Гесснера (1555) (Sergeev 2019), И. Мегизера (1593) (Schmidt-Riese 2003: 69–70). Значение «Алфавита» Постеля для истории изучения языкового родства отмечает Джоунс (Jones 2020: 113–114).

- Jones, R. 2020: *Learning Arabic in Renaissance Europe (1505–1624)*. Leiden; Boston: Brill.
- Kessler-Mesguich, S. 2000: L'étude de l'hébreu et les autres langues orientales à l'époque de l'humanisme, In: *Geschichte der Sprachwissenschaften — History of the Language Sciences* / ed. by S. Auroux, E. F. K. Koerner. Berlin: Mouton de Gruyter, 1, 673–680.
- Kessler-Mesguich, S. 2013: *Les Études hébraïques en France de François Tissard à Richard Simon (1508–1680)*. Genève: Droz.
- Kunz, M. 1981: *Guillaume Postel, prophet of the restitution of all things: His life and thought*. The Hague; Boston: M. Nijhoff.
- Münster, S. 1523: *Dictionarium Hebraicum*. Basel: J. Froben.
- Nelles, P. 2016: The Vatican library alphabets, Luca Orfei, and graphic media in Sistine Rome, In: *For the sake of learning: Essays in honor of Anthony Grafton* / ed. by A. Blair, A.-S. Goeing. Leiden; Boston: Brill, 441–468.
- Postel, G. 1538a: *Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum: introductio ac legendi modus, longe facilimus*. Paris: D. Lesenier.
- Postel, G. 1538b: *De Originibus seu de Hebraicae linguae et gentis antiquitate deque variarum linguarum affinitate, liber*. Paris: P. Vidovaeus.
- Schmidt-Riese, R. 2003: Ordnung nach Babylon. Frühneuzeitliche Spracheninventare in Frankreich und 'Deutschland', In: *Sammeln, Ordnen, Veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von F. Büttner [et al.]. Münster: LIT Verlag, 53–82.
- Secret, F. 1962: Guillaume Postel et les études arabes à la Renaissance. *Arabica* 9, 21–36.
- Sergeev, M. 2019: Der Mithridates (1555) zwischen Sprachmuseum und neulateinischem Onomastikon: einige Überlegungen zur Konzeption und zum Genre des Gessnerschen Handbuchs, In: *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / The Renaissance of Learning* / hrsg. von U. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 517–532.
- Sergeev, M. L. 2020: Iz istorii prepodavaniya drevnegrecheskogo yazyka v renessansnoj Evrope: avtobiograficheskie svidetel'stva Tomasa Plattera (1499–1582) [From the history of the teaching of Greek in Renaissance Europe: Thomas Platters' autobiographical testimonies]. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography* 2, 2, 210–215.
- Сергеев, М. Л. 2020: Из истории преподавания древнегреческого языка в ренессансной Европе: автобиографические свидетельства Томаса Платтера (1499–1582). *Journal of Applied Linguistics and Lexicography* 2, 2, 210–215.
- Simon, F. 2018: Collecting languages, alphabets and texts: The circulation of "parts of texts" among paper cabinets of linguistic curiosities (sixteenth-seventeenth century), In: *Pieces and parts in scientific*

- texts* / ed. by F. Bretelle-Establet, S. Schmitt. Cham: Springer, 297–346.
- Stepanova, L. G. 2000: *Ital'yanskaya lingvisticheskaya mysl' XIV–XVI vekov (ot Dante do pozdnego Vozrozhdeniya)* [Italian linguistic thought in 14th–16th centuries (from Dante till the Late Renaissance)]. St. Petersburg: Izd-vo RKhGI
- Степанова, Л. Г. 2000: *Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения)*. СПб.: Изд-во РХГИ.
- Tavoni, M. 1998: Renaissance Linguistics: Western Europe. In: *History of Linguistics* / ed. by G. Lepschy. London: Longman, 3, 1–108.
- Van Haal, T. 2011: The earliest stages of Persian-German language comparison. In: *History of Linguistics 2008* / ed. by G. Hassler. Amsterdam: J. Benjamins, 147–165.
- Verkholantsev, J. 2012: St. Jerome, Apostle to the Slavs, and the Roman Slavonic Rite. *Speculum* 87, 37–61.
- Wilkinson, R. J. 2007: *Orientalism, Aramaic and Cabbalah in the Catholic Reformation: The First Printing of the Syriac New Testament*. Leiden; Boston: Brill.

А. М. Скворцов
СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ИНСТИТУТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена институциональным изменениям, которые переживала специальность «классическая филология» в СССР в 1920-е гг. Вследствие разделения учебных и научных функций университетов в 1919 г. при I Петроградском университете возник Институт им. А. Н. Веселовского, в структуре которого имелась классическая секция. В 1923 г. этот институт был преобразован в НИИ Сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока, который и просуществовал до 1930 г. В новом учреждении филологи-классики были отнесены к секции древнего и ирано-эллинистического мира (западной подсекции). Главной формой работы здесь явились коллективные проекты, которые осуществлялись действительными членами. Готовившиеся к получению научной квалификации назывались научными сотрудниками 2 разряда. Несмотря на усиление идеологического контроля с середины 1920-х гг., их подготовка зиждилась на традиционных основах. Автор пришёл к выводу, что искусственно создаваемые структуры, каковыми были постоянно изменявшиеся подразделения ИЛЯЗВ, встречались с сформировавшейся на протяжении десятилетий традицией и представлениями, которые сложно было поменять и которые на деле адаптировались к новым условиям.

Ключевые слова: ИЛЯЗВ, аспирантура, РАНИОН, антиковедение, история классической филологии, Богаевский, Малейн, Толстой.

А. М. Skvortsov
S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology, RAS,
St. Petersburg, Russia.

Classical philology at the Institute of Comparative History of Literature and Languages of the West and East: an institutional perspective

The article focuses on the institutional changes that classical philology underwent in the USSR in the 1920s. In course of the separation of the educational and scientific functions of universities, the so-called Veselovsky Institute was established at the First Petrograd University in 1919; the new institute included a classical section. In 1923, this institute was transformed into a Research Institute for the Comparative History of Languages and Literatures of the West and East, which existed until 1930. In the new structure, classicists were assigned to the Western Subsection of

the Ancient and Iranian-Hellenistic World Section. The main form of work here were collective projects carried out by the full members B. L. Bogaevsky, I. I. Tolstoy and A. I. Malein. Those preparing for a scientific qualification were known as researchers of grade 2. Despite the increasing ideological control from the mid-1920s onwards, their preparation was based on traditional foundations — primarily reading seminars and presentations followed by discussions. M. S. Altman, J. M. Borovsky, A. V. Boldyrev, A. I. Dovatur and I. M. Tronsky passed through this academic school during the period under study. Dovatur's recollections suggest that it was the informal aspect of teaching that remained in the memory of his generation, not the institutions to which they belonged. The author of the article concludes that artificially created structures, such as the ever-changing sections of the Institute, were confronted with a decades-long tradition and with notions that were difficult to change: the latter just adapted to the new conditions.

Keywords: ILLWE (ILYaZV), postgraduate school, RASRSS (RANION), classical studies, history of classical philology, Bogaevsky, Malein, Tolstoy.

Научно-исследовательские институты при вузах начали появляться в ходе первых реформ советской власти в области высшего образования. Эти структуры явились следствием разделения научных и учебных функций университетов. Согласно Положению НКП от 14 июля 1921 г., научно-исследовательские институты имели целью организацию научно-исследовательской работы в различных областях знаний и подготовку научных и педагогических кадров. Еще одной целью объявлялось научное изучение вопросов, связанных «с государственными потребностями» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 2). Другими словами, реформа была направлена на предание научному сообществу институциональных рамок, что позволяло власти усилить контроль за его деятельностью. Последнее осуществлялось за счет ежегодных отчетов, которые следовало посылать в Управление научных учреждений и Главпрофобр. Институт состоял из действительных членов и научных сотрудников. Первые «ведут самостоятельные научные исследования, ... а также выполняют определенные задания, как входящие в план, вырабатываемые Советом Института, так и специально возложенные на них ГУС'ом» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 2). Другими словами, первоначально имелась относительная свобода ученых первого разряда в определении индивидуальных исследовательских тем. Впрочем, эти темы должны были пройти стадию утверждения на ученых советах. Мень-

шую самостоятельность имели научные сотрудники, которые набирались из готовящихся к получению научной квалификации, либо из тех, кто уже таковую имеет, но в любом случае они являлись «помощниками» действительных членов. Таким образом, иерархия в научном сообществе, разрушенная отменой ученых степеней и званий в 1918 г., фактически была воссоздана, что свидетельствует о ней как о неотъемлемом элементе внутрикorporативных отношений в ученой среде.

В 1919 г. при факультете общественных наук I Петроградского университета возник Институт им. А. Н. Веселовского, объединивший языковедов и литературоведов. Из обрывочных данных следует, что учреждение делилось на 6 секций: теории и методологии литературы, общелингвистическую, классическую, западно-европейскую, славянскую и восточную. Из 36 действительных членов трое — А. В. Никитский, И. И. Толстой, А. И. Малеин — относились к классической секции. Ф. Ф. Зелинский числился за секцией теории и методологии литературы (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 4). В конце 1921 г. по классической секции научными сотрудниками I разряда были избраны С. В. Меликова-Толстая, П. В. Ернштедт, Б. В. Казанский, О. О. Крюгер, А. И. Садов, второго разряда — Г. П. Левицкая, Р. Л. Эрлих (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 9, 13).

Каких-либо документов, проливающих свет на деятельность этого института, не сохранилось. Показательно также, что Зелинский в автобиографии, написанной в 1924 г., даже не упоминает эту структуру, но нам известно, что до своего окончательного отъезда в Польшу в апреле 1922 г. он продолжал с энтузиазмом проводить занятия (Zelinskij 2012: 169–170). Возникновение нового института не привело к изменению характера и проблематики исследований даже после его преобразования в 1923 г. в Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока. В новой структуре филологи-классики были отнесены к секции древнего и ирано-эллинистического мира (западной подсекции) — такое название соответствовало заявленной проблематике, направленной на компаративные исследования. Заметим, что численность действительных членов по секции древнего и ирано-эллинистического мира уступала лишь секции Славяно-греческого мира и Ближнего Востока (в последнюю секцию входили и специалисты по русскому языку и литературе) и равнялась 1/5 от общего состава, по научным же сотрудникам 2

разряда была на 3-м месте, уступая лишь секциям Славяно-греческого мира и Ближнего Востока, Теории и методологии литературы (см. Таблицу 1). Такое соотношение соответствует ситуации на дореволюционных историко-филологических факультетах университетов, где приоритетное значение получали специалисты по древним языкам и древней истории. Впрочем, важно отметить, что в этой статистике не учитывается разделение сотрудников на штатных и сверхштатных.

Действительными членами института по разряду «Классическая филология» состояли Б. Л. Богаевский, А. И. Малеин, И. И. Толстой. Согласно архивным документам, А. И. Малеин в 1923/1924 гг. предполагал вести работу по спорным вопросам жизни и литературной деятельности древнеримских писателей т. н. Серебряного века, считая, что имеющееся пособие В. И. Модестова 1888 г. устарело; особого внимания должен был заслужить вопрос о влиянии римских писателей на западноевропейскую литературу (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.). И. И. Толстой планировал исследовать аретологию как литературный жанр, а также религиозные древности Элевсина (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 13).

Опора на предшествующую традицию стала важным элементом методологической программы секции древнего и ирано-эллинистического мира. Несмотря на коренные изменения в общественной жизни, ученые в своем отчете за 1923/1924 гг. констатировали, что для успешного развития науки необходим «возможно более полный и точный учет предшествующих достижений», поэтому декларировалось намерение использовать опыт прежних коллективных работ в области описания рукописей, составления словарей, библиографии, семинарских занятий (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). На основании этого было предложено несколько коллективных проектов. Б. Л. Богаевский руководил занятиями по изучению греческих ораторов в связи с вопросами религии Древней Греции, что, по словам Я. М. Боровского, явилось продолжением семинара Ф. Ф. Зелинского (Borovskij, 2009: 407). В коллективной теме Богаевского участие принимали научные сотрудники 2 разряда института, как штатные, так и внештатные (не получающие жалование): А. Н. Егунов занимался Исократом, А. В. Болдырев — Демосфеном, И. М. Троцкий — Эсхином, А. И. Доватур — Динархом, Р. В. Шмидт — Ликургом, С. Я. Хортик — Гиперидом (СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 33. 4). И. И. Толстой возглавил коллективную работу по изучению античной сказки

и храмовых легенд. В эту группу входили И. И. Соколов, С. В. Меликова-Толстая и И. А. Орбели (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 24 об., 32 об.).

Развивались и папирологические штудии под руководством В. Н. Бенешевича. Изучением этих документов занимались также П. В. Ернштедт (подготовил к изданию коптские папирусы и изучал греческие папирусы арабской эпохи из собрания Лихачева), С. Я. Лурье (папирусы, относящиеся к еврейскому населению эллинистического и римского Египта, отрывки из Антифонта), И. М. Тронский (фрагменты Алкея и Сапфо), О. О. Крюгер (эллинистические папирусы), И. А. Орбели (грузинские рукописи), А. В. Болдырев, А. И. Доватур (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 28 об. — 29, 32 об., 38, 45, 51 об.).

Б. Л. Богаевский с 1925 г. возглавил коллективную работу по изучению отражений земледельческих культур в античной религии, В. В. Струве — по этническому составу Средиземноморской культуры по памятникам античности и Древнего Востока, в рамках которой Б. Л. Богаевский изучал эфиопов в литературной традиции античного мира, вопросы отношения ливийцев к культуре Египта и Крита, Б. В. Казанский специально изучал вопрос об иберах (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 11, 29). Наконец, А. И. Малеин руководил коллективным проектом по обследованию рукописей, привлекая молодое поколение к этой источниковедческой работе. Так, в 1926/1927 гг. Троцкий работал над хранящемся в Публичной библиотеке списком Колумеллы, Шангин — Секста Эмпирика, Пиндара и Эсхила, Сервия, Элия Аристида (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 28. Л. 39 об.). Итогом исследования А. В. Болдыревым одного из списков «Дифференций» Исидора Севильского» стал доклад, который позволил получить ему научную квалификацию и преподавать в университете (Borovskij 2009: 406). Научную квалификацию в ИЛЯЗВ приобрел и Я. М. Боровский, подготовивший «диссертацию» по «скучной» (по его собственному признанию) теме «Об одной рукописи Вергилия по списку Публичной библиотеки». К этой теме после получения квалификации он больше никогда не возвращался (Botvinnik 2009: 11).

Нельзя сказать, что идеологическое воздействие не ощущали на себе сотрудники института. Например, на одном из отчетных собраний как о *будущей* задаче говорилось о необходимости осмысления полученных выводов с помощью метода диалектического материализма, однако за языковыми и литературными «фактами» признавалась «относительная само-

стоятельность в развитии идеологии и надстройки», в качестве рекомендации (sic!) еще даже в 1925 г. давались советы отдельным сотрудникам по более частому применению в своих исследованиях метода диалектического материализма (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об.). Такие формулировки позволяют делать вывод об относительной свободе исследователей ИЛЯЗВ в определении своего предмета изыскания. И действительно в отчетах первых лет существования института сотрудники разделяли свои работы на коллективные и индивидуальные (последние не проходили утверждения на ученом совете). Кроме того, в разработанной для научных сотрудников 2 разряда программе организации работы в ИЛЯЗВ специально оговаривалось, что программа в каждом конкретном случае должна строиться на принципе индивидуализации и специализации, рекомендовалось избегать энциклопедизма (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 28).

Действительно тематика работ была крайне разнообразна. Б. Л. Богаевский в середине 1920-х гг. готовил к переизданию свою «Земледельческую религию Афин», собирал материал для книги по истории земледелия в Древней Греции, И. И. Толстой написал книгу «Из истории античного жречества», а также занимался вопросами риторической топики и полемики у теоретиков риторического искусства до Аристотеля, С. В. Меликова-Толстая изучала древнегреческую научную терминологию, С. Я. Лурье — деятельность Писистрата и античную общественную мысль, А. И. Доватур — стихотворения Солона и «Афинскую политику» Аристотеля как исторические источники, И. М. Тронский — элегическую и буколическую тонику и Катулла, А. В. Болдырев готовил доклад «Зерно граната в гомеровском гимне Деметры» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 11, 20, 32 об., 38, 42 об., 45, 51 об.).

В 1925 г. в СССР происходят кардинальные изменения в сфере организации науки. Создается РАНИОН, который отныне под своей эгидой объединит все институты, ведущие свои исследования в области общественных наук (Ivanova, 1968: 85–121). Функции и назначения отдельных научно-исследовательских институтов изменений не претерпели, однако их планы, отчеты и сметы стали рассматриваться и утверждаться в Президиуме Ассоциации, то же самое касалось и кандидатов в аспиранты (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 17. Л. 5), что означало дальнейшую централизацию системы.

В том же 1925 г. «ввиду неувязки в работе специалистов языковедов и историков литературы» признано необходимым образовать в ИЛЯЗВ двух больших отделений — отделения языка и отделения литературы. Во главе первого был поставлен Н. Я. Марр, второго — Н. С. Державин (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 6. Л. 46). Заметим, что в отделении языка соседствовали секции индоевропейского языкознания и яфетического языкознания, а филологи-классики были отнесены к секции древнего ирано-эллинистического мира отделения литературы. Подразумевалось, что новая структура позволит более четко формулировать отдельно для литературоведов и языковедов общую тематику исследований теоретического характера вне зависимости от специализации, а соответственно, активнее поднимать методологические вопросы. Именно с этими изменениями А. В. Десницкая связывала развертывание деятельности ИЛЯЗВ и установление тесной связи с Яфетическим институтом (Desnickaya 2003: 27). Последнее, впрочем, во многом объясняется тем, что почти все сотрудники Яфетического института были одновременно и сотрудниками ИЛЯЗВ. Предложение о создании в институте двух больших отделений исходило, по всей видимости, от Н. Я. Марра, который считал неправильным говорить «по старинке египтолог, коптолог» и что «есть специализация по языкам, но не по теоретической дисциплине: лингвистика, литературоведение» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 16. Л. 17–17 об.). Тем самым он подчеркивал общность теоретической базы у литературоведов и языковедов вне зависимости от выбранной для изучения эпохи. Этим обосновывалось и коллективное начало в организации работы института.

С этого же времени стала нарастать бюрократизация и формализация процесса обучения аспирантов. Согласно протоколу от 21 октября 1925 г., отчеты А. В. Болдырева, Я. М. Боровского, А. И. Доватура, И. М. Троцкого признаны неудовлетворительными по причине «крайнего сужения программы занятий до одного какого-либо вопроса», а также слишком кратких отзывов руководителей (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–9). Из всех филологов-классиков лишь отчет М. С. Альтмана зачли. Заметим, что главой аттестационной комиссии являлся Н. Я. Марр, который и был научным руководителем Альтмана. После внесения правок (по предложению Марра), подразумевающих не «формально-сравнительное», а социологическое и палеонтологическое изучение заявленных в прог-

рамме вопросов, отчеты Боровского и Доватура также зачи (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 40).

Вхождение института в РАНИОН привело к сокращению аспирантов. В 1926 г. на ИЛЯЗВ оказалось выделено только 9 вместо прежних 19 мест, причем, требовалось сократить число сверхштатных аспирантов (не получающих жалование), которые отныне не должны были составлять более 50% от штатных. Учитывая, что в разряде сверхштатных числилось значительно больше, чем штатных (см. Таблицу 3), такое предписание означало массовое отчисление молодых кадров.

Директор ИЛЯЗВ Н. С. Державин указывал на бюрократические трудности в работе аспирантуры, а именно на несогласованность действий учреждений, утверждающих научных сотрудников 2 разряда: часто кандидаты института, получившие одобрение от научно-методического совещания при Главнауке, не получали допуск от Научно-политической секции ГУС (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 34–34 об.). Известны следующие цифры: из 19 претендентов в 1926 г. ГУС отказал 9-ти. Причем, на вид ставили требования, не известные заранее, одним из которых являлось предоставление законченной письменной работы (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 16. Л. 37–38). Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, обучавшиеся в эти годы, вспоминают, что с включением в структуру РАНИОН прием в аспирантуру института был осложнен: руководство института должно было доказывать перспективность квалификационных работ молодых сотрудников в Ассоциации (Sinder, Stroeve 1999: 208).

Еще в конце 1924 г. в институте в качестве обязательного испытания для научных сотрудников 2 разряда введены предметы марксистского минимума (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 6. Л. 4). А с 1926 г. от всех кандидатов на аспирантское место требовалось не только предоставление научного сочинения по предполагаемой теме, которое должно было выявить обстоятельное знакомство с литературой избранной темы, навыки критического исследования источников, но и прохождение испытания по общей теории и методологии марксизма. При выборе темы научных занятий следовало учитывать увязку с нацменьшинствами и «требования практической жизни». Список литературы для абитуриентов предполагал изучение следующих трудов: «Капитал» К. Маркса (т. 1), «Капитал: критика политической экономии Карла Маркса: общедоступное издание» Ю. Борхардта, «Исторический материализм» Н. И. Бухарина, «Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханова,

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Империализм как новейший этап капитализма» В. И. Ленина, «Государство и революция» В. И. Ленина, «Введение в философию диалектического материализма» А. М. Деборина. Для поступающих в ИЛЯЗВ обязательными для ознакомления были статьи по литературе и искусству Г. В. Плеханова, Л. Д. Троцкого, книга «Мировая литература и пролетариат» Ф. Меринга (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 17. Л. 10, 13). Заметим, что в списке значатся не только «большевистские» авторы, что означало отсутствие четко выработанной догматики и вариативность в интерпретации положений марксизма. А. Дмитриев совершенно справедливо писал о «пустотности» марксистского канона в 1920-е г. (Dmitriev 2002: 21), следствием чего явились многочисленные дискуссии в институте, о чем, в частности, вспоминают Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Именно отсутствием четкой методологии мемуаристы объясняют огромное количество споров в то время «в защиту чистоты марксистских позиций и строгого приложения их к лингвистическому материалу» (Sinder, Stroeve 1999: 206). На примере изучения раннего христианства в 1920-е гг. О. В. Метель показала, как наука 1920-х гг. использовала труды критика большевиков и «рenegата» К. Каутского (Metel' 2016: 107–130).

В архивах сохранился типовой план работы аспиранта по античным литературам секции древнего и ирано-эллинистического мира, который подразумевал получение трех зачетов по основной области знания, двух зачетов по двум смежным областям (вероятно, таковыми могли стать средневековая и византийская литература), по одному зачету по литературе второго античного языка, прикладным дисциплинам (эпиграфике, палеографии, папирологии, нумизматике, археологии), родственному вопросу из другой (желательно современной) эпохи. Предполагался методологический семинар и специальное исследование на частную тему по окончании срока обучения (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 29). Марксизм постигали не через лекционную форму занятий, а именно через семинары, которые предполагали чтение трудов «классиков» и доклады, связанные с вопросами использования этого учения в филологии, что подразумевало в известной степени творческий подход и возможность более глубокого освоения теоретических положений. Были организованы семинары по социологии литературы (руководитель — Г. Е. Горбачев), диалектическому материализму (руководитель — М. В. Серебряков), палеонтологии

языка (руководитель — Н. Я. Марр) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 49, 59). Марксистский минимум должны были сдавать все аспиранты, в том числе и предыдущих лет поступления. Тщетны оказались попытки А. Н. Егунова освободиться от этих испытаний под предлогом зачисления в институт до 1926 г. (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 80).

Такой план, с одной стороны, предусматривал углубленную подготовку специалиста по определенной эпохе, но с другой, предполагал тематический выход на другие периоды истории литературы, что позволяло расширить кругозор и поставить новые проблемы, найти нестандартные решения в рамках разрабатываемых тем. Принцип построения программы соответствовал и основному исследовательскому методу института — сравнительно-историческому.

В производственном плане на 1927/1928 гг. просматриваются попытки сформулировать исследовательские темы в связи с основными тенденциями развития науки 1920-х гг., актуализировать античный материал, тем самым доказав жизнеспособность своей дисциплины. Показательна в этом смысле тема «Изучение отражений земледельческой культуры в языке и фольклоре Древней Греции». Руководитель этой темы Б. Л. Богаевский резко противопоставлял в это время себя «старой» школе Ф. Ф. Зелинского, позиционируя свой подход как единственно верный, согласующийся с марксистским учением: «В противоположность взглядам главы ленинградской классической филологии проф. Ф. Ф. Зелинского, ограничивавшего область изучения государственными культами и традицией, идеализированной мифологией высших классов, Б. Л. Богаевский [неразборчиво] раскрыть подлинную народную религию Древней Греции как часть мировоззрения низов в его живой связи с бытом» (НА ИИМК РАН. Ф. 49. Д. 649. Л. 9). Этот отзыв о научной деятельности Богаевского написан Б. В. Казанским около 1929 г., однако, не приходится сомневаться, что сам Богаевский отредактировал его, внося некоторые резкие тезисы, позволившие наиболее ярко и выпукло представить свои достижения.

С коренизацией и развитием форм национальной автономии в 1920-е гг. в СССР связано появление темы «Этнология в древнем мире» (руководитель В. В. Струве). Желанием продемонстрировать практическую значимость антиковедческих штудий обусловлено еще одно направление — работа по описанию латинских и греческих рукописей ленинградских архиво-

хранилищ (руководитель А. И. Малеин). Рукописи изучали также и в папирологическом кружке (руководитель О. О. Крюгер). Проблематика жанрового своеобразия античной традиции специально разрабатывалась в рамках темы «Изучение литературной преемственности» (другое встречающееся название — «Изучение литературной эволюции и рудиментов») (руководители И. И. Толстой и В. В. Струве). В связи с предстоящим юбилеем одного из представителей материалистической философии Демокрита было организовано исследование античной науки (руководитель — С. Я. Лурье). Наконец, под влиянием марризма возникло направление «Гомер и яфетическая теория» (руководитель Б. Л. Богаевский) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8). Приведенный перечень тем позволяет установить, что ведущими специалистами по классической филологии в Ленинграде во второй половине 1920-х гг. считались Б. Л. Богаевский, А. И. Малеин и И. И. Толстой. Первый из них, имея не подходящее для высокопоставленного человека в советское время прошлое, старался всячески показать свою лояльность властям, борясь с «правой профессурой» в университете и даже занимаясь доношением (Krikh, Popova 2018: 32). О. М. Фрейденберг в своих воспоминаниях характеризует Богаевского как склочника, тщеславного и завистливого человека, но с широкими интересами и идеями (Braginskaya 2006).

Молодое поколение филологов-классиков, закончивших университет в первые послереволюционные годы — А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, А. И. Доватур, И. М. Троцкий — являлись участниками коллективной темы Толстого (к ним же примыкала и С. В. Меликова-Толстая). Они же — за исключением Доватура — исследовали рукописи под руководством Малеина (здесь же был В. Н. Бенешевич). Практически все сотрудники секции древнего ирано-эллинистического мира были заняты в разработке темы Б. Л. Богаевского (кроме названных выше, здесь числились Е. Г. Кагаров, В. В. Струве, Б. В. Казанский, М. Шангин, М. С. Альтман, Р. В. Шмидт). Папирусные фрагменты осваивали В. Н. Бенешевич, В. В. Струве, П. В. Ернштедт, С. Я. Лурье, Ю. П. Францов, А. И. Малеин, Б. Л. Богаевский, И. И. Толстой. Наконец, Гомером в связи с яфетической теорией занимались В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, И. И. Мещанинов, О. М. Фрейденберг, М. С. Альтман, Р. В. Шмидт (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8). Основной организационной формой работы были заседания групп, на каждом из них читался доклад, после чего происходило обсуж-

дение выдвинутых тезисов. Одно из архивных дел позволяет увидеть за отчетами о количестве проведенных заседаний реальное положение дел. Оно содержит десяток разрозненных бумаг — черновиков, относящихся к 1930 г., но авторство которых установить затруднительно. Среди них есть записка, сделанная карандашом, вероятно, руководителем одной из секций ИЛЯЗВ, где прочитывается следующая фраза: «Мечты: слишком много заседаний — слишком мало людей», и ниже: «раздробленный коллектив» (СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 272. Л. 11 об.). Желание «поднять» фундаментальные темы, по-новому осмыслить традиционные для науки вопросы ограничивалось недостатком кадров. Статистические материалы Таблицы 3 позволяют увидеть тенденцию увеличения числа сверхштатных сотрудников в годы существования института. Их работа не оплачивалась, но, вероятно, рассматривалась как испытательный срок, после которого имела надежда на зачисления в штат. Поэтому, по свидетельству современников, разделение сотрудников на штатных и нештатных проявлялось только в получении/неполучении жалования, на степени же активности в исследованиях, проводимых институтом, это не проявлялось (Sinder, Stroeva 1999: 208).

Коллективный характер проводимых работ призван был, по словам историка высшей школы Ш. Х. Чанбарисова, уничтожить «кустарность» в подготовке кадров, «персональные школы», «широту научного подхода и идеологическую выдержанность» (Chanbarisov 1973: 18), однако на деле широко сформулированные исследовательские темы не ограничивали в выборе сюжетов для изучения. Научные сотрудники 2 разряда, как и требовалось, выступали с докладами на заседаниях секции, но показательно, что, вспоминая о своем становлении как ученых, они зачастую не называют институт, где это происходило, а рассказывают именно о своих учителях и о тех неформальных семинарах, которые они проводили — именно эти занятия в действительности явились для молодых филологов-классиков школой науки. Так, А. И. Доватур после окончания университета в 1922 г. поступил в ИЛЯЗВ под руководство И. И. Толстого, который не стремился ограничивать молодых людей в выборе области исследования. Разнообразие интересов профессора позволяло ему быть не формальными, а реальным руководителем. По субботам раз в две недели Иван Иванович устраивал у себя на квартире семинар, где постоянно присутствовали С. В. Меликова-Толстая,

С. Я. Лурье, А. Н. Егунов, И. М. Тронский, М. С. Альтман и А. И. Доватур. Общая тема занятий сформулирована была довольно широко «Изучение формы произведений античной литературы». Там происходило чтение докладов с дальнейшим обсуждением (НИА СРБИИ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 242. Л. 19–20). В связи с воспоминаниями об А. Н. Егунове (1968 г.) А. И. Доватур отмечал, что в 1920-е гг. все молодые филологи-классики посещали также домашние семинары С. А. Жебелева и А. И. Малеина. У первого читали Аристофана, «Реторику» Аристотеля, Фукидида, Лукиана, у второго — Лукреция, Марциала, Петрония (НИА СРБИИ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 242. Л. 19–20). Свой путь лингвиста с изучения классических языков начинала в ИЛЯЗВ С. Л. Быховская (в 1922–1926 гг.), ученица Н. Я. Марра, в будущем известный кавказовед и исследователь баскского языка [Zelikov 2005: 287–291].

Чтобы представить структуру занятий аспиранта-классика ИЛЯЗВ, обратимся к итоговому отчету А. И. Доватура за 1926 г. В центре его внимания была греческая историография как литературный жанр и методы работы греческих историков на материалах Аристотеля. Для этого Доватур изучал Геродота, Фукидида, фрагменты политий Аристотеля и логографов, Плутарха, стихотворения Солона и взгляды Саллюстия на греческую историографию. Эти штудии вылились в доклад о фрагменте 485 Аристотеля, а также в заметку о влиянии стихотворений Солона на историческую традицию. В области реалий молодой аспирант специально изучал государственный строй Афин V в. до н. э. и организацию Первого Афинского морского союза. Для изучения языка Геродота Доватур работал над ионическими и аттическими надписями, в семинаре А. И. Малеина занимался критикой текста — «Афинской политики» Аристотеля и трактата Колумеллы, участвовал в переводе романа Ахилла Татия, в семинаре по чтению прозаиков и поэтов у С. А. Жебелева, вульгарной латыни у А. И. Малеина, бытовой истории у С. Я. Лурье (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 71. Л. 23). Очевидно, что занятия у готовившихся стать научными сотрудниками были насыщенными. Помимо совершенствования в древних языках и выполнения основного исследования, приходилось участвовать и в коллективных проектах, которые редко соприкасались с основной тематикой. Кроме того, не всегда удавалось изначально стать штатным сотрудником и получать жалование от института. Так, Я. М. Боровский и А. И. Доватур стали таковыми только с 1924 г. (поступили в

1923 г.). Первый из них в своем наиболее раннем отчете прямо пишет: «Малая продуктивность объясняется тем, что состоял вне штата и не имел возможность посвящать научной работе достаточно времени» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 41. Л. 4 об.). Но даже и перевод в штатные сотрудники не обеспечивал достойного существования. Н. М. Ботвинник сообщает, что Я. М. Боровский в 1920-е гг. параллельно работе в ИЛЯЗВ служил сотрудником иностранного отдела в «Ленинградской правде», читал и переводил иностранные газеты. Там же работал С. Я. Лурье, Адр. Пиотровский (Botvinnik 2009: 10).

В 1927/1928 гг. во многом под влиянием дискуссий и требований социологических обобщений в структуре Отделения литературы появляются две секции: исторической поэтики и международного литературного обмена. В рамках первой из них реализовывалось направление античной поэтики (руководитель — Б. В. Казанский, участники: О. М. Фрейденберг, О. О. Крюгер, М. Шангин, М. С. Альтман), второй — тема «Вергилий в России (200-летие со дня рождения Вергилия)». Причём, программа по изучению Вергилия была согласована с международным комитетом во Флоренции (руководитель — А. И. Малеин, участники: Е. Г. Кагаров, И. М. Троцкий, Я. М. Боровский, А. И. Доватур, Г. А. Гуковский) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 41).

Структурные изменения в ИЛЯЗВ происходили постоянно. Они явились следствием внутривнутрипартийной борьбы и дискуссий на высшем уровне. Этими явлениями объясняется неопределенность отношения власти к ученым и относительная свобода в научном творчестве в 1920-х гг. (Ladynin 2016: 12). Последние структурные изменения в ИЛЯЗВ связаны с планами 1928 г. по укрупнению секций, следствием чего явились межсекционные комиссии и научно-вспомогательные учреждения (кабинеты и лаборатории) для выполнения определенных научно-исследовательских работ. Индивидуальная работа допускалась при этом как исключение. Основной и практически единственной становилась коллективная работа. Приоритетными объявлялись темы, учитывающие практику социалистического строительства. Так, были созданы кабинет древнего источниковедения во главе с Б. Л. Богаевским и О. О. Крюгером, комиссия древнего мира во главе с В. В. Струве и Б. Л. Богаевским (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 57, 65, 72). Были намечены и темы для будущих исследований комиссии древнего мира на 5 лет: 1. Греко-восточные литературные отношения (авантюрный

сюжет, сказка, роман; восточные темы в античной литературе, мифе и фольклоре; возникновение и эволюция жанров; взаимоотношение восточных и античных литературных явлений) (организаторы — В. В. Струве, И. И. Толстой); 2. Палеонтология и социология эпоса (организаторы — Б. Л. Богаевский, О. М. Фрейденберг, Б. В. Казанский) (СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 270. Л. 9). Но этим планам не суждено было сбыться. Вступившая в свою активную фазу индустриализация страны, культурная революция требовали исполнения новых задач по наращиванию работ прикладного характера и непосредственного участия в культурном строительстве. В 1930 г. ИЛЯЗВ прекратил свое существование.

При исследовании реформ в области науки 1920-х гг. следует учитывать, что они происходили после событий 1917 г, коренным образом изменивших уклад страны. Новые советские чиновники считали, что изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и культурной, можно совершить быстро, приняв соответствующие директивы. Порой уже самого по себе факта новизны, могущего якобы сломать прежнюю систему, было достаточно для обоснования реформ, за которыми стояли приверженцы нового социального строя. Но искусственно создаваемые структуры и институциональные рамки для научного творчества наталкивались на сформировавшиеся десятилетиями традиции и представления, которые сложно было поменять и которые на деле адаптировались к новым условиям.

Таблица 1. Численный состав ИЛЯЗВ на 1923 г.
(по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 29)

Секция	Действительные члены	Научные сотрудники 1 разряда	Научные сотрудники 2 разряда
Теории и методологии литературы	5	20	14
Общелингвистическая	4	12	5
Древнего и ирано-эллинистического мира	12	9	11
Романо-германского мира	4	2	9
Славяно-греческого мира и Ближнего Востока	26	35	30
Среднеазиатская, индийская и дальневосточная	8	3	4

Итого	59	81	73
-------	----	----	----

Таблица 2. Персональный состав ИЛЯЗВ по разряду «Классическая филология»

Год	Действительные члены		Научные сотрудники 1 разряда		Научные сотрудники 2 разр.	
	штатные	нештатные	штатные	нештатные	штатные	нештатные
1924 г. (по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 6. Л. 7. 35).	Богачевский Б. Л., Маленн А. И., Толстой И. И.	Соколов И. И., Бенешевич В. Н. Крюгер О. О., Ернштедт П. В., Меликова-Толстая С. В., Садов А. И.	Казанский Б. В., Крюгер О. О., Ернштедт П. В., Меликова-Толстая С. В., Садов А. И.	Пиотровский А. И.	Быховская С. А., Борковский Я. М., Доватур А. И.	Болдырев А. В., Альгман М. С., Троцкий И. М. (прикомандиро- ванный)
1927 г. (по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 19. Л. 11)	Богачевский Б. Л., Маленн А. И., Соколов И. И., Толстой И. И.	Кагаров Е. Г., Ляпунов Б. М.	Ернштедт П. В., Казанский Б. В., Крюгер О. О., Фрейденберг О. М., Троцкий И. М.	Меликова-Толстая С. В., Пиотровский А. И., Троцкий И. М.	Болдырев А. В., Борковский Я. М., Доватур А. И.	Залесский Н. Н.

Таблица 3. Движение личного состава ИЛЯЗВ

год	д.ч.		н. с. 1 разряда		н. с. 2 разряда (аспиранты)		Приком.	Окончившие аспирантуру
	шт.	сверх.	шт.	сверх.	шт.	сверх.		
1922/1923	28	3	20	8	17	32	10	
1923/1924	30	4	26	29	19	33	14	13
1924/1925	31	4	29	49	22	51	15	8
1925/1926	31	13	30	59	13	56	22	4
1926/1927	31	15	30	64	18	33	22	4

Пояснения к таблице: д.ч. — действительные члены; н. с. — научные сотрудники; шт. — штатные научные сотрудники; сверх. — сверхштатные научные сотрудники; приком. — прикомандированные.

Литература

- Botvinnik, N. M. 2009: [Ya. M. Borovskij]. In: *Borovskij Ya. M. Opera philologica*, (ed.) A. K. Gavrillov et al. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana; Dmitrij Bulanin, 9–14.

- Ботвинник, Н. М. 2009: Я. М. Боровский, в: *Боровский Я. М. Opera philologica* / Подг. изд. А. К. Гаврилов и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2009, 9–14.
- Borovskij, Ya. M. 2009: [Alexander Vasilyevich Boldyrev]. In: *Borovskij Ya. M. Opera philologica*, eds. by A. K. Gavrilo et al. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana, Dmitrij Bulanin, 405–412.
- Боровский, Я. М. 2009: Александр Васильевич Болдырев, в: *Боровский Я. М. Opera philologica* / Подг. изд. А. К. Гаврилов и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 405–412.
- Braginskaya, N. V. 2006: [Between witnesses and judges. Remark about the book: V. M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin and Linguistics. M.: Languages of Slavic cultures, 2005]. URL: <https://archive.ph/20130417105517/http://ivgi.rsuh.ru/article.html#selection-229.0-247.46>. Date: 20.03.2023.
- Брагинская, Н. В. 2006: Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. URL: <https://archive.ph/20130417105517/http://ivgi.rsuh.ru/article.html#selection-229.0-247.46>. Дата посещения: 20.03.2023.
- Chanbarisov, Sh. H. 1973: [*Formation of the Soviet university system. (1917 – 1938)*]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Чанбарисов, Ш. Х. 1973: *Формирование советской университетской системы. (1917–1938 гг.)*. Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Desnickaya, A. V. 2003: [Linguistic Institutes of Leningrad in the History of Soviet Linguistics of the 20s – 40s.], publ. by A. V. Zhugra. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Vol. 1, ch. 1, 13–40.
- Десницкая, А. В. 2003: Лингвистические институты Ленинграда в истории советского языкознания 20–40-х гг. / Публ. А. В. Жугры. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Т. 1, ч. 1, 13–40.
- Dmitriev, A. 2002: [“Academic Marxism” of the 1920s – 1930s and the History of the Academy of Science: Case of A. N. Shebunin]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 54(2), 29–60.
- Дмитриев, А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А. Н. Шебунина, в: *Новое литературное обозрение*, 54 (2), 29–60.
- Ivanova, L. V. 1968: [*At the origins of Soviet Historical Science (training of Marxist historians in 1917–1929)*]. Moscow: Mysl'.
- Иванова, Л. В. 1968: *У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.)*. М.: Мысль.
- Krikh, S. B., Popova, A. A. 2018: [Evil Science: An Unpublished Review by B. L. Bogaevsky]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 4 (20), 31–38.

- Крих, С. Б., Попова, А. А. 2018: Злая наука: неопубликованная рецензия Б. Л. Богаевского, в: *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 4 (20), 31–38.
- Ladynin, I. A. 2016: [Features of the Landscape (How Marxist was the “Soviet Antiquity”?)]. In: *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И. А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность?»), в: *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, 2 (4), 9–32.
- Metel', O. V. 2016: [The quest of the «classic» in soviet historiography of the early christianity in the 1920s–1930s: F. Engels against K. Kautsky]. In: *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2 (4), 107–130.
- Метель, О. В. 2016: «Поиски классики» в советской историографии первоначального христианства 1920–1930-х гг.: Ф. Энгельс против К. Каутского, в: *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, 2 (4), 107–130.
- Sinder, L. R., Stroeve, T. V. 1999: [Institute of Speech Culture and Soviet Linguistics of the 20s – 30s], publ. by L.V. Bondarko, в: *Yazyk i rechevaia deyatelnost'*, 2, 206–211.
- Зиндер, Л. Р., Строева, Т. В. 1999: Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов, publ. Л. В. Бондарко, в: *Язык и речевая деятельность*, 2, 206–211.
- Zelikov, M. V. 2005: [The linguistic heritage of S. L. Bykhovskaya as an important link in the historical and typological research of Russian Linguistics], in: *Lingvistika v gody vojny: lyudi, sud'by, sversheniya. Materialy vserossijskoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*, ed. by N. N. Kazanskij. St. Petersburg: Nauka, 287–292.
- Зеликов, М. В. 2005: Лингвистическое наследие С. Л. Быховской как важное звено историко-типологических исследований отечественного языкознания, в: *Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 287–292.
- Zelinskij, F. F. 2012: [Autobiography], transl. A. I. Ruban. In: *Drevnij mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah*, 4, 46–197.
- Зелинский, Ф. Ф. 2012: Автобиография, пер. с нем. А. И. Рубана, в: *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах*, 4, 46 – 197.

А. Н. Соболев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
sobolev@staff.uni-marburg.de

SERBIAN NORTH METOCHIAN IDIOM OF THE VILLAGE OF TUCHEP IN THE ATLAS OF THE BALKAN LINGUISTIC AREA

Сербский северно-метохийский говор села Тучеп в Атласе балканского языкового ареала

Проект Атласа балканского языкового ареала предполагает создание базы данных по явлениям в языках Юго-Восточной Европы, обусловленным контактным взаимодействием, и нацелен на решение теоретических проблем в области ареальной лингвистики. Статья посвящена презентации 99 фонетико-фонологических, морфосинтаксических, семантических и лексических признаков анкеты-вопросника атласа в сербском северно-метохийском говоре села Тучеп. Делаются предварительные обобщения о сочетании в системе говора унаследованных славянских, благоприобретенных общебалканских и возникших под прямым турецким и албанским влиянием категорий и единиц. Основные характеристики славянского языкового типа в говоре полностью сохранены.

Ключевые слова: сербские диалекты, сербские диалекты Северной Метохии, говор села Тучеп, балканский языковой союз, лингвистическая балканизация, Atlas of the Balkan Linguistic Area.

A. N. Sobolev
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
sobolev@staff.uni-marburg.de

Serbian North Metochian idiom of the village of Tucep in the Atlas of the Balkan Linguistic Area

The Atlas of the Balkan Linguistic Area project implies the development of a database of language contact phenomena in the languages of Southeast Europe and aims to resolve theoretical issues in the field of areal linguistics. This article presents 99 phonetic-phonological, morpho-syntactic, semantic, and lexical features of the questionnaire survey of the Atlas in the Serbian North Metochian idiom of the village of Tucep. Preliminary generalizations are made about the combination of inherited Slavic categories and units, acquired pan-Balkan ones, and those originating from direct Turkish and Albanian influence in the dialect system. The idiom retains many typologically relevant systemic Slavic archaisms.

Keywords: Serbian dialects, Serbian North Metochian idiom, Tucep idiom, Balkan Sprachbund, linguistic Balkanization, Atlas of the Balkan Linguistic Area.

Acknowledgement

This work has been carried out within the framework of the “Atlas of the Balkan Linguistic Area” project supported by the French National Research Agency (ANR-21-CE27-0020-ABLA) granted to Evangelia Adamou and the Russian Science Foundation (22-48-09003) granted to Andrey Sobolev.

1. Introduction

The objective of the paper is to showcase the Serbian dialect spoken in North Metochia, specifically at the locality of Tucep, as a representative point in the linguistic grid of the Atlas of the Balkan Linguistic Area, ABLA (Adamou and Sobolev 2023). Tucep’s idiom represents the Serbian dialect of the North Metochia region, as confirmed by Elezović (1932, 1935), Ivić and Remetić (1981) and Bukumirić (2003, 2007, 2012)¹. Tucep is included in the ABLA database as a locality within the Serbian autonomous province of Kosovo and Metochia, which is alternatively known as the partially recognized state of the Republic of Kosovo. The author responsible for the dataset within ABLA is A. N. Sobolev (Sobolev 2023). The Atlas of the Balkan Linguistic Area project will create a comprehensive online database of language contact phenomena across the Balkan languages with 100+ features and 70+ datasets, contributing to areal linguistics theory and setting an example for other linguistic areas, s. abla.cnrs.fr.

The official name of the village is Тучеп/Tučep within the Republic of Serbia, and Tuçep within the Republic of Kosovo. According to www.geonames.org, Tucep is located at coordinates 42.73528, 20.57639. Tucep officially belongs to the municipality of Rakosh within Serbia, and is considered a village in the district of Peja (Serbian Пећ/Peć), municipality of Istog within Kosovo. Tucep is situated in the historic-geographical region of Metohija (Метохија/Metohija) in Serbian, also known as Rrafshi i Dukagjinit in Albanian geography.

The village was first mentioned in 1765. From 1455 to 1912, the whole area was under the rule of the Ottoman Empire, from 1912 to 1918 it was part of Serbia, and from 1918 it was part of Yugoslavia,

---

¹ Unfortunately, the manuscript entitled ‘Sintaksa govora Severne Metohije’ by Mileta Bukumirić was not accessible to me as of April 2023.

now situated on a disputed territory. As of 1989: agricultural, primary school in the nearby village of Osojane, a gravel road to Đurakovac (6 km). There have been no changes in the ethnic composition. Listed as locality number 79 in the Slavic Linguistic Atlas (www.slavatlas.org; Avanesov (Ed.) 1978: 103); listed in *Atlas Linguarum Europae*.

As of 1989, Tuchepe had an approximate population of 370 individuals, residing in approximately 50 households. This same number of households was recorded historically in 1765 (Bukumirić 2003: 24). The village is exclusively populated by Orthodox Christian Serbs who follow the Serbian Orthodox Church. Their L1 is Serbian; there is no information available about the use of Albanian as a second language, but it is possible to assume that some speakers in the area may use it as L2, given that it is the sociolinguistically dominant language in the region (Reljić 2013). The Serbian dialect continuum in North Metohija is non-existent. Therefore, the idiom of Tuchepe should be viewed as a linguistic island, which dialectologically consists a part of the Kosovo dialect group of the Kosovo-Resava dialect of Serbian.

After the Introduction, the paper proceeds with its main part titled 'Linguistic Features', which is subdivided according to the levels of language structure that are presented: Greetings, Borrowing, Lexicon, Prosody, Phonetics, Phonetics/Phonology, Phonology, Noun phrase, Numerals, Verb phrase, Simple clause, Complex clause, and Word order. The Data analysis section precedes the main findings of the research, which are summarised in the Conclusions.

2. Linguistic Features

The linguistic features were elaborated by the members of the ABLA project (Adamou et al. 2023). Textual examples are supplied as necessary to demonstrate the functioning of categories and forms. Although some text examples may contain multiple grammatical features, we sought additional phrasings to increase the quantity of data. Original Cyrillic examples were transliterated in the Latin script of Serbian.

Consistent with the academic tradition in Russia, glosses for Serbian examples are usually not provided, which is a reflection of the expectation that readers possess the necessary linguistic skills to interpret the examples themselves. The British English version of this paper has been generated by OpenAI (chat.openai.com).

The numbers in parentheses indicate the corresponding numbering on the ABLA website as of April 2023.

2.1. Greetings

1. (1) Greeting someone familiar: ‘How are you?’

The standard traditional greeting formula is *Pomaga Bog!* ‘May God help you!’, in the early morning — *Zdravo osamnuo!* ‘I hope you have a good morning! I hope you woke up well’. To address those who are working, the greeting *Jeste se umorili?* ‘Lit. Have you become tired?’ is used. In more recent times, the general greeting *Dobar dan!* ‘Good day!’ become widespread (Bukumirić 2007: 209).

The common and informal greeting used to ask about someone’s well-being or current state is *Kako si?* ‘How are you?’; ex. *Kako si, bre?* ‘How are you, mate?’; *Kako si, Radovane?* ‘How are you, Radovan?’; *Kako si, seko?* ‘How are you, sister?’; *Kako si, čora?* ‘How are you, daughter?’ (Bukumirić 2012: 551; Bukumirić 2003: 306, 183, 209).

The common and informal way of asking someone about their current activities or actions is *Šta radiš? Šta radite?* ‘What are you doing?’ (Bukumirić 2003: 183, 209); it can express surprise, disapproval, or annoyance *Šta radiš to, đavol’e* ‘What the hell are you doing?!’ (Bukumirić 2003: 146).

2.2. Borrowing

2. (2) Exhortative: ‘c’mon!’ ‘let’s go!’ (from Turkish: *hayde*)

One can encourage or urge someone to do something by using *aj, ajmo, ajte*, ex. *Aj d[a] ideš da vidiš...!* ‘Come on, you go and see ...!’; *Ajmo kući!* ‘Let’s go home!’ (Bukumirić 2012: 18); *Ajt nak uzme puškomitrol’ez!* ‘Come on, let him take a mashine gun!’ (Bukumirić 2012: 19).

3. (3) Unceremonious particle of address (from Greek: *more, vre*)

The particles of address *bre* and *more* can be used as full synonyms: *Kako si, bre, čora?* ‘How are you, daughter?’; *More, nesi ti čiš!* ‘Oi, you are not clean!’; *More, skin se s kol’i* ‘Hey, get off the cart’ (Bukumirić 2003: 312); cf. *More, snao!* ‘Hey, daughter-in-law!’, *Mori, domačine!* ‘Hey, domine!’ (Bukumirić 2012: 329).

4. (4) Term of endearment: ‘my soul’ (from Turkish: *canım*)

Not attested (Bukumirić 2003; 2012).

5. (5) Wishes (from Arabic and Turkish: *inshallah*)

The *inshallah* phrase is commonly used as an expression of hope when an event is out of human control and subject to the will of God: *Išala će dones Bog* ‘If God wills it, this will happen’ (Bukumirić 2003: 263). As a protective phrase against the evil eye *mašala* is used, cf. *Kad nešto l’epo čovek vidi, treba da kaže mašala da ga ne uroči* ‘When one sees something beautiful, it is customary to say ‘mashallah’ to avoid it being cursed’ (Bukumirić 2012: 315).

6. (6) Discourse modifier: ‘just right!’ (from Turkish: *taman*)

The adverb *taman* (also *tamən*) has two meanings: 1. which fits in size, cf. *Košulčići taman za ovu decu* ‘These t-shirts are just the right size for these children’; 2. exactly at that time, then, cf. *Ja taman na vrata da ulegnem...* ‘Exactly as I approached the door...’. (Bukumirić 2012: 595–596). The adverb *saglam* is a synonym of *taman* (Bukumirić 2003: 55).

7. (7) Adversative: ‘but’

No ‘but’ is a more frequently used conjunction than *nego* ‘but’, cf. *Može, no neće* ‘He is able to, but he is unwilling to’ (Bukumirić 2012: 595–303); *Neće devojka nikako da razgovara s tebom, nego će sa sinem* ‘The girl doesn’t want to talk to you, but she will talk to your son.’ (Bukumirić 2012: 358).

8. (8) ‘And, too, yet’ (from Turkish: *hem*)

The conjunction *em* ‘and; both’ is attested, cf. the proverb *Ne može em pare em jare* ‘You can’t have two things at once. Lit. You cannot keep both the kid goat and the money for it’ (Bukumirić 2012: 151).

9. (9) ‘Why, because, for that reason’ (from Greek: *oti*)

No reflex of Greek *oti* is attested. The most common conjunction of reason *se* ‘because’ has its origins in Albanian, cf. *Ajde, se sa[d] će kiša!* ‘Let’s go, because it will begin raining now!’ (Bukumirić 2012: 550). The conjunction *jer* is rarely attested and is only used by younger speakers, cf. *Nemojte da se predate Nemcima jer više kuće gl’edat nećete* ‘Do not give in to the Germans, because you will never return home’ (Bukumirić 2012: 224).

10. (10) Sentence negation: ‘no’

The negative particle *ne* ‘no’ is used in all moods, cf. ex. *Ne zovemo se ič — jok* ‘We do not invite each other at all, no’ (Bukumirić 2012: 226; 357); *Nemo da ne svratite!* ‘Don’t forget to

stop by my place. Lit. Don't not stop by my place' (Bukumirić 2003: 266); *Ne jeđi ne pi!* 'Don't eat, don't drink' (Bukumirić 2003: 265).

11. (11) Sentence negation: ingressive dental click (*tsk*)

Not attested (Bukumirić 2003; 2012).

12. (12) Word meaning for: 'mother, mom'

Only the reflex of the Proto-Slavic **matьka* 'mother' has been attested, ex. *Pričau o tvoje majke kako je bila l'epa* 'They say about your mother that she was beautiful' (Bukumirić 2012: 309).

13. (13) Word meaning for: 'father, dad'

Only the reflex of the Proto-Slavic **otьcb* 'father' has been attested, ex. *S majkom al'i sa snaom bi došla, a momak sas ocom il'i z bratom* 'The girl would come with her mother or daughter-in-law, while the lad would come with his father or brother' (Bukumirić 2012: 401).

14. (14) Word meaning for: 'husband's sister'

Only the reflex of the Proto-Slavic **zъly* 'husband's sister' has been attested, ex. *Zave se udal'e, ostal'i samo ja i moj čovek* 'All of my husband's sisters are married, only my husband and I have stayed here' (Bukumirić 2012: 162).

15. (15) Word meaning for: 'brother-in-law (husband of one's wife's sister)' (from Turkish: *bacanak*)

Two reflexes of the Turkic *bacanak* 'husband of one's wife's sister' has been attested, cf. ex. *Badžanak se z badžanacima nikad nije tužeo* 'Lit. A husband of one's wife's sister never sued a husband of another wife's sister' (Bukumirić 2012: 34–35); *Taj Mirković is Krstovca i ja smo pašanozi, naše žene su sestre* 'Mirković and I are husbands of one's wife's sister; our wives are sisters' (Bukumirić 2012: 414).

16. (16) Word meaning for: 'someone from the groom's side accompanying the bride to the groom's house'

The wedding ceremony is thoroughly described in the publication (Bukumirić 2007). A wedding figure from the groom's household, accompanying the bride from her parental home to the groom's home, is called *dever* < Proto-Slavic **děverь* 'brother-in-law' (Bukumirić 2007: 163).

There are separate groups of male and female wedding attendants (*svatovi*, pl (Bukumirić 2012: 546)) from the groom's household. The group of male wedding figures is called *imenjaci* 'lit. namesake, pl', and consists of *stari svat*, or *starojko* 'lit. old

wedding guest', *barjaktar* 'lit. flag bearer', *dever* 'brother-in-law', *kum* 'godfather; best man at a wedding' and *vojvoda* 'warlord'; cf. *Najpre se zovnu starojko, kum i bajraktar* 'To begin with, *starojko*, *kum* and *bajraktar* are invited' (Bukumirić 2012: 205, 546, 28). The group of female wedding attendants is called *enđe*; among them there are *deverska*, or *deverovica* 'the *dever*'s wife' and *debel'i svat* 'the *starojko*'s wife; lit. a fat *svat*'. The *muštulugdžije* are 'the ones who become a reward or a prize, *muštulug*, for bringing good news' (Bukumirić 2012: 151, 336).

17. (17) Turkish agentive suffix: *-ci [dʒi] / -çi [tʃi]*

Two classes of nomina agentis are built with this suffix, and can be distinguished. The first consists of words with a Turkish stem and Turkish suffix, which suggests that they are lexical borrowings, rather than examples of borrowing a word-formation element. Ex. *bunardžija* 'well-digger', *igbaldžija* 'the lucky one' (Bukumirić 2003: 144; Bukumirić 2012). The second group consists of Slavic words, mostly with a verbal stem, ex. *galamdžija* 'the one who makes noise', *drkadžija* 'ill-mannered', *zadevdžija* 'scandal-monger', *kosadžija* 'chief harvester', *lovdžija* 'hunter', *navodadžija* 'wedding broker', *poklondžija* 'a person who brings gifts for the wedding', *troškadžija* 'spendthrift', *šaldžija* 'joker', *šl'okadžija* 'heavy drinker' (Bukumirić 2012: 94, passim).

18. (18) Word meaning for: 'corn'/'maize'

This meaning can be expressed by two words, *kolomboć*, old and *kukuruz*, new; cf. *Pre smo zval'i kolomboć, a sad kukuruz* 'Previously, we used to call it *kolomboć*, but now we call it *kukuruz*'. Both words can be used to form derivatives such as *kolomboćni* and *kukuruzni* 'made of corn', *kolobotnjica* 'cornbread' (Bukumirić 2012: 255).

19. (19) Word meaning for: 'covered barn for the sheep'

A separate covered barn for livestock inside the house yard or in the mountains can be called either *košara* or *pojata*, cf. *U košare smo držali jalovinu* 'We kept the barren animals in barns'; *Pojate su bil'e pokrivene slamom* 'Barns were usually covered with straw'. The ground floor of the living house where animals were kept was called *izba*, cf. *L'eti u pojate, a zimi u izbe* 'In summer [we kept animals] in *pojata*, and in winter in *izba*' (Bukumirić 2012: 194, 267).

20. (20) Word meaning for: ‘to like (smth.)’

The meaning is expressed by the verb *volet*, ex. *Bil’e su neke jabuke kožarke, ja sam nji najvol’ela* ‘There were a type of apples called *kožarke* that I liked the most’ (Bukumirić 2012: 252). The reflexive verbs *sviđat se* and *dopadat se* can be used to express an emotional response or feeling, ex. *Sviđala mu se devojka, ali...* ‘He liked the girl, but...’ (Bukumirić 2012: 548); *Beše jedna kobila zekasta što mi se dopala* ‘There was a mare with a coat color resembling that of a wild rabbit, which I liked’ (Bukumirić 2012: 186). The borrowing from Albanian *knačit (se)* means ‘enjoy’, ex. *Vruća kolobotnjica da te knači da ješ* ‘Hot cornbread is a true delight!’ (Bukumirić 2012: 250).

21. (21) Borrowed numerals (1-10)

Not attested (Bukumirić 2003: 248).

22. (22) Numeral 1000

The meaning is expressed by the numeral *il’ada*, ex. *Jedan mu tražijo il’adu maraka da mu donese dve il’ade blokova* ‘One person asked for 1000 German marks in exchange for delivering 2000 building blocks from him’. A banknote of 1000 is called *il’adarka* (Bukumirić 2003: 249; Bukumirić 2012: 204).

2.3. Numerals

23. (24) Numerals: numeral (11–21) + preposition ‘on’

No prepositional phrase is used with numerals 11 and above, ex. *dvanaes roba* ‘12 family members; lit. 12 slaves’; *trinaes krava* ‘13 cows’, *dvaes-triez godina* ‘about 20–30 years’ (Bukumirić 2003: 248–249).

2.4. Lexicon

24. (25) Word meaning for: ‘Spring Day’

Not attested (Bukumirić 2003; 2007; 2012).

25. (26) Word meaning for: ‘St. George’s Day’

The name of the St. George’s Day, celebrated on 6 May (O.S. 23 April), is *Đurđevdan*, ex. *Do Đurđevdana smo čuval’i stoku po l’ivada bel’inačkija* ‘We used to graze the livestock in the meadows of Belinac until St. George’s Day’ (Bukumirić 2012: 149; Plotnikova 2004).

26. (27) Word Meaning For: ‘A Tree Or A Piece Of Wood Burned On Christmas Eve’

A bundle of oak branches with leaves or a small tree that is cut down and prepared for use in Christmas Eve celebrations is called

badnjak, ex. *Donesemo badnjak na Badnji dan* ‘We bring a *badnjak* for Christmas Eve’; *Kat se badnjak donese, prskaju ga žitem da ima beričet* ‘When the *badnjak* is brought, it is sprinkled with wheat for fertility’ (Bukumirić 2012: 27; Plotnikova 2004).

2.5. Noun Phrase

27. (28) Definite article

Not attested. The definite article is not present and thus not utilized in either referential or contextually determined circumstances, cf. *Oni, ti komunisti, došli, te da biju popa. Mi se pokupili, oko popa sedimo. ... Pop reče...* ‘They, these communists, appeared and intended to beat up the priest. We gathered around the priest and sat down. The priest said...’ (Bukumirić 2003: 321).

28. (29) Position of definite article

Not attested, cf. Definite article.

29. (30) Connecting article

Not attested, cf. the possessive phrase *stric tave ... moe snae* ‘[the] uncle of that my daughter-in-law’ and the attributive phrase *dete malo* ‘little boy; lit. little child’ (Bukumirić 2003: 319).

30. (31) Definite article dropped after prepositions

Not attested. The definite article is not present and thus not utilized in either referential or contextually determined circumstances after prepositions, ex. *Rešeto iznesu. U rešeto pčeneca* ‘They bring a sieve. Inside the sieve, there is wheat.’ (Bukumirić 2003: 321).

31. (32) Number of distinct demonstrative pronouns

Proximal, neutral and distal deixis are used to indicate the relative location of an object or person in relation to the speaker or the listener, ex. *tavaj*.M.SG ‘this here’, *tataj*.M.SG ‘this/that’, *tanaj*.M.SG ‘that there’ (Bukumirić 2003: 230).

32. (33) Gender distinction on pronouns

This idiom distinguishes between three genders, both in the singular and plural forms of personal pronouns, ex. *on* ‘he’, *ona* ‘she’, *ono* ‘it’; *oni* ‘they.PL.M’, *one* ‘they.PL.F’, *ona* ‘they.PL.N’ (Bukumirić 2003: 224).

Some parts of grammatical structure however may show reduced gender differentiation in the plural form, cf. attributive phrases and perfect forms such as *svi igrači* ‘all [the] players’, *sve ćerke* ‘all the daughters’, *sva deca* ‘all the children’ (Bukumirić 2012: 157; Bukumirić 2003: 233); *Žene su, maom, bojal’e same*

‘The women mostly dyed (the fabrics) themselves’ (Bukumirić 2012: 47); *Onojzina deca su se poženila* ‘All the children of this woman have married’ (Bukumirić 2012: 391) on one side with attributive phrases and perfect forms such as *I svi mnadi devojke* ‘And all the young girls’ (Bukumirić 2012: 124); *Žene su žnel’i* ‘Women were harvesting’, *Išli su i udate žene* ‘Married women went there as well’ on another side (Bukumirić 2003: 58).

33. (34) Ambigenous nouns

Generally, there are nouns that have one gender category in the singular form and a different gender category in the plural form. For example, there is a minor group of names for young animals that are neutral in the singular form and masculine in the plural form: *jagne, jagaci, jagacima* ‘lamb’; *jare, jaradi, jaradima* ‘kid’; *tel’e, telaci* ‘calf’; *tel’e, telad, troje teladi, sa teladima* ‘calf’ (Bukumirić 2003: 202–203), ex. *tel’e žarkasto* ‘red-coloured calf’; *Telaci mu ostali u blato* ‘His calves stayed in mud (a phraseologism with the meaning ‘His calves were stolen’)’ (Bukumirić 2012: 153, 601).

34. (35) Negative pronouns derived from interrogative pronouns

The following negative pronouns are derived from interrogative ones through a negation prefix: *niko* ‘nobody’; *ništa* ‘nothing’; *nikaki* ‘none’ (Bukumirić 2003: 225), ex. *Ko će ove jagnjad da podoji?* ‘Who will milk these sheep? Lit. lambs?’; *S nikim se nije svađao* ‘He didn’t argue with anyone’ (Bukumirić 2012: 250; 362).

35. (36) Adjective gradation: markers for comparative and superlative degree

An unusually broad range of markers is employed to indicate degrees of comparison: various affixes such as in *mnadi* ‘younger’, *zdraviji* ‘healthier’, and *slapši* ‘weaker’; a prepositive particle added to a positive form as in *po visok* ‘higher’ and *naj star* ‘the oldest one’; a combination of particles and affixes such as *po stariji* ‘older; less intensive degree if compared to *po star*)’ and *naj pametniji* ‘the cleverest one’ (Bukumirić 2003: 238–239).

36. (37) Reflexive possessive pronoun

A reflex of Proto-Slavic **svojb* is attested, ex. *za svou decu* ‘for one’s own children’ (Bukumirić 2003: 235). Cf. *Ja ot sebe sve dajem* ‘I give my all’ (Bukumirić 2003: 318).

37. (38) Possession in NPs with non-pronominal possessors

There are three ways that the possessor in non-pronominal NPs can be indicated: through a Slavic-type possessive adjective, through Genitive, and through Dative. The possessive adjective is typically but not exclusively constructed from proper names and kinship terms, such as in *Milova sestra* ‘Milo’s sister’ (Bukumirić 2003: 196); *Drži u sobu očevu i majčinu sl’iku* ‘He or she keeps the father’s and mother’s photographs in the room’ (Bukumirić 2012: 404). Genitive and Dative forms seem to compete, cf. *otac ove.GEN/DAT snae.GEN/DAT* ‘[the]father of this daughter-in-law’ (Bukumirić 2003: 340) and *majka toj.GEN/DAT devojke.GEN/DAT* ‘[the] mother of this girl’ (Bukumirić 2003: 229); *moemu.DAT svekru.DAT sestra* ‘[the] sister of my father-in-law’ (Bukumirić 2003: 234). The origin of a person can be expressed using the preposition ‘from’, ex. *ćerka od ovoj.GEN/DAT snae.GEN/DAT* (Bukumirić 2003: 245).

38. (39) Possession in NPs with pronominal possessors

Possessive pronouns are used in competition with enclitic Dative case forms, cf. *njojna majka* ‘her mother’, *Ko ju.DAT/ACC.POSS je majka?* ‘Who is her mother?’, *Eto ti ju ju.DAT/ACC.POSS majka* (sic!) ‘Here is her mother’ (Bukumirić 2003: 229, 223, 304); *Majka mu sirota prepuče od žalosti* ‘His poor mother succumbed to sorrow’ (Bukumirić 2012: 485).

39. (40) Possessive vs. pseudopartitive construction: structural split

Pseudopartitive constructions use the Genitive case, ex. *đugum vode* ‘copper jug of water’ (Bukumirić 2003: 52). If we observe a tendency for the Dative case to replace the Genitive case in possessive NPs, then we can talk about the emergence of a structural split between possession and pseudopartitivity.

40. (41) Doubled article use in NPs with adjectives

Not attested. The definite article is not present and thus not utilized in either referential or contextually determined circumstances in NPs, cf. *taj Laza stari* ‘this old Laza (proper name)’ (Bukumirić 2003: 236).

41. (42) Expressive *m*-reduplication

Not attested (Bukumirić 2003; 2007; 2012).

2.6. Simple Clause

42. (43) Core cases for nouns

The most central roles in a sentence are played by the Nominative (the case of the subject of a clause), the Accusative (the case of the object of a transitive clause), and the Dative (the case of the indirect object), ex. *Pobegla mu žena* ‘His wife ran away’; *Za ka će s uda devojka* ‘Who will the girl marry?’ (Bukumirić 2003: 271, 316); *...da ni da devojku za sina* ‘...to give us his daughter for our son’; *...d uzmeđu tavu ženu* ‘...to take this woman’ (Bukumirić 2003: 338; 230); *Da devojke* ‘He/she gave [it] to the girl’; *Reko žene* ‘I told the woman/wife’ (Bukumirić 2003: 208).

43. (44) At least one peripheral case for nouns

There are three peripheral cases with syntactic functional load, the Genitive, the Instrumental, and the Locative, ex. *majku moje žene* ‘[the] mother of my wife’ (Bukumirić 2003: 245); *sa svom ženom* ‘with his wife; lit. with all his wife’ (Bukumirić 2003: 233); *Pričau o tvoje majke* ‘People are saying things about your mother’ (Bukumirić 2003: 209).

44. (45) Genitive/dative merger

While there is no overall merger of the genitive and dative cases, partial case syncretism is observed in the feminine declension and not in the masculine declension, cf. *majka moje.GEN.M žene(F).GEN* ‘my wife’s mother’; *Reko moje.DAT.F majke(F).DAT* ‘I said to my mother’ and *staroga.GEN.M oca(M).GEN* ‘[the] old father’; *Mil’enkovome.DAT.M ocu(M).DAT* ‘To Milenko’s father’ (Bukumirić 2003: 244–245).

45. (46) Indirect object marking

The Dative case is the indirect object marker, ex. *Reko moje.DAT.F majke(F).DAT* ‘I said to my mother’ (Bukumirić 2003: 244).

46. (47) Differential object marking: animate direct object

The animate direct object is marked only in the masculine gender through the syncretism of the Genitive and Accusative cases, cf. *Rikao vo(M.ANIM).NOM* ‘The ox mooded’, *preko vola(M.ANIM).GEN* ‘over the ox’, *Odena uzmeđu vola(M.ANIM).ACC* ‘They took the ox from here’ (Bukumirić 2003: 108, 531, 336) and *Prak(M.INANIM).ACC sam poljubila* ‘I kissed the doorstep’ (Bukumirić 2003: 108).

47. (48) Clitic doubling of pronominal object in VP

The conditions of clitic doubling are currently unknown. Under similar or identical circumstances, clitic doubling can either occur or be absent, cf.

the indirect object phrases *Daj mene!* ‘Give [it] to me’; *Mene dala* ‘She gave [it] to me’ with *Dođe mi mene* ‘He/she/it came to me’; *Tebe ti poznato* ‘It is known to you’; *Te mi mene kaza* ‘And he/she said to me’;

the direct object phrases *Gađa mene* ‘He/she/it is throwing something at me’, *Mene udari* ‘He/she/it hit me’; *Pita me mene* ‘He/she asks me’, *Ne vidim te tebe* ‘I don’t see you’, *Tebe te zvao* ‘He called you’ (Bukumirić 2003: 220).

48. (49) Clitic doubling in VP: order of constituents

If one considers pronominal clitics in VP only, the order of constituents can be any except for Object–Verb–Clitic, cf.

Object–Clitic–Verb: *Mene mi se ufatilo* ‘I caught it; lit. It clung to me’; *Mene me pusti* ‘He/she let me go’, *Tebe te zvao* ‘He called you’ (Bukumirić 2003: 220, 346);

Clitic–Verb–Object: *Ja ti poruči tebe* ‘I let you know’, ...*da ti da tebe* ‘...that he/she gives [it] to you’; *On me gađa mene* ‘He/she/it is throwing something at me’ (Bukumirić 2003: 220);

Clitic–Object–Verb: *Te mi mene kaza* ‘And he/she said to me’, *Fala mu njemu i fala ti tebe* ‘Thanks to you and thanks to him’ (Bukumirić 2003: 220, 236); *Da me mene slušo...* ‘If he had listened to me...’ (Bukumirić 2012: 297);

Verb–Clitic–Object: *Prevari ga njega* ‘He/she deceived him’ (Bukumirić 2003: 221).

49. (50) Clitic doubling in VP: indefinite article of the doubled object

Indefinite article is absent. No doubling occurs when the object is accompanied by the indefinite pronoun *jedan* ‘one; a; some’ in both non-referential and referential (for the speaker) contexts, cf. *Otišao jednoj ženi* ‘He went to one woman’ (Bukumirić 2012: 154); *Iskopamo jednu rupu* ‘We dug a hole’ (Bukumirić 2003: 71); *D idemo da tražimo jednu devojku*. — *De bre da tražimo? Tu i tu, ko tvojege sestrića* ‘Let’s go and search for a girl (to marry). Where should we look for her? Here and here, at your cousin’s house’ (Bukumirić 2003: 338); *Ubil’i su ednoga Živanovića Radoja* ‘They killed one person with the name Živanović Radoje’ (Bukumirić 2003: 323).

50. (51) Placement of pronominal clitic in VP

Pronominal clitics have the flexibility to either precede or follow the host verb, cf. *Da ti damo* ‘That we give it to you’; *Sam ve zvao* ‘I called you’; *Kaže mu* ‘He/she says to him’ (Bukumirić 2003: 221–222).

51. (52) Sentence initial clitic placement

Only verbal clitics have the ability to be positioned at the beginning of a sentence, ex. *Smo ju bil’i veril’i* ‘We had arranged her marriage’ (Bukumirić 2003: 269); *Ću da ju bacim u Bistricu* ‘I am going to throw it (lit. her) into the River Bistrica’ (Bukumirić 2012: 27).

52. (53) Impersonal construction meaning ‘feel like’: dative experiencer with verb

The experiencer in phrases conveying the meaning of ‘feel like’ can be expressed using both the dative and accusative case, ex. *Tebe ti zima* ‘You are feeling cold’; *Mene mi se ufatilo* ‘I caught it; lit. It clung to me’ (Bukumirić 2003: 220); *Mene me sram* ‘I am feeling ashamed’; *Ćef ju bilo* ‘She felt like she was enjoying it’ (Bukumirić 2003: 220, 221, 223).

53. (54) Zero-marking of spatial relations

Not attested. A wide range of prepositions are used to express spatial relations (Bukumirić 2003: 301–303), ex. *Tosmo u Istok* ‘We travelled to Istok town’, *Imala val’avica u Istok* ‘There was a factory that processed wool in the town of Istok’ (Bukumirić 2003: 120, 54).

54. (55) Distinction of basic instrumental and sociative constructions

The instrumental case can be used to express the instrument, as can the preposition *s(as)* ‘with’ followed by the Instrumental case form, cf.

Instrumental: *Oral’i smo oral’etem* ‘We plowed with a plough’, *Maži medom* ‘Smear with honey’, *Vozem dođomo* ‘We arrived by train’ (Bukumirić 2003: 201, 185, 187);

Prepositional phrase: *saz britvom* ‘with razor’, *Vežoval’i s prućom* ‘We bound [it] with rods’, *Zakiti ga s cvećom* ‘She/he decorated it with flowers’, *Oteral’i sa kamionom* ‘They carried it (away) by truck’ (Bukumirić 2003: 301, 202).

The sociative meaning is rendered by the preposition *s(as)* ‘with’ plus the Instrumental case form, ex. *saz decama* ‘with

children', *Sa svatovima me doveli* 'They brought me with the wedding attendants' (Bukumirić 2003: 301).

2.7. Verb phrase

55. (60) Infinitive: forms

The non-finite verbal form of the inherited Slavic infinitive is utilized as a complement to a modal verb, which includes core modals of verbal origin such as 'can', ex. *Može ju neko ukras* 'Somebody can steal her', *Ne bi smeli proj* 'They would not dare to pass' (Bukumirić 2003: 269, 27).

Infinitive is a part of the future tense form, ex. *Pomoj će Bog* 'God will help', *Rana će zaras* 'The wound will heal' (Bukumirić 2003: 269–270).

56. (61) Infinitive: functions

The infinitive has a comprehensive set of roles, but it does not cover all possible tautoprosopical functions selected for presentation in the ABLA features list.

Thus far, no instances have been presented where an infinitive is utilized as a complement to the modal verb 'must', a grammatical structure for which the bare present indicative or 'da + present indicative' substitute are employed, albeit within parameters that lack clear distribution rules, cf. *S njim ja moram idem stalno* 'I must go with him every time' (Bukumirić 2012: 329), *Svaka mnadica morala da zapeva* 'Every young-wife had to sing' (Bukumirić 2003: 329).

As a complement of the modal verb 'want' the infinitive competes with the *da*-construction (*da* + present indicative), cf. *Ol' doj da mi pomogneš?* 'Do you want to come to help me?', *Ol' da dođeš?* 'Do you want to come?' (Bukumirić 2003: 270, 286).

The infinitive is a constituent of the analytical future tense structure without and with negation, as evidenced by the sentence *Će me ispeć* 'He/she will bake me', *Neće rađat* 'She will not give birth' (Bukumirić 2003: 270). However, it has been suggested that the *da*-construction (*da* + present indicative) is more commonly employed in such instances (Bukumirić 2003: 264).

The phasal verb 'to begin, start' appears to exclusively take the *da*-construction (*da* + present indicative), ex. *Počemo da pijemo* 'We started drinking', *Počela da se nadaje* 'She started quarelling' (Bukumirić 2003: 340, 277).

The phasal verb 'to finish' has the verbal substantive as a complement, ex. *...da završimo zidanje* '...to finish the process of

building' (Bukumirić 2012: 626); *Ka[d] se završi gospodanje, počnemo da pijemo* 'After we finish the prayer Gospodi pomiluj, we begin to drink' (Bukumirić 2012: 103).

The infinitive is a constituent of the analytical prohibitive, where it competes with the *da*-construction (*da* + present indicative), ex. *Nemo me mučit!* 'Do not torture me!'; *Nemo da se kaješ!* 'Don't regret it!' (Bukumirić 2003: 266).

No usage of the infinitive as a noun phrase (subject of a sentence) is attested.

57. (62) Evidentiality

There are no special forms that serve as evidential, nor is the perfect used in this function. Dubitative can be expressed by the adverb *bojagi* 'allegedly', ex. *Bojagi nije čuo ništa* 'Allegedly he heard nothing' (Bukumirić 2012: 47).

58. (63) Evidentiality: forms

Not attested (Bukumirić 2003; 2012).

59. (64) Evidentiality: semantics

Not attested (Bukumirić 2003; 2012).

60. (65) Perfect

The perfect tense is formed analytically, using the auxiliary verb *bit* 'to be' in the present tense, followed by the 1-participle of the main verb, ex. *Bogomi smo živel'i dobro* 'We've lived well, by God', *De ste bil'i?* 'Where have you been?' (Bukumirić 2003: 337).

61. (66) Perfect: auxiliary verb in the active voice

The perfect tense is formed analytically, using the auxiliary verb *bit* 'to be' in the present tense, cf. Feature 65.

62. (73) Perfect: lexical part

The perfect tense is formed analytically, using the the 1-participle of the main verb, cf. Feature 65.

63. (75) Pluperfect

The pluperfect tense is formed analytically, using the auxiliary verb *bit* 'to be' in the imperfect tense (or perfect tense) and adding the 1-participle of the main verb, cf. *Majka, otac, beu došl'i tu* 'The mother, father had come here' and *Ja sam bila pala* 'I had been fallen' (Bukumirić 2003: 262–263).

64. (76) Pluperfects: forms

The pluperfect tense is formed analytically (Bukumirić 2003: 262–263).

65. (77) Synthetic past tenses

There are two synthetic past tenses in active usage, namely the aorist and imperfect, cf. *Kako i zvađau*.IMPF ‘What were their names? Lit. How did they call them?’ and *Vozem dođomo*.AOR ‘We arrived by train’. The rules governing the distribution of synthetic and analytic past tenses are underinvestigated (Bukumirić 2003: 262, 259).

66. (78) Subjunctive: verb forms

Not attested (Bukumirić 2003; 2012), i.e. there are no subjunctive markers (such as endings) on the verb forms. Cf. *Prpostavimo da je*.IND *noć* ‘Let’s imagine that it is now night’ (Bukumirić 2003: 265).

67. (79) Verb inflection mergers

In present indicative, it is not attested (Bukumirić 2003; 2012), cf. *žnjem, žnješ, žnje, žnjemo, žnjete, žnju/žnjedu* ‘to harvest’ (Bukumirić 2003: 278).

68. (80) Aspect

The dialect effectively preserves the archaic Slavic aspectual category in which perfective and imperfective meanings are conveyed through the root morpheme, cf. *stat*(PF).INF, *staće*(PF).3SG/PL.FUT ‘to stop’ and *zvat*(IPF).INF, *zvaće*(IPF).3SG/PL.FUT ‘to call’ (Bukumirić 2012: 580, 184). It is not possible to use the perfective stem in the present tense to describe events that are currently happening at the time of speaking.

Only aorist past tense forms can be formed using perfective stems, and the imperfective tense cannot, ex. *Stadoše*(PF).3PL.AOR *volovi* ‘The oxen stopped’ (Bukumirić 2012: 330). This restriction does not apply to imperfective stems, which can form both imperfect and aorist tense forms, cf. *Oni me zvaše*(IPF).3PL.AOR ‘They called me’ and *Kako i zvađau*.IMPF ‘What were their names? Lit. How did they call them?’ (Bukumirić 2003: 260, 262).

69. (81) Aspect: forms

Opposite aspect forms can be derived by using suffixes and prefixes, ex. *zva*(IPF)-*t*, *zov*(IPF)-*em* ‘to call’ (Bukumirić 2012: 580) produces *zov-nu*(PF)-*t* ‘to call’ and *po*(PF)-*zva-t* ‘to call’, cf. *Nesu ktel’i da me zovnu* ‘They did not want to call me’ and *Pozovemo goste* ‘We use to call guests’ (Bukumirić 2012: 189, 443).

70. (82) Non-active voice

Non-active voice can be expressed by a participial construction with the verb *bit* ‘to be’ or by using verbal forms with a clitic reflexive particle, ex. *Nesam bila udavata* ‘I was not married’ and *Udala e se bila* ‘She had been married’ (Bukumirić 2003: 267, 263). There are no special passive conjugational endings or derivational suffixes.

71. (83) Verbal negation markers

Only one negation particle *ne* ‘no; not’ is used with indicative verb forms, modals, and non-finite forms, cf. *Ne znam* ‘I do not know’, *Ne zovte ga!* ‘Do not call him!’, *nezvan* ‘uninvited’ (Bukumirić 2003: 344, 265, 267).

72. (84) Imperative

There are special imperative forms, ex. *jeđi.2SG* ‘eat!’ (Bukumirić 2003: 265).

73. (105) Clitic order in clusters in VP

The standard clitic order follows the pattern Indirect object pronoun + Direct object pronoun, ex. *Ako ti.INDIR ga.DIR fiknem* ‘If I throw it to you’ and *Fikni mu.INDIR ga.DIR!* ‘Throw it to him’ (Bukumirić 2003: 150).

2.8. Complex clause**74. (85) Dental or alveolar modal subordinator**

The conjunction *da* ‘that’ (which begins with a dental sound) is used to introduce tautoprosopical subordinate clauses with modals in the main statement, ex. *Svaka mnadica morala da zapeva* ‘Every young-wife had to sing’; *Ol’ da dođeš?* ‘Do you want to come?’ (Bukumirić 2003: 329, 286).

75. (86) Subordination: finite/non finite verb forms

The tautoprosopical subordinate clauses can contain both non finite (infinitive and verbal substantive) and finite forms (bare present indicative and *da* + present indicative), ex.

Infinitive: *Ol’ dođ da mi pomogneš?* ‘Do you want to come to help me?’ (Bukumirić 2003: 270);

Verbal substantive: *...da završimo zidanje* ‘...to finish the process of building’ (Bukumirić 2012: 626);

Bare present indicative: *S njim ja moram idem stalno* ‘I must go with him every time’ (Bukumirić 2012: 329);

Da-construction (*da* + present indicative): *Svaka mnadica morala da zapeva* ‘Every young-wife had to sing’ (Bukumirić 2003: 329).

76. (87) Future in the past in conditional clauses

No future in the past form is attested (Bukumirić 2003; 2012), cf. the future and anterior future forms in conditional phrase such as *Dojću ako bidnem mogla* ‘I will come, if I [will] have been able to’ (Bukumirić 2012: 265).

77. (88) Relative clauses

The most common relative complementizers are

ko ‘who’: *Kome sam j... majku da mi mene uzima žito!* ‘A person whose mother I f...ed would take my grain from me!’ (Bukumirić 2012: 250);

koji ‘which’: *Jedu leba koji te d idedu na groblje* ‘Those who will go to the cemetery, eat the bread’ (Bukumirić 2012: 253);

čiji ‘whose’: *Poznau se deca čije su majke rabotne* ‘You can tell if a mother is a good worker by looking at her children’ (Bukumirić 2012: 510);

kad ‘when’: *Kad ga sednu na drugo mesto, zakače mu nešto pozadi* ‘After they seat him on another place, they hang something behind him’ (Bukumirić 2012: 229);

de/gde/đe ‘where’: *Ne znam, đe otide* ‘I do not know, where he went’ (Bukumirić 2012: 96);

se ‘why’, *jer* ‘why’: *Ajde, se sa[d] će kiša!* ‘Let’s go, because it will begin raining now!’ (Bukumirić 2012: 550); *Nemojte da se predate Nemcima jer više kuće gl’edat nećete* ‘Do not give in to the Germans, because you will never return home’ (Bukumirić 2012: 224).

2.9. Word order

78. (90) Order of subject, object, and verb

The sentence constituents order is typically Slavic, i.e. free and dependent on thematic-rhematic organisation of information, ex.: *A u Bel’icu, ka u Bel’icu, dete malo tu je pilo rakiju* ‘And in Belica, as it should be in Belica, babies drink alcohol here’ (Bukumirić 2003: 319).

2.10. Phonetics and phonology

79. (92) Mid-central unrounded vowel (schwa)

While the phonemic inventory of the idiom does not include the schwa sound (Ivić and Remetić 1981: 566, 573-578), the allophone

[ə] of /a/ may appear in certain sententially stressed forms as a result of reduction, particularly in expressive speech. Examples of this phenomenon include *bəš* ‘exactly’, *səl* ‘only’, *səmo* ‘only’, *svəki* ‘every’, *tamən* ‘exactly’, *kəd* ‘when’, *səs* ‘with’ (Bukumirić 2003: 74).

80. (95) High front rounded vowel /y/

According to (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578), the phonemic inventory does not include /y/. However, (Bukumirić 2003: 81) provides evidence for [y] in direct loanwords from Albanian, such as *gryka* ‘gorge’, *đyksor* ‘silver coin chest ornament’ etc.

81. (99) Mid vowel raising in unstressed syllable

Open and closed realizations of unstressed short mid vowels /e/ and /o/ (*dəvojka* ‘girl’ ~ *re^ašeto* ‘sieve’) as well as closed realizations of long mid vowels /e/ and /o/ have been identified following rules that are currently undefined (Bukumirić 2003: 75–79, 311).

82. (103) Epenthesis of the palatal semivowel /j/ between vowels

Preceding a front vowel, the articulation of [j] is weakened and it may disappear, ex. *stoi*.3SG ‘to stand’, *gree*.3SG ‘to warm up’, *lae*.3SG ‘to bark’, *zapisue*.3SG ‘to wright down’ (Ivić and Remetić 1981: 566, 575; Bukumirić 2003: 129–136).

83. (105) Reduced articulation (breathy voice) of word final vowels

Not attested (Ivić and Remetić 1981; Bukumirić 2003).

84. (107) Non-sibilant fricative velar /x/ (or glottal /h/) distribution

According to (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578), the phonemic inventory does not include /x/ or /h/. The Proto-Slavic *h has either been lost or substituted, cf. *rana* and *krana* ‘food’. However, in the speech of those who imitate the Serbian standard, [h] may appear in any position, as in the same word *hrana* (Bukumirić 2003: 147–148)

85. (108) /f/ consonant

This phoneme is rare, particularly in the eastern region of North Metochia where Tuchep is located. Typically, it is substituted by the sound /v/, ex. *sovra* ‘low round wooden table’ (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578). On the other hand, in the western part of North Metochia, the /f/ is more usual, ex. *sofra*.

86. (109) Double vibrant [rr]

Not attested (Ivić and Remetić 1981; Bukumirić 2003), cf. *šara* ‘saw’, borrowed from Albanian *sharrë* (Bukumirić 2003: 688).

87. (111) Affricates inventory

Four affricates are attested by (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578), namely /č/, /ć/, /đ/, and /dž/.

However, according to Bukumirić (2003: 133–145, with a map), in the villages with a mixed Serbian and Albanian population, as well as in the Serbian villages surrounded by Albanian ones, the oppositions between /č/ and /ć/, and between /đ/ and /dž/, are neutralised, resulting in [č̌] and [đ̌], ex. *čaša* ‘cup’, *isećemo* ‘cup. Moreover, the same author provides data for the affricate /dz/ with at least peripheral phonemic status, ex. *dzvono* ‘bell’, *dzundzar* ‘a type of a large fly’, *pendzija* ‘pension’, *Dzunić* (surname), *dzukva* ‘wild, uncultivated fruit tree’, *Dzukva* (toponym), *džekar* ‘cow flight from insects’ (Bukumirić 2003: 154; Bukumirić 2012: 191).

88. (114) Weakening (lenition) of voiced stops

No fricativisation or elimination of intervocalic voiced occlusives, such as /d/ and /g/, is attested (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578; Bukumirić 2003: 178–180).

89. (116) Labial palatalized consonants /pʲ/, /bʲ/, /vʲ/, /fʲ/ distribution

Not attested (Ivić and Remetić 1981; Bukumirić 2003; 2012).

90. (118) Non-sibilant fricative dental consonant phonemes /θ/, /ð/

Not attested (Ivić and Remetić 1981; Bukumirić 2003; 2012).

91. (119) Word-initial occurrence of ND/NT clusters

Not attested (Ivić and Remetić 1981; Bukumirić 2003; 2012).

92. (120) Palatal consonants

Five palatal consonants are attested by (Ivić and Remetić 1981: 566, 573–578), namely /j/, nj/, /lj/, /č/, /đ/, with a partially restricted distribution. For ex., the oppositions between /lj/ and /l/, /nj/ and /n/ is neutralized in front of front vowels, resulting in [lʲ] and [nʲ] (sometimes [n]) respectively, as in *mal'i* ‘little’, *l'eba* ‘bread’, *priatel'i* ‘friends; in-laws’, *bol'e* ‘better’, *n'iva* ‘field’, *kon'* ‘horse’, *na kona* ‘on the horse’. The oppositions between /č/ and /ć/, and between /đ/ and /dž/, are neutralised as well, resulting in [č̌] and [đ̌] (Bukumirić 2003: 124, 127–128, 133–145). Finally, /š/ and /ž/ have

palatalized realisations [š'] and [ž'], ex. *ž'iv* 'alive', *duš'u*.ACC 'soul' (Bukumirić 2003: 141–142).

93. (123) Synalepha (blending into one syllable of two successive vowels of adjacent words)

The blending or merging of two syllables into one is observed, ex. *d idem ~ da dem* 'that I go' (Bukumirić 2003: 114, 117).

94. (125) Regressive vowel effects

The assimilative influence that a vowel in one syllable can have on the pronunciation of a vowel in a preceding syllable is attested in some lexicalized cases, such as *avako* < *ovako* 'this way', *Stajan* < *Stojan* (proper name), *do užene* < *do užine* 'prior to the meal before dinner', *surutka* < *sirutka* 'whey (dairy product)' (Bukumirić 2003: 55–56).

2.11. Prosody

95. (124) Stress-shifting: gradation

The particles *po* and *naj* bear stress similar to the gradated adjective, and there is typically no stress-shift. However, two lexicalized counterexamples can be cited: *p`ò veće* 'bigger; more', *p`ò više* 'higher; more' (Bukumirić 2003: 238, 239).

Additionally, it should be noted that the stress pattern in Albanian is also replicated: the regular (typical for the Kosovo-Resava group of the Štokavian dialect) shift of the short descending stress from the closed final syllable to the preceding syllable (*ž`ivot* 'life', *p`otok* 'river', *s`estra* 'sister') is not realized in loanwords from the Albanian language (*bin`ak* 'twin', *dorz`on* 'loan guarantor', *cul`ak* 'naked'), adding here some Slavic toponyms, due to the influence of the pronunciation of Albanian speakers: *Raškod`ol*' (Bukumirić 2003: 55).

2.12 Complex clause

96. (127) Subordination: complementizers

The most frequent complementizers are *da* 'that', *ko* 'who', *koji* 'which', *čiji* 'whose', *kad* 'when', *de/gde/đe* 'where', *se* 'why', *jer* 'why' (Bukumirić 2012: 224, passim).

97. (128) Modal complementizers

The modal complementizer is present in subordinate clauses only, ex. *Ol' da dođeš?* 'Do you want to come?' (Bukumirić 2003: 286).

98. (129) Subordination: clitic climbing

The movement of unstressed object pronouns from a postverbal to a preverbal position is not attested (Bukumirić 2003).

99. (130) Complement subjects for the verb ‘to want’

Both implicit and overt subjects are possible in subordinate clauses with the verb ‘to want’, cf. *Ol’ da dođeš?* ‘Do you want to come?’; *Traže da dođe snaša* ‘They want the bride to come’ (Bukumirić 2003: 286).

Data analysis

The data show a combination of Slavic traits passed down through inheritance, along with general Balkan innovations and direct influences from Albanian and Turkish.

Slavic archaisms are retained mainly in the lexicon (ex. kinship terms, traditional culture), gender differentiation in singular and plural (with some reductions in the latter), definiteness (this category is not acquired), case system (both core and peripheral), animate direct object marking, evidentiality (this category is not acquired), past tenses (analytic perfect and pluperfect tense, synthetic aorist and imperfect tense), aspect, verb inflection, non-active voice, subjunctive (this category is not acquired), clitic order in clusters.

Competing Balkan contact-induced innovative categories and forms, as well as retained Slavic ones, are salient features of the lexicon, adjective gradation, pronominal and nominal possession, distinction of basic instrumental and sociative constructions, infinitive, clitic doubling, affricates inventory, and palatal consonants, among others.

Direct Turkish influence is obvious in lexicon, including discourse, syntax (subordination with phasal verbs), modifiers and word formation. Albanian influence is evident in some segments of phonetics and phonology (ex., the stress pattern replication and sound [y], both in loan words), whereby no borrowing of typologically rare specific Albanian phonemes /rr/, /θ/, /ð/ occurs, and in lexicon (ex., *se* ‘because’; dozens of other instances can be found in (Bukumirić 2012)). Whilst there may be similarities between the grammatical systems of languages in contact, direct replication of rules from one system to another does not occur, for example, while Albanian permits sentence-initial placement of pronominal clitics, Tucep Serbian allows initial placement of verbal clitics instead. Beyond the cultural lexicon, it is feasible to

discern additional traces of Greek influence, presumably transmitted via Turkish and Albanian intermediaries.

Conclusions

The idiom spoken in Tuchepe can be considered a good representative of the Serbian North Metochia dialect. The idiom's structure displays some balkanizing innovations at all levels, but at the same time, it still retains many typologically relevant systemic Slavic archaisms (see Sobolev 2011). This places it on the periphery rather than at the core of the Balkan Sprachbund. The exact position of the dialect within the complex linguistic landscape of the Eastern Europe will become clearer upon the completion of the ABLA project.

Bibliography

- Adamou, Evangelia, Gadjeva, Snezana, Giudici, Alberto, Ivanova, Diana D. Jovanović, Željko, Kharlamova, Anastasia, Kisilier, Maxim L. Konior, Daria V. Kozak, Viacheslav V. Mardale, Alexandru. Morozova, Maria S. Mücke, Johannes. Rusakov, Alexander Y. Sobolev, Andrey N. Vardakis, Georgios. 2023. Linguistic Features. In Evangelia Adamou and Andrey Sobolev (eds). 2023. *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. <https://abla.cnrs.fr/> (Last accessed 2023-04-14)
- Adamou, Evangelia. Sobolev, Andrey N. (Eds). 2023: *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. <https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/> (Last accessed 2023-04-14)
- Avanesov, Ruben I. (Ed.). 1978: *Obshcheshlavianskii lingvističeskii atlas. Vstupitel'nyi vypusk*. [The Common Slavic Linguistic Atlas. Introductory Issue]. M.: Nauka, 1978.
- Bukumirić, Mileta. 2003: *Govori Severne Metohije*. [Dialects of Northern Metohija]. Beograd: SANU, Institut za srpski jezik SANU.
- Bukumirić, Mileta. 2007: *Život Srba u Gorazdovcu*. [The Life of Serbs in Gorazdovac]. Beograd: Etnografski institut SANU.
- Bukumirić, Mileta. 2012: *Rečnik govora Severne Metohije*. [Dictionary of Dialects of Northern Metohija]. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2012.
- Elezović, Gliša. 1932: *Rečnik kosovsko-metohijskog dijalekta*. [Dictionary of the Kosovo-Metohija Dialect]. Sv. I. Beograd: Planeta.
- Elezović, Gliša. 1935: *Rečnik kosovsko-metohijskog dijalekta*. [Dictionary of the Kosovo-Metohija Dialect]. Sv. II. Beograd: Planeta.
- Ivić, Pavle, Remetić, Slobodan. 1981: Tučep. In Ivić, Pavle (Ed.). *Fonološki opisi srpskohrvatskih-hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. [Phonological Descriptions of Serbo-Croatian, Croatian-

- Serbian, Slovenian and Macedonian Dialects included in the Common Slavic Linguistic Atlas]. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1981, 566–567.
- Plotnikova, Anna A. 2004: *Etnolingvistička geografska iuzhnoi Slavii*. [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia]. M.: Indrik.
- Reljić, Mitra. 2013: *Srpski jezik na Kosovu i Metohiji danas (sociolingvistički i kulturnološki aspekt)*. [Serbian language in Kosovo and Metohija today (sociolinguistic and cultural aspects)]. Beograd: SANU; Kosovska Mitrovica: Filozofski fakultet.
- Sobolev, Andrey N. 2011: Antibalkanizmy [Antibalkanisms]. In *Južnoslovenski filolog*. LXVII, 185–195.
- Sobolev, Andrey N. 2023: Serbian (Tuchepe). In Evangelia Adamou and Andrey Sobolev (Eds). *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. <https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/> (Last accessed 2023-04-14).

ТОЛКОВАНИЕ НА ПРОЛОГ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА» АМЕЛИЯ ГЕНТИЛИАНА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ДОКЕТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

В данной статье затронута проблема христианских источников Амелия в его толковании на пролог Евангелия от Иоанна. Исходя из воспринятой у Нумения открытости к «варварской» мудрости восточных народов, Амелий не только активно участвует в полемике с гностиками, но и привлекает христианские источники, обсуждая в школе Плотина философию Логоса. Амелий описывает воплощение Христа в докетических формулировках, что ставит вопрос об источниках его знакомства с еретическими учениями. Автор приходит к выводу, что Амелий мог познакомиться с данной христологией либо в Риме, коммуницируя с членами школы Артемона, деятельность которых была схожа со школой Плотина, либо уже в Сирии, вступив в контакт с Павлом Самосатским. Так, члены школы Артемона усердно занимались философией и математическими науками, занимались критикой библейского текста, и не принимали божественности Христа, считая Его простым человеком, в которого вошел Логос. Христология этой школы имела сближения с гностиками, что могло создавать точки соприкосновения с ними у Амелия, увлеченного полемикой с гностиками. Второй вероятный источник христологии – Павел Самосатский, ученик Артемона, с которым Амелий мог пересечься в Пальмире при дворце царицы Зенобии.

Ключевые слова: Амелий Гентилиан, неоплатонизм, Евангелие от Иоанна, докетизм, Артемон, Павел Самосатский.

Roman S. Soloviev.

Moscow Theological Academy (Sergiev Posad), Russia. solorom@gmail.com

Amelius Gentilianus' interpretation of the Prologue of the Gospel of John: on the sources of the docetic terminology

This paper addresses the problem of Amelius' Christian sources in his interpretation of the Prologue of the Gospel of John. Given his openness, adopted from Numenius, to the "barbarous" wisdom of the Orient, Amelius is not only actively engaged in a polemic with the Gnostics, but also attracts Christian sources when he discusses the philosophy of Logos in the school of Plotinus. Amelius refers to the author of the sacred text in question as a barbarian, thus indicating his respect for the biblical testimony. Amelius describes the incarnation of Christ in docetic terms,

which raises the question of the sources of his familiarity with heretical doctrines. The author of the article compares Amelius' Christology with the Church's existing views of Christ and concludes that it is doctrinal in nature. The author concludes that Amelius may have become acquainted with such Christology either in Rome, communicating with members of the school of Artemon, whose activities were similar to those of Plotinus, or in Syria through his contact with Paul of Samosata. The followers of the school of Artemon zealously studied philosophy and mathematics and were engaged in the criticism of the biblical text, while they rejected the divinity of Christ, considering Him to be a simple man in whom the Logos had entered. The Christology of this school had an affinity with the Gnostics, which may have created points of contact with Amelius, who was enthusiastic in his polemic with the Gnostics. A second probable source of Christology is Paul of Samosata, a disciple of Artemon, with whom Amelius may have had contact at Apamea in the court of Queen Zenobia. The author concludes that the familiarity with the specific terminology characteristic of Christological polemics indicates Amelius' contacts with Christian theologians, which refutes the cliché that the Platonic school was closed to Christian narratives.

Keywords: Amelius Gentilianus, Neoplatonism, Gospel of John, Docetism, Artemon, Paul of Samosata.

Введение

Относительно неоплатоников существует устоявшийся штамп о закрытости их школы по отношению к христианскому богословию и философствованию: так, Г. Дёрри (Dörrie 1981: 41–42), Л. Бриссон и А. Сегон (Brisson, Segonds 1996), Ф. Оффман (Shichalin 2013: 3), К. де Фогель (De Vogel 1985: 31) утверждают, что нет никаких оснований говорить о влиянии христианских текстов на неоплатоническую школу в силу закрытости последней¹. В данной статье мы приведем примеры открытости философских школ христианству во II в. и специальное внимание уделим толкованию пролога Евангелия от Иоанна, написанному неоплатоником Амелием, и попытаемся указать возможные источники христологии в его тексте.

---

¹ Исходя из такой установки было выдвинуто предположение о наличии не только двух Оригенов, но и двух Аммониев, Саккаса и другого, чтобы каждый из них оставался в своем замкнутом философском окружении. О различных подходах к позднеантичной философской литературе см. Soloviev 2022: 87–93.

Христиане в интеллектуальном ландшафте поздней античности: методологические подходы XIX–XX вв.

В исследованиях литературы II–III вв., так или иначе соприкасающейся с христианскими институтами, текстами и учениями, можно наблюдать своеобразный методологический маятник. Если в XVIII в. — первой половине XIX в. обычно подчеркивали новизну христианства, качественное отличие от окружающего его интеллектуального ландшафта, а также, применительно к эпохе апологетов и далее — значительное место христианства в интеллектуальной жизни римского общества (напр., Uhlhorn 1879; Schaff 1885: 30–33), то в середине XIX в. — XX в. главное внимание стали уделять феноменам языческой религиозности и философии как отклику на интеллектуальную жизнь язычников. При таком подходе христиане оставались пассивной, во многом зависимой стороной в явно неравной интеллектуальной схватке (Pohlenz 1909; Windisch 1909; von Harnack 1924; Grant 1959; Aune 1987).

Ярким примером смены парадигмы еще в середине XIX в. стали исследования новотюбингенской школы, критически оценивавшей христианство по отношению к языческой философии. Наиболее значимыми фигурами стали Б. Бауэр и его ученик Ф. Штраус, оказавший значительное влияние на Ф. Ницше².

Бауэр утверждал, что христиане были вынуждены заимствовать из языческой традиции представления о божественном, теологию, этику, идею бессмертия души, причем язычество, по убеждению Бауэра, оказало влияние на создание канонического текста Нового Завета (Bauer 1850–1851). Таким образом, согласно Бауэру, ранние христиане находились в сильной зависимости от философской мысли греков (Bauer 1874; 1877). Похожим образом оценивал интеллектуальную (не)состоятельность раннего христианства и Штраус, по мнению которого наиболее характерные для христианства идеи на самом деле заимствованы у ранних греческих философов. Его книга «Жизнь Иисуса» вызвала широкий резонанс и спровоцировала многочисленные дискуссии о роли греческой философии в формировании христианства (Strauss 1835: 123). Схожих мне-

---

² Bauer 1850–1851, 1874: Бауэр проследил эволюцию христианских идей из эллинизма и стоицизма, выводя доктрину Логоса Евангелия от Иоанна из Филона и неоплатонических источников. Strauss 1835–1836.

ний придерживался и А. фон Гарнак (von Harnack 1886: 20; 1902: 146–147; 1914: 3–4; 1924; 1927: 2–4). Распространенный главным образом среди протестантских ученых, этот подход сохранился и в XX в.³ Такой подход, представляющий христиан как лишь пассивную сторону в интеллектуальном взаимодействии III в., начинает мешать составлению исторически достоверной картины развития мысли рассматриваемого времени (Soloviev 2022; 2023).

Присутствие христиан в интеллектуальном поле I–II вв.

В рамках изучения отношений язычества и христианства еще в XIX в. были составлены сводки источников по раннему христианству, внешних по отношению к церковной традиции⁴, которые активно обсуждались в рамках поиска «исторического Иисуса» (Blomberg 2009: 53–54). Круг внешних христианству источников претерпел мало изменений: для I в. значимы свидетельства Иосифа Флавия (Antiquit. Iud. 18.3.4), Тацита, сообщающего в «Анналах» о гонениях на христиан при Нероне (Ann. 15.44), Светония, упомянувшего, как император Клавдий изгнал из Рима иудеев, волнуемых Хрестом (Suet. Claud. 25.3), а также Плиния Младшего (Ep. 10.96–97). Кроме того, исследователи обращают внимание на утраченное и пересказанное Юлием Африканом свидетельство Таллоса о солнечном затмении во время распятия, которому вторит Флегонт из Тралл, говорящий о затмении и сильнейшем землетрясении в Вифинии (Африкан, Хронография, 18:1), письмо Мары бар Серапиона (Ramelli 2010: 81–85), где убийство «мудрого царя иудеев» поставлено в один ряд с казнью Сократа и сожжением Пифагора (Van Voorst 2009: 53–56).

Во II в. нам известны примеры внимания языческих философов к зарождающейся христианской традиции. Сюда относится платоник Цельс, который, при всем своем неприятии христиан, решил посвятить им значительное по объёму сочинение, где опровергал их. Цельс написал против христиан в 160-е — 180-е гг. трактат в жанре школьного опровержения «Истинное слово» (Ἀληθὴς λόγος), что свидетельствует о том,

³ Подробнее см. Mikhaylov 2017. Согласно В. Йегеру, христиане заимствовали из греческой педагогики и философии ряд важнейших для христианского богословия понятий. См. Jaeger 2014: 14, 32–33, 35–36, 45, 51–52, 106, 158, 210.

⁴ См. также Bobrinsky 1929; Ranovich 1935.

что в эпоху Второй софистики христианство уже присутствовало не только в общественной сфере, но и было заметным явлением в кругу интеллектуалов и философов (Whittaker 1994: 255). Христиане осознаются как противники, с представлениями которых о Божестве, мироустройстве, образе Божиим в человеке и воскресении плоти необходимо спорить.

Фразу «Платон — Моисей, говорящий по-аттически»⁵ Нумения Апамейского можно, конечно, адресовать лишь к Священному Писанию евреев, но сложно представить, что он, живя в Риме в одно время с Иустином Философом, рассуждавшим в своем «Диалоге» именно о важности нового христианского прочтения Ветхого Завета, совсем ничего не слышал о христианах. Будучи предположительно иудеем по происхождению⁶, Нумений хорошо знает Ветхий Завет, откуда цитирует *Быт.* 1:2 (fr. 30, 6 Des Places); *Исх.* 3:14 (fr. 13, 4 Des Places); *Прем.* 14:21 (fr. 56, 2 Des Places). *Быт.* 3:21 (в Porph. De abst. 1.31; 2.46), *Быт.* 2:7, 4:10; *Лев.* 17:10–11, 14; *Втор.* 12:23 (в Calcid. In Tim. 55, 219, 232)⁷. Также, как сообщает Ориген Александрийский⁸, Нумений многократно изъяснял учения Моисея и пророков в аллегорическом духе (fr. 1 Des Places).

О христианах в своем дневнике упоминает римский император Марк Аврелий, который призывает к правильному подходу к смерти, когда душа не из слепого упорства, как у христиан, отрешается от тела, но рассудительно и без рисовки⁹. Замечание Марка Аврелия важно как свидетельство присутствия,

⁵ Fr. 8, 13 Des Places = Clem. Alex. Strom. 1.150.4. Фразу повторяет зависящий от Климента Евсевий в Praep. ev. 9.6.9 и 11.10.12–14. Позднее фраза встречается у Феодорита в Graec. affect. cur. 2.114 и в Souda, s.v. Νουμίνιος.

⁶ См. *1 Макк.* 12:16, где у одного из еврейских послов в Риме имя Нумений. Имя, впрочем, было распространено и у греков, персов, римлян, евреев. В пользу семитского происхождения Нумения см. аргументы у Bigg 1913: 298, n. 1 и Mras 1936: 188.

⁷ См. Whittaker 1967, 196–201; Mel'nikov 2003: 21, прим. 34.

⁸ Num. Fr. 1c, 10a Des Places = Orig. Contr. Cels. 4.51 (I, p. 324, 18–27 Koetschau). Применял он аллeгорию и к объяснению попечения Демурга о мире (Num. Fr. 12 Des Places). См. гипотезу De Ley 1972: 56, n. 4, согласно которому слово ἀκροβόλιςμοῖς (перебранками) – аллегорическое указание на дождь и молнии, посылаемые Зевсом-Громовержцем. Также см. Num. Fr. 53–60 Des Places с аллегорическими толкованиями.

⁹ См. Marcus Aurelius. Medit. 11.3.1.1–5.

пусть и негативного, христиан в интеллектуальном поле, что спустя короткое время породит вышеупомянутое критическое сочинение платоника Цельса.

Во II в. расцветает христианская апологетика, которая стремилась защитить христианскую веру от обвинений, доказать ее разумность, опровергнуть языческие верования и добиться правовой защиты христиан. Апологеты защищали «истинную философию», причем на защиту христианства встают обращенные из язычества: Аристид, Иустин, Татиан и Афинагор, порой, весьма разнящиеся как по уровню знакомства с философской традицией, так и по отношению к греческой культуре в целом. Например, Марку Аврелию направляет апологию Мелитон Сардийский, убежденный, что благосостояние Римского государства зависит именно от христиан и отношения правителя к новой философии (*Eus. Hist. eccl.* 4.26)¹⁰.

Иустин Философ — яркий пример проницаемости платоновской школы для христианских влияний: обойдя множество философских школ, уже будучи платоником, он принимает христианство, «единственную надежную и полезную философию» (*Dial.* 8.1), благодаря случайной встрече с неким старцем, который привел его к христианству рациональным путем, как христианский Сократ через маевтические вопросы. Обращение Иустина не было разрывом с философией, но итогом всех его исканий, что ярко видно по описанию мистического озарения в совершенно платоновских выражениях (*Dial.* 8.1)¹¹. В *Диалоге с Трифоном иудеем* он не только показывает хорошее знакомство с платоновскими диалогами в прямой драматической форме, но

---

¹⁰ Уже в самом начале третьего века мы видим при дворе императора интерес ко христианству уже с положительным знаком: так, Юлия Маммея, мать императора Севера Александра, позвала христианского богослова Оригена к своему двору в Антиохии, чтобы поговорить о философии *Eus. Caes. Hist. eccl.* 6.21.

¹¹ Ср. с седьмым письмом Платона: *Plato. Ep.* 341c6-d2: ἀλλ' ἐκ πολλῆς συνουσίας γιγνομένης περὶ τὸ πρᾶγμα αὐτὸ καὶ τοῦ συζῆν ἐξαίφνης, οἷον ἀπὸ πυρὸς πηδῆσαντος ἐξαφθὲν φῶς, ἐν τῇ ψυχῇ γενόμενον αὐτὸ ἑαυτὸ ἵηδῆ τρέφει (Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю d свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает (пер. С. П. Кондратьева). Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 583.

при этом создает свой текст, опираясь на приемы пересказанных диалогов¹². Евсевий Кесарийский (*Hist. eccl.* 4.18.3) сообщает об утраченных сочинениях Иустина, указывающих не только на широкую философскую эрудицию, но и на полемическую активность Иустина: так, в речи «К эллинам» он обсуждает многие общие с нехристианскими философами философские вопросы, среди которых и вопрос о природе демонов. К полемическим сочинениям относятся Ἐλεγχος, «Обличение», а также Περί θεοῦ μοναρχίας, «О Божественном единодержавии», в котором он привлекал не только христианские, но и эллинские философские сочинения.

Такое восприятие единой философии, разделившейся на множество философских школ, весьма схоже с тем, что мы видим у Нумения Апамейского, который прилагал ее к платоновской школе¹³.

Позднее Иустин открывает философскую школу, в которой он преподавал христианство к неудовольствию своего философского противника кинического философа Крескента, обвинившего христиан в безбожии¹⁴. Иустин давал бесплатные уроки¹⁵, на которых вступал с приходящими к нему в апологетическо-миссионерские дебаты, чтобы обратить их¹⁶. Философия Иустина, основанная на откровении Логоса, объединила в себе лучшее из философии греков (2 *Apol.* 13, λόγος στερματικός, рассеянный в мире) с Откровением, данным иудеям (*Диалог с Трифоном*, *passim*). Решающим здесь является то, что Иустин мыслит обращение Бога к миру, Его нисхождение, Его самоуничтожение в «Логосе Христе» не только в керигматических формулах Нового Завета, но в философских категориях и понятиях, которые он принес с собой из обычного философствования в истинную философию, совместившую Откровение и человеческий разум.

Важнейшей темой богословия Иустина становится учение о Логосе, которого он называет λογική δύναμις и θεὸς ἕτερος,

¹² Подробно см. Zueva 2009, где установлены множество параллелей почти со всеми рамочными диалогами Платона как на текстовальном уровне, так и на смысловом — в сходстве позиций действующих лиц, отдельных ситуаций, в композиционных приемах.

¹³ Num. Fr. 24, 25.

¹⁴ Iust. 2 *Apol.* 3.1–4, 8; Tatian. *Or. Graec.* 19; Eus. *Hist. eccl.* 4.16.

¹⁵ Iust. *Dial.* 58.1; 82.4.

¹⁶ Iust. *Dial.* 64.2; 1 *Apol.* 12.11.

πρωτότοκος Бога и Бог, исполняющий волю Бога Отца. Если многие выражения Иустина носят вполне платонический характер, куда можно включить и учение о субординации второй ипостаси в Троице (*1 Apol.* 13.3–5; *Dial.* 56.4), новостью его учения о Логосе становится подчеркивание личностной природы Логоса, воплощенного в Лице Иисуса Христа. Это учение Иустин обосновывает обращением к прологу Евангелия от Иоанна. Иустин подчеркивает космологическую функцию Логоса, через которого Бог сотворил мир из не имеющей формы материи, бытие которого и поддерживает (*1 Apol.* 10.2; 59.5 и проч). Иустин проводит связь между библейским рассказом о творении и буквальным прочтением «Тимея» Платона, который, по Иустину, опирался на свидетельство более древнего, чем Платон, Моисея. Учение Иустина о семенных логосах позволяло заявить права на всю предшествующую философскую традицию, подводя тем самым фундамент для христианской веры (*1 Apol.* 44.10; 46.2; *2 Apol.* 7.1; 13.5). Человеческий разум естественным образом становился причастным Логосу, а потому ему частично, еще до воплощения Логоса, была доступна истина, в том числе благодаря естественному богопознанию. Дерзкие притязания на всю эллинскую традицию (*2 Apol.* 10.2; 13.4), утверждение, что все, кто жил с Логосом, — христиане, причем не только Моисей и Авраам, но и Гераклит и Сократ (*1 Apol.* 46.3) создавало точку напряжения и бросало вызов хранителям классической традиции, побуждая их обращаться к христианским текстам в желании опровергнуть притязания новоявленных философов.

В каких бы категориях мы ни оценивали взаимодействие христианских и языческих мыслителей, нельзя отрицать, что христиане были заметным феноменом во втором веке, а в третьем их учение уже находило отклик внутри философских школ, в частности школы Плотина в Риме: Порфирий был яростным критиком христиан, а гораздо более сдержанное и почтительное обращение с конкурирующей традицией мы находим у Амелия, старейшего из учеников Плотина.

Амелий и его «Толкование пролога Евангелия от Иоанна»

Амелий — фигура, не избалованная вниманием исследователей¹⁷, что объясняется крайне фрагментарным состоянием дошедших от него сочинений¹⁸ и низкой оценкой его философского наследия¹⁹. Образ Амелия и основные сведения о нем сохранил его соученик Порфирий в сочинении «Жизнь Плотина». Амелий был выходцем из Италии: он родился между 216 и 226 г.²⁰ в Этрурии²¹, но всю жизнь писал на греческом языке. После учебы у стоика Лисимаха Амелий переезжает в Рим, где в 246 г. по Р. Х. присоединяется к Плотину, которого покинет лишь за год до его смерти в 269 г. Таким образом, Амелий был учеником, доверенным лицом и помощником Плотина на протяжении 24 лет. Порфирий сообщает, что Амелий был весьма религиозен: он соблюдал традиционные обряды, демонстрируя интерес к религиозным традициям, в частности к мифам, священным текстам и ритуалам²² (экзегеза таких текстов, как

---

¹⁷ Если труды Порфирия Тирского, согласно библиографической базе L'Année philologique, так или иначе затронуты в 1027 статьях, то Амелию посвящены лишь 25 статей.

¹⁸ В настоящее время выделено 72 затрагивающих Амелия фрагмента, помещенные в самые разные контексты: из них 20 биографических свидетельств об Амелии содержится в VP Порфирия, 31 — у Прокла, 7 — у Сириана и Дамаския. Первое и единственное собрание фрагментов и свидетельств принадлежит греку А. Н. Зубосу и занимает лишь 19 с.: Zoubos 1956. Приложенная к нему диссертация (52 стр.) представляет собой компиляцию из классических работ Целлера, Фрейдентала и Хайнеманна. Несамостоятельная по сути, она не учитывала современной литературы, например критики тезиса Хайнеманна Э. Доддсом в его издании «Первооснов Теологии» Прокла. До сих пор актуальный status quaestionis по Амелию: Brisson 1987: 793–860.

¹⁹ См. мнения Целлера (Zeller 1881: 688–692) и Фрейдентала (Freudenthal 1894: 1823). Из современных исследователей показателен подход Дж. Диллона, отстаивающего включенность христиан в межшкольные диспутации, но весьма скромно оценивающего заслуги Амелия: Dillon 1992: 191.

²⁰ Дата довольно условная, поскольку выводится из предположения, что Амелий поступил в ученики Плотина в возрасте от 20 до 30 лет.

²¹ Porph. VP. 7.2; Eun. Vit. soph. 17

²² Порфирий в VP. 10 рассказывает о безуспешной попытке Амелия понудить учителя посетить храм в праздник новолуния. В этом

«Орфические поэмы» и «Халдейские оракулы»²³). К тому же он, вслед за Плотинем, критикующим гностиков²⁴, — а среди его учеников были и гностики, — пишет в сорока книгах (VP. 16) опровержение на новозаветные апокрифы (книги Зостриана, известные благодаря находкам в Наг-Хаммади).

Амелий обосновывается в Апамее, втором городе Сирии после Антиохии, где открывает философскую школу, вероятно, опираясь на опыт не только школы Плотина, но и Нумения, уроженца Апамеи. Амелий был известен своим интересом к философии Нумения, почти все сочинения которого он переписал и знал наизусть (VP. 3.44–45). В частности, Амелий не мог не знать, что Нумений в сочинении о «высшем благе» приводит и аллегорически истолковывает рассказ о Христе, не упоминая Его по имени²⁵. Как и Нумений, Амелий интересовался учением о Логосе. В связи с этим едва ли можно считать случайным интерес Амелия к прологу Евангелия от Иоанна, причем возможно, что именно открытость Нумения еврейским и христианским влияниям и побудила Амелия привлечь к философскому истолкованию священный текст христиан.

Евсевий Кесарийский в сочинении «Евангельское приуготовление» приводит пространную цитату из Амелия, не указывая название послужившего источником сочинения (Eus. *Praep. ev.* 11.19). Похоже, что Евсевий цитирует Амелия из первых рук (по крайней мере на это указывает четкое маркирование цитаты) и включает цитату в пространный раздел (*Praep. ev.* 11.14–19) о согласии греческой философии и с еврейским, а значит, и христианским, учением о Логосе, второй причине.

Приведем оригинальный текст и русский перевод фрагмента из Евсевия (Eus. *Praep. ev.* 11.19.1–3. M^{gr}s 1956: 45).

эпизоде Амелий, посещавший храмы в каждый праздничный день, характеризуется как φιλόθετος, т. е. «любящий жертвоприношения».

²³ Прокл приводит цитату из Амелия в *In Tim.* 1.306.1–14 и 1.336.16–26, где тот, следуя во многом за Нумением, отождествляет выдвигаемых им трех демиургов с Ураном, Кроносом и Фанетом (fr. 96 Kern); отсылка к Халдейским оракулам прослеживается в *In Tim.* I 361, 30: αὐτοῦρῶς τεχνίτης (ср. Or. Chald. 68.2 Des Places).

²⁴ Plot. *Enn.* III.8; V.8; V.5; II.9.

²⁵ См. Num. *Fr.* 10 (Des Places).

ΑΜΕΛΙΟΥ ΠΕΡΙ ΤΗΣ
ΙΩΑΝΝΟΥ ΤΟΥ ΠΑΡ' ΗΜΙΝ
ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΤΟΥ ΘΕΟΛΟΓΙΑΣ

“Καὶ οὗτος ἄρα ἦν ὁ λόγος καθ’
ὃν αἰεὶ ὄντα τὰ γινόμενα ἐγίνετο,
ὡς ἂν καὶ ὁ Ἡράκλειτος ἀξιώσειε
καὶ νῆ Δί’ ὃν ὁ βάρβαρος ἀξιοῖ ἐν
τῇ τῆς ἀρχῆς τάξει τε καὶ ἀξία
καθεστηκότα πρὸς θεὸν εἶναι καὶ
θεὸν εἶναι· δι’ οὗ πάνθ’ ἀπλῶς
γεγενῆσθαι· ἐν ᾧ τὸ γενόμενον
ζῶν καὶ ζῶην καὶ ὃν πεφυκέναι·
καὶ εἰς τὰ σώματα πίπτειν καὶ
σάρκα ἐνδυσάμενον φαντάζεσθαι
ἄνθρωπον μετὰ τοῦ καὶ τηνικαῦτα
δεικνύειν τῆς φύσεως τὸ
μεγαλεῖον· ἀμέλει καὶ ἀναλυθέντα
πάλιν ἀποθεοῦσθαι καὶ θεὸν εἶναι,
οἷος ἦν πρὸ τοῦ εἰς τὸ σῶμα καὶ
τὴν σάρκα καὶ τὸν ἄνθρωπον
καταχθῆναι.”

Ταῦτ’ οὐκέτι ἐπεσκιασμένως,
ἀλλ’ ἀντικρυς ἤδη γυμνῇ τῇ
κεφαλῇ μεταπεφρασμένα ἐκ τῆς
τοῦ βαρβάρου θεολογίας δῆλα ἂν
εἶη. ὁ δέ γε βάρβαρος τίς ἦν αὐτῷ
εἰ μὴ ὁ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν
εὐαγγελιστῆς Ἰωάννης, Ἑβραῖος
(3) ὢν ἐξ Ἑβραίων; ὅς που
ἀρχόμενος τῆς οἰκείας γραφῆς
ὄδῃ τῆ θεολογεῖ...

Амелий: о богословии нашего
евангелиста Иоанна

1 “Таким образом, это было
Слово, благодаря Которому,
сущему вечно, как сказал Гера-
клит, произошли рождающиеся
вещи, и о Котором, клянусь
Зевсом, Варвар говорит, что Оно
находится в звании и достоин-
стве Начала, что Оно было у
Бога и [Само] есть Бог; через
Него все вообще начало быть; в
Нем возникшее стало живущим,
жизнью и сущим; затем Оно
устремилось в тела и, облекшись
в плоть, уподобилось человеку,
показав, таким образом, величие
природы; бесспорно также, что
затем умерев, Оно было обоже-
ствлено и стало Богом, Каковым
Оно и было прежде нисхожде-
ния в тело и плоть человека.

2 Можно видеть, что эти слова
не прикровенно, но, напротив,
открыто были заимствованы из
богословия Варвара; а Варваром
он назвал не кого иного, как
евангелиста Спасителя нашего,
Иоанна, Еврея, сына Евреев, **3**
который в начале своего
писания так богословствует...
(рус. пер. Ястребов 2002: 146)

Подведем итог нашего краткого рассмотрения фигуры Амелия. Истолковывая пролог к Евангелию от Иоанна, Амелий очевидным образом опирался на христианские источники, ему во всяком случае известен текст Нового Завета; но также он черпает знания о (пара)христианских богословских представлениях из бесед с гностиками, посещавшими школу Плотина в Риме, где они подвергались критике Амелия, Плотина и Порфирия. В частности, знакомству Амелия с христианскими

представлениями гностического толка способствовало опровержение книги Зостриана в сорока книгах (VP. 16). Интерес Амелия к христианству поддерживался позицией Нумения, открытого влиянию как иудейских, так и христианских текстов.

Подробный анализ неоплатонического толкования пролога уже был проведен в исследованиях Бриссона, Хальфвассена, Диллона, Фолленвайдера и Заморы²⁶, однако они никак не затронули характер известной Амелию христологии. Попытаемся реконструировать ее и дать ответ, где и у кого он мог ее усвоить.

Логос Евангелия в преломлении Амелия

Прежде всего отметим, что Амелий называет ап. Иоанна «варваром», в чем Л. Бриссон усматривал пренебрежение римских язычников середины III в. к христианам (Brisson 1987: 854). Гораздо убедительнее выглядит гипотеза Дж. Диллона, согласно которой Амелий таким образом придает библейскому свидетельству особую значимость: приводимое свидетельство из пролога Евангелия — таинственная мудрость варваров, которая удивительным образом подтверждает темного Гераклита (Dillon 2009: 41). В приводимом Евсевием тексте Амелий отождествляет Логос у апостола Иоанна с Логосом Гераклита (ср. DK 22 В 1), что напоминает приемы иудейской апологетики, усматривавшей в языческой философии заимствования из их веры в единого Бога. Следует также помнить о благожелательном отношении к варварской мудрости любимого Амелием Нумения. Все это позволяло Амелию ввести в школьную дискуссию о Логосе мнение христианского автора, который вполне мог быть истолкован в более или менее традиционном платоническом духе: для Амелия Логос из пролога Евангелия от Иоанна — это демиург, который порождает все благодаря своей благодати и от проявлений ее в низшей сфере возвращается в первоначальное состояние (*ἀποκατάστασις*): οἷος ἦν πρὸ τοῦ εἰς τὸ σῶμα καὶ τὴν σάρκα καὶ τὸν ἄνθρωπον καταθῆναι (Eus. *Praep. ev.* 11.19.1.7–8), что происходит по

---

²⁶ Основные исследования толкования Логоса у Амелия с акцентом на философский анализ его содержания: Dyroff 1939: 88–93; Mras 1956: 212–213; Rist 1969: 230–231; Dörrie 1972: 75–87; Brisson 1987: 793–860; Halfwassen 1998: 112–144; Halfwassen 1999: 76–78; Dillon 2009: 30–43; Vollenweider 2009: 377–397; Riedweg 2016: 151–158; Zamora 2018: 1–15.

естественному, самопроизвольно протекающему порядку вещей: циклическому движению $\mu\omicron\nu\eta$ — $\pi\rho\acute{o}\delta\omicron\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\rho\omicron\phi\eta$.

Амелий переосмысливает воплощение у ап. Иоанна в терминах вневременной самодифференциации божественного, эманации в низшее и возвращения в собственное состояние. Таким образом, утверждение $\acute{o}$ $\Lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ $\tilde{\eta}\nu$ $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\tau\acute{o}\nu$ $\Theta\epsilon\acute{o}\nu$ толкуется как вневременной процесс $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\rho\omicron\phi\eta$ (*Ин.* 1:1), равно как возвращение к Богу усматривается во всем земном пути Христа от воплощения до вознесения (*Ин.* 20:17). Амелий не вносит никаких правок и поясняющих толкований в текст евангелиста, сосредоточиваясь на заботившем его вопросе возвращения души к Богу, в терминологии евангелия — «восхождения к Отцу»²⁷. При этом Амелий понимает текст ап. Иоанна не как описывающий единственное и важнейшее историческое событие, но как относящееся к циклическому процессу.

Лаконичное представление о Христе в приводимой Амелием цитате из пролога Евангелия от Иоанна (см. *Ин.* 6:62; 17:5, 24), а также намек на Страсти Христовы и Воскресение (*Ин.* 19–21), вписанные в платоновскую онтологию, ставят перед исследователем вопрос о герменевтических ориентирах Амелия. Для описания воплощения Амелий использует двусмысленное выражение « $\varphi\alpha\nu\acute{\tau}\acute{\alpha}\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\nu$ »²⁸, которое может обозначать не только реальные явления, но и призрачные видения (подробнее: Girardi 1992: 31–35; Mugler 1964 s. v. $\varphi\alpha\nu\acute{\tau}\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$).

²⁷ Отметим, что вопросами спасения души интересовался и другой видный представитель школы Плотина, Порфирий, о котором специально будет сказано далее. Так, Порфирий в сочинении *De antr. nupt.* интерпретировал Одиссея как символ нисходящей души, пытающейся вернуться в умопостигаемое царство. Также см. у Порфирия в *Sent.* 32 (Lamberz) классификацию неоплатонических добродетелей: политических, катартических, теоретических и парадигматических. Все эти добродетели связаны с очищением разумной части души, в результате чего душа становится способной направлять свое внимание внутрь, пребывать в созерцании и единении со своим предметом созерцания.

²⁸ Если у Платона этот глагол может употребляться без оттенков иллюзорности: Plato. *Symp.* 211a5, то уже во второй половине IV в. свт. Иоанн Златоуст видит в событиях Вознесения указание на то, что Христос $\kappa\alpha\iota$ $\pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}$ $\mu\eta\kappa\acute{\epsilon}\tau\iota$ $\varphi\alpha\nu\acute{\tau}\acute{\alpha}\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\pi\lambda\omicron\omega\varsigma$, убирая тем самым любой намек на призрачность Тела Христова (Ioan. Chrys. *In Ioan.* 128 // PG. 59. P. 128.52–53).

Дж. Рист ограничился указанием на «докетизирующий» характер этого выражения, не продвинувшись в указании конкретных авторов и школ, в общении с которыми Амелий мог усвоить христологию, не характерную для великой Церкви (Rist 1969: 230–231)²⁹.

Отметим, что прочтение пролога Евангелия от Иоанна Амелия гораздо ближе в признании божественности Христа, чем у Порфирия: Логос у него отождествляется с Мировой Душой, творящей мир и одновременно обращенной к своему источнику, высшему Благу (Ср. Porph. Chr. Fr. 35.22–29 Harnack). Христос, будучи Логосом, облечен в тело, однако это никак не изменяет Логос. Он, покинув телесную оболочку, возвращается к Богу и своему первоначальному состоянию, как и Мировая Душа возвращается к Уму. В отличие от Амелия, Порфирий убежден в том, что божественный и действующий Логос Божества хоть и способен вмещиваться в ход событий, но предпочитает не делать этого (Porph. Chr. Fr. 35.22–29 Harnack).

К. Ридвег выдвинул предположение, что Амелий, следуя представлению Порфирия в *De philosophia ex oraculis haurienda* (fr. 345 Smith), мог видеть в Иисусе пример «божественного мужа» (θεῖος ἀνὴρ; Riedweg 2016: 154–155). Это может объяснить, почему исторические и биографические данные о Христе отходят в цитате Амелия на второй план: воплощение сводится к внешней трансформации в духе докетизма, а крестная смерть понимается как освобождение от принятой плоти, за которым наступает вновь обретаемое состояние обожения (ἀμέλει καὶ ἀναλωθέντα πάλιν ἀποθεοῦσθαι καὶ θεὸν εἶναι).

Источники докетизма: Павел Самосатский

Хотя некоторые исследователи считают, что Амелий полностью обходит стороной вопрос о воплощении Логоса в Теле Иисуса (Dillon 2009: 42, n. 23), в тексте присутствуют двусмысленные выражения, которые можно истолковать в духе докетизма. Мы полагаем, что «докетизирующий» взгляд Амелия на

---

²⁹ Термин «Великая Церковь» (лат. Ecclesia magna) применяется в историографии раннего христианства к периоду примерно с 180 по 313 гг. для обозначения церкви, к которой принадлежали такие авторы, как Игнатий Антиохийский, Иринеи Лионский, а также Киприан и Ориген. Церковь в противовес гностическим сектам и расколам обладала единым учением и евхаристическим общением.

христологию может указывать на знакомство Амелия с толкованием пролога к Евангелию от Иоанна, не принадлежащим Великой церкви. Из современников Амелия, с которыми он мог пересекаться как в Риме, так и в Апамее, подобного воззрения на призрачность воплощения придерживался Павел Самосатский, епископ Антиохийской церкви с 260-го г. Его воззрения на Христа должны были разбираться на Антиохийском соборе еще в 264 г. и окончательно были осуждены в 268 г. (Riedmatten 1952: 14). Логос для Павла был не отдельной ипостасью, но присущей (единосушной) Богу мудростью. В воплощении Логос снизошел на человека Иисуса, без какого-либо сущностного объединения двух природ. То есть во Христе пребывали две природы и два лица: Логоса и человека, объединенных одним действием.

Школа Артемона

Где же Павел мог усвоить такие воззрения? Епифаний Кипрский обвиняет Павла в том, что он возобновил ересь Артемона³⁰, ученика Феодота Кожевника (наряду с Феодотом Менялой, Асклепидотом), жившего задолго до него в Риме (Eriph. Panar. 3.3.7–8) и развивавшего подобное воззрение еще при папе Викторе в 189–199 гг. Епифаний Кипрский утверждает, что он, еще до покаяния и возвращения в Великую церковь, принадлежал к ереси алогов, распространившейся в конце II века в Малой Азии и Риме и ставшей предтечей динамического монархианства (Eriph. Panar. 2.317.5).

Феодот и его последователи видели во Христе простого человека, в Которого вошел Логос³¹. Они же довольно свободно обращались с библейскими текстами: Гай согласно Евсевию³² сообщает, что последователи Феодота усердно занимались философией (Аристотель, Теофраст, Гален), геометрией (Евклид), относясь к авторитетному для христиан тексту скептически. Так, они не принимали божественности Христа и считали ее инновацией, возвратом к языческому многобожию (Гай несколько раз называет их атеистами, которые μηδὲ ἐγγυδὸς πίστεως

³⁰ Ипполиту Римскому приписывали сочинение «Против ереси Артемона» (CPG, N 1915).

³¹ Опровержение ересей, приписываемое Ипполиту, говорит, что он считал Иисуса простым человеком, который в крещении соединился с божественным Духом, т. е. Христом [Hipp]. *Refut.* 7.23.

³² Здесь и далее цитаты из Eus. Caes. *Hist. eccl.* 5.28.13–19.

ὕπαρχουσιν), решительно исправляли текст Библии (διωρθωκένας; ходило несколько библейских списков, возводимых к Асклепидоту и Феодоту, Гермофилу и Аполлониду), отвергали правило древней веры (πίστεώς τε ἀρχαίας κανόνα ἡθετήκασιν), т. е. не доверяли общецерковным толкованиям Лица Христа, выводимым из текста Писания (οὐ τί αἱ θεῖαι λέγουσιν γραφαί, ζητοῦντες). Большое значение в экзегетической полемике с оппонентами они придавали логическому инструментарию, который должен был обосновать их прочтение христианства: какой тип силлогизма можно изобрести для поддержки собственного безбожия (σχῆμα συλλογισμοῦ εἰς τὴν τῆς ἀθεότητος σύστασιν εὐρεθῆ) и как лучше представить цитату из Писания: в соединительном или же разделительном силлогизме (ἐξετάζουσιν πότερον συνημμένον ἢ διεξευγμένον δύναται ποιῆσαι σχῆμα συλλογισμοῦ)³³.

Для наших целей важно, что Феодот, как и его последователи, вслед за алогами полностью отрицали Евангелие, Послания и Откровение, написанные апостолом Иоанном, выдвигая основанием мнение, что они написаны гностиком Керинфом, против которого писал ап. Иоанн (Epirh. Panar. 2.251.10–11 Holl). В то же время Епифаний обвиняет Феодота в согласии с эвионитской и гностической христологией: простой человек Иисус, в Крещении по воле Отца ставший Христом, в котором обитал нисшедший на Него Дух, а после смерти Он стал Богом.

Учениками Феодота Кожевника Феодотом Менялой и Асклепидотом была устроена община в Риме, во главе которой стал епископ Наталий (Eus. Hist. eccl. 5.28). Годы активного творчества одного из них, Артемона, приходятся на 220–230-е гг. Именно Артемона Евсевий и называет отцом ереси Павла Самосатского (Ibid.), который проповедовал во второй половине III в., т. е. во времена творчества Амелия и Порфирия.

³³ Ср. школярские определения объединяющего и разделяющего силлогизма у почитаемого ими Галена, которые он воспринял у Хрисиппа: Galen. Inst. logica. 14.2–3 (= Chrys. Fr. 217.15–19): ἐν οἷς προβλήμασι μάλιστα χρώμεθα ταῖς ὑποθετικάῃς προτάσεσιν, ἃς <εἰς τὰς> κατὰ συνέχειαν καὶ κατὰ διαίρεσιν ἔτεμον οἱ παλαιοί· καλοῦσι δὲ τὰς μὲν κατὰ συνέχειαν οἱ Στωικοὶ **συνημμένα** ἀξιώματα, τὰς δὲ κατὰ διαίρεσιν **διεξευγμένα**, καὶ συμφωνεῖται γε αὐτοῖς δύο μὲν γίνεσθαι **συλλογισμοὺς** κατὰ τὸ συνημμένον ἀξίωμα, δύο δὲ κατὰ τὸ διεξευγμένον.

С мнением докетизирующих монархиан Амелий мог познакомиться не только в Риме, но и в Пальмире. Павел Самосатский был в почете у царицы Зенобии Пальмирской, так что после Антиохийского собора его смогли сместить лишь спустя несколько лет, в 272 г. Именно при ее дворе проводил конец жизни философ Лонгин, обучавший царицу философии и литературе. Из Пальмиры Лонгин пишет письма своему старому ученику Порфирию, которые тот цитирует в «Жизни Плотина» (VP. 19.21). К нему на пути в Апамею (выехал из Рима в 269 г., был в Апамее в 270 г.) заехал Амелий Гентилян, чтобы привезти Лонгину трактаты Плотина и побыть у него некоторое время (VP. 19.22–24, 32).

Павел, епископ Антиохийский был не единственным носителем такого рода христологии. Если в Риме школа Артемона — параллельно школе Плотина — проповедовала понимание Христа, сходное с Амелиевым, то на Востоке модалистический взгляд на христологию³⁴ получил распространение в середине III в. в лице Берилла, епископа Бостры, столицы римской провинции Аравия, которая находилась недалеко от Тира и Пальмиры, городов, связанных с философами Порфирием, Лонгином, Амелием, а также Оригеном. О Берилле известно совсем немного, однако обращает на себя внимание то, что на Бострийский собор 244 г. был приглашен Ориген, который и смог обратить к истине Берилла, впавшего в ересь на склоне лет из-за любви к научным изысканиям (Eus. *Hist. eccl.* 6.33.1–3). Евсевий Кесарийский относит его к числу даровитых церковных писателей, отмечая его письма и сборники выписок из чужих сочинений, а бл. Иероним упоминает и его самостоятельные сочинения³⁵. Ориген опровергал Берилла, посещал Рим³⁶, в том числе школу Плотина (Soloviev 2023), имел учеником Ипполита, автора направленного против еретиков *Refutatio*, и пресвитера Гая, активного полемиста, отрицавшего, как и алоги, авторство ап. Иоанна не только для Откровения, но и для

³⁴ Eus. Caes. *Hist. eccl.* 6.33.1: τὸν σωτήρα καὶ κύριον ἡμῶν λέγειν τολμῶν μὴ προῤφεστάναι κατ' ἰδίαν οὐσίας περιγραφὴν πρὸ τῆς εἰς ἄνθρωπος ἐπιδημίας μηδὲ μὴν θεότητα ἰδίαν ἔχειν, ἀλλ' ἐμπολιτευομένην αὐτῷ μόνην τὴν πατρικὴν.

³⁵ Hieron. *Vir. Ill.* 60: Scripsit varia opuscula, et maxime epistolas, in quibus Origeni gratias agit, sed et Origenis ad eum litterae sunt.

³⁶ Eus. Caes. *Hist. eccl.* 6.20.2: Ипполит в 212 г. произносит в Риме в честь него проповедь.

всех атрибутируемых Иоанну новозаветных текстов и в то же время опровергавшего воззрения Артемона (Eus. *Hist. eccl.* 3.28.1–4, 7.25.1–2; Cosentino 2018: 230). И Гай, и Ипполит большую часть жизни жили в Риме, писали по-гречески, до этого учились в Александрии и принадлежали к кругу Оригена. Их всех объединяет борьба за ортодоксию, что должно было вылиться в дискуссии между школами. Неизвестно, где Амелий познакомился с докетизирующим представлением о Христе. В любом случае, его источником был кто-то из круга учеников Оригена: либо в Риме (школа Артемона), либо уже в Сирии (Павел Самосатский).

Заключение

Отдельные христианские писатели первой половины III века в Риме и на Ближнем Востоке или полностью отрицали божественность Христа и Его предсуществование, или говорили о том, что Он обретает божественность после Вознесения. Центральной темой богословия христиан, еще во времена Иустина (конец I в. — 165 г.), стал Логос. Знавший Иустина и живший с ним в одном городе Нумений повлиял на Амелия, определил его открытость к христианским текстам, которые становятся не только предметом полемики, но и материалом для школьных дискуссий, в которых христианское учение о Логосе переосмысливается в платоническом духе (в школе Плотина), лишаясь неприемлемых для платоников акцентов на воскресении и благодати. Характер предлагаемого Амелием учения о Логосе позволяет предположить его знакомство с докетистскими воззрениями на Христа. Эти взгляды он мог усвоить в Риме от последователей Феодота Кожевника и Артемона, или позднее от Павла Самосатского в Пальмире, где Амелий побывал по пути в Апамею.

Используя пролог Евангелия от Иоанна, Амелий сумел инкорпорировать Христа в платоническое рассуждение о Логосе при описании цикличного движения $\pi\rho\acute{o}\delta\omicron\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\rho\acute{o}\phi\acute{\eta}$. Комментарий на пролог Евангелия от Иоанна и обозначение словом $\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\varsigma$ ап. Иоанна указывает на знакомство платоников с текстом Евангелия от Иоанна как богословско-философским свидетельством о Христе³⁷, т. е. Логосе, что демонстри-

---

³⁷ Уже не раз отмечалось, что Августин в сочинении «О граде Божием» (10.29.2) упоминает философа-платоника, друга Симплициана,

рует открытость как минимум одного из учеников Плотина к авторитетному тексту христианской традиции.

Условные сокращения

- Albin. Epit. doct. Plat. — Albinus. Epitome doctrinae Platonicae sive Διδασκαλικός.
 ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.
 Ioseph. Flav. Antiquit. Iud. — Iosephus Flavius Antiquitates Iudaicae.
 Epiph. Panar. — Epiphanius. Panarion (= Adversus haereses).
 Eus. Hist. eccl. — Eusebius Caesariensis. Historia ecclesiastica.
 Eus. Praep. ev. — Eusebius Caesariensis. Praeparatio evangelica.
 Galen. Inst. logica — Galenus. Institutio logica.
 Hieron. Vir. ill. — Hieronymus. De viris illustribus.
 Hipp. Ref. — Hippolytus. Refutatio omnium haeresium (= Philosophumena).
 Ioan. Chrys. In Ioan. — Joannes Chrysostomus. In Joannem (homiliae 1–88).
 Iustin. 1, 2 Apol. — Iustinus Martyr. Apologia prima et secunda pro Christianis ad senatum Romanum.
 Iustin. Dial. — Iustinus Martyr. Dialogus cum Tryphone.
 JThS — Journal of Theological Studies.
 PG — Patrologia Graeca.
 Plato. Ep. — Plato. Epistulae.
 Plato. Symp. — Plato. Symposium.
 Porph. Chr. Porph. Chr. — Porphyrius. Contra Christianos (fragmenta).
 Porph. VP. — Porphyrius. Vita Plotini.
 Suet. Claud. — Suetonius. Claudius.
 Tacitus. Ann. — Tacitus. Annales.
 Tatian. Or. Graec. — Tatian. Oratio ad Graecos.
 ZAC — Zeitschrift für Antikes Christentum.

Литература

- Aune, D. E. 1987: *The New Testament in its Literary Environment*. Westminster: John Knox Press.
 Bardy, G. 1955: *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*, 3 vols. Vol. 2. P. 4–231. Paris: Éditions du Cerf.

который говорил, что начальные стихи Евангелия от Иоанна (1.1–5) следовало выгравировать золотыми буквами на самом видном месте в каждой церкви, чтобы они всегда были видны христианам. Подробнее см. Domínguez Valdés 2017: 73–76. Сам Августин говорит, что, рассуждая о божественном Логосе, он сам сравнивал пролог к *Евангелию от Иоанна* с трактатами Плотина, в которых увидел языческие отзвуки учения о Логосе. (см. Henry 1934: 235–236).

- Bauer, B. 1850–1851: *Kritik der Evangelien und Geschichte ihres Ursprungs*, 3 Bd., Berlin.
- Bauer, B. 1874: *Philo, Strauss und Renan und das Urchristentum*. Berlin: Hempel.
- Bauer, B. 1877: *Christus und die Caesaren: der Ursprung des Christenthums aus dem römischen Griechenthum*. Berlin: Grosser.
- Bigg, Ch. *The Christian Platonists of Alexandria: being the Bampton lectures of the year 1886*. Oxford: Clarendon Press, 1913.
- Blomberg, C. L. 2009: *Jesus and the Gospels: An Introduction and Survey*. Nashville. Tennessee: B&H Publishing Group.
- Bobrinsky, A. A. 1929: [From the Age of the Origin of Christianity. [T.] 1. Testimonies of non-Christian writers of the first and second centuries about our Lord Jesus Christ and the Christians]. Paris. Бобринский, А. А. Из эпохи зарождения христианства. [Т.] 1. Свидетельства нехристианских писателей первого и второго веков о Господе нашем Иисусе Христе и христианах / гр[аф]. А. Бобринской. Париж: [б. и.].
- Brisson, L. 1987: Amélius: Sa vie, son oeuvre, sa doctrine, son style. *ANRW*. II 36 (2). 793–860.
- Brisson, L., Segonds A. Ph. (ed.) 1996: *Jamblique. Vie de Pythagore / Introd., trad. et notes par L. Brisson and A. Ph. Segonds*. Paris: Les Belles Lettres.
- Cosentino, A. 2018: The Authorship of the Refutatio omnium haeresium. *ZAC*. 22 (2). 218–237.
- De Ley, H. 1972: *Macrobius and Numenius: a study of Macrobius, In Somn.*, I, c. 12. Bruxelles.
- Des Places, É. (ed.) 1974: *Numénius. Fragments*. Paris: Les Belles Lettres.
- Dillon, J. 1992: Plotinus at work on Platonism. *Greece & Rome* 39 (2), 189–204.
- Dillon, J. 2009: St John in Amelius' Seminar. In: P. Vassilopoulou, S. Clark (eds.) *Late Antique Epistemology: Other Ways to Truth*. Great Britain: Palgrave Macmillan UK, 30–43.
- Domínguez Valdés, P. 2017: La crítica de Agustín de Hipona a la filosofía en *De civitate Dei*. *Anales del Seminario de Historia de la Filosofía*. 34, 63–84.
- Dörrie, H. 1972: Une exégèse néoplatonicienne du Prologue de l'Évangile de saint Jean (Amélius chez Eusèbe), In: Fontaine, J. Kannengiesser, Ch. (eds.). *Épektasis: mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou*. Paris: Beauchesne, 75–87.
- Dyroff, A. 1939: Zum Prolog des Johannes-Evangeliums. In: Klauser, Th. Rucker, A. (eds.). *Pisciculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums. FS Franz Joseph Dölger*. Münster: Aschendorff, 88–93.
- Freudenthal, J. 1894: Amélius. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. I 2. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa et al. Stuttgart, 1822–1833.

- Girardi, M. 1992: Note sul lessico esegetico di Basileo di Cesarea. *Vetera Christianorum*. 29, 19–54.
- Grant., R. M. 1959: *Gnosticism and Early Christianity*. New York: Columbia University Press.
- Halfwassen, J. 1998: Die Bedeutung des spätantiken Platonismus für Hegels Denkentwicklung in Frankfurt und Jena, In: Nicolin, Fr., Pöggeler, O. (eds.). *Hegel-Studien 33*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 112–144.
- Halfwassen, J. 1999: *Hegel und der spätantike Neuplatonismus. Untersuchungen zur Metaphysik des Einen und des Nous in Hegels spekulativer und geschichtlicher Deutung*, Bonn: Bouvier Verlag.
- Henry, P. 1934: *Plotin et l'Occident: Firmicus Maternus, Marius Victorinus, Saint Augustin et Macrobe*. Louvain: Spicilegium sacrum Iovaniense bureaux.
- Henry, P., Schwyzer, H.-R. (eds.) 1951: *Plotini opera*. Vol. 1. Leiden: Brill.
- Holl, K. 1915, 1922, 1933: *Epiphanius, Bände 1–3: Ancoratus und Panarion*. Leipzig: Hinrichs.
- Iastrebov, A. O. 2002: [11th Book of Praeparatio Evangelica]. *Tserkov' i vremia* [Church and time], 3 (20), 105–192. Ястребов, А. О. 2002: XI книга «Евангельского Приготовления» Евсевия Кесарийского. *Церковь и время*. 3 (20), 105–192.
- Jaeger, W. 1961: *Early Christianity and Greek paideia*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press. Йегер, В. 2014: Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: ГЛК.
- Kalbfleisch, K. (ed.) 1896: *Galenii institutio logica*, Leipzig: Teubner.
- Marcovich, M. (ed.) 1986: *Hippolytus. Refutatio omnium haeresium*. Berlin: De Gruyter.
- Mel'nikov S. A. 2003: *Filosofskie vozzreniya Numeniya Apamejskogo* [Philosophical views of Numenius of Apamea]. Moscow. Мельников, С. А. *Философские воззрения Нумения Апамейского*. М.
- Mikhaylov, P. 2017: A Conception of Hellenisation of Christianity in the History of Theology. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 71, 50–68. Михайлов, П. Б. 2017: Концепция эллинизации христианства в истории теологии. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 71, 50–68.
- Mras, K. (ed.) 1956: Die Stellung der Praeparatio Evangelica des Eusebius im antiken Schrifttum. *AOAW.PH*. 93, 212–213.
- Mras, K. (ed.) 1956: *Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica*. Bd. 43.2. Berlin: Akademie-Verlag.
- Mras, K. 1936: Zu Attikos, Porphyrios und Eusebios. *Glotta*. Vol. 25, 183–188.
- Mugler, Ch. 1964: s. v φαντάζομαι. In: *Dictionnaire historique de la terminologie optique des grecs*. Paris: Klincksieck

- Pohlenz, M. 1909: *Vom Zorne Gottes. Eine Studie über den Einfluss der griechischen Philosophie auf das alte Christentum*. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht.
- Ramelli, I. L. E. 2010: The Letter of Mara Bar Serapion in Context. *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 13.1, 81–85.
- Ranovich, A. B. 1935: [Antique critics of Christianity: (Fragments from Lucian, Celsus, Porphyry, etc.)] Moscow: Gaiz.
Ранович, А. Б. Античные критики христианства: (Фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.) / А. Ранович. Москва : Гаиз.
- Richardson E. C. (ed.). 1896: *Hieronymus. Liber De viris illustribus*. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, Bd. 14 (1): 1–56.
- Riedmatten, H. de. 1952: *Les actes du proces de Paul de Samosate*. Fribourg: Éditions Saint-Paul.
- Riedweg, C. 2016: Aspects de la polémique philosophique contre les chrétiens dans les quatre premiers siècles. Conférences de l'année 2014–2015, In: *Annuaire de l'École pratique des hautes études (EPHE), Section des sciences religieuses. Résumé des conférences et travaux* 123, 151–158.
- Rist, J. 1969: M. St. John and Amelius. *JThS*. 20 (1), 230–231.
- Schaff, Ph. 1885: *History of the Christian Church*. Vol. 2: Ante-Nicene Christianity A.D. 100–325. New York: Charles Scribner's Sons.
- Soloviev, R. S. 2022: Approaches to the literature of late antiquity: in search of the golden mean. *Filologos*. 3 (54). 87–93.
Соловьёв, Р. С. Подходы к литературе поздней античности: в поисках золотой середины. *Filologos*. 3 (54), 87–93.
- Soloviev, R. S. 2023: Philosophical renovation in the third century: the polemical component of Porphyry's *Vita Plotini* in relation to Gregory of Neocaesaria's *Oratio Panegyrica*. *Philologia Classica*. 19 (1) (принято к печати).
- Soloviev, R. S. 2023: The Genesis of the Term "Neoplatonism" and the Historiographical Stamps it Engenders. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*. 2023. Vol. 106. (in print).
Соловьёв, Р. С. Генезис термина «неоплатонизм» и порожденные им историографические штампы. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. Вып. 106 (в печати).
- Strauss, D. F. 1835–1836: *Das Leben Jesu kritisch bearbeitet*. Tübingen: C. F. Oslander.
- Uhlhorn, G. 1875: *Der Kampf des Christenthums mit dem Heidenthum. Bilder aus der Vergangenheit als Spiegelbilder für die Gegenwart*. Stuttgart: Meyer & Zeller.
- Van Voorst, R. E. 2000: *Jesus Outside the New Testament: An Introduction to the Ancient Evidence*. Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub.
- Vollenweider, S. 2009: Der Logos als Brücke vom Evangelium zur Philosophie. Der Johannesprolog in der Relektüre des Neuplatonikers Amelios, In: Dettwiler, A., Poplutz, U. (eds.). *Studien zu*

- Matthäus und Johannes: Festschrift für Jean Zumstein zu seinem 65. Geburtstag.* Zürich: Theologischer Verlag, 377–397.
- von Harnack, A. 1886: *Lehrbuch der Dogmengeschichte: Bd. I. Die Entstehung des kirchlichen Dogmas.* Freiburg: Mohr.
- von Harnack, A. 1902: *Das Wesen des Christentums.* Leipzig: J. C. Hinrichs.
- von Harnack, A. 1914: *Grundriss der Dogmengeschichte.* Tübingen: Mohr.
- von Harnack, A. 1924: *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten.* 4. Aufl. Leipzig: J. C. Hinrich.
- von Harnack, A. 1927: *Die Entstehung der christlichen Theologie und des kirchlichen Dogmas.* Gotha: Leopold Klotz Verlag.
- Whittaker, J. 1994: Celsus, In: *DPhA.* Vol. II, 255–256.
- Windisch, H. 1909: *Die Frömmigkeit Philos und ihre Bedeutung für das Christentum.* Leipzig: Hinrichs.
- Zamora, C. J. M. 2018: The Christ-Logos question in Amelius. *Schole.* 12 (2), 1–15.
- Zeller, E. 1881: *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung.* 3 Theil. 2 Abtheilung. *Die nacharistotelische Philosophie / 2 Hälfte / dargestellt von Dr. E. Zeller.* 3 Auflage. Leipzig.
- Zoubos A. N. (hrsg.). 1956: *Amelius von Etrurien. Sein Leben und seine Philosophie. Beitrag zur Geschichte des Neuplatonismus.* Athène.
- Zueva E. V. 2009: Influence of Plato's reported dialogues on the genre and composition of The Dialogue with Trypho the Jew by Justin Martyr, In: *An International Scholarly Conference "Indo-European Studies of Language and Classical Philology-XXIV" (The I. M. Tronskiy Memorial Readings).* SPb., 192–203.
- Зуева Е. В. 2009: Влияние пересказанных диалогов Платона на жанровые и композиционные особенности «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* 13, 192–203.

DOI: 10.30842/ielcp230690152774

А. И. Солопов

МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. scatebr@mail.ru

Е. В. Антоненц

МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. evantonetz@yandex.ru

**PRAEPARATUR EX EO CHARTA DIVISO ACU IN PRAETENUES
... PHILYRAS (PLIN. N.H. XIII 74): К ПРОБЛЕМЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В статье предлагается конъектура во фразе, открывающей описание процесса производства папируса в «Естественной истории» Плиния Старшего (Plin. n.h. XIII 74). В ней речь идет о разрезании стебля растения папируса на тонкие полоски. Рукописное чтение *acu* предполагает, что это производилось иглой, или что Плиний называет инструмент неточно. Кроме того, конструкция *abl. abs. diviso acu* не дает того смысла, который обычно вкладывают в этот контекст. Предлагаемая конъектура *acia* «нитью» (вместо рукописного *acu*) подкрепляется техникой производства папируса, применяемой в некоторых местностях современного Египта.

Ключевые слова: Плиний Старший, производство папируса, папирус, игла, нить, *charta*, *acus*, *acia*.

Alexei I. Solopov

Lomonosov Moscow State University. Russia. scatebr@mail.ru

Ekaterina V. Antonets

Lomonosov Moscow State University. Russia. evantonetz@yandex.ru

***Praeparatur ex eo charta diviso acu in praetenues ... philyras*
(Plin. N.H. XIII 74): a problem of interpretation**

In the present paper a conjecture in Pliny's *Natural History* is proposed, namely for the phrase which opens the description of papyrus manufacture (Plin. N.H. XIII 74). The phrase explains how the papyrus stalk was cut into thin strips. If the manuscript reading *acu* is accepted, it means either that the cutting was performed, indeed, with a needle or that Pliny's description of the tool is imprecise. Besides, the *abl. abs. diviso acu* does not have the meaning that the usual understanding of this passage implies. The conjecture *acia* 'with a thread', suggested here in place of the manuscript reading *acu*, is confirmed by the modern technology of papyrus production which is used in certain localities of present-day Egypt.

Key words: Pliny, manufacture of papyrus, papyrus, needle, thread, *charta*, *acus*, *acia*.

Папирус, как известно, был главным писчим материалом классической древности. Но в силу превратности судьбы от ан-

тичности сохранилось только единственное описание техники его производства. Им мы обязаны Плинию Старшему, который посвящает этому вопросу несколько параграфов своей «Естественной истории» (Plin. *N.H.* XIII 74–82). Текст Плиния, впрочем, очень труден для понимания и по нему ясно, что сам Плиний не видел процесса изготовления папируса и передает его с чужих слов.

Об интерпретации пассажа о папирусе активно дискутировали начиная с эпохи Возрождения, и до сих он не перестает занимать ученых. Фундаментальным исследованием, посвящённым папирусу, процессу его изготовления и папирусной промышленности античности, остаётся книга Н. Льюиса «Папирус в классической древности» (Lewis 1974). На русском языке существует ряд работ о производстве папируса в древности, а весь пассаж Плиния переведён В. Г. Боруховичем (подробнее см.: Antonets 2009: 44–51); состояние вопроса на 1987 г. подробно изложено И. Ф. Фихманом (Fikhman 1987: 5–12). Новейший обзор исследований технологии изготовления папируса представлен в Оксфордском руководстве по папирологии (Wagnall 2009).

В общих чертах процесс производства папируса можно изложить следующим образом. Стебель папируса очищали от кожуры и затем нарезали на тонкие, как можно более широкие полосы. Нарезанные полоски укладывали на стол, слегка смоченный нильской водой. Полоски клали в два слоя так, чтобы в нижнем слое полоски располагались вертикально (слой *verso*), а в верхнем горизонтально (слой *recto*). Сложенный таким образом лист прессовали особым прессом. Клеточный сок сердцевины папируса обладал клейкими свойствами и обеспечивал прочную склейку слоёв под давлением. Искусственного клея при склеивании слоёв в лист не применяли. После прессования листы сушили на солнце и разглаживали инструментом из слоновой кости или раковины.

Настоящее сообщение посвящено одному из начальных этапов производства папируса — технике разрезания стебля растения папируса на тонкие полосы. Описание технологии Плиний начинает следующей фразой: *Praeparatur ex eo charta diviso acu in praetenuas, sed quam latissimas philyras* (Plin. *N.H.* XIII 74). Проблему составляет сочетание *diviso acu*. Разночтений к этому месту рукописи не сохранили (Sillig 1852; Mayhoff 2002, ad locum). Льюис переводит его так: *Paper is made from the papyrus plant by separating it with a needle point into very thin strips as*

broad as possible «Писчий материал папирус делают из папируса-растения, разделяя его при помощи острья иглы на очень тонкие и максимально широкие полоски» (Lewis 1974: 37). Однако если сочетание *diviso acu* понимать как оборот *ablatus absolutus*, то буквальный перевод будет «разделив иглу» или «после того, как игла разделена», что не имеет смысла.

Каким именно образом стебель разрезали и какой инструмент Плиний подразумевает под словом *acu*, не вполне понятно.

Согласно гипотезе И. Гендрикса, стебель разрезали именно иглой (не ножом) по спирали таким же движением, каким разворачивают скрученный свиток — так называемый ‘peeling method’ (Hendriks 1980). Однако эта технология весьма трудоемка и не прошла экспериментальных испытаний. А. Бюлов-Якобсен предложил подразумевать лауну в тексте, которую можно реконструировать как *diviso ac<c>u<rate>* (из стебля) «аккуратно разделенного» (Bülow-Jacobsen 2009: 26). Это объяснение удачно снимает трудность грамматической интерпретации конструкции *diviso acu*.

Современные опыты производства папируса в лабораторных условиях дают определенные результаты, однако качество папируса не всегда соответствует древним образцам (Bülow-Jacobsen 2009: 8). В то же время в самом Египте не прекращаются попытки воспроизвести древнее производство с использованием некоторых современных инструментов. Производством папируса занимаются, в частности, жители селения Эль-Карамус (Египет, мухафаза Шаркия, ок. 80 км к северо-востоку от Каира). Длинные стебли папируса (которые достигают в длину более 2 метров) они разрезают на короткие фрагменты (приблизительно 30–50 см) при помощи электропилы. Затем стебли разделяют на полоски, используя прочную рыболовную леску. Сами мастера утверждают, что в древности для этих целей использовали нож, а они усовершенствовали старинную технологию и применяют леску.

Процесс разрезания стебля на части и нарезания этих частей леской на тонкие полоски можно наблюдать в видео, размещенном на ютуб-канале (<https://youtu.be/SBdVhvo2UUM> — дата обращения: 17.04.2023).

Этот современный метод заставляет вернуться к тексту Плиния и предложить конъектуру АСІА «нитью» вместо рукописного АСV «иглой». С точки зрения палеографии смешение сочетания букв іа и буквы и возможно в практически любом

минускульном письме. В таком случае конструкцию рассматриваемой фразы (praeparatur ex eo charta *diviso* acia in praetenuis, sed quam latissimas philyras) можно предложить интерпретировать следующим образом: charta praeparatur ex eo, *diviso* acia in praetenuis, sed quam latissimas philyras. Причастие *diviso*, таким образом, относится к местоимению *eo* — «из него (т.е. стебля), разделенного нитью...». Инверсия слова *charta*, хотя и нарушает привычный порядок слов, но грамматически возможна — положение *charta* выделяет и подчеркивает это слово, указывая на то, что все дальнейшее описание посвящено писчему материалу.

Литература

- Antonets, E. V. 2009: [*Introduction to Roman Palaeography*]. Moskva: Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke.
Антонец, Е. В. 2009: *Введение в римскую палеографию*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Bagnall, R. S. 2009: *The Oxford Handbook of Papyrology*. Edited by Roger S. Bagnall. Oxford: Oxford University Press.
- Bülow-Jacobsen, A. 2009: Writing Materials in the Ancient World. In: *The Oxford Handbook of Papyrology*. Edited by Roger S. Bagnall. Oxford: Oxford University Press, 3–29.
- Fikhman, I. F. 1987: [*Introduction to Documentary Papirology*]. Moskva: Nauka.
Фихман, И. Ф. 1987: *Введение в документальную папирологию*. М.: Наука.
- Hendriks, I. H. M. 1980: Pliny, *Historia Naturalis* XIII, 74–82, and the Manufacture of Papyrus. *ZPE*. 37, 121–136.
- Lewis, N. 1974: *Papyrus in Classical Antiquity*. Oxford, Clarendon Press.
- Mayhoff, K. 2002: C. Plinius Secundus. *Naturalis historia. Libri XXXVII*. Post Ludovici Iani obitum recognovit et scripturae discrepantia adiecta edidit Karl Mayhoff. Vol. II. Libri VII–XV. Monachii et Lipsiae: In aedibus K. G. Saur.
- Sillig, J. 1852: *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII*. Recensuit et commentariis criticis indicibusque instruxit Iulius Sillig. Vol. II. Hamburgi et Gothae: Sumptibus Friderici et Andreae Perthes.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЦВЕТА В «ЛЮБОВНЫХ ЭЛЕГИЯХ» ОВИДИЯ

В данной статье мы рассматриваем все контексты, в которых встречаются цветообозначения в «Любовных элегиях» Овидия, проводим анализ особенностей функционирования цветовой лексики. К цветообозначениям были отнесены также лексемы со значениями «пестрый», «окрашивать», так как семантически они неразрывно связаны с цветом и часто встречаются с колоративами в одном контексте. Анализируется и само слово *color*, а также контексты, в которых колоратив не назван напрямую, но подразумевается, что речь идет о том или ином цвете. Все случаи использования колоративов разделены на группы по цветам. Помимо этого для удобства анализа мы выделяем три художественные функции цвета (эмоциональную, метафорическую и описательную), объясняющие употребление Овидием цветообозначений в том или ином контексте.

Ключевые слова: Овидий, цветообозначения, элегия, *color*, колоративы.

А. А. Solopova
Lomonosov Moscow State University. solopowa.lamabe@yandex.ru

Functions of colour terms in Ovid's *Amores*

In this paper, we consider and organize all the contexts in which color terms occur in Ovid's «Love Elegies», analyze the features of the functioning of color vocabulary. Lexemes with the meanings 'variegated' and 'to color' were also attributed to color designations, since semantically they are inextricably linked with color and often occur with coloratives in the same context. The word *color* itself is analyzed, as well as contexts in which the colorative is not directly named, but it is implied that we are talking about a particular color. All cases of using coloratives are divided into groups by color. In addition, for the convenience of analysis, we distinguish three artistic functions of color (emotional, metaphorical and descriptive), explaining Ovid's use of color meanings in a particular context.

Keywords: Ovid, *Amores*, colour terms, color, elegy, colorative

В данной статье была предпринята попытка систематизировать все встречающиеся в «Любовных элегиях» колоративы, а также объяснить, чем обусловлено их использование в

каждом из контекстов. Все случаи использования колоративов распределены на группы по цветам, внутри каждой группы цветообозначения классифицируются в соответствии с функцией, в которой они используются.

Используя классификацию колоративов, разработанную Е. Штенгеловым (Shtengelov 1970: 24–26), мы, несколько изменив его терминологию, выделяем три основные функции цвета: **эмоциональную, метафорическую и описательную**. В оригинальной версии классификации метафорическая функция называется смысловой, что кажется нам менее точным. Эмоциональная функция цвета встречается в тех случаях, когда цветообозначение использовано для усиления воздействия на эмоции читателя или же передает эмоции, охватывающие лирических героев. Метафорическая функция подразумевает, что цветообозначение указывает не собственно на цвет описываемого объекта, но что цветообозначение используется метафорически — например, темные одежды подразумевают траур. Описательная функция используется в том случае, когда цветообозначение не имеет эмоциональной или метафорической функции.

Различные классификации цветообозначений можно найти также в работах Н. В. Серова (Serov 1995). Стоит упомянуть также работу Х. Блюмнера, в которой дается общее представление о том, какие цвета может обозначать той или иной колоратив; интересно и большое количество сопоставительного материала из латиноязычных поэтических трудов (*Die Farbenbezeichnungen bei den römischen Dichtern*).

Распределение колоративов по функциям позволяет структурировать цветовую лексику и рассмотреть ее с точки зрения цели использования. Как правило, для каждого употребления удается выделить свою функцию.

Не будут обсуждаться оттенки, обозначаемые колоративами. При подготовке статьи в этом аспекте мы ориентировались на работу Ж. Андре (André 1949).

Суммарно цвет упоминается в «Любовных элегиях» в 130 случаях. Рассмотрим, каким образом функционируют колоративы, последовательно обсуждая лексемы, относящиеся к конкретным цветам.

Белый, серый цвета

Для обозначения белого цвета Овидий употребляет ряд колоративов: *candidus* (14), *candor* (1), *albus* (9), *niueus* (8), *mar-*

moreus (1), eburneus (1), albeo (2); а также описательное выражение с отрицанием *sine sanguine*; для обозначения серого — *canus* (1), *cano* (1). Суммарно встретилось 39 использований.

Обозначаться могут цвет кожи, цвет животных и птиц (коровы, овцы, волка), цвет неодушевленных объектов (лента, поле, воск, седина).

Эмоциональная функция:

Лексемы для обозначения белого цвета могут отмечать бледность, вызванную разными факторами, например, удивлением: *adstitit illa amens albo et sine sanguine uultu* — она, обезумевшая, замерла с белым, бескровным лицом (1.7.51). Интересно, что выражение *sine sanguine* дублирует собой колоратив *albo*, являясь по сути колоративом с отрицанием. Белой (бледной) называется девушка, которую избил ее возлюбленный: *candida tota* (1.7.40).

Белым называется воск: *cera sit alba situ* — пусть воск станет белым от плесени (1.12.30). В этом пожелании колоратив служит к усилению смысла, контекст эмоциональный.

Метафорическая:

По отношению к цвету кожи колоративы белого цвета встречаются часто, это следующие контексты: *candida* (1.4.7), *candida ... colla* (1.5.10), *candida ... puella* (2.4.39), *candida ... femina* (2.7.5), *candida Penelope* (2.18.29), *bracchia Sithonia candidiora niue* (3.7.8), *candida Pitho* (3.7.23). В этих контекстах колоративы обозначают красоту женщин, так, *candida Penelope* следует понимать как «безупречная» Пенелопею. Лексема *albus* также используется по отношению к цвету кожи: *decet alba quidem pudor ora* (1.8.35) также и *niueus: seu pendent niuea pulli ceruice capilli* (2.4.41), *niuea ... coniuge* (2.12.25), *niueos ... lacertos* (2.16.29), *niueo corpore* (3.2.42), *niueo lucet in ore rubor* (3.3.6). Встречаются и другие колоративы: *illa quidem nostro subiecit eburnea collo* (3.7.7), *marmoreis pedibus* (2.11.15). В одном контексте встречается два цветообозначения для белого цвета — *candidus*, *candor*: *candida candorem roseo suffusa rubore* — с прекрасной белой кожей, к белизне которой был прибавлен розовый цвет (3.3.5). Контраст румянца, часто передаваемого колоративами красного цвета, и прекрасной бледной кожи, многократно встречается у авторов при описании внешности.

Стоит отметить, что все перечисленные выше контексты относятся к женщинам, так как традиционно белая кожа

считается красивой именно для женщины, у мужчин же являясь признаком изнеженности. Суммарно встречается 17 случаев такого использования.

Белыми могут называться одежды: *ipse ego ... candidus* (2.13.23). Грамматически колоратив относится здесь к *ego ipse*, через цвет одежд отмечается также и красота их носящего.

Белыми названы седые волосы: *albam ... comam* (Ov. *Met.* 1.8.111), таким способом через колоратив отмечается преклонный возраст.

Несколько раз белой Овидий называет корову, используя несколько различных лексем: *bovis niueae* (3.5.23), *niueae ... iuuencae* (3.13.13). Во всех перечисленных контекстах отмечается красота животных; в последнем колоратив является указанием на то, что корова безупречна, совершенна и поэтому посвящена божеству и будет принесена в жертву. Другой контекст, в котором фигурирует корова: *fodit et albertis abstulit ore iubas* — (ворона) клюнула и выхватила клювом клочок белой шерсти (3.5.24). В одном из описаний приводится сразу два сравнения коровы по цвету: *candida uacca ... candidior niuibis* — белая корова, белее снега (3.5.10–11); *candidior, quod adhuc spumis stridentibus albet ... lacte* — белее молока, которое белеет шумящей пеной (3.5.13).

Белого цвета бывают и другие животные. Это лошади Гелиоса: *et reuocant niueos solis euntis equos* — и отзывают белоснежных коней бегущего солнца (2.1.24) — через колоратив отмечается их красота. В третьей книге *non albae ... aues* — не белые птицы — являются предвестницами несчастья (3.12.2). Употребление колоратива с отрицанием маркирует несбывшуюся надежду о том, чтобы цвет птиц все же оказался белым. Употребление отрицания можно рассматривать здесь как литоту, усиливающую метафорическое значение колоратива.

Белым назван лебедь, в которого обращается Зевс, колоратив отмечает красоту птицы: *plumis abditus albis* — скрытый белыми перьями (Ov. *Met.* 1.10.3).

В одном случае колоратив встречается по отношению к цвету воды в потоке и используется с отрицанием в значении «мутный, грязный»: *at tibi pro meritis, opto, non candide torrens* — а тебе по твоим заслугам, мутный поток, желаю... (3.6.105). Колоратив *candidus* используется в данном контексте в значении «прозрачный», «чистый».

Описательная:

Волки называются Овидием серыми: *canis ... lupis* (1.8.56).

По отношению к цвету поля используется колоратив *caneo: ipsa, locus nemorum, canebat frugibus* *Ide* — даже сама Ида, покрытая рощами, стала седой от посевов (3.10.39)

Отдельно можно выделить контексты, в которых колоративы обозначают цвет одежды и предметов одевания: *dum loquor, alba leui sparsa est tibi puluere uestis* — пока мы говорим, на твоё белое платье ложится пыль (3.2.41), *uitta ... alba* — белая лента (для волос) (3.6.56), *uestibus albis* — белые одежды (3.13.27).

Таким образом, в эмоциональной функции колоративы белого цвета встречаются 3 раза, в метафорической — 28 раз, в описательной — 5. Трижды колоративы белого цвета используются с отрицанием (1.7.51; 3.6.105; 3.12.2).

Черный цвет

Черный цвет передается Овидием колоративами *niger* (6) и *ater* (2), которые встречаются суммарно 8 раз.

Обозначается цвет волос, кровоподтеков, тени, черной кожи; колоративы черного цвета отмечают связь объектов с подземным царством.

Метафорическая функция:

Колоратив используется по отношению к цвету тени, грамматически же прилагательное *niger* относится к слову *ilex* — распространенное использование: *nigra nemus ilice frondet* — стоит, одетая листвой, роща, черная от тени дубов (2.6.49).

Черный цвет используется, когда речь идет о загробном мире: *nigro submersit Averno* — он погрузился в черный Аверн (3.9.27).

Описательная:

Колоративы черного цвета используются Овидием, чтобы передать цвет волос девы: *nigra ... coma* (2.4.42). В одном контексте колоратив в аналогичном контексте встречается с отрицанием: *nec tamen ater erat nec erat tamen aureus ille* — не был (цвет твоих волос) темным, не был он и золотым (1.14.9). В следующей строке Овидий отмечает, что в цвете ее волос сливаются оба этих оттенка, а в дальнейшем сравнивает получившийся цвет с цветом коры кедров на горе Иде. Интересно, что таким образом обозначается темный оттенок коричневого с золотым отливом; он передан путем исполь-

зования в одном контексте двух употребительных колоративов с отрицанием и дальнейшим сравнением по цвету.

Несколько раз черными Овидий называет кровоподтеки: *sed niger in uaccae pectore liuor erat* — но на теле коровы была черноватая синь (3.5.26), *liuor et aduerso maculae sub pectore nigrae* — на ее груди были синева и черные пятна (3.5.43).

Колоративы черного цвета могут обозначать цвет кожи: *nigri ... Memnonis* — чернокожего Мемнона (1.8.3), *filii ater* — темнокожий сын — снова имеется в виду Мемнон, царь эфиопов (1.13.33).

Колоративы черного цвета используются дважды в метафорической функции, 6 раз в описательной; случаев использования их в эмоциональной функции нет.

Красный цвет

Для обозначения оттенков красного Овидий использует следующие лексемы: *purpureus* (8), *purpura* (1), *erubesco* (3), *rubeo* (4), *subrubeo* (1), *rubor* (3), *ruber* (1), *roseus* (2), *poenicus* (1), *punicus* (1), *sanguinolentus* (2), *cruentus* (1), *minium* (1) — суммарно 29 использований. Колоративы красного цвета могут обозначать румянец (чаще всего *rubor pudicus*) или цвет губ, могут служить эпитетами божеств, отмечать цвет объектов и субстанций (крови, ядовитых цветов, шафрана). Наименование красного цвета может служить намеком на роскошное убранство. Отдельно можно выделить ряд контекстов, в которых упоминаются заколдованные объекты (к примеру, 1.12.12).

Эмоциональная функция:

Румянец может обозначаться следующими лексемами (таких контекстов 12):

- *purpureus* (*purpureus pudor* (1.3.14; 2.5.34), *purpureas ... genas* (1.4.22);
- *erubesco* (*erubuit* (1.8.35), *erubui* (2.8.7), *erubuisse genis* (2.8.16));
- *rubor* (*ingenuas picta rubore genas* — с нежными щеками, окрашенными румянцем (1.14.52), *roseo suffusa rubore* — залившаяся нежным румянцем (3.3.5), *niueo lucet in ore rubor* — на белом лице виднеется румянец (3.3.6));
- *rubeo* (*rubebis* (1.14.47)); *subrubeo* (*subrubet* (2.5.36));
- *roseus* (см. выше: 3.3.5).

Во всех перечисленных выше случаях обозначается *gubor pudicus* — колоративы, таким образом, отмечают стыд или смущение.

Цвет крови отмечается в одном контексте и передается лексемой *rubeo*: *quaeque Prometheo saxa cruore rubent* — скалы, которые краснеют от прометеевой крови (2.16.40). Колоратив усиливает впечатление от картины, которая представляется читателю и воздействует на его эмоции.

Метафорическая:

В качестве эпитетов Авроры используется лексемы *purpureus* (*purpurea ... manu* — пурпурной рукой (1.13.10), *rubebat* — краснела (1.13.47), *roseus*: *in roseis ... equis* — на розоватых конях (1.8.4). В этих случаях колоратив используется метафорически, не только обозначая цвет, но и являясь эпитетом божества. *Purpureus* может использоваться по отношению к Амуру — обозначаются его румянец, полнокровие (*purpureus ... Amor* (2.1.38; 2.9b.34)).

В одном контексте отмечается цвет воска, добытого из ядовитой цикуты: *at tamquam minio penitus medicata rubebas* — и словно краснеешь, окрашенный киноварью (1.2.11). В этом же контексте встречается упоминание красной краски — *minium*. Цвет заколдованного воска передается колоративом *roeniceus*: *sagaue roenicea defixit nomina cera* (3.7.29).

В следующей строке того же самого описания прилагательное *sanguinolentus* используется Овидием по отношению к цвету воска на табличке, на которой выцарапано неприятное для него известие. Воск будто бы собран с ядовитых цветков цикуты, потому и имеет окраску, этим же обусловлен выбор лексемы: *ille color uere sanguinolentus erat* — его цвет действительно кроваво-красный (1.12.12). Из-за выбора прилагательного — не просто красный, а кроваво-красный — этот случай можно отнести к метафорической функции.

Один раз отмечается роскошь постели, накрытой пурпурным покрывалом: *purpureo iacuit semisupina toro* (1.14.20). Колоратив подразумевает, что покрывало дорогое, роскошное.

Прилагательное *cruentus* используется в переносном значении — жесткая (первоначально: ‘пролившая чью-то кровь’) ладонь: *palma cruenta* (2.5.12).

По отношению к цвету губ колоратив встречается один раз (*purpureis ... labellis* — алые губы (3.14.23)). Через цвет губ

отмечается наличие макияжа, а также передается красота девушки.

Purpureus употребляется и как эпитет зловещей луны (*purpureus Lunae sanguine uultus* — красный от крови лик луны (1.8.12)): Овидий описывает магические способности сводни Дипсады. В аналогичном контексте встречается лексема *sanguineus* — в этом случае луна также краснеет в результате применения магии: *sanguineae ... cognua lunae* — рога кровавой луны (2.1.23).

Описательная:

Цвет оперения попугая называется шафранным: *tincta gerens rubro Punica rostra croco* — носивший пунийский клюв, окрашенный желтым шафраном (2.6.22). Подразумевается, что ярко-красный клюв (*rupicus*) имеет темно-желтый оттенок (*rubro croco*). В качестве определения к существительному *crocum* Овидий использует лексему *ruber*, такое использование. В античности встречаются упоминания нескольких видов попугаев, чаще всего в произведениях античных авторов описывается ожереловый попугай Крамера, вследствие чего мы можем предположить, что именно этот вид пользовался наибольшей популярностью в качестве домашнего питомца у богатых людей; вероятно, здесь описывается именно он.

Лексема *minium* используется в описательной функции, контекст подробнее описан выше (1.2.11).

Таким образом, суммарно колоративы для обозначения красного цвета встречаются 28 раз, лексика разнообразна. Больше всего контекстов в метафорической (13) и эмоциональной (13), в описательной всего два. По смыслу распределяются они также на большие группы, много аналогичных использований, лексика самая разнообразная, чаще всего — лексема *purpureus* с большим отрывом.

Золотой цвет

Для обозначения золотого цвета используются лексемы *aureus* (8), *auratus* (2), *inauratus* (1).

Метафорическая функция:

Цветообозначения золотого цвета могут использоваться как эпитеты божеств. В одном из контекстов встречаются сразу два колоратива золотого цвета: *ibis in auratis aureus ipse rotis* — сам золотой, ты поедешь на золотой колеснице (1.2.42). *Auratis rotis* — синекдоха, колоратив отмечает здесь материал и также

принадлежность колесницы божеству; *aureus* — эпитет самого Купидона. Встречается лексема *aureus* и как эпитет Амура — *aureus ... Amor* (2.18.36).

В одном из контекстов присутствует метонимия: *aureatos ... pedes* — позолоченные ноги (ноги, обутое позолоченными сандалиями) (3.13.26). Аналогичный случай: *aurea ... templa deorum* — храмы с позолоченными крышами (3.9.43).

Дважды лексема *aureus* используется в одинаковой сочетаемости *aurea pompa* — отмечается блеск процессии, ее пышность (3.2.44; 3.13.29).

Описательная:

Колоративы золотого цвета употребляются и по отношению к объектам из золота, или же покрытым золотом: *palla ... aurea* — золотой плащ Аполлона (1.8.59), *tractat inaugurate consona fila lyrae* — носит звучащую струну позолоченной лиры (1.8.60), *nec tamen ater erat nec erat tamen aureus ille* — контекст уже обсуждался выше, речь идет о цвете волос, колоратив *aureus* используется здесь с отрицанием (1.14.9), *aureaque ... terga* — золотое руно (1.15.22), *aurea ... signa* — золотые значки (размечающие поле для состязающихся) (3.15.16).

Колоративы золотого цвета встречаются только в метафорической (7) и описательной (5) функциях, не встречаются в эмоциональной функции иначе как при передаче чувства почтения к божеству.

Желтый цвет

Желтый цвет обозначается лексемами *flauus* (7), *croceus* (1), *fuluus* (1), *fuscus* (1), *crocum* (1), *flaueo* (2), *flauesco* (1) — суммарно 14 использований.

Метафорическая функция:

Колоративы желтого цвета могут служить эпитетами богинь:

- *praeripiat flavae Venus arma Mineruae* — (что если бы) Венера взяла оружие златоволосой Минервы (1.1.7);
- *flava Minerua* (1.1.8);
- *flava pruinoso quae uehit axe diem* — золотоволосая, (она) несет день на колеснице, покрытой росой — в данном случае *flauus* является эпитетом Авроры, сама она называется только в следующей строке (1.13.2);

- placuit croceis Aurora capillis — Аврора нравится русыми волосами (2.4.43);
- flava Ceres (3.10.3);
- dea flava — речь о Церере (3.10.43).

Описательная:

Также употребляются они и для обозначения цвета волос девушек: flauentia tempora — золотящиеся виски — имеется в виду, вероятно, цвет волос обитающих в воде нимф (1.1.29), cariet me flava puella (2.4.39), flava Chlide (3.7.23), seu flauent — или же они (волосы) золотистого цвета (2.4.43).

Прилагательное fuscus встречается в одном случае для обозначения цвета кожи прекрасной девы: est etiam in fusco grata colore Venus (2.4.40). Обычно привлекательным считается светлый цвет кожи, но здесь Овидий отмечает, что некоторым понравится и темный.

Глагол flauesco относится к слоновой кости, которую красят, чтобы она не изменила свой цвет с годами: ne longis flauescere possit ab annis — чтобы она не пожелтела от долгих лет (2.5.39).

По отношению к золотому руну используется и колоратив fuluus — fuluo uellere (2.11.4).

Контекст, в котором описывается попугай, уже обсуждался выше. В одной строке здесь используются три колоратива: tincta gerens rubro Punica rostra croco (2.6.22).

Колоративы желтого цвета используются только в метафорической (6) и описательной (8) функциях.

Зеленый цвет

Для обозначения зеленого цвета Овидием используются колоративы uiridis (3), uirgeo (2), frondeo (1), суммарно встречается 6 употреблений.

Метафорическая функция:

В одном контексте лексема uiridis используется по отношению к британцам — имеется в виду, вероятно, тот факт, что британцы покрывали лицо краской перед тем, как вступить в сражение: uiridesque Britannos (2.16.39).

Описательная:

Оттенки зеленого цвета встречаются у Овидия по отношению к цвету травы: uadaque perpetuo gramine terra uiret (2.6.50), et uiret in tenero fertilis herba solo (2.16.6), area gramineo suberat

uiridissima prato (3.5.5), uenit et in uiridi garrula sedit humo (3.5.22). Аналогичное использование встречается по отношению к роще: colle sub Elysio nigra nemus ilice frondet (2.6.49).

Колоративы зеленого цвета используются только в метафорической (1) и описательной (5) функциях.

Синий цвет

Синий цвет передается следующими лексемами: liuidus, liuor (2), liuens, caeruleus; суммарно 5 использований.

Метафорическая функция:

Колоративы синего цвета несколько раз встречаются по отношению к кровоподтекам: factaque lasciuis liuida colla notis (1.8.98), sed niger in uassae pectore liuor erat (3.5.26), liuor et aduerso maculae sub pectore nigrae (3.5.43). К этим контекстам примыкает и случай, когда описываются посиневшие от кандалов конечности — uidi ego conpedibus liuentia crura gerentem (2.2.47).

Описательная:

В одном контексте синим цветом обозначается цвет воды — una est iniusti caerulea forma maris (2.11.12). Интересно, что цвет моря называется всего один раз.

Колоративы синего цвета используются только в метафорической (4) и описательной (1) функциях.

«Блестеть», «быть пестрым»

Метафорическая функция:

Глагол uario используется по отношению к украшениям в волосах Купидона, которые переливаются самоцветами — gemma uariante capillos (1.2.41). Одновременно передаются и блеск драгоценных камней, и множество оттенков разных цветов, которые они создают, при этом конкретные цвета не называются.

«Окрашивать»

Описательная функция:

Глагол tingo используется по отношению к волосам, никакой цвет не назван: tingere quam possis, iam tibi nulla coma est — вот уже и нет у тебя волос, которые ты могла бы красить (1.14.2). Красят и слоновую кость, конкретный цвет также не назван: Maeonis Assyrium femina tinxit ebur (2.5.40). В одном из

случаев *tingo* используется вместе с колоративом — речь идет о цвете клюва (контекст обсуждался выше): *tincta gerens rubro Punica rostra sicoso* (2.6.22). Суммарно глагол встречается 3 раза.

Color (7), discolor (1), coloratus (2):

Метафорическая функция:

Слово *color* может присутствовать у Овидия в контекстах, где называется конкретный колоратив, например: *ille color uere sanguinolentus erat* — его цвет был кроваво-красным (речь о заколдованном воске, см. выше) (1.12.12). Другой пример: *est etiam in fusco grata colore Venus* — приятна и темнокожая Венера. Называется цвет кожи, слово «цвет» заменяет собой сочетание «цвет кожи» (2.4.40). Аналогичный случай: *uasa puella tua est — aptus color ille puellae*: твоя девушка (и есть эта) корова — (ее кожа) того же цвета (3.5.37). Здесь к слову «цвет» добавляется определение, словосочетание заменяет собой лексему *candidus*.

В некоторых контекстах колоратив выпущен и слово «цвет» заменяет собой наименование конкретного оттенка. Так происходит, к примеру, если речь идет о цвете лица: *color ille simillimus horum* — (так и) цвет (ее лица стал) подобным этим (2.5.41) — девушка краснеет, цвет ее румянца сравнивается с краснеющей луной или окрашенной слоновой костью. Другой случай: *siue bonus color est* — имеется в виду свежий, приятный цвет лица (2.7.9). Аналогичным способом может обозначаться и бледность — также без того, чтобы упоминать колоратив конкретного цвета: *quam tibi sit toto nullus in ore color!* — как исчезнет краска с твоего лица! (2.11.28). Цвет кожи китайцев обозначается лексемой *coloratus* — *colorati ... Seres* (1.14.6).

Coloratus используется по отношению к небу: *coloratum Tithoni coniuge caelum* — небо, окрашенное супругой Тифона (2.5.35). Имеется в виду розовеющее на заре небо; конкретный цвет не называется.

Описательная:

В одном стихотворении речь идет об умершем попугае и об окраске его перьев — *quid rari forma coloris* (2.6.17). *Color rarus* — редкая расцветка перьев.

В одном из контекстов третьей книги упоминаются возницы: *euolat admissis discolor agmen equis* — разноцветная толпа гонит коней во весь опор (3.2.78). *Discolor* («пестрый»)

обозначает разные цвета одежд, в которые были облачены возницы в зависимости от того, к какой партии они принадлежали.

Лексема *color* встречается 6 раз в метафорической функции и 1 раз в описательной; лексема *discolor* — один раз в описательной функции; *coloratus* — 2 раза в метафорической.

Pictus (4)

Метафорическая функция:

Pictus встречается по отношению к цвету лица девы — в этом же контексте есть и колоратив красного цвета: *protegit ingenuas picta rubore genas* — покрывшись румянцем, прикрыла нежное лицо (1.14.52).

Описательная:

В значении «разноцветный» прилагательное встречается по отношению к пестрым камешкам на берегу моря: *pictosque lapillos* (2.11.13), пестрым сандалиям Амура: *pictosque cothurnos* (2.18.15), вновь про пестрые сандалии — *pictis innixa cothurnis* (3.1.31).

Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что в подавляющем большинстве случаев цветообозначения употребляются в метафорической функции — встретилось 74 таких использования. Суммарно колоративы фигурируют в «Любовных элегиях» 130 раз.

В 40 контекстах колоративы встречаются в описательной функции.

В эмоциональной функции колоративы встречаются очень редко: суммарно таких случаев 16, из них 3 приходятся на белый цвет; 13 — на красный, во всех этих случаях колоративами красного цвета обозначается *rubor pudicus*.

Лексема *color* может использоваться в одном контексте с колоративом и усиливать его (например, 1.12.12). В некоторых случаях *color* встречается в одном контексте с прилагательным, не являющимся колоративом, таким образом, что конкретный цвет не назван напрямую, но подразумевается (2.7.9).

Колоративы могут использоваться с отрицанием: в трех случаях это обозначение белого цвета (1.7.51; 3.6.105; 3.12.2), сочетание *nullus color* (2.11.28), обозначающее бледность; глагол *flauesco* (2.5.39), колоративы *ater* и *aureus* (1.14.9).

Можно заметить, что менее разработанные колоративы (имеющие меньше сфер употребления, менее богатый лексический запас) чаще используются в описательной функции. Колоративы же для обозначения, например, красного цвета, передаваемого в «Любовных элегиях» 13 разными лексемами, широко используются как в метафорической (13 случаев), так и в эмоциональной (13 раз) функциях; в описательной же всего лишь дважды.

Литература

- André, J. 1949: *Étude sur les termes de couleur dans a langue latine*. Paris.
- Blümner, H. 1892: *Die Farbenbezeichnungen bei den römischen Dichtern*. Berlin.
- Booth J. 1991: *Ovid. The second book of Amores*. Warminster, Wiltshire.
- Ehwald R. 1907: *P. Ovidius Naso. Amores*. Leipzig.
- Mayer, G. 1934: *Die Farbenbezeichnungen bei Ovid*. Bamberg.
- Ryan M. B., Perkins C. A. 2011: *Ovid's Amores, Book one: a commentary*. Oklahoma.
- Serov, N. V. 2003: *Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya*. [Color of culture: psychology, cultural studies, physiology]. St.Petersburg: Rech.
- Серов, Н. В. 2003: *Цвет культуры: психология, культурология, физиология*. СПб.: Речь.
- Serov, N. V. 1995: *Antichnyy khromatizm [Antique chromatism]*. Saint Petersburg. Серов, Н. В. 1995: *Античный хроматизм*. СПб.
- Shtengelov, E. 1970: [Colour in fiction literature]. *Nauka i zhizn'* [Science and life]. 8, 24–26.
- Штенгелов, Е. 1970: Цвет в художественной литературе. *Наука и жизнь*. № 8, 24–26.

C. M. Taulli

Università Statale di San Pietroburgo, Russia. taulli2007@hotmail.it

UN EPISODIO DEL POEMA EPICO *DIGENIS AKRITAS* A MARIUPOL': TRA ORALITÀ E SCRITTURA

The aim of this article is to attempt to provide a place to an ancient Mariupolitan song, which has survived only orally, within the more complex tradition of the Byzantine epic poem *Digenis Akritas*. First of all, we tried to briefly retrace the story of the manuscripts of both the Greek and the Russian versions of the Byzantine poem, entitled *Devgenievo Dejanie*, by summarizing the contact points between the versions of the work. In the last part of the article, we focus on the episode of the dragon, present both in the Greek and in the Russian versions, by highlighting the links that seem to confirm an idea that has long been the subject of debate, that is the belonging of this episode to one of the oldest cores of the poem.

Keywords: Mariupol', *Devgenievo Dejanie*, *Digenis Akritas*, Escorial, Grottaferrata.

K. M. Таулли

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. taulli2007@hotmail.it

Мариупольский эпизод из византийской эпической поэмы «Дигенис Акритас»: устная и письменная традиции

Целью данной статьи является попытка обеспечить место для древней мариуполинской песни, которая сохранилась только устно, в рамках более сложной традиции византийской эпической поэмы *Дегениса Акрита*. Прежде всего, мы попытались кратко пересказать историю рукописей как греческой, так и русской версий византийской поэмы, озаглавленной *Девгениево Деяни*, резюмируя точки соприкосновения между версиями произведения. В последней части статьи мы сосредотачиваемся на эпизоде с драконом, представленном как в греческой, так и в русской версии, подчеркивая связи, которые, кажется, подтверждают идею, которая давно является предметом дебатов, что является принадлежностью этого эпизода к одному из старейших центров поэмы.

Ключевые слова: Мариуполь, *Девгениево Деяни*, *Дигенис Акритас*.

Quest'articolo, diviso in tre parti, ha un obiettivo semplice ma, al contempo, ambizioso, cioè quello di raccordare un antico canto mariupolitano, pervenuto per sola tradizione orale, con le tradizioni manoscritte del poema bizantino *Digenis Akritas* e della sua redazione in russo antico, il *Devgenievo Dejanie*. Nella prime due

parti, si ripercorrerà, in maniera essenziale, la tradizione manoscritta delle due opere, mentre nella terza si rifletterà sul canto popolare greco *Ο Γιαννάκης και ο δράκοντας*, proveniente da Mariupol', che presenta punti di contatto con alcuni episodi sia del *Digenis Akritas* sia del *Devgenievo Dejanie*.

La tradizione manoscritta del *Digenis Akritas*

La tradizione manoscritta del *Digenis Akritas* rappresenta uno degli argomenti fondamentali su cui si è dibattuto a lungo. Ci sono pervenuti sei manoscritti dell'opera, ognuno dei quali trasmette una redazione diversa, tanto che è estremamente complesso elaborare un vero e proprio *stemma codicum*, in quanto la tradizione manoscritta dell'opera è contenutisticamente eterogenea e ogni redazione presenta un certo grado di autonomia.

Nel 1868 S. Ioannidis pubblica per primo nella sua *Ιστορία και στατιστική Τραπεζοῦντος και τῆς περι ταύτην χώρας, ὡς και περι τῆς ἐνταῦθα ἑλληνικῆς γλώσσης* alcuni estratti provenienti da un manoscritto acefalo (T) ritrovato presso il monastero di Sumelà, nei pressi di Trebisonda, che narra le vicende di un eroe greco di età medievale fino ad allora ritenuto sconosciuto. Il manoscritto raggiunge la fama solo nel 1875, quando viene pubblicato in Francia ad opera di C. Sathas ed È. Légrand, corredato di traduzione in lingua francese, per consentire a studiosi non specialisti di comprendere la straordinaria importanza dell'epica greca in volgare (Sathas, Légrand 1875: XI–CLII). Lo stesso Ioannidis deposita il manoscritto presso la biblioteca dell' *Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος* di Trebisonda dove questo rimane fino al 1922, quando scompare dopo la sconfitta della Grecia durante la guerra greco-turca. A. Bryer ha sostenuto che oggi potrebbe ritrovarsi tra i manoscritti della biblioteca Türk Tarih Kurumu di Ankara che ha accolto molto del patrimonio culturale della comunità greca di Turchia (Bryer 1987: 193). Il testo è costituito da 3182 versi politici in dieci libri, risalenti al XV secolo e derivanti molto probabilmente dalla supposta redazione Z, elaborata da Trapp sulla base dei manoscritti di Andros e Trebisonda (Trapp 1971: 26–33).

Nel 1879 a Grottaferrata viene scoperto da S. Lambros un manoscritto (ms. Z.a. 44) (G) del XIV secolo che contiene il poemetto bizantino *Spaneas* e un'altra redazione del *Digenis Akritas* formata da 3749 versi decapentasilabi in otto libri (Lambros 1880: XC–CI). Quest'ultima racconta la medesima storia

di T ma non può considerarsi semplicemente un altro testimone di quella tradizione manoscritta ma piuttosto un esemplare di una tradizione diversa che ha influenzato il manoscritto di Trebisonda.

Nel 1881 viene edito da A. Miliarakis un altro manoscritto (A) del XVII–XVIII secolo, rinvenuto sull'isola di Andros e ora custodito presso la Biblioteca Nazionale di Atene (ms n°1074), che narra la stessa storia di T, seguendone abbastanza da vicino le varianti (Miliarakis 1881: 5–16). Esso, infatti, è costituito da 4778 versi politici raccolti in dieci libri e, come nel caso di Trebisonda, è una delle fonti della redazione Z.

Alla tradizione del manoscritto di Andros si può riconnettere quello ritrovato nella medesima isola da D. Pascalis nel 1898 (P), ora custodito nella Biblioteca del Dipartimento di Studi classici e Storia antica dell'Università di Salonicco (ms n°27) (Pascalis 1926: 305–440). Si tratta di una versione in prosa del *Digenis Akritas* in dieci libri, che ha il manoscritto di Andros come punto di partenza per il suo riadattamento: una dimostrazione può essere il fatto che P tenda a riadattare il testo nella nuova forma, lasciando quasi inalterati alcuni versi di A (Kechagioglou 1993: 116–129). Il copista di quest'ultima redazione di P è probabilmente M. Vlastós: questo fatto ci permette di datare l'opera in un periodo oscillante tra il 1622 e il 1632. Sappiamo, inoltre, da K. Dapontes, che visse nella seconda metà del XVIII secolo, della probabile esistenza di almeno altri due manoscritti in prosa, non pervenutici, che sarebbero stati presenti nella biblioteca del monastero di Xiropotamou sul monte Athos (Trapp 1971: 15–16). Allo stesso ramo della tradizione manoscritta che comprende anche A, P e, probabilmente T, appartiene il manoscritto della Biblioteca del Lincoln College di Oxford (ms. gr 24) (O), ritrovato nel 1880 e formato da 3094 versi politici rimati (Odorico 1995: XXX–XXXI).

Nel 1904 il bizantinista tedesco K. Krümbacher riporta alla luce un'altra redazione contenuta in un manoscritto della Biblioteca dell'Escorial a Madrid (ms. Escor. Ψ I4 22) (E) del XV secolo che contiene anche il romanzo bizantino *Livistros e Rodamni*, il *Pulologos*, il *Porikologos*, lo *Psarologos* ed altri testi religiosi, tutti di mani differenti. Il testo è acefalo e fortemente lacunoso: ciò è da attribuirsi sia ai diversi passaggi che ha subito il manoscritto sia alle diverse mani che vi hanno scritto. La scrittura è continua con un punto che divide un verso dall'altro, mentre una virgola separa i due emistichi del verso che è, come per le altre redazioni, il decapentasilabo (Rizzo Nervo 1996: 46–48. Cfr. Krümbacher 1905).

Il Devgenievo Dejanie: una versione russa del Digenis Akritas

La tradizione manoscritta del *Devgenievo Dejanie* risulta essere estremamente corrotta a causa delle numerose vicissitudini che i manoscritti hanno dovuto subire. Il testo, infatti, non è mai pervenuto per intero ma solo in frammenti di diversa lunghezza che presentano numerose lacune.

I frammenti più antichi che conosciamo sono quelli della *Raccolta Musin-Puškin* (M-P) che conteneva, oltre al *Devgenievo Dejanie*, una serie di opere piuttosto antiche: il *Detto dell'India Opulenta* (databile all'inizio del XIII secolo), il *Romanzo di Akir* (forse dell'XI secolo) e il *Canto di Igor* (XII secolo). Sfortunatamente questa raccolta venne distrutta durante l'incendio di Mosca del 1812 e ci rimane solo per tradizione indiretta grazie alla *Storia dello Stato Russo* di Karazmin e al *Canto di Igor*, entrambi pubblicati poco prima della distruzione del manoscritto (Pascal 1935: 301–302).

Nel 1857 viene scoperto e pubblicato da A. Pypin un frammento nel *codice miscellaneo n°1773 del Fondo Pogodin* della Biblioteca Nazionale di San Pietroburgo (P), risalente al periodo a cavallo tra il XVII e XVIII secolo. Le condizioni del testo sono molto critiche: il manoscritto risulta mutilo in varie parti ma è possibile, in ogni caso, avere un'idea abbastanza concreta del testo originale. La lingua e lo stile delle parti pervenute non sono elaborati e rimandano chiaramente alle *byliny* russe, cioè raccolte di poesia epica appartenenti alla tradizione slava.

Nel 1890 Tikhonravov pubblica un'altra versione del *Devgenievo Dejanie*, contenuta nel *codice miscellaneo n. 399 della collezione Tikhonravov (fondo 299)* della Biblioteca dello Stato Russo di Mosca (T). Il manoscritto riporta un dato molto interessante: il copista sarebbe un certo Simeon Malkov che avrebbe trascritto l'opera intorno al 1744. Questo testo, inoltre, presenta una lingua estremamente arcaicizzante che richiama da vicino i frammenti M-P.

Nel 1946 viene ritrovata in un manoscritto miscellaneo di proprietà di uno studioso di antichità russe, A. A. Titov, un nuovo frammento del *Devgenievo Dejanie* (TI). Inizialmente era al museo di Rostov Velikij, poi al Museo di Stato della Letteratura di Mosca e, in ultimo, alla Biblioteca Nazionale di San Pietroburgo, dove viene catalogato come *codice miscellaneo n°4369 del fondo Titov..* La trascrizione del testo dovrebbe risalire intono alla metà del XVIII secolo ma, a differenza di T, rimane ignoto il copista (Graham 1968: 51–52).

I rapporti tra le redazioni russe e greche

La filologia ha a lungo cercato di mettere le redazioni russe in rapporto alla tradizione manoscritta greca. Lo stato di conservazione dei testi non ha favorito questo processo: le diverse lacune testuali sono un danno irreversibile che non permette di avere risposte certe sull'argomento.

La datazione del testo è tutt'altro che semplice: i manoscritti sono tutti tardi e, quindi, il rischio di interpolazioni è maggiore. Un fattore è, però, assai interessante: la *Raccolta Musin-Puškin*, che riporta M-P, contiene opere letterarie che vanno dall'XI secolo fino all'incirca al XIII secolo. Il fatto che tutti i testi appartengano ad un medesimo genere letterario, cioè romanzi in versi e in prosa, fa supporre che il periodo di elaborazione delle versioni in antico russo del *Digenis Akritas* debba essere pressoché il medesimo degli altri testi. Bisogna, inoltre, tenere conto che ogni versione riporta un titolo per ogni singola porzione di testo. La raccolta in questione, inoltre, alterna i singoli canti alle altre opere contenute. Questa non può che essere un'ulteriore prova che la percezione dei canti non doveva essere unitaria e che ognuno di essi costituiva un nucleo autonomo.

La *Cronaca Nestoriana*, infatti, riporta sotto l'anno 1095 che « I Cumani andarono contro i Greci, guidati dal figlio di Devgenis; l'imperatore catturò il figlio di Devgenis e lo accecò ». Lo stesso fatto è riportato anche da Anna Comnena e Niceforo Briennio, a proposito di un uomo che si spacciava per il figlio di Romano IV Diogene e che venne sconfitto da Alessio I Comneno ad Adrianopoli nel 1094¹.

La versione corrotta è chiaramente quella della *Cronaca Nestoriana*: ci si dovrebbe aspettare *Diogenovič* nel passaggio traduttivo dal greco al russo antico. Abbiamo, invece, la forma *Devgenevič*. Questa confusione tra le due forme si può ricondurre al fatto che la figura di Devgenij era già così popolare presso gli slavi che ha tratto in errore l'autore della Cronaca. Egli, infatti, scrive il nome più diffuso al suo tempo al posto di quello meno diffuso.

Un'altra cronaca russa riporta la grande diffusione dell'eroe greco nella Rus': nell'anno 1168 la *Cronaca Nikonovska* riferisce che il gran duca Mstislav II era stato calunniato dai boiardi Pjotr Borislavič, Nester Židislavič e Iakov Digenevič. I nomi dei primi

---

¹Anna Comnena, *Alessiade*, X, 2 e Niceforo Briennio, *Commentarii*, II, 29.

due sono autenticamente russi, mentre il terzo non può che essere riconducibile a Digenis. Iakov Digenevič doveva avere all'incirca una quarantina d'anni al momento dei fatti perché il titolo di Boiardo veniva attribuito solo a quell'età. Ne consegue che l'anno di nascita va collocato non dopo il 1130. Il padre di Iakov che si chiamava molto probabilmente Digenis doveva essere nato attorno al 1100, cioè negli anni in cui la fama dell'eroe bizantino si diffondeva in Russia (Soloviev 1952: 130–132).

Da questi fatti si potrebbe, dunque, concludere che Devgenij doveva già essere parte integrante della tradizione russa all'inizio del XII secolo ed è possibile che la sua traduzione in russo sia avvenuta intorno al 1037 o poco dopo, quando Jaroslav governava la Rus'.

La lingua di partenza di questa versione del *Digenis Akritas* rimane un punto assai controverso. Già A. N. Pypin, nel lontano 1858, aveva supposto che il *Devgenievo Dejanie* derivasse da una versione slava meridionale, probabilmente bulgara, e che l'arrivo in Russia si sarebbe dovuto collocare entro la fine dell'età kievana (Pypin 1858: 1–360). Sulla scia dello scopritore di P, si pose anche A. N. Veselovskij che notò delle affinità tra M-P e P e propose una versione antico-bulgara intermedia tra il greco e l'antico russo (Veselovskij 1875: 750–775). Seguendo Pypin e Veselovskij, nel 1877 Miller confermò il passaggio del testo per la Bulgaria (Miller 1877: 14–68), spiegando l'assenza della genealogia di Devgenij e di altri dettagli storici come una censura del redattore russo, rimasto sconvolto dalle scene guerresche o, più probabilmente, erotiche presenti nelle originarie redazioni greche (Graham 1968: 67–68).

Nel 1887 E. V. Barsov fu il primo ad opporsi alla possibile intermediazione slava meridionale perché la lingua dei frammenti a lui noti, cioè M-P e P, si mostrava essere assai vicina alla lingua delle cronache russe coeve, considerando il *Devgenievo Dejanie* non tanto una semplice traduzione quanto una rielaborazione diretta della versioni elleniche (Barsov 1887 : 308–326).

Tra il 1914 e il 1915 I. N. Ždanov (Ždanov 1914: 731–738) e N. Serebrjanskij (Serebrjanskij 1915: 186–190) sostennero fondatamente che il *Devgenievo Dejanie* abbia influenzato pesantemente le *byliny* russe e rintracciarono numerose affinità con la *Vita di Alexander Nevskij*, determinando che Devgenij fosse entrato in una fase piuttosto alta nel *corpus* della poesia epica russa.

Nel 1922 M. N. Speranskij dedicò una monografia all'argomento, in cui riportò tutti i frammenti allora conosciuti (M-P, P, T),

includendovi un'analisi dettagliata di parole ed espressioni che egli confronta con la tradizione greca. Il suo lavoro ha un valore inestimabile perché dimostra efficacemente che il testo è una traduzione diretta, risalente all'XI secolo, di un'originaria versione greca che presentava caratteristiche arcaiche a noi non pervenuta (Speranskij 1922: 1–165).

Sulla stessa scia si pose Grégoire che ha a lungo analizzato le redazioni russe: in un primo momento non le considerò, sostenendo che fossero un'elaborazione molto tarda e priva di alcun valore nel contesto dei manoscritti greci. In un secondo momento, riconsiderò per intero tutta la tradizione slava, alla luce, probabilmente, del lavoro di Speranskij.

Le differenze riconosciute da Grégoire nelle versioni russe sono nella struttura stessa della narrazione: le redazioni greche pongono lo scontro tra Digenis, Filopappo e Maximò soltanto dopo il ratto della Ragazza, mentre le redazioni slave pongono questi eventi ben prima del suo rapimento.

L'incontro tra l'imperatore e Digenis è molto diverso nelle due tradizioni: le versioni bizantine riportano un esito pacifico dell'evento oppure lo eliminano, mentre le redazioni russe narrano di un feroce scontro tra i due che termina con la morte del sovrano (Grégoire 1941: 92–93).

Il cambiamento dell'ordine dei fatti nella versione greca è, probabilmente, dovuto alla volontà del redattore di rendere la trama più scorrevole e più interessante. La tensione narrativa è ricercata nel contrasto tra Digenis e un qualche altro personaggio che tenta di dividerlo dalla sua donna: qui il modello è chiaramente il romanzo greco, dove colui che separa la coppia di innamorati è l'antagonista del racconto. Gli *apelatai*, spesso, assurgono a questo ruolo nell'opera: Filopappo, insieme a Ioannakis, spesso cercano di rapire la donna che è il loro oggetto del desiderio.

Nelle ballate greche, invece, Filopappo ha tutt'altra veste: viene presentato come un uomo saggio, nonché servo di Digenis, che addirittura aiuta l'eroe nel ratto della sua futura moglie. Dal momento che la sua entrata in scena precede quella della figlia dello Stratego, dobbiamo, dunque, immaginare che, anche nel *Digenis Akritas* originario, questo episodio fosse collocato prima del rapimento.

Oltre che nelle redazioni russe e nelle canzoni popolari, un episodio di un primo incontro tra Digenis e gli *apelatai*, che precede quello con la Ragazza, viene ricordato anche nelle versioni dell'Escorial, di Andros, di Trebisonda e di Oxford: Digenis si

allontana dalla strada che stava seguendo con suo zio e suo padre per andare a conoscere i famosi *apelatai*. Una volta giuntovi, parla con Filopappo, il loro capo, che gli impone di superare una prova per poter diventare uno di loro. Digenis riesce a superarla ma entra in contrasto con loro, sconfiggendoli.

Quando gli *apelatai* vedono Digenis in un successivo incontro, non lo riconoscono per nulla e gli si rivolgono come se fosse la prima volta. Questo secondo episodio è molto più lungo e dettagliato, mentre il primo, già citato, è mutilo e il passaggio ai versi seguenti risulta improvviso. Si deve, quindi, ipotizzare che il primo incontro deve essere originale, come confermato dalle redazioni russe e dalle ballate, e deve essere stato ridotto per far posto al secondo episodio: il redattore, infatti, è andato ad eliminare la parte del primo episodio che sarebbe stata in palese contraddizione con il secondo.

Lo scontro con l'imperatore è il punto di maggior contrasto tra le tradizioni greca e russa. Grégoire ha voluto vedere in questo passaggio una prova del fatto che il testo del *Digenis Akritas* fosse nato nell'ambito dell'eresia Pauliciana e che avesse in sé elementi eversivi nei confronti dello stato centrale, quale il disprezzo verso il sovrano. Non è inverosimile ritenere che l'episodio della morte dell'imperatore possa essere frutto di un riadattamento al contesto russo dell'inizio del XII secolo. Nella Rus' di Kiev, infatti, non si mette mai in dubbio la figura dell'imperatore come capo supremo dei paesi cristiani ma non bisogna trascurare che la regalità imperiale viene estesa ai sovrani locali già a partire dal 1111. Sarebbe, dunque, più corretto pensare che l'omicidio dell'imperatore da parte di Devgenij sia il simbolo della rivalsa della nobiltà locale sul potere centrale costantinopolitano, dunque più di origine greca che di ascendenza russa.

La teoria di Grégoire che le traduzioni slave e, in particolare, quelle antico-russe, siano più fedeli all'originale delle versioni greche va sostanzialmente rigettata: come Lichacëv ha dimostrato, i testi russi medievali, quando non riguardano opere ecclesiastiche, contengono molte interpolazioni, e, conseguentemente, sono una fonte assai poco attendibile (Rizzo Nervo 1993: 35). Scarse abilità traduttive sono, inoltre, evidenziate dal fatto che i personaggi hanno come nome quello che corrisponderebbe alla loro carica in greco, perciò ἀμῖρᾶς diventa Amir, στρατηγός Stratigov, la figlia dello Stratego Stratigovna. Scambiare in modo così palese i nomi con le cariche non può che essere una prova dell'inesperienza dei

traduttori che, probabilmente, non conoscevano così bene la lingua greca.

Nel 1962 V. D. Kuzmina, nella sua edizione critica del *Devgenievo Dejanie*, ha dimostrato in maniera inequivocabile che l'opera deriva direttamente da una versione greca piuttosto arcaica, senza alcuna intermediazione slava meridionale e sembra poter essere il risultato di una sua rielaborazione russa di età kievana (Kuzmina 1962: 23–111).

L'adattamento al mondo russo rimane ben presente nell'ultimo frammento ritrovato, TI, che tende a modernizzare le parole arcaiche e a razionalizzare gli elementi magici e folklorici che nel frammento T hanno un ruolo preponderante. Dunque, è possibile supporre che il redattore di TI avesse in mente proprio il frammento T, piuttosto che P o M-P, e che il primo sia un riadattamento del secondo (Grégoire 1941: 73).

Digenis Akritas a Mariupol': Ο Γιαννάκης και ο δράκοντας

A Mariupol', dove è presente una comunità che ancora conserva un dialetto di matrice indiscutibilmente greca, è stata rintracciato un antico canto popolare, *Ο Γιαννάκης και ο δράκοντας*, che presenta numerose analogie con l'episodio del drago contenuto nel poema epico bizantino *Digenis Akritas*. Sebbene sia molto diffuso in ambito mariupolitano e se ne trovino diverse versioni, di estremo interesse risulta quello più lungo, di circa 28 versi, raccolto da A. Beleckij.

Il motivo del drago che viene sconfitto dall'eroe è ricorrente in tutta l'epopea del *Digenis Akritas* a partire dalle due versioni contenutisticamente più antiche rintracciate nei manoscritti dell'Escorial (E) e di Grottaferrata (G).

Se il manoscritto dell'Escorial, risalente alla seconda metà del XV sec. e di matrice più popolareggiante, riporta l'episodio del drago solo in pochi versi (1092–1101), in quanto risulta irrimediabilmente corrotto, il manoscritto di Grottaferrata, contenente una rielaborazione più raffinata dei canti popolari indirizzata al pubblico colto di Bisanzio e risalente al XIII sec. (Rizzo Nervo 1996: 8–18), conserva un passaggio più lungo dello stesso episodio (VI, 45–77), dove *Digenis* difende la sua amata dal tentativo di violenza del drago.

Tra la versione letteraria e la versione mariupolitana le differenze che intercorrono sono indubbiamente notevoli sia sotto il profilo linguistico sia sotto il profilo contenutistico. A Mariupol',

infatti, il protagonista, di nome Giannakis, non sembra difendere la propria donna ma, al contrario, ubbidisce all'ordine del drago di condurla alla fonte dove l'eroe e il mostro si sono incontrati.

Se la presenza della donna desiderata dal drago sembra legare strettamente tra di loro le due versioni, il motivo per cui la fonte viene inserita all'interno dei singoli canti cambia notevolmente. Nella versione di G, infatti, la ragazza giunge alla fonte perché è assetata, mentre nel canto popolare mariupolitano non viene esplicitato chiaramente il motivo del arrivo di Giannakis alla fonte (si potrebbe supporre che egli vi si rechi per lavarsi).

Il tema del bagno nella fonte è assente in E e G, mentre è centrale nelle redazioni russe del *Digenis Akritas*, dove il protagonista acquisisce il nome di Devgenij. Ne vanno ricordate sostanzialmente le tre principali che riportano questo motivo: la versione P, la versione T e la versione TI. A differenza della versione mariupolitana e della versione di G, in tutte queste redazioni è il padre di Devgenij a lavare il ragazzo, dopo che questi ha combattuto con una bestia selvaggia presso una fonte in un bosco. La presenza della fonte e del bagno dell'eroe, dunque, sembrano essere un punto di analogia tra le redazioni russe e il canto popolare mariupolitano.

Se lo scontro tra *Digenis* e il drago si trova attestato sia in E sia in G, è molto probabile non soltanto che esso appartenga ai nuclei più antichi del poema ma anche che ne circolavano varianti diverse nel mondo greco, di cui ne sono prova le versioni giunte in Russia, probabilmente in forma scritta, tra il XII e il XIII sec. (Soloviev 1952: 129–132).

In questo panorama, il canto popolare mariupolitano è di estremo interesse perché attesta una variante che sembra trovarsi a metà tra quella di G e quelle russe: si tratta o di una variante che non ha avuto un riscontro letterario oppure di un'interferenza tra la tradizione che ha dato origine a E e a G e la tradizione che ha dato origine alle redazioni russe.

Questa seconda ipotesi è più probabile: a questo proposito, il v. 10 risulta assai strano. Non è chiaro, infatti, chi compia l'azione di lavare Giannakis. Alla luce del *Devgenievo Dejanie*, si potrebbe, però, intendere che il padre abbia lavato l'eroe alla stessa fonte in cui il drago e Giannakis si incontrano: da qui, in poi, il canto mariupolitano verte intorno alla donna amata dall'eroe, avvicinandosi alle versioni greche.

Lo stato in cui versa il testo, inoltre, è estremamente corrotto: lo dimostra non soltanto il v. 10 ma anche il v. 5. In questo secondo

caso, infatti, si verifica una lacuna notevole, in quanto mancano totalmente le parole di minaccia del drago nei confronti di Giannakis, il cui nome già di per sé denota un'alterazione nella tradizione dei canti del *Digenis Akritas*. Se nelle versioni greche i capi degli apelati sono Filopappo, Giannakis e Kinnamos e nelle versioni russe risulta presente solo il primo, che funge da nemico di Devgenij, nella tradizione mariupolitana si è registrato il passaggio del nome da Digenis a Giannakis. È, dunque, possibile che in una fase molto alta della tradizione orale del canto i due personaggi siano stati confusi e sovrapposti, originando, dunque, la versione di Mariupol'.

Ο Γιαννάκης και ο δράκοντας: il testo²

1. Яна́тъне двайн сту нирѠ.	Γιαννάτης δάιν στου νηρό
2. Яна́тъне – сту пигъа́дън,	Γιαννάτης – στου πηγάδι
3. ‘Иврин тун дъра́конида,	ήβρην τουν δράκοντα
4. Ка́тъндун пас пигъа́дън та шѠла.	κάθηντου πας πηγαδόν та σήλια
5. Я. Афи ми, дъра́кунда, а́фи ми,	(Γιαν.) άφη μη δράκοντα, άφη μη
6. ШумѠсу ки йири́су!	σσοπιμόσου και ηρηήσου
7. Дъэн си нистъ́у, Яна́тън,	(Δρακ.) δεν ση πηστεύβου, Γιαννάτη,
8. дъэн си каташѠву,	δεν ση καταπεβου
9. Гъо йми ах тун йлю па анмъ́титус	γο ήμη ах τουн ήλου па арματιτους
10. Ки тун фонгу шистъ́у...	και τουн φέγγου πιστέμπου
11. С' элусин, кувалитисин	σ' ελούσην, куβαλήτησην
12. Ки харш́у сту псигъ паэни!	κη харσσου στου пσηт паэни
13. Я. Тин ма́ница му ан дъѠку,	(Γιαν.) την маηήтсса μου ан дѠκου,
14. Алу ма́ница тъ тла эху,	άλου маηήтсса т' θα έχου,
15. Тин адъарфити́н му ан дъѠку,	την адарфήтση μου ан дѠκου
16. Алу адъарфити́н дъэн эху,	άλου адарфήтση δεν έχου
17. Тин галйца пэру.	τηн Γκαλίтсса пэру
18. Алу ма́ница пэру	άλου маηήтсса пэру
19. Д. Гъурга́ с' лустй́, гъурга́ с' ллихтй́,	(Δρακ.) γουργά σ' ληστή, γουργά σ' κληχτή,
20. Гъурга́ ас сос, ас эрти!	γουργа ас сос ас эрти
21. Лин ту мири́ца лүшкин дун,	ληн του мηρήтсса лѠсσскην νтουν
22. Ан дун фэ́нгу плэхтин	ан νтουν φεγγѠку плэхтн
23. Ки эсусин - йрти́н сту пигъа́дън	κη εсούσн - ήртн στου пηγάδι
24. Пу тин фйла́йн тин дъра́кундас.	που την φήληн την δράκονταс,
25. Я. “Эмба, калйца му сту пигъа́дън,	(Γιαν.) έμπα, καλήтсса ку στου пηγάδι,
26. Эмба гъо крѠмса ту дъахлй́дъ-м	έμπα го крѠмса του даχлй́д - м
(Σαν δράκοντας την έλασε, αυтй сйпа)	(Καλίтсса) καθѠс έτηρηη тουσѠ-м карѠήтсса
27. К. Тйггала этримин тусѠ-м кардй́ца	ас трѠмйон кѠсмос Ѡл!
28. Ас трѠмун кѠзмус Ѡл!	

² Riporto il testo, così come presente in Beleckij 2009.

Bibliografia

- Barsov, E. V. 1887: *Slovo o polku Igoreve, kak khudozhestvennyy pamyatnik Kiyevskoy družinnoy Rusi* [The Word about Igor's Campaign as an Artistic Monument of the Kyiv Retinue Rus]. Moscow.
- Барсов, Е. В. 1887: *Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси*. Vol. I, M.
- Beaton, R. 1981. Was Digenis Akritas an Oral Poem? *Byzantine and Modern Greek Studies* 7, 7–27.
- Beleckij, A. A. 2009: *Τα ελληνικά τοπωνύμια της Κριμαίας και το γλωσσικό ιδίωμα των Ελλήνων της Ουκρανίας*. Αθήνα, Πανεπιστημιακές εκδόσεις.
- Bryer A. 1987: Han Turali rides again. *Byzantine and Modern Greek Studies* 11, 193–206.
- Čiževskij, D. 1971: *Comparative history of Slavic literatures*. Nashville: Vanderbilt University Press.
- Dyck, A. R. 1983: On Digenis Akritas Grottaferrata Version, Book 5. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 24, 185–192.
- Ekdawi, S., Fann, P., Philokyprou, E. 1993: Bold Men, Fair Maids and Affronts to their Sex: The characterisation and structural roles of men and women in the Escorial Διγενής Ακρίτης. *Byzantine and Modern Greek Studies* 17, 25–42.
- Galatariotou, C. 1987: Structural Oppositions in the Grottaferrata Digenis Akrites, *Byzantine and Modern Greek Studies* 11, 29–68.
- Graham, H. F. 1968: The Tale of Devgenij, *Byzantinoslavica* 29, 51–90.
- Grégoire, H. 1932: Autour de Digénis Akritas. Les cantilènes et la date de la recension d'Andros-Trébizonde, *Byzantion* 7, 287–302.
- Grégoire, H. 1941: Notes on the Byzantine epic. The Greek folk-song and their importance for the classification of the Russian version and of the Greek manuscripts. *Byzantion* 15, 92–103.
- Impellizzeri, S. 1940: *Il Digenis Akritas. L'epopea di Bisanzio*. Firenze: Sansoni.
- Ioannidis, S. 1870: *Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας, ὡς καὶ περὶ τῆς ἐνταῦθα ἐλληνικῆς γλώσσης*. Κωνσταντινούπολη.
- Jeffreys, E. 1993: The Grottaferrata Version of *Digenes Akrites*: a Reassessment. In: *Digenes Akrites*, ed. by R. Beaton, D. Ricks. London: Variorum, 26–37.
- Kechagioglou, G. 1993: *Digenes Akrites* in prose. In: *Digenis Akritas*, ed. by R. Beaton, D. Ricks, London: Variorum, 116–130.
- Krümbacher, K. 1905: *Eine neue Handschrift des Digenis Akritas*. München.
- Kuzmina, V. D. 1962: *Digenis Akritas*. Moscow.
- Кузмина, В. Д. 1962: *Девгенево Деяние*. М.
- Lampros, S. 1880. *Collection de romans grecs*. Paris.

- Miliarakis, A. *Βασίλειος Διγενής Ακρίτας. Ἐποποιῶν βυζαντινὴ τῆς 10ῆς ἑκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶν ἀνευρεθὲν χειρόγραφον*. Ἀθῆναι: Ἐκ τοῦ Τυπογραφείου τῆς “Ἑλλ. Ἀνεξαρτησίας”.
- Miller, F. 1877: *Vzglyad na Slovo o polku Iгореve* [A look at the Word about Igor’s Campaign]. Moscow.
- Миллер, Ф. 1877: *Взгляд на Слово о полку Игореве*. М.
- Odorico, P. 1995: *Digenis Akritas. Poema anonimo bizantino*, Firenze, Giunti.
- Pascal, P. 1935: Le «Digenis» slave ou la «geste de Devgenij», *Byzantion* 10, 1935, 301–334.
- Paschalis, D. 1926: Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτου (πεζὴ διασκευή), *Λαογραφία*. Vol. 9, 305–440.
- Pypin, A. N. 1858: [Essay on the literary history of old Russian stories and fairy tales]. *Uchenyye zapiski vtorogo otdeleniya Imperatorskoy Akademii nauk*. Sankt-Peterburg.
- Пыпин, А. Н. 1858: Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. *Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук*. СПб.
- Ricks, D. 1989: Is the Escorial “Akrites” a Unitary Poem? *Byzantion* 59, 184–207.
- Rizzo Nervo, F. 1993. *Per L’interpretazione del Digenis: note sui rapporti con le redazioni antico russe*, in: *Origini della letteratura neogreca. Atti del Secondo Congresso internazionale «Neograeca Medii Aevi» Venezia, 7–10 Novembre 1991*. Istituto Ellenico di studi bizantini e postbizantini, Venezia, 26–40.
- Rizzo Nervo, F. 1996. *Dighenis Akritis. Versione dell’Escorial*, Soveria Mannelli, Rubbettino.
- Sathas, C., Légrand, È. 1875: *Les exploits de Digénis Akritis*, Paris.
- Serebrjanskij, N. I. 1915: [Ancient Russian Lives of Princes]. Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Book 3 (254). Moscow.
- Серебрянский, Н. 1915: *Древне-русские княжеские жития. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*. Кн. 3 (254). М.
- Soloviev, A. 1952: Le date de la version russe du Digénis Akritis, *Byzantion* 22, 129–132.
- Speranskij M. N. 1922: [Dighenis Akritis: On the history of his text in ancient Russian writing: Research and texts. *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences*]. St. Petersburg.
- Сперанский, М. Н. 1922: *Девгениево деяние: К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты*. Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. СПб.

- Strano, G. 2011: Epica e Narrativa in Russia: osservazioni sul “Devgenievo Dejanie”. In: *Racconto senza fine. Per Antonio Piolett, Soveria Mannelli, Rubbettino*, 475–493.
- Trapp, E. 1971: *Digenis Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen*, Wien.
- Veselovskij, A. N. 1875: [Fragments of the Byzantine epic in Russian]. In: *Herald of Europe*, April.
- Веселовский, А. Н. 1875: Отрывки византийского эпоса в русском. In: *Вестник Европы*, апрель.
- Ždanov, I. N. 1914: *Sochineniya [Writings]*. Vol. 1. St. Petersburg.
- Жданов, И. Н. 1914: *Сочинения*, СПб.

Т. В. Топорова
Институт языкознания РАН, Москва, Россия. t1960@list.ru

ДР.-ИСЛ. GINNUNGA GAP ‘ЗИЯНИЙ БЕЗДНА’ В «СТАРШЕЙ» И «МЛАДШЕЙ ЭДДЕ»

Статья посвящена изучению номинации *Мировой бездны* — др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний бездна’ — в древнеисландском поэтическом эпосе «Старшей Эдде» и прозаической «Младшей Эдде», произведении Снорри Стурлусона (1222–1225 гг.). Исследуемое словосочетание зафиксировано в «Старшей Эдде» в апофатическом описании хаоса, а в «Младшей Эдде» отождествляется с *prima materia*, возникшей в результате взаимодействия льда и инея из Нифльхейма с искрами из Муспелльсхейма. *Мировая бездна* не однородна: выделяются *центр*, а также *север* и *юг*, между которыми возникает взаимодействие, дающее толчок процессу космогенеза. Она составляет ядро эддического *космогонического* мифа, воплощаемого в двух вариантах — как самопорождение вселенной в результате объединения уже существовавших начал, обнаруживших способность к спонтанному разрастанию и симбиозу, и как результат демиургической деятельности богов, которые из микрокосма (тела Имира) изготовили макрокосм (вселенную). Автор предлагает возведение обоих компонентов наименования *Мировой бездны* — др.-исл. *ginnunga* ‘зияний’ и др.-исл. *gap* ‘зев, зияние, бездна’ к одному и тому же индоевропейскому корню **ghē-*, **ghə-*, **ghēi-*, **ghī-* ‘зевать’ и его трактовку как *figura etymologica* (‘зияний зияние’), реликт индоевропейского поэтического языка (ср. обозначение хаоса: др.-инд. *gáhanaṃ gabhīrám*). Эту реконструкцию подтверждают и экстралингвистические факты, засвидетельствованные в памятниках первобытного искусства, в которых устанавливается связь чудовища с *разинутой* пастью с хаосом (ср. изображение дракона с *зияющей* пастью на камне из Санда (V в.); человека с поднятым мечом, раздирающего пасть чудовища на бракетте из Hamburg-Eggen).

Ключевые слова: древнеисландский язык, «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», мифопоэтическая модель мира, миф творения, семантическая реконструкция.

Т. В. Топорова
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. t1960@list.ru

О.-Исл. *ginnunga gap* ‘abyss of yawnings’ in the Elder and Younger Edda

The article is devoted to the study of the nomination of the *World Abyss* — О.-Исл. *ginnunga gap* ‘abyss of yawnings’ — in the poetic epic

Elder Edda and prose Snorri Sturluson's Younger Edda (1222–1225). The phrase under study is recorded in the Elder Edda in the apophatic description of chaos, and in the Younger Edda it is identified with *prima materia*, which arose as a result of the interaction of ice and hoarfrost from Niflheim with sparks from Muspellsheim. The abyss of the world is not homogeneous: the center stands out, as well as the north and south, between which there is an interaction that gives impetus to the process of cosmogenesis. It forms the core of the Eddic cosmogonic myth, embodied in two versions — as a self-generation of the universe as a result of the unification of the originally existing principles that discovered the ability for spontaneous growth and symbiosis, and as a result of the demiurgical activity of the gods, who made the macrocosm (universe) from the microcosm (Ymir's body). The author proposes the ascension of both components of the name of the *World Abyss* — O.-Icel. *ginnunga* 'gaping' and O.-Icel. *gap* 'yawn, gaping, abyss' to the same Indo-European root **ghē-*, **ghā-*, **ghēi-*, **ghī-* 'to yawn' and its interpretation as *figura etymologica*, a relic of the Indo-European poetic language (cf. the designation of chaos: O.-Ind. *gáhanam gabhīrám*). This reconstruction is also confirmed by extralinguistic facts attested in the monuments of primitive art, in which a connection is established between a monster with an open mouth and chaos (cf. the image of a dragon with a gaping mouth on a stone from Sanda (5th century); bracteate from Hamburg-Eggen).

Key words: Old Icelandic, the Elder Edda, the Younger Edda, mythopoetic model of the world, creation myth, semantic reconstruction.

Образ *Мировой бездны* относится к ключевым концептам мифопоэтической традиции, так как «переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу составляет основной внутренний смысл мифологии, содержащийся уже в архаичных мифах творения» (Мифы народов мира 1982: 6), поэтому исследование её номинации, а именно др.-исл. *ginnunga gap* 'зияний бездна' в древнескандинавском ареале, отражающем во всей полноте языческие представления, вызывало неиссякающий интерес специалистов¹. В качестве объектов изучения выступают два замечательных памятника древнеисландской письменности — поэтический эпос «Старшая Эдда» (основная рукопись Codex Regius 2365 второй половины XIII в.), объединяющий песни мифологического и героического циклов, первоначально функционировавшие в устной традиции, и прозаическая «Младшая Эдда», произведение Снорри Стурлусона, датированное 1222–1225 гг. (списки начала XIV в. и более позднего времени),

¹ Ср.: Vries 1930; Schier 1963; Reilly 1970; Martin 1981; Hlevov 2003; Korobov 2007; Dzhakson 2021.

отражающие мифопоэтическую модель мира, трактуемую как «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» (МНМ 1982: 161).

В центре внимания находится детальное изучение *контекста*, понимаемого как окружение лексемы, достаточное для её интерпретации. «Текстоцентричность»², ориентация на конкретные факты, засвидетельствованные в «Старшей» и «Младшей Эдде», практически исключают опасность их модернизации и создают благоприятные предпосылки для их верификации. Для адекватного исследования эддического слова и кодируемого им денотата разработана специальная схема описания, учитывающая многообразие факторов, влияющих на конституирование его значения:

- решающее значение для определения лексико-семантических тождеств и различий приобретает *контекст* как непосредственная среда существования слова;
- для осмысления специфики лексемы применяется анализ сочетающихся с ней атрибутов и предикатов;
- этимология позволяет увидеть индоевропейскую перспективу формирования значения;
- мифология эксплицирует тяготение слова к тому или иному мифу, сюжету или мотиву;
- поэтика отражает актуальные связи лексем в пределах эддического текста.

Перейдём к непосредственному анализу эддического наименования *Мировой бездны*.

§ 1. Приведём контексты, в которых зафиксировано интересное нас словосочетание в «Старшей» и «Младшей Эдде»:

Ár var alda, þat er Ymir bygði, / vara sandr né sær né svalar unnir; / iqrð fannz æva né upphiminn, / **gap** var **ginnunga**, enn grás hvergi (Vsp. 3) «В начале времён, когда жил Имир, / не было ни песка, ни моря, ни волн холодных, / земли ещё не было, ни верхнего неба, / *бездна* была *зияний*, и травы не было»*;

Ok jók hvert hrimit yfir annat alt í **Ginnungagap**. <...> **Ginnungagap**, þat er vissi til norðrættar, fyltisk með þunga ok höfugleik íss ok hríms ok inn í frá úr ok gustr; enn syðri hlutr **Ginnungagaps** léttisk móti gneistum ok sium þeim, er flugu ór Múspellzheimi. <...> Svá sem kalt stóð af Niflheimi ok allir hlutir grimmir, svá var alt þat, er vissi námunda Múspelli, heitt ok ljóst, en

² См. подробнее об этом термине: Gvozdeczkaya 2003: 28–29.

Ginnungap var svá hlætt sem lopt vindlaust (SnE 4, 8–15) «И этот иней увеличился надо всем в *Мировой бездне* <...> *Мировая бездна* на севере вся заполнилась тяжестью льда и инея, в самую же южную часть *Мировой бездны* залетали искры из Муспелльсхейма. <...> И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то близ Муспелльсхейма всегда царили тепло и свет. И *Мировая бездна* была там тиха, словно воздух в безветренный день»; Þeir tóku Ymi ok fluttu í mitt **Ginnungagap** ok gerðu af honum jörðina — af blóði hans sæinn ok vötnin, jörðin var gog af holdinu, en björgin af beinanum (SnE 7, 3–5) «Они взяли Имира, бросили его в середину *Мировой бездны* и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды. Земля была сделана из плоти его, горы же — из костей»; Þá tóku þeir siur ok gneista þá, er lausir fóru ok kastar hafði ór Múspellzheimi, ok settu í mitt **Ginnungagap** á himin bæði ofan ok neðan til at lýsa himin ok jörð (SnE 7, 14–17) «Потом они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма, и прикрепили их в середину *Мировой бездны* на небо, сверху и снизу, дабы они освещали небо и землю»; Þriár rœtr trésins halda því upp ok standa afar-breitt, ein með ásum, önnur með hrímþursum, þar sem forðum var **Ginnungagap**, en þriðja stendr yfir Niflheimi, ok undir þeirri rót er Hvergelmir, en Niðhoggr gnagar neðan rótina (SnE 14, 6–9) «Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была *Мировая бездна*. Третий же стоит над Нифльхеймом, и под этим корнем поток Кипящий котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг».

§ 2. Др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний бездна’ представляет собой сочетание существительного **мн. ч. род. пад.** с существительным в **ед. ч.** и истолковывается в следующим образом: «**gap** n. *schlund* (Vsp. 3)» (Kuhn 1968: 71) & **ginnung** f. (?), *nur in gap g-a, bezeichnung des chaos der urzeit* (Vsp. 3); *grundform und bedeutung sind unklar*» (Kuhn 1968: 75); «**gap** n. ‘gap’, *gaping, chasm* (Vsp. 3)» (La Farge, Tucker 1992: 80) & «**ginnung** f. (?) *mighty space, abyss, void: gap g-a chasm of the abyss, a term for the primordial chaos* (? — Vsp. 3)» (La Farge, Tucker 1992: 85); «**GAP**, n. [A. S. *geap*; Engl. *gap*; Dan. *gab*; cp. **gapa**, prop. *a gap, empty space*, whence **Ginnunga-gap**, *the Chaos of the Scand. mythol., Edda, Vsp. 2. metaph. gab, gibes; óp ok gap, háreysti ok gap, Fb. iii. 425, cp. Nj. 220. gaps-maðr, m. a gaping fool, a gaby, Fbr. 12*» (Cleasby, Vigfusson 1957: 191) & «**ginnungar**, m. pl., seems used in the same sense as *ginnregin*,

whence **Ginnunga-gap**, n. *chaos, the formless void*, in which abode the supreme powers, before the creation, Edda, Vsp.: later, in the 11th century, the sea between Greenland and America was called Ginnunga-gap» (Cleasby, Vigfusson 1957: 200). Как видим, интерпретация др.-исл. *ginnung* остаётся весьма проблематичной, хотя значимость самого словосочетания как обозначения Мировой бездны не подлежит сомнению.

§ 3. В качестве *денотата* в «Старшей Эдде» выступает *первоначальная бездна*, относящаяся ко временам первотворения (*illo tempore*) и отождествляемая с *небытием, хаосом*, описываемая апофатически, через отсутствие объектов космозированной вселенной (*песка, моря, волн, земли, неба, травы*) при помощи синтаксической конструкции с отрицанием. Эддический контекст имеет непосредственное отношение к космогоническому мифу, он характеризует *хаос* как состояние, предшествующее творению, и строится в виде оппозиций, ядро которых образует глагол бытия: **не было** ни песка, ни моря, ни волн (*vara sandr né sær né svalar unnir*) — **была** бездна зияний (*gap var ginnunga*).

В «Младшей Эдде» представлена иная ситуация: др.-исл. *Ginnungagap* отождествляется с *prima materia*, возникшей в результате взаимодействия льда и инея с искрами (SnE 4, 8–15); она изображается как локус, в котором были совершены богами demiургические акты: прикреплены на небе беспорядочно летавшие искры, и из частей тела великана Имира созданы элементы вселенной — земля, море, горы и др. (SnE 7, 14–17), и как пространство, идентифицируемое с одним из корней мирового древа — ясеня Иггдрасиля —, населённое инеистыми великанами, то есть как субстанция, подвергшаяся космизации. Иными словами, мы имеем дело с отражением разных этапов космогенеза — предшествующего творению (*хаос*) в «Старшей Эдде» и первоначальной материей, из которой был создан *космос*, в «Младшей Эдде».

§ 4. В «Младшей Эдде» наименование *Мировой бездны* сопровождают атрибуты и наречия:

тёплый: en **Ginnungap** var svá **hlætt** sem lopt vindlaust (SnE 4, 8–15) «и *Мироавя бездна* была так *тепла*, словно воздух в безветренный день»;

прежде, раньше: þriár rœtr trésins halda því upp ok standa afar-breitt, ein með ásum, qnnur með hrímþursum, þar sem **fordum** var **Ginnungagap** (SnE 14, 6–8) «Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов,

другой — у инеистых великанов, там, где *прежде* была *Мировая бездна*».

§ 5. Эддическая номинация *Мировой бездны* сочетается с предикатами различных видов.

Ср. предикаты с у б ъ е к т а :

быть: **gar var ginnunga**, enn grás hvergi (Vsp. 3) «*бездна была зияний*, и травы не было»*; en **Ginnungar var** svá hlætt sem lopt vindlaust (SnE 4, 15) «и *Мировая бездна была* так тиха, словно воздух в безветренный день»; þriár rœtr trésins halda því upp ok standa afar-breitt, ein með ásum, önnur með hrímþursum, þar sem forðum **var Ginnungagar** (SnE 14, 6–8) «Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где *прежде была Мировая бездна*»;

наполняться: **Ginnungagar**, þat er vissi til norðrættar, fyltisk með þunga ok höfugleik íss ok hríms (SnE 4, 8–9) «*Мировая бездна*, которую знали на севере, *наполнилась* тяжестью льда и инея»*;

предикаты о б ъ е к т а :

знать: **Ginnungagar**, þat er vissi til norðrættar, fyltisk með þunga ok höfulleik íss ok hríms (SnE 4, 8–9) «*Мировая бездна*, которую *знали* на севере, *наполнилась* тяжестью льда и инея»*;

предикаты л о к у с а :

увеличиваться: ok **jók** hvert hrimit yfir annat alt í **Ginnungagar** (SnE 4, 8–15) «и этот иней *увеличился* надо всем в *Мировой бездне*»*;

предикаты н а п р а в л е н и я , ц е л и :

бросать: Þeir tóku Ymi ok **fluttu** í mitt **Ginnungagar** ok gerðu af honum jörðina (SnE 7, 3–5) «Они взяли Имира, *бросили* его в середину *Мировой бездны* и сделали из него землю»;

посадить (= **прикрепить**): Þá tóku þeir siur ok gneista þá <...> ok **settu** í mitt **Ginnungagar** á himin bæði ofan ok neðan (SnE 7, 14–17) «Потом они взяли сверкающие искры <...> и *посадили* их в середину *Мировой бездны* на небо, сверху и снизу»*.

В «Старшей Эдде» с наименованием *Мировой бездны* сочетается только один предикат с у б ъ е к т а (*бездна была зияний*; **gar var ginnunga**), в «Младшей Эдде» также доминирует синтаксическая функция с у б ъ е к т а , включающая три дистрибуции (*Мировая бездна была* (дважды), *наполнилась*), за ней следует функция н а п р а в л е н и я , ц е л и , характеризующая демигическую деятельность богов (2 словоупотребления: *бросили*

Имира в Мировую бездну для изготовления, земли, неба и других объектов вселенной; посадили (прикрепили) искры в Мировую бездну на небо для освещения мира), и затем — локуса (увеличивается в Мировой бездне).

§ 6. Если обратиться к сфере поэтики, то обнаруживается, что Мировая бездна участвует в сравнении (en **Ginnungap** var svá hlætt sem lopt vindlaust (SnE 4, 8–15) «и Мировая бездна была так тепла, словно воздух в безветренный день») и вовлекается в звуковую игру.

Ср. аллитерацию: **gap** var **ginnunga**, enn **grás** hvergi (Vsp. 3) «бездна была зияний, и травы не было»;

анаграмму: þriár rœtr trésins halda því upp ok standa afar-breitt, ein með ásum, önnur með hrímþursum, þar sem forðum var **Ginnungagap**, en þriðja stendr yfir Niflheimi, ok undir þeirri rót er Hvergelmir, en Níðhoggr **gnagar** neðan rótna (SnE 14, 6–9) «Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая бездна. Третий же стоит над Нифльхеймом, и под этим корнем поток Кипящий котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг»³.

§ 7. Что касается этимологии данной номинации Мировой бездны, то она предлагается лишь для одного из компонентов: «**gap** n. 'öffnung; schrei, ruf', **gapa**, schw. V. 'das maul aufsperrn, schreien', nisl., fär. norw. schw. *gapa*, ndä. *gabe* 'gaffen, stieren'. — <...> mhd. *gaffen* 'gähnen'. <...> Die nur germ. bezeugte sippe gehört zu der idg. wzl. **ǵhē-*, **ǵhə-* 'gähnen'» (Vries 1977: 156); при интерпретации же второго компонента приходится довольствоваться кратким замечанием: «**Ginnungagap** n. 'myth. name für den urschlund', falls der I. teil zu **ginn** 2 präfix 'ausgezeichnet' gehört, eig. 'der mit magischen kräften erfüllte weltraum', vgl. *ginnregin* 'die hehren götter', run. dä. *ginArunAR* (Björketorp) 'zauberkräftige runen', nnorw. *gjön-god* 'besonders gut'» (Vries 1977: 167–168). Поскольку Ян де Фрис не отрицает родства др.-исл. *ginn* 2 и др.-исл. *gína* 'зевать, разевать', можно в этом же контексте рассмотреть и др.-исл. *ginnunga* 'зияний' (мн. ч. род. пад.) вкупе с др.-англ. *ginian* 'быть широко открытым', др.-сакс. *ginon*, д.-в.-н. *ginen*, *ginon* 'зевать', *gin* 'зев, пасть', н.-исл. *gin* 'отверстие, зев', др.-англ., ср.-в.-н. *gin* 'глубина, пропасть', др.-исл. *gína*, др.-англ. *togīnan*, д.-в.-н. *geinon* 'зевать' < и.-е. **ǵhē-*, **ǵhə-*, **ǵhēi-*, **ǵhī-* 'зевать' (Vriies 1977: 167; IEW I: 419).

³ Анаграммируемое слово — др.-исл. *Ginnungagap*.

В таком случае оба компонента наименования Мировой бездны — др.-исл. *ginnunga* ‘зияний’ и др.-исл. *gar* ‘зев, зияние, бездна’ (**ǵhǣb-*, ср. др.-исл. *gapa* ‘открывать пасть, кричать’, ср.-в.-н. *gaffen* ‘зевать’) возводится к тому же индоевропейскому корню (Vries 1977: 156), то есть древнеисландское словосочетание представляет собой *тавтологическое* выражение (*Ginnunga gar* ‘зияний зияние’). В пользу предлагаемой реконструкции свидетельствуют, во-первых, использование этого же индоевропейского корня для обозначения *хаоса* в других ареалах (ср. др.-инд. *vi-hāyas* ‘пустое пространство’, *vi-hā-* ‘зиять’, др.-греч. *χάος* ‘хаос’ при *χαῖνος* ‘зияющий’, русск. диал. *зинутие* ‘то, что разверзлось; бездна’, *зинуть* ‘разверзнуться, раскрыться’), и, во-вторых, этимологические фигуры, аналогичные древнеисландскому словосочетанию, ср. др.-инд. *gáhanam gabhīrám* ‘бездну [букв. глубину] глубокою’ (Ström 1967: 183)⁴. Таким образом, др.-исл. *ginnunga gar* ‘зияний бездну’ можно трактовать как реликт индоевропейского праязыка.

Важным аргументом в пользу предлагаемой реконструкции является использование компонентов обозначения Мировой бездны как стихии, сопричастной хаосу, при описании «гибели богов», симметричной в эддической модели мира, когда космосу угрожают хтонические силы. Ср., например: **Ginn lopt yfir lindi iarðar, / gapa úgs kíaptar orms í hæðom** (Vsp. 55 Н) «*Разинул пасть над воздухом пояс земли, // зияют в высоте челюсти ужасного змея*» (о Мировом змее).

Показательно, что мотив *зияния*, ассоциирующийся с *хаосом*, не ограничивается произведениями словесного творчества: в памятниках первобытного искусства также устанавливается связь чудовища с *разинутой* пастью с *хаосом*. Ср. изображение дракона с *зияющей* пастью в нижней части готландского камня из Санда (V в.); змея, преследующего человека, на камне из Hangvar Austers (Готланд); человека с поднятым мечом, раздирающего пасть чудовища, на брактеате из Hamburg-Egnen (Davidson 1967: 94).

Судя по эддическим контекстам, *Мировая бездна* (др.-исл. *ginnunga gar*) служит в «Старшей Эдде» для номинации *хаоса*, а в «Младшей» — исходного локуса космогенеза, она приурочена ко временам первотворения (ср. наречие *прежде, раньше* и употребление глагольных форм *прошедшего* времени); она не

⁴ Ср. также цитату из баллады Жуковского «Кубок»: И брызнул поток оглушительным ревом / Извергнутый бездны *зияющим зевом*.

однородна: в ней выделяется *центр* и различные части — *север* и *юг* —, между которыми возникает взаимодействие, при этом холод (*лёд с инеем*) и тепло (*искры*) вступают в реакцию друг с другом и реализуют потенцию порождения *prima materia*. Следствием объединения полюсов оказывается в процессе космогенеза сотворение мира. Эддические факты демонстрируют *амбивалентность* Мировой бездны: от *хаотической* стихии она сохранила неупорядоченность, именно поэтому боги осуществляют демиургический акт — прикрепляют беспорядочно летающие искры в середину Мировой бездны, формируя небо со светилами, а части тела Первочеловека Имира служат материалом для созидания *космоса*. Она составляет ядро эддического *космогонического* мифа, воплощаемого в двух вариантах — как самопорождение вселенной в результате объединения уже существовавших начал, обнаруживших способность к спонтанному разрастанию и симбиозу, и как результат демиургической деятельности богов, которые из микрокосма (тела Имира) изготовили макрокосм (вселенную).

Литература

- Cleasby, R., Vigfusson, G. 1957: *An Icelandic-English Dictionary*. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Second edition with a supplement by Sir W. A. Craigie. Oxford, Clarendon Press.
- Davidson, H. R. E. 1967: *Pagan Scandinavia*. N. Y.
- Dzhakson, T. N. 2021: [Old Scandinavian space]. In: Dzhakson T. N., Konovalova I. G., Podosinov A. V. *Imagines mundi: antichnost' i srednevekov'e* [*Imagines mundi: antiquity and middle ages*]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 281–419.
- Джаксон, Т. Н. 2021: Древнескандинавское пространство. В сб.: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. *Imagines mundi: античность и средневековье*. М.: Рукописные памятники Древней Руси (Studia historica. Series minor), 281–419.
- Edda*. *Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* 1968: Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg.
- Gvozdeczkaya, N. Yu. 2003: [Prolegomena to the text-centric description of the semantics of the Old English poetic word]. In: *Philologica Scandinavica: Сборник статей. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского)* [*Philologica Scandinavica: Digest of articles. (Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky)*]. SPb., 28–42.

- Гвоздецкая, Н. Ю. 2003: Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова. В сб.: *Philologica Scandinavica*. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 28–42.
- Hlevov, A. A. 2003: [On the geography of the mythological space of archaic Scandinavia]. In: *Philologica Scandinavica: Sbornik statej*. (Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Steblin-Kamenskogo). [*Philologica Scandinavica: Digest of articles. (Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky)*]. SPb., 217–231.
- Хлевов, А. А. 2003: О географии мифологического пространства архаической Скандинавии. В сб.: *Philologica Scandinavica: Сборник статей*. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 217–231.
- Korobov, M. I. 2007: Gaiainna and Ginnungagap: Diffusion of Mythologems in the Age of religious change. *Vestnik NSU. Series Linguistics and International Communication*. Issue 2, 83–95.
- Коробов, М. И. 2007: Gaiainna и ginnungagap: диффузия мифологем в эпоху смены религии. *Вестник НГУ. Серия Лингвистика и международная коммуникация*. Вып. 2, 83–95.
- Kuhn, H. 1968: Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. II. *Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn*. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden Glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- La Farge, B., Tucker, J. 1992: *Glossary to the Poetic Edda*. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch [Skandinavistische Arbeiten hrsg. von K. von See. Bd. 15]. Heidelberg.
- Martin, J. S. 1981: Ár vas alda. Ancient scandinavian creation myth reconsidered. In: *Norse studies in memory of Gabrielle Turville-Petre*. Ed. by U. Dronke. Odense, 357–369.
- Mify narodov mira. Enciklopediya 1980–1982. 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980–1982. 2 т.
- Mladshaya Edda 1970: [The Younger Edda. Eds. O. A. Smirnitskaya, M. I. Steblin-Kamensky]. Moscow.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (IEW)*. Bern, München. Bd. I.
- Reilly, H. 1970: The creation of the Universe in northern mythology. In: *Icelandic Canadian*, vol. 29, 27–30.
- Schier, K. 1963: Erdschöpfung aus dem Urmeer und die Kosmologie der Völuspá. In: *Märchen, Mythos, Dichtung*. Festschrift zum 90. Geburtstag von Friedrich von der Leyen. Hrsg. von Kuhn H. und Schier K. München.
- Snorri Sturluson 1900: *Edda*. Udg. af Finnur Jónsson. København.

Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah 1963 [The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes]. Moscow; Leningrad.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях 1963. М.;Л.

Ström, A.V. 1967: Indogermanisches in der Völuspá. In: *Numen*, Bd. 14, 167–208.

Vries, J. de. 1930: Ginnungagap. In: *Acta Philologica Scandinavica*, vol. 5, 41–66.

Vries, J. de. 1977: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.

Сокращения

SnE — *Edda Snorra Sturlusonar* «Младшая Эдда»

Vsp. — *Völuspá* «Прорицание вёльвы»

**АНТИЧНАЯ АТЛЕТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В
ТРАКТАТЕ ГАЛЕНА *THRASYBULUS SIVE UTRUM MEDICINAE
SIT AN GYMNASTICAE HYGIEINE*:
на примере глаголов γυμνάζω и ἄσκέω**

В настоящей статье анализируется употребление древнегреческих глаголов γυμνάζω и ἄσκέω в трактате Галена *Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine*. Начиная с классической эпохи эти глаголы имели две основные группы значений — узко-специальную и широкую. Первая была связана с атлетикой, а вторая с образованием, будь то образование риторическое, философское или медицинское. В статье демонстрируется, как Гален использует глаголы γυμνάζω и ἄσκέω в различных их значениях в рамках своей критики профессионального спорта.

Ключевые слова: Гален, античная атлетика, атлетическая терминология, γυμνάζω, ἄσκέω

Pavel A. Troitskii

Lomonosov Moscow State University. Russia. pavel.troitskiy325@gmail.com

**Ancient athletic terms in Galen's treatise
Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine:
the verbs γυμνάζω and ἄσκέω as a case study**

This article provides an analysis of the usage of Ancient Greek verbs γυμνάζω and ἄσκέω in a treatise *Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine* by Galen of Pergamon. Since the Classical period these verbs had both a special and a broad meaning, the former being connected to the sphere of athletics and the latter being connected to the sphere of rhetorical, philosophical or even medical education. In this treatise the verbs γυμνάζω and ἄσκέω are used in both meanings depending on the context. The author aspires to demonstrate how these verbs are used by Galen in his meticulous criticism of professional athletics. As it seems, when talking about different types of education mentioned above Galen induces these verbs with positive connotations, and, on the contrary, when it comes to the criticism of professional athletic trainers and athletes themselves, these verbs acquire negative connotations.

Key words: Galen, ancient athletics, athletic terms, γυμνάζω, ἄσκέω

Трактат Галена *Thrasymbulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine* посвящен вопросу о месте гимнастики в иерархии наук, связанных с попечением о человеческом теле: является ли гимнастика самостоятельной областью знания или же только служебной частью медицины. Во II–III вв. н. э., когда античная атлетика переживала новый период расцвета (Ibáñez 2003: 147, König 2005: 17), этот вопрос был причиной ожесточенной полемики между врачами и гимнастами (*Thrasymb.* V, 807). В своем трактате Гален берет на себя задачу поставить точку в этом споре, доказав, что забота о теле может находиться в ведении только одной науки — всеобъемлющей науки о здоровье (ὕγιεινή). Гимнастика же, в свою очередь, представляется Галену лишь незначительной частью этой обширной науки: πολλοστὸν οὖν μέρος γίγνεται τῆς ὑγιεινῆς τέχνης ἢ περὶ τῶν γυμνασίων ἐπιστήμη (*Thrasymb.* V, 885). Преподавателей гимнастики (γυμνασταί), равно как и атлетов, он подвергает беспощадной критике, доходя порой до прямых оскорблений (*Thrasymb.* V, 879, 894). В нашей работе мы проанализируем то, как Гален использует древнегреческую атлетическую терминологию в этой критике на примере глаголов γυμνάζω и ἄσκέω.

Прежде чем приступить к рассмотрению употребления глаголов γυμνάζω и ἄσκέω в трактате Галена «Фрасибул», следует кратко сказать о развитии области их значений в древнегреческом языке. Эта эволюция происходила в противоположных направлениях. Глагол γυμνάζω был связан с атлетикой изначально, самые ранние его употребления мы находим в Феогнидовом корпусе (*Theogn.* 1335) и у Эсхила (*Agam.* 540, *Prom.* 586, 592, *Theb.* 441), и у этих авторов он означает «упражнять» и «мучить», причем первичным значением является «упражнять» (Christesen 2002: 13–17). Вместе с тем уже в V–IV вв. н. э. глагол γυμνάζω начинает употребляться и в более широком значении «обучать» (*Isocr. Hel.* 10. 5) или «упражняться в каком-либо искусстве или ремесле» (*Plat. Gorg.* 514e). Глагол ἄσκέω гораздо более древний, в отличие от γυμνάζω он встречается в гомеровских поэмах (*Il.* 3. 388, 4. 110), в которых он используется в значениях «отделывать», «выделывать», «обрабатывать (какой-либо материал)». В классическую эпоху область значений глагола ἄσκέω, как и глагола γυμνάζω, претерпевает серьезные изменения (Felsenheld 2011: 48): ἄσκέω начинает означать «упражнять», причем «упражнять» как в спортивном контексте (*Plat. Rep.* 389c), так и в контексте образования или духовного совершенствования (*Plat. Rep.* 407c).

Уже в первой главе трактата «Фрасибул» Гален не без гордости заявляет, что «не берется ни о чем говорить, не изучив предварительно подходящего к вопросу метода и не поупражнявшись в нем сколько-нибудь времени», прибегая к глаголу *γυμνάζω* (*Thrasymb. V, 806*): *γγνώσκεις <...> ὡς εἰς οὐδὲν ἐπιχειρῶ λέγειν, ὧν οὐτε μέθοδον ἔμαθον οὔτ' ἐγυμνασάμην πῶ κατ' αὐτήν*. Несколько раз этот же глагол Гален использует, говоря о владении приемами логики и риторики. Приведем два примера (*Thrasymb. V, 809, 859*):

1) *τῶν τινα γεγυμνασμένων ἐν λογικῇ θεωρίᾳ φιλοσόφων <...> ἤξιον ἀποκρίνασθαι μοι* («я попросил одного из философов, вполне овладевшего методом логического рассуждения, ответить на мой вопрос»)

2) *καὶ χρῆ πρότερον ἐν ἐκείνῳ γυμνάσασθαι τῷ λόγῳ τὸν ἀκριβῶς θέλοντα τοῖς ἐνεστῶσιν ἀκολουθεῖν* («тому, кто желает точно уразуметь то, о чем идет речь, следует сперва поупражняться в таком способе рассуждения»).

В схожих контекстах в качестве полного синонима к глаголу *γυμνάζω* встречается и глагол *ἀσκέω* (*Thrasymb. V, 810, 842*):

1) *τὴν γὰρ λογικὴν ὀνομαζομένην παρὰ τοῖς φιλοσόφοις θεωρίαν ὅστις ἂν ἰκανῶς ἀσκήσῃ, πᾶν οὗτος ὁμοίως δυνήσεται μεταχειρίζεσθαι ζήτημα* («всякий, кто в достаточной мере овладел тем, что у философов называется логическим рассуждением, сможет провести любое исследование подобным образом»)

2) *μεθόδου γὰρ ἤδη λογικῆς τὸ τοιοῦτον, ἦν οὔτ' ἔμαθον οὔτ' ἤσκησαν οἱ τολμῶντες ἐκάστης ἡμέρας εἰς τὰ προβλήματα λέγειν* («ибо это относится уже к логическому методу рассуждения, которого те, кто каждодневно дерзают спорить о трудных вопросах, не изучили и не освоили»).

Эти же глаголы используются в трактате для описания разных сторон медицинского образования (*Thrasymb. V, 850*): *καί τις ἄριστος ὧν ἐν φαρμακείᾳ διαιτῶν ὀρθῶς οὐκ ἐπίσταται καὶ τοῦτ' ἄλλος ἤσκηκῶς οὐκ ἐγυμνάσατο τὰς χεῖρας* («кто-то, будучи прекрасным знатоком лекарств, мало сведущ в диетических предписаниях, а иной, разбираясь в последних, не получил хирургической подготовки»).

Одновременно с этим в трактате «Фрасибул» встречаются и употребления глаголов *γυμνάζω* и *ἀσκέω* в их узкоспециальном значении, относящемся к области атлетики (*Thrasymb. V, 874, 892*):

1) *τὴν μὲν τῶν τοὺς ἀθλητὰς γυμναζόντων γυμναστικὴν, ὑποδομένην μὲν ὀνόματι σεμνῶ, κακοτεχνίαν δ' οὔσαν, οὔπω μὲν*

εις τοσοῦτον ἀλοκεχωρηκυῖαν τοῦ κατὰ φύσιν, εἰς ὅσον αὐτὴν νῦν προήχασιν <...> ἐν τῷ τρίτῳ τῆς Πολιτείας ἐμέμψατο («Гимнастику, которой занимаются те, кто тренирует атлетов, прикрытую гордым названием, но на самом деле представляющую собой вредное занятие, он (Платон) порицает в третьей книге «Государства», хотя в ту пору она еще не настолько отделилась от естественного порядка, насколько она далека от него ныне»)

2) οὕτω καὶ ὁ παιδοτρίβης [αὐτὸς γάρ], ἢ μὲν γυμνάζει, τῆς γυμναστικῆς, ἢ δ' ἀσκεῖ τέχνην παλαισμάτων, ἐτέρας αὖ τινὸς ἐστὶν ἐπιτηδεύσεως ὑπέρτης, ἣν ἐγὼ μὲν ὀνομάζω καταβλητικὴν, οὐ μὴν γ' αὐτοὺς οὕτω καλοῦσιν οἱ τοὺς ἀθλητὰς ἀσκοῦντες, ἀλλὰ γυμναστὰς ὀνομάζουσι («так и сам педотриб, если он обучает гимнастике, является [слугою] гимнастики, если же обучает искусству борцовских приемов, слугою другого рода деятельности, который я именую «умением свалить противника с ног»¹, хотя те, кто тренируют атлетов, называют людей, обучающих этому искусству, иначе, предпочитая наименование “учителей гимнастики”»).

По замечанию Дж. Кёнига, Гален пользуется словами из атлетического обихода, заимствуя их для описания собственной основательной медицинской подготовки (König 2005: 266) и перенося их, таким образом, из низменной (с точки зрения Галена) области спорта в возвышенную область интеллектуальной деятельности (König 2005: 269–271). Это замечание, безусловно, верно, но нам представляется, что этим дело не ограничивается. Гален умышленно использует глаголы γυμνάζω и ἀσκεῶ как в широком значении, так и в специальном: в первом случае они приобретают положительные коннотации, связанные с образованностью самого Галена или иных врачей, философов и риториков, во втором, наоборот, отрицательные, учитывая то, что они встречаются в критических пассажах, направленных против профессионального спорта и его адептов. Особенно это хорошо видно из фрагмента тридцать седьмой главы «Фрасибула», где глагол ἀσκεῶ употреблен сразу в обоих значениях (*Thrasymb.* V, 878): θαυμαστὸν μὲντ' ἂν ἦν, εἰ τοῖς μὲν ἐκ παίδων ἀσκοῦμένοις ἐν τοῖς ἀρίστοις μαθήμασιν οὐχ ἅπασιν ὑπάρχει κριταῖς ἀγαθοῖς εἶναι τῆς τοιαύτης θεωρίας, ὅσοι δ' ἀσκοῦνται μὲν, ὥστ' ἐν ἄθλοις νικᾶν, ἀφνεῖς δ' ὄντες κάκεῖ στεφάνων μὲν ἠτύχησαν, ἐξαίφνης δ' ἀνεφάνησαν γυμνασταί,

¹ Подробнее о термине καταβλητική см. работу Э. В. Янзиной и О. В. Корнеева (Yanzina, Korneev 2022: 1206–1207).

τούτοις ἄρα μόνοις ὑπάρξει νοῦς περιττός («поистине было бы удивительно, если бы те, кто с детства упражнялись в самых благородных науках, не были бы все превосходными судьями в том, что касается этой области знания, а те, кто упражняются лишь для того, чтобы побеждать на состязаниях, и при этом, будучи лишенными дарований, не смогли добыть венка и немедленно провозгласили себя учителями гимнастики, одни отличались бы избытком ума»). Более того, Гален стремится как бы изъять глагол γυμνάζω из ведения преподавателей гимнастики. В одном фрагменте трактата этот глагол в своем специальном спортивном значении употреблен по отношению к врачам (*Thrasyb.* V, 839): οὕτω δὲ καὶ γυμνάζων μὲν, ἐπειδὴν ῥῶσαι μὲν βούληται τὴν διοικοῦσαν ἡμᾶς δύναμιν, ἐκκαθῆραι δὲ τοὺς κατὰ λεπτὸν πόρους («подобным образом он (врач) и приписывает упражнения, когда желает укрепить управляющую нами силу и полностью очистить поры»).

Итак, глаголы γυμνάζω и ἀσκέω используются Галеном в трактате «Фрасибул» для тонкой риторической игры, ведущейся против профессиональных преподавателей гимнастики. Стремясь направить против них их же оружие, понятия, взятые из сферы атлетики, и противопоставляя им врачей, занимающихся истинным искусством (в отличие от тех, чей род деятельности Гален обозначает словом *κακοτεχνία*), он противопоставляет и две области значений глаголов γυμνάζω и ἀσκέω — широкую и специальную.

Литература

- Aeschylus *tragoediae*. Ed. Murray, G. Oxford: Clarendon Press, 1955, Repr. 1960.
- Christesen, P. 2002: On the meaning of γυμνάζω. *Nikephoros. Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum*, 15, 7–37.
- Felsenheld, É. 2011: *La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains*. Diss. Paris-Sorbonne.
- Galenus. *Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine*. Claudii Galeni Pergameni scripta minora. Vol. 3. Ed. Marquardt, J., Müller, I., Helmreich, G. Leipzig: Teubner, 1893, Repr. 1967.
- Homeri *Ilias*. Vol. 2–3. Ed. Allen, T.W. Oxford: Clarendon Press, 1931.
- Isocrate. *Discours*, vol. 1. Ed. Mathieu, G., Brémond, É. Paris: Les Belles Lettres, 1929, Repr. 1963.
- König, Ja. 2005: *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Nieto Ibañez, J. M. Galen's Treatise Thrasybulos and the Dispute between Paidotribes and gymnasts. *Nikephoros. Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum*, 16, 2003, 147–156.
- Platonis *opera*. Vol. 3–4. Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press, 1903, Repr. 1968.
- Theognis. *Elegiae*. Ed. Young, D. (post E. Diehl). Leipzig: Teubner, 1971.
- Yanzina E. V., Korneev O. V. 2022: Ob interpretatsii nekotorykh terminov-agonimov v *Pollucis Onomasticon* III, 149–150, 155 [The ancient combat sports terms in the Onomasticon by Julius Pollux (III, 149–150, 155): translation, interpretation and commentary]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 26, 1204–1234.
- Янзина Э. В., Корнеев О. В. 2022: Об интерпретации некоторых терминов-агонимов в *Pollucis Onomasticon* III. 149–150, 155. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26 (2), 1204–1234.

А. А. Трофимов

РАНХиГС при Президенте РФ. Москва, Россия. artemii.trofimov@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УДАРЕНИЯ И АБЛАУТА В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

В статье рассматривается соотношение ударения и аблаута в праиндоевропейском. Показывается, что общепринятым подходом является представление о возникновении аблаута под влиянием ударения, именно такое решение предлагается с конца XIX века для нулевой ступени. Исследуется класс причастий на **-to*, которые могут иметь ударение на нулевой ступени. Их окситонеза в древнеиндийском и греческом вторична, несмотря на возражения ряда исследователей. Кратко указываются другие проблемные места рассматриваемого подхода: не работает закон Семереньи, объясняющий продленную ступень, образование отдельных основ от конкретных падежных форм в рамках теории акцентно-аблаутных парадигм представляется сомнительным.

Ключевые слова: ударение, аблаут, нулевая ступень, вокализм, акцентно-аблаутная парадигма, деривация.

А. А. Трофимов

The Presidential Academy, RANEPА, Moscow, Russia. artemii.trofimov@gmail.com

On the interrelation between stress and ablaut in Proto-Indo-European

The article is devoted to the problem of interrelation between stress and ablaut in Proto-Indo-European. It is shown that the generally accepted approach presupposes that the PIE ablaut was developed under the influence of stress; this hypothesis has been proposed since the end of the 19th century at least for the zero grade of the root. The operation of the Szemerényi's law is considered to be the main source of the lengthened grade.

The peculiar behavior of **-to*-participles and **-no*-adjectives is examined. As V. A. Dybo has convincingly demonstrated on the data of Italic, Celtic, Germanic and Iranian languages, some words belonging to the investigated class can at the same time contain the zero degree of the root and bear a root-accent. Oxytonesis in Old Indian and Ancient Greek in these forms is secondary, despite the objections of researchers criticizing Dybo's reconstruction. The presence of both barytonized and oxytonized participles in the protolanguage along with nouns containing solely zero grades in strong cases disprove the idea that the zero grades were originally

exclusively unaccented. The significant amount of data does not allow considering these forms secondary or built on analogy. Therefore, the reconstruction of exclusively unaccented zero grades in Proto-Indo-European does not stand up to scrutiny. The explanation of lengthened grades as a result of Szemerényi's law operation is also unreliable. According to S. G. Bolotov, this rule operates in the opposite direction: the final *-s in the nominatives of root nouns disappears after sonants if a lengthened grade precedes them. The reformulation of Szemerényi's law allows to solve the problem of a significant number of counterexamples and at the same time proves that the ablaut could be morphologically motivated in PIE. Finally, the derivation of separate noun stems from specific case forms proposed within the framework of accent-ablaut paradigms seems to be doubtful. Case forms can regularly be the source of adverbs in different Indo-European languages, but fail to form separate noun stems.

Keywords: accent, ablaut, zero grade, lengthened grade, vocalism, accent-ablaut paradigm, derivation.

Известно, что все древние индоевропейские языки характеризуются развитой системой чередований (аблаутом). Кроме того, все они или являются языками с разноместным парадигматическим ударением, или сохраняют следы данного состояния, различимые благодаря сравнительно-историческому методу. Соответственно, можно сделать вывод, что индоевропейский праязык характеризовался одновременно разноместным ударением и аблаутом. В связи с установлением данного факта возникает вопрос о соотношении этих двух феноменов.

Наиболее распространенное представление заключается в том, что ударение является причиной развития аблаута. Уже в конце XIX в. Г. Хирт написал две известные специальные работы, посвященные аблауту и акцентуации в праязыке (Hirt 1895; Hirt 1900). Примечательно, что одна из монографий называется просто «Индоевропейское ударение» («Der indogermanische Akzent»), а другая — «Индоевропейский аблаут, прежде всего в его связи с ударением» («Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung»).

Концепция Г. Хирта, если ее кратко изложить, состоит в том, что безударные гласные в праязыке частично редуцировались, частично выпадали, соответственно, возникли чистая нулевая ступень без какого-либо гласного в одном случае или нулевая ступень с огласовкой *a*, причем как в предударных, так и заударных слогах. Г. Хирт проводит при этом прямые параллели с развитием редуцированных в славянских языках, конк-

ретно — в сербохорватском. Исследователь формулирует следующие правила:

«1. Все гласные, которые ко времени действия ударения не являются акцентуированными, редуцируются, краткие гласные в *e, o, a*, а долгие в *a, e, o*.

2. Слабые гласные выпадают, *a, e, o* переходят в *a*

а) под ударением (nach Hauptton). Если выпадение краткого гласного приводило к потере слога, наблюдалось продление предыдущего гласного, ср. и.-е. **pēds* из **pédos*; серб. *bôg* из **bôgъ*.

б) непосредственно перед вторым ударным слогом: и.-е. **tjóm*, др.-инд. *tvám*; и.-е. **dijēus*; и.-е. **s-més* ‘мы есть’; и.-е. **dónts* ‘зуб’ и т. д.; серб. *kto, dno, tkati*.

в) после сохранившегося слабого **e* первого слога в трех- или многосложных словоформах, когда последующий слог краток, **s_edtós < *s_ed_etós*, серб. *lako < *lbgъko*.

3. В том случае, если новые формы подвергались энклизе, **ě* переходил в **ō*, **e* и **o* выпадают, когда они являются относительно безударными; **e* выпадает в целом чаще, чем **o* (Hirt 1900: 205).

Данный вариант реконструкции соотношения ударения и аблаута в праиндоевропейском в своих основных чертах является преобладающим в современной индоевропеистике. Далее мы приведем некоторые показательные примеры трактовки соотношения аблаута и ударения в праиндоевропейском в авторитетных пособиях по индоевропейскому языкознанию.

О. Семереньи во «Введении в индоевропейское языкознание» в главе «Происхождение ступеней аблаута» ищет объяснение происхождения нулевой, **o*- и продленной ступеней праиндоевропейского аблаута. В первом разделе своего обзора он достаточно категорично утверждает, что нулевая ступень может быть понята исключительно как возникающая в безударном положении:

«Что касается чередований по аблауту, то здесь прежде всего следует отметить, что ослабление основного гласного связано с местом ударения. Скр. *ás-mi* ‘есмы’: *s-ánti* ‘они суть’ из и.-е. **és-mi* **s-énti* (ср. др. *ñmí : évri*, гот. *im : sind*, ст.-слав. *esmi : soti*) можно интерпретировать только следующим образом. Корень **es-* во множественном числе, где ударение переходит на окончание (ср. также 1 л. мн. ч. *s-más*, 2 л. мн. ч. *s-thá*), именно по этой причине утрачивал основной гласный и

принимал форму *s*; во всяком случае, возможен только переход от *es-* к *s-*, но не от *s-* к *es-*.

Это существенно, ибо индийские грамматисты в своей теории аблаута исходной формой считали нулевую ступень, из которой две другие ступени возникали, по их мнению, в результате последовательного добавления *a*, то есть основная ступень *diś-* ‘показывать’, гуна (вторичное качество) *dēś-* из **d-a-iś-* и врддхи (‘рост’) *daiś-* из **d-a-a-iś-*. Исходной формой может быть только полная ступень, то есть гуна индийских грамматистов, хотя в отдельных случаях от нулевой ступени, согласно существующим чередованиям, могла возникнуть новая полная ступень» (Семереньи 1980: 126; Szemerényi 1990: 111).

К трактовке, приводимой О. Семереньи, примыкают М. Мейер-Брюггер, а также — более осторожно — Б. Фортсон IV. Согласно мнению первого исследователя, «происхождение аблаутных вариантов безусловно — как бы спорно это ни было в деталях — лежит на фонологическом уровне ... Среди фонологических причин появление нулевой ступени наиболее вероятной представляется потеря **-e-* в безударном слоге: ср. греч. *πατρ-ί* в противоположность *πατέρα*; вед. *ghn-ánti* ‘они убивают’ и хетт. *kun-antⁱ* < и.-е. **g^{wh}n-énti* в противоположность вед. *hánti* ‘он убивает’ и хетт. *kuen-tⁱ* < и.-е. **g^{wh}én-ti*; вед. *i-más* ‘мы идем’ < и.-е. **h₁i-més* в противоположность *é-mi* ‘я иду’ < и.-е. **h₁éj-mi*» (Meier-Brügger 2010: 282). Аналогичная трактовка содержится в учебнике Б. Фортсона: «Большинство нулевых ступеней находится в безударной позиции, что делает вероятным возникновение нулевых ступеней в результате выпадения безударных гласных (синкопы)» (Fortson 2009: 81).

Появление продленной ступени О. Семереньи объясняет с помощью своего знаменитого закона: в номинативах имен, где продленная ступень встречается особенно часто, конечные звуковые сочетания **ers*, **ens*, **ems* (соотв. **ors* и т. д.) переходят в **ēr*, **ēn*, **ēm* (соответственно, **ōr*, **ōn*, **ōm*), ср. и.-е. **kūōn* ‘собака’ < **kūon-s*; **ph₂tēr* ‘отец’ < **ph₂ter-s* и т. д. (Szemerényi 1980: 131–134; Szemerényi 1990: 115–119).

Происхождение продленной ступени и **o-*ступени куда труднее объяснить механистически. В данном случае О. Семереньи рассматривает различные теории, но приходит к выводу, что можно только в общих чертах предполагать преобладающую роль фонетического окружения и исключать действие ударения (Szemerényi 1980: 134–137). Авторы остальных рас-

смастриваемых работ называют происхождение продленной и *o-степеней дискуссионным.

Данный подход, согласно которому аблаутные чередования в общем возникают под влиянием ударения и сопутствующих фонетических процессов, имеет определенные фактические и методологические недостатки.

Во-первых, представленные правила работают с огромным количеством исключений. В работах Meier-Brügger 2010 и Fortson 2009 приводятся примеры вроде и.-е. **uļk^uo*- ‘волк’, и.-е. *h₂rtko- ‘медведь’, и.-е. *suHnú- ‘сын’; греч. *πατράσι* = вед. *pitṛ̥ṣu*, в связи с чем Б. Фортсон отдельно отмечает, что образование нулевых ступеней должно было происходить в период, предшествующий непосредственно реконструируемому праязыку (Fortson 2009: 81). Тем не менее, именных основ, во всех морфемах которых в только в одном падеже представлены исключительно нулевые ступени, в праязыке можно легко перечислить десятки, как было показано в (Trofimov 2022), а внутри реально засвидетельствованных парадигм в отдельных группах индоевропейских языков и отдельных древних языках подобных примеров можно найти еще больше. На случайно взятом развороте «Санскритско-немецкого словаря» К. Мюлиуса содержатся следующие не вписывающиеся в обсуждаемую концепцию основы: *kṛ́dara*- н. ‘кладовая’; *kṛdhú*- ‘изувеченный; недостаточный’; *kṛ́pate* I ‘жаловаться’; *kṛ́pīta*- ‘кустарник’; *kṛ́mi*- ‘червь; личинка’; *kṛmúka*- ‘дрова’; *kṛ́šana*- ‘жемчужина’; *kṛ́ṣi*- ‘земледелие’; *kṛ́ṣti*- ‘мудрец’ и *kṛ́ṣti*- ‘ход’ (Mullius 1975: 120–121). Ведийские формы существительного ‘три’: м. N. *tráyas*; A. *trín*; I. *tribhis*; D. *tribhyás*; G. *triṅám*; L. *triṣú* — f. NA. *tisrás*; I. *tisṛ́bhis*; D. *tisṛ́bhyas*; G. *tisṛ́nám*; L. *tisṛ́ṣu* — n. NA. *trí*, *trín̄i* (Macdonell 1910: 309) показывают, что формы с ударными нулевыми ступенями являются столь же часто встречающимися, как те, в которых ударение стоит на полной.

Во-вторых, есть определенные фонетические проблемы соотношения полной и нулевой ступеней в праязыке, а также фонетическое и фактическое обоснование закона Семереньи является слабым, о чем будет сказано ниже. Наконец, неизвестно, какое происхождение и какой характер имеет само ударение в праиндоевропейском. По существу, в рамках подобной концепции оно появляется в рассматриваемых формах на определенных слогах в древнеиндийском и древнегреческом языках, а в случае несоответствия между древнеиндийским и древнегреческим ударением или несоответствия

между грекоарийским с данными других языков выбирается предельно простая стратегия: ударения в кельтских, германских, славянских обычно объявляются вторичными, а расхождения между древнеиндийским и древнегреческим объясняется аналогическими перестройками.

В данной статье будут представлены некоторые наблюдения над нетривиальными случаями соотношения аблаута и ударения в праязыке, которые призваны показать, что та связь между акцентуацией и аблаутом, которая представляется *communis opinio* в современной индоевропеистике, совсем не так очевидна.

1) Причастия с суффиксом **-to* и прилагательные с суффиксом **-no*

Некоторые давно ставшие традиционными реконструкции, основанные на представлении о непосредственной связи акцента и аблаута, на самом деле не выдерживают проверки фактами.

Известно, что причастия на **-to*, прилагательные на **-no* в древнеиндийском и древнегреческом в большинстве случаев имеют ударение на форманте и нулевую ступень в корне, ср. др.-инд. *śrutá-*, греч. *κλυτός* ‘известный, знаменитый’. На основании этого факта, естественно, делается вывод о том, что в причастиях в праязыке всегда наблюдалась окситонеза, а нулевая ступень образовалась в безударном положении.

Тем не менее, В. А. Дыбо сумел найти и систематизировать достаточное количество примеров причастий, которые имеют ударение на нулевой ступени; последний факт доказывается данными преимущественно латыни, кельтских и германских языков. В статье (Трофимов 2022) я кратко указывал на реконструкцию **p^hh₁-no-* ‘полный’ на основании пушту *pəh*, ж. р. *pəna* ‘полный’ и др.-ирл. *lán*, др.-валл. *laun*, валл. *llawn*, корн. *luen*, *leun*, *len*, брет. *leun* ‘полный’ и т. д. (Дыбо 1961: 18; 2006: 15). Исследователь показал, что формы италийских и кельтских языков содержат ожидаемые долготные рефлексy праиндоевропейских сочетаний **RH*, **iH*, **uH*, **eH*, **oH* под ударением, а в безударном положении они подвергались сокращению (Дыбо 1961; 2006). Германские соответствия благодаря действию в них закона Вернера помогают доказать эту реконструкцию; дополнительные свидетельства предоставляют иранские, славянские и балтийские языки, в последних на место ударения могут указывать акцентные и интонационные характеристики.

Стоит привести несколько примечательных форм, реконструированных В. А. Дыбо, указывающих на баритонезу в **-to*-причастиях¹:

1. Прагерм. **kúnþa-* part. 'известный' < и.-е. **ġŋ̊to-* (**ġŋ̊h₃-to-*): гот. *kunþs* 'известный'; др.-исл. *kunnr*, *kubr*; др.-англ. *cūð*; др.-сакс. *kūð*, др.-в.-нем. *chund*, *kund* 'kund' (Dybo 2021: 67–68).

На такое же ударение указывают др.-ирл. *gnáth* 'известный, знакомый', валл. *gnawd* 'привычка, обычай', галл. *Eposo-gnatus* 'знающий лошадей' < и.-е. **ġŋ̊to-* (**ġŋ̊h₃-to-*) (Dybo 2008: 594)

Стоит также отметить, что в др.-инд. *jñātá-* отчетливо видна полная ступень корня.

2. Прагерм. **kúnþa-* 'рожденный' < **ġŋ̊to-* (**ġŋ̊h₃-to-*): др.-исл. *-kunnr* в др.-исл. *ás-kunnr* adj. 'богорожденный'; др.-в.-нем. *gomman-kund*, *man-kund* 'человеческий', гот. *ga-kunþs* 'рождение' (только в *uf gakuþpai* Lc 3:23) ~ лат. *nātus* 'рожденный', гал. *Cintu-gnātus* 'Перворожденный', ср.-валл. *gnawt* 'родственник' (Dybo 2021: 68–69).

3. Прагерм. **grúnþaz-*1 'gesunken' ~ праслав. **grěznŋti* а. п. а < **g^hrŋ̊to-* (**g^hrŋ̊H-to-*); **grúnþaz-*2 'растёртый': греч. *χαίνω* 'задевать, касаться, мазать, пачкать, марать'; лит. *grémžti*, praes. 1.sg. *grémžu* 'тереть, скоблить' < **g^hrŋ̊to-* (**g^hrŋ̊H-to-*) (Dybo 2021: 71–72).

4. Прагерм. **blīþaz* adj. 'мягкий, кроткий' и.-е. < **mliH-to-*: гот. *bleiþs* adj. 'barmherzig'; др.-исл. *blīðr* adj. 'mild (vom Wetter), freundlich, angenehm' (Dybo 2021: 73).

5. Прагерм. **húlþaz* adj. 'hold, geneigt, zugetan' < и.-е. **k^lto-*: гот. *hulþs* adj. 'geneigten Sinnes, gnädig'; др.-исл. *hollr* adj. 'hold, treu'; др.-в.-нем. *hold* 'geneigt, zugetan, liebevoll', 'ergeben, treu' (Dybo 2021: 75).

6. Лат. *grātus*, *-a*, *-um* 'приятный, милый' ~ лтш. *-to*-прич. *dziŗts* 'прославленный' < **g^hŋ̊to-*, **g^hŋ̊Hto-* (Dybo 2021: 125).

7. Др.-ирл. *crith* 'плата, купля', др.-ирл. *crith* praet. pass. conj. от ирл. *crenaid* 'покупает'; валл. *prid* 'дорогой' < **k^wrīto-* < **k^wrīh₂to-* ~ (Dybo 2021: 125).

8. Лат. *spūtus* 'выплюнутый' ~ лтш. *-to*-прич. *spļauīts* 'выплюнутый' < и.-е. **spiūto-* (Dybo 2021: 126–127).

9. Лат. *lātus*, др.-лат. *stlātus* 'широкий, обширный, протянутый' < **stl̥to-* < **stl̥h₂to-* (Dybo 2021: 127).

¹ Полный список — а это десятки праформ с подробными списками реальных лексем — может быть найден в цитируемых работах исследователя.

10. Лат. *strātus* ‘расстеленный’ ~ др.-рус. sg. f. *простѣрѣма*, pl. *простѣрѣмы*, совр. рус. *простѣрѣм*, *простѣрѣмы*; лит. *stirta* (1), лтш. *stirta* ‘скирда’ (Дубо 2021: 127).

11. Лат. *sūtus* ‘шитый’ ~ праслав. sup. *šītŭ ‘шитый’ < **šjūtō-* (Дубо 2021: 127–128).

12. Пракельт. *mlāto-* m. ‘мука’ < *młto < **młH-to-*: ср.-валл. *blawt* m., валл. *blawd*, др.-корн. *blot*, ср.-брет. *bleud* m. ‘мука’ ~ лит. *miltai* pl. (1) ‘мука’, лтш. *milti* pl. ‘мука’; др.-инд. *mūrṇā-* ‘размолотый’ (Дубо 2021: 125–126).

Примечательно, что именно за реконструкцию **płH-no-* и других процитированных форм исследователя достаточно активно критиковали ученые, которые в той или иной степени разделяют представление о существовании в праязыке акцентно-аблаутных парадигм.

Наиболее концептуальной является критика Н. Заира. Он утверждает, что именно древнегреческий и ведийский, по общему согласию, предоставляют лучшие свидетельства для реконструкции праиндоевропейской акцентуации, особенно когда аблаут и ударение совпадают. Балтийские и славянские интонации и ударения при этом признаются не столь важными для реконструкции (Zair 2006: 215). Тем не менее, данное заявление нам представляется никак не доказанным фактами. По какой причине стоит предпочесть совпадение данных двух групп, еще и относящихся к одному диалектному ареалу, совпадению в данных целых пяти групп (германской, итальянской, кельтской, славянской и балтийской), к которым часто можно присовокупить формы иранских и дардских языков? Не представляется вероятным, чтобы во всех этих языках причастия независимо получили ударение на ступени, где оно вообще в принципе не должно стоять. Греко-арийская инновация в некоторых морфологических классах представляется более логичным решением. К тому же, как давно известно, есть целый ряд случаев несовпадения ударения в древнегреческом и древнеиндийском, которые в рамках представлений, высказываемых Н. Заиром и многими другими современными исследователями, просто не поддаются однозначному объяснению (Дубо 2011: 200–201).

Р. Матасович критикует приведенные данные следующим образом: «Дубо (2007) предполагает, что акцентуация древнеиндийского прилагательного является вторичной (предположительно из-за обобщения окситонезы в прилагательных на *-na-*) и приводит пушту *rān*, f. *rāna* ‘полный’ как свидетельство

первоначальной баритонезы в индоиранском. Однако это трудно принять, так как древнеиндийская форма засвидетельствована намного раньше. Кельтская форма совместима с и.-е. **píHno-*, но, кроме непрозрачных слов в пушту, нет никаких признаков баритонезы» (Matasović 2012: 133).

Хотелось бы отметить, что утверждение о том, что ударение в пушту заведомо непоказательно, потому что оно засвидетельствовано намного позже, чем форма в ведийском, не имеет достаточного веса. Язык, который считается в целом более архаичным и который известен с гораздо более раннего времени, в любом случае может иметь инновации, а более поздний и признающийся менее архаичным идиом — сохранять отдельные древние формы. Например, совр. рус. *дом* является основным словом со значением ‘дом’, а в древнеиндийском и древнегреческом уже на достаточно раннем этапе соответствующие слова др.-инд. *dám-*, gen. pl. *damām* ‘дом, жилище’ и греч. *δῶμος* m. ‘дом, жилище; поздн. слой, ряд’ были вытеснены основами *grhá-* и *oikos* соответственно. Более того, можно отметить, что любой рус. *e* < и.-е. **e* архаичнее др.-инд. *a*, ср. рус. *берѣт* ~ др.-инд. *bhárati* I ‘несет’. Соответственно, существует возможность сохранения архаических форм и в пушту, противостоящих состоянию, засвидетельствованному в ведийских памятниках.

Кроме того, само слово *pə́n*, f. *pə́na* в пушту является очевидным архаизмом: оно является не основным прилагательным ‘полный’ и восходит к праир. **pṛH-no-* ~ и.-е. **píHno-*.

В заключение рассмотрения **to*-причастий и **no*-прилагательных можно отметить: тот факт, что ведийский и древнегреческий во многих случаях действительно отражают место праиндоевропейского ударения, не исключает возможности унификации ударения в отдельных морфологических категориях, что вообще свойственно языкам с подобными системами акцентуации. При принятии предположения о том, что **to*-причастия в древнеиндийском и древнегреческом стали окситонированными, отпадает необходимость объяснять такие формы, как прагерм. **kúnþa-*, перемещением ударения по каким-либо причинам.

В таком случае выясняется, что обсуждаемые причастия и прилагательные устроены следующим образом: корень обычно предполагает нулевую ступень, но в отдельных случаях представлена полная, ср. прагерм. **bálþa-z* adj. ‘смелый, отважный’, **sôþa-z* adj. ‘сытый’, а суффиксы **to-* и **no-* всегда содержат

*o-ступень. Ударение же может находиться как на корне, так и на суффиксе, по всей видимости, в зависимости от тех или иных морфологических и акцентуационных характеристик глагольного корня. Соответственно, обсуждаемые причастия принципиально не отличаются от стандартных атематических имен на *o-, которые могут быть как баритонированными, так и окситонированными, а также содержать разные ступени аблаута, ср. **snusó-* ‘сноха’ ~ **h₂ítko-* ‘медведь’ ~ **h₁ék_{uo-}* ‘лошадь’.

Такое поведение причастий с суффиксом **-to-* убеждает в том, что соотношение аблаута и ударения в подобных основах в принципе непредсказуемо, поэтому сомнительно, чтобы ударение порождало аблаут или, наоборот, место акцента как-то определялось той или иной ступенью апофонического чередования.

В связи с фонетическим происхождением нулевой ступени следует также обратить внимание на происхождение *i и *u. О. Семереньи признает, что переход *e_i > *i; *e_u > *u в безударном положении только схематически выглядит простым, но в реальности проблематичен (Szemerényi 1980: 156–157). Примечательно, что чаще предлагались сценарии *e_i > *i > *i / *e_u > *ū > *u (Sweet 1881: 158) и *e_i > *ē > *i / *e_u > *ō > *u (Möller 1907: 151), а не *e_i > *a_j > *i / *e_u > *a_w > *u. Стоит отметить, что признание возможности того, что некоторые нулевые ступени являются первичными, снимает проблему появления *i и *u в праязыке.

2) Закон Семереньи.

Существует несколько трактовок закона. Сам О. Семереньи, как уже было сказано выше, ограничивает действие закона конечными сочетаниями *Vns, *Vms, *Vrs, а также распространяет правило на дентальные основы, *pod-s > *pos-s > *pōs ‘нога’; *nepot-s > *nepos-s > *nepōs ‘внук’ и на основы с корнем, заканчивающимся на **-s*: *mus-s > *mūs ‘мышь’, *nas-s > *nās ‘нос’. Кроме того, автор «Введения в индоевропейское языкознание» объясняет греческий номинатив *κῆρ* ‘сердце’ как продолжение *kērd > *kerr > *kēr (Szemerényi 1980: 132–133). С. Нери формулирует закон Семереньи следующим образом: « $\bar{V}$ > $\bar{V}$: 1) /_ r, l, m, n, j, u, s, H + -s #, -H #, 2) /_t, d, d^h + -s #, 3) /_rd #, с полной ассимиляцией двух последних согласных, упрощением геминаты и компенсаторным удлинением предшествующего гласного» (Neri 2003: 20). Несколько сокращен-

ная версия действия закона, с исключением последовательности (Piwowarczyk 2015: 269–278).

Правило, сформулированное О. Семереньи, а также поддерживаемое в том или ином виде другими лингвистами (Neri 2003: 20; Piwowarczyk 2015) сложно назвать законом, потому что исключения не просто не единичны, а есть целые классы морфологических форм, в которых не происходит его действие.

Например, в принципе не наблюдается его действие в окончании винительного падежа множественного числа **ons* тематических основ. Конечный **-s* в **nt*-причастиях выпадает в древнегреческом и не выпадает в других языках; можно видеть сохранение **-s* или **H* в хорошо реконструируемых именах: все греческие существительные, оканчивающиеся на *-ευς*; **g^hōus* ‘бык’, греч. *ἄλς²* ‘соль’; др.-инд. *dan*, греч. *ὀδούς* ‘зуб’ < **h₃donts* и т. д.

Достаточно любопытно, что ученые, принимающие закон Семереньи, в принципе не стремятся перечислить все слова в праязыке и отдельных группах и исключения, как это было сделано достаточно убедительно для закона Винтера в славянских и балтийских языках (Young 1990; Dybo 2002).

С. Г. Болотов в своем докладе предложил следующее объяснение: **-s* отпадает в номинативах, оканчивающихся на **r*, **l*, **n*, **m*, содержащих продленную ступень, но сохраняется в тех, где перед **-s* находится морфема с **e*, **o*, **u* или **i* (Bolotov 2023). В древнеиндийском далее в номинативе выпадает конечный **-s*, но в этой форме сохраняется краткий гласный. Ср.:

NomSg. **οδοντς* > греч. *ὀδούς*; **donts* > др.-инд. *dan* ‘зуб’;

Но **οδδοντς* > греч. *ὀδών* ‘зуб’.

При этом, на наш взгляд, им верно указывается, что на **l* и **u*, **i* действие правила не распространялось.

Очевидно, что данная формулировка работает гораздо лучше, хотя появление дублетов с полной и продленной ступенью само по себе не поддается простому объяснению.

Закон Семереньи, по существу переформулированный С. Г. Болотовым в обратную сторону, подразумевает первоначальное наличие продленной ступени в отдельных корнях и

² Д. Пивоварчик объясняет греческий именительный падеж аналогическим выравниванием, но совершенно непонятно, почему это выравнивание происходит только в отдельных словах и формах.

может указывать на тот факт, что индоевропейский аблаут имел непосредственное отношение к грамматическому значению.

3) Акцентно-аблаутные парадигмы.

В основном на базе описанных представлений о происхождении была разработана теория акцентно-аблаутных парадигм. В рамках данной концепции в формах именных и глагольных парадигм ударение перемещается непредсказуемым образом по словоформе, соответственно, ударная морфема имеет **e/o*-ступень аблаута или продленную ступень по закону Семереньи, а безударная в нормальном случае нулевую, иногда **o*-ступень.

Можно указать некоторые проблемы, которые возникают в связи с реконструкцией акцентно-аблаутных парадигм. Тот факт, что в одних формах реконструируемых парадигм встречается одна ступень аблаута, а в других — отличная от нее, порождает следующую ситуацию. Само наличие различных основ с разными аблаутными ступенями в разных языках рассматривается как вторичное, в праязыке реконструируется одна парадигма, ср. предполагаемую акростатическую парадигму NomSg. **ǵónu* — GenSg. **ǵénus* (Furlan 2011: 293), приводившееся в (Trofimov 2022) объединение различающихся основ др.-инд. *dāru-* п. 'дрова, древесина; дерево' и *dru-* т. п. 'деревянный сосуд; весло; дерево как материал' в одну праязыковую парадигму **dór-u-*, GenSg. **dr-éu-s* 'дерево' (Kuiper 1942: 30), так называемые «делокативные» образования основ в отдельных группах индоевропейских языков (Nikolaev 2009). Данные решения парадоксальны потому, что в рамках данной теории от форм разных падежей образуются отдельные основы. Известно, что формы падежей в индоевропейских языках могут становиться наречиями, ср. рус. *домой* < др.-рус. DatSg. *домови*, однако они не могут становиться новыми полноценными основами.

Соответственно, тот факт, что аблаут наличествует в парадигмах отдельных имен и вступает в определенные отношения с ударением, не может автоматически означать, что такие чередования необходимо усматривать во всех или в наибольшем количестве имен праязыка. На самом деле аблаутные чередования, которые могут быть обнаружены в родственных основах в разных группах индоевропейских языков, могут быть их изначальной морфологической характеристикой. Соотноше-

ние аблаута и ударения в праязыке в деталях далеко не так ясно и требует дальнейшего изучения.

Библиография

- Bolotov, S. G. 2023. [S after M, R, N: what is wrong with the Szemerényi's law?] Abstract presented at the 18th Sergei Starostin Memorial Conference.
- Болотов С. Г. S за M, R, N: Что не так с законом Семереньи? Доклад на конференции «XVIII традиционные чтения памяти С. А. Старостина».
- Dybo, V. A. 1961. [The shortening of lengths in Celto-Italic languages and its significance for Balto-Slavic and Indo-European accentology]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija [Issues in Slavic linguistics]* 5: 9–34.
- Дыбо, В. А. 1961. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания* 5: 9–34.
- Dybo, V. A. 2002. Balto-slavic accentology and Winter's law. In: A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev. (eds.) *Studia linguarum* 3/2. Moscow: Languages of Slavonic culture: 295–515.
- Dybo, V. A. 2006. [The reflexes of Indo-European syllabic long liquids and nasals in Celto-Italic languages (in favor of H. Pedersen's conception)]. In: I. S. Smirnov (ed.). *Aspekty komparativistiki [The aspects of comparative linguistics]* 2. Moscow: RSSU: 11–27.
- Дыбо, В. А. 2006. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (В защиту концепции Х. Педерсена). В сб.: И. С. Смирнов (ред.). *Аспекты компаративистики* 2. М.: РГГУ: 11–27.
- Dybo, V. A. 2008. [The Germanic shortening of Indo-European lengths, Germanic «Verschärfung» (Holtzmann's law) and Balto-Slavic accentology]. In: G. S. Starostin (ed.) *Aspekty komparativistiki [The aspects of comparative linguistics]* 2. Moscow: RSSU: 537–608.
- Дыбо, В. А. 2008. Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балто-славянская акцентология. Г. С. Старостин (ред.). *Аспекты компаративистики* 3. Москва: РГГУ: 537–608.
- Dybo, V. A. 2011. [On Old Indian -ya-verbs]. *Journal of Language Relationship* 6: 200–210.
- Дыбо, В. А. 2011. Относительно др.-инд. -ya-глаголов. *Вопросы языкового родства* 6: 200–210.
- Dybo, V. A. 2021. [The influence of accent on the vocalism of western Indo-European languages]. *Balto-slavyanskije issledovaniya. [Balto-Slavic studies]* XXI: 46–173.

- Дыбо, В. А. 2021. Влияние акцента на вокализм в западных индоевропейских языках. *Балто-славянские исследования XXI*: 46–173.
- Fortson, B. W. 2009. *Indo-European Language and Culture: An Introduction*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Furlan, M. 2011. The archaic word-formational relationship between the Proto-Slavic noun **pol'e* and the Hittite adjective *palhi-*. *Linguistica* 51: 290–297.
- Hirt, H. 1895. *Der indogermanische Akzent*. Strassburg: Trübner.
- Hirt, H. 1900. *Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung*. Strassburg: Trübner.
- Kuiper, F. B. J. 1942. *Notes on Vedic noun-inflection* (Mededeelingen der Nederlandsche akademie van wetenschappen, afdeling letterkunde Nieuwe reeks, deel 5, №. 4). Amsterdam: Uitgave van de N. V. Noord-hollandsche uitgevers maatschappij.
- Macdonell, A. A. 1910. *Vedic Grammar*. Strassburg: Trübner.
- Matasović, R. 2012. Dybo's law in Proto-Celtic. *Zeitschrift für celtische Philologie* 59: 129–141.
- Meier-Brügger, M. 2010. *Indogermanische Sprachwissenschaft 9., durchgesehene und ergänzte Auflage*. Unter Mitarbeit von Matthias Fritz und Manfred Mayrhofer. Berlin; New York: De Gruyter.
- Møller, H. 1880. Rez.: Fr. Kluge. Beiträge zur Geschichte der germanischen Conjugation. *Quellen und Forschungen. XXXII*. Strassburg: Trübner, 1879. *Englische Studien* 3: 148–164.
- Mylius K. 1975. *Wörterbuch Sanskrit-Deutsch*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Neri, S. 2003. *I sostantivi in -u del gotico: morfologia e preistoria*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen, Abteilung Sprachwissenschaft.
- Nikolaev, A. S. 2009. The Germanic word for 'sword' and delocative derivation in Indo-European. *Journal of Indo-European Studies* 37: 461–488.
- Piwowarczyk, D. 2015. The Proto-Indo-European *-VTs# clusters and the formulation of Szemerényi's Law. *Indogermanische Forschungen* 120: 269–278.
- Szemerényi, O. 1980. *Vvedenie v indoevropskoe yazykoznanie. [Introduction to Indo-European linguistics]*. Moscow: Progress.
- Семереньи, О. 1980. *Введение в индоевропейское языкознание*. Пер. *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft 1970*. М.: Прогресс.
- Szemerényi, O. 1996. *Introduction to Indo-European linguistics*. 4th ed. Translated from *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, 4th edition 1990 with additional notes and references. Oxford: Clarendon Press.
- Sweet H. 1881. On the Aryan vowel-system. *Transactions of the Philological Society* 18: 155–162.

- Trofimov, A. A. 2022. [Proto-Indo-European stems containing solely zero grades in strong cases and problems of the theory of accent-ablaut paradigms]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* XXVI: 1134–1148.
- Трофимов, А. А. 2022. Индоевропейские основы исключительно с нулевыми ступенями в сильных падежах и проблемы теории акцентно-аблаутных парадигм. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVI*: 1134–1148.
- Young 1990. Baltic diphthongal bases and Winter's law. *Historische Sprachforschung* 103: 132–154.
- Zair, N. 2006. Dybo's Law: Evidence from Old Irish. In: D. Kölligan, R. Sen (eds.). *Oxford University Working Papers in Linguistics, Philology & Phonetics*. Vol. 11. Oxford: Clarendon Press: 215–226.

А. И. Фалилеев

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falileyev@gmail.com

ВНОВЬ О КЕЛЬТСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

В статье рассматривается ряд географических названий с территории современной Словакии, которые были проанализированы в недавних публикациях как лингвистически кельтские. В первой части рассмотрен известный только по *Географии* Птолемея топоним Σιγγόνη, во второй — гидронимы, первая фиксация которых относится к средневековью или Новому Времени (Орава, *Kubrá*, *Nuduna*, *Gardubarto* / *Gardubartu*). Все эти географические названия не могут быть признаны лингвистически кельтскими по целому комплексу причин, в первую очередь — по собственно языковым.

Ключевые слова: древнекельтские языковые остатки, топонимика, Словакия, историческая грамматика кельтских языков.

Alexander Falileyev

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. a.falileyev@gmail.com

Celtic geographical names of Modern Slovakia, revisited

The paper looks at a number of geographic names attested in and/or associated with the territory of modern Slovakia which have been considered linguistically Celtic in recent literature. The first part of it deals with the toponym Σιγγόνη (probably *Singō) attested only in Ptolemy. Although V. Blažek (2020) has claimed a Celtic etymology for it, it is argued that the suggested analysis contradicts the rules of historical Celtic grammar. Moreover, the toponym is normally located in the area with a highly disputable presence of linguistically Celtic geographic names, even though archaeological remains traditionally associated with “Celts” are well known in the region. In view of the available data Σιγγόνη may tentatively be associated with the Dacian layer of toponymy, also taking into consideration that the “Dacian-Celtic horizon” has been established for the area by archaeologists. This linguistic attribution should be treated with extreme caution, of course, due to our state of knowledge of Dacian, but Σιγγόνη’s linguistic Celticity, at least within approaches already suggested, should be denied definitely. The second part of the contribution critically surveys the attempt to see in *Orava* a linguistically Celtic hydronym. This suggestion has been criticised briefly in Falileyev 2014: 42, but as references to the Celticity of the river-name still appear in academic publications, this required a revisit. It is shown that the suggested Celtic

etymology, which takes into consideration data of Continental hydronymy (cf. modern *l'Avre*, *l'Evre* or *l'Arvan*) and Insular Celtic vocabulary (e.g., *W. erw* 'acre, field'), is difficult from the linguistic standpoint, and this attempt also contains a number of serious misinterpretations. Although the area of the river-basin is known for its archaeological "Celticity", there are no reasons to make a claim for any linguistic Celticity of the area, and the arguments on the contrary provided by the advocate of the hypothesis are basically irrelevant. Moreover, it has been argued (cf. Falileyev 2014: 39-46) that in Eastern Europe there are no traces of linguistically Celtic hydronymy, at least unquestionably, and that river names attested in late sources only, cannot be Celtic. Thus *Nuduna* formally allows a Celtic analysis, but here we deal with "the long arm of coincidence", to use the coinage of P. Sims-Williams (2006). The recently offered Celtic treatment of hydronyms *Kubra* and *Gardubarto / Gardubartu* are also linguistically erroneous, and those should also be excluded from the list of *Alt-celtischer Sprachschatz* of Slovakia.

Keywords: *Alt-celtischer Sprachschatz*, toponymy, Slovakia, Celtic, historical grammar.

Введение

Присутствие кельтов на территории современной Словакии в древности, в принципе, не вызывает сомнений. По понятным причинам эти выводы основываются, прежде всего, на историко-археологических данных, см. классическую монографию Pieta 2010, где подытожены наблюдения поколений исследователей. Однако сам факт применения терминов «кельт» и «кельтский» в отношении древних насельников европейских территорий и анклавов в Малой Азии вызывает непрекращающуюся и вновь возобновляющуюся дискуссию. Впрочем, нет никаких сомнений, что эти термины остаются адекватными в их применении не к археологическому материалу, а собственно к данным языка, известным также и по разнообразным памятникам Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (ср. Falileyev 2014: 9–15). Язык этих данных не свидетельствует в пользу его отличия от языка древнекельтских памятников территории Галлии (ср. Eska 2013), однако при этом следует учитывать тот факт, что в нашем распоряжении из этих регионов имеются исключительно ономастические данные, которым свойственен известный консерватизм. Не исключением их этого правила является и корпус лингвистически кельтских данных и с территории современной Словакии.

Рассматривая этот корпус следует сразу же учесть, что как и в остальных восточно-европейских регионах на территории

Словакии не обнаружено надписей на собственно древнекельтском наречии. Впрочем, в некоторых устных выступлениях словацких археологов высказывалось предположение, что мы находим такой текст на сосуде латенского времени из поселения, расположенного на территории современного поселка Чатай (Čataj) в юго-западной Словакии, находящегося в 19 км к юго-западу от Трнавы. Понятно, что латенская археологическая культура традиционно ассоциируется с кельтским присутствием, а этот регион современной Словакии действительно известен её памятниками, ср. Pieta 2010: 22–25 *et passim*. Однако мы определенно имеем здесь дело с орнаментом (см. Falileyev 2014: 14), и вместе с надписью из Ромулы (совр. деревня Решка, Румыния), читаемой некоторыми лингвистами как текст ЮОПТ / VAPFSI на древнекельтском, но являющейся на самом деле плохим отпечатком штампа (Falileyev 2007: 149 с дальнейшей библиографией), эти два фрагмента можно рассматривать исключительно в контексте *Inscriptiones Pseudocelticae*, в этой связи ср. Stifter 2012.

Таким образом, весь корпус кельтских данных с территории современной Словакии сводится к антропонимам и географическим названиям. Антропонимы представлены неравномерно. В отличие от многих других ареалов восточной и, особенно, юго-восточной Европы, на территории современной Словакии не засвидетельствовано ни одного кельтского личного имени в надписях римского времени. Это, впрочем, ожидаемо с сугубо исторической точки зрения, и, в частности, связано с весьма ограниченным количеством латинских надписей; при этом следует упомянуть, что попытки выявить и в них кельтскую составляющую являются несостоятельными, ср. Falileyev 2015: 172–76. Однако именно с этим регионом связаны находки антропонимов кельтского лингвистического происхождения до-римского времени. Они известны по монетным легендам, и интерпретация этих данных (напр. *Biatec*, *Bussumarus*, *Cobrouomarus* или *Iantumarus*) продолжает оставаться в центре внимания лингвистов-кельтологов, ср. Stifter 2015. Что же касается географических названий, то, как было показано в Falileyev 2014: 105–119, лишь малая часть обычно рассматриваемых в этой связи данных может оказаться кельтской по происхождению. В указанной монографии, вышедшей в 2014 г., были критически проанализированы географические названия территории современной Словакии, которые — с тем или иным успехом — рассматривались как имеющие кельтскую этимоло-

гию, в том числе и попытку А. К. Шапошникова (2012) лингвистически кельтского анализа гидронима Орава, см. Falileyev 2014: 45. Поскольку ссылки на предложение Шапошникова видеть в нем название кельтского происхождения все еще оказываются на страницах академических публикаций (ср. напр., Piadi 2021: 174), появилась необходимость представить более расширенные аргументы, возражающие этой гипотезе. В первой же части этой работы будет рассмотрен зафиксированный только в *Географии* Птолемея топоним Σιγγόνη, который был недавно рассмотрен В. Блажеком (Blažek 2020: 152) как лингвистически кельтский.

Ι. Σιγγόνη

Топоним Σιγγόνη зафиксирован только в *Географии* Птолемея (Ptol. II, 11), и так как Птолемей помещает его во фрагменте, обычно ассоциируемым с территорией современной Словакии (Καλαμαντία — Σιγγόνη — Ἄναυον), не случайно, что многие современные исследователи ассоциируют соответствующий населенный пункт с юго-(западом) страны, см. уже Šimek 1949: 41, 102, 108 и сл., Řehák, Květ 2002: 52 и ср. Kukuča 2017: 43, где удобно приводятся ссылки и на его иные локализации. Он не рассматривается как кельтский в Sims-Williams 2006, и анализируя лингвистически кельтские данные *Germania Magna* свода Птолемея, П. Де Бернардо Штемпель резонно рассматривает это географическое название среди некельтских и / или искаженных названий ареала (De Bernardo Stempel 2008: 191–2). Кс. Деламар, впрочем, включает Σιγγόνη в свой словарь древнекельтских географических названий, но никак его не комментирует и не приводит его этимологию (Delamarre 2012: 238). В другом словаре древнекельтской топонимии, вышедшем практически одновременно с работой Деламара (см. DCCPN), он не рассматривается. С точки зрения, высказанной в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 314–6, топоним не может быть германским, и со знаком вопроса допускается его кельтское, фракийское или дакийское происхождение. Он не рассматривается в связи с древнекельтской топонимией современной Словакии в работе Falileyev 2014: 107–119. Однако В. Блажек, впрочем, без ссылок на предыдущие исследования, настаивает на том, что географическое название Σιγγόνη является лингвистически кельтским (Blažek 2020: 152), и этот подход к интерпретации топонима нуждается в комментариях.

Аргументация Блажека сводится к следующему. Во-первых, он отмечает наличие производных от кельтск. **sing(i)*- в древнекельтской континентальной ономастике, напр. *Singi-dunum*, *Singiacus*, *Singilia* и т. д. При этом он ссылается на компендий А. Холдера *Alt-celtischer Sprachschatz*, опубликованный в 1896–1910 гг., и понятно, что за более чем век изучения древнекельтских языковых остатков Европы интерпретация их значительно изменилась. Более того, подавляющее большинство этих примеров кельтскими определенно не является, а подобная лингвистическая атрибуция немногих оставшихся форм вызывает значительные сомнения, ср. Sims-Williams 2006: 227 и см. подробно Falileyev 2013: 124–127. Справедливости ради следует отметить, что Деламар, для которого *Σγγόνη* является кельтским, при обсуждении *Singi-dunum* вынужден был все-таки отметить возможность иной лингвистической принадлежности **sing(i/o)*- (Delamarre 2012: 237). Второй аргумент Блажека состоит в том, что в островных кельтских языках имеется *comparanda*, которая позволяет интерпретировать древнекельтские данные. Этот аргумент тоже нельзя признать убедительным. Чешский ученый полагает, что сопоставление с др.-ирл. *séig* ‘сокол’ представляется наиболее перспективным для объяснения континентальных данных. Однако оно было давно уже признано «фонетически невозможным» (Sims-Williams 2006: 227), а П. Де Бернардо Штемпель упоминает о невозможности этого сопоставления с морфологической точки зрения (De Bernardo Stempel 2008: 192). Впрочем, этот упрек можно обойти, если вместе с Э. Шимеком рассматривать *Σγγόνη* как форму косвенного падежа, образованную от основы на *-n* (Šimek 1949: 40 и 102), ср. Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 314. Однако и в таком случае проблемы, связанные с интерпретацией *Singō (resp. *Singū) остаются.

Менее привлекательно (но возможно), с точки зрения Блажека, сопоставление с др.-ирл. *seng* ‘узкий’ (аналогично в Kukuča 2017: 69, ср. также De Bernardo Stempel 2008: 192, где приводится **sweng-*), но оно фонетически невозможно — ирландское слово традиционно возводят к общекельтск. **suengo-* (см. Matasović 2009: 363), а кельтск. **su-* сохраняется в галльском в отличие от ирландского.¹ Это является обще-

---

¹ Сходное заблуждение находим и в попытке А. И. Илиади (2021: 173) возвести название потока в бассейне реки Ваг *Kubrā* к кельтск. **kumb-ro-*. Для объяснения **-mbr-* > *br* автор ссылается на ирл. формы типа

принятым мнением и подтверждается не только ономастическими данными (ср. галльск. личное имя *Suadullus* и ирл. *Sadb* из кельтск. **suādu-* ‘сладкий’, см. Falileyev 2007: 133), но и данными немногочисленных галльских текстов, ср. *suio-re-be* < *suesor ‘сестра’ или *suante* < *suantā ‘желание’. Более того, уже эксплицитно было отмечено, что сопоставление первой части композита *Singi-dunum* с др.-ирл. *seng* ‘узкий’ маловероятно именно по этой причине (Matasović 2009: 363). Таким образом, анализ В. Блажеком топонима *Σγγόνη* как кельтского не может быть принят, в первую очередь — по причинам историко-фонетическим. Можно здесь отметить, что П. Де Бернардо Штемпель допускает возможность искаженности названия в тексте Птолемея, и в таком случае также указывает на и.-е. **seng^u*- (как в нем. *sinken*) как его источник (De Bernardo Stempel 2008: 192). Это крайне маловероятно по фонетическим причинам (и.-е. **g^u* > кельтск. *b), и.-е. корень не отражен в большинстве языков, включая кельтские, и сам факт его реконструкции, в частности, в германском языкознании, оспаривается. Немаловажно, что ни в древнекельтской ономастике и ни в общекельтском лексиконе мы не находим ни неоспоримых параллелей, ни надежных объяснений для *Σγγόνη*, см. Matasović 2009 или DCCPN.

К этому можно добавить и ряд соображений экстралингвистического порядка. Неоднократно отмечалось (ср. Falileyev 2007: 2–3; 2014: 11–12), что обычно в Восточной Европе кельтские географические названия не одиночны, а образуют своеобразные анклавы. Согласно многим историческим построениям, *Σγγόνη* должно быть локализовано в регионе линии, соединяющей сегодняшние Комарно и Нитра, ср. недавно Kukuča 2017: 68 с попытками указать более точное местоположение, *Šuranu* или (менее вероятно) *Nové Zámky*. Ареал известен своим «кельтским» археологическим ландшафтом (см.

ср. ирл. *co-brith* ‘помощь’, *cobir*, и т.д. Их использование некорректно (см. о приведенных формах, имеющих различную этимологию, Schumacher et al. 2004: 218–9 и 538–9), и, в любом случае, мы имеем дело тут с явлениями на морфемном шве после префикса *co(m/n)-* (см. DCCPN: 15). В указанной же позиции **-mb-* всегда сохраняется в галльском собственно Галлии (Evans 1967: 405), а в «восточнокельтском» отмечена возможность **-mb-* > *-(m)-* (Eska 2013: 55), что характерно и для цизальпийского галльского, см. Eska 2002. Поздняя аттестация гидронима (конец тринадцатого века) ставит дополнительные препятствия кельтской атрибуции, о чем см. ниже.

Pieta 2010: 13–14 *et passim*), и на этих территориях исследователи помещают и другие населенные пункты, упомянутые Птолемеем. Одно из них, Καλαμαντία, как было показано, не является кельтским по происхождению — см. (по-разному) Falileyev 2014: 112–14 и Repanšek 2015, а также иные подходы к его анализу, приведенные в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 118–20. Название Ἀναυον позволяет кельтскую лингвистическую интерпретацию (ср. De Bernardo Stempel 2008: 188), однако имеются существенные вопросы касательно и чтения топонима, и его местоположения (Falileyev 2014: 52–3 и 131–32). Иные табулирование местонахождений этого населенного пункта можно найти в Kukuča 2017: 43, где, между тем, вблизи от Σιγγόνη локализуется птолемеевский топоним Ἀρσικοῦα (с. 62), ср. уже Šimek 1949: 108 или Řehák, Květ 2002: 52. Впрочем, известны и иные его локализации, а кельтская лингвистическая интерпретация этого географического названия весьма проблематична и допускает иные лингвистические атрибуции, см. Falileyev 2014: 117–18. Птолемеевский Ἀνδοῦαίτιον, нередко рассматриваемый вместе с этой группой топонимов, все-таки достаточно далеко от нее отстоит чтобы рассматривать его в рамках указанного анклава, и его кельтское происхождение оспариваемо; см. Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 64–5 и ср. его локализации, собранные в Kukuča 2017: 43.

Очевидно, что лингвистически кельтская интерпретация топонима, зафиксированного исключительно в *Географии* Птолемея как Σιγγόνη, является весьма маловероятной, а существующие попытки объяснить его с точки зрения сравнительной грамматики кельтских языков оказываются крайне неудачными. Понятно, что даже сама лингвистическая атрибуция этого географического названия не может не оставаться спорной, однако одну из них следует выделить. С учетом наличия в этих краях в античности насельников, говоривших на дакийском (ср. понятие «дако-кельтский горизонт» в археологических построениях, см. Pieta 2010: 46–54), и в связи с формальной возможностью сопоставить другие присутствующие в этом ареале топонимы с весьма ограниченным «дакийским» корпусом (см. Falileyev 2014: 112–15), попытки увидеть в Σιγγόνη собственно дакийское географическое название (см. обзор в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 315–16) представляются вполне уместными. Они основаны, в первую очередь, на сопоставлении Σιγγόνη с первой частью известного топонима *Singi-dava* в Дакии (см. Bogdan-Cătănicu 1987/8: 152–3), вторая часть

которого бесспорно является дакийской и означает ‘город’, ‘поселение’ *vel sim.*, см. в связи с этим Janakiewa 1990 и Sims-Williams 2006: 315–16. Понятно, что имеются сложности с интерпретацией этого компонента и на палеобалканском уровне (см. Falileyev 2013: 126–7), однако возможность анализа толемеевского Συγγόνη как дакийского географического названия нельзя исключать из внимания.

II. К предьстории гидронима Орава

Гидроним Орава засвидетельствован достаточно поздно (*Arawa* 1689, *Arua* 1287, 1316, 1330, *Arva* 1550, 1619, *Árva Fluß* 1786, *Arwa* 1323, 1677 и т.д.), и согласно А. К. Шапошникову (2012: 218) мы имеем тут «древнее субстратное словообразование, скорее всего, кельтского происхождения. Но не исключена возможность иллирийской или венецкой природы этого топонима»². Понятно, что об «иллирийской» или, тем более, венецкой версии происхождения речного названия говорить здесь не приходится (ср. Falileyev 2020: 972–3), и существенные возражения вызывает собственно кельтский подход к его анализу. Согласно Шапошникову (2012: 216), для его анализа «с учётом семантики нескольких гидронимов бассейна Оравы, таких как *Polianova*, *Pol'anový Kriváň*, *Pol'ana*, *Pol'anový potok*, *Pol'ansky potok*, *Pol'anka*, *Pol'anky*, однокоренных словц. диал. *polianka* ‘meadow, pasture, луг, сенокос, пастбище в лесу’ [...], следует вновь вернуться к этимологии на базе и.-е. **arəu-o-* ‘Ackerland, пашня, поле, пригодное для пахоты’ [...]. Даже в таком виде этимология гидронима Орава предполагает вполне удовлетворительную первичную семантику ‘река, местность, изобилующая полями, полянами в лесу, пригодными для пахоты’. Но нельзя полностью исключить и вторичную номинацию реки и ее долины по этнониму заселявшего местность племени. Т. е. ‘река / долина племени обитателей полей’». Исследователь предполагает, что «[о]собенно близкими древней форме гидронима Орава оказываются три галльских гидронима *Arva* — ныне реки *Erve*, приток *Sarthe* и *Sablé*; *l'Avre*, приток *Eure*; *l'Auve*, *Arvanna* — ныне река *l'Orvanne*. Упомяну также производные этнонимы *Arvii*, *Arvaci* = *Aravaci*, *Aravisci*» (loc.cit.). Для своих изысканий Шапошников использует данные и их достаточно пунктирный

² О суффиксе *-ava* в гидронимии Словакии см., напр., Závodný 2008.

анализ из компендия А. Холдера, и предложенная им интерпретация вызывает недоверие.

Оставляя в стороне этнонимы, чья интерпретация — несмотря на многие недавние попытки — остается достаточно спорной (см. DCCPN: 53, 55 и 59 с дальнейшей библиографией), обратимся к анализу собственно гидронимов современной Франции, приведенных в этой связи Шапошниковым. Как оказывается, в настоящее время исследователи действительно допускают лингвистически кельтское происхождение совр. *l'Arve* (две реки), *l'Evre* и *l'Arvan*, однако их этимология продолжает все равно вызывать споры. Так, Кс. Деламар возводит их к кельтск. **arvā < ? *arauā*, и описывает это построение как «pt.-ê. celtique **ar-awā* avec un deuxième membre mal identifié» (Delamarre 2012: 63). В более недавней работе этот же автор приводит кельтск. **aruo-*, который — как и Шапошников в своем анализе гидронима Орава — он сопоставляет с валл. *erw* 'поле' и т. д., однако указанные речные названия здесь он не приводит (Delamarre 2019: 82). В этом же труде мы находим и кельтск. реконструкцию, сопоставимую с приведенной выше «pt.-ê. celtique **ar-awā*», viz. *ar-aruo-*, которую Деламар осторожно глоссирует как 'предок'. Понятно, что семантически она нерелевантна для наших построений, и автор не иллюстрирует ее нужными нам гидронимами (Delamarre 2019: 70). Однако мы обнаруживаем *l'Aure* и *l'Evre* в качестве иллюстрации кельтск. **araro-*, впрочем, не снабженного никакими этимологическими комментариями и указанным без значения (Delamarre 2019: 92). Многие приведенные в этой словарной статье географические названия имеют, скорее всего, различное происхождение,³ и не кажется случайным, что Деламар сопровождает здесь список гидронимов ссылкой на Delamarre 2012.

Понятно, что спорность этимологии и продолжающиеся дискуссии о лингвистической принадлежности гидронима, приведенного в качестве параллели, не делают его автоматически некельтским, хотя уверенности в обратном они, конечно, не добавляют. В этой связи следует обратить внимание на косвенные аргументы, приводимые Шапошниковым в пользу своей гипотезы. Два из них — о кельтской принадлежности гидро-

---

³ ср. DCCPN: 65–6 и ср. Sims-Williams 2006: 205 по поводу различной лингвистической атрибуции географических названий типа *Arba*, *Arva*, часть из которых действительно можно было бы сопоставить с валл. *erw* 'поле'.

нима Ваг и оронима Бескиды в водосборе Оравы — нельзя признать лингвистически убедительными, см. Falileyev 2014: 48 и 111. Согласно Шапошникову, «[т]ретий косвенный аргумент — обилие местных названий, производных от праслав. слова *sigla (предположительно кельтского происхождения)», и он тоже вызывает возражения. Во-первых, приведенные им иллюстрации кельтск. **sigl-*, **sigil-*, **sigol-*, позаимствованные у Холдера — *Sigliniacus*, *Sigillius* и *villam nomine Sigolam* — либо подозрительно поздно засвидетельствованы, либо позволяют иную лингвистическую атрибуцию. Во-вторых, предложенное тут возведение кельтских протоформ к и.-е. **seik^h*- ‘выливать, течь, протекать’ невозможно, а к **sei-*, **soi-* ‘капать, течь, протекать, сырой, влажный’ выглядит, по крайней мере, *ad hoc*. В-третьих, невозможно представить, что субстратный кельтский топоним так хорошо был представлен в поздно засвидетельствованной топонимии. Это могло бы быть, скорее, одним из многих наблюдаемых в Восточной и Юго-Западной Европе случайных совпадений (ср. название главы «The long arm of coincidence» в Sims-Williams 2006: 27–37) типа топонима Галац (Galați) в дельте Дуная в современной Румынии, который нередко сопоставлялся с этнонимом *галаты* древности. Действительно, эта территория представляла собой своеобразный «кельтский анклав», и его географические названия неоспоримо кельтского происхождения (типа *Noviodunum*) мы находим в Географии Птолема; см. подробно в Falileyev 2007: 3–10. Однако этот топоним зафиксирован впервые в 1445 г., и его справедливо сопоставляют с куманск. *galat* (< перс. کلات ‘крепость’), см. Falileyev 2014: 34–39, где приводятся и другие примеры. В-четвертых, Шапошников сомневается в этимологии русск. диал. *сигла* ‘болото, топь’ М. Фасмера, однако эти сомнения не делают его кельтским по происхождению — см. в этой связи элегантное исследование Ю. А. Лаучюте (1986), посвященное этой группе слов, сохранившейся во многих языках.

Таким образом, ни этимологическое обоснование, ни косвенные аргументы в пользу кельтского лингвистического происхождения гидронима Орава не могут быть приняты. Конечно, территория, по которой протекает эта река, была связана с «кельтскими» передвижениями и поселениями по археологическим данным; см. в этой связи Pieta 2010: 32–6 *et passim* об «оравской археологической группе» или даже многозначительное название «Кельты на Ораве» заметки Huba 2014. Однако

наблюдения археологов не делают местные географические названия кельтскими по происхождению автоматически. Более того, комплексное исследование кельтской топонимии континентальной Европы, которое продолжается системно несколько десятилетий, указывает на то, что на востоке и юго-востоке континента гидронимы кельтского происхождения неизвестны: см. Falileyev 2014: 39–46 и Falileyev 2020. Примечательно, что сам Шапошников ссылается на полдюжины исследований, в которых рассматриваются славянские и до-славянские интерпретации гидронима Орава. К ним можно добавить и ряд других известных работ, в том числе и труды З. Бабука, в которой польским исследователем говорится о том, что даже при анализе его как предславянского нет никакой необходимости видеть в Ораве кельтский реликт (см. Falileyev 2014: 45).

В этой связи следует прокомментировать остроумную попытку А. И. Илиади (2021: 174) проанализировать гидроним *Nuduna*, локализуемый в этом регионе, как кельтское наследие. Согласно исследователю, его следует рассматривать «как сложное *nāu-dūn ‘лодочная пристань’, ‘укрепление с пристанью для лодок’, ср. к составляющим др.-ирл. *nau* ‘лодка’ и *dūn* ‘крепость, крепостной вал’». Действительно, в галльском мы находим **nauo-* ‘корабль’ (ср. Auson. *Epist.* 22,1 *nausum*) и **dūno-* ‘крепость, город’ *vel sim.* (см. DCCPN: 26 и 18), и, формально, композит **nauo-* & **dūno-* легко вписывается в известную и популярную модель номинации населенных пунктов с компонентом **dūno-*. Действительно, кельтск. *Carro-dunum* с многочисленными аттестациями по всей Европе представляет собой точную морфологическую параллель предложенной реконструкции, собственно ‘Город Колесниц’, см. Falileyev 2007: 14–7 и ср. Sims-Williams 2006: 60–1, Delamarre 2012: 107. Более того, исследователи отмечают использование кельтск. **nauo-* как в гидронимии, так и топонимии, см. Delamarre 2012: 204 но ср. DCCPN: 167. ‘Город Кораблей’, таким образом, оказывается вполне приемлемой интерпретацией (с участием других лексем подобные названия, возможно, и зафиксированы, ср. Sims-Williams 2006: 205), и если бы топоним **Nauodunum был бы обнаружен на карте Галлии, она была бы самоочевидной. А. И. Илиади полагает (*loc. cit.*), что на территории современной Словакии имеется «перенос на реку названия контактного географического объекта», и, действительно, подобные процессы весьма частотны в топонимии на островных кельтских языках. Для континентальной же древнекельтской

традиции наименования географических объектов, однако, подобное весьма нехарактерно, и если рассматривать предложенную гипотезу, то, получается, что кельтское название населенного пункта было перенесено на реку уже последующими насельниками региона. Этим можно было бы также попытаться объяснить развитие галльск. [au] в [u] в этом случае — как известно, в галльском дифтонг сохраняется, ср. Evans 1967: 145–7 и 395. Если же говорить о судьбе [ɥ] в интервокальной позиции в галльском, то отмечена тенденция к его исчезновению как в формах на *deo-* и *dio-* при *devo-* и *divo-* (Evans 1967: 397), хотя для «восточнокельтского» она не является определяющей (Eska 2013: 55).

При возможности такого формального подхода, однако, предложенный анализ предыстории гидронима *Nuduna* представляется маловероятным. Насколько мне известно, «кельтское» поселение, которое могло бы носить название ***Nauodunum*, в этих краях не идентифицировано, а первая аттестация гидронима датируется самым концом тринадцатого века. В принципе, представление о наличии древнекельтских гидронимов в Восточной Европе, как сказано выше, представляется неоправданным, а сохранение их до первых фиксаций в позднее Средневековье / Новое Время невозможным, ср. Falileyev 2014: 45 и Фалилеев 2020 в связи с рядом примеров с территории современной Украины. Для А. И. Илиади (2021: 174) важно, что *Nuduna* находится в ареале, «в котором логично ожидать сохранности кельтского топонимического субстрата, к коему причисляют и сам гидроним Орава [...] и его ономастическое окружение», ссылаясь на указанную работу А. К. Шапошникова. Однако предложенные в ней лингвистически кельтские интерпретации и гидронима, и его окружения, как было показано выше — несостоятельны. Таким образом, при формальной правильности анализа гидронима *Nuduna* в рамках кельтского языкознания факторы системного подхода не позволяют принять гипотезу о его кельтском происхождении.

Попутно можно отметить, что предпринятое А. И. Илиади (2021: 174) объяснение названия притока Малого Дуная *Gardubarto*, *Gardubartu* как рефлекс кельтск. **karro-dubro-* ‘Каменная вода’ также вызывает существенные возражения. Конечно, этот регион современной Словакии известен своим «кельтским» археологическим присутствием, однако даже формально предложенный поход является проблематичным. При анализе первой части композита Илиади ссылается на данные

островных кельтских языков (напр., вал. *carreg* ‘камень’), однако существуют значительные сомнения в наличии соответствующей лексемы в галльском и ее выделение из ономастического ландшафта древнекельтской Западной Европы, см. DCCPN: 13 s.v. *car-*. Конечно, в этом компоненте можно попытаться увидеть галльское название колесницы как в *Carrodunum*, о котором см. выше, или слово, означающее ‘любовь’ *vel sim.* (возможные примеры даны в Delamarre 2019: 186–8 s.v. *car-*, *cara-*, *caro-*), однако для объяснения второй части композита *-dubar(to)*, *-dubar(tu)* опять становится необходимым сослаться на искажение галльск. **dubro-* ‘вода’ в местных языках, как и на потерю соединительного *-o-* и даже [k] > [g] в инлауте. Впрочем, Илиаде учитывает фактор языковой передачи гидронима и в финальной его части (*-to*, *-tu*) видит «венг. *tó* [*tava*, *tavat*] ‘озеро’, ‘пруд’, использованное авторами документов для рецепции чужого названия к мадьярской водной номенклатуре с *-tó* в исходе». В этом построении неучтенными оказываются другие написания названия (*Karduberka*, *Chaduwocha*), которые трудно примирить с реконструированным **karro-dubro-* (recte **kar(r)o-dubro-*). Предыстория гидронима остается неясной, но кельтским по происхождению он, в связи с указанным комплексом причин, не является.

Литература

- Blažek V. Onomastic Evidence for Early Germanic and Celtic Contact in Central Europe // *Revisiting Dispersions — Celtic and Germanic ca. 400 BC—ca. 400 AD*. Washington 2020. С. 143–161.
- Bogdan-Cătănciu, I. 1987/8: Ptolemeu și Provincia Dacia. *Acta Musei Napocensis*. V. 24–5, 145–162.
- DCCPN — Falileyev, A. (in collaboration with A. E. Gohil and N. Ward). *Dictionary of Continental Celtic Place-Names*. Aberystwyth, 2010.
- De Bernardo Stempel, P. 2008: Celtic settlements in the south of Germania Magna: Ptolemy’s Geographical guide II, 11 §§ 29–30. In: *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 185–195.
- Delamarre, X. 2019: *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois: I. Ab- / Ixs(o)-*. Paris.
- Delamarre, X. 2012: *Noms de lieux celtiques de l’Europe ancienne*. Paris.
- Eska, J. 2002: Aspects of nasal phonology in Cisalpine Celtic. *Studia linguarum*. Vol. 3, 253–275.
- Eska, J. 2013: A salvage grammar of Galatian. *Zeitschrift für celtische Philologie*. Vol. 60, 51–63.
- Evans, D. E. 1967: *Gaulish Personal Names*. Oxford.
- Falileyev, A. 2007: *Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic origin in Dacia and Scythia Minor*. Aberystwyth.

- Falileyev, A. 2013: *The Celtic Balkans*. Aberystwyth.
- Falileyev, A. 2014: *In search of the Eastern Celts. Studies in geographical names, their distribution and morphology*. Budapest.
- Falileyev, A. 2015: Where linguistics fails: towards interpretations of some divine names in the Roman Danubian Provinces. *Culti e religiosità nelle province Danubiane*. Bologna, 167–176.
- Falileev, A. I. 2020: [Again about the Celtic hydronyms of the Northern Black Sea region]. *Vestnik drevney istorii [Bulletin of ancient history]*. Vol. 80/4, 970–978.
- Фалилеев, А. И. 2020: Вновь о кельтских гидронимах Северного Причерноморья. *Вестник древней истории*. 80/4, 970–978.
- Huba, P. 2014: Kelti na Orave. In: *Kelti na Slovensku: zbornik z konferencie 2014*. Žilina, 46–50.
- Iliadi, A. 2021: Miscellanea etymologica: toponymica. *Naukovi zapiski. Central Ukrainian State Pedagogical University named after V. Vinnichenko*. Series: Philological sciences. 193, 171–176.
- Илиади А. 2021: Miscellanea etymologica: toponymica. *Наукові записки, Центральноукраїнський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка*. Серія: Філологічні науки. 193, 171–176.
- Janakiewa, S. 1990: Apparition, diffusion et variantes des noms de lieux thraces a deuxieme theme -daba, -daga. In: *Studia in honorem Borisi Gerov*. Sofia, 120–124.
- Kukuča, J. 2017: *Dešifrovanie Magny Germánie (najstaršia mapa Slovenska a strednej Európy)*. Brno.
- Lauchyute, Yu. A. 1986: The role of extralinguistic factors in the etymologization of geographical terms. In: *Etymology 1984*. Moscow, 115–119.
- Лаучюте, Ю. А. 1986: Роль экстралингвистических факторов в этимологизации географических терминов. В сб.: *Этимология 1984*. М., 115–119.
- Matasović, R. 2009: *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden, Boston.
- Pieta, K. 2010: *Die keltische Besiedlung der Slowakei. Jüngere Latènezeit*. Nitra.
- Řehák, S., Květ, R. 2002: Eine neue Stellungnahme zum Groß-Germanien des Ptolemäus. *Regensburger Beiträge zur Regionalgeographie und Raumplanung*. Vol. 8, 41–56.
- Repaňšek, L. 2015: Καλαμαντία (Ptol. II,11,15). *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 19, 780–790.
- Repaňšek, L. 2015: Καλαμαντία (Ptol. II,11,15). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 19, 780–790.
- Scheungraber, C., Grünzweig, F., Nedoma, R. 2014: *Die altgermanischen Toponyme sowie ungermanische Toponyme Germaniens*. Wien.

- Schumacher, S., Schulze-Thulin, B., aan de Wiel, C. 2004: *Die keltischen Primärverben*. Innsbruck.
- Shaposhnikov, A. K. 2012: [Several arguments in favor of the Celtic etymology of the hydronym Orava]. In: *Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia*. Prešov, 216–219.
- Шапошников, А. К. 2012: Несколько аргументов в пользу кельтской этимологии гидронима Орава. В сб.: *Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia*. Prešov, 216–219.
- Sims-Williams, P. 2006: *Ancient Celtic Place-Names in Europe and Asia Minor*. Oxford.
- Stifter, D. 2012: Inscriptions Pseudocelticae. Wrong and premature ascriptions of inscriptions as Celtic. In: *Interpretierte Eisenzeiten*. Linz, 293–301.
- Stifter, D. 2015: Über die germanischen Namen auf den boischen Grosssilbern. In: *Germanische Altertumskunde: Quellen, Methoden, Ergebnisse*. Wien, 349–354.
- Šimek, E. 1949: *Velká Germanie Klaudia Ptolemaia*. Svazek III. Část 1. Brno.
- Závodný, A. 2008: Distribúcia sufixu *-ava* v slovenskej hydronymii. *Ономастичні науки*. № 2, 48–52.

Е. Г. Филимонов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН/ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. tequila.lime@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ И ЛАТИНСКОМ В СРАВНЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ (на материале текста Евангелия от Марка)¹

В работе представлены предварительные результаты исследования способов выражения детерминации (в первую очередь употребление артиклей) в греческом новозаветном койне и раннехристианском латинском в сравнении с современным английским на материале первых шести глав Евангелия от Марка.

Помимо закономерных соответствий, в материале наблюдается большое число случаев, где древнегреческому определённом артиклю в английском соответствует «парадоксальное» отсутствие артикля. Тем не менее, эти случаи хорошо объясняются меньшей ограниченностью употребления определённого артикля в древнегреческом по сравнению с английским.

Подробно рассмотрено употребление артикля при именах собственных в древнегреческом языке. Использование артикля при антропонимах можно связать с дискурсивным статусом референта, а также с его глобальной важностью для дискурса.

Рассмотрены особенности субстантивации. В древнегреческом она гораздо более свободна и охватывает без ограничений те же классы зависимых, что и в английском, а также наречия и предложные группы. Предложные группы и посессивные зависимые в нашем материале всегда оформляются артиклем, включая нереферентные и неопределённые употребления, тяготеют к такому оформлению и субстантивированные причастия.

Дополнительными косвенными средствами выражения детерминации в латинском и древнегреческом являются инкорпорация имени в глагол и вербализация.

Ключевые слова: Новый Завет, Евангелие от Марка, детерминация, референтность, нереферентность, определённость, неопределённость, древнегреческий язык, койне, латинский язык, английский язык, имя собственное, субстантивация, инкорпорация.

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-28-00531 («Грамматика скрытых категорий в латинском и древнегреческом языках»).

E. G. Filimonov

St. Petersburg State University, Russia

M. L. Fedotov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg State University, Russia.

tequila.lime@gmail.com

Means of expressing determination in Ancient Greek and Latin in comparison with English (in the text of the Gospel of Mark)

This paper presents the preliminary results of a comparative study of the means of expressing determination (mostly the articles) in Ancient Greek (New Testament Koine) and Latin in comparison with Modern English on the basis of the first six chapters of the Gospel of Mark.

Apart from the expected correspondences, the material showed a high number of cases where the Ancient Greek definite article corresponded to a “paradoxical” absence of article in English. Nevertheless, these cases can be well explained by the (already noted in the literature) much freer use of the definite article in Ancient Greek as compared to English.

The use of the article in Ancient Greek for proper nouns is considered. With anthroponyms, it can be tied to the discursive status of the referent: the degree of its activation/identifiability. As a rule, the first use of an anthroponym either is not accompanied by an article or a modifier (i.e. it is a bare noun: *ἰωάννης*), or is accompanied by a restrictive modifier (as in *ἰωάννης ὁ βαπτίζων* ‘John the Baptist’). In further uses, the anthroponym may acquire its own article (*ὁ ἰωάννης*). The likelihood of the use of the article seems to be additionally influenced by the global importance of the referent for the discourse. Practically all non-first uses of the name of Jesus Christ in our material are accompanied by the article, while in the other three analysed cases (names of apostles), its frequency is much lower.

The peculiarities of substantivation are considered. In Ancient Greek, substantivation is again much freer and covers not only the same classes of modifiers as in English (without restrictions), but also adverbs and prepositional phrases. Prepositional groups and possessive dependents always have the article, even in non-referential/indefinite uses. Substantivized participles in our material seemingly tend to do the same.

For Latin, no quasi-article uses of pronouns were attested. However, there are isolated instances of the use of possessive dependents in the Latin translation as equivalents of the definite article.

An additional indirect means of expressing non-specificity in Latin and Ancient Greek are the marginal processes of incorporation and verbalization.

Keywords: New Testament, Gospel of Mark, determination, reference, definite, indefinite, specific, non-specific, Ancient Greek, Koine, Latin, English, proper noun, substantivation, incorporation.

Введение

В настоящей работе представлены предварительные результаты сопоставительного исследования способов выражения детерминации в греческом новозаветном койне² и раннехристианском латинском (двух разных переводов Нового Завета)³ языках в сравнении с современным английским⁴ на материале Евангелия от Марка. Проанализирован материал первых шести глав (для отдельных сюжетов — первых десяти глав). Русские переводы примеров приводятся по «Новому русскому переводу» ИВС 2006 г.

В работе используется преимущественно понятийно-терминологический аппарат из (Plungian 2011: 222–236). Под детерминацией понимается семантическая зона, объединяющая противопоставления по референтности-нереферентности и определённости-неопределённости.

В древнегреческом, равно как и в современном английском, имеются грамматикализованные средства выражения контрастов по детерминации — артикли. В древнегреческом имеется противопоставление определённого артикля *ὁ/ἡ/τό* значимому отсутствию артикля (∅) (van Emde Boas et al. 2019: 328–338). В английском — определённого артикля *the* неопределённому артиклю *a(n)* и значимому отсутствию артиклей (∅) (Quirk et al. 1985: 253–254, 265–287).

В латинском отсутствуют подобные грамматикализованные средства (Ernout, Thomas 1964: 191–192), вместо них иногда используются лексические средства. Также в латинском — равно как и в древнегреческом — имеется (маргинальная) словообразовательная модель с инкорпорацией имени в глагол типа лат. *belligerare* ‘вести войну’ от *bellum gerere* или *animadvertere* ‘обращать внимание’ от *animus advertere*, предполагающая придание исходному имени нереферентного статуса (Zheltova, Zheltov 2022).

---

² Использовался текст 26-го/27-го издания Нестле-Аланда, доступный по ссылке <https://www.sacred-texts.com/bib/gnt/mar.htm>.

³ Были рассмотрены ранний латинский перевод (Vetus Latina, Итала) (<https://cudl.lib.cam.ac.uk/view/MS-NN-00002-00041/552>) и Климентова Вульгата (<https://vulsearch.sourceforge.net/html/Mc.html>).

⁴ Был использован перевод “New International Version» (<https://www.biblegateway.com/passage/?search=mark+1&version=NIV>).

Для латинского языка рассматриваемого периода также можно было ожидать появления в отдельных случаях употребления указательного местоимения *ille* 'вон) тот' и числительного / неопределённого местоимения *unus* 'один' в качестве эквивалентов древнегреческому определённом артиклю и отсутствию артикля⁵. А. Эрну и Ф. Тома приводят подобные примеры для *ille* из раннего латинского перевода Библии (Италы) (Ernout, Thomas 1964: 192–193). Тем не менее, в нашем материале подобные примеры не встретились.

Анализ материала в работе базируется в основном на сравнении древнегреческого и современного английского текстов, поскольку оба языка характеризуются грамматикализованными и частотными показателями детерминации.

Отдельные наблюдения, касающиеся латинского языка, излагаются в тех же подразделах, что и близкие явления древнегреческого и английского (3.1.2, 3.1.3, 3.3).

Будут рассмотрены случаи «тривиальных» соответствий между древнегреческим и английским (где имеется ожидаемое совпадение в использовании определённых артиклей или, наоборот, неопределённых/нулевых артиклей между двумя языками) (раздел 1). Затем будут описаны случаи несовпадения: тривиальные, объяснимые слабостью контекста (раздел 2), и нетривиальные, которые можно объяснить различным устройством грамматических систем двух языков (раздел 3): особенностями употребления артиклей с именами собственными, посессивными зависимыми и указательными местоимениями-прилагательными (подразделы 3.1.1–3.1.3) и особенностями процесса субстантивации (подраздел 3.2). Отдельно будут кратко рассмотрены инкорпорация имени в глагол и вербализация (раздел 4).

1. Ожидаемые (тривиальные) соответствия между древнегреческим и английским

Исходя из предполагаемой семантики исследуемых единиц, можно ожидать их систематической эквивалентности друг другу при переводе.

---

⁵ Такие употребления можно было бы назвать «квазиартиклевыми» и считать предвестниками определённых и неопределённых артиклей на базе местоимений 'этот' и 'один' в романских языках. Впрочем, в силу переводного статуса латинского текста Нового Завета для *ille* не исключена искусственная передача древнегреческого артикля сколько-то подходящим средством.

Первое ожидаемое соответствие: др.-гр. определённый артикль *ὁ/ἡ/τό* — англ. определённый артикль *the* — для зоны определённости. Ср. примеры на текстовую (анафорическую) определённую, где референт уже был введён ранее в дискурсе:

- (1) Др.-гр. 1:9–10 *...καὶ ἐβαπτίσθη εἰς τὸν ἰορδάνην ὑπὸ ἰωάννου. καὶ εὐθὺς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος...*
 Лат.^{Ст.} 1:9–10 *...et baptizatus est in iordanen ab iohannen. et ascendens de aqua...*
 Лат.^{В.} 1:9–10 *...et baptizatus est a Joanne in Jordane. Et statim ascendens de aqua....*
 Англ. 1:9–10 *...and was baptized by John in the Jordan. Just as Jesus was coming up out of the water....*
 ‘...и тоже был крещен Иоанном в Иордане. И когда Иисус выходил из **воды**...’
- (2) Др.-гр. 1:29 *καὶ εὐθὺς ἐκ τῆς συναγωγῆς ἐξελθόντες ἦλθον εἰς τὴν οἰκίαν σίμωνος καὶ ἀνδρέου μετὰ ἰακώβου καὶ ἰωάννου.*
 Лат.^{Ст.} 1:29 *procedens autem de synagoga uenit in domum simonis et andreae cum iacobo et iohannen*
 Лат.^{В.} 1:29 *Et protinus egredientes de synagoga, venerunt in domum Simonis et Andreae, cum Jacobo et Joanne.*
 Англ. 1:29 *As soon as they left the synagogue, they went with James and John to the home of Simon and Andrew.*
 ‘Из **синагоги** они с Иаковом и Иоанном сразу же пошли домой к Симону и Андрею’ (референт ‘синагога’ был введён в дискурс ранее в 1:21, см. пример (3) далее).

Разновидность ситуативной определённости — т. н. бриджинг, при котором референт упоминается в первый раз, но может быть легко идентифицирован исходя из уже активированного связанного с ним другого референта: в городе обычно есть синагога, в доме обычно есть дверь:

- (3) Др.-гр. 1:21 *καὶ εἰσπορεύονται εἰς καφαρναούμ. καὶ εὐθὺς τοῖς σάββασιν εἰσελθὼν εἰς τὴν συναγωγὴν ἐδίδασκεν.*
 Лат.^{Ст.} 1:21 *et ingrediuntur capharnaum et statim sabbato ingressus in synagoga docebat eos.*
 Лат.^{В.} 1:21 *Et ingrediuntur Capharnaum: et statim sabbatis ingressus in synagogam, docebat eos.*
 Англ. 1:21 *They went to Capernaum, and when the Sabbath came, Jesus went into the synagogue and began to teach.*
 ‘Когда они пришли в Капернаум, Иисус в первую же субботу пошел в **синагогу** и учил там’.

- (4) Др.-гр. 2:1–2 ...ἠκούσθη ὅτι ἐν οἴκῳ ἐστίν. καὶ συνήχθησαν πολλοὶ ὥστε μὴκέτι χωρεῖν μηδὲ τὰ πρὸς **τὴν θύραν**...
- Лат.^{Ст.} 2:2 *et auditum est · quod in domo esset et confestim conuenerunt multi ut iam non posset capere · usque ad ianuam ...*
- Лат.^{В.} 2:2 *et auditum est quod in domo esset, et convenerunt multi, ita ut non caperet neque ad januam....*
- Англ. 2:1–2 ...*the people heard that he had come home. They gathered in such large numbers that there was no room left, not even outside **the door**....*
- ‘...и в городе стало известно, что Он дома. К Нему собралось столько людей, что не было места даже в **дверях**...’.

Уникальность — референт упоминается в первый раз, но может быть идентифицирован исходя из общих знаний о мире (ср. для новозаветного койне: Blass, Debrunner 1961: 132):

- (5) Др.-гр. 4:6 καὶ ὅτε ἀνέτειλεν ὁ ἥλιος ἐκαυματίσθη...
- Лат.^{Ст.} 4:6 *et quando exhortus est sol · exestuauit...*
- Лат.^{В.} 4:6 *et quando exortus est sol, exestuauit...*
- Англ. 4:6 *But when **the sun** came up, the plants were scorched...*
- ‘но когда взошло **солнце**, оно опалило ростки...’
- (6) Др.-гр. 3:22 ὅτι βεελζεβούλ ἔχει, καὶ ὅτι ἐν τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια
- Лат.^{Ст.} 3:22 *quoniam beelzebub habet · et quia in principe(m) **daemoniorum** eicit daemonia*
- Лат.^{В.} 3:22 *Quoniam Beelzebub habet, et quia in principe **daemoniorum** ejicit daemonia.*
- Англ. 3:22 “*He is possessed by Beelzebub! By **the prince of demons** he is driving out demons.*”
- ‘Он одержим Веельзевулом. Он изгоняет демонов силою **повелителя демонов** [= Веельзевула].’

Второе ожидаемое соответствие: др.-гр. отсутствие артикля (∅) — англ. неопределённый артикль *a(n)* либо отсутствие артикля (∅)⁶ — для зоны неопределённости/нереферентности.

⁶ Поскольку в древнегреческом имеется только одно средство, противопоставленное определённому артиклю, — нулевой артикль (отсутствие артикля), то и для английского мы в основном не делаем разницы между неопределённым и нулевым артиклями, выбор между которыми для маркирования неопределённых и нереферентных контекстов определяется в первую очередь грамматическим числом и исчисляемостью-неисчисляемостью существительного, ср. исчисляемое ед. ч. *a tiger*, исчисляемое мн. ч. *∅ tigers*, неисчисляемое *∅ water* (Quirk et al. 1985: 265).

Ср. контексты неопределённости, где в дискурс вводится новый референт:

- (7) Др.-гр. 1:23 *καὶ εὐθὺς ἦν ἐν τῇ συναγωγῇ αὐτῶν ἄνθρωπος ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ, καὶ ἀνέκραξεν...*
 Лат.^{Ст.} 1:23 *et erat in synagoga homo in spu immundo et exclamavit...*
 Лат.^{В.} 1:23 *Et erat in synagoga eorum homo in spiritu immundo : et exclamavit...*
 Англ. 1:23 *Just then a man in their synagogue who was possessed by an impure spirit cried out...*
 ‘Как раз в это время в синагоге находился человек, одержимый нечистым духом, который вдруг закричал...’

Нереперентные контексты, где производится отсылка к типу, классу объектов — к денотату, а не к конкретным референтам:

- (8) Др.-гр. 1:10 *...τὸ πνεῦμα ὡς περιστερὰν καταβαῖνον εἰς αὐτόν·*
 Лат.^{Ст.} 1:10 *...spm tamquam columbam descendente(m) in ipsum*
 Лат.^{В.} 1:10 *...Spiritum tamquam columbam descendentem, et manentem in ipso.*
 Англ. 1:10 *...the Spirit descending on him like a dove.*
 ‘...[увидел] Духа, спускающегося на Него в образе голубя [досл. «как голубь»]’.
- (9) Др.-гр. 2:22 *καὶ οὐδεὶς βάλλει οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς παλαιούς...*
 Лат.^{Ст.} 2:22 *et nemo mittit nouellum uinum in utres ueteres...*
 Лат.^{В.} 2:22 *Et nemo mittit vinum novum in utres veteres...*
 Англ. 2:22 *And no one pours new wine into old wineskins...*
 ‘И никто не наливает молодое вино в старые бурдюки...’

Особняком стоит функция обращения, в которой и в древнегреческом, и в английском существительные используются без артикля:

- (10) Др.-гр. 4:38 *...καὶ λέγουσιν αὐτῷ, διδάσκαλε, οὐ μέλει σοι ὅτι ἀπολλύμεθα;*
 Лат.^{Ст.} 4:38 *...et dicunt illi magister non ad te [pe]rtinet quod pereamus*
 Лат.^{В.} 4:38 *...et dicunt illi : Magister, non ad te pertinet, quia perimus ?*
 Англ. 4:38 *...and said to him, “Teacher, don’t you care if we drown?”*
 ‘...и сказали: — Учитель! Неужели Тебе всё равно, что мы гибнем?’

Насколько же часто реально встречаются в материале ожидаемые соответствия древнегреческого *ὁ/ἡ/τό* английскому *the* и

древнегреческого $\emptyset$ английским $a(n) / \emptyset$? Обобщённые данные по первым шести главам Евангелия от Марка представлены в Таблице 1. (В анализе и при подсчётах учитывались все случаи, в которых и в древнегреческом, и в английском текстах содержались эквивалентные друг другу существительные либо субстантивированные единицы).

Таблица 1. Распределение проанализированных контекстов по соответствиям между использованными показателями детерминации.

	Глава 1	Глава 2	Глава 3	Глава 4	Глава 5	Глава 6	Всего
Др.-гр. $\acute{o}/\eta/\tau\acute{o}$ — англ. <i>the</i>	45	39	21	47	45	37	234
Др.-гр. $\acute{o}/\eta/\tau\acute{o}$ — англ. $a(n) / \emptyset$	45	38	42	30	31	64	250
Др.-гр. $\emptyset$ — англ. <i>the</i>	7	3	2	7	1	6	26
Др.-гр. $\emptyset$ — англ. $a(n) / \emptyset$	34	23	35	25	25	51	193

Как можно видеть, если отталкиваться от древнегреческого, явное преобладание ожидаемых соответствий наблюдается только во второй паре (193 >> 26): английский неопределённый артикль или отсутствие артикля использован в переводе 88,1% всех случаев отсутствия артикля в древнегреческом. В первой же паре ожидаемое и «аномальное» соответствия распределены примерно поровну и даже в пользу «аномального» (234 < 250): английский определённый артикль использован только для 48,3% всех употреблений в древнегреческом определённого артикля.

Если же отталкиваться от английского, явное преобладание наблюдается только в первой паре соответствий (234 >> 26): древнегреческий определённый артикль зафиксирован в 90% всех случаев, где в английском переводе используется определённый артикль. Для второй пары соответствий, напротив, вновь наблюдается соотношение, обратное ожидаемому (193 < 250): древнегреческое отсутствие артикля соответствует английскому неопределённому артиклю или отсутствию артикля только в 43,6% всех употреблений вторых. А более чем в половине случаев в древнегреческом им соответствует, на первый взгляд, «аномальный» определённый артикль.

Наблюдаемые отклонения от наших предварительных ожиданий, сформулированных исходя из базовой семантики исследуемых единиц, в самых общих чертах объясняются отмечавшимся в литературе более широким и свободным употреблением определённого артикля в древнегреческом по сравнению с английским (van Emde Voas et al. 2019: 328). Более подробные объяснения и разбор конкретных видов системных различий в употреблении артиклей в древнегреческом и английском будут даны в разделе 3.

2. Тривиальные несовпадения: «слабые» контексты

Некоторая часть (по всей видимости, небольшая) «несовпадений» между древнегреческим и английским текстами с точки зрения использованных артиклей объясняются тривиально — «слабостью» контекста. Иными словами, такие контексты допускают разночтения в отношении референциального статуса некоторой именной группы, не задают его жёстко. В результате при переводе иногда реализуется не та референциальная интерпретация, что в оригинале (что приводит к использованию определённого артикля вместо неопределённого / его отсутствия и наоборот).

Так, в примере (11) в древнегреческом, по всей видимости, ‘дни’ интерпретируются как новый и неидентифицируемый для адресата референт. В английском же, хотя референт ‘время’ здесь также упоминается впервые, мы имеем дело с интерпретацией, при которой он может быть идентифицирован через придаточное: ‘то время, когда жених будет взят от них’ (а придаточное, соответственно, воспринимается как рестриктивное — в отличие от древнегреческого текста):

- (11) Др.-гр. 2:20 ἐλεύσονται δὲ ἡμέραι ὅταν ἀπαρθῆ ἀπ’ αὐτῶν ὁ νυμφίος...
- Лат.^{Ст.} 2:20 *uenient autem **dies** cum auferetur ab ei sponsus...*
- Лат.^{В.} 2:20 *Venient autem **dies** cum auferetur ab eis sponsus...*
- Англ. 2:20 *But **the time** will come when the bridegroom will be taken from them...*
- ‘Но придут **дни**, когда жених будет взят от них...’

Показательно, что в английском в этом контексте также может быть использован и неопределённый/нулевой артикль — ср. варианты перевода того же стиха: *But a time will come...* в Weymouth New Testament и *But days will come when...* в Darby Bible и Lexham English Bible.

В некоторых случаях разница в маркировании порождается за счёт выбора разных лексико-синтаксических средств для передачи одного и того же смысла:

- (12) Др.-гр. 1:32 *ὄψις δὲ γενομένης, ὅτε ἔδυν ὁ ἥλιος...*
 Лат.^{Ст.} 1:32 *vespere autem facta cum occidisset sol...*
 Лат.^{В.} 1:32 *Vespere autem facta cum occidisset sol...*
 Англ. 1:32 *That evening after sunset...*
 ‘Вечером же, после захода солнца...’

В древнегреческом (и в латинском) в этом стихе мы видим, дословно, «зашло солнце», тогда как в английском оба смысла переведены одним словом *sunset* ‘заход солнца’ (а обозначения времён суток с временными предложениями систематически принимают в английском нулевой артикль — Quirk et al. 1985: 278). Ср. пример (12) выше, где отдельное существительное ‘солнце’ в обоих языках маркируется определённым артиклем — по всей видимости, в силу уникальности референта.

Аналогично, в ряде случаев к разнице в маркировании приводит использование в одном тексте и неиспользование в другом нерестриктивного прилагательного в именной группе (делающего её неопределённой):

- (13) Др.-гр. 3:1 *...καὶ ἦν ἐκεῖ ἄνθρωπος ἐξηραμμένῃν ἔχων τὴν χεῖρα*
 [досл. «человек, иссохшей имеющий **DEF** руку»].
 Лат.^{Ст.} 3:1 *...et erat ibi homo aridam habens **manum***
 Лат.^{В.} 3:1 *...et erat ibi homo habens **manum** aridam.*
 Англ. 3:1 *...and a man with a shriveled **hand*** [досл. «человек с **INDEF** иссохшей **рукой**»] *was there.*
 ‘...Там был человек с иссохшей **рукой**’.

- (14a) Др.-гр. 4:1 *καὶ ἐξῆλθεν πάλιν παρὰ τὴν θάλασσαν· καὶ πᾶς ὁ ὄχλος*
 [досл. «вся **DEF** толпа»] *ἦρχετο πρὸς αὐτόν...*
 Лат.^{Ст.} 4:1 *et processit iterum ad mare et omnes **turba** veniebat ad eum...*
 Лат.^{В.} 4:1 *Et egressus est rursus ad mare, omnisque **turba** veniebat ad eum...*
 Англ. 4:1 *Once again Jesus went out beside the lake. A large **crowd***
 [досл. «**INDEF** большая толпа»] *came to him...*
 ‘Однажды Иисус опять вышел к озеру. Весь **народ** шел к Нему...’.

Ср. очень близкий контекст в стихе 4:1, где представлены те же две разные стратегии, но где, наоборот, в древнегреческом использовано нерестриктивное прилагательное, а в английском оно не включено в именную группу:

(14б) Др.-гр. 4:1 *καὶ πάλιν ἤρξατο διδάσκειν παρὰ τὴν θάλασσαν. καὶ συναγεται πρὸς αὐτὸν ὄχλος πλείστος* [досл. «толпа величайшая»]...

Лат.^{Ст.} 4:1 *et coepit iterum docere ad mare et congregata est ad eum **turba multa**...*

Лат.^{В.} 4:1 *Et iterum coepit docere ad mare : et congregata est ad eum **turba multa**...*

Англ. 4:1 *Again Jesus began to teach by the lake. **The crowd that gathered around him** was so large* [досл. «DEF толпа, которая собралась вокруг него, была так велика»]...

‘Иисус опять учил у озера. Вокруг Него собралась огромная толпа...’

А в стихе 6:34 и в древнегреческом, и в английском использована одинаковая стратегия (с нерестриктивным прилагательным) и, соответственно, в обоих языках представлено неопределённое маркирование:

(14в) Др.-гр. 6:34 *καὶ ἐξελθὼν εἶδεν πολλὸν ὄχλον* [досл. «большую толпу»]...

Лат.^{Ст.} 6:34 *et exientes et uidentes **turbam** ihs...*

Лат.^{В.} 6:34 *Et exiens vidit **turbam multam** Jesus...*

Англ. 6:34 *When Jesus landed and saw **a large crowd*** [досл. «INDEF большую толпу»]...

‘Когда Иисус сошел на берег и увидел большую толпу...’

3. Несовпадения, вызванные различием грамматических систем

В других случаях расхождение в использовании артиклей можно объяснить «нетривиальным» образом — различиями грамматических систем двух языков — и эти случаи как раз представляют наибольший исследовательский интерес. Мы рассмотрим несколько типов таких случаев отдельно.

3.1. Употребления с именами собственными, посессивными зависимыми и указательными местоимениями-прилагательными

Наибольшее число «нетривиальных» расхождений порождено, по всей видимости, т. н. контекстной вытеснимостью артиклей в английском (и её отсутствием в древнегреческом).

Как уже говорилось в разделе 1, древнегреческий характеризуется более свободным употреблением определённого артикля по сравнению с английским (van Emde Voas et al. 2019: 328). В английском же действует целый ряд ограничений на возможность употребления в именной группе артикля —

определённого или неопределённого. Артикль не употребляется в английском языке: а) при именах собственных (кроме некоторых специальных случаев) и при наличии в именной группе других «детерминативов» (с которыми артикли находятся в дополнительной дистрибуции), в том числе б) посессивных зависимых (препозитивных, типа *my...* или *John's...*, но не постпозитивных типа *...of John*), в) указательных местоимений *this, that*, г) вопросительных / относительных местоимений *whose, what, which*, д) квантификаторов / неопределённых местоимений *some, any, no, enough, every, each, either, neither* и др. (Quirk et al. 1985: 254, 256–257, 288, 290–294, 326).

В древнегреческом, напротив, с аналогичными единицами определённый артикль совершенно допустим и употребляется систематически (van Emde Boas et al. 2019: 330, 332–334; Schwyzer, Debrunner 1950: 24–26) — это наблюдается и в нашем материале (см. последующие подразделы).

Таблица 2. Распределение проанализированных контекстов по соответствиям между использованными показателями детерминации (более подробно).

	Глава 1	Глава 2	Глава 3	Глава 4	Глава 5	Глава 6	Всего
Др.-гр. <i>ὁ/ἡ/τό</i> — англ. <i>the</i>	45	39	21	47	45	37	234
Др.-гр. <i>ὁ/ἡ/τό</i> — англ. <i>a(n)</i>	2	3	4	6	4	5	24
Др.-гр. <i>ὁ/ἡ/τό</i> — англ. $\emptyset$	43	35	38	24	27	59	226
Др.-гр. $\emptyset$ — англ. <i>the</i>	7	3	2	7	1	6	26
Др.-гр. $\emptyset$ — англ. <i>a(n)</i>	10	6	9	4	7	12	48
Др.-гр. $\emptyset$ — англ. $\emptyset$	24	17	26	21	18	39	145

Именно различные случаи контекстной вытеснимости артиклей в английском в основном отвечают за обсуждавшуюся в разделе 1 количественную «аномалию» в нашем материале,

где неожиданно большим оказывается «парадоксальное» соответствие английского неопределённого артикля или отсутствия артикля древнегреческому определённому артиклю. Это хорошо видно из более детального представления соответствий в нашем материале, где для английского раздельно посчитаны неопределённый артикль и отсутствие артикля (Таблица 2).

Как видно из таблицы, из 250 случаев «аномальных» соответствий (вторая и третья строки) абсолютное большинство на самом деле составляют случаи отсутствия артикля, а не неопределённого артикля в английском (226 >> 24). И именно к отсутствию артикля приводит в английском контекстная вытеснимость артиклей с именами собственными, посессивными зависимыми и т. д.

3.1.1. При именах собственных в древнегреческом мы нередко наблюдаем определённый артикль, ср. «Иордан» в примере (1) выше и примеры (15)–(16):

- (15) Др.-гр. 3:16 ...καὶ ἐπέθηκεν ὄνομα τῷ σίμωνι πέτρον...
 Лат.^{Ст.} 3:16 ...et inposuit *simoni* nomen *petrus*...
 Лат.^В 3:16 ...Et inposuit *Simonī* nomen *Petrus*...
 Англ. 3:16 ...*Simon* (to whom he gave the name *Peter*)...
 ‘[Итак, Иисус назначил двенадцать человек:] **Симона** (которому Он дал имя Петр)...’
- (16) Др.-гр. 1:2 καθὼς γέγραπται ἐν τῷ ἠσαΐα τῷ προφήτῃ...
 Лат.^{Ст.} 1:2 *sicut scriptum est in isaiaī prophetam*...
 Лат.^В 1:2 *Sicut scriptum est in Isaiaī propheta*...
 Англ. 1:2 *as it is written in Isaiah the prophet*...
 ‘Как написано у **пророка Исаии**...’

Примечание. Сама сочетаемость имён собственных с определённым артиклем семантически совершенно естественна, ведь они всегда отсылают к уникальным референтам, аналогично нарицательным именам типа ‘солнце’ (ср. примеры (5)–(6) в разделе 1). Те случаи, когда артикль употребляется уже при первом упоминании имени собственного (для общеизвестных референтов), по всей видимости, и нужно трактовать как частный случай определённости через уникальность — ср. «Иордан» в примере (1) и «у пророка Исаии» в примере (16).

Однако в других случаях употребление артикля при именах собственных скорее оказывается подобным текстовой (анафорической) определённости — отсылке к референту, уже упомянутому ранее в тексте (ср. примеры с нарицательными именами (1)–(2) в разделе 1). Об этом и пойдёт речь далее.

Отсутствие артикля при именах собственных также наблюдается часто⁷ — ср. «Иаковом и Иоанном... к Симону и Андрею» в примере (2), «Капернаум» в примере (3), «(одержим) Веельзевулом» в примере (6) выше, а также следующий пример:

(17) Др.-гр. 2:26 *πῶς εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον τοῦ θεοῦ ἐπὶ ἀβιαθὰρ ἀρχιερέως...*

Лат.^{Ст.} 2:26 *introibit in domum dei...*

Лат.^{В.} 2:26 *quomodo introivit in domum Dei sub Abiathar principe sacerdotum...*

Англ. 2:26 *In the days of Abiathar the high priest, he entered the house of God...*

‘Это произошло при первосвященнике Авиафаре. Давид вошел в храм...’

В целом для антропонимов можно сделать предположение о связи употребления/неупотребления определённого артикля собственно с дискурсивным статусом соответствующего референта — степенью его активированности/идентифицируемости⁸ в дискурсе (то есть, по сути, с противопоставлениями в той же плоскости, что и определённость-неопределённость).

Как правило первое использование антропонима либо не сопровождается ни артиклем, ни рестриктивными модификаторами (т. е. «чистое» имя: *ἰωάννης*), либо сопровождается рестриктивным модификатором, ср. *ἰωάννης ὁ βαπτίζων* ‘Иоанн (Креститель)’ или *ἰωάννην τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ* ‘Иоанна, его брата’⁹. В дальнейших же употреблениях при имени собствен-

⁷ Таким образом, в отличие от английского, где артикль при имени собственном в нормальном случае просто невозможен, в древнегреческом у говорящего есть выбор, использовать артикль или нет. Следовательно, имеется возможность выразить противопоставления, связанные с детерминацией, даже при имени собственном.

⁸ Мы пользуемся здесь терминологией К. Ламбрехта. Под идентифицируемостью понимается возможность установить референт данной именной группы; именно с идентифицируемостью-неидентифицируемостью связывается грамматическое противопоставление по определённости-неопределённости. Идентифицируемые референты далее различаются по степени их активации (активированности): неактивные (упоминавшиеся в дискурсе ранее, но потерявшие активацию), доступные (в т. ч. из ситуации или из общих знаний о мире) и активные (упоминавшиеся недавно) (Lambrecht 1994: 105–113).

⁹ Именные группы с такими рестриктивными модификаторами обычно содержат только один артикль — при модификаторе (*ἰωάννης*

ном может появляться определённый артикль при отсутствии модификатора (ср. *ὁ ἰωάννης*)¹⁰.

К примеру, имя собственное *ἰωάννης* ‘Иоанн (апостол, сын Зеведея)’ в первых десяти главах употребляется следующим образом:

- (18) 1:19 *ἰωάννην τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ* ‘Иоанна, его брата’
 1:29 *ἰωάννου*
 3:17 *ἰωάννην τὸν ἀδελφὸν τοῦ ἰακώβου* ‘Иоанна, брата Иакова’
 5:37 *ἰωάννην τὸν ἀδελφὸν ἰακώβου* ‘Иоанна, брата Иакова’
 9:2 *τὸν ἰωάννην*
 9:38 *ὁ ἰωάννης*
 10:35 *ἰακωβος καὶ ἰωάννης οἱ υἱοὶ ζεβεδαίου* ‘Иаков и Иоанн, сыновья Зеведея’
 10:41 *ἰωάννου*

Очень похожее употребление артикля наблюдается и в случае имени *Ἰακώβος* ‘Иаков (апостол, сын Зеведея)’:

- (19) 1:19 *ἰακωβον τὸν τοῦ ζεβεδαίου* ‘Иакова[, сына] Зеведея’ (= пример (32) далее)
 1:29 *ἰακώβου*
 3:17 *ἰακωβον τὸν τοῦ ζεβεδαίου* ‘Иакова[, сына] Зеведея’
 3:17 *τοῦ ἰακώβου*
 5:37 *ἰακώβου*
 5:37 *ἰακώβου*
 9:2 *τὸν ἰακωβον*

ὁ βαπτίζων). Иногда наблюдаются два артикля (в том случае, если антропоним отсылает к общеизвестному лицу, ср. Napoli 2009: 590), как *τῷ ἠσαΐα τῷ προφήτῃ* ‘пророк Исайя’ в примере (16). Подобное различие описывается и для обычных определений при именах нарицательных: в нейтральном типе *ὁ ἀνὴρ ὁ ἀγαθός* ‘хороший муж (опред.)’ вершина идентифицируема сама по себе, а в более редком типе *ἀνὴρ ὁ ἀγαθός* ‘хороший муж (опред.)’ вершина как правило не идентифицируема без информации, привносимой модификатором (иными словами, это рестриктивный модификатор) (van Emde Boas et al. 2019: 331). Наконец, что касается рестриктивности приложений с артиклем, ср.: «If an appositive has the article, it means that the word(s) to which it is appended is/are identifiable through the information added in the apposition: <...> *Θουκυδίδης Ἀθηναῖος*... ‘Thucydides, an Athenian...’ <...> Thucydides introduces himself for the first time to his readers; *Θουκυδίδης ὁ Ἀθηναῖος* would have meant ‘Thucydides the Athenian’ (already known as such)» (van Emde Boas et al. 2019: 330).

¹⁰ Аналогичное обобщение делается в (Moulton, Turner 1963/2005: 165–166).

10:35 *ἰάκωβος* καὶ *ἰωάννης* *οἱ υἱοὶ ζεβεδαίου* ‘Иаков и Иоанн, сыновья Зеведея’

10:41 *ιακώβου*

Кореферентные имена собственные *σίμων* ‘Симон (= апостол Пётр)’ и *πέτρος* ‘Пётр (апостол)’ демонстрируют в десяти главах более «строгую» последовательность употреблений. Первые пять раз используется *σίμων* без артикля и модификатора, шестой раз в стихе 3:16 уже используется *σίμων* с артиклем и впервые вводится *πέτρος* без артикля (в назывном употреблении), далее везде используется *πέτρος* с артиклем (за единственным исключением в стихе 8:33):

(20) 1:16 *σίμωνα*

1:16 *σίμωνος*

1:29 *σίμωνος*

1:30 *σίμωνος*

1:36 *σίμων*

3:16 καὶ ἐπέθηκεν ὄνομα *τῷ σίμωνι πέτρον* ‘и дал [Иисус] Симону имя Пётр’ (= пример (15) выше)

5:37 *τὸν πέτρον*

8:29 *ὁ πέτρος*

8:32 *ὁ πέτρος*

8:33 *πέτρῳ*

9:2 *τὸν πέτρον*

9:5 *ὁ πέτρος*

10:28 *ὁ πέτρος*

Наконец, особенно показательным представляется использование имени собственного *ἰησοῦς* ‘Иисус’. Оно встречается в первых десяти главах 49 раз, при этом в первых двух употреблениях использовано без артикля, а затем практически во всех последующих с артиклем (43 случая) (ср. пример (22) ниже), не считая трёх случаев обращений (где артикль невозможен) и одного с постпозитивным приложением с артиклем (10:47 *ἰησοῦς ὁ ναζαρηνός*):

(21) 1:1 *ἰησοῦ χριστοῦ* [*υἱοῦ θεοῦ*] ‘Иисуса Христа, Сына Божьего’

1:9 *ἰησοῦς*

1:14 *ὁ ἰησοῦς*

1:17 *ὁ ἰησοῦς*

1:24 *ἰησοῦ ναζαρηνέ* ‘Иисус Назаретянин! (обращение)’

1:25, 2:5, 2:8, 2:15, 2:17, 2:19, 3:7, 5:6 — **везде с определённым артиклем** (*ὁ ἰησοῦς* / *τῷ ἰησοῦ* / *τὸν ἰησοῦν*)

5:7 *ἰησοῦ* *ὡς* *τοῦ* *θεοῦ* *τοῦ* *ὑψίστου* ‘Иисус, Сын Всевышнего Бога! (обращение)’

5:15, 5:20, 5:21, 5:27, 5:30, 5:36, 6:4, 6:30, 8:27, 9:2, 9:4, 9:5, 9:8, 9:23, 9:25, 9:27, 9:39, 10:5, 10:14, 10:18, 10:21, 10:23, 10:24, 10:27, 10:29, 10:32, 10:38, 10:39, 10:42 — везде с определённым артиклем (*ὁ ἰησοῦς* / *τοῦ ἰησοῦ* / *τῷ ἰησοῦ* / *τὸν ἰησοῦν*)

10:47 *ἰησοῦς* *ὁ* *ναζαρηνός* ‘Иисус Назаретянин’

10:47 *ὡς* *δαυὶδ* *ἰησοῦ* ‘Иисус, Сын Давида! (обращение)’

10:49, 10:50, 10:51, 10:52 — везде с определённым артиклем (*ὁ ἰησοῦς* / *τὸν ἰησοῦν*)

Можно предположить, что для имён собственных, обладающих достаточной активированностью для *возможности* использования определённого артикля, на *вероятность* (частотность) его использования влияет более глобальная «важность», центральность соответствующего референта для данного дискурса, его близость к статусу протагониста. Так, по всей видимости, не случайно артикль используется практически во всех непервых употреблении имени Иисуса Христа (90%). Тогда как в трёх других рассмотренных случаях — имён апостолов Симона/Петра, Иоанна и Иакова — относительная частотность использования артикля значительно меньше — 50%, 25% и 22% от всех непервых употреблений соответственно¹¹.

Приведённые выше наблюдения и гипотезы относительно антропонимов хорошо согласуются с таковыми, высказанными ранее в работах (Napoli 2009: 589–595; Rijksbaron 2006/2018). М. Наполи на материале текстов Аристофана и Платона выделяет, помимо прочих, употребление артикля с антропонимами в анафорической функции: «Когда имя собственное упоминается говорящим впервые, оно как правило лишено артикля; однако, когда тот же говорящий упоминает его снова, мы часто обнаруживаем определённый артикль; в последующих упоминаниях артикль может быть опущен, особенно если при них присутствует предлог» (Napoli 2009: 592). А. Рейксбарон на материале «Анабасиса» и «Киропедии» Ксенофонта, а также диалога Платона «Федон» делает вывод о том, что определён-

¹¹ Ср. наблюдения в (Blass, Debrunner 1961: 136) по поводу имени Иисуса в Новом Завете в целом: «Ἰησοῦς takes the article as a rule in the Gospels, excluding perhaps John, except where an arthrous appositional phrase is added <...>. On the other hand, the article is omitted as a rule in the Epistles and Rev[elation] <...>». Аналогичные наблюдения делаются также в (Moulton, Turner 1963/2005: 166–167).

ный артикль с антропонимами выполняет функции, являющиеся расширением его исходной анафорической функции, а именно подчёркивание значимости персонажа в нарративном дискурсе — либо для его противопоставления другому персонажу (в том числе при чередовании говорящего при передаче диалогов), либо для выделения его роли как основного действующего лица в ситуации/повествовании (Rijksbaron 2006/2018: 319, 325–330, 332–333).

Что касается других имён собственных, в первую речь топонимов, использование/неиспользование артикля при них не демонстрирует в нашем материале подобных закономерностей, а диктуется, по всей видимости, лексическим распределением. Так, в первых десяти главах встречаются только с артиклем *ἡ ἰουδαία* ‘Иудея’ (3 вхождения), *ἡ γαλιλαία* ‘Галилея’ (9 вхождений), *ὁ ἰορδάνης* ‘[река] Иордан’ (4 вхождения, одно из них с приложением *ποταμῷ* ‘[в] реке’) — названия земель и рек. Напротив, встречаются только без артикля *τίρος* ‘[город] Тир’ (3 вхождения), *σιδών* ‘[город] Сидон’ (2 вхождения), *ἱεροσόλυμα* ‘Иерусалим’ (5 вхождений), *βηθσαϊδά* ‘[деревня] Вифсаида’ (2 вхождения) — названия населённых пунктов¹².

3.1.2. (Препозитивные) посессивные зависимые — один из классов зависимых, которые в английском не сочетаются с артиклями, находясь с ними в дополнительной дистрибуции. В древнегреческом же, напротив, определённый артикль в сочетании с посессивным зависимым может использоваться и как правило используется — ср. *τὴν πίστιν αὐτῶν* vs. *their faith* ‘их веру’ в примере (22) и *ἡ μήτηρ μου καὶ οἱ ἀδελφοί μου* vs. *my mother and my brothers* ‘моя мать и мои братья’ в примере (23а). При этом в древнегреческом также возможно и отсутствие артикля в случае, если посессивное зависимое не является рестриктивным и референт остаётся неопределённым/ нереферентным, ср. *ἀδελφός μου* ‘(некий) мой брат’ в примере (23б)¹³.

¹² Данные наблюдения согласуются с обобщениями в (Moulton, Turner 1963/2005: 170–172) (названия земель и рек обычно используются с артиклем, а названия городов — без), а также в (Blass, Debrunner 1961: 136–137).

¹³ Ср. также примеры в (Schwyzer, Debrunner 1950: 25): *ὁ σὸς ἀδελφός / ὁ ἀδελφός σου* ‘твой брат [единственный] («dein Bruder»)', *σὸς ἀδελφός, ἀδελφός σου* ‘один из твоих братьев («ein Bruder von dir»)'.

- (22) Др.-гр. 2:5 καὶ ἰδὼν ὁ ἰησοῦς τὴν πίστιν αὐτῶν λέγει τῷ παραλυτικῷ, τέκνον, ἀφίενταί σου αἱ ἁμαρτίαι.
 Лат.^{Ст.} 2:5 *cum uidisset autem ihs **fidem** illorum ait paralytico fili dimittuntur tibi **peccata tua**.*
 Лат.^{В.} 2:5 *Cum autem vidisset Jesus **fidem** illorum, ait paralytico : Fili, dimittuntur tibi **peccata tua**.*
 Англ. 2:5 *When Jesus saw **their faith**, he said to the paralyzed man, “Son, **your sins** are forgiven.”*
 ‘Иисус, видя их веру, сказал парализованному: — Мой сын, прощаются тебе твои грехи!’.
- (23а) Др.-гр. 3:34 ...ἴδε ἡ μήτηρ μου καὶ οἱ ἀδελφοί μου.
 Лат.^{Ст.} 3:34 *...ecce **mater mea** et **fratres mei***
 Лат.^{В.} 3:34 *...Ecce **mater mea** et **fratres mei**.*
 Англ. 3:34 *...Here are **my mother** and **my brothers**!*
 ‘[Он обвел взглядом сидящих вокруг Него людей и сказал:] — Вот Моя мать и Мои братья’.
- (23б) Др.-гр. 3:35 ...οὗτος ἀδελφός μου καὶ ἀδελφὴ καὶ μήτηρ ἐστίν.
 Лат.^{Ст.} 3:35 *...hic **meus frater** et **soror mea** et **mater** est*
 Лат.^{В.} 3:35 *...hic **frater meus**, et **soror mea**, et **mater** est.*
 Англ. 3:35 *...is **my brother** and **sister** and **mother**.*
 ‘[Кто исполняет Божью волю,] тот Мне брат и сестра, и мать’.

В связи с посессивными зависимыми можно также сделать небольшое наблюдение относительно латинского языка. В нашем материале имеются случаи, в которых в латинском переводе появляются подходящие по смыслу посессивные зависимые там, где их нет в древнегреческом оригинале (но имеется определённый артикль). Ср. αἱ ἁμαρτίαι ‘DEF грехи’, переданное в обеих латинских переводах как *peccata tua* ‘твои грехи’, в примере (22) выше и τὴν θύραν ‘DEF дверей’, переданное в Итале как *ianuam eius* ‘его дверей’, в примере (24):

- (24) Др.-гр. 1:33 καὶ ἦν ὅλη ἡ πόλις ἐπισυνηγμένη πρὸς τὴν θύραν.
 Лат.^{Ст.} 1:33 *et erat tota ciuitas congregata ad **ianuam eius*** [досл. «у **ego** [= Иисуса(?)/дома(?)] **дверей**»]
 Лат.^{В.} 1:33 *et erat omnis ciuitas congregata ad **ianuam**.*
 Англ. 1:33 *The whole town gathered at **the door**,*
 ‘Весь город собрался у дверей’.

Подобные случаи можно считать использованием в латинском посессивных местоимений как лексических средств передачи семантики определённости. Тем не менее, такие случаи единичны, в норме же в латинских переводах противопостав-

ление определённости-неопределённости при имени никак не выражается.

3.1.3. Аналогично, указательные местоимения-прилагательные, в древнегреческом, в отличие от английского, не имеют ограничений на сочетаемость с определённым артиклем.

Ср. примеры:

- (25) Др.-гр. 4:13 ...*οὐκ οἴδατε τὴν παραβολὴν ταύτην*...
 Лат.^{Ст.} 4:13 ...*nescitis parauolam hanc*...
 Лат.^{В.} 4:13 ...*Nescitis parabolam hanc*?...
 Англ. 4:13 ...*Don't you understand this parable?*...
 '... — Неужели и вы не поняли эту притчу? ...'
- (26) Др.-гр. 8:1 *ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις πάλιν πολλοῦ ὄχλου ὄντος*...
 Лат.^{Ст.} 8:1 *in illis autem diebus · iterum cum multa turba esset*...
 Лат.^{В.} 8:1 *In diebus illis iterum cum turba multa esset*...
 Англ. 8:1 *During those days another large crowd gathered*...
 'В те же дни, когда опять собралась большая толпа...'

Для латинских переводов, как уже говорилось во введении, можно было ожидать случаев употребления указательного местоимения и неопределённых местоимений / числительного 'один' как эквивалентов определённого артикля и отсутствия артикля в древнегреческом. Однако в нашем материале подобные примеры отсутствуют — латинские указательные и неопределённые местоимения используются только там, где их эквиваленты имеются в древнегреческом тексте.

3.2. Субстантивация

Как в английском, так и в древнегреческом субстантивация различных языковых единиц определённым образом взаимодействует с употреблением артиклей, и это взаимодействие в двух языках различается.

В английском субстантивации (без вспомогательной именной/местоименной вершины) может подвергаться сравнительно ограниченный набор типов именных зависимых — в первую очередь прилагательные (и некоторые местоимения-прилагательные, а также ограниченно — причастия), далее количественные числительные (и некоторые квантификаторы) и (препозитивные) посессивные зависимые.

Субстантивированные прилагательные в английском обычно требуют определённого артикля и обозначают либо генерическое множество людей (*the young* 'молодые [люди], молодёжь', либо неисчисляемую абстрактную сущность (*the*

unknown ‘неизвестное’) (Quirk et al. 1985: 421)¹⁴. Количественные числительные (Dryer 2004: 46) могут субстантивироваться как с определённым артиклем, так и с нулевым (*five* vs. *the five* ‘пять, пятеро’ — в зависимости от детерминации). Поссесивные зависимые (*John's* ‘Джонов, [тот, который] Джона’) [ibid.] — только без артикля (поскольку находятся с ним в дополнительной дистрибуции).

В древнегреческом субстантивация является гораздо более свободным процессом. Она охватывает все те же классы зависимых, что и в английском, — прилагательных (без семантических ограничений: *οἱ ἀγαθοί* ‘хорошие [люди]’, *ὁ ἀγαθός* ‘хороший [мужчина]’, *τὰ ἀγαθὰ* ‘хорошие [вещи]’), местоимений-прилагательных (*οὗτοι* ‘эти [люди]’), причастий (без ограничений: *οἱ τετραμένοι* ‘раненные’, *οἱ τὰς πολιτείας καθιστάντες* ‘[люди,] устанавливающие формы правления’ — ср. англ. *those who introduce forms of government* при невозможности * (*the) introducing forms of government*), количественных числительных (*οἱ δύο* ‘двое’), квантификаторов (*πάντες* ‘все [люди]’), поссесивных зависимых (*τὰ τῶν θεῶν* ‘[дела] богов’). Также ей могут подвергаться наречия (*οἱ ἔνδον* ‘[люди] внутри’) и предложные группы (*οἱ σὺν αὐτῷ* ‘[те, кто] с ним’) (van Emde Boas et al. 2019: 317–319, 335–336; Moulton, Turner 1963/2005: 13–18; Blass, Debrunner 1961: 138–140).

При этом про прилагательные и причастия сообщается, что они часто, хотя и не обязательно сопровождаются определённым артиклем. Про поссесивные зависимые, наречия и предложные группы — что использование артикля при них обязательно. Про местоимения-прилагательные, квантификаторы и количественные числительные — что обычно они, напротив, не сочетаются с артиклем (van Emde Boas et al. 2019: 317–319; Blass, Debrunner 1961: 138–140).

На нашем материале можно сделать следующие наблюдения относительно употребления артикля при субстантивации.

Субстантивированные прилагательные и количественные числительные встречаются как с артиклем, так и без — по всей видимости, в соответствии с их детерминацией (как и в английском):

¹⁴ Впрочем, если включать в понятие субстантивации случаи эллипсиса типа *The young students found the course difficult, the older found it easy*, то отменяется ограничение на генерическое прочтение.

- (27a) Др.-гр. 3:14 *καὶ ἐποίησεν δώδεκα ἵνα ὄσιν μετ' αὐτοῦ...*
 Лат.^{Ст.} 3:14 *et fecit ut essent · xii · cum ipso...*
 Лат.^{В.} 3:14 *Et fecit ut essent **duodecim** cum illo...*
 Англ. 3:14 *He appointed **twelve** that they might be with him...*
 ‘и из них Он избрал **двенадцать человек**, чтобы они всегда были с Ним...’
- (27б) Др.-гр. 4:10 *...ἠρώτων αὐτὸν οἱ περὶ αὐτὸν σὺν τοῖς δώδεκα τὰς παραβολάς.*
 Лат.^{Ст.} 4:10 *...interrogauerunt illum discipuli eius quae esset **parauola ista***
 Лат.^{В.} 4:10 *...interrogauerunt eum hi **qui cum eo erant duodecim, parabolam.***
 Англ. 4:10 *...**the Twelve** and the others around him asked him about the parables.*
 ‘[Позже, когда Иисус был один,] Его постоянные спутники вместе с **двенадцатью** спросили Его о притчах.’
- (28a) Др.-гр. 2:3 *καὶ ἔρχονται φέροντες πρὸς αὐτὸν παραλυτικὸν αἰρόμενον ὑπὸ τεσσάρων.*
 Лат.^{Ст.} 2:3 *et uenerunt ad eum · adferentes **paralyticum** qui a **quattuor** portabatur*
 Лат.^{В.} 2:3 *Et uenerunt ad eum ferentes **paralyticum**, qui a **quattuor** portabatur.*
 Англ. 2:3 *Some men came, bringing to him a **paralyzed man**, carried by **four of them.***
 ‘**четверо мужчин** принесли к Нему **парализованного.**’
- (28б) Др.-гр. 2:5 *καὶ ἰδὼν ὁ ἰησοῦς τὴν πίστιν αὐτῶν λέγει τῷ παραλυτικῷ...*
 Лат.^{Ст.} 2:5 *cum uidisset autem ihs fidem illorum ait **paralytico**...*
 Лат.^{В.} 2:5 *Cum autem uidisset Jesus fidem illorum, ait **paralytico**...*
 Англ. 2:5 *When Jesus saw their faith, he said to **the paralyzed man**...*
 ‘Иисус, видя их веру, сказал **парализованному**...’

Ср. также нереферентное *ἀγαθὸν* ‘хорошее, благо’ без артикля в примере (33) далее.

Субстантивированные причастия же в нашем материале, как кажется, более склонны к оформлению артиклем, даже в нереферентных/неопределённых употреблениях. Ср. разницу в примере (29) ниже в оформлении двух причастий (с артиклем) и двух прилагательных (без артикля) в древнегреческом; в английском же три прилагательных ожидаемо маркированы определённым артиклем. В примере (30) выраженный субстантивированным причастием референт ‘сеятель’ маркирован в древнегреческом артиклем, несмотря на свою неопределённость.

- (29) Др.-гр. 2:17 ...[ὅτι] οὐ χρείαν ἔχουσιν οἱ ἰσχύοντες [досл. «DEF здравствующие (являющиеся-крепкими)», причастие настоящего времени] ἰατροῦ ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες [досл. «DEF болющие (плохо себя-чувствующие)», причастие настоящего времени] οὐκ ἤλθον καλέσαι δικαίους [досл. «праведных», прилагательное] ἀλλὰ ἁμαρτωλοῦς [досл. «грешных», прилагательное].

Лат.^{Ст.} 2:17 ...*non desiderant qui sani sunt medicum · sed qui male habent non ueni uocare iustos · sed peccatores*

Лат.^{В.} 2:17 ...*Non necesse habent sani medico, sed qui male habent : non enim ueni uocare justos, sed peccatores.*

Англ. 2:17 ...*It is not the healthy* [досл. «DEF здоровые», прилагательное] *who need a doctor, but the sick* [досл. «DEF больные», прилагательное]. *I have not come to call the righteous* [досл. «DEF праведные», прилагательное], *but sinners.*

‘...Не здоровым нужен врач, а больным. Я пришел призвать не праведников, а грешников.’

- (30) Др.-гр. 4:3 ἀκούετε. ἰδοὺ ἐξῆλθεν ὁ σπείρων [досл. «DEF сеющий», причастие] σπείραι.

Лат.^{Ст.} 4:3 *audite ecce exiit seminator seminare ·*

Лат.^{В.} 4:3 *Audite : ecce exiit seminans ad seminandum.*

Англ. 4:3 *Listen! A farmer went out to sow his seed.*

‘— Послушайте: сеятель вышел сеять.’

Имеются также примеры с субстантивацией предложных групп — пример (31) — и посессивных зависимых — пример (32). В обоих случаях в древнегреческом используется определённый артикль.

- (31) Др.-гр. 1:36 καὶ κατεδίωξεν αὐτὸν σίμων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ [досл. «DEF с ним»]

Лат.^{Ст.} 1:36 *et consecuti sunt eum tunc simon et qui cum eo erant*

Лат.^{В.} 1:36 *Et persecutus est eum Simon, et qui cum illo erant.*

Англ. 1:36 *Simon and his companions went to look for him*

‘Симон и другие ученики [= те, кто с ним] бросились искать Его’

- (32) Др.-гр. 1:19 καὶ προβὰς ὀλίγον εἶδεν ἰακωβὸν τὸν τοῦ ζεβεδαίου [досл. «DEF DEF Зеведея»]...

Лат.^{Ст.} 1:19 *et progressus pusillum · uidit iacobum zebedei...*

Лат.^{В.} 1:19 *Et progressus inde pusillum, vidit Iacobum Zebedei...*

Англ. 1:19 *When he had gone a little farther, he saw James son of Zebedee...*

‘Пройдя немного дальше, Он увидел Иакова <...>, сыновей Зеведея...’

4. Инкорпорация имени в глагол и вербализация

Отдельно следует рассмотреть такие периферийные (и косвенные) средства выражения детерминации как инкорпорация имени в глагол и суффиксальная вербализация. И в том, и в другом случае исходному имени придаётся нереферентный статус.

Как уже упоминалось во введении, в латинском (Zheltova, Zheltov 2022) и в древнегреческом (Blass, Debrunner 1961: 64)¹⁵ существовала, пусть и маргинально, словообразовательная модель с инкорпорацией имени в глагол. Также имелись модели с вербализующими суффиксами типа древнегреческих глаголов на *-ίζω* (Blass, Debrunner 1961: 58).

В нашем материале встретилось несколько примеров этих моделей.

Инкорпорация представлена в примере (33) древнегреческим глаголом *κακο-ποιέω* ‘делать зло’ (досл. «плохое-делать»). (Можно обратить внимание, что в том же контексте употреблено сочетание имени и глагола без инкорпорации *ἀγαθὸν ποιέω* ‘делать добро’):

- (33) Др.-гр. 3:4 ...ἔξεστιν τοῖς σάββασις ἀγαθὸν ποιῆσαι [досл. «добро(е) сделать»] ἢ **κακοποιῆσαι** [досл. «**плохое-сделать**»]...
 Лат.^{СГ} 3:4 ...*licet sabbatis aliquid **benefacere*** [досл. «хорошо-делать»] *aut **malefacere*** [досл. «плохо-делать»]...
 Лат.^В 3:4 ...*Licet sabbatis **benefacere**, an **male** ? ...*
 Англ. 3:4 “...*Which is lawful on the Sabbath: to **do good** or to **do evil**...*
 ‘...Что позволительно делать в субботу, **добро** или **зло**? ...’

Также в стихах 4:20 и 4:28 (пример (34)) встречается пара глаголов с инкорпорацией др.-гр. *καρπο-φορέω* (< *καρπός* ‘плод’ + *φέρω* ‘приносить’) и лат. *fructi-fico* (< *fructus* ‘плод’ + *facio* ‘делать’) со значением ‘давать плод, плодоносить’. (Показательно, что в той же главе в стихе 4:8 в близком значении параллельно используется сочетание отдельного имени и глагола *ἐδίδου καρπὸν / da(ba)t fructum* ‘принесли плод’).

- (34) Др.-гр. 4:28 *αὐτομάτη ἢ γῆ **καρποφορεῖ**...*
 Лат.^{СГ} 4:28 *quoniam ultro terra **fructificat**...*
 Лат.^В 4:28 *Ultrō enim terra **fructificat**...*
 Англ. 4:28 *All by itself the soil **produces grain**...*
 ‘Ведь земля сама даёт **плод**...’.

¹⁵ Для древнегреческого языка словообразовательная модель предполагает промежуточный этап адъективации.

Наконец, встретился следующий пример вербализации. В древнегреческом здесь использовано причастие от производного глагола *δαίμων-ἵζομαι* ‘быть одержимым демоном’ < *δαίμων* ‘демон’ + *-ἵζω*. Можно обратить внимание на соответствие этой единице в латинском (и русском) сочетании отдельного существительного и глагола *dæmonia habentes*, а в английском — модели с инкорпорацией существительного в причастие *demon-possessed*.

- (35) Др.-гр. 1:32 ...ἔφερον πρὸς αὐτὸν πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας καὶ τοὺς **δαίμωνιζομένους** [< *δαίμων* ‘демон’ + *-ἵζω*]
 Лат.^{Ст.} 1:32 ...*adferebant ad eum omnes male habentes uariis languoribus · et **dæmonia habentes***
 Лат.^{В.} 1:32 ...*afferebant ad eum omnes male habentes, et **dæmonia habentes***
 Англ. 1:32 ...*the people brought to Jesus all the sick and **demon-possessed***.
 ‘...к Иисусу стали приносить всех больных и **одержимых демонами**’.

Заключение

В статье были представлены предварительные результаты сопоставительного исследования способов выражения детерминации (определённости, неопределённости и нереперентности) в новозаветном койне, латинском и современном английском языках на материале первых шести (десяти) глав Евангелия от Марка.

Рассмотрены случаи «тривиальных» соответствий между древнегреческим и английским (где имеется ожидаемое совпадение в использовании определённых артиклей или, наоборот, неопределённых/нулевых артиклей между двумя языками).

Вопреки предварительным ожиданиям, основанным лишь на базовой семантике исследуемых единиц, в материале наблюдается преобладание случаев, где древнегреческому определённому артиклю в английском соответствует, на первый взгляд, «парадоксальное» отсутствие артикля. Тем не менее, существование даже значительного числа таких соответствий хорошо объясняется отмечавшимся в литературе значительно менее ограниченным употреблением определённого артикля в древнегреческом по сравнению с английским, для которого характерна контекстная вытеснимость артиклей.

Основную часть статьи составляет описание отдельных (нетривиальных) случаев несовпадения, которые можно объ-

яснить различным устройством грамматических систем двух языков, и описание соответствующих особенностей древнегреческого языка в сравнении с английским.

Во-первых, рассмотрено использование в древнегреческом артикля при именах собственных. При антропонимах употребление/неупотребление артикля связано с дискурсивным статусом соответствующего референта — степенью его активированности/идентифицируемости в дискурсе. Как правило, первое использование антропонима либо не сопровождается ни артиклем, ни рестриктивным модификатором («чистое» имя: *ἰωάννης*), либо сопровождается рестриктивным модификатором: *ἰωάννης ὁ βαπτίζων* ‘Иоанн Креститель’. В дальнейших же употреблениях при имени собственном может появляться определённый артикль при отсутствии модификатора (ср. *ὁ ἰωάννης*).

Дополнительно на вероятность (частотность) использования артикля влияет, по-видимому, более глобальная «важность», центральность соответствующего референта для данного дискурса, его близость к статусу протагониста. Артикль используется в нашем материале практически во всех непервых употреблениях имени Иисуса Христа, а в трёх других рассмотренных случаях (имён апостолов Симона/Петра, Иоанна и Иакова) его относительная частотность в 1,8 и более раз меньше.

Для топонимов использование артикля можно объяснить лексическим распределением.

Посессивные зависимые и указательные местоимения-прилагательные в древнегреческом, в отличие от английского, не имеют ограничений на сочетаемость с артиклем.

Рассмотрены особенности процесса субстантивации в древнегреческом в сравнении с английским. В древнегреческом субстантивация гораздо более свободна и охватывает без ограничений все те же классы зависимых, что и в английском — прилагательные, местоимения-прилагательные, причастия, количественные числительные, квантификаторы, посессивные зависимые — а также дополнительно наречия и предложные группы.

В нашем материале субстантивированные прилагательные и количественные числительные встречаются как с артиклем, так и без — по всей видимости, в соответствии с их детерминацией — а вот субстантивированные причастия, как кажется, чаще оформляются артиклем, даже в нереферентных/неопределённых употреблениях. Определённый артикль также обязательно

используется при субстантивации предложных групп и посессивных зависимых.

Что касается латинского языка, ожидавшихся «квазиартиклевых» употреблений указательных местоимений и/или неопределённых местоимений / числительного 'один' — как возможного следа начальных этапов грамматикализации будущих артиклей — в нашем материале не встретилось — ни в Итале, ни в Вульгате. Тем не менее, А. Эрну и Ф. Тома приводят примеры именно из раннего латинского перевода Библии, в которых *ille* соответствует древнегреческому определённому артиклю (Ernout, Thomas 1964: 192–193).

При этом в нашем материале встретились отдельные случаи, где в латинском переводе появляются подходящие по смыслу посессивные зависимые там, где их нет в древнегреческом оригинале (а имеется определённый артикль), т. е. случаи использования лексических средств для передачи семантики определённости.

Наконец, дополнительными косвенными средствами выражения детерминации (а именно — нереферентности) в латинском и древнегреческом являются маргинальные модели инкорпорации имени в глагол и вербализации, отдельные примеры которых также зафиксированы в нашем материале.

Сокращения

- ∅ — отсутствие артикля / нулевой артикль
 DEF — определённый артикль
 INDEF — неопределённый артикль
 Лат.^{B.} — Вульгата
 Лат.^{Ст.} — ранний латинский перевод (Итала)

Литература

- Blass, F. W., Debrunner, A. 1961: *A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature / A Translation and Revision of the ninth-tenth German edition incorporating supplementary notes of A. Debrunner by Robert W. Funk*. Cambridge: Cambridge University Press; Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Dryer, M. S. 2004: Noun phrases without nouns. *Functions of Language*. No. 11(1), 43–76. DOI:10.1075/fo1.11.1.04dry.
- Ernout, A., Thomas, F. 1964: *Syntaxe Latine*. 2ème éd. Paris: Klincksieck.
- Lambrecht, K. 1994: *Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Moulton, J. H., Turner, N. 2005: *Grammar of New Testament Greek, J. H. Moulton*. Volume III. *Syntax*. Edinburgh: T. & T. Clark, 1963; reprinted in London; New York: T & T Clark International.
- Napoli, M. 2009: Aspects of definiteness in Greek. *Studies in Language*. No. 33(3), 569–611. DOI:10.1075/sl.33.3.03nap.
- Plungian, V. A. 2011: *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities.
- Плунгян, В. А. 2011: *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: ПГГУ.
- Rijksbaron, A. 2018: Sur l'article avec nom propre. In: Breuil J.-L. et al. (eds.). *Ἐν κοινῶνι πᾶσα φιλία: Mélanges pour Bernard Jacquiod*. Saint-Etienne: Presses universitaires, 2006, 243–257. Reprinted in: Rijksbaron, A. *Form and function in Greek grammar: linguistic contributions to the study of Greek literature* / edited by Allan, R. J., van Emde Boas, A., Huitink, L. Leiden; Boston: Brill, 319–334.
- Schwyzler, E., Debrunner, A. 1950: *Griechische Grammatik*. Band 2. *Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck.
- van Emde Boas, E., Rijksbaron, A., Huitink, L., De Bakker, M. (eds.). 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zheltova, E. V., Zheltov, A. Yu. 2022: [Observations on Latin in the context of object incorporation typology]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-letiyu Nikolaya Nikolayevicha Kazanskogo [Verus convictor, verus academicus. On the 70th anniversary of Nikolai Nikolaevich Kazansky]*. Saint Petersburg: ILI RAS, 262–274.
- Желтова Е. В., Желтов А. Ю. 2022: Некоторые замечания о латинском языке в контексте типологии объектной инкорпорации. В сб.: Кисилиер М. Л. (отв. ред.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 262–274.

«ФИСТАШКОВЫЙ НАРД». К ИНТЕРПРЕТАЦИИ *νάρδος πιστικῆ* (Ин 12.3, Мк 14.3)

В статье рассматривается трудное для интерпретации словосочетание *νάρδος πιστικῆ*, встречающееся исключительно в Евангелиях от Марка и Иоанна (Ин 12.3, Мк 14.3). Излагается история вопроса и вероятные варианты понимания: «чистый нард», «верный нард», «писидийский нард», «нард пистикий» и «фисташковый нард».

Автору представляется наиболее вероятным перевод «фисташковый нард». Весомый аргумент в пользу этого — старосирийская версия перевода Евангелий, засвидетельствованная в рукописи syr^s (V в.), где присутствует словосочетание «фисташковый (pstkos) нард».

К сожалению, пока недостаточно аргументов в пользу «фисташкового нарда», но эта версия представляется вполне вероятной и более того, дает возможность предположить наличие общего предания (арамейского), которое позже вошло в Евангелия от Марка и Иоанна.

Ключевые слова: библеистика, новозаветная текстология, фисташковый нард, Евангелие от Марка, Евангелие от Иоанна, рукописи Нового Завета.

М. V. Fionin

Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St.Petersburg, Russia. maxfionin@mail.ru

Pistachio nard. Towards the interpretation of *νάρδος πιστικῆ* (Jn 12.3, Mk 14.3)

The article concerns the difficult-to-interpret phrase *νάρδος πιστικῆ*, attested only in the Gospels of Mark and John (Jn 12.3, Mk 14.3). The history of the issue is presented at the beginning of the article, and the existing scholarly translations are overviewed, namely: ‘pure nard’, ‘true nard’, ‘Pisidian nard’, ‘*pistike* nard’ and ‘pistachio nard’.

The author considers ‘pistachio nard’ as the most plausible version. A weighty argument in favor of this is provided by the syr^s manuscript (5th century) of the Old Syriac translation of the Gospels, where the phrase “pistachio (pstkos) nard” is present.

Unfortunately, there are still not enough arguments to consider ‘pistachio nard’ a definitive interpretation, but this version seems quite probable and, moreover, makes it possible to assume the existence of a common oral tradition (presumably Aramaic), which later became part of the Gospels of Mark and John.

Keywords: Bible Studies, New Testament Studies, pistachio nard, Gospel of John, Gospel of Mark, New Testament manuscripts.

Рассказ о вечерней трапезе в Вифании в Евангелии от Иоанна (Ин 12.1–8), является одним из совпадающих по содержанию и во многом по лексике с повествованием в Евангелии от Марка (Мк 14.3–9). Известный исследователь Нового Завета Б. Стритер причислял этот эпизод (а точнее стихи Мк 14.3 и Ин 12.3) к шести важным отрывкам, указывающим на непрямую литературную зависимость между текстами Марка и Иоанна, и даже придерживался мнения, что автор Четвертого Евангелия был знаком с Евангелием от Марка (Streeter 1951: 397, 400)¹.

В настоящей небольшой статье мы бы хотели остановиться подробно только на словосочетании *várhoс πιστικῆ* не затрагивая тему текстуальной близости двух упомянутых евангельских отрывков.

Необычное словосочетание *várhoс πιστικῆс* вызывало у исследователей пристальный интерес начиная с 80-х г. XIX в. Дело в том, что, как позже сформулировал Б. Стритер, прилагательное *πιστικός* «верный, подлинный» не встречается в античной литературе в сочетании с существительным *ἡ várhoс* «нард, масло из усиков и корня нарда» за исключением текстов, цитирующих или комментирующих эти евангельские стихи (Streeter 1951: 397)².

В эти годы выходят статьи Е. Беннета, Э. Нестле, А. Яннариса (и др.), специально посвященные этому словосочетанию (Bennett 1890: 319; Nestle 1902: 169–171; Jannaris 1902: 459–460). Хороший обзор их статей можно найти в современном научном комментарии к Евангелию от Марка Дж. Маркуса, вышедшему в серии *The Anchor Yale Bible Commentaries* (Marcus 2009: 934).

Е. Беннет предложил несколько вариантов интерпретации, например, указав, что *πιστικῆс* может быть произведено от *πίνειν* и тогда нужно понимать нард как «питьевой», если взять первое значение глагола, а не «жидкий», хотя, и то и другое выглядит сомнительно. Второй вариант интерпретации Беннета, — ошибка переписчика, который имел в виду *πιστάκης* или производное этого слова, что представлялось ему более вероятным, «поскольку, когда он [нард] ароматизирован смолой

---

¹ «Clearly the facts so far stated amount to little short of a demonstration that John knew the Gospel of Mark, and knew it well. But they suggest doubts as to his acquaintance with the other two Synoptics».

² «Πιστικῆ in this sense is not found elsewhere in Greek literature, except in allusions to this passage».

фисташки, его вполне можно было бы назвать *várdos pistákēs*» (Bennet 1890: 319)³. Против деривации от *λίνω* был и М. Блэк (Black 1967: 224), даже при том, что авторитетный словарь Лиддела и Скотта до сих пор учитывает такую возможность как «вариант А»: «*πιστικός* (Α), ἡ, ὄν, (λίνω) liquid, *várdos* Marc.14.3, Jo.12.3» (LSJ: 1408).

О возможной ошибке переписчика в этом месте писал также датский исследователь С. А. Набер, который предлагал в качестве изначального *σπειστικῆς* «сделанный наспех» (Naber 1902: 14), однако, такое греческое прилагательное не засвидетельствовано источниками, и даже если бы существовало, то относилось бы к «возлиянию вина» или теме «договора, перемирия», но никак не к парфюмерным изделиям (Jannaris 1902: 460).

В свою очередь сам А. Н. Яннарис, опираясь на бл. Августина, считал, что если ошибка переписчика и имела место, то она заключалась в искажении прилагательного, образованного от топонима *Πισιδία*, и оригинальное чтение должно быть *Πισιδικῆς* «из Писидии» (Jannaris 1902: 460)⁴.

Если говорить о современных авторах, то М. Блек своей монографии *An Aramaic Approach to the Gospels and Acts* отмечает, что есть возражения против понимания *πιστικός* в значении «подлинный, настоящий» в противовес «фальшивому, искусственному» в рассматриваемом словосочетании (Black 1968: 224), как предлагается в приложении к словарю Лиддела и Скотта (LSJ: Sup.251).

Все же контраргументы тоже можно найти: например, Р. Браун утверждал, что для арамейского языка сочетание слов «nard» и *qišīā* «верный, настоящий» является вполне обычным в отличие от древнегреческого, поэтому, возможно, здесь имеет место буквальный перевод с арамейского (Brown 2008: 448)⁵.

³ It appears that nard was frequently mixed with aromatic ingredients e.g. *βάλσαμον*; so when scented with the fragrant resin of the *πιστάκη* it would quite well be called *várdos pistákēs*.

⁴ Писидия (греч. *Πισιδία*, лат. *Pisidia*) — историческая область в юго-западной части Малой Азии. На юге граничит с Ликией, на севере с Лидией, на востоке с Памфилией, на западе с Карией. В этой местности могли изготавливать благовония из привозимых туда ценных ингредиентов.

⁵ Р. Браун предложил еще одну возможную интерпретацию: прилагательное *πιστικῆς* в нашем отрывке — это искаженное *τῆς στακτῆς*; *stacte* (лат.) — масло из кустарника стиракс. *Ibid.* P. 448.

Ч. Крэнфилд помимо перечисленных версий интерпретации добавляет, что здесь возможен другой вариант искажения, *στικátου* «благовонная мазь», и предлагает обратить внимание на то, что в Вульгате стоит *nardi spicati* (Cranfield 2005: 415). Однако далее Крэнфилд отмечает, что наиболее вероятным все же может быть транслитерация с арамейского *ܦܝܫܛܩܐ* (*pistaqa*) «фисташковый орех», масло которого использовалось для приготовления благовоний (Cranfield 2005: 415).

М. Блэк оставляет вопрос открытым: «*Mugobalanum* на арамейском будет означать «фисташковая мазь», возможно, *muga pistaqa*. Для переводчика, не знакомого с арамейским названием, фисташка вызовет трудности. Было ли оно просто транслитерировано, а затем включено в предложение как прилагательное *πιστικῆς*?» (Black 1967: 225).

О возможной транслитерации с арамейского языка говорит и Ч. Барретт, по его мнению, автор или редактор Евангелия от Иоанна заимствовал *várδος πιστικῆ* из текста Евангелия от Марка (sic!), понимая *πιστικός* в значении «подлинный», сам же Марк, по-видимому, пытался передать арамейское *ܦܝܫܛܩܐ* (*pistaqa*) «[нард] из фисташкового ореха» при помощи греческой лексемы *πιστικός*, вместо *πιστάκης* (прил. от *πιστάκη* «фисташковое дерево») (Barrett 1978: 412)⁶. На наш взгляд, весьма интересным представляется утверждение «John simply took the word over from Mark», поскольку новейшие исследования, представленные, например, в сборнике *John's Transformation of Mark* (2021 г.) весомых аргументов в пользу теории использования в четвертом Евангелии письменного текста Евангелия от Марка довольно много. Так, например, в статье Марка Гудакра показано, что структурное совпадение Евангелий от Марка и Иоанна, их близость на литературном уровне (*literary level*) начиная «от предложений в дословном согласии, к словам в редакторской обработке Марка, до близких форм перикоп», всё это не может быть просто

⁶ «It is very unlikely that both in Mark and John the text suffered corruption and originally read some form of the Latin *spicatum*, though this appears in the Vulgate of Mark 14.3. To suppose that *πιστικός* is a local or trade name (so that we should transliterate, “pistic nard”) is a counsel of despair, but not necessarily wrong. Probably the best solution is that John simply took the word over from Mark, perhaps understanding it to mean genuine, but that in Mark it was a transliteration of the Aramaic *ܦܝܫܛܩܐ* (*pistaqa*), the pistachio nut» (Barrett 1978: 412).

случайными совпадениями, автору или редактору Евангелия от Иоанна, по-видимому, были доступны письменные источники Марка (Goodacre 2021: 89)⁷.

Из самых последних работ по этой теме можно выделить статью В. Григорьева. В ней также представлен хороший обзор научной литературы и добавлен анализ разночтений рассматриваемого текста в славянских рукописях X–XIV вв. Автор выделяет два основных варианта понимания.

Первый засвидетельствован Остромировым евангелием (л. 229 об.) «нардопистикии». Как отмечает Григорьев, это вариант можно интерпретировать двояко: «либо как единое существительное в Им. п. [...] либо как сочетание прилагательного «пистикии» с вариантной формой Им. п. существительного» (Grigoryev 2020: 78). Далее автор делает важную отсылку к толкованию Феофилакта Болгарского, который считал, что евангелисты имели в виду особый сорт нарда, называемый *пистикий* (Grigoryev 2020: 78).

Второй, засвидетельствованный в славянских рукописях вариант понимания — «верныи». Приведем пространную цитату из комментария А. Григорьева: «В рукописях преславской редакции мы наблюдаем две тенденции. Первая — слово *пистикии* во всех случаях, за исключением Евангелия XIII–XIV вв. (РГАДА, Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 15) и Оршанского Евангелия XIII в. (Киев. ЦНБ АНУ. ДА/П. 555.), где представлено *пистикиа*, заменяется прилагательным *верныи*. Таким образом, переводчики принимают интерпретацию *πιστικός* как производного от *πίστος* ‘верный, преданный, достоверный, надежный’, а значит и *πιστικός* в таком случае означает ‘верный, заслуживающий доверия, достоверный’. Как уже указывалось, *нард*, заслуживающий доверия, — ‘нард хорошего, исключительного качества, возможно, без дополнительных примесей, чистый’» (Grigoryev 2020: 79).

---

⁷ «The key word here is ‘literary’. The most striking parallels between John and the Synoptics occur at the literary level, from sentences in verbatim agreement, to words in redactional reworkings of Mark, to parallel pericope forms where John becomes a fourth Synoptic gospel, to the very structure of the Fourth Gospel, and all this in addition to John sharing Mark’s fundamental literary conceit, of the hidden Messiah whose identity is only understood retrospectively through the hermeneutic of the resurrection. To maintain John’s independence from the Synoptics, one has to maintain that there were a surprising number of coincidences, floating on the swirling seas of oral tradition».

Рассматриваемое нами чтение считалось трудным уже в III–IV в., это подтверждают рукописи $\mathfrak{P}^{66*}$ и кодекс Безы (D), в которых лексема *várðoũ* в Ин 12.3 опущена переписчиками. Оригинальное чтение Папируса 66: «*λάβουσα λείτραν μύρου πιστικῆς πολυτίμου*». Позже другой писец или корректор добавил сверху, гармонизируя текст *várðoũ*⁸. Подобным образом выглядит это место (Ин 12.3) и в кодексе Безы V в. (D): «*λάμβανι λείτραν πιστικῆς μύρου πολυτείμου*» (Scrivener 1864: 135)⁹.

Пропуск *várðoũ* можно объяснить тем, что переписчик счел эту лексему излишней, ведь «литр мира настоящего драгоценного», по-видимому, показался более простым и понятным вариантом. Тем не менее, позже опущенная лексема была добавлена сверху строки.

Мы бы хотели выделить мнение Дж. Маркуса, который в своем историко-филологическом комментарии отмечает, что наиболее вероятным вариантом интерпретации этого трудного места может быть искажение *πιστάκης* «фисташковый», сирийская лексема, означающая фисташку, присутствует в Сирийско-синаяской рукописи (V в.), обозначаемой в критических изданиях *syr*¹⁰.

Сирийская синаяская рукопись Нового Завета датируется концом IV началом V в. Она содержит старосирийский перевод Евангелий (до Пешитты), выполненный с неизвестного греческого источника. В доступном нам издании Джорджа Кираца (Kiraz 1996) представлен текст трех сирийских версий Евангелий: Сирийская синаяская рукопись (V в.) *syr*^s, Евангелия редакции Фомы Харклейского (616 г.) *syr*^h и Пешитта.

⁸ Фото рукописи $\mathfrak{P}^{66*}$ доступны на сайте <https://archive.org/details/rarugus66/r66joh80.jpg> (ссылка действительна на 05.04.2023).

⁹ Интересно, что в Мк 14.3 кодекса Безы пропущено больше лексем: *várðoũ pistikḗς πολυτελής*, что Григорьев объясняет попыткой переписчика согласовать историю помазания у Марка (Мк 14.3) и эпизод вечера в доме Симона фарисея у Луки (Лк. 7.37): *ἔχουσα ἀλάβαστρον μύρου и κοίτασα ἀλάβαστρον μύρου* (Grigoryev 2020: 79). Такая трактовка вполне возможна. Фото высокого разрешения кодекса Безы (D) можно посмотреть на сайте цифровой библиотеки University of Cambridge <https://cudl.lib.cam.ac.uk/view/MS-NN-00002-00041/651> (ссылка действительна на 05.04.2023).

¹⁰ «*pistakēs* (“of pistachio”); the last may be the way the word is taken already by *syr*^s, which transliterates rather than translating it» (Marcus 2000: 934).

Вариант «фисташковый (pstkos) нард» встречается только в Сирийской синайской рукописи, в двух других его нет. Важно отметить, что словосочетания идентичны в Мк 14.3 и Ин 12.3 этой рукописи. Приведем здесь перевод фрагмента Сирийской синайской рукописи, выполненный Е.Н. Мещерской:

Мк 14.3 «Пришла женщина одна, принеся флакон благово-ния нардового фисташкового, ценного, дорогого (видом) формой своей, и разбила его и вылила на голову Его»; Ин 12:3 «Марфа принесла флакон литровый (фунтовый) елея нардового фисташкового ценного, большого видом своим...»

Даже при том, что все сирийские версии были сделаны с греческих оригиналов, словосочетание «фисташковый нард» представляется нормальным для сирийского языка. Несомненно, мы не можем из этого сделать вывод, что именно «фисташковый нард» был оригинальным чтением, но и не можем отбросить версию об арамейском «бекграунде» истории помазания в Вифании.

Дж. Маркус подчеркивает, что автор четвертого евангелия использует прилагательное *πολύτιμος* «драгоценный», как характеристику нарда, отличающееся от находящегося в тексте Марка *πολυτελής* «дорогостоящий, роскошный». Употребление разных прилагательных показывает, что фраза не была скопирована из письменного источника Марка. У классических авторов прилагательное *πολυτελής* «дорогостоящий, роскошный» являлось более частотным, нежели *πολύτιμος* «драгоценный», однако последнее получило широкое распространение в 90-е годы I в. (приблизительное время написания евангелия от Иоанна), значит, каждый евангелист использовал то слово, которым чаще пользовались в его время, следовательно идентичность *νάρδος πιστικῆς*, а также различие *πολύτιμος* vs. *πολυτελής* по его мнению, свидетельствует о наличии общей устной традиции (Marcus 2000: 934).

Точка зрения Дж. Маркуса, представляется нам довольно убедительной, поскольку *νάρδος πιστικῆς* это очень необычное для греческого словосочетание и встречается только в Евангелиях от Марка и Иоанна. Поэтому вполне возможно, что это перевод или транслитерация с другого языка и лучше всего это показывает, как раз текст старосирийского перевода Нового Завета, засвидетельствованный в рукописи *syg^s* (V в.).

В заключение можно сказать, что согласно анализу рассмотренных нами источников, весьма вероятной представляется гипотеза об ошибочной передаче арамейского словосочетания

«фисташковый (*pstkos*) нарד» на греческий язык словосочетанием *ἄρδος πιστικῆ* «чистый/подлинный нард». Сложно сказать, явилось ли причиной этому общее устное (арамейское) предание, как полагал Дж. Маркус, или же автор Евангелия от Марка ошибся в выборе греческой лексемы при передаче арамейского *pstkos* «фисташковый», а затем автор/редактор Евангелия от Иоанна, пользуясь письменным источником Марка, включил его без изменения в свой текст, как считал Барретт. Второй вариант представляется нам более вероятным.

Таким образом, если общее устное, вполне вероятно арамейское, предание имело место, тогда гипотеза о передаче арамейского словосочетания «фисташковый (*pstkos*) нард», необычно выглядящего на греческом, оказывается вполне вероятной.

Литература

- Barrett, C. K. 1978: *The Gospel According to St. John. An Introduction with Commentary and Notes on the Greek Text. Second Edition.* Philadelphia: Westminster Press.
- Bennett, E. N. 1890: St. John xii. 3.—The Word *pistikēs*. *Classical Review*. Vol. 4. 319.
- Black, M. 1967: *An Aramaic Approach to the Gospels and the Acts*. 3d ed. Oxford.
- Brown, R. E. 2008: *The Gospel According to John (I–XII)*. London: Yale University Press.
- Cranfield C. E. B. 2005: *The Gospel According to St. Mark*. Cambridge University Press.
- Gingrich, W. F. 1965: *Shorter lexicon of the Greek New Testament*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goodacre, M. 2021: Parallel Traditions or Parallel Gospels? *John's Transformation of Mark* ed. Eve-Marie Becker, Helen K. Bond, Catrin H. Williams. London: T&T Clark.
- Grigoryev, A. V. 2020: Translation of the expression *ἄρδος πιστικῆ* (Мк 14.3) in the Slavic written tradition of the 10th-14th centuries. *Slavyanskoe i Balkanskoe yazykoznanie. Mezhdunarodnaya kolektivnaya monografiya. Tom (Vypusk) 20*. [Slavic and Balkan Linguistics. The international collective monograph. Iss. 20], 74–81.
- Григорьев, А. В. 2020: Перевод выражения *ἄρδος πιστικῆ* (Мк 14:3) в славянской письменной традиции X–XIV вв. *Славянское и Балканское языкознание. Международная коллективная монография. Том (Выпуск) 20*. М., 74–81. DOI: 10.31168/2658-3372. 2020.1.04.

- Jannaris, A. N. 1902: NARDOS PISTIKĒ or 'Spikenard.' *Classical Review*. Vol. 16. 459–460.
- Kiraz, G. A. 1996: A Comparative Edition of the Syriac Gospels (4 vols). Leiden: Brill.
- LSJ — Liddell, H. G., Jones H. S., Scott R., McKenzie R. A Greek-English Lexicon. Clarendon Press, 1996.
- Marcus, J. 2000: A new translation with Introduction and commentary. Mark 8–16. New York: The Anchor Bible.
- Naber, S. A. 1902: ΝΑΡΔΟΣ ΠΙΣΤΙΚΗ. *Mnemosyne, New Series*, Vol. 30. Leiden: Brill. 1–15.
- Nestle, E. 1902: Die unverfälschte köstliche Narde *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche*. Bd. 3. 169–171.
- Scrivener, G. A. 1864: Bezae codex cantabrigiensis. Cambridge: Deighton, Bell 1864.
- Streeter, B. H. 1951: *The Four Gospels. A Study of Origins the Manuscripts Tradition, Sources, Authorship, & Dates*. London: MacMillan and Co. Limited.

Л. Р. Франгулян
Институт востоковедения РАН/Московский государственный
лингвистический университет, Россия. 8liya8@gmail.com

**Καταπέτασμα/καταπέτασμα:
ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБРАЗА «ЗАВЕСЫ»
В КОПТСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В статье проанализировано заимствование слова *καταπέτασμα* «завеса» из древнегреческого языка в коптский язык (*καταπέτασμα*). Этот тип завесы упомянут и в Ветхом, и в Новом Завете; позднее он стал важным атрибутом в христианских храмах. Египтяне-христиане во время перевода Библии на коптский язык переняли этот термин для наименования завесы. Анализ коптских текстов позволяет предположить, что в коптской традиции *καταπέτασμα* — это не только часть убранства земного храма, но такая завеса присутствует и в Церкви на небесах, ограждая Бога от всех остальных небожителей. Только архангел Михаил имеет возможность проходить к Богу через нее беспрепятственно.

Ключевые слова: *καταπέτασμα*, *καταπέτασμα*, завеса, коптская традиция, архангел Михаил.

L. R. Frangulian
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences/Moscow State
Linguistic University, Russia. 8liya8@gmail.com

**Καταπέτασμα/καταπέτασμα: the transformation of the biblical image
of the “veil” in Coptic tradition**

This article analyses the borrowing of the word *καταπέτασμα* ‘veil’ from Ancient Greek into Coptic: *καταπέτασμα*. This type of veil is mentioned both in the Old Testament (used to close the passage to the Tabernacle and later to the Temple in Jerusalem) and in the New Testament (this particular veil is torn in two according to the descriptions of the Evangelists, in addition the Apostle Paul interprets this image). Later the veil became an important attribute in Christian temples. The Copts adopted the term for the veil and used it in the translation of the Bible. On the basis of an analysis of the texts, the author concludes that, in Coptic tradition, *καταπέτασμα* is not only part of the decoration of the earthly temple, but is also present in the Church in heaven, shielding God from all other celestials. Only the Archangel Michael is able to pass to God through it unhindered.

Keywords: *καταπέτασμα*, *καταπέτασμα*, veil, Coptic tradition, Archangel Michael.

Традиция коптов — египтян-христиан, проживающих в Египте, — насчитывает много веков. Их язык представляет собой последнюю стадию развития древнеегипетского языка, а литературная традиция относится к литературам второго поколения, опирающимся при формировании и генезисе на другую, более древнюю и авторитетную традицию, в данном случае — на древнегреческую христианскую. Коптский язык принадлежит к алфавитному типу письменности. При этом она была создана на основе греческих букв с добавлением из древнеегипетского демотического письма шести знаков, стилизованных под греческие. С их помощью нашли выражение звуки, отсутствующие в древнегреческом.

Такое сближение именно с греческой традицией основано на нескольких фактах. С одной стороны, в эллинистическом Египте период Птолемеев (IV—I вв. до н. э.) характеризуется заменой в официальной документации египетского языка древнегреческим. Это, в свою очередь, привело к постепенному вытеснению родного языка египтян, так что к середине III века н. э. возникла тупиковая ситуация, при которой жители Египта, говорившие исключительно на египетском языке или на египетском и греческом языках, могли записывать любые тексты, только переведя их на греческий язык (Bagnall 1996: 230–240). С другой стороны, распространение христианства среди населения сделало необходимым перевод Библии на язык местного населения. Эти переводчики и считаются теми людьми, которые сформировали коптский язык. В ходе этого процесса многие греческие слова были заимствованы¹ и стали частью языка египтян. Объем этих заимствований настолько велик, что можно говорить об этом феномене как об одной из важных особенностей коптского языка.

Вынесенное в заглавие статьи коптское слово *катапетасма* «завеса» — прямое заимствование греческого слова *καταπέτασμα* — исследуется в сюжетах из коптских текстов, в частности, связанных с архангелом Михаилом². Для понимания

---

¹ Чтобы избежать неологизмов и древнеегипетской лексики, связанной с языческим культом (Golovniina 2015: 612). Кроме того, отмечается, что работа переводчиков отразила современную им языковую среду, так как коптский язык уже долго сосуществовал рядом с греческим (Bagnall 1996: 238, 253).

² На мотив завесы в Небесном Царстве и его связи с устройством Иерусалимского храма было обращено внимание еще в нашей моно-

трансформации образа сначала рассматриваются особенности и функции завесы, обнаруживаемые по библейскому повествованию. Затем будет проанализировано коптское предание.

Некоторое время считалось, что слово каталѣтасма — неологизм, изобретенный переводчиками Ветхого Завета на древнегреческий язык, которым они воспользовались вместо более распространенного паралѣтасма. Однако найденная надпись с каталогом предметов, связанных с храмом Геры на острове Самос, опровергает это предположение. Она датируется не позднее середины IV в. до Р. Х., и в ней при перечислении упоминается каталѣтасма τῆς τραπέζης (завеса/покрывало стола). Никакой дополнительной информации не дано, поэтому точное понимание, что это за предмет, нам недоступно. Это единственный пример использования слово каталѣтасма до написания Септуагинты и вне иудео-христианской традиции. Можно предположить, что данное слово имело ассоциацию с религиозным культом и поэтому было использовано переводчиками Ветхого Завета. Хотя они могли выбрать и другие синонимы, возможно, именно каталѣтасма было распространено для обозначения завесы/покрывала, обслуживающего святилище, среди грекоязычных евреев в Египте (Gurtner 2004).

Слово каталѣтасма используется 38 раз в Ветхом Завете (Исх 26. 31, 33(х3), 34, 35, 37; 27. 21; 30. 6; 35. 12; 37. 3, 5, 16; 38. 18; 39. 4, 19; 40. 3, 5, 21, 22, 26; Лев 4. 6, 17; 16. 2, 12, 15; 21. 23; 24. 3; Чис 3. 10, 26; 4. 5, 32; 18. 7; 3Цар 6. 36; 2Пар 3. 14; 1Макк 1. 21; 4. 51, Прем Сир³ 50. 5) и 6 раз в Новом Завете. Завеса, обозначаемая этим словом, была одним из важных предметов в ветхозаветном храме и богослужении. Как отмечает Е. Беленькая, для Пятикнижия слово каталѣтасма (в Исходе употребляется 21 раз, в книге Левит — 7 раз, Числа — 5 раз) было термином, связанным с религией и богочитанием (Belenkaja 2022: 396). Эта завеса предназначалась для Скинии, а позже для храма. В практическом использовании она отделяла Священное место (Святое место) от Святой Святынь. В Септуагинте чаще всего упоминаются две завесы, из которых первая каталѣтасма — это внутренняя завеса. Она ограждалась еще и внешней, которая

графии (Frangulian 2019: 79). На это же указывает Е. Б. Смагина (Smagina 2021: 245, n. 11).

³ Последние две цитаты приводятся из неканонических книг Библии.

называлась *káλυμμα* (с греч. «покрывало, покров»)⁴. Рассматривая ветхозаветные эпизоды из Пятикнижия, где упоминается *катапéτασμα*, а также масоретский текст, Беленькая приходит к выводу (Belenkaja 2022: 411–412), что завеса 1. отделяла священное места, 2. сама по себе являлась священным предметом, сделанным из особого материала с изображением херувима, 3. скрывала присутствие Бога, закрывая Ковчег Завета, 4. была границей соприкосновения людей и Бога, так как за завесой происходила их встреча 5. защищала от смерти, потому что самовольный проход за нее в Святая Святых карался смертью. Кроме того, в случае осквернения Святая Святых проводилось очищение: первосвященник кропил кровью перед внутренней завесой, находясь перед Святая Святых. Раз же в год первосвященник входил за завесу в День очищения (праздник Йом Киппур)⁵ и совершал заключительный ритуал жертвы за грех — оропление кровью.

В новозаветном предании *катапéτασμα* используется в синоптических Евангелиях (Мк 15. 38; Мф 27. 51; Лк 23. 45) в связи с ее разрывом во время крестной смерти Иисуса Христа. Краткость сообщения не позволяет понять, какая именно из двух завес имеется в виду. Считается, что евангелисты говорят о внутренней завесе⁶, что подтверждается и толкованием образа *катапéτασμα* в послании к Евреям апостола Павла (Евр 6. 19, 9. 3, 10. 20). У последнего использование слова *катапéτασμα* вызывает сомнение только в Евр 10. 20, однако, исследователи приходят к выводу, что здесь также подразумевается внутренняя завеса (Moore forthcoming: 8–9)⁷.

Последовательность событий и детали в Евангелиях разнятся (Moore forthcoming: 3), что позволяет выделить

---

⁴ Статистический анализ, в котором рассматривается использование слова *катапéτασμα* в Ветхом Завете, показал, что в 26 случаях под этим термином подразумевается внутренняя завеса, в семи случаях — внешняя завеса, в пяти случаях — завеса двора в Скинии. За пределами Скинии это слово не употребляется (Belenkaja 2022: 400).

⁵ См. подробнее Kalinin 2012.

⁶ Но есть исследователи, считающие, что речь идет о внешней завесе. Однако достаточно точное использование слова *катапéτασμα* для обозначения внутренней завесы в Ветхом Завете не позволяет согласиться с их аргументацией (Moore forthcoming: 4).

⁷ Отрывок Евр 6. 19 тоже вызывал вопросы, но вопрос был аргументировано разрешен в пользу того, что имеется в виду внутренняя завеса (Gane 2000).

акцентируемые идеи у каждого автора. У Марка разрыв завесы следует за смертью Христа, соотносится с раскрытием небес (используется один и тот же глагол σκίζω в сюжете с завесой и с разверзанием небес при крещении) и с тем, что появляется первый духовное й последователь Христа после Его смерти (возверовавший сотник). Матфей приводит уникальные сведения: за разрывом завесы (тоже после смерти Христа) описываются события апокалипсического толка — землетрясение, раскрытие гробов и явление усопших жителям города; лишь после этого упоминается сотник. Д. Гуртнер в ходе тщательного анализа (Gurtner 2006: 186–193) приходит к выводу, что история с завесой у Матфея символизирует окончание защитной функции каталѣтасца, потому что, с одной стороны, святость с этого момента определяется по новым правилам, с другой стороны, Бог теперь доступен как физически, так и визуально (чему завеса препятствовала в Ветхом Завете), и Рай снова открыт. В Евангелии от Луки завеса разорвалась до смерти Христа. Это трактуется, как открытие божественного присутствия в мире, за которым следует предание духа Христа Богу-Отцу (Moore forthcoming: 7). Таким образом, разорванная завеса во всех трех повествованиях представляет собой уничтоженное ограждение не только в земном мире, но и в духовном.

Наконец, из всех библейских упоминаний только в Послании к Евреям приводится духовное толкование внутренней завесы. В Евр 10. 20 завеса прямо называется плотью Христа (...διὰ τοῦ καταπέτασματος τοῦτ' ἔστιν τῆς σαρκὸς αὐτοῦ). Апостол Павел, интерпретируя образ каталѣтасца, апеллирует к Пятикнижию Моисея и Скинии. Преграда была пройдена благодаря смерти Христа. Став Сам жертвой, Христос Своей кровью освятил следующим за Ним людям путь к божественному присутствию на небесах сквозь завесу, один раз и уже навсегда. Теперь люди могут «имея дерзновение» следовать этим же путем, если только они очистят себя от греха. Святая Святых была недоступна людям, теперь же открыт вход не в земное освященное место, но на небеса. Н. Moore, рассматривая библейский контекст, упоминает как один из вариантов трактовки каталѣтасца рассмотрение завесы в космологическом ключе: земля — это Святилище, небеса — это Святая

Святых, завеса же — это небесный свод, разделяющий эти два пространства (Moore forthcoming: 9–10)⁸.

Этот же исследователь сопоставил сообщение о завесе евангелистов и апостола Павла и пришел к выводу, что можно выделить три важных аспекта, связанных с *катапетаσμα*: 1. распятие Христа отразилось на разрыве завесы, 2. так как земное отражает небесное, то разрыв завесы — это земной образ раскрытия небес, 3. в результате разрыва Иисус явил себя Сыном Бога и сделал возможным спасение. Однако, разрыв завесы — это исключительно синоптический сюжет; в Послании к Евреям *катапетаσμα* представляет собой просто элемент в устройстве Скинии.

Выше были рассмотрены функции и символическое значение внутренней завесы в Новом и Ветхом Заветах. В обоих коптских переводах Библии⁹ (раннем — на саидский диалект и более позднем на бохайрский) слово *катапетаσμα* используется в текстах Нового Завета так же, как и в первоисточнике (Draguet, 1960: 111). С Ветхим Заветом ситуация сложнее. В саидской версии слово употребляется 24 раза, в бохайрской — 34. Частично это связано с отсутствием некоторых книг (например, 1Макк¹⁰), частично — с использованием синонима вместо *катапетаσμα* (например, в Исх 37. 5 *катакалүмма*). Однако можно говорить о точном соответствии в понимании термина *катапетаσμα* в коптской и в греческой традициях.

Известно, что издревле завеса как материальный объект присутствовала в христианских храмах. Об этом свидетельствуют как артефакты (например, фрагменты одной из древних завес V в. — из Египта¹¹), так и литургические тексты (Taft 2010: 362, 364; Schneider 1936: 60, 63). Не всегда известно их

---

⁸ Ср. Быт 1. 6–7, где «твердь» также выполняет функцию отделения; Ис 40. 22: «Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья».

⁹ Для выявления цитат с *катапетаσμα* была использована электронная версия коптской Библии, бохайрский вариант которой был внесен в базу под руководством библеиста и коптолога К. Аскеланда (Bohairic Bible), а саидский — под руководством его же в сотрудничестве с Ф. Шульцом (Sahidic Bible). Критическое издание Библии на коптском языке пока отсутствует.

¹⁰ Как отмечает И. Мирошников, в коптской среде была известна только 4Макк и, возможно, 2Макк (Miroshnikov 2019: 629).

¹¹ Например, фрагмент одной из древних завес (возможно, завеса IV в.) сохранилась в Метрополитен-Музее (Coptic veil).

точное использование, однако, в отличие от Византии, где храмовая завеса, отделяющая алтарь, появилась достаточно поздно (исследователи предполагают XI в.)¹², на Востоке ей нашлось применение уже в первом тысячелетии (Papastavrou, Vryzidis 2021: 95–96). Идея о том, что устройство земного храма и богослужения отражает небесное устройство (и эти два мира взаимодействуют во время Литургии), циркулировала среди христианских богословов (Papastavrou, Vryzidis 2021: 94; Otto 1951: 11–13), и коптская литературная традиция также это зафиксировала¹³. Несомненно, такое соответствие в том числе навеяно и описанием небесного храма и священнодействия в Апокалипсисе. В связи с анализом коптских сюжетов стоит отметить, что в этом тексте обнаруживаются два актуальных эпизода: 1. открытие двери небес¹⁴, через которую Иоанн Богослов «в духе» сразу попадает к небесному престолу, что можно толковать, как дверь не просто на небо, но к престолу, т. е. ограждение престола в небесной версии, 2. упоминание мучеников, облеченных в белое и пребывающих перед престолом¹⁵, т. е. особой группы людей, которая ближе к Богу, чем другие.

Приведем примеры из коптской литературы. Сюжеты можно разделить на два типа. К первому относятся те эпизоды, где описано наличие катапетазма в небесном Царстве. Здесь отметим три отрывка. Первый взят из агиографического текста. В «Мученичестве Виктора»¹⁶ (рукопись Британского музея Ог. 7022; датируется X в.; текст написан раньше, возможно, в VII–VIII в.¹⁷) архангел Михаил укрепляет святого, которого пытаются, в том числе следующими словами:

...мпау бε εωακϳι ннеκβιχ εεραи εтπε· οαυρпеснот нтесфрагис
нтпе· еурооεиη мпроυη мпкатапетазма· мппто εвоλ
мпεουсиастнрюη...¹⁸

¹² См. Taft 2010: 363.

¹³ Об этом подробнее см. Frangulian, forthcoming.

¹⁴ Откр 4. 1.

¹⁵ Откр 7. 9–17.

¹⁶ Martyrdom of Victor. Здесь выложен коптский текст, изданный У. Баджем (Budge 1914: 1–45).

¹⁷ Это «Мученичество» относится к литературе циклов (Frangulian 2019: 82).

¹⁸ Саидский диалект коптского языка.

«...Во всякий же час, когда ты воздвигаешь свои руки к небу, они становятся образом печати небес, освещая внутри за завесой перед алтарем...»¹⁹

Затем алтарь наполняется благовониями, который доходят до Бога-Отца и всех небожителей, они умиротворяются, а с ними и мученики на земле.

В апокрифе «Мистерии Иоанна, апостола и святого» (рукопись Британского музея Ог. 7026; датируется началом XI в.; текст написан раньше, возможно, в VIII в.²⁰), перевод которого выполнила Смагина, засвидетельствованы два эпизода. Во-первых, херувим на вопрос Иоанна о предназначении его ангельского чина, отвечает, начиная с таких слов: «Видишь эти великие ветры, заключенные в своих сокровищницах, а над ними — ангелы? Если труба трубит внутри завесы (ⲙⲡⲟⲩⲩⲛ ⲙⲡⲕⲁⲧⲁⲡⲉⲧⲁⲤⲙⲁ), мягкие ветры выходят и дуют на крыла ангелов, что над источником росы, ангелы движут крылами, роса сходит на землю, и умножаются посевы земные, деревья, поля и плоды...» (Smagina, 2015: 106). Во-вторых, в продолжение диалога апостол спрашивает у херувима: «Господин мой, каково повеление о часах ночи и дня?» — и получает ответ: «Слушай, я поведаю тебе. Бог поставил двенадцать херувимов, они стоят вне завесы (ⲙⲡⲱⲪ ⲙⲡⲕⲁⲧⲁⲡⲉⲧⲁⲤⲙⲁ) и не совершают никакого труда, а поют двенадцать гимнов ежедневно» (Smagina, 2015: 107).

Из приведенных отрывков ясно, что подразумевалось существование завесы в Небесном Царстве, скорее даже, в Небесной Церкви, так как за ней скрывался алтарь. Из-за нее выходят указания Бога (труба), а ее статус священ, так что херувимы охраняют проход через нее. Как указывает Смагина, завеса, скрывающая Бога, засвидетельствована и в еврейской традиции (Smagina 2021: 245, п. 11). В других христианских традициях акцента на такой, достаточно прагматической, функции завесы как скрывание алтаря и Бога на небесах пока не было найдено.

Другая отличительная черта коптского предания — это особое благоволение Бога к архангелу Михаилу, которое выражается через свободное приближение Михаила к Господу. Это

---

¹⁹ Перевод — Л. Р. Франгулян, в иных случаях автор перевода отмечается отдельно.

²⁰ О рукописной традиции и разных версиях датировок см. Abercrombie, Lundhaug 2020: 482–486.

второй тип сюжетов, содержащих слово катапетасма. Здесь приведем семь примеров. Известны два «Слова» (рукопись из библиотеки Пирпонта Моргана М592; датируется IX–X вв.), написанные, скорее всего, в VII–VIII вв., псевдоатрибутированные Василию Великому и произнесенные в местности под названием Лазика (Frangulian 2019: 67, 76). В «Первом слове» есть такое замечание: «Если мы устремимся к (мповл мпкатапетасма)²¹ завесе, мы обнаружим, что там архангел Михаил перечисляет добрые дела каждого из нас» (Smith 1991: 15). Во «Втором слове» отмечается, что «архангел Михаил всегда пребывает перед (мпмто евол мпкатапетасма) завесой Бога» (Stone 1991: 19). Также он сам о себе свидетельствует: «Я стоял перед (мпмто евол мпкатапетасма) завесой Бога, вы же приняли Тело Господа» (Stone 1991: 21).

Еще один псевдоатрибутируемый текст — «Слово в честь архангела Михаила, произнесенное Тимофеем Александрийским» (рукопись Британского музея Or. 7029; датируется X в.; текст написан, возможно, в VI–VII в.²²) — акцентирует внимание читателя на том, что архангел выходит из-за завесы Бога-Отца (Budge 1915: 516). Отдельно отмечается праздник 12-го паони²³, когда архистратиг уходит за завесу (εροϋν мпкатапетасма) и молит Бога за людей, животных и разлив реки, ангелы же ожидают его вне. Когда архангел выходит, то по его лику становится ясно, что Бог смилостивился и на этот раз (Budge 1915: 518).

Пространный рассказ о благочестивой христианке Евфимии засвидетельствован в «Энкомии в честь архангела Михаила, произнесенном Евстафием Фракийским²⁴» (та же рукопись, что и выше «Слова» псевдо-Василия Великого; текст написан, возможно, в тот же период). В нем архистратиг упоминается в связи с завесой два раза. Во-первых, Дьявол, искушающий Евфимию, замечает, что начиная с 12-го паони Михаил с другими ангелами молится вне завесы (мповл мпкатапетасма) о водах Нила три дня и три ночи и поэтому не придет на помощь Евфимии (Campagnano, Orlandi 1977: 146). Затем Евфимия

²¹ Досл. «вне завесы».

²² См. подробнее о жанре и датировке Suciú 2017: 128–132.

²³ 19 июня.

²⁴ Копт. ερακν, греч. Φράκη ‘Фракия’. В Египте не было области с таким названием, и сам автор считается вымышленным персонажем (Orlandi 1991: 1073).

обращается к архангелу со словами: «...ты предстоишь всегда перед престолом Бога Вседержителя... Я же знаю, что у тебя есть власть поднять наверх завесу (εγραμ μπκαταπεταςμα) Бога Вседержителя без доклада» (Campagnano, Orlandi 1977: 168), т. е. пройти к Богу за завесу.

Наконец, еще один актуальный для анализа текст — это «Энкомий четырех животным Апокалипсиса» (часть рукопись из библиотеки Пирпонта Моргана М612, часть — из Нового музея в Берлине Р. 11965; датируется IX в.; текст написан, возможно, в VII–VIII в.²⁵). Об архангеле Михаиле автор текста псевдо-Иоанн Златоуст пишет: «У Михаила есть свобода входить за завесу (ερουν επκαταπεταςμα) без доклада» (Smagina 2021: 245). Сам архистратиг повторяет это ниже (Smagina 2021: 251).

Итак, слово *катапéτασμα* в библейской традиции (и, видимо, не только) имело отношение к сфере священного. Из практической функции завесы выводятся ее характеристики, важные для духовного мира. В Новом Завете завеса прямо толкуется как плоть Христа. Столь важный элемент Скинии и затем Иерусалимского храма не был оставлен без внимания в коптской традиции. Завеса *катапéτασμα* сохранила у египтян-христиан свое значение: отделяя пространство в храме и на земле (скорее всего, алтарь), *катапéτασμα* также имела свое важное место и в устройстве небесной Церкви. Бог скрыт завесой от небожителей. Изображенный на завесе херувим, о котором сказано в Ветхом Завете, здесь заменен двенадцатью херувимами, охраняющими вход к Богу. Идея евангелистов, для которых разорванная завеса символизировала разрушение любого препятствия на пути к Богу как на земле, так и на небе, не нашла отражения в коптском предании о небесной Церкви.

Священный статус завесы достаточно высок, она снова — граница соприкосновения, так как перед ней архангел Михаил молится Богу обо всем мире. Если, по словам апостола Павла, люди получили свободу пройти за завесу, то у египтян-христиан только один архангел имеет дерзновение заходить за нее²⁶, и даже больше — он делает это, не предупреждая Бога о своем входе. Наказания за самовольный проход за завесу не упоминаются, но на небесах никто бы не осмелился на это. Таким образом, можно заключить, что *катапéτασμα* в коптской

---

²⁵ См. сн. 22.

²⁶ Ср. «Ангел Лица» (Smagina 2021: 245, п. 11).

традиции больше связана с ветхозаветными представлениями, чем с новозаветными, хотя некоторые детали совпадают с образами из Апокалипсиса.

Литература

- Abercrombie, L., Lundhaug, H. 2020: The Mysteries of John. An introduction and translation. In: T. Byrke (ed.). *New Testament Apocrypha. More Noncanonical Scriptures. Volume two*, 481–498.
- Bagnall, R. S. 1996: *Egypt in Late Antiquity*. Princeton.
- Belenkaja, E. 2022: Καταπέτασμα in Exodus and Hebrews: A Reevaluation of the Inner and the Outer Veil. In: G. R. Kotzé, M. N. van der Meer, M. Rösel (eds.). *XVII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Aberdeen, 2019*, 395–428.
- Bohairic Bible URL: <http://www.crosswire.org/study/wordsearchresults.jsp?mod=BohairicBible> (дата обращения: 7.04.2023).
- Budge, E. A. W. 1914: *Coptic martyrdoms etc. in the dialect of Upper Egypt*. Vol. 1. London.
- Budge, E. A. W. 1915: *Miscellaneous Coptic Texts in the Dialect of Upper Egypt*. London.
- Campagnano, A. M., Orlandi T. 1977: *Quattro omelie copte*. Milano.
- Coptic veil URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/475091> (дата обращения: 7.04.2023)
- Draguet, R. 1960: *Index copte et grec-copte de la Concordance du Nouveau Testament sahidique*. Leuven.
- Frangulian, L. R. forthcoming: 24, 72, 1000: Biblical Numbers in the Investitures of the Archangels Michael and Gabriel. In: *Parabiblica Coptica*.
- Frangulian, L. R. 2019: *Agiograficheskiy mir muchenikov v koptskoj literature [The Hagiographic World of Martyrs in Coptic Literature]*. Moscow.
- Франгулян Л. Р. 2019: *Агиографический мир мучеников в коптской литературе*. М.
- Gane, R. E. 2000: Re-opening katapetasma (‘veil’) in Hebrews 6:19. *Andrews University Seminary Studies* 38/1, 5–8.
- Golovnina, N. G. 2015: [Coptic language]. *Pravolsavnaia jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]* 37, 610–613.
- Головнина, Н. Г. 2015. Коптский язык. *Православная энциклопедия* 37, 610–613.
- Gurtner, D. M. 2004: Καταπέτασμα: Lexicographical and Etymological Considerations to the Biblical “Veil”. *Andrews University Seminary Studies* 42/1, 105–111.
- Gurtner, D. M. 2006: *The Torn Veil: Matthew’s Exposition of the Death of Jesus*. Cambridge.

- Kalinin, M. G. 2012: [Yom Kippur]. *Pravoslavna jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]* 28, 710–717.
Калинин, М. Г. 2012. Йом Киппур. *Православная энциклопедия* 28, 710–717.
- Martyrdom of Victor. URL: <https://data.copticscriptorium.org/texts/victor/martyrdom-of-victor-part-4/analytic> (дата обращения: 7.04.2023).
- Miroshnikov, I. 2019: Fourth Maccabees 1:1–6 in Sahidic Coptic. *Journal of Biblical Literature* 138(3), 625–642.
- Moore, N. J. forthcoming: ‘Once more unto the breach’: the sanctuary veil in the synoptic Gospels and Hebrews. *Revue Biblique*, 1–14. URL: https://www.academia.edu/46667928/Once_More_Unto_the_Breach_The_Sanctuary_Veil_in_the_Synoptic_Gospels_and_Hebrews_Revue_Biblique_forthcoming_ (дата обращения: 7.04.2023).
- Orlandi, T. 1991: Eustathius of Thrace. *Coptic Encyclopedia* 4, 1073.
- Otto, A. P. 1951: The Apocalypse of John and the Liturgy of the Ancient Church. *Church History* 20 (1), 10–22.
- Papastavrou, E., Vryzidis, N. 2021: Notes on the Sanctuary Curtain: Symbolisms and Iconographies in the Greek Church. *Cahiers Balkaniques* 48, 91–122.
- Sahidic Bible URL: <http://www.crosswire.org/study/wordsearchresults.jsp?mod=SahidicBible> (дата обращения: 7.04.2023).
- Schneider, C. 1936: Studien zum Ursprung liturgische Einzelheiten östlicher Liturgien: ‘καταπέτασμα’. *Kyrios: Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas* 1, 57–73.
- Smagina, E. B. 2021: [Encomium on the four bodiless living creatures]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/1, 243–261.
Смагина, Е. Б. 2021: Коптский энкомий четырем животным Апокалипсиса. *Вестник древней истории* 81/1, 243–261.
- Smagina, E. B. 2015: [The Mysteries of John, apostle and holy virgin]. *Vestnik PSTGU [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology]* 5 (45), 97–110.
Смагина, Е. Б. 2015: Мистерии Иоанна, апостола и святого девственника. *Вестник ПСТГУ* 5 (45), 97–110.
- Smith, J. R. 1991: First homily on st. Michael archangel delivered at Lasike. In: L. Depuydt (ed.). *Homiletica From the Pierpont Morgan Library, Scriptorum Coptici* 43, 10–16.
- Stone, M. C. 1991: Second homily on st. Michael archangel delivered at Lasike. In: L. Depuydt (ed.). *Homiletica From the Pierpont Morgan Library, Scriptorum Coptici* 43, 17–23.
- Suciu, A. 2017: *The Berlin-Strasbourg Apocryphon: A Coptic Apostolic Memoir*. Tübingen.
- Taft, R. F. 2010: *Stat'i (Articles)*. Vol. 1. Omsk. Тафт, Р. Ф. 2010: Статьи. Т. 1. Омск.

И. В. Хорькова

Российский гос. университет правосудия, Москва, Россия. stauross@yandex.ru

ИСТОЧНИКИ АРНОБИЯ В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ (АН III. 38–42)

В статье исследуются философско-теологические толкования сущности нескольких групп римских богов: пенатов, ларов и *Novensiles*, которые упоминаются в главах 38–42 третьей книги апологии Арнобия, с целью определения источников. В результате сравнений текстов Арнобия, Аврелия Августина, Макробия и Сервия автор приходит к выводу об общем источнике у двух последних авторов. Непосредственным источником труда Арнобия было латинское сочинение энциклопедического характера, а его первоисточниками были произведения римских анналистов и антикваров.

Ключевые слова: анналистическая традиция, источниковедение Древнего Рима, Теренций Варрон, христианские апологеты, римская религия, лары, пенаты, Новенсилес.

I. V. Khor'kova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia. stauross@yandex.ru

Arnobius' sources in the final chapters of the third book (AN III. 38–42)

The article explores the philosophical and theological interpretations of the essence of several groups of Roman gods (*penates*, *lares* and *Novensiles*) reported in chapters 38–42 of the third book of Arnobius' apology *Adversus nationes libri septem*, in order to determine his sources. Various points of view of researchers on this issue are considered. The author expresses doubt about the widespread point of view that Arnobius used Cornelius Labeo's works as his main direct source. A comparison of the texts of Arnobius, Aurelius Augustine, Macrobius and Servius leads to a conclusion about the common source of the last two authors and the common archetype for all listed authors. Arnobius' immediate source was a Latin composition of an encyclopedic nature, and his primary sources were the works of annalists and antiquaries. Philosophical interpretations of the essence of *penates*, *lares* and *Novensiles* attested in Arnobius' work are valuable pieces of theological thought, based on early and reliable sources.

Keywords: annalistic tradition, source study of Ancient Rome, Terence Varro, Christian apologists, Roman religion, *lares*, *penates*, *Novensiles*.

Заключительные главы третьей книги апологии Арнобия «*Adversus nationes libri septem*» (Семь книг против язычников) посвящены изложению особого материала, а именно, философско-теологическим толкованиям сущности нескольких групп римских богов — пенатов, ларов и *Novensiles*. Это божества древнейшего пласта римских религиозных представлений, сущность и функции которых уже самим римлянам были не вполне ясны. Поэтому мнения римских антикваров, которые приводит Арнобий в своей апологии, представляют особый интерес.

В рамках настоящей статьи нас интересуют, прежде всего, источники, которые использовал Арнобий при изложении материала о пенатах, ларах и *Новенсилес*.

Первыми упоминаются Арнобием боги *Новенсилес* (*Novensiles*). Ссылаясь на Пизона, наш автор сообщает, что *Новенсилес* — это девять богов, культ которых был установлен сабинами в Требии (*Arnob. AN III. 38*). Под именем Пизона имеется в виду средний анналист Луций Кальпурний Пизон Фруги, написавший *Анналы* в семи книгах, на которые часто ссылается Тит Ливий и которые использовал в своих сочинениях Варрон (*Forsythe 1994: 75*). Очевидно прослеживается этимология теонима *Novensiles* от числительного *novem* (девять) и связь этих богов с сабинскими культами. О сабинском происхождении *Новенсилес* свидетельствует также Варрон в сочинении «*De lingua latina*» (О латинском языке): «*Feronia, Minerva, Novensides a Sabinis*» (*Varro LL V. 74*). Однако Варрон использует другую форму имени — *Novensides*, а не *Novensiles*, как у Арнобия. По мнению Г. Виссова, форма *Novensides* более ранняя (*Wissowa 1892: 3*), поскольку встречается в надписях, посвященных текстах и сакральных формулах (Ср. *CIL I 178: Deiv(is) Nove(n) sed(is)*). Однако в приведенной Ливием древней ритуальной формуле посвящения, вложенной в уста понтифика Марка Валерия, употреблена именно форма *Novensiles* (*Liv. VIII. 9. 6*).

Далее Арнобий сообщает, что Граний и Элий считают, что *Новенсилес* — это музы (*Arnob. AN III. 38*). Информаторами Арнобия являются Граний Флакк (I в. до н. э.), автор сочинения «*Ad Caesarem de indigitamentis*» (*Cens. DN III. 22*), и антиквар Л. Элий Стилон Преконин (154-74 гг. до н. э.), учитель Варрона и Цицерона.

Варрон, согласно Арнобию, считал, что имя *Новенсилес* происходит от их девятиричности (*novenarium*), поскольку это

число (*novem*) является наиболее благоприятным и высшим (Арноб. *AN* III. 38). Число девять как тройная триада и полнота цикличности считается сакральным во многих религиозных системах. В этом сообщении также имя *Novensiles* производится от числительного *novem* (девять).

В следующем пассаже Арнобий ссылается на Корнифиция и сообщает, что этот автор признает богов Новенсилес покровителями всего нового (*novitatum*), которые заботятся о возобновлении и продолжении существования (Арноб. *AN* III. 38). Здесь речь идет об антикваре Корнифиции Лонге, жившем в I в. до н. э. Теоним *Novensiles* производится им от слова *novitas* (новизна).

Далее Арнобий упоминает мнение Манилия, который видит в Новенсилес девять богов, которым Юпитер дал власть метать молнии. Отметим, что у Плиния Старшего есть упоминание девяти богов, которых этрусские сочинения называют способными метать молнии (Plin. *NH* II. 138). Наконец, Цинций считает Новенсилес чужеземными богами, получившими название из-за своей новизны (*novitate*), поскольку римляне обычно вводили религии побежденных городов в отдельных семействах и призывали всех Новенсилес, то есть всех новых богов под общим именем (Арноб. *AN* III. 38). Первый из названных авторов — это грамматик I в. до н. э. Л. Манилий, второй — старший анналист Л. Цинций Алимент, писавший по-гречески. У Манилия мы снова встречаем этимологию *Novensiles* от *novem*, у Цинция Алимента — от *novitas*.

Итак, несмотря на кажущуюся пестроту мнений античных авторов, в конечном счете разница мнений сводится к двум этимологиям *Novensiles* — от *novem* (девять) или от *novus* (новый), *novitas* (новизна). Даже мнение Грания Флакка и Элия Стилона о том, что Новенсилес — это музы, также указывает на число девять. Это становится несомненным, если обратиться к главе 37 Арнобиевой апологии, которая предшествует рассматриваемому фрагменту. В этой главе Арнобий со ссылками на греческих авторов сообщает разные сведения о музах, в том числе об их количестве, которое у разных авторов колеблется от трех до девяти. Сразу после этого он переходит к изложению информации о Новенсилес, которые, во-первых, также некоторыми авторами идентифицируются с музами, и во-вторых, этимологически восходят к *novem* (девять). Здесь ясно прослеживается логическая связь указанных выше глав, что, возможно, отражает источник Арнобия.

Важный вопрос, который возникает при рассмотрении материала, являлись ли названные Арнобием авторы его непосредственными источниками. Учитывая, что некоторые имена встречаются в сочинении Арнобия только единожды, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно. Скорее всего, Арнобий перечисляет имена авторов, которые встретились ему в его непосредственном источнике. Это обычная практика нашего апологета. Однако перечисленные анналисты и антиквары увеличивают ценность приведенной Арнобием информации, поскольку являются ее первоисточниками или промежуточными источниками. Так Кальпурний Пизон, будучи цензором, имел доступ к архивным материалам о постройках древнего Рима и книгам авгугов (Rawson 1991: 261; Sidorovich 2005: 129). Благодаря его сочинениям Арнобий и другие поздние авторы получили доступ к этим ценным источникам. В целом следует отметить компетентность перечисленных Арнобием авторов.

Боги Новенсилес и их трактовка зафиксированы и у других античных авторов. Помимо уже упомянутых фрагментов Варрона и Ливия есть еще свидетельство Сервия Гонората, в котором сообщается, что «*sane quidam veteres deos novensiles dicunt, quibus merita dederint numinis dignitatem*» (к Новенсилес относятся люди, за доблесть заслужившие божеские почести) (Sev. *Aen.* VIII. 187). У Арнобия тоже есть такая версия в 39 главе без указания на источник: *Sunt praeterea nonnulli, qui ex hominibus divos factos hac praedicant appellatione signari, ut est Hercules Vomulus Aesculapius Liber Aeneas* (Кроме того, есть некоторые, которые утверждают, что этим названием обозначаются обожествленные люди: как Геркулес, Ромул, Эскулап, Либер, Эней). В сочинении Аврелия Августина «*De civitate Dei*» (О граде Божьем) находим следующее замечание: «*Hunc Platonem Labeo inter semideos commemorandum putavit, sicut Herculem, sicut Romulum. Semideos autem heroibus antepontit; sed utrosque inter numina conlocat*» (Лабеем полагал, что Платона следует считать за полубога, как Геркулеса и Ромула; полубогов же он ставил выше героев, хотя и тех и других помещает среди божеств) (Aug. *CD* II. 14). Это замечание заставляет некоторых исследователей считать основным источником Арнобия в этом фрагменте труд Корнелия Лабеена, римского антиквара предположительно III в. н. э. (Kettner 1877: 23, 29–30; Kahl 1889: 723, 792). Вывод сделан не только на основании

рассматриваемого фрагмента, поэтому мы вернемся к этому вопросу.

Благодаря сакральной формуле заклѣтия, приведенного Ливием, Новенсилес, как правило, рассматриваются в паре с богами Индигетами, основываясь на противопоставлении: *divi Novensiles — di Indigetes*. В сообщениях большинства античных авторов Индигеты ассоциируются с героем Энеем. Ливий сообщает, что Энея, похороненного над рекой Нумик, называют Юпитером Индигетом (*Iuppiter Indiges*) (Liv. I. 2. 6). То же читаем у Сервия (*Aen.* I. 259). Наиболее полную версию передает Дионисий Галикарнасский, а именно: после кровопролитной битвы близ Лавиния тело Энея нигде не могли найти. Поэтому одни уверяют, что он вознесся к богам, а другие, — что погиб в реке. Латинцы устроили ему героон, отмеченный таким посвящением: «Отцу и подземному божеству, который разгоняет воды реки Нумик». Но некоторые утверждают, что этот памятник сооружен Энеем Анхису. От него остался небольшой холмик, окруженный деревьями (*Dion. AR* I. 64. 4–5). Очевидна отсылка к римской топонимике.

В двух других фрагментах Сервий называет Индигетами причисленных к богам людей: «*indigetes sunt dii ex hominibus facti*» (*Aen.* XII. 794; *Georg.* I. 498). Кроме того, Сервий толкует слова на основе этимологического принципа. *Indigetes* — от глагола *indigeo* (быть лишенным, нуждаться), поскольку мы нуждаемся в богах, или от глагола *indigeto* (зывать, молить). И только одно толкование подтверждает противопоставление *Novensiles — Indigetes*: «*alii patrios deos indigetes dici debere tradunt*» (иные передают, что отчие боги должны называться Индигетами) (*Aen.* XII. 794). Своих источников Сервий здесь не называет. Некоторые исследователи считают, что Индигеты — это боги понтификальных книг *Indigitamenta* (Wissowa 1892: 5).

Следующая глава труда Арнобия посвящена богам пенатам. Первое толкование принадлежит Нигидию, считающему богами-пенатами Нептуна и Аполлона, которые по заключенному договору окружили Илион стенами. Тот же Нигидий в 16 книге в соответствии с этрусскими учениями дает следующее разъяснение: пенаты есть четырех родов — Юпитера, Нептуна, подземного мира и смертных людей (*Arnob. AN* III. 40). Информатором Арнобия является Публий Нигидий Фигул (98–45 гг. до н. э.), государственный деятель, которого считали в Риме знатоком этрусских древностей. Первое толкование связано с мифом о службе Нептуна и Аполлона у троянского царя

Лаомедонта, известным из «Илиады» (Hom. *Il.* VIII. 452; XXI. 441–457) и других источников (Pind. *Ol.* VIII. 31–45; Apollod. II. 5. 9). Второе толкование можно назвать философским, увязывающим богов-пенатов с частями мира (небо, море, земля).

Близкая по содержанию информация имеется в сочинениях Макробия (Macr. *Sat.* III. 4. 6–7; ср. Serv. *Aen.* I. 378; II. 296, 325; III. 12). Первое толкование Арнобия имеется и у Сервия, и у Макробия, которые добавляют, что Эней принес эти божества в Италию (Serv. *Aen.* I. 378; Macr. *Sat.* III. 4. 6). Оба автора, помимо упомянутого Арнобием Нигидия Фигула, называют своим источником еще и Корнелия Лабедона, а Макробий прибавляет, что информация взята из 19 книги Нигидия «*De dis*» (О богах). Информация Сервия и Макробия совпадает, вплоть до цитаты из Вергилия. Арнобий цитату из Вергилия не приводит, но добавляет слова «*condicione adiuncta*» (по заключенному договору). Второго толкования, приведенного Арнобием со ссылкой на 16 книгу Нигидия Фигула, нет ни у Макробия, ни у Сервия. Сервий приводит далее сообщение Варрона о том, что Эней принес в Италию деревянные или каменные фигурки, которые и являются богами-пенатами, а также приводит еще одну цитату из Вергилия, которой нет у двух других авторов.

Г. Кеттнер на основании исследования этих пассажей приходит к выводу, что Макробий и Сервий пользовались комментариями к Вергилию, а Арнобий цитировал сочинение Корнелия Лабедона «*De dis animalibus*» (Об обоженных душах), источниками которого были Нигидий Фигул и Варрон (Kettner 1877: 14). Такое заключение базируется на том, что Макробий и Сервий ссылаются на Нигидия и Лабедона, а Арнобий только на Нигидия, опуская имя Лабедона, который и мог быть его непосредственным источником.

Следующее толкование Арнобий дает со ссылкой на Цезия (Caesius), по мнению которого пенаты — это Фортуна, Церера, гений Юпитера и Палес, но не женского, а мужского рода, служитель и управитель Юпитера. Арнобий указывает, что в этом толковании Цезий следует тем же, то есть этрусским учениям. Сервий предлагает сжатый вариант той же информации: этруски считают пенатами Цереру, Палес и Фортуну. Он не называет ни гения Юпитера, ни пол и занятия Палес (Aen. II. 325). Тем не менее оба автора увязывают это толкование с этрусскими учениями. Здесь ценно упоминание древнейшего божества Палес, богини-охранительницы скота, с именем

которой был связан Палатин (Bayet 1969: 129–132), что опять возвращает нас к римской топонимике.

Кто такой Цезий, на которого ссылается Арнобий? Г. Виссова указывал на невозможность определить, кого имел здесь в виду Арнобий (Wissowa 1904: 127). Однако если обратиться к текстам Макробия и Сервия, то в следующих за рассмотренным фрагментом толкованиях богов-пенатов мы найдем ссылку на Кассия Гемину (Macr. Sat. III. 4. 7; Serv. Aen. II. 296). Учитывая большое количество ошибок в рукописи Арнобия, что отмечали все его издатели и переводчики, можно предположить ошибку переписчика и в этом фрагменте, тем более, что речь идет всего об одной букве: Caesius — Cassius. Л. Кассий Гемина — латинский автор конца II в. до н. э., уделивший в своем труде антикварного направления большое внимание именно религиозным вопросам (Sidorovich 2005: 124–125). Правда, толкование пенатов у Макробия и Сервия со ссылкой на Кассия Гемину не совпадает с толкованием, которое есть у Арнобия со ссылкой на Цезия. Это серьезный аргумент против. Однако не совпадает и толкование пенатов, приводимое Арнобием со ссылкой на Варрона, с толкованием Макробия со ссылкой на того же Варрона (Arnob. AN III. 40; Macr. Sat. III. 4. 7).

Арнобий сообщает, что по мнению Варрона пенаты — это боги, обитающие во внутренних покоях неба (*penetralibus*), их число и имена неизвестны. В сообщении очевидна этимология *penates* от *penetrare* (недра, тайник). Интересно, что Сервий, имея в виду ту же этимологию, по-другому объясняет ее происхождение: «*qui ideo penates appellantur, quod in penetralibus aedium coli soleant*» (пенаты называются так потому, что обычно почитаются во внутренних святилищах храмов) (Serv. Aen. III. 12). У него речь идет о внутреннем святилище храма, а не о небесных покоях, как у Арнобия. Своего источника Сервий не называет.

Следующее толкование Арнобий приписывает этрускам, то есть этрусским учениям. Этруски называют пенатов *Consentes* или *Complices*. Это шесть богов мужского и шесть женского пола с неизвестными именами. Они являются советниками Юпитера, они вместе появляются и умирают. Эти божества немилосердные. Необычно в этом толковании то, что имена *dii Consentes* или *Complices* неизвестны, а также декларируемая смертность этих божеств. Обычно под этим именем понимались высшие боги объединенного греко-римского пантеона, члены Олимпийского совета: *Juppiter, Juno, Vesta, Ceres, Diana*,

Minerva, Venus, Mars, Mercurius, Neptunus, Vulcanus, Apollo, то есть действительно шесть богов мужского и шесть женского пола. Информатор Арнобия неизвестен. Такого пассажа нет ни у Макробия, ни у Сервия.

Далее следует информация, которая есть у всех трех наших авторов. Богами-пенатами объявляется Капитолийская триада: Юпитер, Юнона, Минерва, однако с философским толкованием. Благодаря этим богам мы дышим, имеем тело и способность мыслить, поскольку Юпитер — это срединная часть эфира, Юнона — нижняя часть воздуха с землей, а Минерва — наивысшая часть эфира. Такую информацию находим у Макробия и Сервия. Хочется обратить внимание на почти дословное совпадение текстов Макробия и Сервия: «*sed qui diligentius eruunt veritatem Penates esse dixerunt per quos penitus spiramus, per quos habemus corpus, per quos rationem animi possidemus: esse autem medium aethera Iovem, Iunonem vero imum aera cum terra et Minervam summum aetheris cacumen...*» (Macr. Sat. III. 4. 7-8); «*Nonnulli tamen penates esse dixerunt, per quos penitus spiramus et corpus habemus et animi rationes possidemus. Eos autem esse Iovem, aetherem medium; Iunonem, imum aera cum terra; summum aetheris cacumen, Minervam...*» (Serv. Aen. II. 296). Если не считать незначительных различий: повторения у Макробия *per quos*, замененного у Сервия на союз *et*, иного порядка слов и употребления единственного или множественного числа в некоторых местах, тексты идентичны, включая конструкцию *accusativus cum infinitivo* и употребление падежей. Совершенно ясно, что у Макробия и Сервия здесь был один источник.

Макробий предваряет рассматриваемый пассаж словами: «*Qui sint autem di Penates in libro memorato Varro non exprimit: sed qui diligentius eruunt veritatem Penates esse dixerunt...*» (Варрон в упомянутой книге не сообщает точно, кто такие пенаты: однако те, кто ближе к истине, сказали, кто такие пенаты). То есть Варрон не является автором или сторонником излагаемой версии, тем не менее отсылка к его упомянутой книге (имеется в виду фундаментальный труд «*Antiquitates rerum humanarum et divinarum*» (Древности дел божеских и человеческих) свидетельствует о том, что сам материал о пенатах почерпнут Макробием в этом сочинении. Сервий здесь своего источника не называет, но дает обобщающее — *nonnulli* (некоторые). Для нашего исследования очень важно то, что Варрон излагал разные толкования, собирал разные точки

зрения, даже те, которые не одобрял и не поддерживал. Это значит, что его читатели могли выбрать одни толкования, опуская другие, что по всей видимости и происходило. Таким образом, мы можем встретить у разных авторов разные версии со ссылкой на сочинения все того же Варрона.

При общем смысловом совпадении информации текст Арнобия отличается от текстов Макробия и Сервия: «Nec defuerunt qui scriberent Iovem, Iunonem ac Minervam deos Penates existere, sine quibus vivere ac sapere nequeamus et qui penitus nos regant ratione, calore ac spiritu» (Есть также такие, которые писали, что боги Пенаты — это Юпитер, Юнона и Минерва, без которых мы не можем жить и понимать, и которые изнутри управляют нами через разум, теплоту и дыхание) (Agnob. AN III. 40). Здесь мы находим употребление совсем других слов для выражения той же мысли. Следует сказать, что тексты Арнобия отличаются именно словоупотреблением, что мы уже отмечали ранее (Khor'kova 2019: 1098). Создается впечатление, что наш автор специально заменяет слова, изменяет грамматические конструкции, вносит вариации в текст при сохранении основного содержания. Сегодня это называется *rewriting*. Арнобий широко пользуется этим приемом.

Арнобию известно толкование пенатов, приведенное Макробием и Сервием, что становится понятным, если обратиться к главам 30–31 его апологии. В этих главах Арнобий подробно излагает различные точки зрения на сущность Юпитера, Юноны и Минервы. В частности о Юпитере он сообщает: «aethera nonnulli flagrantem vi flammea atque ardoris inextinguibili vastitate» (некоторые признают его за пылающий пламенем и безмерным неугасимым жаром эфир (Agnob. AN III. 30–31). У Макробия есть близкое по смыслу сообщение со ссылкой на Корнифиция (Macr. Sat. I. 23), вероятно, на Корнифиция Лонга, о котором упоминает Арнобий в связи с пассажем о Новенсилес. Юнона означает воздух (aer), «как вы обыкновенно шутя говорите, переставляя буквы греческого имени» (Agnob. AN III. 30). Имеется в виду происхождение теонима Ἦρα от ἄηρ. В следующей главе Арнобий пишет, что «eandem hanc alii aetherium verticem et summitatis ipsius esse summam dixerunt» (другие утверждали, что Минерва означает вершину эфира и всю высшую область его) (Agnob. AN III. 31). Здесь мы также можем наблюдать разницу в словоупотреблении при одинаковом содержании сообщений Арнобия, Макробия и Сервия. Перед сообщением о Минерве Арнобий ссылается на Грания

(то есть Грания Флакка), как и в пассаже о Новенсилес. Судя по этимологии имени Геры, источник Арнобия содержал сопоставление имен греческих и римских божеств.

Последнее сообщение Арнобия о богах-множествах повествует о ларах (Арноб. *AN* III. 41). Народ считает их богами улиц и путей, потому что греки называют улицы *λαύρας*. Здесь мы вновь встречаемся с этимологическим методом, производящим латинское название от греческого слова, как и в случае с Юноной-Герой. Далее Арнобий сообщает, что Нигидий в разных сочинениях отождествлял их со стражами домов, Куретами, самофракийскими Дигитами или с пятью Идейскими Дактилями. О самофракийских богах сообщает и Макробий со ссылкой на «Древности» Варрона, однако идентифицируя их с пенатами, привезенными из Самофракии во Фригию, а затем Энеем из Фригии в Италию (Масг. *Sat.* III. 4. 7). Кроме того, самофракийские боги фигурируют в текстуально близких сообщениях Макробия и Сервия со ссылкой на Кассия Гемину, который опять-таки связывает их с пенатами (Масг. *Sat.* III. 4. 7; *Serv. Aen.* II. 296).

С одной стороны, сообщение Арнобия более детальное и содержит то, чего нет у Макробия и Сервия. С другой стороны, наш автор связывает самофракийских богов с ларами, а Макробий и Сервий — с пенатами. Что это? Ошибка Арнобия или сознательное искажение им материала для того, чтобы подчеркнуть запутанность языческих теологических и философских толкований, о которой он часто говорит в своем труде?

Завершает материал о ларах сообщение со ссылкой на Варрона, мнение которого в этом вопросе колеблется, по утверждению Арнобия. Варрон называет ларами манов, мать которых носит имя Мания. В сочинении Варрона «*De lingua latina*» есть соответствующее сообщение: «*videmus enim Maniam matrem Larum dici*» (Varro *LL* IX. 61). Более развернуто эту информацию повторяет Макробий, дополнительно сообщая, что во время праздника Компиталий, которые так называются от перекрестков (*compitogum*) дорог, на которых они проводились, в жертву ларам и их матери Мании приносили детей (Масг. *Sat.* I. 7. 34). Этимология *Compitalia* от *compitum* (перекресток, перепутье) перекликается с первым сообщением Арнобия о народных верованиях по поводу ларов.

По Арнобию, Варрон считает ларов героями, богами воздуха (*aerios deos*) или ларвами (*Larvas*), гениями и душами умерших. Аврелий Августин, рассказывая о естественной тео-

логии Варрона, также упоминает воздушные души (*aerías esse animas*), которые суть герои, лары, гении (*Aug. CD VII. 6*). Он замечает, что такая точка зрения характерна не только для Варрона, его основного источника, но также встречается у многих философов.

О связи ларов с душами умерших упоминает и Сервий без указания на источник (*Serv. Aen. VI. 152*). По его мнению, такая связь обусловлена тем, что в древности римляне хоронили своих усопших прямо в доме, где место почитания ларов. Здесь же он сообщает, что название *larva* (злой дух умершего) происходит от слова *lar*. В другом месте Сервий со ссылкой на книгу Лабеоны «*De diis animalibus*» сообщает, что пенаты и боги дорог (лары?) — это души людей, ставших богами (*Serv. Aen. III. 168*).

Итак, подведем итог нашего исследования. Прежде всего, можно констатировать близкое сходство информации, сообщаемой Арнобием, Макробием и Сервием о пенатах и ларах, что должно говорить об общем источнике или архетипе. При этом ссылки на источники информации тоже во многом идентичны. Это такие авторы, как Нигидий Фигул, Корнифиций Лонг, Граний Флакк, Марк Теренций Варрон, Кассий Гемина. Упоминание Сервием и Макробием среди источников сочинений Корнелия Лабеоны заставило некоторых исследователей считать именно этого автора непосредственным источником всех трех авторов.

Что мы знаем о сочинениях Корнелия Лабеоны? Сервий называет его труд — «*De diis animalibus*» (*Serv. Aen. III. 168*), Макробий — «*De diis penatibus*» (*Macr. Sat. III. 4. 6*). Не исключено, что это одно и то же сочинение. Лабеоны считают неоплатоником и последователем Варрона. Среди ученых нет общего мнения в отношении его несохранившихся сочинений. Г. Кеттнер и В. Кайль полагают, что Лабейон составил Лексикон по алфавитному принципу, а его методом анализа было деление римских богов на добрых и злых (Kettner 1877: 8, 16–17; Kahl 1889: 724–725). А. Зитте считает алфавитный принцип нетипичным для латинских сочинений и резонно замечает, что никто из цитировавших его авторов на такой принцип не указывает (Sitte 1970: 53, 90). Ф. Туллиус полагает, что Лабейон был оригинален, но полностью следовал Варрону (Tullius 1934: 74), с чем нельзя не согласиться, исходя из рассмотренных здесь параллельных сообщений Арнобия, Макробия, Сервия и Аврелия Августина. При таком положении вещей всякое предположение о заимствованиях Арнобием материала из несохранившихся

сочинений Лабео́на может носить лишь гипотетический характер.

Что можно сказать о промежуточном источнике сочинения Арнобия? Мы говорим именно о промежуточном опосредующем источнике, поскольку свои первоисточники он называет сам. Например, в рассмотренных главах 38–44, это сочинения анналистов Кальпурния Пизона, Кассия Гемины(?), Цинция Алимента, труды известных представителей антикварного направления Элия Стилона, Теренция Варрона, Нигидия Фигула, толкования сакральных книг Грания Флакка, Корнифиция Лонга. Как мы уже отмечали, труды не всех перечисленных авторов Арнобий использовал непосредственно, на что указывают разовые ссылки. Исследователи текстов Арнобия предлагают разные варианты решения вопроса о промежуточном источнике. Ф. Туллиус считает, что это был латинский источник энциклопедического характера (Tullius 1934: 71–72). А. Зитте считает, что Арнобий использовал несохранившуюся христианскую апологию, содержащую полемику с Варроном и Лабеоном (Sitte 1970: 41, 47). Как уже говорилось, Г. Кеттнер и В. Кайль называют этим источником сочинения Корнелия Лабео́на. П. Мастандреа, основываясь на отрывках из апологии Арнобия и Сервия (Arnob. AN II. 62; Serv. Aen. III. 168), выдвигает положение о том, что Арнобий в III. 29–42 полемизирует с Лабеоном, посвящая этому часть второй, третьей и седьмой книг (Mastandrea 1979: 103; 109). На аргументации этого исследователя хотелось бы остановиться подробнее.

В II. 62 Арнобий ссылается на легендарные Ахеронтские книги Этрурии, которые описывают жертвоприношения, при помощи которых души становятся божественными. По-видимому, исследователь предполагает здесь намек Арнобия на Лабео́на как знатока этрусских обычаев. Однако прямого указания на источник у Арнобия нет. Между тем, Нигидий Фигул считается не меньшим авторитетом по части этрусских древностей, и именно это имя упоминает Арнобий не один раз. Сервий действительно ссылается на книги Лабео́на в следующем пассаже: «...dicit Labeo in libris qui appellantur de diis animalibus: esse quaedam sacra quibus animae humanae vertantur in deos, qui appellantur animales, quod de animis fiant. Hi autem sunt dii penates et viales» (Лабео́н в книгах, которые называются «Об обожествленных душах», говорит, что есть некие обряды, при помощи которых человеческие души превращаются в так называемые dii animales, так как происходят от душ (animis).

Это и есть боги пенаты и боги дорог (*Serv. Aen.* III. 168). Можно говорить о некотором, хотя и не полном совпадении сообщений Арнобия и Сервия. Однако Августин также называет некие воздушные души, которые являются героями, ларами и гениями, но приписывает эту точку зрения Варрону и «многим другим философам» (*Aug. CD VII.* 6).

Сходство рассмотренных сообщений Арнобия и Сервия представляется недостаточным для утверждения о полемике Арнобия с Лабеоном в III. 29–42. Главы 37–42 мы подробно рассмотрели выше. Что касается глав 29–36, то в них Арнобий приводит различные философские истолкования сущности великих богов римского пантеона, которые имеются и у других авторов, в том числе у Цицерона в его знаменитом «*De natura deorum*» и у Августина. Хочется обратить внимание на имена богов, которых называет Цицерон: Сатурн, Юпитер, Юнона, Нептун, Дит-Прозерпина, Церера, Минерва, Янус, Веста, пенаты, Аполлон-Диана (*Cic. ND II.* 24–27). Фактически это список великих богов римского пантеона или *dii Consentes*, о которых упоминает Арнобий в связи с богами-пенатами. Цицерон в начале этой части указывает, что опирается на мнения о великих богах стоических философов Зенона, Клеанфа, Хрисиппа. У Арнобия находим похожий список богов с толкованием сущности в III. 29–33, а у Августина в VII. 6–17.

Толкования сущности этих богов, приводимые тремя названными авторами, очень близки при отсутствии текстуального сходства. Фактически вся приводимая информация является общим местом в сочинениях античных исследователей языческой религии. При этом Августин недвусмысленно называет здесь своим источником «Божественные древности» Варрона. В рамках настоящего исследования мы не ставили своей целью рассмотрение материала о великих богах. Мы только хотели показать, что такой материал вряд ли может быть отнесен к заимствованиям именно из сочинений Корнелия Лабеола.

Можно определить некоторые характерные для источника Арнобия черты, исходя из самого рассмотренного материала. Во-первых, в нем содержалась информация не только о римских, но и о греческих богах.

Во-вторых, Арнобий, Макробий, Сервий и Августин пользовались источниками, восходящими к общему первоисточнику. Об этом говорит совпадение фактического материала при отсутствии текстуальной идентичности. Этот феномен отчасти можно объяснить особой манерой Арнобия в изложении

материала своих источников, которую мы определили как *rewriting*.

В-третьих, применение различных методов — философские толкования, этимологический анализ — указывают на характерный для промежуточного источника исследовательский синтез, каталогизацию различных точек зрения. Кроме того, у всех перечисленных поздних авторов мы находим множественные ссылки на сочинения Варрона, а также указания на этрусские дисциплины. Поэтому мнение Ф. Гуллиуса представляется наиболее отвечающим перечисленным характеристикам, а именно, источник Арнобия носил энциклопедический характер. Вряд ли можно более конкретно ответить на вопрос о промежуточном источнике, поскольку под такое определение подходят многие труды. Это могло быть и само фундаментальное произведение Варрона «*Antiquitates rerum divinarum et humanarum*» и его же «*De gente populi romani*», называемое самим Арнобием (*Arnob. AN V. 8*), и другие более поздние произведения энциклопедического характера, в том числе и сочинения Корнелия Лабеоны, так настойчиво отстаиваемые некоторыми исследователями в качестве непосредственного источника Арнобия. На наш взгляд, это не самый важный вопрос при определении источниковой базы нашего автора. Значительно важнее названные самим Арнобием первоисточники его сочинения — произведения анналистов, Нигидия Фигулы, Теренция Варрона и других антикваров.

Что касается содержания рассмотренных глав труда Арнобия, то можно с уверенностью сказать, что они имеют определенную ценность вследствие того, что содержат различные точки зрения античных ученых на характер богов древнейшего пласта римских верований. Рассмотренный материал показывает сложность толкований сущности богов пенатов, ларов, Новенсилес. Конечно, применение античными авторами этимологического метода порой выглядит довольно наивно с точки зрения современной лингвистики, но нельзя забывать, что они значительно ближе хронологически к исследуемому предмету, и в их рассуждениях может заключаться рациональное зерно. В любом случае, сохраненные Арнобием и другими поздними авторами отрывки сочинений римских антикваров являются ценными памятниками теологической мысли.

Литература

- Bayet, J. 1969: *Histoire politique et psychologie de la religion Romaine*. Paris.
- Forsythe, G. 1994: The historian L. Calpurnius Piso Frugi and the roman annalistic tradition. N. Y.
- Kahl, W. 1889: Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur spätrömischen Litteraturgeschichte. *Philologus* 5, 719–806.
- Kettner, G. 1877: *Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Arnobius*. Naumburg.
- Khor'kova, I. V. 2019: Source studies problems of criticism of the pagan pantheon in Christian authors. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 23, 1095–1102.
- Хорькова, И. В. 2019: Источниковедческие проблемы критики языческого пантеона у христианских авторов. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1095–1102.
- Mastandrea, P. 1979: *Un neoplatonico latino Cornelio Labeone. Testimonianze e frammenti*. Leiden.
- Rawson, E. 1991: The first latin annalists. In: *Roman culture and society. Collected Papers*. Oxford.
- Sidorovich, O. V. 2005: *Annalistsy i antikvary. Rimskaya istoriografiya konca III–I vv. do n. e.* [Annalists and antiquaries. Roman historiography of the end of the III–I centuries BC]. Moscow.
- Сидорович, О. В. 2005: *Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н. э.* М.
- Sitte, A. 1970: *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien.
- Tullius, F. 1934: *Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nations*. Berlin.
- Wissowa, G. 1892: *De dis Romanorum indigetibus et novensidibus disputatio*. Marpurgi.
- Wissowa, G. 1904: *Gesammelte Abhandlungen zur Römischen Religions- und Stadtgeschichte*. München.

РУМЫНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: 4. РУМ. *PÎNĂ* ‘ДО’; 5. РУМ. *AZI* ‘СЕГОДНЯ’¹

(4.) Общепринятая этимология для рум. *pînă* ‘до’ < лат. *paene* (*ad*) ‘едва’ не очень удачна в плане семантики. Лат. *penitus* ‘вглубь’ и ‘вообще’ + *ad* в этом отношении почти идеально, ср. предлог *penes*, а также *penis* ‘membrum virile’, *Penātēs* ‘Пенаты’, *penetro*, *-are* ‘проникать’. Мешает фонетика, но тут выручает недавно установленная этимология рум. *la* ‘в, к, у’, ит. диал. (Абруцци) *la* < *latus* ‘сторона’, ср. аналогичную афезу исп., ит. *San* < *sanctus*. Переход наречия *penitus* в предлог ‘до’ произошел не позже IV в. н. э., так как ряд написанных на Востоке текстов этого периода употребляет это наречие только в его модальном значении — явный пуризм римских грамматиков, дистанцировавшихся от вульгарного неологизма.

(5.) Общепринятая этимология *azi* < *hāc die* рассматривается в п. 1. Под А. анализируется указательное местоимение; его отсутствие в общероманском делает невозможным это объяснение. Под Б. я показываю, что сущ. *dies* ж. р. — это калька с греческого. Мой вариант *azi* < *ad hodie*, предлагаемый в п. 2, к сожалению, не засвидетельствован, но имеет хорошие аналогии.

Ключевые слова: этимологии румынских предлогов и рум. *azi* ‘сегодня’, афеза лат. *-tus*, *hic haec hoc* в романском, *dies* ж.р., временные обороты с *ad* в поздней латыни, пуризм римских грамматиков.

А. В. Chernyak

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. abchernyak@mail.ru

Rumanian etymologies. 4. Rum. *pînă* ‘until’, 5. Rum. *azi* ‘today’

(4.) Common etymology for Rum. *pînă* ‘until’ < lat. *paene* (*ad*) ‘almost (to)’ doesn’t fit very well in terms of semantics. Lat. *penitus* ‘inward, to a point deep down’ and ‘completely’ + *ad* in this respect is almost perfect, cf. the preposition *penes*, as well as *penis* ‘membrum virile’, *Penātēs* ‘Penates’, *penetro*, *-are* ‘to penetrate’. Phonetics gets in the way, but here the recently established etymology of Rum. *la* ‘in, to, towards’ and It. dial. (Abruzzi) *la* < *latus* ‘side’ come to the rescue (cf. similar apheresis Span., It. *San* < *sanctus*). The transition of the adverb *penitus* to the preposition *before* occurred no later than the 4th century AD,

¹ 1–3 румынские этимологии см.: Chernyak 1987; 2003.

since a number of texts of this period written in the East use this adverb only in its modal meaning — the obvious purism of Roman grammarians, who distanced themselves from vulgar neologisms.

(5). The traditional etymology *azi* < *hăc die* is considered in part 1. In 1.A. the demonstrative pronoun is analyzed; its absence in Romance makes this explanation impossible. In 1.B. it is demonstrated that noun *dies* f. is a calque from Greek. My version *azi* < *ad hodie* (part 2) is unfortunately unattested, but it is supported by good analogies.

Keywords: etymology of Rumanian prepositions and *azi* ‘today’, apheresis of the Latin *-tus*, *hic haec hoc* in Romance, *dies* f., temporal phrases with *ad* in late Latin, purism of Roman grammarians.

4. Рум. *pînă* ‘до’

Предысторию вопроса можно найти у Мозера (Moser 1904: 409–464). С. Пушкариу и В. Мейер-Любке остановились на *porro* ‘вперед’ (см. REW 6669). Этимологию *paene ad* предложил Т. Чипариу и поддержал А. Росетти (в *Grai și Suflet* II (1925–1926), 356; см. ILR II (1969), 287 n.5). Она быстро стала общепринятой (ср. DLR VIII (1977), 703b; SDE/СДЭ 344a), хотя А. Чоранеску считал ее не очень убедительной и, на мой взгляд, не без оснований².

Предлагаемое здесь *penitus* ‘вглубь’ и ‘вообще’ + *ad* серьезно не рассматривалось, хотя в нашем распоряжении есть великолепный пример: Caes. Gall. 6, 10, 4: *Suevos ...penitus ad extremos fines se recepisse* (см. ThLL X 1, fasc. 7 (1992) 1079, 36), и мне просто не понятно, как мимо него мог пройти такой искушенный латинист, как Тимофей Чипариу. Вероятно, тут решающую роль сыграла фонетика. С нее мы и начнем.

1. Фонетика.

Наречие *penitus* кажется слишком длинным для румынского двусложного предлога, но это видимость. Афереза *-tus* в романских топонимах и служебных словах вовсе не редкость, ср.:

а) ит. *Orvieto* < *Hortus Vetus*, ср. *Or San Michele* во Флоренции;

б) исп., ит. *San* < *sanctus* (ср. Rohlfs GSLI).

в) рум. *la* ‘в, к, у’, ит. диал. (Абруцци) *la* < *latus* ‘сторона’ (см. Cherniak 1987: 248; 2003: 23–32).

² См. DER 6388: «... pero la der(ivación) no es clara». Лат. *paene* ‘едва, почти’ сохранилось в *paeninsula* и отчасти в *paenitentia* ‘раскаяние’.

2. Семантика

Наречие *penitus* образовано от и.-е. основы *pen*, ср. предлог *penes*, а также *penis* ‘membrum virile’, *Penates*, *penetro*, *-are* ‘проникать’. Почти полной аналогией развития значения латинского наречия может служить рус. *вплоть*, если только это *в* + *плоть* (тело), ср. *вплотную* от прил. *плотный*.

Лат. *penitus* принадлежит группе наречий на *-tus*, возникшей вокруг старого *intus*, ср. греч. ἐντός (Leumann 1977: 500). Его первоначальным значением было отложительное (откуда?), затем местное (где?) и директивное (куда?).

Некоторые из этой группы наречий тоже стали предлогами, например:

А. *intus*, которое в функции усилителя предлога сохранилось в ст.-фр. *enz el* и североитальянских диалектах, ср. «Секвенция о св. Эвлалии» 15: *Enz el fou la geterent com arde tost* «Ее бросили в огонь, чтобы она быстро сгорела» (Lat. Syntax 278; REW 4520; Rohlf, GSLI III, 227–228, § 858);

Б. Ит. *sotto*, фр. *sous*, рум. *dedesubt* < *subtus*. Это довольно редкое наречие (в «Паломничестве Эгерии» его место занимает более литературное *subter*) заменило старое *sub*, сохранившееся в рум. *sub*, а точнее в арум. *sum* (DER 8297; ILR II(1969) 285 n.1), и в ст.-исп. *so* (см. REW 8344, 8397, 8402).

Об ит. *fino a*, сард. (логуд.) *finas* ‘до’ < *fine ad* (см. REW 3315; Rohlf, GSLI III § 847). О судьбе лат. *usque* (см. REW 2877 и 4368): это логуд. *osca* < *eo usque*, ст.-фр. *(en)jusque* и пров. *enjusca* < *inde usque* (A. Tobler).

3. Сдвиг значения.

В отличие от *intus* и *subtus*, наречие *penitus* помимо локальных развивает модальное значение ‘вообще’. Эта эволюция значения от локального к модальному отмечена античными грамматиками (см. Prisc. III 502, 28): *hic localis, alias qualitatis; significat enim ‘prorsus’ vel ‘intima parte’* «Здесь местный, в других местах квалитативный; ибо обозначает “вперед, решительно” и “во внутренней части”» (ThLL X 1, fasc. 7 (1992) 1076, 41). Такой сдвиг значения присутствует уже у Цицерона (см. OLD 1324c s.v. *penitus* 5). Любопытно, что в поздней латыни наречия с локальным значением становятся редкими, а в «Паломничестве Эгерии», Вульгате, кодексе Феодосия и кодексе Юстиниана отсутствует вовсе (см. ThLL X 1, 1076, 44). Возникает подозрение, что это всего лишь реакция на переход наречия *penitus* в предлог ‘до’ в балканороманском (все четыре

памятника так или иначе связаны с восточной латынью)³. Это, таким образом, 1) пуризм римских грамматиков, как в случае *subter* — *subtus* и т. д.⁴ и 2) слабо просвечивающая диалектность вульгарной латыни, которую тщательно искали великий Эйнар Лёфстедт и его последователи.

5. Рум. *azi* ‘сегодня’

1. *Azi* < *hāc die*.

В REW 4163 для *hodie* приводится этимология С. Пушкариу *hā(c)die*, “mit Ersatz von *ho-* nach dem weiblichen Geschlechte von *zi*“, ср. ILR II (1969) 142. А. Чорэнеску (DER 563) предпочитает, однако, *hāc die*, и за ним следуют молдаване (SDE 21), а также Михэеску (Mihăescu 1978: § 205).

Мои возражения сводятся к следующему:

А. *Hic haec hoc* как указательное местоимение не перешло в романские языки за некоторыми исключениями:

а) REW 4176: *hāc hōrā* > ст.-исп. *agora*, совр. *ahora* ‘сейчас’, ст.-фр. *or(es)*, пров. *ora, ara*, ср. рум. *acum* < *eccum mōdō* (см. REW 5630; DER 65; СДЭ 22), ит. *ora* < *hōrā, adesso* и *mo* < *mōdō* (см. Rohlf's GSLI III, § 929);

б) REW 4161: *hoc anno* > сард. *okkanno* etc.;

в) REW 4158: *hōc(c)* > ст.-фр. *o, o il* > *oui*, пров. *o(c)* ‘да’ (утвердит. частица), ср. фр. *Languedoc, occitan*;

г) REW 4159: *hōc* ‘сюда’ > рум. *încoace* < *in ecce hoc ce*, ср. DER 4380: сард. *inoke, inoge* ‘здесь’;

д) *hāc* > исп. *acá* ‘здесь, тут’ < *eccum hāc* (см. DELC 46);

е) REW 4129: *hīc* ‘здесь’ > фр. *i, ci, ici*, исп. *aquí*, ит. *qui*, рум. *aici*;

ж) REW 4134: *hīnc* ‘отсюда’ > ит. *quinci*, исп. *aquen(de)* (см. DELC 46 s.v.) *acá*: ст.-фр. *enquenuit*;

з) *hōc* > ст.-фр. *ço, ce*, ит. *ciò*, а также ит. *però* ‘однако’, исп. *pero* ‘но’ < *per hoc* (см. ILR 120, §271).

При ближайшем рассмотрении возникает подозрение, что а)

б) в) ж) и з) это более или менее старые латинизмы

³ Эгерия и блаженный Иероним провели несколько лет в Святой Земле; Феодосий и Юстиниан были императорами Восточной Римской империи.

⁴ Другие примеры: а) архаичное произношение дифтонга *ae* как *ai* (Cherniak 2022, прим. 13) и б) исчезновение конструкции *part.perf.pass.* + *habeo* в период от Ливия до Григория Турского (Cherniak 2020, прим. 4).

(календарные даты, канцелярские обороты). Только два наречия из нашего списка (*hīc* ‘здесь’ и *hōc* ‘сюда’) можно отнести к общероманскому периоду. Из этого следует, что указательное местоимение *hic haec hoc* не вошло в первоначальный пиджин и всякие попытки использовать его для этимологии румынских служебных слов заранее необудительны.

Б. Сущ. *dies* ж. р.

REW 2632 регистрирует ж. р. помимо арумынского (а дакорум.?) еще и в кампиданском (юг Сардинии с г. Кальяри) *die*, а также частично в пров. *dia*. Это отчасти объясняет невнимание специалистов (см. DER 9489, где наша проблема даже не упомянута).

Другая причина — ранняя письменная фиксация: формы ж. р. появляются уже в законах 12 таблиц, проникают в поэзию с Вергилием и в прозу серебряного века, не говоря уже о поздней латыни (см. Lat. Syntax 10, §18). Это изобилие материала затрудняет анализ.

Проще начать с другого конца. Румынский в принципе может содержать как архаизмы, так и инновации, но прочие сопровождающие его ареалы указывают скорее на последнее. Напрашивается греч. ἡ ἡμέρα. Для кампиданского это тем более вероятно, потому что юг Сардинии долгое время находился под контролем Византии и первая дошедшая до нас кампиданская хартия написана греческими буквами (см. Tagliavini 1972: 520, § 84). Точно таким же образом следует объяснять и обнаруженные Г. Рольфсом в Южной Италии формы *la dia* (см. Rohlfs 1954: 201, ср. Lausberg RS III 72, § 667). В провансальском (окситанском) греческое влияние очевидно, хотя Массилия еще долго сохраняла свой старый греческий уклад. Можно вспомнить и балканских беженцев, которых видел в Бурдигале (совр. Бордо) грамматик Консенций в VII в. н.э. (см. Cherniak 2015: 116–121). В этом случае мы имеем дело с прямым балканороманским влиянием.

Восточнороманская калька с греческого (рум. *zi* ж.р. и т.д.) не является редкостью, ср. ст.-слав. *дьнница* ‘утренняя звезда’ (ария Ленского «Блеснет наутро луч денницы» в опере). Это фактически дублет сущ. *день*, ср. р. *царь* – *царица*, *стол* – *столица* (*urbs*, *πόλις*). По всей видимости, и дублетность лат. *dies* следует объяснять как кальку с греческого.

2. *Azi* < *ad hodie*.

Предлагаемый здесь этимон, увы, не обнаруживается в текстах⁵ (статья в ThLL VI, 3 (1987) 2848–2854, особенно последний раздел *iuncturae*, меня разочаровала), но из «Паломничества Эгерии» я знал о существовании оборота *in hodie* (см. Itin. Eg. 4,2) *Nam et spelunca, ubi latuit sanctus Helias, in hodie ibi ostenditur*. В этом памятнике таких примеров 16, правда, 10 приходится на *usque in* ‘(вплоть) до’ (см. Lex. Aeth. 90b). По всей видимости, перед нами калька греч. εἰς σήμερον (ср. Milani 1969: 219). У меня есть подозрение, что *in hodie* Эгерии — это продукт восточной латыни, за которым где-то маячит балканороманское отражение **ad hodie*.

Кроме того в нашем распоряжении есть целый ряд аналогичных композитов с временными значениями. Это:

- a) *ad tunc* (Itin. Eg. 16,6) > рум. *atunci* ‘тогда’;
- b) *ad quod* ‘как только’ (ibid. 36, 3, ср. Lat. Syntax 580);
- c) ит. *adesso* < *ad ipsum*;
- d) др.-сард. *appus*, рум. *apoi* < *ad post* (DER 335), ср. ит. *poi*, фр. *puis*;
- e) прочие аналогии: фр. *aujourd’hui*; фр. *demain*, ит. *domani* ‘завтра’ < *de mane*, ср. рум. *mîine* ‘завтра’.

С фонетикой все тоже не очень просто. При слиянии гласных многое зависит от ударения, ср. приведенное выше в а) (REW 4176): *hāc hōrā* > ст.-исп. *agora*, совр. *ahora* ‘сейчас’, ст.-фр. *or(es)*, пров. *ora, ara* — пров. *ara* предполагает ударение на первом слоге композита. Отметим, что в формах с предлогами ударение подвижно, ср. выше ит. *però* ‘однако’, исп. *pero* ‘но’ < *per hoc*, а также ит. *dopo*, рум. *după* ‘после’ < *de post*. Таким вот образом восстанавливается **ad hodie* > рум. *azi*, но это все же лучшее из худшего.

Литература и сокращения

- Cherniak, A. B. 2022: Obsheromanskiy: fonetika (sistema glasnykh) [Common Roman: phonetics (vowel system)]. *Aristeas* XXVI (2022), 44–53.
 Черняк, А. Б. 2022: Общероманский: фонетика (система гласных). *Аристей* XXVI, 44–53.

⁵ М. М. Позднев заглянул по моей просьбе в электронный тезаурус, но нашел там только три примера *ad hodiernum diem* (Cic. Brut. 37, 8; Ps. Quint. decl. min. 249,18,1; Vitruv. De arch. III, 1, 8, 4).

- Chernjak, A. B. 2020: [About the Latin/Romanesque and the Romanesque diglossia: to the article: Marc van Uytfanghe. La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie. *Zeitschrift für romanische Philologie* 128, n. 3 (2012). 405–466]. *Aristeas* XXII (2020), 285–292.
- Черняк, А. Б. 2020: О латинском/романском и о романской диглоссии (по поводу статьи: Marc van Uytfanghe. La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie в *ZRPh* 128, n. 3 (2012) 405–466. *Арустея* XXII, 285–292.
- Cherniak, A. B. 2015: *Yazykovaya situatsiya v Rimskoy imperii: soobsheniya drevnikh avtorov i ranneromanskikh glottonimov* [Language situation in the Roman Empire: Messages from ancient authors and early Romance glottonyms]. St-Petersburg: «Nestor Istoriya».
- Черняк, А. Б. 2015: *Языковая ситуация в Римской империи: сообщения древних авторов и раннероманских глоттонимов*. СПб.: «Нестор История».
- Cherniak, A. B. 2003: LATUS (prép.) dans les langues romanes: Vers une étymologie du roum. *la* 'à, chez'. *Romanica Petropolitana* I (2003) [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. Том I, часть 2. СПб.: «Наука». С. 23–32
- Chernyak, A. B. 1987: [Romanian etymologies (Rum. *la* and Lat. *latus*)]. In: A. V. Desnitskaya (ed.). *Romano-Balcanica. Voprosy adaptatsii latinskogo yazykovogo elementa v balkanskom areale*. [Romano-Balcanica. Issues of adaptation of the Latin elements in the Balkan area]. Leningrad: «Наука» publishing house, 248–258.
- Черняк, А. Б. 1987: Румынские этимологии (рум. *la* и лат. *latus*). В сб.: *Romano-Balcanica. Voprosy adaptatsii latinskogo yazykovogo elementa v balkanskom areale*. Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: «Наука», 248–258.
- DELC — Coromines, J. 1971: *Breve diccionario etimológico de la lengua castellana*. 1ª edición. Madrid: Editorial Gredos.
- DER — Cioranescu, A. *Diccionario Etimológico Rumano*, Vol. 1–4. Published by Univ De La Laguna 1958–1960. Tenerife, 1958.
- DLR — *Dicționarul limbii române*. București, 1913.
- ILR — *Istoria limbii române*. Vol. I. Limba latină. București, 1965; vol. II. București, 1969.
- Itin. Eg. — *Itinerarium Egeriae (Peregrinatio Aetheriae)*. Hgg. von O. Prinz. Heidelberg [Carl Winter Universitätsverlag], 1960⁵.
- Lat. Syntax — Hofmann, J.B., Szantyr, A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München, 1965.
- Lausberg RS — Lausberg H. *Romanische Sprachwissenschaft*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2015 (1965).
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München [Beck].

- Mihăescu, H. 1978: *La langue latine dans le Sud-Est de l'Europe*. București; Paris.
- Milani, C. 1969: I grecismi nell «Itinerarium Egeriae». *Aevum*, 43, 200–234.
- Moser, H. 1904: Der Ursprung der rumänischen Präpositionen. *Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache*, Bd. X, 409–464.
- OLD — Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford Clarendon Press. 1968–1982.
- REW — Meyer-Lübke, W. 1972: *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 5-te Afl. Heidelberg: Carl Winter.
- Rohlf's GSLI — Rohlf's, G. 1969: *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*. Torino.
- Rohlf's, G. 1954: Genusprobleme. *Indogermanische Forschungen* (61) 1954, 198–203.
- SDE/СДЭ — Раевский, Н., Габинский М. (ред.). 1978: *Скорт дикціонар етимоложик ал лимбий молдовенештъ* [*Scurt dicționar etimologic al limbii moldovenești*]. Кишинэу.
- Tagliavini, C. 1972: *Le origini delle lingue neolatine*. 5 ed. Bologna: «Pàtron».

О. В. Шаршукова

РГГУ, Москва, Россия. sharshukovaov@yandex.ru

ANGUSTAE RES В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

В статье рассматривается утверждение Вергилия в середине III книги о том, что трудно придать торжественность *angustis rebus*. Мы полагаем, что *angustus* здесь не подразумевает низменности, но *angustae res* — это «мелкие» вещи. (Также характеристика «Георгик» как поэмы об *angustis rebus* — это очевидная отсылка к каллимаховской поэтике). По-видимому, Вергилий не считает сельское хозяйство низменным предметом, хотя труды земледельца кропотливы, и в поэме описывается множество мелких деталей. Мы анализируем употребление *angustus* в «Георгиках»: таким образом характеризуются маленькие существа, часто — пчелы. О пчелах (и даже о муравье и т. д.) Вергилий действительно пишет торжественно, например, употребляя лексику, характерную для героического эпоса.

Ключевые слова: Вергилий, «Георгики», пчелы, *angustus*, *tenuis*, *exiguus*.

O. V. Sharshukova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

sharshukovaov@yandex.ru

Angustae res in Virgil's Georgics

In the middle of the third *Georgic* Virgil says that it is “difficult to add honour to *angustis rebus*”. The paper is concerned with the expression *angustae res* here. We suppose that *angustus* in the poem does not mean ‘base’ or ‘lowly’; it is rather ‘small’. It seems that Virgil does not consider agriculture to be a lowly subject, to have *humilitas*, maybe because in some parts of the poem rural life is idealised. But the poet acknowledges that he has to list a lot of details (which might bore the reader) and to speak about them “honourably” (which is difficult). (Of course, such characteristics of the poem as a poem about *angustis rebus* or *in tenui labor* are also allusions to Callimachus). We have analyzed the instances of *angustus* in the *Georgics*: it is used of small creatures, most often of bees. Virgil does use lofty words when he speaks of such creatures, and the small is very often contrasted to the great. This leads many researchers to believe that Virgil is writing humorously, and that some parts of the poem are even mock-heroic. However, we suppose that Virgil mostly succeeds in avoiding comical effect.

Keywords: Virgil, Vergil, *Georgics*, bees, *angustus*, *tenuis*, *exiguus*.

В середине третьей книги «Георгик», после описания заботы о быках и конях и отступления о разрушительной силе *amor*, Вергилий делает еще одно отступление (*Georg.* III. 284–290):

sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,
singula dum capti circumvectamur amore.
hoc satis armentis: superat pars altera curae,
lanigeros agitare greges hirtasque capellas.
[hic labor, hinc laudem fortes sperate coloni.]
nec sum animi dubius, verbis ea vincere magnum
quam sit et angustis hunc addere rebus honorem...

Но бежит, бежит между тем невозвратимое время, пока мы блуждаем вокруг, охваченные любовью к мелочам (деталям). Этого достаточно о [крупном] скоте: остается другая часть заботы — погонять руноносные стада и мохнатых коз. Это — труд, здесь, сильные земледельцы, надейтесь найти похвалу. И я не сомневаюсь в душе в том, как трудно преодолеть это словами и придать angustis предметам эту честь.

Это отступление является одной из авторских характеристик поэмы. В числе прочего, здесь важно внимание Вергилия к деталям, *singula* (Thomas 1988b: 96). Помимо этого, Вергилий здесь заявляет, что его задача в поэме — *angustis hunc addere rebus honorem*, придать честь *angustis rebus*. Здесь обращает на себя внимание слово *angustis*, поскольку оно не вполне однозначно, что затрудняет понимание этого места поэмы.

Плиний Старший, который в XIX книге «Естественной истории» критикует Вергилия за то, что тот пишет либо слишком подробно и, соответственно, неподобающе для поэзии, либо, наоборот, слишком сжато (Doody 2007: 193–194), передельвает эти стихи из III книги «Георгик» следующим образом: *quam sit difficile verborum honorem tam parvis perhibere* — «как сложно придать торжественность слов столь маленьким [предметам]». Интересно, что *angustus* он заменяет на *parvus*, которое буквально значит «маленький», «мелкий», но может иметь и значение «неважный, незначительный». В то же время Плиний, критикуя Вергилия за избирательность, пишет, что тот «сбежал от даров садов», испугавшись низости (*humilitas*) этого предмета (*NH* 14.7)¹.

¹ По-видимому, под садами Плиний подразумевает и виноградники, и маслины, и плодовые деревья. По его мнению, *humilitas* присуща зем-

Прояснить значение *humilis* в классической латыни можно, обратившись к контекстам, показывающим противоположные понятия. *Humilis* в прямом и переносном значении («низкий») можно противопоставить *sublimis*, которое может значить как «высокий», так и «возвышенный» (Andreev, Kazansky 2008: 33). В данном случае имеется в виду переносное значение, и, чтобы уточнить его, обратимся к словарю Форчеллини. В числе антонимов к *humilis* там приводятся *nobilis* («благородный»), *potens* («могущественный»), *opulentus* («богатый») (Forcellini II.1.a).

В том числе из-за этого «Буколики», героями которых являются рабы, в античности и в дальнейшем стилистически определялись словом *humilis*. Так, Сервий пишет, что «в «Георгиках» средний стиль, в «Буколиках» — *humilis*, поскольку здесь деревенские персонажи, от которых нельзя требовать ничего высокого» (Serv. *praefat.* in Verg. *Buc.*). Несмотря на то, что стиль «Георгик» Сервий называет средним (*medium*), об *angustis rebus* он пишет, что Вергилий так описывает свое намерение «украсить высокой речью «низменный» (или же «незначительный», как у Плиния) — *humilem* — материал» (*humilem materiam alto sermone decorare* (Serv. in *Georg.* III. 290 Thilo).

Некоторые исследователи (вероятно, вслед за Сервием) полагают, что Вергилий здесь говорит о компенсации некоторой приземленности, низменности предмета повествования торжественностью стиля (Dalzell 1996: 117). С. Нельсон также пишет об обыкновенности и даже некоторой вульгарности тематики поэмы Вергилия (Nelson 1998: 92). Видимо, примерно так же понимает *angustae res* в 290 ст. и Р. Томас (*lowly*; Thomas 1988b: 97).

Предположим, что Вергилий здесь под *angustis rebus* имеет в виду действительно низменную тематику. Тогда, по его мнению, теме его поэмы — сельскому хозяйству — присуща низменность, *humilitas*. Кроме того, в таком случае ст. 289–290 свидетельствуют о том, что он осознает некий конфликт между содержанием дидактической поэмы и собственно поэтической формой: предмет повествования слишком низок для поэзии.

Действительно, в античности осознавалось некоторое противоречие между содержанием и формой, присущий дидак-

---

леделию вообще, и именно из-за этого (а не из-за чувства меры) Вергилий перечисляет недостаточно, с точки зрения Плиния, сортов деревьев. (Важно отметить, что *humilitas* здесь не имеет отношения к *angustis rebus* Вергилия; Плиний говорит о поэме в целом).

тическому эпосу. Но подобного рода идеи возникали в первую очередь у критиков, а не у самих авторов поэм. Так, Аристотель отказывался считать Эмпедокла поэтом (Arist. Poet. 1447 b), поскольку его поэзия не миметична². Авторы же дидактических поэм, как правило, не задумываются об этом, хотя рефлексия о творчестве — черта, характерная для дидактического эпоса в целом (Volk 2002: 39). Первым исключением становится Лукреций, который несколько раз сетует на то, как трудно изложить концепцию Эпикура в стихах (DRN I. 136–139; 933–934), хотя это связано скорее не с критикой Аристотеля, а с тем фактом, что сам Эпикур был против философских поэм и поэзии вообще (De Lacy 1948: 22).

В то же время, если обратиться к низменным предметам, мы обнаружим, что они в поэме практически не упоминаются, несмотря на то, что ее тема — сельское хозяйство. Вероятно, это связано в том числе с избирательностью Вергилия, о которой он сам предупреждает читателя в начале II книги: *non ego cuncta meis amplecti versibus opto* — «я не желаю охватить моими стихами всё» (II. 42). А. Далцелл в качестве примера подобной избирательности пишет, что Вергилий упоминает восемь предметов инвентаря земледельца, тогда как, например, Катон — девяносто (Dalzell 1996: 106).

В первой книге Вергилий пишет, что читателю «не нужно стыдиться удобрять землю жирным навозом» (I. 80). В то же время *ne pudeat* можно понять и как «не нужно жалеть навоза, удобрять землю нужно щедро» (Page 1963: 191). Цицерон также упоминает необходимость удобрения виноградных лоз (Cic. Sen. 53) почти восторженно (Thomas 1988a: 80), а также критикует Гесиода за то, что тот об этом ничего не говорит. Вероятно, это связано с тем, что употребление навоза в практических целях — не столь низменное занятие в представлении древних (в отличие, например, от грубых комедийных сцен). Также показательно, что рабы (которым как раз свойственна *humilitas*) в поэме (в отличие от «Буколик») не фигурируют вовсе (Dalzell 1996: 109), хотя, конечно, играли активную роль в сельском хозяйстве в Риме.

В то же время выражение Вергилия об *angustis rebus* можно понимать иначе: не «низменные» вещи, а «маленькие», «мелкие», возможно, «незначительные» (подобно *parvis* Плиния). В

---

² О дискуссии, что считалось поэзией и что нет, и о так называемой «метризации» текста (в римской сатире) см. Shumilin 2011.

таком случае Вергилий в *Georg.* III. 290 говорит о том, как трудно описывать торжественным языком маленькие (в буквальном смысле), мелкие (тем более, что выше говорится о внимании к мелочам — *singula*) предметы. Причем уже в самом этом заявлении мелкое (*angustae res*) противопоставляется большому (*magnum sit*).

Изначально *angustus* значит «узкий», «тесный» (OLD 1). Это значение может также развиваться в «маленький», в том числе «слишком маленький для чего-то» (OLD 2b).

Вергилий в середине III книги действительно переходит от описания крупных животных (быков и коней) к повествованию о более мелких (козах и овцах), то есть от крупного к мелкому в буквальном смысле. Но все же, чтобы попытаться прояснить значение этого слова здесь, обратимся к другим употреблениям *angustus* в поэме.

В изначальном значении — «узкий» — мы встречаем *angustus*, например, во второй книге «Георгик»: надрез в складке коры дерева, который делают для прививки, должен быть узким (*angustus... sinus* II. 75–76). Также называется *angustus*, «узким», и путь муравья в первой книге, где описываются приметы скорого дождя:

*saepius et tectis penetralibus extulit ova
angustum formica terens iter et bibit ingens
arcus... (I. 379–381).*

Часто из внутренних комнат выносит яйца муравей, идущий по узкому (angustum) пути, и пьет огромная радуга...

Упоминание муравья, видимо, заимствовано Вергилием из поэмы Арата «Явления» (*Phaen.* 956), а также подобное описание есть у Варрона Атацинского: *nec tenuis formica cavis non evehit ova* (р. 99 Morel; цит. по Thomas 1988a: 132). В то же время муравей ни у Арата, ни у Варрона не проделывает «узкий путь» — эта деталь добавлена Вергилием. Кроме того, в «Георгиках» *angustum iter* муравья противопоставляется *ingens arcus* — огромной радуге. Подобного противопоставления нет ни у Арата, ни у Варрона: радуга упоминается в «Явлениях» до муравья (*Phaen.* 940), но Вергилий добавляет эпитет «огромный» и меняет порядок перечисления примет. Это позволяет предположить, что *angustus* здесь значит не только в буквальном смысле «узкий», но также и в более широком — «маленький»; маленькое в природе противопоставляется огромному.

Т. Пейдж полагает, что в этих стихах Вергилий пишет о муравье не без доли иронии (*not without a touch of humour*; Page 1963: 228), поскольку муравейник здесь назван *tecta penetralia*, а *penetralis* (а особенно образованное от него существительное *penetrале*)³ может обозначать святилище или его внутреннюю часть (OLD *penetrале* 2b). В «Буколиках» это слово не употребляется, в «Георгиках» — единожды, а в «Энеиде» встречается девять раз⁴, где обозначает либо царский дворец, либо алтарь, святилище. Можно предположить, что здесь, употребляя свойственное торжественным контекстам слово, Вергилий придает *honorem angustis* (маленьким) вещам, не обязательно подразумеваемая шутку.

Также муравей упоминается в I книге «Георгик», где Вергилий перечисляет вредителей, которые могут появиться на гумне (I. 181–186). И там, хотя слово *angustus* и не употребляется, снова мелкое противопоставляется крупному, а также об этих мелких животных говорится, как о людях. Так, «маленькая мышка» (*exiguus mus*, 181) строит под землей дома и амбары; червь населяет «огромную кучу полбы» (185), муравей боится бедной старости (186), и все эти существа называются *monstra*, чудовищами. Т. Пейдж также видит здесь шутку, сравнивая *exiguus mus* Вергилия с *ridiculus mus* у Горация (*Ars. Poet.* 139) (Page 1963: 206), в то время как Р. Томас полагает, что Вергилий здесь всерьез предостерегает человека от опасностей природы (Thomas 1988b: 99). Для нас же важнее то, что Вергилий здесь пишет о маленьких в буквальном смысле предметах, и пишет достаточно торжественно (*posuit domos, terrae | monstra ferunt*). *Domos* часто встречается в «Энеиде», в частности, о Трое (например, *Aen.* II. 47, 365, 635). В «Георгиках» *domos* названы, например, гнезда птиц, уничтоженные пахарем (II. 209) *Monstra* — это и чудовища в подземном царстве (*Aen.* VI. 285), и изображенные на щите Энея чудовища, которых ведут с собой Антоний и Клеопатра (*Aen.* VIII. 698), в «Георгиках» же это слово употреблено единожды (I.182). Этот выбор достаточно торжественных слов и выражений и вызывает предположения, что здесь подразумевается ирония.

Помимо рассмотренного выше места и II. 75, где рассказывается о том, как прививать деревья, *angustus* встречается в тех

³ Скорее всего, в *Georg.* I. 379 мы имеем дело все же с прилагательным, эпитетом к *tectis*.

⁴ *Aen.* II. 297, 484, 508, 665, IV. 504, V. 660, 744, VI. 59, IX. 259.

контекстах, где речь идет о пчелах. Можно даже предположить, что в середине III книги Вергилий имеет в виду под *angustis rebus* в первую очередь пчел, о которых пойдет речь далее, в IV книге.

Так, при описании сражения пчел говорится, что у них «в тесной груди великий дух»: *ingentis animos angusto in pectore versant* (IV. 83).

Здесь снова мелкое противопоставляется великому: несмотря на небольшой (в буквальном смысле) размер пчел, их (боевой) дух велик. В качестве параллели Т. Пейдж указывает Тидея (II. V. 801), который был воинственен, несмотря на небольшой рост (Page 1963: 344).

Конечно, это место перекликается с началом IV книги, где Вергилий обещает Меценату рассказать об «удивительных зрелищах, которые могут создавать легкие предметы» (*admiranda tibi spectacula rerum* IV. 3; Thomas 1988b: 161). В то же время *levis* здесь, вероятно, значит либо «менее важный» (OLD 13), либо даже «не слишком серьезный» (OLD 14). А *angusti in pectore*, видимо, не умаляет важности сражения пчел: наоборот, несмотря на небольшие размеры, они воинственны, как и герой у Гомера, что придает их описанию *honorem*. Сражение пчел также описывается подобно эпическому сражению. Можно найти параллели между этим местом в «Георгиках» и «Энеидой» (Thomas 1988b: 160). В. Рихтер также полагает, что *ingentis animos angusto in pectore* — не шутка; наоборот, таким образом Вергилий подчеркивает, что происходящее — это чудо, *miraculum* (Richter 1957: 340).

Под воспеванием «маленьких» вещей подразумевается в том числе и поэтика Каллимаха⁵. Проперций, упоминая Каллимаха, вслед за Вергилием использует словосочетание *angusto pectore*, как и Вергилий в *Georg.* IV. 83, на что обращает внимание Р. Томас (Thomas 1988b: 161):

*sed neque Phlegraeos Iovis Enceladique tumultus
intonet angusto pectore Callimachus...* (Prop. II. 38–39).

*Но Каллимах не стал бы громко воспевать Флегрейские сражения Юпитера и Энкелада angusto pectore*⁶.

⁵ В то же время полностью рассмотреть каллимаховскую поэтику в Риме и в «Георгиках» в рамках этой статьи не представляется возможным.

⁶ А. Кэмерон (Cameron 1995: 473) полагает, что *angustum pectus* у Проперция — «слабая» душа, а не «утонченная» (в значении каллимаховского *λεπτός*).

Эти строки Проперция — очевидно *recusatio*, отказ от написания поэмы на военную тематику (Cameron 1995: 472–474), в то время как Вергилий в IV книге воспекает именно сражение, но сражение крошечных существ.

Чуть ниже Вергилий рассказывает, как прекратить сражение пчел: они успокоятся от «броска небольшого [количества] пыли» (*pulveris exigui iactu* IV. 87). Деталь заимствована у Варрона (Varro R. R. III. 16; Page 1963: 345), но Вергилий, используя ее в поэтических целях, еще раз противопоставляет небольшие размеры пчел, которые настолько малы, что для прекращения битвы достаточно небольшого количества пыли, и великое их сражение. В этом контрасте можно также увидеть шутку (Page 1963: 345). Ст. Харрисон полагает, что сражение пчел — это пародия на эпос наподобие «Войны мышей и лягушек» (Harrison 2007: 137; 157). В то же время можно предположить, что таким образом делается акцент на размере пчел: они яростно сражаются, несмотря на то, что они маленькие, но, потому что они маленькие, их сражение легко остановить. И в свою очередь это делает мир пчел еще более удивительным (*admiranda spectacula*, IV. 3)⁷. Таким образом Вергилий дополнительно отделяет пчел от мира людей, не давая провести полную параллель с римским обществом, хотя и называет их квиридами выше (IV. 201).

Также Вергилий возвращается к сравнению и противопоставлению маленького и большого ниже, где сравнивает пчел с Циклопами, причем подчеркивает смелость подобного сравнения: *si parva licet componere magnis* («если дозволено сравнивать маленькое с большим», IV. 176). Описание Циклопов также заимствовано из «Гимна к Артемиде» Каллимаха (Н. III 46–61 Pfeiffer; Thomas 1988b: 180), но вполне вероятно, что здесь также подразумеваются Циклопы в «Теогонии» Гесиода (Hes. *Theog.* 139–146; Richter 1957; 354), а также — IX песнь «Одиссеи».

Срок жизни пчел также короток, «мал», и он характеризуется *angustus* (*angusti terminus aevi* — срок короткой жизни IV. 206). Р. Томас обращает внимание на то, что *angusti*, будучи вынесенным вперед, подчеркивается (Thomas 1988 b: 185). Но,

---

⁷ Пчелы настолько удивительны, что в этом должно быть нечто божественное (*esse apibus partem divinae mentis*, IV. 220), что Вергилий развивает в описании стоической концепции бога, который проходит через всё (Wilkinson 1969: 122; Gale 2000: 78).

несмотря на это, их род остается бессмертным (*at genus immortale manet* IV. 208), и короткий срок жизни одной пчелы противопоставляется «бессмертию»⁸ роя, снова маленькое противопоставляется большому и великому.

Многое из того, что относится к миру пчел, должно быть «маленьким» или «узким», *angustus*. Так, входы в улей должны быть узкими (*angustos habeant aditus*, IV. 35), чтобы морозы или жара не повредили меду. В описании места, подходящего для бугонии, подчеркивается, что все должно быть маленьким, тесным: само место (*exiguus, contractus locus*, IV. 295), крыша, которую нужно сделать (*angustique imbrice tecti*, IV. 296). Более того, сам эпиллий об Аристее, который формально является этиологическим мифом, объясняющим происхождение бугонии, написан в стиле Каллимаха (Harrison 2007: 161), у которого пчелы названы βουγυεῖς (Call. fr. 383.4 Pfeiffer).

Некоторые затруднения вызывает описание улья, где говорится, как нужно доставать мед из улья:

si quando sedem angustam servataque mella
thesauris relines... (IV. 229–230)⁹.

Если ты когда-нибудь будешь вскрывать augustam/angustam жилище и доставать сохраненный мед из сокровищницы...

Текстологическая проблема заключается в том, что в рукописи *Mediceus Laurentianus* под редакцией Турция Руфия Апрониана Астерия читается *augustam sedem*. Но *Vergilius Vaticanus* дает другое чтение — *angustam* (Conte 2013: 200). Ribbeck 1914, Geymonat 2008 и Conte 2013 печатают *augustam*, в то время как, например, Greenough 1900 и Thomas 1988b — *angustam*. В первом случае получается, что улей — «священное жилище пчел», во втором же — «маленькое, тесное».

Мы вслед за Р. Томасом полагаем, что следует печатать *angustam sedem*, а не *augustam*. Он приводит следующие аргументы (Thomas 1988b: 188–189). Для придания строкам торжественности (*honorem* из ст. III.290) вполне достаточно

⁸ Р. Томас справедливо отмечает, что пчелы на самом деле не бессмертны: гарантировано лишь появление нового роя, который продолжит существовать в несовершенных условиях поэмы (Thomas 1991: 216).

⁹ Этот текст цитируется по изданию Р. Томаса (Thomas 1988b).

одного «возвышенного» слова *thesaurus*¹⁰, тем более дальше следует вполне приземленный практический совет. Кроме того, Варрон, на которого Вергилий очевидно опирается, пишет, что ульи должны быть *angustissimae* (R.R. III. 16. 15–16). Также *angustus* применительно к пчелам в «Георгиках» употребляется часто (IV. 35, 83, 206, 296), в то время как *augustus* — редкое слово у Вергилия: мы находим его только в «Энеиде» о дворце Латина (VII. 153, 170).

К этому также можно добавить, что, если в IV. 229 читать *angustam*, это больше соответствует авторскому заявлению о поэме в третьей книге: Вергилий пишет о «маленьких» (здесь *angustam*) вещах — об улье — торжественно, употребляя слово *thesaurus*. Если же читать *augustam*, это может показаться слишком торжественным, как пишет Т. Пейдж, *too exaggerated* (Page 1963: 360).

Как мы видим, *angustus* в поэме употребляется достаточно часто и всегда о «мелочах». *Angustus* в «Георгиках» значит либо «маленький», либо «маленький и потому незначительный», но вряд ли «низменный». В «Георгиках» занятия сельским хозяйством не расцениваются как низкие, практически лишены *humilitas*. В то же время Вергилий признает, что дела крестьянина кропотливы, и его жизнь наполнена множеством мелких забот, что не соответствует размаху, характерному для эпической поэмы. Возможно, отказ считать сельскую жизнь низкой связан с тем, что в «Георгиках» она отчасти идеализируется. Например, в конце II книги Вергилий противопоставляет городскую развращенность сельской простоте (Perkell 2002: 25; Sharshukova 2022: 1184–1185). Также человека окружает множество мелких существ, чья жизнь, несмотря на их размеры, может быть устроена сложно и удивительно.

Синонимы *angustus* в поэме — *exiguus* и *tenuis*.

В I книге Вергилий обещает читателю, что расскажет много заветов древних, если тому не будет неприятно узнать о *tenuis curas* — «незначительные заботы» (*ni refugis tenuisque piget cognoscere curas*, I. 177). *Piget* здесь, вероятно, значит, что

---

¹⁰ *Thesaurus* встречается в «Георгиках» единожды, в «Буколиках» отсутствует, в «Энеиде» употребляется один раз (I. 359) (призрак мужа показывает Дидоне, где лежат деньги). В то же время это слово употребляется не только в поэзии, например, у Плиния (XVII. 99, X.199, см. OLD).

читателя может раздражать большое количество мелких подробностей, это может показаться скучным¹¹. Также *tenuis* упоминается в том числе и применительно к пчелам (IV. 38).

О достоинствах деревенской молодежи Вергилий говорит, что они довольствуются малым (*exiguoque adsueta iuventus*, II.472). Также, как и *angustus*, *exiguus* употребляется и по отношению к миру пчел и других мелких существ: в I.181 мышь названа *exiguus*, битва пчел прекращается от маленького броска пыли (IV.87), место для бугонии должно быть *exiguus* (IV.295).

Кроме того, и *exiguus*, и *tenuis*, как и *angustus*, употребляются, когда речь идет о самой поэме. Так, Вергилий во II книге пишет, что большое поместье нужно восхвалять, а возделывать — малое (*exiguum colito*, II. 413). Это можно понимать буквально (в большом хозяйстве больше дел; Richter 1957: 243), так и метафорически, как слова о поэме (Thomas 1988a: 233). Здесь можно увидеть *recusatio*, отказ от более грандиозных тем, что в дальнейшем развивается во вступлении к III книге. Дело в том, что это заявление перекликается с началом шестой эклоги, где певец начал было воспевать «царей и сражения», *reges et proelia* (Ecl. VI. 3), но Аполлон сказал ему: *pastorem, Tityre, pinguis | pascere oportet ovis, deductum¹² dicere carmen* («Титир, пастуху подобает пасти жирных овец, а песню петь утонченную», 4–5). Эти строки Вергилия опираются на пролог к «Причинам» Каллимаха (Cameron 1995: 454) и легли в основу *recusationes* в поэзии эпохи Августа (Wimmel 1960: 133).

Tenuis Вергилий называет саму поэму в начале IV книги. Он обещает описать *admiranda spectacula levium rerum*, воспеть *magnanimos duces... et proelia¹³* (IV.3–5), снова противопоставляя мелкое и великое. Затем Вергилий говорит о поэме следующее: *in tenui labor; at tenuis non gloria* (IV.4) «мой труд в мелочах; но слава не будет мелкой». Ст. Харрисон отмечает в выражении *in tenui labor* явную отсылку к поэтике Каллимаха, где *tenuis* — практически перевод λεπτός (Harrison 2007: 158–159).

¹¹ Ср. Lucr. I.53–54: *ne mea dona... intellecta prius quam sint, contempta relinquo* «чтобы ты не отринул, презрев, мои дары, прежде чем они будут поняты».

¹² Можно провести параллель между *pinguis* и λεπτός и *deductum* и παχύς.

¹³ В шестой эклоге поэт отказывается писать об этих предметах; здесь же они уже будут воспеты, но не вожди и сражения людей, а пчел.

В то же время мы не можем с уверенностью утверждать, что *angustus* у Вергилия полностью соответствует тому же каллимаховскому термину. Но, конечно, *angustis hunc addere rebus honorem* — это также и эстетическая характеристика поэмы как поэмы о предметах, не имеющих размаха.

Литература

- Andreev, A. V., Kazansky, N. N. 2008: [Materials for the Dictionary of Latin Antonyms]. In: *Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (k 80-letiju N. A. Fedorova) [Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (Festschrift for N. A. Fedorov on his Eightieth Birthday)]*. Moscow, 17–52.
- Андреев, А. В., Казанский, Н. Н. 2008: Материалы к словарю антонимов латинского языка. В сб.: *Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (к 80-летию Н. А. Фёдорова)*. М., 17–52.
- Cameron, A. 1995: *Callimachus and His Critics*. Princeton: Princeton University Press.
- Conington, J. 1881: *P. Vergili Maronis Opera*. With a commentary by J. Conington. London: Whittaker&Co.
- Conte, G. B. 2013: *P. Vergilius Maro. Georgica*. Ed. G. B. Conte. Berlin: De Gruyter.
- Dalzell, A. 1996: *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. Toronto: University of Toronto Press.
- Doody, A. 2007: Virgil the Farmer? Critiques of the *Georgics* in Columella and Pliny, *Classical Philology*, 102, 180–197.
- Forcellini, E. 1940: *Lexicon Totius Latinitatis*. Patavii.
- Gale, M. 1991: Man and Beast in Lucretius and the *Georgics*, *The Classical Quarterly*, 41, 414–426.
- Gale, M. 2000: *Virgil on the Nature of Things: the Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Geymonat, M. 2008: *P. Vergili Maronis opera / Rec. M. Geymonat*. Roma: Edizioni di storia e letteratura.
- Greenough, J. B. 1900: *Bucolics, Aeneid, and Georgics of Vergil / Ed. by J. B. Greenough*. Boston: Ginn&Co.
- Harrison, S. J. 2007: *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford: Oxford University Press.
- De Lacy, P. H. 1948: Lucretius and the History of Epicureanism, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 79, 12–23.
- L&S — *A Latin Dictionary*. 1879: ed. by Lewis, Ch. T., Short Ch. New York: Harper and Brothers.
- Nelson, S. A. 1998: *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. Oxford: Oxford University Press.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. 2012: ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Oxford University Press.

- Page T. E. 1963: *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica*. With introduction and notes by T. E. Page. London: Macmillan&Co.
- Perkell, C. 2002: The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. *Vergilius*, 48, 3–39.
- Pfeiffer, R. 1953: Callimachus. Vol. II: Hymni et Epigrammata. Ed. R. Pfeiffer. Oxford: Oxford University Press.
- Ribbeck, O. 1914: *P. Vergili Maronis opera*. Iterum recognovit O. Ribbeck. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri.
- Richter, W. 1957: *P. Vergilii Maronis Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. München: Hueber.
- Sharshukova, O. V. 2022: [Iustissima tellus in Virgil's *Georgics* (II.460)]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 26 (2), 1181–1191.
- Шаршукова, О. В. 2022: *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, XXVI, т. 2, 1181–1191.
- Shumilin, M. V. 2011: [Roman Satire and the Idea of Putting Content into Verse in Greek and Roman Literary Theory]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 15, 594–601.
- Шумилин, М. В. 2011: Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 594–601.
- Thilo, G. 1887: *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica commentarii*. Rec. G. Thilo. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.
- Thomas, R. F. 1988a: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Vol. I: Books I–II. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, R. F. 1988b: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Vol. II: Books III–IV. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, R. F. 1991: The *Sacrifice* at the End of the *Georgics*, Aristaetus, and Vergilian Closure, *Classical Philology*, 86, 211–218.
- Volk, K. 2002: *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. Oxford: Oxford University Press.
- Wilkinson, L. P. 1969: *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wimmel, W. 1960: *Kallimachos in Rom*. Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie, 16. Wiesbaden.

ДВОЙНЫЕ ОГЛАВЛЕНИЯ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА¹

В статье рассматривается проблема стемматической классификации рукописей в I книге «Естественной истории» Плиния Старшего, состоящей из оглавлений последующих 36 книг. Во многих рукописях текст оглавлений появляется дважды, в I книге и перед соответствующей книгой, так что количество текстов, которые нужно классифицировать, увеличивается, так что базовой стеммы рукописей Плиния оказывается недостаточно для подготовки текста. Теория о раннем разделении традиций оглавлений I книги и оглавлений перед книгами была предложена Д. Детлефсеном в 1869 г., однако его аргументация ныне устарела, и в аппаратах изданий легко найти чтения, не укладывающиеся в его схему. В настоящей статье предпринимается попытка предложить новую гипотезу, развивающую и модифицирующую мысль Детлефсена, на материале оглавлений VII и XXXVII книг в свете данных о рукописной традиции Плиния в целом, собранных М. Ривом в новейшей монографии по теме. Высказывается предположение, что для основных рукописей, представленных в рассмотренных оглавлениях (т. е. *BCDEFPRadq*), идея Детлефсена работает, если сделать скидку на несколько осложняющих картину линий контаминации; при этом в поздних рукописях, создатели которых не имели доступа к традиции оглавлений перед книгами, новые системы оглавлений перед книгами несколько раз создавались заново на основе традиции оглавлений I книги: в частности, в рукописи *L* (которая все равно сохраняет ценность из-за правки L^2 , позволяющей контролировать древность чтений родственной ее источнику рукописи *P*) и в семействах рукописей *c* и *Ambr. E 24 inf.* (первое из которых сохраняет определенную ценность, несмотря на существенную переработку текста оглавлений, из-за правки на основе ценной рукописи, внесенной в его общий источник). Требуется дополнительные исследования, чтобы проверить, будет ли гипотеза работать в случае прочих оглавлений и относятся ли к традиции оглавлений перед книгой прочих рукописей оглавления перед книгой рукописей, не представленных в рассмотренных оглавлениях, в частности, *AMO pal. Chat.*

Ключевые слова: Плиний Старший, рукописная традиция, оглавления, стемма, текстология.

---

¹ Я благодарю за помощь в получении доступа к необходимой научной литературе и к фотокопиям рукописей Б. А. Каячева и Г. С. Беликова.

M. V. Shumilin

RANEPА / A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences / National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.
mvshumilin@mail.ru

Double indices in the manuscript tradition of Pliny the Elder: a preliminary hypothesis

The article reconsiders the problem of stemmatic classification of Plinian manuscripts in book 1 of the *Natural history*, which consists of indices to the following 36 books. Many manuscripts include double texts of the indices, placed correspondingly in book 1 and before the indexed book itself, and a separate stemma is required for this expanded set of witnesses to edit the indices. Detlefsen 1869 attempted to settle the issue by postulating an early duplication of the indices and a double stemma opposing the tradition of book 1 to the *ante librum* tradition for each index, but the views of the manuscript relations he based his argument on are now seriously outdated, especially after the publication of Reeve 2021, and already in Mayhoff's (1906) apparatus readings abound that seem to contradict Detlefsen's stemma, although the editor did not propose an alternative description of the tradition of book 1. The author of the present article proposes a new hypothesis based on his study of the manuscript evidence in the indices of books 7 and 37. It is suggested that Detlefsen's views are basically right as regards the most important manuscripts containing these indices (viz., *BCDEFPRadq*), but in *L* (a descendant of *d*, which itself omits the *ante librum* indices) and in the two families dependent on Berlin, Hamilton 517 the *ante librum* indices were created anew from the text of the book 1 indices. In several cases additional details complicate the picture: the *ante librum* index of book 7 in *E* bears signs of a probable correction from the book 1 tradition; the *ante librum* index of book 37 in *F* gives some readings from the book 1 tradition, but they correspond to earlier stages of the development of errors than those reconstructible in the lost book 1 index of *D* and thus probably derive from corrections in the lost *ante librum* index in *V* (the source of *F*) taken from the book 1 index of the source of *D+V*; the *ante librum* index of book 37 in *a* gives some readings from the book 1 tradition close to those attested in *PL*². *L* retains some value due to the corrections of *L*² related to the book 1 indices in *P*; sometimes the readings of *L*² preserve the original readings of the family of *P* better than *P*, and it is argued from a reading in book 7 (7.30 *Taprobane*] *Taprotane* *L*²: *Tabrotane* Prague XXIV A 115) that *L*² is independent of the common source of *P* and Florence Edili 165, now partially extant as Dresden R 52^x + Prague XXIV A 115. The indices in the family of Leiden, Voss. Lat. F 1 and *c* have been severely rearranged, but they are based on the book 1 indices of Hamilton 517 (itself a descendant of *E*) with some corrections from a further source; at least in one passage

the true reading, which is hardly recoverable by conjecture, is only preserved in this family and its descendants (1.7.53 *elati*). The indices in what Reeve terms “a large Italian family” are a further reworking of the indices in the former family, and it does not seem likely that any additional source of valuable readings was used in the process. The index of book 7 should therefore be edited from *CDPd_q* and both indices in *R*, taking into account the readings of *L*² and those recoverable from the family of Leiden, Voss. Lat. F 1 and *c*, and the index of book 37 should be edited from *BCPL*²*ad* and both indices in *F*. Further investigations are needed to check if the hypothesis works in the other indices and if Detlefsen’s model is applicable to the indices in *AMO pal.Chat.*; the evidence adduced by Reeve leaves the impression that at least the latter manuscript is connected with the book 1 tradition, not the *ante librum* tradition, in the *ante librum* index of book 9.

Keywords: Pliny the Elder, manuscript tradition, indices, *stemma codicum*, textual criticism

Первая книга «Естественной истории» Плиния Старшего представляет собой записанные подряд оглавления к каждой из последующих 36 книг; вступление не оставляет сомнений, что они принадлежат автору². Однако рукописная традиция этих

---

² Plin. NH praef. 33: quia occupationibus tuis publico bono parcendum erat, quid singulis contineret libris, huic epistulae subiunxi summae cura, ne legendos eos haberes, operam dedi «Поскольку ради общественного блага мне следовало быть сдержанным в отнятии твоего времени, то я приложил к этому посланию содержание отдельных книг и тщательно постарался, чтобы у тебя не было необходимости их прочитывать». Плиний ссылается на прецедент Валерия Сорана (II–I в. до н.э.); можно также сопоставить схожую практику у Авла Геллия (ср. Gell. NA praef 25: capita rerum quae cuique commentario insunt exposuimus hic uniuersa, ut iam statim declaretur quid quoque in libro quaeri inueniri que possit «Главы, входящие в каждое собрание записей, я перечислил здесь полностью, чтобы сразу становилось ясно, что можно искать и найти в каждой книге»), который, однако, не выделяет оглавления в отдельную книгу. Некоторые рукописи Плиния меняют нумерацию книг, так чтобы оглавления не выделялись в отдельную книгу, но это, судя по всему, инновация относительно архетипа, и античные свидетельства, начиная с Plin. Min. Ep. 3.5.6, единодушны в том, что «Естественная история» состоит из 37, а не 36 книг. Ссылки на конкретные места, сопровождаемые номерами книг, совпадающими с принятыми ныне, фиксируются уже у Авла Геллия (Gell. NA 3.16.22–24, 9.4.7, 9.4.13–16, 10.12.1, 10.12.7; если свидетельства об общем числе книг теоретически могли быть

оглавлений устроена более сложным образом: они располагаются в разных местах произведения, и во многих случаях — сразу в двух местах в одной и той же рукописи³. Для удобства я выделю три варианта расположения для каждого оглавления:

- начальное — на изначальном месте оглавлений, между вступительным посланием и II книгой;
- отодвинутое — перед соответствующей книгой;
- отодвинутое распределенное — внутри соответствующей книги, так что каждое название раздела внутри нее предшествует соответствующему разделу.

Помимо рукописей, в которых оглавления стоят только в начальном положении, есть рукописи, совмещающие начальные оглавления с отодвинутыми либо отодвинутыми распределенными, а также рукописи, дающие только отодвинутые оглавления (в начальном положении в них будет только оглавление II книги, для которого начальное и отодвинутое положение совпадают). Эта ситуация сильно усложняет задачу подготовки текста I книги. Если даже считать, что она не влияет на отношения между рукописями (что совсем не очевидно), как минимум издатель вынужден отвечать на вопрос, как локализируются на стемме двойные оглавления — будут ли они занимать на ней одно и то же место? Если да, то это значило бы, что отодвинутые оглавления каждый раз заново копируются с начальных, а не с отодвинутых оглавлений антиграфа; хотя теоретически такое, наверно, можно было бы представить, звучит это, конечно, не очень правдоподобно. Следует ли

исправлены переписчиками под влиянием их знания о средневековой рукописной традиции «Естественной истории», то в этом случае такую корректировку, предполагающую отыскивание каждого цитируемого места, представить уже совсем сложно).

³ Д. Детлефсен даже допускал, что это устройство восходит к Плинию и что сам автор повторил оглавления перед каждой книгой (Detlefsen 1869: 716). Но, если бы это было так, вероятно, не было бы ошибок, свойственных для всех вариантов текста оглавления (как начальных, так и отодвинутых) сразу — во всяком случае, в тех местах, где представлены и начальные, и отодвинутые оглавления. Однако в изданиях оглавлений принимается множество конъектур, и в некоторых случаях у ошибок всех рукописей есть общие черты: множество таких примеров, сверенных с рукописями, можно найти в дальнейшей части настоящей статьи.

скорее предположить, что отодвинутые оглавления, наоборот, всегда переписываются с отодвинутых оглавлений и что, таким образом, они должны образовывать отдельную ветвь традиции? Аппарат Карла Майгоффа (Mayhoff 1906) к оглавлению XXXVII книги, с которой я начал свою работу над этим вопросом, местами производит впечатление, что это предположение работает: два используемых им отодвинутых оглавления, BF^a , бывают согласны друг с другом против используемых им начальных оглавлений EF как в ошибке, так и в верном чтении (причем в случаях, когда речь о по-видимому не полигенетических и одновременно трудно поддающихся исправлению *ex coniectura* ошибок)⁴, чего и требовала такая модель описания:

1.37.4 notabiles sculpturae BF^a (ошибка)⁵: nobilitates sculpturae EF
 1.37.40 blepharon *edd.*⁶: blefaron F^a : belfaron B : elefrauton EF

Действительно, схему, противопоставляющую у основания стеммы традиции начальных и отодвинутых оглавлений, в самом общем виде подразумевает во вводных формулировках к плиниевским оглавлениям, не вдаваясь в детали, уже Ю. Зиллиг (Sillig 1851: 2), и именно ее подробно обосновывает в единственной специальной статье по теме (аргументация которой, правда, устарела в свете наших нынешних знаний о рукописной традиции Плиния) Д. Детлефсен (Detlefsen 1869)⁷. Однако есть и другие места, которые видимо противоречат такой трактовке,

⁴ Далее я буду, пользуясь терминологией Мааса, называть такие ошибки «значимыми» (см. Maas 1950: 27–28, Avalle 1978: 44–50).

⁵ Ср. 1.33.55 nobilitates operum et artificum in argento, 1.34.19 nobilitates ex aere operum et artificum CCCLXVI, 1.35.34–41 operum et artificum in pictura nobilitates CCCCXV, 1.35.45 nobilitates artificum in plastice XIII, 1.36.4 nobilitates operum et artificum in marmore CCXXV. Необычное выражение nobilitates + gen. могло породить полигенетические ошибки, но notabiles, возможно, не следует считать таковой, так как это не самое ожидаемое исправление; в первую очередь я бы ожидал исправления на nobiles.

⁶ В этом случае маловероятно, чтобы переписчики могли восстановить чтение даже на основе обращения к самой XXXVII книге, так как в ее тексте приводимое в оглавлении название камня Aphroditis blepharon дается только в латинском эквиваленте Veneris gena (37.123).

⁷ Детлефсен делает исключение для рукописи *d* и ее родственников, в которых, согласно ему, начальные оглавления то ли выправлены по отодвинутым, то ли просто полностью скопированы с них.

и попытки привлечь дополнительные рукописи также усложняют картину. В частности, когда я готовил для заседания отдела ИМЛИ РАН сообщение о практических импликациях новой монографии Майкла Рива (Reeve 2021) для работы над текстом Плиния, я собрал следующие чтения рукописей для одного места, где в *P* (рукописи, на значение которой указал Рив) обнаруживается чтение, ранее печатавшееся конъектурально:

1.37.15 de adamante siue anancite *Detlefsen*, *P*: de adamante siue ancite *EFLd*: de adamante siue accite *F^a*: de adamante *Ba*

Отодвинутые оглавления в этом списке *BF^aLa*, начальные — *EFPd*. Очевидно, картина должна быть какой-то более сложной. Другие чтения, не объясняемые моделью Детлефсена, легко найти в аппарате Майгоффа. Майгофф при этом ссылается на статью Детлефсена во введении как на основное описание отношений рукописей в I книге, не давая никаких собственных уточнений (Mayhoff 1906: XIII); но ситуация, когда Майгофф упоминает выводы Детлефсена во введениях, а в самом издании исходит из агностической позиции по поводу тех же вопросов или, как в этом случае, приводит противоречащие выводам Детлефсена данные, не давая альтернативных объяснений, вообще типична. После Майгоффа I книгу издавали с критическим аппаратом А. Эрну и Ж. Боже в серии CUF (Ernout, Beaujeu 1951); введения этого издания полностью обходят вопрос об отношениях рукописей в I книге, а аппарат полностью зависим от Майгоффа и является его сильно сокращенной версией. Так же устроено и новейшее отечественное издание I книги (Pyushechkina, Podosinov, Belousov 2021). В итоге фактически все современные издания I книги выстраивают свой текст на неклассифицированном наборе рукописей; возможно, правильно будет говорить о том, что в результате все созданные в XX и XXI в. издания I книги по сути своей не являются критическими. Майкл Рив в упомянутой книге и других работах уточнил стемматические отношения рукописей Плиния в целом, выстроив аккуратные модели там, где значения рукописей ранее прикидывались «на глазок», и указав на некоторые важные упущения своих предшественников, как в случае с упомянутой рукописью *P*; однако он также не касается отдельно вопроса о том, как соотносятся с общей стеммой двойные оглавления в I книге. Тем не менее его работа дает, я полагаю, хорошие основания рассчитывать, что разобраться с этим

вопросом получится. В настоящей статье я выскажу гипотезу, как устроены отношения рукописей в оглавлениях. Гипотеза будет основана на колляциях оглавлений к VII и XXXVII книгам; в дальнейшем ее следует проверить на материале прочих оглавлений; на настоящий момент я не успел сделать этого, но, как кажется, рассмотренные оглавления позволяют рассчитывать, что гипотеза будет работать. Если она верна, то существенно улучшит стемматический инструментарий издателей I книги⁸.

Далее в разделе 1 я перечислю сокращенные обозначения рукописей, которыми буду пользоваться, в разделе 2 очерчу стеммы Рива для VII и XXXVII книг и в разделе 3 сформулирую свою гипотезу. Она будет подразумевать, что отдельно нужно будет разобрать случаи древнейших рукописей (раздел 4) — помимо более фрагментарных рукописей *AMO pal.Chat.* (ситуацию с ними я предварительно прокомментирую отдельно в разделе 5), — рукописи *L* (раздел 6) и семейств рукописей *c* и *Z* (раздел 7). В разделе 8 я подведу итоги исследования.

1. Цитируемые рукописи и условные обозначения

В дальнейшем я буду ссылаться на следующие рукописи (я даю датировки, принимаемые Ривом и основанные на актуальных описаниях рукописей, принадлежащих специалистам по палеографическим датировкам, включая для рукописей IX в. Бернхарда Бишоффа: см. Reeve 2021, Reynolds 1983, Munk Olsen 1985, Bischoff 1998–2014):

---

⁸ Настоящее исследование связано с проектом издания «Естественной истории» под общей редакцией А. В. Подосинова, Е. В. Илюшечкиной и А. В. Белоусова в серии *Bibliotheca antiqua. Series Latina* издательства «Университет Дмитрия Пожарского». I книга уже вышла в рамках этого проекта (Pyushechkina, Podosinov, Belousov 2021), еще до того, как монография Рива сделала доступными принципиально новые возможности для подготовки издания; однако, даже если не будет готовиться второе издание соответствующего тома, учитывающее наши новые знания о рукописной традиции Плиния, понимание того, как издавать I книгу, будет необходимо для подготовки нового критического текста оглавлений отдельных книг, который предполагается включать в тома с соответствующими книгами.

- A* — Leiden, UL, Voss. Lat. F 4 (s. viii^{1/3}), содержит большие отрывки из книг II–VI, в т.ч. отодвинутые оглавления книг III, IV и V; существует дискуссия, включала ли эта рукопись изначально I книгу (т.е. начальные оглавления: см. Detlefsen 1869: 707–708, Reeve 2021: 57)
- B* — Bamberg, SB, Class. 42 (s. ix^{1/3}), содержит книги XXXII–XXXVII с отодвинутыми оглавлениями
- C* — New York, Morgan Library and Museum, M 871 (s. ix¹, *Ch* в сиглах Ж. Дезанжа: Desange 1966, 1980, 2008), содержит текст от 1.4.ext. до 17.178, т.е. начальные оглавления книг начиная с IV и, по видимому, по крайней мере некоторые отодвинутые (*non uidi*)
- D* — Città del Vaticano, BAV, Vat. Lat. 3861 (с. 800), содержит текст от 2.187 до 19.156 с некоторыми пропусками, в т.ч. отодвинутые оглавления для книг начиная с IV; некогда, как можно продемонстрировать, содержала и начальные оглавления⁹
- E* — Paris, BNF, Lat. 6795 (s. ix²), содержит текст до 32.135, в т.ч. начальные (часто нечитаемые из-за плохого физического состояния листов) и отдельные отодвинутые (для книг IV¹⁰, VII, XIV, XX, XXIII, XXV–XXXII) оглавления
- F* — Leiden, UB, Lipsius 7 (s. ix¹), содержит текст от 1.11.7 до 37.199 с небольшими пропусками, в т.ч. начальные оглавления для книг начиная с XI и отодвинутые для книг начиная с IV

⁹ Это будет, в частности, видно в разделе 4 ниже по тому, что зависимые в других частях произведения от *D* рукописи в начальных оглавлениях также явно восходят к одному источнику и разделяют общие ошибки против прочих рукописей.

¹⁰ Майгофф по какой-то причине не использует в своем издании оглавления IV книги отодвинутое оглавление *E* (но приводит некоторые его чтения в приложении к I тому); оно будет использовано в издании этого оглавления в готовящемся издании Podosinov, Starostin, Krivolapov (forthcoming), подготовленном при моем участии. Оно написано в *E* той же рукой, которая дополнила изначально пропущенный текст 3.131–4.5; Майгофф называет эту руку *E*^s, а Рив полагает, что она зависима от рукописи *A*. Отодвинутое оглавление IV книги в *A* сохранилось, и чтения, которые будут приведены в упомянутом издании, создают впечатление, что оглавление также вполне могло быть взято из *A* (ср. особенно общую ошибку 1.4.ext. Aglaosthene] Egosthene *AE*^s; описание 1.4.23 в указанном издании, где на месте Sporades *E*^s дает чтение *spora*, похожее на чтение *Ra sporai*, а рукописи *A* приписано чтение Sporades, содержит ошибку и не учитывает уточнений к аппарату в приложении Майгоффа, Mayhoff 1906: 531; на самом деле в *A* на этом месте стоит чтение *spora*).

- L* — Firenze, BML, Plut. 82.1–2 (s. xii), содержит полный текст до 37.199 с отодвинутыми оглавлениями
- M* — St. Paul im Lavanttal, SB, XXV a 3 (s. v), палимпсест, содержащий книги XI–XV (с пропусками) с отодвинутыми оглавлениями
- O* — Wien, ÖNB, 1 (s. v¹), фрагментированные (сохранившиеся в виде вырезанных из них полосок) страницы рукописи, содержащие отдельные слова из ряда отрывков XXXIII и XXXIV книг, в т.ч. отодвинутого оглавления XXXIV книги
- P* — Praha, Národní knihovna České republiky, XIV A 12 (s. xiv–xv), содержит текст до 37.203 с начальными оглавлениями
- R* — Firenze, Biblioteca Riccardiana, 488 (s. ix^m), содержит текст от Praef.27 до 36.157 с начальными оглавлениями для книг I–XXXIV и отодвинутыми оглавлениями для книг III–XIII, XX, XXII, XXV–XXXVI
- V* — Leiden, UB, Voss. Lat. F 61 (с. 800), другая часть той же рукописи, к которой относилась *D*, содержит 20.186–36.97 с отодвинутыми оглавлениями
- Z* — Milano, Biblioteca Ambrosiana, E 24 inf. (a. 1389; издателями не использовалась, я ввожу для нее новое обозначение), содержит текст до 37.199 с начальными и отодвинутыми распределенными оглавлениями
- a* — Wien, ÖNB, 9–10 (s. xii), содержит текст до 37.203 с большим количеством редакторских сокращений, с отодвинутыми оглавлениями
- c* — Le Mans, BM, 263 (s. xii, *C* в сиглах Ж. Дезанжа), содержит текст до 37.199 с начальными и отодвинутыми распределенными оглавлениями
- d* — Paris, BNF, Lat. 6797 (s. xii), содержит текст до 37.199 с начальными оглавлениями, а также отодвинутое распределенное оглавление для дополненной рукой XIV в. XXXVII книги
- e* — Paris, BNF, Lat. 6796A (s. xii^m), содержит текст до 21.155 с начальными оглавлениями, а также с отодвинутыми оглавлениями для IV и VII книг
- h* — Berlin, StaBi, Hamilton 517 (s. xi²), содержит текст до 31.49 с начальными оглавлениями (и, судя по всему, без отодвинутых оглавлений)¹¹

---

¹¹ Формулировка Майкла Рива в его кратком обсуждении ситуации с оглавлениями (Reeve 2021: 138), как кажется, подразумевает это, но не говорит этого прямо; мне доступна фотокопия f. 1r–25v, на f. 25v начинается III книга. В конце II книги вставлена фраза из финала ее оглавления, предшествующая списку используемых авторов (Summa

- pal.Chat.* — Autun, BM, S 28 (24) + Paris, BNF, Nouv. Acq. Lat. 1629 (s. v), палимпсест, содержащий отрывки из VIII и IX книг, в т.ч. из отодвинутого оглавления IX книги; о вопросе, содержала ли рукопись когда-то начальные оглавления, см. Reeve 2021: 342
- q* — Paris, BNF, Lat. 7701 (s. xii), содержит текст до 1.32.23 (т.е. вступительное послание плюс начальные оглавления книг I–XXXII)

Я пользуюсь собственными полными копиями рукописей *BDEFLPaq* для оглавлений VII и XXXVII книг и *d* для начальных оглавлений тех же книг (в каждом случае всех

res et historiae et obseruationes quadringentae decem et septem); в начале III книги вставлена фраза, с которой начинается оглавление (Incipit liber tertius, in quo continentur situs, gentes, maria, oppida, portus, montes, flumina, mensurae, populī qui sunt aut fuerunt), но на фотокопии хорошо видно, что далее сразу идет текст самой III книги, без продолжения оглавления. По Риву, *h* является апографом *E*; в *E* в начале III книги отсутствует отодвинутое оглавление, в т.ч. и эта фраза (f. 36v), как и в конце II книги (оказывающемся в результате сложной перестановки отрывков текста в *E* на fol. 63v, перед началом VI книги) отсутствует запись Summa...; очевидно, это инновация рукописи *h* (либо рукописи, стоящей на стемме между *E* и *h*, если таковая была), сделанная при помощи текста начальных оглавлений. Из описания рукописи *h* в каталоге Boese 1966: 249 понятно, что аналогичные подсчеты количества упомянутых элементов информации добавляются в *h* в конце книг VII и XXIV–XXX (кроме XXIV, это те самые книги, к которым есть отодвинутые оглавления в *E*; можно предположить, что из них фразы и берутся, а в случае концовки XXIV книги писцу напомнило о возможности такой вставки наличие оглавления в начале следующей дальше XXV книги, в результате чего он обратился к начальному оглавлению XXIV книги и взял фразу оттуда); описание в этом каталоге также создает впечатление, что заголовок IV книги уже не содержит фраз из оглавления. Я предполагаю на основании этих данных, что писец *h* систематически трансформирует отодвинутые оглавления (если не опускает их полностью) в такие краткие записи в конце и начале книг; но для уверенного утверждения следует проверить по дальнейшему тексту самой рукописи, не сохранилось ли где-нибудь, несмотря на это, и само отодвинутое оглавление. (Косвенным образом подтверждают мое предположение обсуждаемые мной ниже в разделе 7 отодвинутые распределенные оглавления зависимого от *h* семейства рукописи *c*, по-видимому основанные в рассмотренных мной случаях именно на тексте, относящемся к традиции начальных оглавлений: если бы в *h* были отодвинутые оглавления, скорее следовало бы ожидать, что в основу новой версии отодвинутых распределенных оглавлений будут положены они.)

рукописей из этого списка, которые дают конкретное оглавление); я не имел доступа к *R*, так что пользуюсь опубликованными у Майгоффа колляциями Л. фон Яна (нужно иметь в виду, что местами они могут быть неполными или некорректными). Для рукописей *Zc* я использую собственные полные колляции оглавления XXXVII книги (я счел, что для целей данной статьи этого будет достаточно)¹²; чтения рукописей *e* и *h* я уточнял в тех случаях, которые были релевантны для моей аргументации.

Я также использую следующие обозначения для различения разных рук писцов:

A^1 — чтение рукописи *A* до исправления;

A^c — исправление в рукописи *A*, сделанное той же рукой, которой написан первоначальный текст;

A^2 — исправление в рукописи *A*, внесенное второй (и т.д.) рукой;

A^x — исправление в рукописи *A*, про которое сложно определить, кем оно внесено (писцом, написавшим первоначальный текст, или кем-то из корректоров).

Специфика обсуждаемого в статье вопроса также вынуждает ввести специальное обозначение для отодвинутых оглавлений, чтобы отличать их от начальных. Практика Майгоффа, принятая и в бель-летровском издании Эрну-Боже и в критическом тексте А. В. Белоусова, в этом смысле довольно неудачна: он добавляет надстрочную *a* к обозначениям отодвинутых оглавлений в тех случаях, когда в рукописи есть и начальные (т. е. E^a , F^a , R^a , противопоставляемые начальным оглавлениям, описываемым просто сиглами *E*, *F*, *R*), но у рукописей, в которых начальных оглавлений ныне нет, обозначает отодвинутые оглавления обычными сиглами (*ABDMOa*), так что запись в аппарате не позволяет сразу понять, идет ли речь о начальном оглавлении или об отодвинутом. Детлефсен (Detlefsen 1866, 1869) использовал скобки для обозначения любых отодвинутых оглавлений (напр., *F* — начальное оглавление, (*F*) — отодвинутое оглавление; (*A*) — отодвинутое оглавление, хотя в рукописи *A* и нет начальных оглавлений); возможно, такая практика более оправдана. Однако она давно

---

¹² Правда, на практике оказалось, что это неверное предположение, см. раздел 7 ниже; тем не менее мне, я полагаю, все же удалось в итоге корректно охарактеризовать природу оглавлений в семействах этих двух рукописей на основе собранного мной материала.

вышла из употребления, поэтому я буду в целом пользоваться системой Майгоффа, позволяя себе следующее отступление от нее: если мне важно подчеркнуть, что оглавление, обозначаемое по правилу Майгоффа одной буквой (напр., *A*), на самом деле является отодвинутым, я буду добавлять к ней надстрочную *a* в скобках (напр., *A^(a)*).

2. Стеммы Майкла Рива для начальных книг и XXXVII книги

Для первых тринадцати книг Рив предлагает в целом одну общую стемму (конечно, с поправками на наличие и отсутствие конкретных рукописей в каждом месте); хотя, как я указывал выше, не вполне понятно, как ее применять к оглавлениям в составе I книги, она релевантна для предшествующего (начальным) оглавлениям вступительного послания и для следующей за ними II книги, так что в самом общем смысле должна относиться и к I книге. Упрощая, ее можно представить так, как на рис. 1¹³.

---

¹³ На упрощенной стемме не отражено, что у *P* есть рукопись-«близнец» Firenze, BML, Edili 165 (a. 1433); она не была мне доступна, но, если исходить из утверждений Рива, что текст двух рукописей крайне близок и что *P* практически без отличий воспроизводит текст общего источника двух рукописей, от которого сохранились небольшие фрагменты Dresden R 52^x и Praha, Národní knihovna České republiky, XXIV A 115 (оба s. xii–xiii, первый охватывает NH 20.30–56, 159–186, 28.66–89, 218–239, второй — 7.17–40), следует, вероятно, ожидать, что, как и в *P* (но в отличие от *A*), в Edili 165 отодвинутых оглавлений нет (и в общем источнике двух рукописей их уже не было). Косвенно это предположение подтверждают мои умозаключения в разделе 6 ниже о том, что источник правки в рукописи *L* должен отделяться на стемме семейства *AP* выше того места, где расположены дрезденский и пражский фрагменты, и что для правки и дополнения отодвинутых оглавлений рукописи *L* ее корректор использовал начальные оглавления этого своего источника, видимо, за неимением в нем отодвинутых.

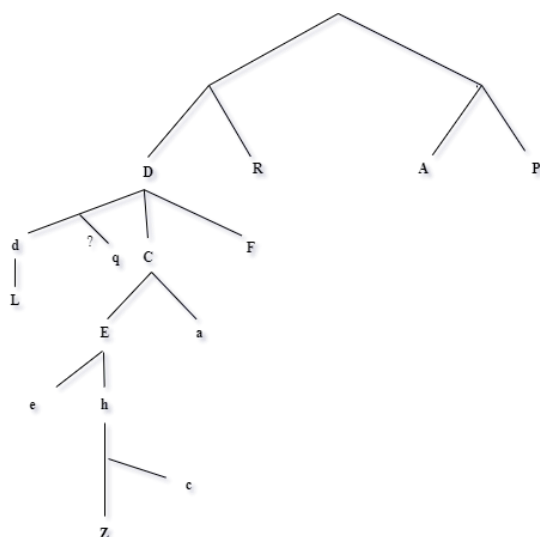

Рис. 1. Упрощенное изображение стеммы М. Рива (Reeve 2021) для NH 1–13

Большинство рукописей оказываются производными от *D*, однако многие из них все равно сохраняют интерес из-за внесенной в них правки (на основе рукописей из традиции *AP* — в *E* и *F*, на основе каких-то других хороших рукописей — в *D* и *R*) или правки, внесенной в рукописи, стоящие между ними и *D* (на основе каких-то других хороших рукописей — в *d* и, вероятно, *q*)¹⁴. Вопросительный знак рядом с *q* обозначает, что Рив не вполне уверен, что правильно поставил эту рукопись, из-за малого объема ее текста: он имел возможность сопоставить ее текст с другими своими колляциями только в тексте вступительного послания и сомневается из-за отсутствия ряда важных рукописей на этом отрезке, верно ли там идентифицированы истинные чтения и ошибки (Reeve 2021: 54–55). Из своих колляций оглавления II книги (в случае которой нет проблемы двойных оглавлений и все отношения рукописей должны быть регулярными) я могу привести в пользу того положения *q*, что изображено на стемме, один пример по-видимому значимой

¹⁴ Эта картина делает избыточным само по себе довольно странное предположение Детлефсена, что начальные оглавления *d* выправлялись на основе отодвинутых оглавлений (видимо, антиграфа *d*), по крайней мере в тех случаях, когда речь идет о верных чтениях.

общей ошибки dq (разделяемой рукописью L , по Риву производной от d)¹⁵:

1.2.90 *quas terras interruperint maria PehL² (non legitur E, om. a): quas terras interseparant maria q: quas terras interseparent maria dL¹*

В соответствующем месте II книги (2.204) речь о том, как острова появляются в результате отделения участка суши морем, а не просто о землях, между которыми лежит море; при этом, я полагаю, маловероятно, что кто-то из переписчиков поправил текст на основе обращения к самой II книге, т. к. текст *quas terras interseparant/interseparent maria* выглядит вполне внятным и не вызывает сам по себе желания исправить его. Возможно, подходит также следующий пример из оглавления VII книги, где отношения оглавлений d и q , оба из которых являются начальными, также не должны искажаться под влиянием описываемых в статье проблем¹⁶:

1.7.ext. *Philostephano ehL², R^a? (non legitur E): pilostephano Da: pilostephano F^a: phylostephano P: philostifano d: phylostipano q: philostiphano L¹*

Данные моих коляций также не противоречат положению q на рис. 1, если допустить, что ценная правка была введена в традицию dq выше места расхождения линий, ведущих к обеим рукописям (напр., в общий источник двух рукописей). Я полагаю,

¹⁵ То, что ошибка была затем исправлена в L (второй рукой), не значит, что она легко исправляема, так как исправления второй руки L , по Риву, сделаны на основе сопоставления с рукописью, принадлежащей к традиции AP .

¹⁶ Проблема с именами из списков используемых авторов, которые Плиний прилагает к оглавлению каждой книги, в том, что многие из этих имен повторяются от списка к списку, так что, если где-то они искажены не до неузнаваемости, переписчик, запомнивший их написание из предшествующих списков, может поправить их по памяти; в таких случаях связанные с ними ошибки становятся «объединяющими, но не разъединяющими» по Маасу, т. е. всегда можно допустить, что они стояли уже в общем архетипе всех оглавлений соотв. книги и просто в части традиции были исправлены. Но, во-первых, это не относится к случаям вроде настоящего, т. к. Филостефан Киренский упоминается в качестве источника только для VII книги; во-вторых, можно предположить, что в длинных списках незнакомых имен переписчики будут обычно готовы увидеть новое для себя странное имя и потому не будут склонны к исправлениям. По этой причине я оставляю в статье такие примеры, но следует иметь в виду, что они могут оказываться уязвимыми в качестве аргумента.

гаю поэтому, что вполне можно исходить из корректности такого положения *q* на стемме.

Из двух групп поздних рукописей, которые по Риву зависят первая («семейство рукописи Voss. Lat. F 1» в терминологии Reeve 2021)¹⁷ от *h*, а вторая («большое итальянское семейство» в терминологии Reeve 2021) от первой, но содержат каждая свои ценные дополнения на основе каких-то других рукописей, я взял по одной хорошо отображающей текст группы рукописи: соответственно, рукописи *c* и *Z*. В случае первой из этих групп Рив рекомендует использовать в первую очередь другую рукопись, Leiden, UB, Voss. Lat. F 1 (s. xii), но она не была мне доступна на момент написания статьи.

Отношения рукописей в XXXVII книге более удобным образом описываются в статье Reeve 2007: 148–160; в книге Reeve 2021 Рив не останавливается на них специально, но и не вносит существенных модификаций в сказанное ранее в этой области, он подразумевает ту же самую схему (ср. особенно Reeve 2021: 334–336). Ее можно упрощенно отобразить так, как на рис. 2.

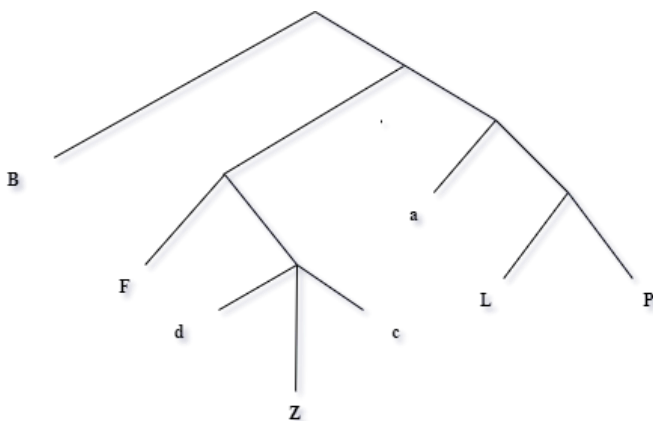

Рис. 2. Упрощенное изображение стеммы М. Рива (Reeve 2007 + 2021) для NH 37

¹⁷ В статье Reeve 2007 те же рукописи описываются как «рукописи, согласные с *d* в 37.93–98» [текст XXXVII книги в *d* дополнен рукой XV в. и относится к этому семейству] и как «большое семейство, пропускающее 34.83–96»; Э. Лонати (Lonati 2020) называет это семейство «англо-нормандским».

3. Гипотеза

Несмотря на сложности, описанные во введении, примеры, в которых отодвинутые оглавления древнейших рукописей ведут себя как отдельное семейство, явно остаются релевантными; если дополнить чтения не используемых Майгоффом рукописей (кроме Z , c и d^a , ситуацию с которыми я обсужу отдельно, а также производных от E рукописей e и h), два приведенных выше примера будут выглядеть так:

1.37.4 notabiles $B^{(a)}F^a$: nobilitates $EFL^{(a)}Pd$: om. $d^{(a)}$

1.37.40 blepharon $edd.$: blefaron F^a : belfaron $B^{(a)}$: elefauton EF : siue elefauton $L^{(a)}d$: om. $Pa^{(a)}$

Выпадают из ожидаемой картины здесь только чтения $L^{(a)}$, все время группирующиеся с чтениями начальных оглавлений. Это, однако, легко объяснить: L — по Риву, рукопись, производная от d ; в d при этом (как она выглядела до XIV в.) отодвинутые оглавления отсутствуют; судя по всему, создатель рукописи L не имел доступа к традиции отодвинутых оглавлений древнейших рукописей и создал отодвинутые оглавления вторично на основе начальных оглавлений рукописи d . Гипотеза, которую я хочу предложить в настоящей статье, заключается в том, что этот механизм и был главным искажающим ожидаемую картину фактором: первое удвоение оглавлений, создавшее для них дублетную рукописную традицию, произошло еще на какой-то очень древней стадии (в архетипе всех рукописей?), затем некоторые части полной системы с начальными и отодвинутыми оглавлениями одновременно постепенно утрачивались в рукописях¹⁸, приводя в некоторых ветвях традиции к сохра-

¹⁸ Фактом, не укладывающимся в эту модель, будет наличие отодвинутого оглавления III книги в рукописи a , при том что то же самое оглавление отсутствует в рукописи D , к которой восходит a , и в рукописи E , которая восходит к общему с a источнику в лице утерянному апографа происходящей от D рукописи C (я предполагаю, соответственно, что в C этого оглавления тоже нет, хотя на настоящий момент не видел ее). Я не изучал в рамках работы над данной статьей текст оглавления III книги, но предварительно предположил бы, что создатель рукописи a заимствовал его текст из начальных оглавлений, заметив недостачу. По-видимому, этот тезис подтверждают общие ошибки Ea (т. е. начального оглавления E и отодвинутого оглавления a),

нению только начальных оглавлений; впоследствии отодвинутые оглавления возникали еще несколько раз вторично, но уже на основе той ветви традиции оглавлений, которая на ранних стадиях была представлена начальными оглавлениями. Если эта гипотеза верна, то древнейшие рукописи, отодвинутые оглавления которых образуют отдельную ветвь традиции, должны определяться как те, которые предшествуют «бутылочным горлам», отрезавшим доступ позднейших рукописей к традиции изначально отодвинутых оглавлений. Такими «бутылочными горлами» оказываются рукописи *d* (у которой есть довольно обширное потомство, не показанное на приведенных выше стеммах: см. Reeve 2021: 43–55, 247–252) и, по-видимому, *h*¹⁹. Значит, нам следует ожидать, что как особое семейство изначально отодвинутых оглавлений должны вести себя в оглавлениях VII книги тексты $D^{(a)}R^aC^aF^aE^a a^{(a)}e^a$. Чтобы понять, чего нужно ждать в XXXVII книге, нужно представить, в результате каких именно трансформаций стемма для XXXVII книги получается из стеммы для начальных книг. *F* не меняет филиации по ходу произведения; вероятно, и здесь она все так же зависит от концовки текста в утраченном продолжении *D* (которое одновременно является продолжением охватывающей 20.186–36.97 рукописи *V*, второй части той же рукописи, началом которой являлась *D*). *Zcd* примкнули к той же ветви в тех частях, где их текст был дополнен (*h* не содержит XXXVII книги, и изначально ее не содержала и *d*). Рукопись *a* (вместе с *E*) меняет свое место на стемме по ходу текста и образует отдельную ветвь традиции начиная с XXI книги; к этой ветви примыкает в соответствующей части произведения и *P*. *E* в XXXVII книге отсутствует, но ветвь, на которой расположены *a* и *P*, является остатком того же самого семейства; *L* примыкает к ней в XXXVII книге, которая дополнена второй рукой, т.к. в *d*, источнике *L*, этой книги изначально не было; правка руки *L*² по всему тексту произведения происходит из той же традиции, что *P*, очевидно, эта книга была дополнена из того же источника. Рукопись *B* принадлежит к отдельной ветви, равноправной со всем прочим древом (т. е., если в *B* когда-то были начальные книги, их положение на стемме этой части произведения было бы не вполне понятно, возможно, она стояла бы

которые видны в аппарате Майгоффа к оглавлению III книги (1.3.29 Moesiae om. R^1E^1a , 1.3.auct. L. Ateio] Lategio *Ea*).

¹⁹ См. выше прим. 11.

на отдельной ветви, отделяющейся выше ветви AP); тем не менее, как мы видели, $B^{(a)}$ также принадлежит к традиции изначально отодвинутых оглавлений. Помимо $B^{(a)}$ к ней, получается, должны относиться в XXXVII книге F^a и также $a^{(a)}$, которая, несмотря на смену филиации, все равно не переместилась ниже «бутылочных горл». Что касается дополненных рукописей, то следует ожидать, что они будут примыкать к традиции изначально начальных оглавлений, если их оглавления не перенесены из источника дополнений; что перенос оглавлений из источника дополнений в принципе возможен, сразу видно по случаю d , имеющей отодвинутое распределенное оглавление только в дополненной части (и семейство рукописи c , послужившее источником дополненного текста в d , имеет именно отодвинутые распределенные оглавления); нужно будет, тем не менее, разобраться, возможно ли в конкретных случаях $L^{(a)}$, Z^a и c^a/d^a использование традиций, которые сделали бы эти оглавления не просто элиминируемыми апографами начальных оглавлений, а ценными для издателя (будь это каким-то образом доступная им традиция изначально отодвинутых оглавлений или какая-то еще).

4. Древнейшие рукописи

Материал VII книги (специально выбранной мною так, чтобы было доступно большее число отодвинутых оглавлений) подтверждает сформулированную гипотезу. Примеры возможно значимых ошибок, объединяющих $D^{(a)}R^aF^aE^a a^{(a)}e^a$ (текст C^a не был мне доступен на момент написания статьи):

1.7.ext.²⁰ Ephoro P : Непоро $D^{(a)}R^aF^aE^a e^a$: Непоро $a^{(a)}$: Defodoro R : Depho... E (Dephodoro eh)²¹: Nephodoro dL : Dephodoro q^l : Ephodoro q^c

²⁰ Конечно, переписчики могут довольно свободно перемещать придыхание (т. е. ошибка в принципе полигенетическая и теоретически могла объединять несколько не связанных семейств), но именно такая перестановка его не является среди возможных вариантов единственным напрашивающимся, и, учитывая, что это имя собственное в длинном списке незнакомых имен, восстановить правильную орфографию переписчику скорее всего было сложно, даже при том, что имя Эфора часто появляется в плиниевских оглавлениях (в оглавлениях кн. IV, V, VI, VII). В каких-то из принадлежащих семейству рукописей орфография могла быть изменена на какую-нибудь еще, но, похоже, в данном случае этого не произошло (за исключением геминии в a). Если считать этот аргумент в пользу

1.7.ext. τραγυφδοῦμενα *edd.*²²: *tragodumena ehdqL* (*non legitur E*, *tragodumena scripsit P*): *tragodumenas D^(a)R^aE^aa^(a)*: *tragodomenas e^a*: *tragodomoenas F^a*

Еще одна «объединяющая, но не разделяющая» ошибка в терминах Мааса, общая для *D^(a)R^aF^aa^(a)* (она могла быть исправлена в *E^a* конъектурально):

1.7.12 *ad quos annos generatio PR^vdqLE^ae^a* (*ad quos generatio R^l*, *ad quos hominum generatio E*): *ad quos animos generatio D^(a)R^aF^aa^(a)*

Видно также, что стемматические отношения между рукописями внутри семейства изначально отодвинутых оглавлений предсказуемо сохраняются: общие ошибки есть у *D^(a)F^aE^aa^(a)e^a* (1.7.48 *iusserint*] *iusserunt*— конечно, полигенетическая и легко исправимая ошибка), *E^aa^(a)e^a* (1.7.auct. Vergilio — Cornelio *om.* — ошибка, вызванная *saut du même au même* и потому полигенетическая; *ibid.* Pomponio] Pompeio; *ibid.* Vestale] Vastale — легко исправимая ошибка; 1.7.ext. Petosiri] Pecosiri) и *E^ae^a* (1.7.8 *uopisci*] *uopiscis* — легко исправимая ошибка; 1.7.53 *elati* (*edd.*, *clari codd.*) *clare*). Противоречащего стемме Рива материала почти нет, некоторую сложность представляет только следующее место:

значимости примера для выделения семейства изначально отодвинутых оглавлений слабым, по этому примеру так или иначе видно, что, помимо орфографии, отодвинутые оглавления древнейших рукописей фактически сохранили верное чтение вместе с *P* против семейства *[D]R* (где *[D]* = утраченный ныне текст начальных оглавлений в *D*), по-видимому имевшего в гипархетипе общую ошибку *Derphodogo*, только частично исправленную на основании внешней традиции в общем источнике рукописей *dq*. Это уже говорит о том, что рассматриваемые отодвинутые оглавления не могут зависеть от традиции начальных оглавлений соответствующих рукописей.

²¹ Майгофф прочитывает в *E* *herpho[go]*, но то, что различимо в рукописи, можно трактовать и как *derpho...*, и единомудушие апографов подтверждает, что это верная интерпретация.

²² Рив доказывает, что восстанавливать написания греческими буквами в тексте Плиния вопреки рукописям, как принято делать у издателей, — неверное решение и что Плиний скорее всего записывал греческие слова, в т.ч. с греческими окончаниями, в латинской транслитерации: Reeve 2021: 161–165.

1.7.15–17 *historica circa dentes. historica circa infantes. (16) magnitudinum exempla. (17) praeproperi infantes historica circa infantes om. E^ae^a: magnitudinum — infantes om. D^(a)F^aa^(a)*

Похоже, что в этом случае пропущенный в $D^{(a)}$ пассаж был восстановлен в E^a на основании обращения к более полному тексту (к начальным оглавлениям?), причем вставлен вместо предшествующей фразы (схожесть концовки которой с пропущенным отрезком явно и вызвала пропуск); может быть, это как-то связано с тем, что именно в этом месте на небольшом отрезке текста пункты оглавления в E^a нумеруются (1.7.1 = i, 1.7.3 = ii, 1.7.4 = iii, 1.7.5 = iiiii, 1.7.6 = u, 1.7.10 = ui, 1.7.13 = uiii, 1.7.14 = uiiii, 1.7.15 = uiiii, 1.7.16 = x)²³, т.е. писец каким-то образом следил за количеством пунктов.

В оглавлении XXXVII книги ситуация более сложная: несмотря на его длину, довольно трудно найти примеры согласия $B^{(a)}F^a a^{(a)}$ против остальных рукописей из-за того, что в $B^{(a)}$ и особенно $a^{(a)}$ много пропусков (видимо, как раз из-за длины оглавления, которое переписчики ленились переписывать полностью). Тем не менее прослеживаются другие модели отношений между рукописями, по-видимому подтверждающие гипотезу. Мы уже видели примеры согласия $B^{(a)}F^a$ в истине и ошибке при отсутствии $a^{(a)24}$. Помимо этого, $B^{(a)}F^a a^{(a)}$ бывают

²³ В E (начальном оглавлении) соответствующей нумерации нет, если только она не оказалась невидимой на микрофильме из-за попадания в ту часть полей, которая была загнута при переплете. Примерно там, где заканчивается нумерация, (после *praeproperi infantes*) в тексте E край листа (f. 4v). Но писец, написавший отодвинутое оглавление E^a , естественно, мог дополнить его не на основе начального оглавления E , а на основе начального оглавления антиграфа E .

²⁴ Можно добавить сюда 1.37.58 *enariste Dellefsen: enhariste L²: enchariste P: inaristae EF: ariste B^(a)F^a: om. a^(a), desunt dL¹, 1.37.61 drosolithos B^(a): dropsolitas F^a: aut solitis EF: om. a^(a)PL², desunt dL¹, ibid. Indicae B^{(a)1}?: Indice B^{(a)x}F^a: Indica PL²: Indis EF: om. a^(a), desunt dL¹, 1.37.64 nebritis B^(a)F^a: nebrides PL²: enritis EF: om. a^(a), desunt dL¹, 1.37.65 onocardia B^(a)F^a: unocardia EF: om. a^(a)PL², desunt dL¹, 1.37.68 thelycardios B^(a): thelicardios F^a: telichardion P (thelichardion L²): thelicarito EF: om. a^(a), desunt dL¹, 1.37.71 dactylos B^(a): oactylos F^a: osacculos EF: om. a^(a)PL², desunt dL¹, 1.37.72 hyophthalmos edd.: hyoophthalmos B^(a): hyoptalmos F^a: om. a^(a)EFPL², desunt dL¹, 1.37.73 dryitis EF: driyitis PL²: drytis B^(a): dritis F^a (corr. in drigitis F^{ax}?): om. a^(a), desunt dL¹. Многие примеры из этого списка могли быть*

согласны с P (вместе с родственным P на протяжении всего произведения корректором L^2) в истине против трудноисправимых ошибок прочих рукописей, что подразумевает, что отодвинутые оглавления рукописей $F^a a^{(a)}$ не могут зависеть от традиции начальных оглавлений того же семейства потерявшей ныне первую книгу рукописи D^{25} :

1.37.54 *acopos* $B^{(a)}PL^2$: *acopos* F^a : de *acopho* $a^{(a)}$: *acopor* EF : *desunt dL^1*

ibid. alectoriae F^a : *allectoriae* P (*alectorie* L^2): de *alectorie* $a^{(a)}$: *alectoriore* $B^{(a)}$: *electoriae* EF : *desunt dL^1*

1.37.59 *gorgonia* $B^{(a)}F^aPL^2$: de *gorgonio* $a^{(a)}$: *gorgonda* EF : *desunt dL^1*

1.37.66 *paneros* $B^{(a)}F^aPL^2$: de *panerote* $a^{(a)}$: *priuerus* EF : *desunt dL^1*

1.37.67 *syrtitis* $B^{(a)}F^a$: de *syrtite* $a^{(a)}$: *syrtites* P (*syrtites* L^2): *sytitis* EF : *desunt dL^1*

1.37.68 *tephritis* $edd.$: *tefritis* P : *thefritis* F^aL^2 : *thephrytis* $B^{(a)}$: de *thefritis* $a^{(a)}$: *om. EF, desunt dL^1*

1.37.73 *cenchrithis* $edd.$: *cenchrithis* $F^{ax}P$ (*cenchrithis* L^2): *cenerithis* F^{a1} : *cencherithis* $B^{(a)}$: de *cenchrithis* $a^{(a)}$: *cechrithis* E : *caechrithis* F : : *desunt dL^1*

Фиксируется также случай согласия $F^a a^{(a)}$ в ошибке там, где нет $B^{(a)26}$:

восстановлены на основе обращения к тексту XXXVII книги, но, к примеру, вряд ли 1.37.71 *dactylos*, т.к. греческий вариант названия *Adadu dactylos* дается только в оглавлении, в 37.186 тот же камень назван *eiusdem digitus*. В этом списке нет хороших примеров согласия семейства рукописи P с потомством рукописи D в значимых ошибках, которых можно ожидать на основе предлагаемой гипотезы, но такие примеры встретятся в следующем далее тексте раздела.

²⁵ Ср. об аналогичном случае в VII книге прим. 20. В случае приводимых ниже примеров также часто представимо восстановление верного чтения на основе обращения к тексту XXXVII книги, но по крайней мере чтение 1.37.67 *syrtitis* явно не могло быть восстановлено в F^a , т.к., судя по аппарату Майгоффа (Mayhoff 1897), в соотв. месте XXXVII книги (37.182) на месте единственного упоминания этого камня (в мн.ч.) рукопись F и находящиеся с ней на одной ветви рукописи d и h (так Майгофф называет Paris, BNF, Lat. 6801, s. xiv², принадлежащую по Риву к тому же семейству, что и Z) дают чтение *syrtides*, т.е. в антиграфе рукописи F также должно было стоять оно.

²⁶ Имя Судина, однако, встречается в оглавлениях IX и XXXVI книг, так что переписчики могли, узнав, исправить его; в этом случае ошибка может восходить куда угодно, вплоть до архетипа. Имя Зороастра встречается в оглавлении XVIII книги (сложно сказать,

1.37.ext. Sudine EPL^2 : Sudinae F : Sucine $F^a a^{(a)}$: *desunt* $B^{(a)} dL^1$
 ibid. Zoroastre EPL^2 : Zoroastrae F : Zorastre F^a : Zarastre $a^{(a)}$: *desunt*
 $B^{(a)} dL^1$

Стемматические отношения между рукописями внутри семейства изначально отодвинутых оглавлений также, по-видимому, остаются теми же, т. к. есть случай согласия $F^a a^{(a)}$ в ошибке против $B^{(a)27}$:

1.37.72 myrmecitis *edd.*: myrmecithis $B^{(a)}$: mirnecitis F^a : de myrmecitis
 $a^{(a)c}$ (de myrnetis $a^{(a)1}$): gymrecitis PL^2 : myrmetitis EF : *desunt* dL^1

В случае XXXVII книги, однако, чтений, противоречащих предлагаемой стемме, значительно больше; в основном они связаны с тем, что оглавление F^a согласно в ошибке с начальными оглавлениями против остальных отодвинутых

было ли это достаточно для того, чтобы переписчик мог его запомнить).

²⁷ Этот пример также, по-видимому, исключает трактовку Детлефсена (Detlefsen 1869: 706–707), согласно которому «переделанные» оглавления в a (наподобие оглавления XXXVII книги, которое, как мы видим, сильно отредактировано, так что почти все сохранившиеся заголовки перефразированы) были составлены заново, в т.ч. при помощи начальных оглавлений, в тех местах, где в антиграфе a отодвинутые оглавления были пропущены. Судя по согласию EF , в начальном оглавлении общего источника Ea должна было стоять ошибка myrmetitis (либо, учитывая простоту и потому потенциальную повторяемость искажения, верное чтение myrmecitis), из которой писец рукописи a вряд ли мог случайно создать чтение myrmecitis, так похоже на ошибку другого отодвинутого оглавления F^a . Вероятно, писец рукописи a использовал отодвинутое оглавление, все еще оставшееся в общем источнике рукописей Ea , по крайней мере в случае XXXVII книги. Судя по всему, именно из-за трактовки Детлефсена Майгофф не использует a при издании оглавления XXXVII книги (Детлефсен не относит свои рассуждения к этому оглавлению прямо, но домыслить, что они к нему относятся, легко); это явно неудачное решение, т.к., по-видимому, a оказывается здесь хотя и сильно искаженным, но все же весьма ценным источником информации о чтениях плохо представленной традиции изначально отодвинутых оглавлений.

оглавлений. Чаще всего оно оказывается при этом конкретно согласно с начальным оглавлением F^{28} :

- 1.37.40 socondion $B^{(a)}$: sacondion $EFF^a PdL$: *om. a^{(a)}*
 ibid. pharanitis *edd.*: farangites $B^{(a)}$: paranithis $EFF^a dL$: paranytis P :
om. a^{(a)}
 1.37.54 Arabica PL^2 : Arabicus $B^{(a)}$: de Arabico $a^{(a)}$: anabiga EFF^a :
desunt dL^1
 1.37.55 baroptenus PL^2 : baboptenus $B^{(a)}$: barotenus F^a : borotenus EF :
om. a^{(a)}, *desunt dL^1*
 1.37.56 corallachates *edd.*: chorallachates PL^2 : coballachates $B^{(a)}$:
 corollachates F^a : corollochates EF : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.58 encardia *edd.*: enchardia PL^2 : encarodia $B^{(a)}$: incardia EFF^a :
om. a^{(a)}, *desunt dL^1*
 ibid. erotylos $B^{(a)}$: erothylos PL^2 : crotyllos F^a : crotillos EF : *om. a^{(a)}*,
desunt dL^1
 ibid. amphicomos *Sillig*: amphicomos $B^{(a)}$: mephicomos F^a : mephicos
 mes E : memphicos mes F : mepichores PL^2 : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 ibid. hieromnemon $B^{(a)}$: ieromnemon P : ieronnemon L^2 : hieromnmemo
 F^a : hierōnemo E : hieronnemo F : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.59 leucographitis *Sillig*: leucogaeafitis $B^{(a)}$: leugographitis P :
 leugographritis L^2 : seucograpitis F^a : seucograpius EF : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 ibid. synechitis *Jan*: synechites $B^{(a)}$: synephytis P : synephytis L^2 :
 sinepythin F^a : sinepithin F : sinephytin E : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.60 aedoeon *Jan*: aedyon $B^{(a)}$: redocon PL^2 : redoeon F^a : redioreon
 F^1 : redioeon F^x : redion E : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.63 morochthos *Detlefsen*: morochthis $B^{(a)}$: merochthes PL^2 :
 merochthi EFF^a : *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 ibid. mormorion $B^{(a)}$: moryon P : morion L^2 : morrion EFF^a : *om. a^{(a)}*,
desunt dL^1
 1.37.66 gaeanis $B^{(a)}$: geanides $EFF^a PL^2$: *om. a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.67 syringitis PL^2 : singitis F^a : synugitis EF : *om. B^{(a)} a^{(a)}*, *desunt dL^1*
 1.37.71 nephros *edd.*: neferos $B^{(a)}$: enephros FF^a : enepros E : *om.*
a^{(a)} PL^2, *desunt dL^1*
 ibid. ophthalmos $B^{(a)}$: ostelmos F^a : ospthelmos F : osphelmos E : *om.*
a^{(a)} PL^2, *desunt dL^1*
 1.37.72 timictionia $B^{(a)}$: tynuclonia P : tymiclonia L^2 : timidonia F^a :
 timiclonia EF : *om. a^{(a)} PL^2*, *desunt dL^1*

²⁸ Почти все верные чтения из идущего далее списка (а также в последнем упомянутом выше месте и в следующем списке) могли быть теоретически восстановлены в B на основе сверки с текстом XXXVII книги, но, даже если допускать такой сценарий, это вряд ли сработает по крайней мере с чтением 1.37.71 ophthalmos, т. к. в 37.186 камень Adadu ophthalmos упомянут только как eiusdem oculus.

1.37.73 melichrus *edd.*: melychrys $B^{(a)c?}$: melychris $B^{(a)1}$: de melecritis $a^{(a)}$: mellitros PL^2 : mellucris F^{a1} : mellycris F^{ax} : mellitris EF : *desunt* dL^1
 ibid. melichloros *edd.*: melichorus $B^{(a)}$: mellycoros F^a : mellichoros $EFPL^2$: *om.* $a^{(a)}PL^2$, *desunt* dL^1

Вероятно, такие случаи следует пытаться объяснить тем, что текст F^a был на какой-то стадии трансмиссии выправлен на основании другого текста (особенно учитывая, какую роль дополнение и выправление рукописей на основе других сыграло, согласно реконструкции Рива, в традиции Плиния Старшего), вероятно, на основании традиции начальных оглавлений (мы уже видели вероятные следы таких сверок в тексте оглавления VII книги в E). Следует, однако, обратить внимание, что в большинстве тех случаев, когда чтение F^a отличается в приведенном выше списке мест от чтений EF , оно ближе к верному чтению, чем чтения EF ; чтения EF обычно выглядят как т.н. progressive errors, следующие стадии развития ошибки. Это значит, что нельзя объяснить данные случаи тем, что писец отодвинутого оглавления F^a сверялся с начальным оглавлением F или с утраченным ныне начальным оглавлением антиграфа F , рукописи D , т.к. согласие EF в ошибке должно указывать на то, что эта ошибка была уже в D . Значит, сверка должна была производиться по начальному оглавлению рукописи, стоящей в стемме выше, чем D . Есть также случаи, когда чтение F^a оказывается ближе к (ошибочному) чтению начального оглавления P :

1.37.46 sängenon *Mayhoff*: sängenos $B^{(a)}$: angenon F^a : argenon PL^2 :
 agenon E : agerion F : *om.* $a^{(a)}$, *desunt* dL^1

1.37.64 nipparena $B^{(a)}$: nimpharena F^a : nympharena PL^2 : nymphasena
 EF : *om.* $a^{(a)}$, *desunt* dL^1

1.37.66 phloginos *edd.*: floginos $B^{(a)}$: philogenos F^a : phylogenos PL^2 :
 philosinos E : phylosinus F : *om.* $a^{(a)}$, *desunt* dL^1

1.37.70 zamilampis *Mayhoff*: zamilamfis $B^{(a)}$: zmylacis F^aL^2 : lmylacis
 P : *om.* $a^{(a)}EF$, *desunt* dL^1

1.37.72 trigilitis $B^{(a)}$: trigillitis F^a : trigilitis PL^2 : triclitis EF : *om.* $a^{(a)}$,
desunt dL^1

1.37.73 phlogitis *edd.*: flogitis $B^{(a)}$: palogitis F^a : phalagonitis PL^2 : *om.*
 $a^{(a)}EF$, *desunt* dL^1

ibid. polias $B^{(a)}$: spotias F^aPL^2 : polias ptolias E : polyas pholias F : *om.*
 $a^{(a)}$, *desunt* dL^1

Иногда в этих случаях к верному чтению оказывается ближе F^a (angenon), а иногда — P (trigilitis, phalagonitis). Все эти

особенности, однако, как раз соответствуют тому, что можно было бы ожидать, если источник контаминации в F^a стоит на древе выше D , т.е. является самым близким к гипархетипу представителем своего семейства внутри традиции начальных оглавлений. Более того, если вдуматься, именно такой источник контаминации в F^a как раз ожидаем: правка не внесена в F корректором (как в случае важной в книгах I–XIII руки F^2), а инкорпорирована в текст; это должно значить, что исправления вносились в антиграф F (которым в данном случае, видимо, была ныне утраченная концовка рукописи $D+V$), а писец F уже внес их в текст, заменив ими первоначальные чтения антиграфа. В таком случае вполне логично, что в качестве источника правки могло использоваться начальное оглавление не самой $D+V$ (т.е. в данном случае D), а уже антиграфа D (который может быть общим источником рукописей DR , но может и не быть им).

Признаки контаминации с начальными оглавлениями, хотя и менее понятной природы, есть и в $a^{(a)}$. Чтения, в которых $a^{(a)}$ оказывается согласна (в основном в ошибках) с начальными оглавлениями против остальных отодвинутых, систематически оказываются ближе к P (а в одном — последнем — случае к близкородственному P тексту L^2):

1.37.9–10²⁹ de crystallo (cristallo F^{ac} , cristalli F^{a1}) $B^{(a)}F^a$: natura crystalli (chrystalli a , christalli E , cristalli dL) $a^{(a)}EFPdL$

1.37.21–22 de opalis *edd.*: de oppallis $B^{(a)}$: de opiolo $a^{(a)}$: de opiolis P : de opialis $EFdL$: *om.* F^a

1.37.68 trichrus $B^{(a)}$: thrycarus F^a : de trico $a^{(a)}$: thricus PL^2 : *om.* EF , *desunt* dL^1

1.37.76³⁰ ratio probandi $B^{(a)}$: ratio probandarum F^a : ratio probandi uera $a^{(a)}$: ratio probandi ueras PL^2 : ratio probandorum EF : *desunt* dL^1

²⁹ В этом случае сложно сказать, какое чтение верное, но, даже если верно чтение *natura crystalli*, оно вряд ли могло быть унаследовано рукописью a из архетипа всех оглавлений, если для отодвинутых оглавлений XXXVII книги верна акутальная для книги в целом стемма (судя по ней, чтение *de crystallo* должно было стоять уже в общем источнике $B^{(a)}$ и F^a , к каковому должно восходить и оглавление $a^{(a)}$).

³⁰ В этом случае также можно теоретически посомневаться в том, какое чтение является верным; если верно чтение P (в смысле *ratio probandi ueras gemmas*), то слово *ueras/uera* теоретически могло стоять в общем источнике, быть потеряно в B и независимо от этого

1.37.ext.³¹ Zachalia *P*: Zacchaia³² *F*^a: Zactallia *a*^(a): Zactalia *L*²:
Zactitaria *E*^x*F* (Zatitaria *E*¹): *desunt dL*¹

Также распространены случаи, когда ошибки *P* (иногда свойственные начальным оглавлениям в целом) разделяются одновременно и *F*^a, и *a*^(a) против *B*^(a)³³.

1.37.30 Carchedonia *edd.*: carchedonia *B*^(a): calcaedonie *F*^a: de calcedone *a*^(a): calcedonius *P*: calchedonia *EF*: calcedonia *dL*

1.37.56 chloritis *B*^(a): caloritis *F*^a: de calorite *a*^(a): chaloritis *PL*²: *om. EF, desunt dL*¹

1.37.60 hammitis *B*^(a): hymmitis *F*^a: de imnitis *a*^(a): hymnitis *PL*²: hymmutis *E*: hymmydis *F*: *desunt dL*¹

1.37.66 paeanitis *B*^(a): pheanthide *F*^a: de peantide *a*^(a): peantides *PL*²: pheantide *E*: phaeantithae³⁴ *F*: *desunt dL*¹

В свете описанного выше поведения обеих рукописей, однако, чтобы не умножать линии контаминации, проще, вероятно, считать, что все эти случаи — не результат правки на основе традиции начальных оглавлений в общем предке *F*^a и *a*^(a), а результат приведшей к совпадающему результату правки на основе антиграфа начального оглавления *D* в антиграфе *F* и правки на основе начального оглавления какой-то родственной *P* рукописи в предке *a*.

вытеснено в *F*^a чтением начального оглавления антиграфа *D*. Однако, как кажется, примеры из корпуса античных текстов не подтверждают, что возможно сказать *probo ueras (gemmas)* в значении «проверить подлинность (драгоценных камней)» (ср. NH 37.197–200): см. TLL 10.2.2.1473.5–26; вероятно, таким образом, чтение *P* все же следует считать ошибочным.

³¹ Как и в случае описанных выше мест 1.37.9–10 и 1.37.76, здесь после появления ошибки конъектуральное восстановление прежнего чтения писцом практически невероятно, т. к. имя Захалии Вавилонского есть только в списке авторов, используемых в XXXVII книге.

³² Майгофф читает на соответствующем месте *Zacchaia*, но по фотоконии рукописи *F* видно, что он неверно интерпретирует ее текст. Божо, очевидно, опирается на ту же колляцию Майгоффа.

³³ Теоретически во всех этих случаях верные чтения могли быть восстановлены в *B* при помощи сверки с текстом XXXVII книги.

³⁴ Майгофф читает на соответствующем месте *phaeanitthae*, но по фотоконии рукописи *F* видно, что он неверно интерпретирует ее текст. Божо снова следует за колляцией Майгоффа.

При этом, правда, есть три места, распределение чтений в которых трудно объяснить в рамках выстроенной мной модели:

1.37.54 *achatae* $B^{(a)}$: *achates* PL^2 : *acrates* F^a : *de agratis* $a^{(a)}$: *agrate* E : *astrate* F : *desunt* dL^1

1.37.55 *brontea* *edd.*: *brontena* F^a : *broniena* $B^{(a)}$ EFL^2 : *bromena* P : *om.* $a^{(a)}$, *desunt* dL^1

1.37.74 *cochlides* *edd.*: *coclidis* $B^{(a)}$: *coclitis* F^a PL^2 : *de coclitis* $a^{(a)}$: *coclydes* E : *coclides* F : *desunt* dL^1

Изящного объяснения во всех трех случаях придумать не получается: речь может идти, к примеру, о каких-то дополнительных линиях контаминации (можно придумать разные варианты) или о двойных чтениях в каких-то рукописях (напр., в каком-то предке P в первом случае, в антиграфе D в третьем случае, в антиграфе D и гипархетипе начальных оглавлений во втором случае), теоретически также об исправлении (в первом и, возможно, третьем случае — многократном) стоявшей в архетипе ошибки на основе сверки с текстом XXXVII книги или о независимом возникновении пусть и не самых тривиальных ошибок. Так или иначе, как кажется, этих примеров вряд ли достаточно, чтобы считать гипотезу опровергнутой.

5. $A^{(a)}M^{(a)}O^{(a)}$ *pal.Chat.* (a)

Если традиция отодвинутых оглавлений отделилась в точке на стемме, которая выше места отделения традиции рукописи B , то следует задаться вопросом, верно ли то же самое для других ранних рукописей, в которых сохранились отодвинутые оглавления, т.е. AMO *pal.Chat.*. Этот вопрос требует специального исследования с коляциями релевантных рукописей для оглавлений соответствующих книг, но пока можно предварительно указать на следующее.

1. Аппарат Майгоффа производит впечатление, что материала рукописи O недостаточно для выводов; при этом Детлефсен все-таки приводил один пример общей ошибки $B^{(a)}O^{(a)}$ (Detlefsen 1869: 713). Рив сверил ряд чтений O вне текста оглавлений и пришел к выводу, что верна идея позднего Детлефсена о большей близости O к традиции *ordo recentior* в его терминологии (Detlefsen 1873: V), указав, правда, при этом, что есть чтения, нуждающиеся в дополнительном объяснении

(Reeve 2021: 338). Из этих фактов скорее должно следовать, что $O^{(a)}$ относится к традиции, которую я назвал изначально отодвинутыми оглавлениями, но уверенным быть сложно; возможно, дальнейшее изучение вопроса позволит дать более уверенный ответ.

2. В случае рукописи M есть по крайней мере один пример, похоже, указывающий, что ее отодвинутые оглавления относятся к описываемой мной традиции:

1.15.ext. Prieneo *EFR*: Prien. $M^{(a)}F^a a^{(a)}$

Правда, прилагательное Prieneus многократно встречается в плиниевских списках авторов, в т. ч. применительно к тому же Диодору Приенскому, так что возможно, что к выделяемому этой ошибкой семейству должны относиться и еще какие-то рукописи, в которых чтение было исправлено.

3. Хороших примеров, подтверждающих аналогичный тезис для A , я в аппарате Майгоффа не вижу³⁵.

4. Для отодвинутого оглавления IX книги в *pal.Chat.* Рив (Reeve 2021: 342) отмечает две общие ошибки (перестановки) с начальными оглавлениями *CRP* против отодвинутых оглавлений $C^a R^a$, а также, судя по аппарату Майгоффа, против отодвинутых оглавлений $F^a a^{(a)}$. Этот факт создает впечатление, что в *pal.Chat.* отодвинутые оглавления созданы вторично на основе начальных оглавлений независимо от традиции изначально отодвинутых оглавлений (и позднее, чем отделилась она), однако, чтобы утверждать, что это так, нужно быть уверенным, что речь не идет, к примеру, о восстановлении на основе I книги отдельного пропущенного в антиграфе отодвинутого оглавления (как позднее, мы видели, по-видимому, произойдет с оглавлением III книги в рукописи a)³⁶ или о выправлении отодвинутых оглавлений на основе традиции начальных (наподобие того, что позднее мы, согласно моей реконструкции, видим в рукописи V)³⁷.

³⁵ Может показаться подходящей запись Майгоффа (я раскрываю его сокращения) 1.5.36 Rhodi Coi *Deltefsen*: rogi co. rhodi R: chodi coi rodi A: chodii (co- R^a) choi rhodi (ro- a) $F^a R^a a$: *similia reliqui*, однако произведенная мной сверка других рукописей показывает, что ситуация здесь какая-то более сложная: clodii coi rhodi *eh (non legitur E)*: cochii rodi *d*: chodii coi rhodii q^1 : coi rhodii q^c : lodi (?) coi rodi *P*.

³⁶ См. выше прим. 18.

³⁷ См. выше раздел 4.

Таким образом, хотя сам факт наличия во всех древнейших рукописях, от которых сохранились границы книг, отодвинутых оглавлений наводит на мысль, что они также должны принадлежать к тому, что я назвал традицией изначально отодвинутых оглавлений, вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

6. Рукопись *L*

Формулируя гипотезу, я предположил, что отодвинутые оглавления рукописи *L* созданы вторично на основе начальные оглавлений *d* (поэтому в предшествующем разделе я, чтобы не вносить путаницу, не использовал обозначение $L^{(a)}$). На том отрезке текста, который присутствует в начальных оглавлениях *d*, данные колляций укладываются в рамки этой модели. *L* часто разделяет специфические ошибки *d*, напр.:

1.7.9 hominum² exh. $DEE^a F^a PRR^a ad^1 q$: del. d^x : om. *L*

1.7.56 de manibus exh. $DEE^a F^a PRR^a ad^1 q$: del. d^x : om. *L*

1.7.auct. Melisso exh. $DEE^a F^a PRR^a aq$: om. dL^1 (add. L^2)

1.7.ext. Hellenico Pqd^x : Hellenico $DE^a F^a aeh$ (non legitur *E*, nescio quid in RR^a)³⁸: Hellenico $d^1 L$

ibid. Stratone $DE^a F^a PRR^a aqL^2$, *E*, ut uidetur (certe *eh*): Statone dL^1

1.37.29 lychnis *B*: lychnites *P*: de lychnite *a*: lycemi F^a : lythenis *E*: lythaenis *F*: lycenis *d*: licenis *L*

Начальное оглавление XXXVII книги обрывается в *d* после 1.37.44, и ровно в том же месте первая рука в *L* сменяется второй, которая до того вносила правку³⁹, по Риву, на основе рукописи, близкой к *P*. Отодвинутое оглавление XXXVII книги было добавлено в *d* вместе с самим текстом книги в XIV в., спустя два столетия после создания *L* (корректор L^2 работал

³⁸ В аппарате Майгоффа нет записи на эту лемму, в т.ч. по поводу чтения Hellenico в указанных рукописях, так что сложно сказать, имел ли он в виду, что в RR^a Hellenico или что (в каком-то из этих оглавлений?) Hellenico.

³⁹ Ср. Reeve 2021: 241: «Если новый писец [сменивший L^1 в этом месте] — это не корректор примерно того же времени L^2 , который вносил правку в текст первого писца на основе рукописи, близкой к *P*, то уж во всяком случае это должен был быть кто-то еще, использующий тот же самый экземпляр». На мой взгляд, почерк нового писца вполне похож на почерк L^2 ; так или иначе, в любом случае не будет некорректно приравнять его к L^2 и использовать для него то же самое обозначение, как делает и Рив.

примерно тогда же, когда L^1)⁴⁰, так что опции обратиться к нему у создателей рукописи не было; как показывает множество уже виденных нами мест, где дальнейший текст оглавления в L согласен с P , они обратились к той же рукописи, которую L^2 ранее использовал для правки, причем не к отодвинутому оглавлению (которое должно было стоять, если не было пропущено в этой рукописи, непосредственно перед использованным им же далее текстом XXXVII книги), а к начальному оглавлению XXXVII книги в этой рукописи. Это видно уже из сходств с P : хотя, судя по рукописи A , в традиции AP некогда были отодвинутые оглавления, в P оставлены только начальные; если бы L^2 использовал отодвинутые оглавления этой традиции, их текст, вероятно, должен был довольно сильно отличаться от начальных оглавлений P . Вопрос, правда, отчасти связан с интерпретацией данных рукописи A , о которой см. раздел 6: если отодвинутые оглавления в A в принципе не относятся к традиции, которую я обозначил как «изначально отодвинутые оглавления», и, допустим, вторично отделены от начальных оглавлений уже позднее, то можно представить, что и утраченные отодвинутые оглавления в A (и в источнике L^2) были особенно близки к сохранившимся начальным оглавлениям P . Так или иначе, 1.37.45–ext. в L^2 разделяет ошибки с начальными оглавлениями в целом и потому не является свидетельством о традиции изначально отодвинутых оглавлений (напр., из чтений, приведенных в разделе 4, сюда можно отнести 46 [s]angenon, 56 ch<a>loritis, 60 aedoeon] redo(e)on, hammitis] hym(m)itis, 63 [mor]morion, 64 nipparena] nympharena, 66 gaeanis] geanides)⁴¹.

Периодически L^2 оказывается ближе к авторскому тексту, чем P :

1.37.54 atizoe *Sillig*: atizon BL^2 : atison P : atizone E : atizonae F : ategoen F^a : *om. a*

1.37.56 cadmitis BF^aL^2 : cadinitis P : cathmitis EF : *om. a*

ibid. callaica EFF^aL^2 : callacia P : catlinca (?)⁴² B^1 : calinca B^x : *om. a*

⁴⁰ Reeve 2021: 63.

⁴¹ Этот аргумент не будет работать если, опять же, допустить, что верные чтения в B сплошь являются результатом сверки с текстом XXXVII книги.

⁴² Так восстанавливает первоначальный текст B Майгофф, но, на мой взгляд (я сужу по фотографии рукописи), возможно, скорее он выглядел как *carlinca*.

ibid. chrysolampsis L^2 : chrysolampis P : chysolampsis F^a : chrysolamsis
BEF: *om. a*

1.37.60 hormiscion F^a : hormisceon L^2 : hornusceon P : de hormiscione
a: hermiscion B : lyormysceon E : lyormisceon F

1.37.63 promnion BL^2 : prummon P : promon F^a : pronionis EF : *om. a*

1.37.68 thelyrrhizos *edd.*: thelyrizos L^2 : thelyrisos P : thelurhiza B :
 thelyriza F^a : *om. EFa*

1.37.70 zathene *Sillig*: zathenes L^2 : lathenes P : zathenae F^a : zathaene
B: *om. EFa*

1.37.73 chalazias L^x : calazias L^2 : chaliasias P : de calazia *a*: calassias F^a :
 calaxias EF : *om. B*

В принципе, это ожидаемо, учитывая, что L^2 не может зависеть от P по хронологическим причинам, но следует подчеркнуть, что, хотя L и не имеет доступа к традиции изначально отодвинутых оглавлений, достаточно важным свидетельством о другой традиции она является. Интересно разобраться, будет ли верен тезис о такой же независимости L^2 от общего источника P и ее недоступной мне «рукописи-близнеца» Firenze, BML, Edili 165⁴³; если нет, то полезность L^2 и Edili 165 для уточнения изначальных чтений традиции рукописи P будет равной (с поправкой на неполноту текста L^2), если да, то L^2 будет существенно более ценной рукописью для этой цели. Сам Рив оставляет этот вопрос открытым (Reeve 2021: 246). На основе доступных мне рукописей можно проверить тезис о независимости на материале глав, для которых опубликованы колляции фрагментов, относимых Ривом к общему источнику P и Edili 165. Сверка чтений L^2 с колляцией А. Клотца, опубликованной для фрагмента Dresden R 52^x (Klotz 1924–1925), ничего не дала; интереснее оказалась ситуация с главами NH 7.23–34, для которых Рив сверил текст отрывка Praha, Národní knihovna České republiky, XXIV A 115 с P и сообщил об обнаруженных отличиях (Reeve 2021: 65). Я сравнил на этом отрезке правку L^2 с текстом P и нашел одно место, что-то говорящее об отношениях рукописей. В главе 7.30 большинство рукописей дает чтения, близкие к (верному) варианту Taprobane (согласно аппарату Р. Шиллинга, Schilling 1977: 47, Taprobane R^2d : Taprobana *Eae*, *excerpta Roberti Crikeladensis*: Taprobani DFR^1); L^1 воспроизводит чтение d Taprobane, L^2 исправляет его на Taprotane; в P на соотв. месте стоит Tabrotane, и из молчания Рива по поводу этого чтения должно следовать, что оно стоит и

⁴³ См. прим. 13 выше.

во фрагменте Praha XXIV A 115. Это чтение выглядит как дальнейшее развитие ошибки L^2 ; значит, источник правки L^2 , видимо, действительно не может зависеть от общего источника P и Edili 165, т. е. более ценен для уточнения изначальных чтений традиции рукописи P , чем Edili 165⁴⁴.

Причем, если при издании XXXVII книги (текст которой также дополнен в L второй рукой на основе того же источника) значение этой традиции довольно ограниченное, т.к. рукописи L и P располагаются в глубинах стеммы (см. рис. 2), то в случае оглавления той же книги ситуация совсем иная (по сути дела, эта традиция равновесна всем остальным начальным оглавлениям в совокупности), в результате чего, как мы видим, иногда даже бывает, что верное чтение сохраняется только в L^2 . Традиция P также особенно важна в тексте первых 13 книг, но там она также представлена местами рукописью A и правкой вторых рук в рукописях E и F ; однако правка в рукописи E скорее всего происходит непосредственно из рукописи A и потому малоинформативна, а правка руки F^2 по крайней мере в обсуждаемом выше отрезке VII книги, для которого я сверил исправления L^2 , судя по аппарату Шиллинга, значительно менее систематична, чем в L . Вероятно, и при издании оглавлений, и при издании основного текста книг I–XIII правке руки L^2 следует уделять больше внимания, чем ей уделяется в существующих изданиях. Рив включает ее в число рукописей, которые следует учитывать издателю, но даже в его монографии она, как кажется, остается слишком отодвинута на второй план.

⁴⁴ Можно возразить, что корректор L^2 мог зафиксировать одно отличие текста L^1 от источника сверки (b/t), проигнорировав другое (p/b?); действительно, L^2 не выписывает слово целиком заново, а только исправляет в нем конкретное место. Если эта идея верна, то мой аргумент отпадет. Но два соображения убеждают меня, что предложенная мной интерпретация скорее все-таки верна. Во-первых, корректор L^2 правит текст очень подробно, по количеству записей он похож на хорошую колляцию; кажется, отсюда должно следовать, что он работал очень дотошно. Во-вторых, ситуация, когда чтения L^2 и P выглядят как соотв. более ранний и более поздний этапы развития ошибки, многократно встречалась нам в тексте 1.37.45–ext., где L^2 не правит уже существующий текст, а выписывает слова полностью (т.е. в этих отношениях можно быть уверенным); аналогичные отношения между L^2 и источником P выглядят логично и ожидаемо.

7. Семейства рукописей *c* и *Z*

В двух семействах рукописей, по Риву зависимых от *h*, но при этом дополненных на основе других рукописей, в т. ч. иногда ценными чтениями, обнаруживаются свои системы оглавлений. Будучи в конечном счете основанными на плиниевских оглавлениях, они существенно отличаются и от них, и друг от друга. Для целей настоящей статьи будет достаточно описать их устройство для XXXVII книги.

В *c* и начальное, и отодвинутое распределенное оглавление состоит из (одних и тех же) 14 нумерованных *capita*; начальное оглавление также дополнено взятыми из оглавления Плиния списками использованных авторов. Из других рукописей семейства я проверил Paris, BNF, Lat. 6802, s. xiii² и Paris, BNF, Lat. 6803, s. xiiii, а также отодвинутое распределенное оглавление в *d* (к данному семейству в *d* имеет отношение только оно), там в целом та же самая система, с небольшими модификациями: в Par. Lat. 6803 также 14 глав, в *d* и Par. Lat. 6802 более краткий вариант из 12 глав, но в общем с теми же заголовками. При этом я также посмотрел рукопись London, BL, Arundel 98, s. xii, в которой отсутствуют книги XIX–XXXVII, но есть начальные оглавления, и которую Рив также относит к семейству *c*, и система оглавлений в ней оказалось не совсем такой же: начальные оглавления в ней плиниевские, отодвинутые распределенные оглавления присутствуют, но не соответствуют плиниевским и, по-видимому, тождественны тем, что мы видим в *c* (я сверил начало второй книги: ср., напр., и там, и там отсутствующие в оглавлении Плиния заголовки De III elementis перед 2.10⁴⁵, De VII planetis перед 2.12); они не нумерованы. Очевидно, перед нами более ранняя стадия развития той же системы; действительно, Рив пишет об Arundel 98, что «по крайней мере до начала I книги ее текст более примитивный, чем у других членов семейства» (Reeve 2021: 130), а в стемме, предложенной для семейства Э. Лонати, эта рукопись находится на отдельной ветви, к которой не принадлежит ни одна из рассмотренных мной рукописей (и вообще в основном принадлежат эксцерпты: Lonati 2020: 196). В дальнейшем я буду опираться только на коляцию рукописи *c* как вероятно

---

⁴⁵ У Плиния есть относящийся к тому же месту заголовок De elementis (1.2.4).

наиболее близкой среди этого списка к изначальному тексту семейства в новом оглавлении XXXVII книги.

В *Z* устройство оглавлений аналогично их устройству в *c* (есть начальные и отодвинутые распределенные оглавления, начальные воспроизводят отодвинутые, но дополнены списками авторов из оглавлений Плиния), но оглавление сильно расширено, теперь в нем в случае XXXVII книги 54 главки (которые теперь называются *capitula*); в других проверенных мной рукописях семейства такая же система с тем же числом главок (Città del Vaticano, BAV, Arch. Cap. S. Pietro C 131, s. xiv; Paris, BNF, Lat. 6801, s. xiv²; Città del Vaticano, BAV, Vat. Lat. 1955, a. 1459) либо ее модификации (München, BSB, Clm 11301, a. 1459: то же самое, но без начальных оглавлений); исключение — рукопись Città del Vaticano, BAV, Vat. Lat. 1950, s. xv^m (по Риву, родственная упомянутой выше мюнхенской): там есть только отодвинутые распределенные оглавления с особым текстом (XXXVII книга в ней длится на 35 главок)⁴⁶. Далее я буду использовать только колляцию *Z*, предполагая, что она лучше всего отражает изначальную для семейства систему.

Из описанной выше ситуации с рукописью Arundel 98, а также из того факта, что оглавления обоих семейств содержат отсутствующие в оглавлениях Плиния пункты, очевидно, что изначально новая система составлялась в виде отодвинутых распределенных оглавлений (с использованием окружающего

---

⁴⁶ Правда, в некоторых недоступных мне поздних рукописях семейства, судя по описаниям Рива, есть отодвинутые не распределенные оглавления (Madrid, BNE, 10443, s. xv^m: Reeve 2021: 234 (в книгах XXIV и XXV оглавления помещены после соотв. книг); фрагмент Berkeley, UCLA Library, 130:ff1400:13, s. xv^m и, видимо, также Siena, Biblioteca Comunale degli Intronati, L III 7, a. 1440–1450, частью которого, полагает Рив, и являлся ранее фрагмент из Беркли: Reeve 2021, 234–235); вероятно, надо думать, что они были введены туда вторично. Интересно было бы разобраться в природе и происхождении таких оглавлений (и, соответственно, в том, могут ли они иметь какую-то ценность для восстановления текста); в случае фрагмента из Беркли из описания Рива видно, что речь об оригинальных плиниевских оглавлениях, а не о переделке, характерной для семейства рукописи *Z*; учитывая, что в первых шести книгах рукопись Siena L III 7, по Риву, зависит от *L*, можно допустить, что и система отодвинутых не распределенных оглавлений (возможно, вместе с самим их текстом) заимствована отсюда. Но для уверенных утверждений следует изучить сами рукописи.

текста), а уже потом начальные оглавления согласовывались с отодвинутыми. Система оглавлений семейства рукописи *Z* основывается на системе оглавлений семейства рукописи *c* (часть заголовков, отсутствующих в плиниевских оглавлениях или выглядящих там иначе, совпадает: напр., 1.37.5 quae prima Romae dactylithece *Plin.*: caput I. ... et quis primus dactilothecam Rome habuit *c*: capitulum V. quis primus dactilothecam Rome habuit *Z*; 1.37.12 gen. eius [*sc.* sucini] VII. med. ex his... *Plin.*: caput III. de ortu et med. et generibus et luxuria sucinorum *c*: capitulum VIII. de ortu et medicinis et generibus et luxuria (et luxuria *om.* *Z*^a) sucinorum *Z*; 1.37.71 caput XII. de gemmis quae a membris hominis cognominantur et quae ab animalibus et de his quae (que *c*^a) de ceteris rebus *c*: capitulum LII. de gemmis quae a membris hominis cognominantur et quae ab animalibus *Z*), но также расширена за счет самого текста XXXVII книги (нет никаких признаков, что при этом использовались плиниевские оглавления); следовательно, внутри семейства *Z* тот же самый процесс прошел еще раз: сперва были переделаны отодвинутые распределенные оглавления, затем начальные оглавления подстроены под них.

Какой текст плиниевских оглавлений положен в основу обеих систем, и использовался ли при переделке оглавлений или до него какой-то другой текст для улучшения основного? Ответ на первый вопрос, по-видимому, ожидаемый: это лежащая в основе текста семейства рукописи *c* рукопись *h*; это лучше видно в списках использованных авторов в начальных оглавлениях (ср. 1.37.ext. Aeschylō] Eucilo *E* (Eucylo *F*): Euciclo *h*: Eiciclo *c*: Erticlo *Z*; *ibid.* Callistrato] Callistoto *Eh*: Callistoto *cZ*; как и *EFh*, *cZ* пропускают список римских авторов вместе с заголовком списка чужеземных авторов), но, при всей ограниченности возможности сопоставления переделанной части оглавлений *cZ* с *h*, даже там видно, что ошибки начальных оглавлений зависимых от *D* рукописей в основном остаются в новых оглавлениях не исправленными (напр., 1.37.7 inueta (верное чтение) *BF*^{ax} *aPL*²: inuenta *EFF*^{al} *dL*¹ *hc*: *om.* *Z*; 1.37.21-22 de opalis] de opialis *EFdLh* (de opiolis *P*, de opiolo *a*): de opiali generibus *cZ*). Улучшения в оглавлениях *cZ* относительно *h* в основном касаются орфографии названий камней, которую легко было восстановить по окружающему тексту XXXVII книги (напр., 1.37.13 lyncurium *Sillig*: de lyncurio *a*: lincurium *F*^a (*om.* *B*): lyncurius *P*: lyncurium *dL*: lyngurium *EFh*: de... lincurio *c*:

de *lincurio Z* — в 37.52 *cZ* читают название этого камня именно как *lincurium*); интересное исключение я нахожу одно:

1.37.11 (et *add. PcZ*) quae mentiti sint (sunt PL^2cZ) auctores (actores F^a) de eo (sucino *cZ*) F^aPcZ , L^2 pro *u.l.*: quae de eo mendacia *B (om. a)*: qui inuenti sunt auctores (actores E^l , *corr. E^c*) de eo $EFdL^1h$

Вероятно, здесь перед нами след той же ценной правки в лежащей в основе новых оглавлений версии плиниевского оглавления, которая придает семействам рукописей *c* и *Z* определенную ценность в основном тексте Плиния. Судя по выводам Рива, эта правка вряд ли может происходить из семейства рукописи *P*, так что я бы считал сходства текста с PL^2 совпадениями, а источником правки скорее полагал отодвинутое оглавление в ныне утраченной части *V* (источнике F^a) либо в какой-то близкородственной к *V* рукописи — к семейству рукописи *V* явно восходит текст самой XXXVII книги в *c* и *Z*, так что доступ к этой традиции у них явно был. Таким образом, насколько можно реконструировать текст плиниевских оглавлений, стоящий за новыми оглавлениями семейства *c*, он зависел от начального оглавления *h*, но содержал небольшую правку на основе традиции отодвинутых оглавлений, родственной F^a (а в других частях текста, вероятно, $D^{(a)}/V^{(a)}$). Другими словами, оглавление XXXVII книги оставляет впечатление, что оглавления семейства *c* могут обладать определенной ценностью для восстановления текста, но не очень высокой, такой, что использование их вряд ли будет «окупаться» (особенно учитывая, насколько трудно извлекать из них чтения). Тем не менее я должен признать, что в одном месте VII книги, в которое я случайно заглянул, оглавление *c* оказывается единственным, в котором обнаруживается верное чтение, ранее печатавшееся как конъектура⁴⁷:

⁴⁷ По-видимому, обсуждаемое чтение не совпало с ранней конъектурой, а просто проникло в ранние издания из семейства рукописи *c* при посредовании семейства рукописи *Z* (в *Z* оно тоже фиксируется в отодвинутом распределенном оглавлении, в начальном на этом месте зависимая от чтения *elati* ошибка *exalati*): оно фиксируется уже в первых двух изданиях «Естественной истории», ed. Ven. 1469 и Bussi 1470, которые, хотя и дают близкие тексты, не зависят одно от другого (о сложной системе источников второго издания см. Reeve 2021: 240–241, о первом Reeve 2021: 264 со ссылками в прим. 55) и в I книге воспроизводят начальные оглавления семейства рукописи *Z*

1.7.53 elati *edd.*, *c*: clari *DEF^aLPRR^aadehq*: clare *E^ae^a*

Теоретически возможно, что перед нами средневековая конъектура, но для писца XI–XII вв. (именно тогда должен был быть создан гипархетип семейства) она выглядит, наверное, слишком сложной; проще предположить, что перед нами одно из тех, по-видимому, взятых из ценного источника непонятного происхождения чтений, которые и делают это семейство интересным (см. о них Reeve 2021: 120–122)⁴⁸. Вероятно, при издании оглавлений имеет смысл учитывать отдельные интересные чтения, которые можно извлечь из оглавлений семейства рукописи *c*.

Признаков, что источник семейства рукописи *Z* при переработке оглавлений использовал какой-то текстологически ценный источник, я не вижу (и это в целом понятно: довольно трудно было бы вносить правку на основании плиниевских оглавлений в настолько сильно отличающуюся содержательно и иначе расставленную новую систему); вероятно, рукописями этого семейства при издании оглавлений можно пренебречь.

Остается спросить, может ли быть что-то ценное в оглавлениях упомянутых выше аномально ведущих себя рукописей обоих семейств. Я сверил с *h* начальное (плиниевское) оглав-

---

(венедианское — насколько я могу судить, без существенных изменений, но без нумерации, римское издание Бусси — в модифицированном виде, с 55 главами в XXXVII книге, и тоже без нумерации; отодвинутых оглавлений в обоих изданиях нет). Аналогичным образом, чтения традиции *PL*², которые известны ранним изданиям, — это скорее всего не совпавшие с ними конъектуры, а чтения, почерпнутые ранними издателями из каких-то рукописей (вероятно, родственных *L* либо *Edili* 165).

⁴⁸ Тот факт, что такие чтения не видны по оглавлению XXXVII книги, вероятно, связан с тем, что в нем в семействе рукописи *c* как раз полностью упразднены те части, в которых могла быть правка с интересными чтениями: алфавитный список экзотических названий камней из 37.139–185 (он заменен в семействе *c* заголовком *de quibusdam gemmis per alphabeti ordinem*) и список использованных авторов в отодвинутом оглавлении (похоже, интересная правка вносилась именно в отодвинутые оглавления; в начальном оглавлении VII книги в Arundel 98, о котором см. ниже, в обсуждаемом месте стоит чтение *h clari*). Другое возможное объяснение заключается в том, что в XXXVII книге источник, из которого семейство черпало ценные чтения, уже обрывался.

ление XXXVII книги в рукописи Arundel 98 (для первых 44 пунктов оглавления); оно явно зависит от начального оглавления *h* (специфические общие ошибки: 1.37.30 Carchedonia] calcedonio; 1.37.34 III] II), и признаков какой бы то ни было правки в нем не видно. В списке использованных авторов оно ближе к *h*, чем *c* (Eicyclo, Callistoto); там, где я предположил в источнике семейства рукописи *c* правку относительно *h* в распределенных отодвинутых оглавлениях на основе текста XXXVII книги либо внешней традиции, в Arundel 98 текст *h* (подтверждающий, что правка не была внесена до того в начальное оглавление источника семейства): 1.37.13 Iugurium, 1.37.11 qui inuenti sunt auctores de eo. По-видимому, ценности для издателей текста начальные оглавления Arundel 98 не имеют (если все-таки повезет найти там следы правки по внешнему источнику, то скорее всего, судя по выводам Рива, им будут утраченные начальные оглавления *D*, которые и так в целом хорошо реконструируются по апографам, либо начальные оглавления рукописей *R* и *d*, которые сохранились). Отодвинутое распределенное оглавление рукописи Vat. Lat. 1950 — насколько я могу судить, новая система, созданная на основе системы оглавлений семейства рукописи *Z* (местами сохранились ее формулировки, напр. 1.37.29 de lapide lychnio Vat. Lat. 1950: de lapide lychno *Z*: om. *c*), но сильно расширенная на основе окружающего текста и одновременно сокращенная. Если это верная интерпретация, ценности для издателей I книги она также не имеет.

8. Выводы

По-видимому, на материале оглавлений VII и XXXVII книги предложенную гипотезу можно считать подтвержденной. Из нее следует, что изначально отодвинутые оглавления (т.е. все оглавления древнейших рукописей вверх по стемме от «бутылочных горл» *dh*, возможно, кроме не представленных в изученных книгах рукописей *AMO*, которые нуждаются в дальнейшем изучении) образуют отдельную традицию и при издании оглавлений следует конструировать для оглавления каждой книги (кроме II, для которой нет отодвинутых оглавлений) «дублированную» стемму, левая ветвь которой будет стеммой традиции начальных оглавлений (т.е. стеммой Рива для I–XIII книг, из которой убраны рукописи, не имеющие начального оглавления для данной книги), а правая — стеммой

традиции изначально отодвинутых оглавлений (т. е. стеммой Рива для той книги, к которой относится оглавление, из которой убраны рукописи, не имеющие отодвинутого оглавления для данной книги). Отодвинутые оглавления рукописей, расположенных на стемме ниже «бутылочных горл» *dh* (т.е. рукописи *L* и семейств рукописей *c* и *Z*), зависят от традиции начальных оглавлений и сохраняют места своих рукописей в левой части стеммы; при этом правка второй руки в отодвинутых оглавлениях рукописи *L* все равно будет ценна для издателей как свидетельство о традиции начальных оглавлений семейства рукописи *P*. В частности, для VII книги стемма будет выглядеть так, как показано на рис. 3.

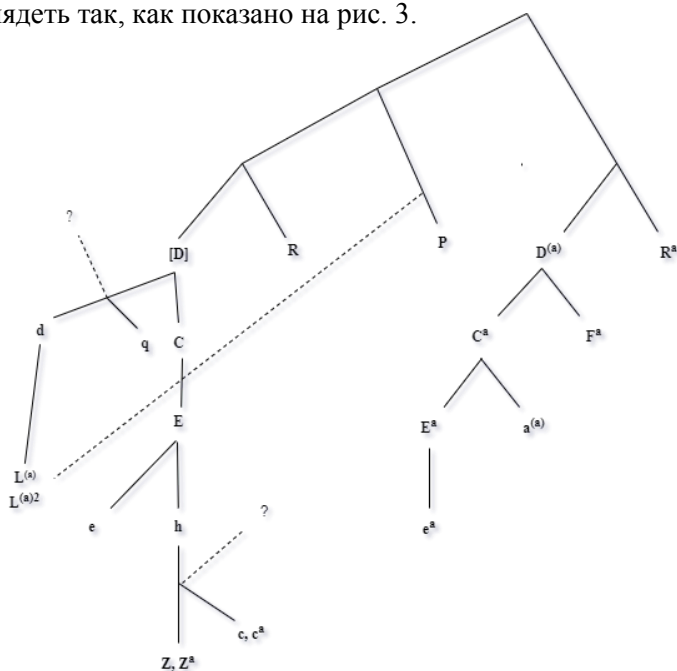

Рис. 3. Предлагаемая стемма для оглавления VII книги

Знаком *[D]* я обозначил ныне утраченное начальное оглавление VII книги в рукописи *D*; ситуация с семействами рукописей *c* и *Z* изображена упрощенно, для простоты также не отмечена контаминация двух оглавлений в *E*. Пунктирная линия обозначает контаминацию. Я специально акцентировал на этом и на сл. рис., что в общем источнике *dq* была правка на основании какого-то внешнего ценного источника, т. к. только так можно

объяснить, каким образом эти рукописи иногда в одиночку или почти в одиночку (и точно против начального оглавления *D*) дают верные чтения как в оглавлении VII, так и в оглавлении XXXVII книги (напр., 1.7.auct.⁴⁹ *Pediano Asconio q: Pediano Ascanio dERP*⁵⁰: *nescio quid in R^{a51}*; 1.37.38 cyano *BF^a*: *ciano d: grano EFP: om. a*). Издавать оглавление VII книги следует по рукописям *dqCRPDR^a*, также учитывая правку *L²* и чтения, которые можно извлечь из оглавления семейства рукописи *c*.

Для XXXVII книги стемма будет выглядеть так, как показано на рис. 4.

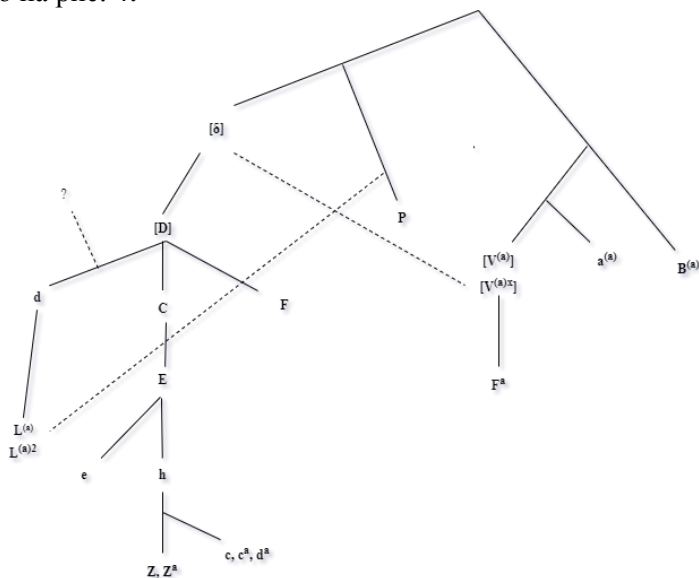

Рис. 4. Предлагаемая стемма для оглавления XXXVII книги

⁴⁹ Чтение *Asconio* вряд ли могло быть восстановлено писцом конъектурально, т. к. это единственный случай, когда в списках используемых Плинием авторов упоминается Асконий Педиан.

⁵⁰ Вероятно, следует считать, что после внесения правки в общем источнике *dq* получилось два чтения и создатели его апографов сделали разный выбор.

⁵¹ Майгофф не называет *R^a* в числе рукописей, дающих чтений *Ascanio*, но при этом не включает *R^a* в число рукописей, чтения которых в этом месте сообщаются систематически, и выделяет букву *o* в слове *Asconio* в тексте курсивом, что должно значить, что ему не известны рукописи, в которых стоит чтение *Asconio*.

Здесь я также упростил ситуацию с семействами рукописей *c* и *Z* и обозначил утраченные тексты квадратными скобками (в т.ч. дал имя [δ] антиграфу *D*); я не изобразил устроенные менее понятным образом линии контаминации, приносящие чтения традиции *P* в *a* и чтения отодвинутых оглавлений традиции *V* в семейство *c*. Издавать оглавление следует по рукописям $dCFPL^2F^a aB$.

Для оглавлений других книг (кроме II, стемма которой не будет «дублироваться») следует конструировать стеммы аналогичным способом; но следует проверить, не встретится ли в их случае гипотеза с какими-нибудь затруднениями.

Литература

- Avalle d'A. S. 1978: *Principi di critica testuale*. Padua.
- Bischoff, B. 1998–2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts (mit Ausnahme der wisigothischen)*. Wiesbaden.
- Boese, H. 1966: *Die lateinische Handschriften der Sammlung Hamilton zu Berlin*. Wiesbaden.
- Bussi, G. A. 1470: *<Plinii Historia naturalis>*. Rome.
- Desanges, J. 1966: Le manuscrit (Ch) et la classe des recentiores perturbés de l'Histoire Naturelle de Pline l'Ancien. *Latomus* 25, 508–525.
- Desanges, J. 1980: *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre V. 1e partie: 1–46: L'Afrique du Nord*. Paris.
- Desanges, J. 2008: *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre VI. 4e partie: L'Asie africaine sauf l'Égypte, les dimensions et les climats du monde habité*. Paris.
- Detlefsen, D. 1866: *C. Plini Secundi Naturalis historia. Vol. I*. Berlin.
- Detlefsen, D. 1869: Die indices der Naturalis Historia des Plinius. *Philologus* 28, 701–716.
- Detlefsen, D. 1873: *C. Plini Secundi Naturalis historia. Vol. V*. Berlin.
- ed. Ven. 1469: *<Plinii Historia naturalis>*. Venice.
- Ernout, A., Beaujeu, J. 1951: *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre I*. Paris.
- Ilyushechkina, E. V., Podosinov, A. V., Belousov, A. V. 2021: *Pliny Starshiy. Estestvennaya istoriya. T. I: Kn. I–II [Pliny the Elder. Natural History. Vol. I: Books 1–2]*. Moscow.
- Илюшечкина, Е. В., Подосинов, А. В., Белоусов, А. В. 2021: *Плиний Старший. Естественная история. Т. I: Кн. I–II. М.*
- Klotz, A. 1924–1925: Dresdener Reste einer Pliniushandschrift des 13. Jahrhunderts. *Philologus* 80, 213–219.

- Lonati, E. 2020: Une proposition de stemma pour la famille anglo-normande de la *Naturalis historia*. *Revue d'histoire des textes* 15, 169–197.
- Maas, P. 1950: *Textkritik*. Leipzig.
- Mayhoff, K. 1897: *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. V*. Leipzig.
- Mayhoff, K. 1906: *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. I*. Leipzig.
- Munk Olsen, B. 1985: *L'étude des auteurs classiques latins aux XIe et XIIe siècles. Tome II. Catalogue des manuscrits classiques latins copiés du XIe au XIIe siècle. Livius — Vitruvius — Florilèges — Essais de plumes*. Paris.
- Podosinov, A. V., Starostin, B. A., Krivolapov, G. L. (forthcoming): *Pliniy Starshiy. Estestvennaya istoriya. T. II: Kn. III–IV [Pliny the Elder. Natural History. Vol. II: Books 3–4]*. Moscow.
- Подосинов, А. В., Старостин, Б. А., Криволапов, Г. Л. (в печати): *Плиний Старший. Естественная история. Т. II: Кн. III–IV*. М.
- Reeve, M. D. 2007: The Editing of Pliny's *Natural History*. *Revue d'histoire des textes* 2, 107–179.
- Reeve, M. D. 2021: *The Transmission of Pliny's Natural History*. Rome.
- Reynolds, L. D. 1983: The Elder Pliny. In: Reynolds, L. D. (ed.) *Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics*. Oxford, 307–316.
- Schilling, R. 1977: *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre VII*. Paris.
- Sillig, J. 1851: *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. I*. Hamburg and Gotha.

Э. В. Янзина

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. lepusravus@hotmail.com

О. В. Корнеев

МГПУ, Москва, Россия. kov108@hotmail.com.

ΕΝ ΔΕ ΓΟΝΥ ΓΝΑΜΨΕΝ — ЧЬЕ КОЛЕНО СОГНУЛ ОДИССЕЙ В НОМ. *ИЛ.* XXIII. 731

Статья посвящена древнегреческой борьбе, одному из самых популярных в античном мире видов состязаний. Реалии и терминология борьбы получили особенно широкое отражение в древнегреческой литературе: в произведениях многих авторов, начиная с Гомера и кончая христианскими писателями, содержатся не только многочисленные эпитеты, метафоры и сравнения, заимствованные из борьбы как спорта, но и прямые подробные описания поединков в этой атлетической дисциплине. На основании изучения текста «Илиады» Гомера и последующей античной и новоевропейской традиции комментирования этой поэмы, а также ее переводов на новые языки, в статье предпринимается попытка предложить еще одну возможную интерпретацию 731 стиха XXIII песни «Илиады», в котором описывается борцовский прием, выполненный Одиссеем в поединке против Аякса. Для наглядности изложения в статье привлекаются данные и иллюстративный материал из современных спортивных единоборств.

Ключевые слова: античная атлетика, терминология, борьба, «Илиада» Гомера, *πάλη, ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν.*

E. V. Yanzina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. lepusravus@hotmail.com

O. V. Korneev

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. kov108@hotmail.com

Ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν — Whose knee has Odysseus bent (in Hom. *Il.* XXIII. 731)

Using an array of ancient and modern commentaries and translations, the authors suggest a new interpretation of one of the most enigmatic expressions — *ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν* (possibly a wrestling term) — in the 23rd book of Iliad (verse 731), by which the poet describes the wrestling technique performed by Odysseus against Aias in the wrestling-match at the funeral games held by Achilles in honour of Patroclus. The authors begin with an analysis of the wrestling moves that precede this manoeuvre (for example, the move called by Eustathius *ἰγνύων ἀφαίρεσις*). Then, after examining the text of the verse, the authors shift the emphasis to its interpretation both in antiquity and in modern times. In the following

section they give their own interpretation of ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν and, in order to provide a comparative view, they demonstrate a sequence of images depicting this wrestling manoeuvre performed by modern wrestlers, which can possibly throw light on the wrestling trick that allows Odysseus, if not to defeat his mighty opponent, at least not to lose.

Key words: ancient athletics, wrestling, wrestling terms, the Iliad by Homer, πάλη, ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν.

Данная статья является продолжением серии очерков, посвященных интерпретации малоизученных или не до конца понятых мест античной литературы, а также изображений на памятниках античного искусства, см., например, статью «Загадка античного кулачного боя: к вопросу об интерпретации некоторых памятников античной литературы и изобразительного искусства» (Yanzina, Korneev 2019: 1187–1204). В статье предпринимается попытка предложить возможную интерпретацию 731 стиха XXIII песни «Илиады» Гомера.

Как известно, большая часть XXIII песни «Илиады» посвящена описанию устроенных в честь Патрокла состязаний, которые включают в себя, в т. ч. и поединок в борьбе между Одиссеем и Аяксом (700–739).

Противники долго не могут одолеть друг друга, и поединок принимает затяжной характер, что очень не нравится зрителям. И тогда Аякс предлагает Одиссею поочередно выполнить по одному приему, успешное проведение которого позволит выявить победителя. Основным приемом борьбы, как в античности, так и в наши дни, является бросок — техническое действие, направленное на вынуждение противника к падению на землю.

Для выполнения броска необходимо сделать захват и приподнять противника или произвести какое-либо иное действие, выводящее противника из равновесия. Поэтому Аякс говорит Одиссею (724): ἢ μ' ἀνάειρ', ἢ ἐγὼ σέ· τὰ δ' αὖ Διὶ πάντα μελήσει «Или ты меня поднимай, или я тебя, а все остальное — дело/забота Зевса».

Первым начинает поднимать Аякс, но Одиссей успешно противодействует противнику (725–728): Ὡς εἰπὼν ἀνάειρε· δόλου δ' οὐ λήθεται Ὀδυσσεύς· κόψ' ὄλιθεν κόλῃη ταχών, ὑπέλυσε δὲ γυῖα, / κάδ δ' ἔβαλ' ἐξοπίσω· ἐπὶ δὲ στήθεσσιν Ὀδυσσεύς κάππεσε· «Сказав так, (Аякс) стал поднимать (Одиссея). Но Одиссей, не забыв хитрости (хитрого приема), ударил противника сзади в подколенную впадину и, подкосив ему ноги, опрокинул навзничь, а сам упал на грудь».

Столь подробное описание позволяет нам с достаточной степенью уверенности квалифицировать действие Одиссея как бросок подсечкой или подбивом, при котором борец подбивает ногу противника подошвенной частью стопы (Евстафий называет этот прием ἰγνύων ἀφαίρεσις, а в схолиях он именуется ἰγνύων ὑφαίρεσις; и первое, и второе выражение можно перевести на русский язык как «отнятие подколенков»).

И именно эта часть гомеровского описания поединка в борьбе (в отличие от той, о которой мы будем говорить далее) получает впоследствии широкий отклик у многих позднейших греческих писателей, подражавших Гомеру (например, у Квинта Смирнского и Нона Панополитанского): герои Квинта и Нонна, состязающиеся в борьбе, непременно выполняют этот или аналогичный этому прием.

Но когда приходит очередь действовать «первым номером» Одиссею, картина оказывается менее ясной.

Приведем описание этого эпизода полностью (II. XXIII, 729–732): δεῦτερος αὐτ' ἀνάειρε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς, / κίνησεν δ' ἄρα τυτθὸν ἀπὸ χθονός, οὐδ' ἔτ' ἄειρεν, / ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν· ἐπὶ δὲ χθονὶ κάπτεσον ἄμφω / πλεῖστοι ἀλλήλοισι, μίανθησαν δὲ κόνη «Затем (букв. вторым), в свою очередь, стал поднимать (Аякса) божественный Одиссей, многое претерпевший, но (только) немного сдвинув его с земли и еще не подняв, согнул колено. На землю упали оба, один рядом с другим, и испачкались пылью».

В этом эпизоде нас прежде всего интересует стих 731. Как видно, Гомер говорит, что Одиссей согнул колено, никак не уточняя, чье колено имеется в виду – колено Одиссея или колено Аякса.

Текст в данном стихе достаточно четкий, существенных различий нет (кроме κάμψεν вместо γνάμψεν, что по существу не меняет картины).

Единственное различие ἐν («одно», т.е. колено) вместо префикса ἐν в тмесисе, предложенное грамматиком Лептином, было отвергнуто еще в античности на основании того, что правильным здесь было бы употребить ἕτερον, а не ἐν. Как пишет знаменитый греческий грамматик Элий Геродиан в труде «О просодии “Илиады”» (3, 2, р. 123): <ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν:> Λεπτίνης δασύνει ὡς ἐπ' ἀριθμοῦ τὸ ἐν γόνυ ἔκαμψεν, ὡς ἐπὶ τοῦ «ἐν δέπας ἐμπλήσας» (Od. IX, 209). οἱ δὲ ἄλλοι πάντες πρόθεσιν ἐξεδέξαντο διὰ τὸ ἀεὶ ἕτερον λέγειν τὸν ποιητὴν ἐπὶ δύο, ἐν δὲ οὐδέποτε· «χωλὸς δ' ἕτερον πόδα» (II. II, 217), «τὸν δ' ἕτερον σκόπελον» (Od. XII, 101) «<согнул колено> Лептин произносит

с густым придыханием, как в числительном “одно колено согнул”, подобно выражению “один кубок наполнив” (*Od.* IX, 209). А все остальные понимают это слово как приставку, потому что поэт применительно к парным объектам всегда говорит “один из двух” (ἕτερον) и никогда не говорит “один” (ἓν): “хром на одну (из двух) ногу” (*Il.* II, 217), “одну (точнее здесь — другую) из двух скал” (*Od.* XII, 101)». Точно такое же правило действует и в классическом синтаксисе латинского языка (ср., например, выражение *claudus altero pede* – «хром на одну ногу»).

Двусмысленность гомеровского ἐν δὲ γόνυ ὑνάμψεν отразилась в переводах и комментариях к «Илиаде». Так, например, Николай Иванович Гнедич придерживается точки зрения, что Одиссей согнул здесь свое колено и причем сделал это невольно, не выдержав тяжести тела Аякса: «После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;/ Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял;/ **Ноги его подогнулись**, и на землю рухнулись оба;/ Пали один близ другого и прахом покрылись темным».

Обратим внимание, что Гнедич в своем переводе использует мн. ч. «ноги», что не в полной мере соответствует гомеровскому γόνυ, употребленному в ед. ч.

Похожий вариант интерпретации мы встречаем и в классическом английском переводе Самуэля Батлера, правда, у Батлера колено (knee) стоит в форме ед. ч., как и у Гомера: “Then Ulysses in turn lifted Ajax and stirred him a little from the ground but could not lift him right off it, **his knee sank under him** («его колено согнулось, осело под ним»), and the two fell side by side on the ground and were all begrimed with dust”.

Другая точка зрения, согласно которой Одиссей согнул колено противника, представлена в переводах Викентия Викентьевича Вересаева, Алексея Игоревича Любжина и Августа Мюррея. У В. В. Вересаева читаем: «После пытался Аякса поднять Одиссей многостойкий;/ Но лишь немного с земли его сдвинул, однако не поднял;/ **Дал Аяксу подножку**, и на землю рухнули оба/ Рядом один близ другого, и пылью тела осквернили».

А. И. Любжин переводит интересующие нас стихи следующим образом: «Вторым его поднять пытался Одиссей;/ **Под голень зацепил**, едва лишь с места сдвинув;/ И наземь рухнул сам, Аякса опрокинув./ Тяжелые тела испачкались в пыли».

А. Т. Мюррей предлагает такой вариант перевода: “Then in his turn the much-enduring goodly Odysseus essayed to lift, and

moved him a little from the ground, but lifted him not, howbeit **he crooked his knee within that of Aias** («он согнул, обвил или зацепил (буквально «закрючил» изнутри) своим коленом колено Аякса») (различие между обвивом и зацепом очень тонкое, и оно здесь не имеет принципиального значения — Э. Я., О. К.) and upon the ground the twain fell one hard by the other, and were befouled with dust”.

Такой же точки зрения придерживаются и многие авторы современных комментариев к «Илиаде» Гомера.

Так, например, в комментарии Дэвида Монро выражение ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν кратко поясняется: “bent in his (Ajax’) knee” — «согнул его (Аякса) колено».

Более развернутые объяснения мы встречаем у Уолтера Лифа и Николаса Ричардсона.

У. Лиф пишет: “The exact meaning of ἐν γόνυ γνάμψεν can only be guessed. It is evidently a technical term. Possibly finding the ‘great’ Aias too heavy to lift off the ground, Odysseus crooks his knee round his leg, and so succeeds in throwing him on his side” — «Относительно точного значения ἐν γόνυ γνάμψεν можно строить только догадки. Очевидно, что это технический термин. Одиссей, возможно, поняв, что оторвать огромного Аякса от земли слишком трудно, обвивает своим коленом его ногу и таким образом успешно бросает его на бок».

У Н. Ричардсона мы находим аналогичный вариант истолкования: “Odysseus clearly has difficulty in lifting Aias at all, but he manages to hook his knee round Aias’ leg, so that they fall sideways” «Очевидно, что Одиссею в принципе трудно поднять Аякса. Ему удастся обвить коленом ногу Аякса, в результате чего оба падают в сторону/ вбок».

В целом, необходимо отметить, что интерпретации новоевропейских ученых следуют античной и византийской традиции понимания этого места «Илиады», отображенной в схолиях к «Илиаде» и в комментарии к «Илиаде» Евстафия, в которых действие Одиссея расценивается как, хотя и вынужденное, но не случайное и нацеленное на выведение, в первую очередь, противника из равновесия; более того, оказывается, что для этого действия имеются в древнегреческом языке даже специальные терминологические обозначения.

Приведем отрывок из комментария Евстафия полностью: ἡ δὲ δευτέρα (πάλη) οὕτως. εἰς ὕψος μὲν ἄραι Ὀδυσσεὺς τὸν Αἴαντα οὐ δύναται διὰ τὸ βᾶρος. τάχα δὲ οὐδὲ βούλεται, ἵνα μὴ πάθῃ ὅπερ ἐποίησεν. ἄρας δὲ ὀλίγον καὶ ὅσον τῆς στάσεως παρασαλεῦσαι τῷ

δεξιῶ γόνατι περιτρίβει τὸ ἀριστερὸν σκέλος. καὶ πίπτουσι πλάγιοι, ἢ ἄκοντος Ὀδυσσέως τοῦτο παθόντος, ἢ ἐντάσει τοῦ βάρους συναποκυλίσαντος ἑαυτῶ τὸν Αἴαντα. τοῦτο δὲ τὸ σχῆμα τῆς πάλης οἱ μὲν μεταπλασμόν, οἱ δὲ παρακαταγωγὴν ὀνομάζουσι. καὶ ταῦτα μὲν οἱ παλαιοὶ «Второй этап в борцовском поединке проходил так. Одиссей не может поднять Аякса из-за тяжести последнего. Но, возможно, он даже не хочет это делать, чтобы не претерпеть того, что сам он сделал [здесь, вероятно, имеется в виду предыдущий этап поединка, когда Аякс поднял Одиссея для проведения броска, но при этом сам попался на контрприем со стороны Одиссея (подсечку) и упал]. И вот, подняв немного — настолько, чтобы сбить с позиции (букв. расшатать, подорвать стойку) — Одиссей обхватывает (букв. обтирает кругом) правым коленом левую ногу противника. Оба падают вбок, причем Одиссей это делает либо невольно, либо своим весом увлекает вместе с собой вниз Аякса. Этот прием борьбы одни называют метаплазмом (преобразованием, переделкой, а, возможно, даже переводом, что близко к современному термину “перевод в партер”), а другие — παρακαταγωγὴ (“сведение вниз в сторону”)).»

Далее следует отметить, что глагол γνάμπτω с префиксом ἐν — это абсолютный ἄλλαξ λεγόμενον, что несомненно еще больше затрудняет интерпретацию выражения ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν. Поэтому представляется нецелесообразным считать единственно правильной версию, согласно которой Одиссей сгибает колено Аякса, выполняя зацеп или обвив, и отвергать версию Гнедича и Батлера как несостоятельную. В нашей статье мы попытаемся показать, какое именно целесообразное техническое действие мог выполнить Одиссей, если принять версию о том, что он сгибает именно свое колено, а не колено противника, причем делает это осознанно.

Обратим внимание на то, что глагол ἐγγνάμπτω стоит у Гомера в форме активного залога, что может свидетельствовать об осознанном, целенаправленном, а не случайном, вынужденном характере действия Одиссея. Не будем также забывать о том, что традиция представляет нам Одиссея как образцового хитреца и мастера борьбы, считающейся в античности самым хитроумным из единоборств. Одиссей никогда не сдастся и старается из сложившейся ситуации «выжать максимум», а в данном случае, по крайней мере, не оказаться побежденным.

Для того чтобы свалить оппонента или, как говорят в современных единоборствах, выполнить его перевод в партер, вовсе

не обязательно «сгибать его колено», но при знании соответствующей техники, можно, соединив свое движение с фронтальным усилием противника, понизить свой центр тяжести и, используя собственный вес, оседая вниз, увлечь его за собой, даже если противник тяжелее и физически сильнее, иными словами, выполнить действие, которое в современных единоборствах называется «посадка», или «бросок подседом».

При этом не следует смешивать подсед, или посадку, с другим похожим по названию приемом — подсадом. При выполнении броска подседом борец не подсаживается и не дает усилие вверх, а подседает и направляет усилие вниз и в сторону. Иногда подобный прием характеризуют как разновидность передней подножки, но ключевым моментом в данном случае является не постановка / подставка ноги под ноги противника, т. е. подножка как таковая, а затягивание противника вниз за счет использования его собственной силы и инерции движения оседания вниз, что имеет определенное сходство с комментарием Евстафия.

Продемонстрировать данное техническое действие можно на примере серии иллюстраций (рис. 1–7), на которых этот прием представлен в исполнении современных спортсменов (за основу изображений, выполненных А. Д. Носовой, взят учебный видеоматериал спортивного Youtube канала Pride Team — https://www.youtube.com/watch?v=jwI3M_9u4rU). Мы прокомментируем динамику выполнения приема и выделим интересующий нас момент со сгибанием собственного колена атакующего борца.

Рис. 1

На рис. 1 борец А (в белой куртке) готовит вхождение в прием тем, что, выполнив соответствующий захват, дает фронт-

тальное усилие вперед и вверх с целью вызвать противодействие со стороны противника. Здесь уместно вспомнить гомеровское ἀνάειρε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς, / κίνησεν δ' ἄρα τυτθὸν ἀπὸ χθονός, οὐδ' ἔτ' ἄειρεν «стал поднимать (Аякса) божественный Одиссей, многое претерпевший, но (только) немного сдвинул его с земли и еще не поднял». Благодаря такому предварительному действию борец получает возможность использовать силу упирания противника против него самого и свалить его, лишь добавив к этой силе свое собственное движение.

Рис. 2

На рис. 2 борец А, «поймав» усилие борца Б, подает таз назад и начинает оседать, затагивая противника в нужном для себя направлении.

Рис. 3

На рис. 3 представлен ключевой момент приема. Борец А отшагивает левой ногой, **сгибая свое правое колено**, и осуществляет сваливание противника. Атакующий добавляет к своему действию вращательное движение — закручивается сам

и закручивает противника, тем самым вынуждая его к падению и при этом следуя за ним в партер, чтобы оказаться в позиции, позволяющей контролировать противника.

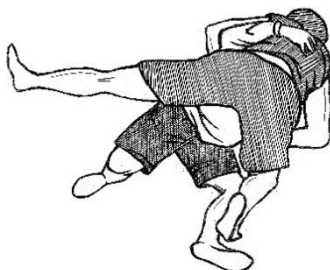

Рис. 4

На рис. 4 мы видим продолжение броска.

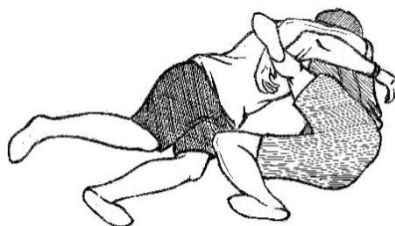

Рис. 5

На рис. 5 оба спортсмена оказываются на ковре. Это изображение, по-видимому, может соответствовать гомеровскому ἐπὶ δὲ χθονὶ κάπτεσον ἄμφω/ πλησίοι ἀλλήλοισι, μίανθησαν δὲ κονίη «на землю упали оба, один рядом с другим, и испачкались пылью».

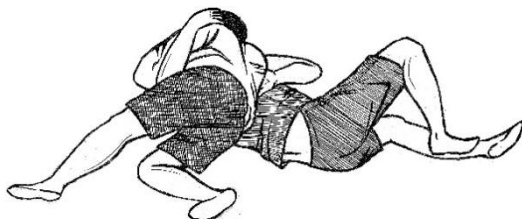

Рис. 6

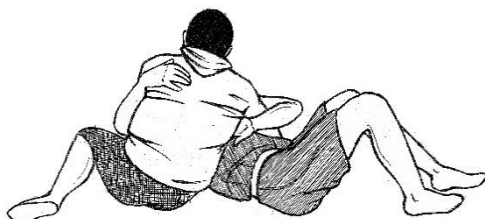

Рис. 7

На рис. 6 и 7 представлена завершающая фаза приема, в ходе которой борец А, используя инерцию движения, переходит в позицию контроля и удержания своего противника. Если бы в описываемом Гомером поединке Одиссеею удалось выполнить аналогичное действие, то подобное развитие событий означало бы поражение Аякса.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что наша статья поможет пролить свет на 731-й стих XXIII песни «Илиады». Загадка «колена Одиссея», судя по всему, не имеет однозначного решения. Оба предложенных варианта истолкования этого стиха следует признать допустимыми, так как, с одной стороны, они не противоречат оригинальному тексту, а с другой стороны, вполне оправданы с точки зрения техники и тактики борьбы.

Литература

- Eustathius. *Commentarii ad Homeri Iliadem*, ed. M. van der Valk, Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes, vol. 4. Leiden, 1987.
- Gomer. *Iliada* [Homer. Iliad]. Transl. by V. Veresaev. Moscow; Leningrad, 1949.
- Гомер. *Илиада*. Пер. с древнегреч. В. Вересаева. М.-Л.: ГИХЛ, 1949.
- Gomer. *Iliada* [Homer. Iliad]. Transl. by N. I. Gnedich. Spb., 2008.
- Гомер. *Илиада*. Пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. Изд. подгот. А. И. Зайцев. Отв. ред. Я. М. Боровский. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2008.
- Gomerova Iliada* [Homer's Ilias]. Transl. by E. I. Kostrov, A. I. Liubzhin. Moscow, 2019.

- Гомерова Илиада*. Пер. с греч. Е. И. Кострова и А. И. Любжина. Отв. ред. А. И. Солопов, науч. ред. Д. О. Торшилов, Э. В. Янзина. М.: Р. Валент, 2019.
- Herodianus (Aelius). *Περὶ Ἰλιακῆς προσηφίας*, ed. A. Lentz, *Grammatici Graeci*, vol. 3.2. Leipzig, 1870, Repr. 1965.
- Homer. *Iliad*, Books XIII–XXIV, with notes by D.B. Monro, 4th edn., Oxford, 1897.
- Homer. *The Iliad*, with an English translation by A.T. Murray, London, New York, 1928.
- Homerus. *Ilias*, ed. Th. W. Allen, *Homeri Ilias*, vol. 3. Oxford, 1931.
- The Iliad by Homer*, rendered into English prose for the use of those who cannot read the original by Samuel Butler. New York and Bombay, 1898.
- The Iliad*, edited with English notes and introduction by Walter Leaf, London, 1900.
- The Iliad, A Commentary*, gen. ed. G.S. Kirk, vol. VI: books 21–24, ed. by Nicholas Richardson. Cambridge, 1993.
- Scholia in Homeri Iliadem (scholia vetera), ed. H. Erbse, *Scholia Graeca in Homeri Iliadem (scholia vetera)*, vols. 1–5, 7. Berlin 1:1969, 2:1971, 3:1974, 4:1975, 5:1977, 7:1988.
- Yanzina, E. V., Korneev O. V. 2019: [An aenigma of ancient boxing. On the interpretation of some Greek and Latin sport terms]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [IndoEuropean linguistics and classical philology]* 23, 1187–1204.
- Янзина, Э. В., Корнеев О. В. 2019: Загадка античного кулачного боя: к вопросу об интерпретации некоторых памятников античной литературы и изобразительного искусства. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23(2), 1187–1204.
- Перевод в Партер. Бросок с Подседом [Электронный ресурс] / Pride Team. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=jwI3M_9u4rU, свободный, дата обращения 10.04.2023.

СПИСОК АВТОРОВ второго полутома

- Антонетц Екатерина Владимировна** — доктор филол. наук, доцент кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru
- Беликов Алексей Евгеньевич** — канд. филол. н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». belikov.smu@gmail.com
- Зайцев Дмитрий Владимирович** — канд. ист. н., ст. преп. кафедры всеобщей истории ШАГИ РАНХиГС, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Нац. исследовательского ун-та «Московский физико-технический институт», мл. науч. сотр. РГГУ. dmitriyzaits@yandex.ru
- Корнеев Олег Валентинович** — старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ. kov108@hotmail.com
- Лебедев Андрей Валентинович** — канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Сектора истории Западной философии Института философии РАН; Критский университет, профессор emeritus; anlebedev@gmail.com
- Ли Лин** — аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, МГУ им. М. В. Ломоносова. lily-lit@mail.ru
- Любжин Алексей Игоревич** — доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». vultur@mail.ru
- Лютикова Екатерина Анатольевна** — доктор филол. наук, доц. МГУ им. М. В. Ломоносова, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, МПГУ. lyutikova2008@gmail.com
- Межеричкая Светлана Игоревна** — канд. филол. наук, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. s.mezheritskaya@spbu.ru
- Миролюбов Иван Андреевич** — канд. истор. наук, сотрудник отдела экскурсий Московского объединенного музея-заповедника, член Научно-методического совета. peter-herzog@yandex.ru
- Михайлова Татьяна Андреевна** — доктор филол. наук, профессор, Ин-т языкознания РАН, Москва. tamih.msu@mail.ru, tamih@iling-ran.ru
- Напольских Владимир Владимирович** — д. и. н., член-корр. РАН; ведущий науч. сотрудник Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия); ведущий науч. сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия). vovia@udm.ru

- Наумова Елизавета Сергеевна** — доцент Департамента иностранных языков Московского физико-технического института (Национального исследовательского университета). naumova_e_s@mail.ru
- Николаев Александр Сергеевич** — канд. филол. наук, PhD, Мюнхенский ун-т им. Людвига-Максимилиана, Германия. alexander.s.nikolaev@gmail.com
- Пантелеев Алексей Дмитриевич** — канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; a.panteleev@spbu.ru
- Подосинов Александр Васильевич** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва; проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. e-mail: podossinov@mail.ru
- Понарядов Вадим Васильевич** — канд. филол. наук., ст. науч. сотр. ИЯЛИ Коми НЦ Уральского отделения РАН, Сыктывкар. vadim.ponaryadov@yandex.ru
- Попов Михаил Борисович** — доктор филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. m.popov@spbu.ru popov_mb@list.ru.
- Преснова Наталья Владимировна** — аспирантка 2-го года, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра классической филологии, ponvip@yandex.ru
- Приходько Елена Владимировна** — канд. филол. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. aristonica@list.ru
- Рождественская Татьяна Всеволодовна** — доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ (Москва), tat.rozhd@gmail.com
- Сафронов Александр Владимирович** — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва. safronov1477@yandex
- Селиванов Иван Сергеевич** — науч. сотр. лаборатории МАСКИ ФПМИ, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет); аспирант кафедры классических языков филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. selivanov.is@mipt.ru
- Сергеев Михаил Львович** — канд. филол. наук, СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург, Россия. librorumcustos@gmail.com
- Сидельцев Андрей Владимирович** — доктор филол. наук, Институт языкознания РАН, зам. директора, зав. сектором анатолийских и кельтских языков, внс, РГГУ, и.о. зав кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Москва. acidelcev@gmail.com.
- Скворцов Артем Михайлович** — СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия. artyom-skvorcov@yandex.ru
- Соболев Андрей Николаевич** — доктор филол. наук, проф., гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, sobolev@staff.uni-marburg.de

- Соловьёв Роман Сергеевич** — магистр филологии, магистр теологии, преподаватель кафедры филологии МДА, аспирант ПСТГУ. solorom@gmail.com
- Солопов Алексей Иванович** — доктор филол. наук, зав. кафедрой классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова; scatebr@mail.ru
- Солопова Анастасия Алексеевна** — аспирантка кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. solopowa.lamabe@yandex.ru
- Taulli Claudio Marcello** — Candidate of Science, Saint Petersburg University, Russia. ctaulli2007@hotmail.it
- Топорова Татьяна Владимировна** — доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. t1960@list.ru
- Троицкий Павел Александрович** — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, pavel.troitskiy325@gmail.com
- Трофимов Артем Александрович** — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики РАНХиГС, Москва, artemii.trofimov@gmail.com
- Фалилеев Александр Игоревич** — доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. a.falileyev@gmail.com
- Федотов Максим Леонидович** — мл.науч.сотр., Институт лингвистических исследований РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. tequila.lime@gmail.com
- Филимонов Евгений Геннадьевич** — канд. филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
- Фионин Максим Владимирович** — ИВР РАН, м. н. с., магистр лингвистики. maxfionin@mail.ru
- Франгулян Лилия Рубеновна** — канд. филол. наук, Институт востоковедения РАН, Московский государственный лингвистический ун-т. 8liya8@gmail.com
- Хорькова Ирина Валентиновна** — канд. ист. наук, ст. преп. кафедры международного права Российского государственного университета правосудия. stauross@yandex.ru
- Черняк Александр Борисович** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, abchernyak@mail.ru
- Шаршукова Ольга Валерьевна** — аспирантка кафедры классической филологии ИВКА РГГУ, Москва. sharshukovaov@yandex.ru
- Шумилин Михаил Владимирович** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ; с.н.с. ИМЛИ РАН, доцент НИУ ВШЭ, Москва. mvshumilin@mail.ru
- Янзина Эвелина Вячеславовна** — канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова. lepusravus@hotmail.com

Научное издание

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2023 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. — 637 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 27 (2), 2023).

Indo-European linguistics and classical philology XXVI (2) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. — 637 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 27 (2), 2023).

Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60970, Выдано Роскомнадзором 05 марта 2015 г.
ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp230690152702

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 15 июня 2023. Формат 60x88 1/16

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 40 Тираж 500 экз. Заказ № ____.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Тел. (812) 328-16-12

e-mail: iliran@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com